

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Цзин Мяо. Основные подходы к изучению социокультурной реальности 5

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Карпухин О.И., Комиссаров С.Н. Язык в структуре воспроизводства культуры 11

Попова А.А., Гаврилова Ю.В., Акимова И.А. Цифровая культурология: тенденции методологической трансформации 19

Рассадина Т.А. Профессиональные и образовательные намерения старшеклассников: ценностный аспект (на примере Ульяновской области) 24

Фурдей С.Г., Давыденко Д.В. Информационная солидарность в качестве основы социальных технологий современного общества 29

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Конфликт идентичностей: зарубежные исследовательские концепции 34

Добренков В.И., Афонин Ю.А. Инновационное развитие: лучший мировой опыт коммерциализации интеллектуальной собственности 41

Евенко С.Л., Гореликов Е.С. Социальная типология гражданской экспертизы в управлении вооруженных сил Российской Федерации 44

Мамалимов Р.Р. Социальные конфликты и социальная безопасность в Российской полиции: по материалам социологического исследования 50

Пантелеев В.Г. Воздействие образа мигрантов в региональных СМИ на возможности их интеграции в принимающее общество: на примере Ростовской области 54

Прончев Г.Б., Сушко В.А. Особенности защиты критически важной инфраструктуры Российской Федерации 60

Раджабов О.Р., Лобачева З.Н. Проблема гуманитаризации технических и аграрных вузов в России 64

Волостнова Т.И., Сеничева В.Н. Формирование института благотворительности как инструмента развития гражданского общества 67

Сехляян С.А. Воздействие глобализации в геополитическом аспекте на социальные процессы 71

Федорова В.К. Социальная эксклюзия семей, имеющих детей с инвалидностью: на примере Республики Саха (Якутия) 74

Учредитель: ООО «Издательство «КноРус»

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-83076

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26.04.2022 г.

ISSN 0869-8120

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Сайт: <http://socgum-journal.ru>

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Ответственный секретарь:

Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАН-ХиГС при Президенте РФ (Москва); **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва); **Васильев Вячеслав Александрович** – доктор философских наук, профессор кафедры философских наук Московского государственного лингвистического университета (Москва); **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону); **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва); **Кара-Мурза Сергей Георгиевич** – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва); **Карпухин Олег Иванович** – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ; **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург); **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Кривоусов Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Стромынка Принт», Москва, ул. Стромынка, д. 18

Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.11.2022 Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

<i>Артемьев А.А.</i> Русская православная церковь как институт формирования духовной культуры военнослужащих Российской армии	78
<i>Бычков П.И.</i> Дисциплинарные воинские части Вооруженных сил: история создания и перспективы существования	82
<i>Гусев А.А.</i> Философия управления как инструмент формирования теории менеджмента	87
<i>Наумова Т.В., Переслегин А.Г.</i> Риски социальной стратификации в условиях цифровизации общества	93
<i>Николаева Е.М., Николаев М.С.</i> Системность как атрибут критического мышления: проблема формирования фонового знания	99
<i>Равочкин Н.Н., Сергеева И.А., Стенина Н.А.</i> Философский анализ новых вводных в анатомию современного общества	102
<i>Рахимова М.В.</i> О маскировке как атрибутивном элементе театральности природы человека	106
<i>Тугова С.В.</i> Стимулы социального управления в обществе постмодерна: социально-философский анализ.....	112
<i>Устюжанинова Е.В., Чумаченко А.П.</i> Анализ сущности Политического Человека и свойственных ему типов аномичных приспособлений	117
<i>Фомин М.С.</i> Человечность: концептуализация понятия через философское и педагогическое осмысление происходящего.....	122

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

<i>Галухин А.В.</i> О совместимости деонтологизма с умеренным экстернализмом в теории эпистемического обоснования: решение М. Бергмана.....	127
<i>Гончарова Н.В., Фенухин В.И.</i> Философия и педагогика – логика диалектического единства	134
<i>Лапатын В.В., Старых Е.И., Жуков А.И.</i> Проблемы взаимопонимания между людьми – мысленный эксперимент «Жуки в коробке»	137
<i>Некрасов Д.В.</i> Соотношение политики и морали в контексте войны в работах античных философов	140
<i>Раджабов Р.О.</i> Роль методологии в уголовно-процессуальных исследованиях	143
<i>Семенов В.А.</i> Замысел божий о человеке и свободе воли: атомный аспект	146

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

<i>Бучнев Е.В.</i> Цифровизация молодежной политики в России как фактор развития национальной стратегии кибербезопасности	152
<i>Назаренко А.В.</i> Многополярность как глубинная суть сети отношений: от «архефутуризма» к «киберготике»	156
<i>Хачатрян В.А.</i> Применение дискурс-анализа при исследовании образа государства в СМИ	164

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Гавров С.Н., Карташова Д.А.</i> Национальный информационный суверенитет сохраняет Россию в истории ...	169
<i>Ильинова Н.А., Киреева И.В., Куква Е.С., Шадже А.Ю.</i> Региональная политика идентичности: оценки и переосмысление в условиях новой реальности	173
<i>Кафтан В.В., Молодцов И.Н.</i> К вопросу о терминологии устойчивости современных государств.....	177
<i>Люблинский В.В.</i> Трансформация миропорядка, проблемы социально-политического развития стран Запада и России.....	180
<i>Мамараев Р.М.</i> Исследование вовлеченности молодежи в политические процессы Дагестана: на примере выборов Главы Республики	185

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Беляева Е.А., Валеева М.В.</i> Актуальная ситуация и перспективы взаимодействия вузов г. Екатеринбурга и стран ШОС (на примере КНР)	188
<i>Капитонов А.А.</i> Парижское соглашение как ключевой механизм противодействия изменению климата и адаптации к его последствиям.....	192
<i>Салманов Ф.В.</i> Лидерский потенциал Турции в рамках реализации стратегии неоосманизма.....	197

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Вышегуров Х.М.</i> Интегральный социальный тип и оптимизация социально-коммуникативных процессов в правоохранительной организации.....	200
<i>Куницына Н.В., Алексанян Ж.С., Сунь Идань.</i> Культурологический дискурс сетевой платформы YouTube	205
<i>Гуськова Т.А.</i> Профессиональный Я-образ руководителей-мужчин и руководителей-женщин.....	211

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, BASIC CONCEPTS, MODERN APPROACHES

Miao Jing. The main approaches to the study of sociocultural reality 5

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Karpukhin O.I., Komissarov S.N. Language in the structure of culture reproduction 11

Popova A.A., Gavrilova Y.V., Akimova I.A. Digital Cultural Studies: Methodological Transformation Trends 19

Rassadina T.A. Professional and educational intentions of high school students: value aspect (using the example of the Ulyanovsk region) 24

Furdey S.G., Davydenko D.V. Information solidarity as the basis of social technologies of modern society 29

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Volkov Yu.G., Kurbatov V.I. Identity Conflict: Foreign Research concepts 34

Dobrenkov V.I., Afonin Y.A. Innovative development: the best world experience of intellectual property commercialization 41

Evenko S.L., Gorelikov E.S. Social typology of civil expertise in the department of the armed forces of the Russian Federation 44

Mamalimov R.R. Social Conflicts and Social Security in the Russian Police: Based on Sociological Research Materials 50

Pantelev V.G. The impact of the image of migrants in the regional media on the possibilities of their integration into the host society: on the example of the Rostov region 54

Pronchev G.B., Sushko V.A. Features of protecting the critical infrastructure of the Russian Federation 60

Radjabov O.R., Lobacheva Z.N. The problem of humanization of technical and agricultural universities in Russia 64

Volostnova T.I., Senicheva V.N. Formation of the institution of charity as a tool for the development of civil society 67

Sekhlean S.A. The impact of globalization in the geopolitical aspect on social processes 71

Fedorova V.K. Social exclusion of families with children with disabilities: on the example of the Republic of Sakha (Yakutia) 74

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY

Artemyev A.A. The Russian Orthodox Church as an institution for the formation of the Spiritual Culture of Russian Army servicemen 78

Bychkov P.I. Disciplinary military units of the Armed Forces: the history of creation and prospects of existence 82

Gusev A.A. Management philosophy as a tool of management theory formation 87

Naumova T.V., Pereslegin A.G. Risks of social stratification in conditions of digitalization of society 93

Nikolaeva E.M., Nikolaev M.S. Systemacy as an attribute of critical thinking: the problem of formation of background knowledge 99

Ravochkin N.N., Sergeeva I.A., Stenina N.A. Philosophical analysis of new inputs in modern society anatomy 102

Rakhimova M.V. About disguise as an attribute element of the theatrical nature of a human being 106

Founder: LLC Publishing House «KnoRus»

Mass media registration certificate PI No. FS 77-83076 Issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media on April 26, 2022.

ISSN 0869-8120

Editorial address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: shk_journal@mail.ru

Website: <http://socgum-journal.ru>

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL TEAM:

Chief Editor:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section), member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Secretary of the editorial staff:

Mironova Elena Vitalievna

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow); **Balbeko Anatoliy Mikhailovich** – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow); **Vasiliev Vyacheslav Alexandrovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Department of Philosophical Sciences Moscow State University of the Linguistic University (Moscow); **Vladimirova Tatyana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Educ.), prorektor of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yury Grigorievich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don); **Ivanov Vilen Nikolaevich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow); **Kapicyn Vladimir Mikhailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci. (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow); **Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg); **Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich** – Dr. Sci. (Soc), Prof. of the State university governance (Moscow); **Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow); **Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow); **Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentyna Vasilievna** – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tihonovich** – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPa, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd); **Haziev Valeriy Semenovich** – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); «Socio-Political Journal» (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of Stromynka Print LLC, Moscow, st. Stromynka, 18
Circulation 300 copies. A4 format. Signed in print: 30.11.2022. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

<i>Tutova S.V.</i> Incentives for social management in postmodern society: socio-philosophical analysis.....	112
<i>Ustyuzhaninova E.V., Chumachenko A.P.</i> Analysis of the essence of a Political Person and the types of abnormal adaptations peculiar to him.....	117
<i>Fomin M.S.</i> Humanity: conceptualisation of the term by means of philosophical & pedagogical analysis of the current events	122

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

<i>Galukhin A.V.</i> On the compatibility of deontologism with moderate externalism in a theory of epistemic justification: M. Bergmann's solution.....	127
<i>Goncharova N.V., Fenuhin V.I.</i> Philosophy and pedagogy – the logic of dialectical unity	134
<i>Lapatin V.V., Starykh E.I., Zhukov A.I.</i> Problems of mutual understanding between people – a thought experiment «Bugs in a box»	137
<i>Nekrasov D.V.</i> The correlation of politics and morality in the context of war in the works of ancient philosophers	140
<i>Radzhabov R.O.</i> The role of methodology in criminal procedure research.....	143
<i>Semenov V.A.</i> God's plan for man and free will: atom aspect	146

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

<i>Buchnev E.V.</i> Digitalization of Youth policy in Russia as a factor in the development of national cybersecurity strategy.....	152
<i>Nazarenko A.V.</i> Multipolarity as a deep essence of a network of relationships: from “Archefuturism” to “Cybergothic”	156
<i>Khachatryan V.A.</i> Application of Discourse Analysis in Studies of State Image in the Media	164

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

<i>Gavrov S.N., Kartashova D.A.</i> National information sovereignty preserves Russia in history	169
<i>Ilyinova N.A., Kireeva I.V., Kukva E.S., Shadzhe A.Y.</i> Regional identity politics: assessments and rethinking in the new reality	173
<i>Kaftan V.V., Molodtsov I.N.</i> On the question of the terminology is stability of the modern States	177
<i>Lyublinsky V.V.</i> Transformation of the world order, problems of socio-political development of Western countries and Russia....	180
<i>Mamaraev R.M.</i> Study of youth involvement in the political processes of Dagestan: on the example of the election of the Head of the Republic.....	185

INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Belyaeva E.A., Valeeva M.V.</i> Current situation and prospects of interaction between Universities of Yekaterinburg and SCO Countries (by example of China).....	188
<i>Kapitonov A.A.</i> The Paris agreement as a key mechanism for countering climate change and adapting to its consequences.....	192
<i>Salmanov F.V.</i> Turkey's Leadership Potential as a Part of Neo-Ottomanism Strategy Implementation.....	197

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

<i>Vyshegurov K.M.</i> Integral social type and optimization of social and communicative processes in a law enforcement organization	200
<i>Kunitsyna N.V., Aleksanyan Z.S., Sun Yidan.</i> Cultural discourse of the YouTube network platform	205
<i>Guskova T.A.</i> Professional self-perception of men and women leaders	211

Основные подходы к изучению социокультурной реальности

Цзин Мяо,

аспирант кафедры современной социологии МГУ
имени М.В. Ломоносова
E-mail: 782074147@qq.com

В статье автор доказывает актуальность изучения подходов к исследованию социокультурной реальности, сложившихся исторически и продолжающих существовать в настоящее время. Дав определение таким понятиям, как «социокультурный» и «социокультурная реальность», что позволило ограничить поле исследования, автор проанализировал и обобщил потенциальные возможности применения к изучению социокультурной реальности философско-антропологического, этнопедагогического, системно-интегративного подходов, выделив при этом достоинства и недостатки их использования.

Ключевые слова: социокультурная реальность, социокультурный феномен, социокультурный подход, социокультурный анализ, философско-антропологический подход, этнопедагогический подход, системно-интегративный подход, глобализация, интеграция, народ, нация, этнос, этническая общность, традиция.

Значимость настоящей темы исследования определяется той ситуацией, которая сложилась к настоящему моменту в научном мире. Она обусловлена, в первую очередь, неоднозначностью употребления самого понятия «социокультурная реальность», а также смежных с ним понятий, к числу которых относятся такие, как, например, «социокультурный анализ», «социокультурный подход», «социокультурный феномен», не имеющие четких дефиниций и часто трактуемые в зависимости от контекста. Кроме того, зачастую анализируя специфику социокультурной реальности, а также подходы различных ученых к определению изучаемого понятия, исследователи не предоставляют каких-либо весомых аргументов в пользу истинности своей точки зрения, правильности раскрытия сути социокультурной реальности. Данная проблема обозначилась еще свыше десяти лет назад [11], однако, вплоть до настоящего времени ситуация мало изменилась.

С другой стороны, на сегодняшний день отмечается рост исследовательского интереса к проблеме трактовки социокультурной реальности, а также к выбору наиболее адекватных подходов к ее изучению. Это в свою очередь, определяется выходом в свет трудов, в которых приводится классификация подходов к изучению социокультурной реальности (И. Сигбатуллин), а также присутствует ретроспективный взгляд на их возникновение и последующее оформление, закрепление в научном мире (Ю. Беляева, Г. Ельникова) [8, с. 159]. При этом исследования по данным направлениям являются скорее исключением, нежели правилом, и, как следствие, проблема подходов к изучению социокультурной реальности продолжает сохранять свою актуальность.

Прежде чем перейти к анализу темы исследования, необходимо определить, какая реальность может быть дефиницирована в качестве социокультурной.

В рамках изучения термина «социокультурный» представляется возможным выделить несколько наиболее широко известных и научно доказанных, состоявшихся трактовок. Согласно первой из них, нашедшей отражение в трудах П.А. Сорокина и Т. Парсонса, дефиниция понятия «социокультурный» должна выработываться, исходя из решения вопроса о взаимодействии между собой терминов «культурный» и «социальный». В то же время, в работах П.А. Сорокина ни одно из исследуемых понятий не является доминирующим [6, с. 16], а Т. Парсонс, напротив, настаивает на четком отделении их друг от друга [8, с. 159].

В свою очередь, подход П.А. Сорокина к определению понятия «социокультурный» базируется на том, что многие явления и процессы современного мира недостаточно определить исключительно как культурные, либо социальные, так как разграничение указанных свойств будет не в полной мере отражать их суть. В свою очередь, дефиницирование того или иного явления, процесса, события в качестве социокультурного позволит всесторонне охарактеризовать его. Примеры социокультурных категорий де-факто можно найти в любой сфере

жизнедеятельности современного общества. В частности, в финансовой сфере это капиталы, в религиозной – церковь, в культурной – театр и т.д.

Необходимо отметить, что П.А. Сорокин являлся далеко не единственным приверженцем подобного подхода к определению сущности «социокультурного». Аналогичным был взгляд на проблему таких ученых, как Н. Черныш, О. Ровенчак, Е. Ефимова и т.д. В данном случае, социокультурное понималось авторами как единение «...мирового сообщества, обществ, общностей, человека, культуры, окружающей среды» [13, с. 101]. С точки зрения Е. Ефимова, именно человеку отведена первостепенная роль в объединении культурного и социального, так как лишь на основе его непрерывной деятельности осуществляются преобразования окружающего мира [3].

П.А. Сорокин, анализируя сущность «социокультурного», пришел к выводу, что все его феномены находятся в тесной связи между собой, вне которой существование их является невозможным. При этом речь идет как о причинных, так и о логико-смысловых связях между социокультурными феноменами, в силу наличия которых ученый делает вывод относительно их одновременной осмысленности и причинности [6, с. 16]. В соответствии со второй трактовкой понятия «социокультурный», присутствующей в трудах таких исследователей, как Н. Лапин, А. Ахиезер, социальное имеет отличие от культурного. В рамках данного подхода они, являясь различными, соприкасаются и проникают друг в друга, существуя таким образом [1, с. 62]. В свою очередь, взаимопроникновение социального и культурного понимается учеными, являющимися сторонниками данного подхода, в качестве одного из условий прогресса общественной жизни. В то же время, А. Ахиезер утверждает, что возможности культурного сравнительно больше, нежели социального, в случае выхода за существующие рамки общественных явлений и процессов. Наконец, термин «социокультурный» понимается учеными в качестве метода преодоления учений о взаимосвязи и взаимоопределенности всех явлений и процессов, о всеобщей причинной обусловленности, что нашло отражение в различных научных областях, например, в экономической (К. Маркс), культурологической (М. Вебер) и т.д. Подобный взгляд на природу «социокультурного» присутствует, в частности, в трудах С.Э. Крапивенского [5].

Иными словами, существующие трактовки понятия «социокультурный» весьма разнообразны, им свойственно как некое обобщенное восприятие учеными культурной и социальной составляющих термина, так и их предельное разграничение при понимании взаимопроникновения в процессе интеграции социальной и культурной сторон общественной жизни на примере отдельных явлений и процессов.

Следует отметить, что разнообразие подходов к определению данного понятия свидетельствует о вариативности направлений его изучения, в рамках которых исследователь может выбрать для себя ту или иную грань «социокультурного».

Анализ исследовательских подходов определяет возможность выведения авторского определения «социокультурного». Под ним следует понимать качество, соотносимое с конкретным событием, явлением или процессом общественной жизни, на примере которого реализуется единство общества в культуре и социальных отношениях. В свою очередь, отдельную исследовательскую задачу представляет собой соотнесение понятия «социокультурного» с окружающей реальностью.

В наиболее общем виде под социокультурной реальностью исследователи понимают те способы и фор-

мы жизни людей, которые формируются в ходе творческой деятельности индивидов и выступают выражением исторического развития. От специфики социокультурной реальности во многом зависят те формы и способы организации социальных отношений и практик, которые заимствуются представителями одних обществ у других. Социокультурная реальность, таким образом, есть не изначальное, генерируемое природой, условие существования человеческих обществ, но создаваемое искусственно самими людьми. В этой связи, часто под данным термином понимается далеко не вся жизнедеятельность людей, а лишь какая-либо ее сфера, в которой в большей степени реализуется творческая сторона человеческой личности, трансформируя и преобразуя окружающий мир. Вместе с тем, социокультурная реальность есть и особое внутреннее состояние людей, влияющее на их образ жизни, деятельность, способное изменять положение целых социальных групп. В центре ее находятся определенные типы связей и отношений в обществе, а также идеология, традиции и обычаи, ментальность конкретного народа.

Сущность социально-культурной реальности обусловлена, прежде всего, спецификой конкретно-исторической действительности, а именно, такими ее составляющими, как, например, уровень прав и свобод личности, представления о чести и достоинстве, социальной справедливости, морали и т.д. Философское осмысление указанных компонентов социальной реальности позволяет изучать их как часть культуры конкретной исторической эпохи. При этом, несмотря на то, что каждая эпоха имеет свойственные ей черты и особенности, предшествующие века неизменно оставляют след на социокультурной реальности современности. Каждая культура, более или менее отдаленная от сегодняшнего дня в исторической ретроспективе, например, культура античности, средних веков, эпохи Возрождения, соотносится с определенными типами исторического бытия, этапами развития человеческой цивилизации. Достижения каждой эпохи отнюдь не забываются: они продолжают жить преимущественно в социокультурных формах: поэзии, театре, музыке, мемуарах, воспоминаниях и т.д. С одной стороны, это позволяет человечеству не утратить представления об определенной эпохе, прежде всего, своеобразии творческих проявлений ее современников, с другой – органически вплетать ее в ткань сегодняшнего дня. Таким образом, предшествующие эпохи в определенной степени продолжают и сегодня, проявляя себя, прежде всего, в творческих импульсах людей прошлого, продолжающих жить в настоящем в виде предметов духовной и материальной культуры и осмысляемых представителями самых разных профессий: культурологами, искусствоведами, историками, социологами и т.д. Не исчезая с течением времени, культуры прошлого, тем самым, продолжают влиять на социальные практики настоящего, формируя культурную общность народа в течении многовековой истории.

В процессе конструирования социальной реальности конкретной эпохи далеко не все творческие идеи, рожденные как в прошлом, так и в настоящем, получают «путевку в жизнь». Большинство из них отбрасываются, проходя своеобразный отбор, основным критерием в рамках которого выступает соответствие той или иной идеи «социальному заказу», требованиям времени. В результате, проявления творческой деятельности людей, прошедшие данный «экзамен», становятся одним из элементов, определяющих специфику конкретно-исторического времени. Это касается идей, рожденных как прошлым, так и современностью, так как далеко не все творческие порывы людей прошлого актуальны

в настоящем, равно как и не все акторы современной социальной реальности получают возможность принимать активное участие в ее формировании.

Социокультурная реальность, способствуя развитию общественных практик, жизнедеятельности человека в обществе, а также в результате общественной деятельности людей в конкретную историческую эпоху, позволяет наполнять жизнь каждой личности смыслами нравственного и эстетического свойства. Де-факто социокультурная реальность представляет собой один из институтов, отвечающих за формирование духовного мира человека, так как, трансформируясь, непрерывно способствует обогащению его ценностного потенциала и раскрытию природных дарований. В силу того, что человек является субъектом исторического процесса, социокультурная реальность выполняет функцию его внутреннего наполнителя, стержня развития и, вместе с тем, его вектора. К. Маркс справедливо подмечал, что социальная реальность есть «... производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества», иными словами, формирование культурного общества и человека в нем [7, с. 390]. Фактически социально-культурная реальность является вполне сопоставимой с производством человека, так как культура не может не оказывать воздействия на формирование внутреннего мира личности. В этой связи, сущность социокультурной реальности находится в плоскости постоянного движения к цели, саморазвития человека.

Социокультурная реальность, таким образом, является результатом непрерывной человеческой деятельности, трансформирующейся в пространстве и времени, по созданию «второй природы», среды, наиболее удобной для человека и его повседневных практик. По сути, функционирование человеческого общества имеет основной целью все большее упрощение повседневности, адаптацию его к нуждам и интересам индивидов. Благодаря деятельности человека культура получает предметное овеществление, бытие, определяющее окружающую реальность современного общества.

Изучение сущности социокультурной реальности приводит также к мысли о том, что ее конструирование отнюдь не является результатом поступательного развития исторического процесса. Безусловно, каждая эпоха диктует определенные требования к творчеству, тем самым, предопределяя направление развития социокультурной среды. Однако творческая активность индивидов подчинена не только «социальному заказу», но также определенным планам, в соответствии с которыми осуществляется конструирование социальной реальности. Иными словами, активные участники этого процесса первоначально формируют в сознании идеальный образ тех объектов, которые впоследствии будут иметь практическое воплощение в культуре посредством социальных практик. Кроме того, в рамках формирования социокультурной реальности большое значение имеет познавательная деятельность субъекта в отношении самого себя, а также своего места в окружающем мире. Это определяется тем, что человек, не владеющий обширными познаниями окружающей реальности, а также своего внутреннего мира, не способен к эффективной преобразовательной деятельности во внешней среде. Наконец, действия по формированию социокультурной реальности требуют от субъекта сформированности ценностных ориентаций, так как именно духовно-нравственные ценности являются тем знаковым ориентиром, без которого невозможен правильный выбор направления приложения творческих усилий личности. Безусловно, сформированность ценностных ориентаций не познается и не реализуется субъектом в изоля-

ции от других: обязательным условием этого является взаимодействие и духовное общение индивидов, между которыми, в результате, происходит диалог, а, значит, формируется необходимая среда для конструирования элементов социокультурной реальности.

Социокультурная реальность не может существовать вне связи с человеком, его повседневными практиками. Именно в силу человеческих действий окружающая действительность, приспосабливаясь к нуждам человека, становится отражением его духовных запросов. Без человека как творца социокультурная реальность является лишь большим скоплением объектов материальной и духовной культуры, нуждающихся в «прочтении». Среда, окружающая личность, не безмолвствует, но ее способность «говорить» во многом определяется контекстом, связана со сменой конкретно-исторических времен. Человек, в свою очередь, трансформируя социокультурную реальность, сам является не только ее творцом, но и непосредственным участником, т.е. становится продуктом изменяемой им среды.

Учитывая все вышесказанное, социокультурную реальность можно определить как способы и формы человеческой жизнедеятельности, являющиеся отражением творчества личности на конкретном историческом этапе развития человеческого общества. Основным условием творческой активности людей по преобразованию социокультурной реальности выступают совместные общественные практики. Последние, в свою очередь, могут иметь как глобальный, универсальный характер, так и отражать изменения на локальном уровне. В этой связи, в рамках преобразования социокультурной реальности посредством творческой активности людей исследователи выделяют всеобщий и местный масштабы. В то же время, трансформации социокультурного пространства на локальном уровне в силу различных факторов (например, особенностей культурно-исторического развития конкретной территории и т.д.) при их объединении могут предопределять изменения глобального уровня.

В результате, социокультурную реальность следует понимать как бесконечно динамическую категорию, изменчивость которой предопределена, но в разные периоды истории характеризуется различными темпами. Так, например, в сравнительно спокойные периоды, отличающиеся стабильностью экономического развития, она может замедляться, в то время как во времена войн, революций и т.д. творческая активность индивидов находится на более высоком уровне как реакция на кардинальные изменения окружающей действительности.

Анализ основных подходов к изучению социокультурной реальности должен исходить из того, что объединенные в рамках нее культурная и социальная сферы общественных отношений являются полем исследования достаточно большого количества преимущественно гуманитарных наук, к числу которых следует отнести историю, культурологию, социологию, психологию, экономику и др.

Многие ученые в целях изучения различных феноменов социокультурной реальности считали наиболее эффективным применение философско-антропологического подхода. Его использование обладает определенными преимуществами, в числе которых, например, учет бинарного характера структуры социума на современном этапе, возможность выявить соотношение таких категорий, как «социальное» и «научно-технический прогресс», а также определение механизмов культурного развития. В рамках социокультурных исследований, производимых в философско-антропологическом ключе, отечественные ученые тра-

диционно берут за основу достижения мировой научной мысли на стыке социального и гуманитарного знания, на базе которых вырабатывают методику изучения социокультурной реальности.

Философско-антропологический подход к исследованию социокультурной реальности приобретает особую актуальность в условиях общественной напряженности, так как радикальные перемены в переходные периоды свойственны всем сферам социальной организации людей и их повседневным практикам. В рамках данного исследовательского подхода ведущим является философское осмысление различных сторон человеческой жизни, мира личности, поиска своего «Я» и т.д. В данном случае, основной вектор исследовательского интереса направлен на внутренний, духовный мир человека, постижение его сути. В то же время, предметом научного исследования в рамках философско-антропологического подхода выступает не конкретный человек, а некий усредненный тип, своего рода, модель индивидуума.

Во многом применение современных подходов к изучению социокультурной реальности, в том числе – и философско-антропологического подхода, определяется достижениями постструктурализма и деконструктивизма, предопределившими поворот в сторону лингвистической традиции в философской мысли современности. Данные представления базируются на идеях Ф. Де Соссюра [9, с. 52] и М. Фуко [12, с. 36], суть которых состоит в том, что общество отнюдь не является адекватным отображением реальности, но есть только то, что о нем думает индивид. В то же время, значительное количество концепций, на основе которых исследуются человеческие общества, определяют реальность через культуру, а в ряде случаев – посредством отдельных специфических характеристик последней. Наряду с выделенными преимуществами применения философско-антропологического подхода к исследованию социокультурной реальности, необходимо отметить и его недостатки. Как уже отмечалось, данный подход позволяет выявить влияние на социокультурные изменения не конкретной личности, но некоего усредненного ее типа. При этом ряд исследователей особенностей культурного развития, в частности Ф. Гиренок, отмечали крах универсализма, в соответствии с чем следует признать недостаточность использования исключительно обобщающих подходов к научным исследованиям. Так, ученый говорил о существовании подхода индивидуализации, в соответствии с которым «... каждый желает получить свою порцию субъективности – национальной, языковой и т.д. Каждый хочет отныне иметь свою память, а не универсальную...» [2]. Как следствие, обобщенность философско-антропологического подхода к изучению социокультурной реальности необходимо дополнять применением более частных методик, позволяющих выявить роль творческого начала отдельной личности в общественных процессах. Вторым подходом, которому представляется необходимым уделить внимание в рамках настоящей статьи, является этнопедагогический. Необходимость применения данного подхода определяется, в первую очередь, непрерывно нарастающими процессами глобализации, в результате которых происходит «размывание» границ этнических культур и национальных государств. Вместе с тем, как ответ на глобализационные и интеграционные процессы происходит активное возрождение национального самосознания, возрастает количество движений за этническую идентичность. Этнопедагогический подход позволяет исследовать социокультурную реальность во всей многоплановости и сложности ее современного состояния,

учитывая этнические противоречия развития современных государств. Данный подход в равной степени может быть применен в рамках изучения социокультурной реальности различного уровня: от глобального до местного масштаба.

Кроме того, значимость использования именно данного подхода к исследованию социокультурной реальности определяется тем, что ряд ученых, объектом изучения которых она являлась, подчеркивали, что одной из доминирующих характеристик развития человеческого общества на современном этапе выступает этническое возрождение, подъем национальных культур. Данный вывод отечественные исследователи подкрепляли аналитическими сведениями о положительной динамике роста национального фактора. Зарубежные ученые также не остались в стороне от оценки данного феномена социокультурного развития человеческих обществ. По мнению западных исследователей, происходящие трансформации можно было обозначить как «этнический ренессанс» [14, с. 38]. Некоторые ученые, в то же время, отмечали парадоксальность подъема этнического самосознания народов на фоне роста глобализационных процессов, способствующих, напротив, размыванию национальных культур. Однако, в целом, «этнический ренессанс» оценивался как положительное и прогрессивное явление, так как он способствовал не только сохранению своеобразия культур отдельных народов, но также историко-культурного опыта этносов. Если говорить о причинах возрождения этнического самосознания, в том числе – на уровне концепций, это объясняется, в первую очередь, информационной политикой государств. Большинство прогрессивных, динамично развивающихся стран стремятся проводить оптимизирующую политику по отношению к различным сферам жизни общества. Область культуры, при этом, не только не является исключением, но, скорее, основным направлением приложения правительственных усилий в целях консолидации общества. Во многом это объясняется отсутствием официальных идеологий, способных создать необходимые условия для единения социума. Ввиду усиливающихся тенденций глобализации, интеграция на основе идей возрождения национального самосознания является действенным методом трансформации общественного мнения, обретения подлинной этнической идентичности. В то же время, следует принимать во внимание, что процессы глобализации и локализации являются взаимосвязанными, в силу чего не способны исключить друг друга. На сегодняшний день закономерным этапом развития социокультурного пространства выступает влияние глобальных тенденций на местный уровень и, напротив, локальных тенденций в глобальном масштабе. Сложность и многокомпонентность современной социокультурной реальности предполагает целесообразность применения этнопедагогического подхода к ее исследованию. Его дефиниция базируется на том, что предметом науки этнопедагогика выступает педагогика народа, закономерности формирования традиционных культур воспитания, на которые оказывают воздействие факторы экономического, социального и иного характера, а также способы их отображения и деятельности в рамках воспитательной системы на современном этапе [4, с. 108]. В свою очередь, данное определение этнопедагогика как науки позволяет заключить, что этнопедагогический метод представляет собой исследование какого-либо объекта, в том числе – и социокультурной реальности, с точки зрения традиций воспитания конкретного народа.

Применение этнопедагогического подхода предполагает убежденность исследователя в том, что каждый

человек, прежде всего, является частью этноса, народа, нации. В данном случае, в отличие от философско-антропологического подхода, позволяющего изучить общее в социокультурной реальности, этнопедагогический подход дает возможность постичь особенное, частное в рамках изучаемого объекта. Это определяется тем, что именно воспитание человека как процесс заложения нравственно-ценностных основ, формирования представлений о морали невозможно в отрыве от традиций и обычаев того народа, частью которого он является. При этом данный подход позволяет вскрыть внутренние мотивы творческой деятельности в силу того, что поведенческие установки, определяемые национальностью, представляют собой один из глубинных уровней человеческой психики. Этническая картина мира в рамках применения этнопедагогического подхода представляет собой один из феноменов социокультурной реальности, который выступает в качестве некоего обобщающего знания о бытии того или иного народа в мире: его положении в экономической сфере и на международной арене, геополитических интересах и т.д. При этом картина мира не является раз и навсегда сформированной и определенной: она постоянно трансформируется, оказывая влияние на представления отдельных личностей о месте и роли народа, к которому они принадлежат. Члены каждой отдельной этнической общности непрерывно взаимодействуют не только между собой, но и с представителями иных наций и народностей, тем самым, изменяя социокультурную реальность. В рамках деятельности представителей отдельных этносов именно народные традиции выступают в качестве основной части структуры комплекса коммуникационного взаимодействия. Данный подход к исследованию социокультурной реальности, в то же время, предполагает возможность ее изучения исключительно через призму этноса, традиций и обычаев конкретного народа. Между тем, природа существующих социокультурных феноменов гораздо шире, выходит за рамки национальной составляющей. В этой связи, применение данного подхода является оправданным, однако, требует привлечения дополнительных научных средств, позволяющих изучить социокультурную реальность с различных точек зрения, а не только сквозь призму народных традиций. Наконец, еще одним подходом к изучению социокультурной реальности является системно-интегративный подход, в соответствии с которым исследование культуры представляется невозможным без ее связи с социумом, что определяется вторичностью культуры по отношению к природе, так как первая является результатом практической деятельности людей. В то же время, культура не сводится к одним лишь человеческим практикам. Во многом она выступает основой последних, формируясь на базе постоянного взаимодействия людей. Необходимо отметить, что для многих отечественных культурологов одним из главных условий формирования культуры выступает присущая ей субъектность, так как именно личность выступает субъектом культурно-исторического процесса, подлинным предметом культурологии [10, с. 470]. Целесообразность применения системно-интегративного подхода определяется тем, что социальная среда, культура и творческая, преобразующая деятельность человека являются элементами единой системы, в результате чего социокультурная реальность изучается во взаимосвязи всех, присущих ей, явлений и процессов в непрерывном движении, развитии. Принимая во внимание, что системно-интегративный подход позволяет комплексно исследовать социокультурную реальность, следует также учитывать, что в рамках данного подхода исследовательское внимание фик-

сируется преимущественно на всеобщем, в ущерб частному. В этой связи, данный подход должен быть дополнен исследовательскими методиками, направленными на выявление особенного в преобразующей человеческой деятельности.

Подводя итоги, следует отметить, что все три указанные подходы, обладая как преимуществами, так и недостатками, тем не менее, оптимальны для исследования социокультурной реальности. Они позволяют изучить этот феномен с различных сторон, уделив внимание отдельным его аспектам, а также комплексно проанализировать изучаемое явление.

Литература

1. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (социокультурная динамика России) / В 2-х т. Т. I. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
2. Гиренок Ф. Метафизика пата: (косноязычие устало-го человека). – М.: Лабиринт, 1995. – 200 с.
3. Ефимов Е.Г. Социокультурный подход как методологическое основание исследования современного социально-экономического развития России / Условия, ресурсы и факторы развития России в XXI веке: сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч. конф. (20–22 октября 2009 г.). – Волгоград, 2009. – С. 269–272.
4. Кожанова М.Б. Этнопедагогический подход в изучении социокультурной реальности // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2010. № 1 (65). – С. 105–110.
5. Крапивенский С.Э. Социальные революции и современный мир. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2005. – 362 с.
6. Мажников В.И. Социокультурная концепция П. Сорокина как метатеория социального конфликта // Logos et Praxis. 2012. № 3 (18). – С. 16–21.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала») / В 2-х ч. Ч. 1. – М.: Политиздат, 1980. – XXVI. – 564 с.
8. Рудакова И.В. Социокультурный подход как методологический принцип // Манускрипт. 2017. № 11 (85). – С. 159–162.
9. Соссюр Фердинанд де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. яз. под ред. А.А. Холодовича; Вступ. статьи А.А. Холодовича и др. – М.: Прогресс, 1977. – 695 с.
10. Султанова М.А. Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / Под ред. д.ф.н., проф. Резника Ю.М. – М.: Научно-политическая книга, 2012. – 479 с.
11. Темницкий А.Л. Социокультурное: от нерасчлененного понятия к дуальным оппозициям // Вестник Института социологии. 2011. № 3. – С. 141–164.
12. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / М. Фуко / Пер. с фр.; Вступ. ст. Н.С. Автономовой, с. 7–27. – СПб.: А-сэд: АОЗТ «Талисман», 1994. – 405 с.
13. Черныш Н., Ровенчак О. Социокультурный подход в социо-гуманитарных науках: обмен смыслами // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 4. – С. 92–103.
14. Этнический ренессанс – парадокс XX века? // Диалог. 1990. № 15. – С. 37–45.

THE MAIN APPROACHES TO THE STUDY OF SOCIOCULTURAL REALITY

Miao Jing
Lomonosov Moscow State University

In the article, the author proves the relevance of studying approaches to the study of sociocultural reality that have developed historically and continue to exist at the present time. Having defined such concepts as “sociocultural” and “sociocultural reality”, which allowed to limit the field of research, the author analyzed and generalized the potential possibilities of applying philosophical-anthropological, ethnopedagogical, systemic-integrative approaches to the study of sociocultural reality, highlighting the advantages and disadvantages of their use.

Keywords: sociocultural reality, sociocultural phenomenon, socio-cultural approach, sociocultural analysis, philosophical and anthropological approach, ethnopedagogical approach, system-integrative approach, globalization, integration, people, nation, ethnoses, ethnic community, tradition.

References

1. Akhiezer A.S. Russia: criticism of historical experience: (socio-cultural dynamics of Russia) / In 2 vols. T. I. – Novosibirsk: Siberian Chronograph, 1997. – 804 p.
2. Girenok F. Metaphysics of the path: (tongue-tied tired man). – M.: Labyrinth, 1995. – 200 p.
3. Efimov E.G. Socio-cultural approach as a methodological basis for the study of modern socio-economic development of Russia / Conditions, resources and factors of development of Russia in the XXI century: collection of scientific articles based on the results of the All-Russian Scientific Conference (October 20–22, 2009). – Volgograd, 2009. – pp. 269–272.
4. Kozhanova M.B. Ethnopedagogical approach in the study of socio-cultural reality // Bulletin of the I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. 2010. No. 1 (65). – pp. 105–110.
5. Krapivensky S.E. Social revolutions and the modern world. – Volgograd: Volgograd Scientific Publishing House, 2005. – 362 p.
6. Mazhnikov V.I. P. Sorokin's sociocultural concept as a metatheory of social conflict // Logos et Praxis. 2012. № 3 (18). – Pp. 16–21.
7. Marx K. Economic manuscripts of 1857–1861. (The original version of “Capital”) / In 2 h.h.1. – Moscow: Politizdat, 1980. – XX-VI. – 564 p.
8. Rudakova I.V. Socio-cultural approach as a methodological principle // Manuscript. 2017. № 11 (85). – Pp. 159–162.
9. Saussure Ferdinand de. Works on Linguistics / Trans. from French, edited by A.A. Kholodovich; Intro. articles by A.A. Kholodovich et al. – M.: Progress, 1977. – 695 p.
10. Sultanova M.A. Theory of culture: a variety of approaches and the possibilities of their integration / Ed. D.F.N., prof. Reznik Yu.M. – M.: Scientific and political book, 2012. – 479 p.
11. Temnitskiy A.L. Sociocultural: from an undifferentiated concept to dual oppositions // Bulletin of the Institute of Sociology. 2011. No. 3. – pp. 141–164.
12. Foucault M. Words and things: archeology of the humanities / M. Foucault / Translated from French; Introduction by N.S. Autonomova, pp. 7–27. – St. Petersburg: A-cad: JSC “Talisman”, 1994. – 405 p.
13. Chernysh N., Rovenchak O. Sociocultural approach in socio-humanities: exchange of meanings // Sociology: theory, methods, marketing. 2005. No. 4. – pp. 92–103.
14. Ethnic Renaissance – the paradox of the XX century? // Dialog. 1990. No. 15. – pp. 37–45.

Язык в структуре воспроизводства культуры

Карпухин Олег Иванович,

д.с.н., профессор, главный научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Комиссаров Сергей Николаевич,

д.ф.н., профессор, руководитель центра по связям с общественностью и СМИ Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

В статье рассматривается язык как объект социокультурного анализа в системе его сущностных характеристик, проявляющих себя в процессе использования социологических методов исследования данного явления. Подобный подход позволяет, в частности, увидеть подлинную значимость языка как системообразующего элемента культуры и показать его способность к конструированию новой реальности.

Авторы анализируют причины кризиса русского языка как материального носителя национальной культуры, падения его популярности в мире. Предлагаются меры по преодолению социолингвального кризиса, который является по сути своей социокультурным кризисом.

Ключевые слова: социолингвистика, картина мира, социальное конструирование реальности, лингвистический ресурс, языковой кризис, франкофония, социокультурный метод исследования, книгораспространение.

Сложные и противоречивые процессы, происходящие в отечественном искусстве и культуре в целом, наглядно проявляются в языке как символически-смысловой матрице культуры, внутренний «каркас» которой состоит не только из нормативно-ценностных, но и из ментально-лингвальных конструкций [Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпухин О.И., 2022]. Не случайно он становится объектом геополитического давления на нашу страну: «Мы сталкиваемся, – отмечал Президент России В.В. Путин, – с попытками искусственно – я хочу это подчеркнуть, именно искусственно, грубо, подчас бесцеремонно – сократить пространство русского языка в мире, вытеснить его на периферию» [Путин В.В., 2019].

Изменения, происходящие в языковой стихии в пространстве российской культуры, должны стать предметом специальных исследований в рамках одного из ответвлений социологической науки – социологии языка, развивающейся на стыке двух наук – социологии и социолингвистики и фиксирующей в языке и речевых практиках объективное знание о социальных структурах и социокультурных явлениях. И в силу этого «языковой знак и язык в целом, поскольку они опосредуют видение социальной реальности, есть арена борьба между различными группами интересов» [Макушева М.О. 2012, С. 219]. Однако язык как конституирующий фундамент культуры и социальной деятельности человека является и объектом социокультурного анализа, поскольку «применяя к себе, своим представлениям, эмоциональной сфере языковой концепт, мы вписываем себя в существующую в нашей культуре систему диспозиций и даем себе определение. Так формируется идентичность» [Макушева М.О. 2012, С. 224]. Языковые данные позволяют судить о глубинных процессах культурных трансформаций, символизируя духовно-ценностные и морально-эстетические сдвиги в культуре на индивидуальном, групповом и общесоциальном уровне. Язык – это не просто средство общения, это зеркало души народа, главный свидетель его истории – от самых ранних дописьменных времен – и самый современный показатель изменений национального самосознания». Языковая репрезентация любого социокультурного явления может раскрыть её сущностные характеристики, не всегда открыто проявляющиеся при использовании других социологических методов исследования данного явления.

Чтобы понять эти сущностные характеристики приведем некоторые данные специалистов по этно- и психолингвистике. Здесь подчеркивается, например, определяющее значение языка для формирования цивилизационной (общей) и индивидуальной (событийной) картины мира, и более того, роль языка настолько велика, что даже высказывается мнение, что не мозг управляет языком, а язык управляет мозгом [Петров В.К., Петрова М.Ю. 2022, С. 134]. По мнению молодых исследователей Петрова В. И Петровой М., «наш язык диктует нам, как поступать в той или иной ситуации. У русских и англосаксов с западноевропейцами разное понимание

деятельности, и это четко прослеживается в языке. Так западные народы строят свою грамматику на двух глаголах «иметь» и «желать». Например, в английском языке прошедшее время «I have been» в дословном переводе означает «Я имел бы», а в будущем времени – «will», который несет в себе смысловую нагрузку проявления воли, твердого намерения. Таким образом, два глагола скрепляющих всю грамматику английского языка, формируют и в сознании носителей этого языка стремление желать и обладать. Тоже самое относится к немецкой и французской грамматике.

А в русском языке есть только глагол «быть» («я был», «я жил», «я буду»), и это влияет на наше сознание. Мы имеем дело с действительностью, не рассматривая ее как объект овладения и желания. Формула владения у нас чрезвычайно интересная: там, где англичанин говорит «I have», а немец «ich habe» – я имею, мы говорим «у меня есть» – мне дано. Казалось бы, не существенные – да и не заметные для самих носителей разных языков словесные «мелочи». На самом деле они определяют характер отношения человека к действительности. Поэтому, по мнению авторов, на Западе социальные закономерности воспринимаются как нечто созданное суммой воли индивидов, у нас – как некие внешние по отношению к нам законы, которым не можем не подчиняться («судьба»). Еще одним тонким духовным моментом, отличающим русскоязычного мыслителя, является своеобразное доверие к языку. Люди, говорящие на русском языке, а тем более философы, полагают язык сотоварищем по творчеству, а не просто средством выражения мысли [Петров В. К., Петрова М.Ю. 2022, С. 134, 136].

Когда социология заявила о возможности социального конструирования реальности (П. Бергман, Т. Лукман), лингвисты взялись за изучение роли языка в этом процессе. Они доказали способность языка к созданию грандиозных систем символических представлений, которые возвышаются над реальностью повседневной жизни подобно явлениям иного мира [Бергер П., Лукман Т. 1995, С. 70]. По сути, эти исследования не только вскрыли важнейшие механизмы осмысления реальности, но и вывели массовые коммуникации на новый глобальный уровень.

Всем со школьной скамьи знакомо знаменитое тургеневское обращение к нашему родному даже не для русских языку: «*Ты один был мне поддержкой и опорой...*». Возможно, великий писатель определил лучше, чем все ученые, значимость языка как живой связующей нити общения и культуры, материально обеспечивающей общность носителей этой культуры, разделенных границами и эпохами. «Русский язык формирует каркас национальных смысловых координат, – вторит великому писателю журналист В. Выжutowич. – Культура живет, дышит, воспроизводится в языке, в неформальных поведенческих практиках» [Выжutowич В. 2015].

Сегодня русский язык является государственным языком Российской Федерации, на котором говорят люди почти 200 национальностей нашей страны. Большинство из них считают русский язык своим первым или вторым родным языком. Русский язык также является одним из двух государственных языков в Беларуси (наряду с белорусским), официальным языком в Казахстане, Киргизии, Абхазии, Южной Осетии, в Приднестровье. В целом в мире на русском языке говорят около 300 млн человек, он является родным по крайней мере для 170 млн человек. В то же время, президент В. Путин, выступая на заседании Совета по русскому языку, отметил опасную тенденцию, констатируя, что «пещерные русофобы объявили войну русскому языку».

Подобные войны идут сегодня в ряде бывших союзных республик: отлучение их от сотрудничества с Россией начинается с вытеснения русского языка из всех сфер жизни. По данным Центра демографии и экологии РАН, на 10–12 ведущих мировых языков только русский язык на протяжении последних десятилетий утрачивает свои позиции в мире. По некоторым прогнозам, к 2025 году владеть русским языком будет не более 152 млн человек. Особенно заметна эта тенденция в странах СНГ и Балтии (кроме РФ). Если за 15 лет количество незнающих русский язык в этих странах выросло от нуля до 38 млн человек (по официальным данным), то еще через 10 лет оно увеличится почти на 80 млн человек. В странах Восточной Европы в начале XXI века русский язык знало около 20 млн человек, но предполагается, что в ближайшее время таковых станет вдвое меньше.

Печальная статистика, потому что сокращение российского влияния, как культурного, так и политического, это и удар не только по культурному влиянию, но и по взаимосвязям России с другими странами, в том числе с экономической плоскости, поскольку наличие в той или иной стране русскоговорящих предпринимателей и финансистов весьма способствует развитию деловых и торговых отношений. Мировая экономика, бизнес, промышленность, наука, дипломатия, в подавляющей части использует английский язык.

Русский язык потенциально предпочтительней, как язык гуманитарного и нравственного общения, духовного самопознания и убеждения. Его духовное и эстетическое значение проявляется в русской литературе и ее влиянии на человека. Отрывать русский язык от великой литературы – значит поменять формирование культурных кодов, сделать сознание и чувства россиян особо податливым для экспансии чужих смыслов и образов, отучить выражать свои мысли на литературном языке. В этом плане интересен спор А.П. Чехова с автором статьи «О чтении» М.О. Меньшиковым по поводу языка и культуры. Чехов пишет ему 12 октября 1892 года: «Так вы пишете... что каков язык, такова и степень культурной высоты народа. Выходит так, как будто, чем богаче язык, тем выше культура. А по-моему наоборот – чем выше культура, тем богаче язык. Количество слов и их сочетаний находится в самой прямой зависимости от суммы впечатлений и представлений; без последних не может быть ни понятий, ни определений, а стало быть и поводов к обогащению языка <...> сильный пожирает слабого, и если фабричный и казарменный язык начинают кое-где брать верх, то не они в этом виноваты, а естественный порядок вещей» [Чехов А.П., 2010. Т. 15, С. 32–33].

Сегодня, в условиях нарастающей глобализации, великая русская культура, равно как и великий русский язык нуждаются в особых, энергичных мерах протекционизма со стороны государства, общественности, в первую очередь, интеллигенции. Тем более, что примеры подобного рода мер уже имеются. Еще на заре глобализации Франция инициировала франкофонное движение, сделав ставку на французский язык и культуру, объединив страны, пользующиеся французским языком, а также объединив людей, говорящих по-французски, использующих как второй язык или изучающих его. В 1970 году это движение оформилось в международную организацию Франкофонию (МОФ). Это первое в мире объединение государств, ассоциаций на лингвистической основе, ныне переросшее в политическую организацию. Сегодня франкофония объединяет более 70 стран, ассоциаций, университетов. Франция сумела мобилизовать лингвистический ресурс для формирования дружественного политического, экономического и культурного пространства [Пономаренко Л.В., Лаврова Е.В. 2005].

К сожалению, самым ярким подтверждением процессов распада русского языка как материального носителя национальной культуры стал нарастающий вал казарменного языка, а также ненормативная лексика, которую ныне объявляют не только вполне законной и органической, но даже «основополагающей частью русского языка». Её использование даже легитимизировано не только среди обитателей современного горьковского социального «дна», но и среди нынешних законодателей вкусов и мод, образцов гламура и успеха в жизни. Гламурные девицы и скандальные героини телевизионных ток-шоу публично глумятся над языком, прикрывая матом свое духовное убожество. Ренессанс матерщины стал одним из самых одиозных, но показательных индикаторов духовного растрепания и гниения общества. Мат захлестнул не только улицы и увеселительные мероприятия, но и российский эфир, не говоря уже о социальных сетях, где он стал универсальным языком общения. Женщины и дети, героини телешоу и бизнесмены, бомжи и представители «творческой интеллигенции» привыкают выражать свои мысли и чувства на «лаи матерной», которая стала модной, потому что символизирует «свободу» и «независимость» личности. Мат безудержно несется со страниц «литературы», с теле- и киноэкрана, с театральной сцены – как достижение «искусства слова» за последние три десятилетия. Бесцензурная культура стала культурой безцензурщины, мат или полумат с экрана – единственным способом самовыражения для многих наших «звезд».

Известная с советских времен телеведущая народная артистка России Анна Шатилова на одной из передач отметила особенность хорошо известной ей «телетусовки»: «Чем больше мата, тем выше оплата». И добавила в адрес «коллег» из «Comedy-club»: «Дебилизация населения с помощью вашей передачи идет успешно». Но дело не только и не столько в дебилизации и снижении уровня культуры читательской и зрительской аудитории. Материализация высшей формы человеческой деятельности – искусства – превращает его в профаназию, а создателя книг, название которых состоит из отточий, телешеддевров, где половина диалогов «запикивается», автоматически лишая их участников сана служителя искусства, потому что это всегда или священнослужение или просто зарабатывание денег любым способом, в т.ч. с помощью мата.

С точки зрения литературы книг, которые используют ненормативную лексику в качестве «художественного приема», просто нет, несмотря на то, что они могут пользоваться популярностью. В «творениях» многих нынешних поэтов нет поэзии: есть тексты из цитат и мата, потому что их авторам нечего сказать и не о чем рассказать людям, а степень поэтической одаренности выше этого подняться не позволяет. Для нашей творческой элиты вполне естественно мнение, что запрет обсценной (ненормативной) лексики посягает на... правду жизни. И ведь не только к театральному искусству относится высказывание профессора ГИТИСа А. Ястребова о том, что «сценический мат уводит из культуры языковое дыхание, разрушает смысловые связи... Когда на культуру начинает нападать тюремная правда, она вытесняет риторику надежды. Русская культура дышит как кит, и не надо сокращать её дыхание до размеров сверчка...»¹.

Литература и искусство в отечественной традиции всегда ощущали «пределы эстетического стыда» (Л. Толстой), что вряд ли можно было сказать о жизни, которую они художественно отражали. Но все-таки ре-

альные люди всегда ориентировались на «художественную проекцию» этой жизни как на критерий её духовно-ценностной и эстетической оценки. Теперь этот критерий опустился ниже самой обыденной реальности. В какой степени жизнь влияет на искусство или искусство влияет на реальную жизнь – сказать теперь трудно. Социологически установлены факты, что большинство россиян используют в повседневной жизни мат (61%), а свыше половины опрошенных не знают, как обеспечить чистоту русского языка [Киенко Т.С. 2016. № 5, С. 125]. Социокультурный анализ подсказывает, что эти убийственные цифры являются результатом фактической легитимизации мата в отечественной культуре и искусстве. По крайней мере, эта легитимизация такие показатели не снижает. А материализация отечественной культуры свидетельствует о декультуризации российского общества.

Великий русский мыслитель И. Ильин писал, что главное для детей – язык, который «вмещает в себя таинственным и сосредоточенным образом всю душу», песня – «ребенок должен слышать русскую песню ещё в колыбели», сказка, поэзия [Ильин И.А. 1993, С. 202–208]. Мы поступаем с точностью до наоборот: поэзия куда-то исчезла, народную сказку вытеснила западная и японская мультпродукция, песню – попсовые хиты, а самый большой праздник теперь для малыша – услышать «Happy birthday to you!».

Знать хотя бы один-два иностранных языка – это замечательно и желательно. Есть такая армянская поговорка: «Сколько языков ты знаешь, столько раз ты человек». Но чтобы стать человеком, нужно знать хотя бы свой родной язык – материальный носитель культуры своего народа и главный «химический элемент» национальной идентичности. И если этот язык будет опоганен «лаей матерной», то душа человеческая вряд ли потянется к высотам культуры, в которой может раскрыться все богатство его личности.

В заключение этой темы рискнем привести описание конкретного случая, который социологическим аргументом может быть назван с большой натяжкой, хотя и подпадает под пример метода «включенного наблюдения». Один из авторов поздно вечером, возвращаясь домой, услышал современное признание в любви. Парочка молодых людей стояла у подъезда вполне престижного дома в центре Москвы и ничего вокруг не замечала. И с перехваченным от волнения дыханием парень, держа девушку за руку, говорил ей: «Леночка, <...> понимаешь, <...>, я тебя люблю». Она в ответ обняла его за шею и прижалась к нему. По этому описанному журналистом эпизоду никаких социологических обобщений выводить, конечно же, не допустимо. Но если такими словами объясняются в любви – это знак беды.

Несмотря на вышеуказанные опасные тенденции, связанные с оскудением русского языка и засильем ненормативной лексики, книга как закрепленный в материальном выражении (прежде всего, словесном) результат духовной деятельности человека по-прежнему остается основным носителем культуры в пространстве и времени², хотя в связи с переходом к рыночным отношениям она «стала рассматриваться уже не только как элемент культуры, но и как специфический товар, информационный продукт», а также как «составная часть средств массовой информации» [Соловьев В.Н., 1998, С. 3, 4]. Книжная ипостась языковой культуры находится ныне в противоречивых изменениях. «Если рассматривать отношение людей к книге, печатному слову в качестве одного из индикаторов реального состояния культу-

² Здесь, помимо авторских, использованы материалы к.и.н., директора издательства «Весьмир» О.А. Зимарина и к.социол.н. В.Н. Соловьева.

¹ Не зрелищ. Хлеба // Новая газета. № 62 от 09 июня 2014 г.

ры, то надо признать, – пишет профессор А. А. Аронов, – сегодняшнюю «книжную ситуацию» как крайне неудовлетворительную» [Аронов А. А. 2008, С. 142]. Мнение известного культуролога пытаются опровергнуть практики и знатоки библиотечного дела. Так, глава департамента культуры Москвы Александр Кибовский хоть и признает, что «в библиотеках хранятся сотни тысяч изданий, к которым более пяти лет не прикасалась рука читателя. Есть и вообще ни разу не востребованные», все-таки считает, что перспектива «долгой, но неизбежной агонии» библиотек, которую пытаются объяснить снижением уровня духовности и неспособностью конкурировать с Интернетом, не соответствует реальности. И половина, например, московских читателей библиотек – молодые люди до 30 лет [Кибовский А. 2018]. Литературный критик Станислав Секретов свидетельствует, что «посещаемость городских читален постоянно растет» благодаря созданию тематических библиотек, активизации пропаганды чтения разнообразными методами (в Москве, например, на 440 библиотек в 2018 г. работало 725 творческих объединений). Среди наиболее действенных – «агрессивная реклама» (термин критика Е. Коробковой, употребленный по отношению к книгам Г. Яхиной) и, прежде всего, телеэкранизации, вызывающий взрыв интереса к литературному первоисточнику [Секретов С. В., 2019], передача невостребованных книг в частные библиотеки, приобретение для библиотек книг лауреатов различных литературных премий... Отчетные цифры не отвечают на главный вопрос: что читают?

«Книгоиздательское измерение» культуры также показывает её состояние цифрами (тиражи, названия, библиотечный фон, его обращаемость и т. д.), которые поддаются статистически-социологическому анализу легче, чем моральные ценности и эстетические вкусы.

Прежде всего, надо учесть влияние на тенденции развития языка и культуры в целом развала книгоиздательского дела в нашей стране в 1990-е гг. Общий культурный спад в то время ярко отражался в издательских отчетах: в 1993 г. общее число наименований выпущенных в России книг и брошюр сократилось по сравнению с 1990 г. на 30%, а по сравнению с 1986 г. – на 40%. Тиражи снизились соответственно на 40 и 55%. В 1994 году было издано в 2 раза меньше художественной литературы, а падение тиражей детской составило ещё большую цифру. По сравнению с 1990 г. в 1994 г. в 4–5 раз упал выпуск научной, технической, сельскохозяйственной литературы. Горестное недоумение вызывал тогда факт, что в 1993 г. в России было выпущено 11 тыс. названий книг – почти в 3 раза меньше, чем в ... 1913 г. (!). По официальным данным, тиражи издаваемых в России книг с 1990 по 1996 г. упали в 4–5 раз [Печать Российской Федерации в 1996 г. 1997].

В 2003 году в стране было издано 80 тыс. названий книг тиражом 700 млн экз. (в 1990 г. в СССР – 1 млрд 600 млн экз.). Но «читающая Россия» начала нового века демонстрировала чудовищную диспропорцию: в столице было издано 70% всех названий, 9 из каждых 10 экземпляров, продано 8 из них. Еще более значимым для оценки развития языка, литературы и культуры в целом является содержательная оценка количественных показателей: из 130 млн экз. книг, выпущенных в 2003 году по художественной тематике, детективы и женские любовные романы составляли около 60%, фантастика – 17%, русские и советские классики и современные авторы в совокупности дотянули до 15–16%. То есть на каждого россиянина по одному экземпляру Литературы, которую иначе назвать трудно.... «Навязывание» – такую оценку дал Михаил Ненашев – один из наиболее компетентных экспертов в той сфере, которой посвящена

это книга, той «духовной пище», которую предлагала с 90-х годов россиянину продукция российского телевидения и книгоиздания, предназначенная для «откровенного манипулирования общественным сознанием» [Карпунин О., 2006, С. 76–77]. К этому стоит добавить и такой значимый для чтения сегмент, как литературно-художественные и общественно-политические журналы, тиражи которых в годы перестройки достигли исторического рекорда в нашей стране. В середине 1990-х гг. они, по горькой метафоре журналистки О. Мартыненко, «выстраивались на эшафот», но сумели избежать столь печальной участи и даже не ушли на пенсию, как выразился известный писатель и телеведущий В. Ерофеев, и хоть доныне влачат достаточно жалкое существование, но живы.

В то время надвигалась технологическая и организационно-экономическая катастрофа прежней системы книгопечатания. Ведь в середине 1990-х гг. в Обращении ассоциаций книгоиздателей, полиграфистов, распространителей книги, писательской общности к президенту РФ говорилось: «Положение книгоиздания в России ухудшается с каждым днем... Даже лучшие полиграфкомбинаты работают сегодня на устаревшем оборудовании... Рухнула некогда лучшая в мире система книгораспространения, отчего в первую очередь пострадали отдаленные регионы России, лишенные литературы» [Литературный базар. Приложение к «Литературной газете». 1994. № 6, С. 2].

За последние десятилетия ситуация с изданием книг в нашей стране принципиально изменилась. Обновлена технологическая база книгоиздания в стране – и в этом заслуга, прежде всего, рыночной конкуренции, позволившей вывести отрасль на высокотехнологический уровень. С 1990-х гг. в нашей «читающей России» появилось не менее 30 000 издательств, свыше 80% из них были частными. Издавалось около 300 тыс. газет и журналов. Как к настоящему моменту сложилась судьба большинства из них, сказать трудно. Её определила рыночная конкуренция со своими законами, диктуемыми соображениями прибыли, а не «высокой» культурой, с государственными интересами в этой сфере совпадающими далеко не всегда. Но общий итог очевиден, достаточно сравнить витрины современных книжных магазинов с фотографиями прошлых лет. И хотя этих книжных магазинов у нас в стране «на душу населения» в 6 раз меньше, чем в Европе, выбор в них достаточно обилен, хотя это в полной мере относится только к городам-миллионникам, в городах с населением менее 100 тыс. человек книжные магазины не рентабельны.

Это далеко не единственная проблема отрасли, которая продолжает играть важную роль в распространении языка и социальном воспроизводстве культуры. Волна приватизации 2008 г. выбила почву из-под ног арендаторов помещений для книжных магазинов. Книга оказалась не тем товаром, которым можно закрыть взвинченную региональными чиновниками плату, значит, она уступит арендованное место уже не духовному, а натуральному фаст-фуду. По мнению эксперта, в частной собственности находилось не более 5% книжных магазинов по России. А восстановить прежнюю систему книгораспространения до сих пор не удалось: «часто в отдаленных регионах, где работают несколько операторов рынка, нет консолидированного завоза, каждый завозит книги самостоятельно» [Каменева М. 2005]. За 20 лет (1995–2015) число книжных магазинов уменьшилось в 8 раз [Михайлова Н. 2015]. Говорить об интересах продавцов книг, тем более – читателей в такой ситуации не приходится. Рентабельность стала не только главным движущим стимулом, но и высшим критерием развития

важнейшей отрасли культуры. Перевод книготорговли на «электронные рельсы» заменить прежнюю систему книгораспространения адекватным образом пока не может.

Несмотря на эти проблемы, уже в 2004 г. в России было выпущено 90 тыс. наименований книг. Больше только в США и Китае. В 2019 г., по данным Российской книжной палаты, было выпущено уже более 115 тысяч наименований книг и брошюр общим тиражом свыше 435 млн экземпляров. Согласно исследованию ВЦИОМ¹, число книголюбов у нас в стране «значительно выросло»: за 2014–2017 гг. их количество увеличилось с 48 до 60%, а число тех, кто «практически не обращается к книге» упало с 36% в 2014 г. до 15% в 2017 г. Более чем в 1,5 раза с 2011 по 2017 г. возросло и количество книг, прочитанных каждым россиянином в среднем за три месяца (3,94 и 6,49, соответственно). Трое из четырех граждан России (более 72%) читают книги не реже одного раза в две недели, выяснили социологи маркетингового агентства Zoom Market². При этом надо отметить, что, по данным ВЦИОМ, люди в сельской глубинке и городах-миллионниках читают книг больше, чем в обеих «культурных столицах» – Москве и Санкт-Петербурге (6,78–5,5 книг соответственно). Объективность этих данных не вызывает сомнения – как и наметившаяся позитивная тенденция в досуговой занятости россиян. Её динамика свидетельствует, что одна из главных сфер культурной деятельности россиян – чтение и распространение печатного слова в целом – находится в целом на подъеме, хотя бы по внешним «производственным» показателям. Конечно же, эти цифры фиксируют самые общие тенденции изменения чтения, без содержательного анализа того, что читают люди.

Социолог в оценке тенденций изменения языка не может обойтись издательско-книготорговой статистикой: содержательно-тематический анализ издаваемых книг чрезвычайно затруднен – если вообще возможен в ситуации раздробленности единого информационно-пространства на частные сектора издательств, озаченных исключительно сбытом собственной продукции. Но без оценки культурного уровня чтения с точки зрения миссии культуры как способа «очеловечивания человека» социологии культуры не обойтись. Детективы, любовные романы, бульварная литература, написанный, как правило, на специфическом языке, доминируют на книжном рынке. И даже если наметилась тенденция к расширению спектра «серьезной» литературы (учебно-методической, детской, зарубежной, российской прозе, книгам по искусству, экономике и бизнесу, иностранным языкам) – с точки зрения воздействия на «душевный склад» и систему эстетических вкусов – следовательно, на систему ценностей миллионов читателей, в том числе и на литературный язык и обыденную речь, вышеперечисленные жанры литературы соперничать с книгами, далекими от литературы, не могут. Этот факт доказывает правоту английского критика У. Брабрука: «Чем больше сегодня читаешь книг, тем сильнее ощущаешь, что неграмотные ничего не теряют».

Не раз упоминавшаяся в этой книге беспрецедентная дифференцированность нашего общества по всем социально-экономическим и социокультурным показателям представляет собой социологически выявленный факт. Чтение как один из факторов, определяющих со-

¹ Опрос ВЦИОМ проводился методом телефонного интервью 20–21 ноября 2017 г среди 1,2 тыс. респондентов, проживающих во всех регионах России.

² Социологический опрос Zoom Market проводился методом личного интервью в августе 2017 г. Общая выборка составила 4,8 тыс. респондентов. в возрасте от 19 до 61 года.

держание и направленность культурной деятельности, а точнее – очевидное расслоение читательской аудитории в нашей стране, – самое наглядное подтверждение социальной, духовно-культурной сегментации нынешнего российского общества.

Ныне в стране выходит 115–117 тысяч названий в год, ежемесячно только основные издательства выдают читателю книги 10–15 новых авторов. Однако за 10 лет (2008–2017) общий тираж изданных книг снизился на 40% (с 760,4 млн экз. до 471,5 млн экз.), а средний тираж одной книги уменьшился больше, чем в 1,5 раза (с 6156 экз. до 4017 экз.). При этом, средний тираж одной научной книги в 10 раз меньше, чем популярной. Но и он за десятилетие упал на 35% (с 486 экз. до 367 экз.). При таких тиражах книга в нашей 140-миллионной стране не может служить – как это традиционно было – одним из факторов сохранения и развития языка и одной из важных скреп духовно-культурной целостности общества, тем более – многонационального российского народа.

Если добавить, что за 25 лет в России закрылось 7500 книжных магазинов (ныне осталось менее 1000 на всю огромную страну), и большая часть из них принадлежит издательским сетевым структурам³, то в социологическом контексте это следует квалифицировать как тенденцию к разрыву единого информационно-культурного пространства России, которое к этому – книжно-издательскому и книготорговому – измерению, конечно, не сводится, но и без него не существует.

Все прекрасно знают объективную движущую причину изменений – цифровые технологии обеспечили бурное развитие аудио-визуальной коммуникации, информационно-эстетический потенциал которой намного выше, чем у безгласного печатного слова. Это неизбежно снижает интерес к чтению, которое раньше было не только главным способом коммуникации, но и, практически, единственным «окном в мир» для многих миллионов людей, в какой бы отдаленной точке страны они ни жили. Сегодня же резко изменились структура, содержательные характеристики информационно-культурного пространства страны. Печатные СМИ и книгоиздание сместились на периферию этого пространства. Все его параметры определяют новые информационные технологии и рынок. Государство в этой важнейшей сфере сдало свои позиции быстро и почти безоговорочно. Уже в 1990-е гг. целенаправленная книгоиздательская политика государства практически сошла на нет. Прежняя система книгоиздания, распространения и полиграфии рухнула, вакуум был мгновенно заполнен рынком, для которого, по словам одного из издателей, «литература – товар, на котором следует зарабатывать большие деньги». Но если книгу считать только товаром, а именно такая установка доминирует в этом сегменте информационно-издательского рынка, то Россия никогда не станет снова самой читающей страной, если даже у каждого россиянина будет собственная библиотека из нескольких книг. Книга в России – основополагающий элемент культуры, а ведь культура определяет общественную эффективность, общественную солидарность и духовную целостность России, а значит, и её будущее.

В 1995–1997 гг. доля государственных издательств в выпуске книг и брошюр упала с 51,3 до 29,1% по числу названий и с 49,6 до 21,7% по тиражам. В то же время доля негосударственных издательств возросла за этот же

³ Книгоиздание в России: в приоритете повышение качества и государственная поддержка // Университетская книга: [сайт]. 20.09.2014. URL: <http://www.unkniga.ru/bookkrinok/knignyrinok/3413-knigoizdanie-v-rossii-v-prioritete-kachestva-i-gospodderzhka.html> (дата обращения: 04.11.2021),

период с 48,7 до 76,2% по числу названий изданных книг и брошюр и с 50,4 до 78,3% по их тиражам [Ленский Б.В., 1997. С. 9]. Напомним, что ныне среди многих тысяч «игроков» книгоиздательским бизнесом заправляют «пять-шесть издательских гигантов... прочие постепенно аффилируются, поглощаются, консолидируются и лопаются» [Быков Д., Яхьяева М., 2009. С. 48].

Нельзя не процитировать в связи с этим бывшего министра культуры РФ М.Е. Швыдкова: «В 90-е годы многим казалось, что чем больше рынка, тем меньше государства. Может быть, это хорошо в реальном секторе экономики... В культуре же все ровно наоборот. Чем больше рынка, тем больше должно быть присутствие государства...» [Карась А., Муравьева И., 2007, С. 9].

Вернуться к утверждению вышестоящей инстанцией тематического плана издательства невозможно, да и вредоносно и для читателя, и для литературы как вида творчества. Речь идет о том, чтобы использовать рыночные механизмы, чтобы новые возможности цифровых технологий превратить в торжество печатного слова, повернуть человека к книге, которая снова станет для него не только прежним «окном в мир», но и зеркалом для познания самого себя. Эту непростую задачу нельзя решить простым увеличением количества книжных магазинов, писателей, читателей, новых названий и тиражей. Главное для этого – выстроить государственную политику в этом важнейшем секторе культуры с учетом социокультурной квалификации издаваемых книг. Исследования и экспертные оценки свидетельствуют, что в основном это так называемая массовая литература – «одноразовая», «глянцева», «духовный фаст-фуд» (называть это можно по-разному) – является квазилитературой и к художественному способу познания действительности, а также к развитию литературного языка отношения не имеет. Литература, искусство представляют собой не только художественное самосознание общества, но и вид социальной практики, формирующий человека не меньше, чем условия его реальной жизни. Массовая литература не проясняет реальность, она анестезирует «затравленного жизнью» читателя, формирует в нем квазиличность, не способную к осознанной социально-творческой деятельности. Еще одну важную тенденцию книгоиздания и книготорговли отметил Юрий Поляков. Речь идет о «имманентной или коммерческой (не важно) русофобии», превратившейся ныне в «тренд», который «чрезвычайно востребован ныне для подспудного смущения умов и расшатывания «режима». «В современной отечественной литературе, – пишет крупный российский писатель, – русофобом быть очень удобно и выгодно, его, сердитого, сразу начинают холить и раскручивать, словно юную и милovidную доярку-ударницу накануне съезда комсомола... Жюри «Большой книги» выискивает в общем потоке новинок русофобские сочинения с дотошностью макаки, выбирающей вшей из шерсти подружки». Поэтому «почти во всех книжных магазинах от Владивостока до Смоленска на лучших местах выложена и наотмашь проклепана именно русофобская и антируссийская литература...» Казалось бы, этот очевидный «тренд» должен вызывать тревогу не только у общественности, но и, прежде всего, у государственных органов. Однако вот что пишет один из авторитетнейших писателей нашей страны: «Возглавляя «ЛГ», я попытался провести журналистское расследование этой странной ситуации, и мы пришли к интересному выводу: приводные ремни механизма замалчивания патриотически мыслящих писателей и навязывания обществу литераторов-автофобов тянутся, судя по всему, в госаппарат, а именно – в Роспечать. Впрочем, я писал об этом многократ-

но, за что многократно и пострадал...» [Юрий Поляков, 2021].

Книга станет не только «окном в мир», но и фактором самосознания российского общества, если государственная информационно-культурная политика сможет повернуть реальное поле книжной культуры в сторону национальных интересов страны, а не личных позиций заправил книгоиздательского и книготоргового комплекса.

Россияне станут самой читающей нацией в том случае, если новые информационные технологии и аудиовизуальной коммуникации будут использованы не для отрыва человека, прежде всего молодого, от книги, а способом привлечения к ней. Ведь цифровые технологии из инструмента развития информационного пространства превратились в его субъект, подчиняющийся практически только законам рынка. Это веление времени, но необходимо использовать эти технологии и как инструмент реализации социально значимых целей в области книгоиздания, отвечающим не узкогрупповым, а общенациональным интересам. Очевидно, насколько важно сейчас расширение рынка продаж электронных книг, который занимает пока весьма скромное место в книжной отрасли. В 2018 году его доля выросла до 6% по сравнению с 4,6% в 2017 г. Этого явно недостаточно для нашей огромной страны, пережившей дезорганизацию системы книгоиздания, книгораспространения и книжной торговли, утратившей эффективную логистику, со слабой инфраструктурой традиционного рынка печатной книги. Противостоять этой тенденции может и расширение торговли печатными изданиями через Интернет-магазины. Только в 2017 г. продажа бумажных книг через Интернет выросла на 20%. Ныне оборот Интернет-продаж достигает уровня 15 млрд руб. – это примерно 1/5 часть общего оборота книжной торговли. Доля продаж научных книг через Интернет в 2 раза больше – около 40%.

Необходимы эффективные процедуры открытого доступа к электронной книге, соответствующие правовые механизмы и экономические стимулы для инвестирования в этот «узкий» участок книготорговли. Электронная книга нужна не только для оптимизации инфраструктуры книжного рынка, но и для обеспечения доступности книги любому гражданину нашей страны, а это важнейшая социальная и культурная задача! Здесь, возможно, одна из главных болевых точек и одновременно – точек роста, решения задач обеспечения общенациональных интересов в сфере книгоиздания. Необходимо законодательное основание для эффективного развития цифрового книгоиздания. Чтобы нашей стране снова стать «читающей» необходимо свободно приобретать книги онлайн за социально приемлемую плату. Добиться совпадения интересов авторов, издателей и читателей, наверное, не так просто, как сказать об этом. Но этого требуют стратегические интересы нашего государства.

Ещё одна технология обеспечения доступа к книге – это электронные библиотеки. Национальная электронная библиотека (НЭБ) объединяет ресурсы крупнейшей российских библиотек. На наш взгляд, законодателям и правительству вполне по силам существенно повысить эффективность этого информационно-культурного ресурса. Необходимо расширить возможности оцифровки и доступа к книгам, находящимся в открытом доступе, а главное – создать возможность приобретения прав на новые книги. Если НЭБ ежегодно приобретает такие права на 11 тыс. наименований, а в стране выпускается каждый год в 10 раз больше названий книг, то это свидетельствует скорее о расширяющейся пропасти, чем о движении к цели, без достижения которой вряд ли

возможно развитие отечественной культуры – обеспечение доступности всех ресурсов культуры для граждан России независимо от места проживания, социального и материального положения и т.д. Учитывая технические возможности цифровизации книжной продукции, не вызывает возражений позиция главного редактора книжного проекта «Полка» Юрия Сапрыкина, которые считает, что «никакой катастрофы в том, что не читают, нет» и, более того, что «читаем мы сейчас больше, чем когда-либо. И пишем тоже»... Поэтому можно «купить и прочитать неизмеримо больше книг, чем когда-либо в истории России, включая золотой век 1970-х годов». Слишком запутанное и быстро меняющееся поле чтения требует не только серьезного системного социологического изучения, но и выстроенной с учетом реальной ситуации государственной стратегии в этой сфере. Между тем, «странная» – это самое мягкое определение государственной политики, которая с начала 1990-х гг., после ликвидации Госкомиздата, практически вывела из ведения государства важней элемент обеспечения культурного роста и духовного благосостояния народа. «Для того чтобы изменить ситуацию, – считает президент Ассоциации книготорговцев независимых государств Н. Михайлова, – необходимо особое регулирование книготорговли, которое способствовало бы внедрению литературы в общество и её доступности» [Михайлова Н. Указ. соч.]. на законодательном уровне решить проблему взаимодействия издательств, библиотек и книжных магазинов, их поддержки государством, «закрепить статус книги как особого вида товара», признать книжную торговлю культурной деятельностью, обеспечить книжному бизнесу статус социально-значимой деятельности, создать льготные условия аренды площадей под книжные магазины, которая достигает ныне 34% от общих затрат и т.д.

Государство должно перейти от дотационно-распределительной модели (карликовой по своим размерам и практически в каждом регионе уменьшающейся по финансированию) к стимулированию и регулированию рынка книжной продукции (в том числе в Интернете) путем организационно-законодательных мер, к обеспечению выгоды иностранных и отечественных инвестиций в эту сферу, к разработке эффективных программ книгоиздания на федеральном и региональном уровне. Региональные представители книжного рынка предлагают, например, вполне разумные законодательные шаги – включить предприятия торговли книжной продукцией в перечень социально значимых объектов, предоставить им соответствующие льготы и преференции, а книготорговую деятельность отнести к социальному предпринимательству, отменить или хотя бы снизить НДС на книги, в первую очередь на учебники. Обязательным условием успеха в важнейшем государственном деле является обеспечение детей дошкольного возраста и школьника книгами, которые помогут им открыть безмерное богатство родного языка, станут для них путеводителем в жизни. Ведь книга и чтение – это не получение информации, это вовлечение в культуру.

Литература

1. Аронов А.А. История русской культуры: узловые вопросы (IX–XX века): учебно-методическое пособие. Московский гос. ун-т культуры и искусств, Международная пед. акад. – Москва: Экон-Информ, 2008.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирования реальности. – М., 1995.
3. Быков Д., Яхьяева М. Унесенные кризисом // Профиль. 06 июня 2009.
4. Выжувович В. Национальная безопасность зависит от культуры. Беседа с культурологом Даниилом Дондуреем // Российская газета. № 6724 (153). 22 июля 2015 г.
5. Горшков М.К., Комиссаров С.Н., Карпук О.И., На переломе веков: социодинамика российской культуры. – М.: 2022.
6. Ильин И.А. Путь духовного обновления. Собр. соч. Т. 1. – М.: Русская книга; Изд-во ПСТТУ, 1993. – С. 202–208.
7. Карась А., Муравьева И. Культурный слой или культура слоя. Михаил Швыдкой о кризисе гуманизма и культурной политике при капитализме // Российская газета – Федеральный выпуск № 4517. 14 ноября 2007. № 254 (4517). С. 9.
8. Каменева М. Разговор с книгопродавцем // Отечественные записки. 2005. № 4 (25). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/4/razgovor-s-knigoprodavcem.html> (дата обращения: 04.11.2021).
9. Карпук О. Культура и молодежь // Вестник аналитики, № 3, 2006, С. 76–77.
10. Кибовский А. О новых правилах игры с деньгами и без // Российская газета, 03.04.2018. URL: <https://rg.ru/2018/04/03/reg-cfo/kibovskij-vlasti-nemeshivaiutsia-v-hudozhestvennuii-politiku-teatrov.html>
11. Киенко Т.С. Ненормативная лексика как социальный феномен (анализ опроса жителей провинциального города) // Социологические исследования. – 2016. – № 5. – С. 125.
12. Ленский Б. В. О некоторых тенденциях в российском книгоиздании. Текущий архив Госкомпечати РФ. – М.: Финансы и статистика, 1997. – С. 9.
13. Литературный базар. Приложение к «Литературной газете». – 1994. – № 6. – С. 2.
14. Макушева М.О. Предметное поле социологии языка // Вестник Института социологии. – 2012. – № 5. – С. 219.
15. Михайлова Н. Закрытая книга // Российская Бизнес-газета. № 49 (1028). URL: <https://rg.ru/2015/12/15/knigi.html>
16. Пономаренко Л.В., Лаврова Е.В. Франкофония. История, структура, тенденции современного развития. – М., 2005.
17. Петров В.К., Петрова М.Ю. «Русский язык как основа русской аналитики // Власть. – 2022. – № 1.
18. Печать Российской Федерации в 1996 г. Статистический сб. Под ред. Г.Н. Матрюхина. – М.: Финансы и статистика, 1997.
19. Путин В. В. «Пещерные русофобы» объявили войну русскому языку // ТАСС: [сайт]. 05.11.2019. URL: <https://www.vesti.ru/article/1294640>, <https://tass.ru/obshchestvo/7080708> (дата обращения: 04.11.2021).
20. Чехов А.П. Собр.соч. в 15 томах. – М, 2010. – Т. 15. – С. 32–33.
21. Секретов С.В. Рейтинг читательского спроса в московских библиотеках // Вопросы литературы, № 4, июль-август 2019. URL: <https://voplit.ru/article/rejting-chitatelskogo-sprosa-v-moskovskih-bibliotekah/>
22. Соловьев В.Н. Государственная политика в области книгоиздания в условиях рынка. Автореферат... канд. социол. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – С. 3, 4.
23. Юрий Поляков: откуда в книжных магазинах столько «русофобской» литературы // Аргументы недели, 16 марта 2021 г. URL: <https://argumenti.ru/society/2021/03/713915>

LANGUAGE IN THE STRUCTURE OF CULTURE REPRODUCTION

Karpukhin O.I., Komissarov S.N.

Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

The article considers language as an object of sociocultural analysis in the system of its essential characteristics, which manifest themselves in the process of using sociological methods for studying this phenomenon. Such an approach allows, in particular, to see the true significance of language as a backbone element of culture and to show its ability to construct a new reality.

The authors analyze the causes of the crisis of the Russian language as a material carrier of national culture, the fall of its popularity in the world. Measures are proposed to overcome the sociolinguistic crisis, which is essentially a sociocultural crisis.

Keywords: sociolinguistics, worldview, social construction of reality, linguistic resource, language crisis, Francophonie, sociocultural research method, book distribution.

References

1. Aronov A.A. History of Russian culture: key issues (IX–XX centuries): teaching aid. Moscow state. University of Culture and Arts, International Ped. acad. – Moscow: Ekon-Inform, 2008.
2. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. – M., 1195.
3. Bykov D., Yakhyaeva M. Carried away by the crisis // Profile. June 06, 2009.
4. Vyzhutovich V. National security depends on culture. Conversation with culturologist Daniil Dondurei // Rossiyskaya Gazeta. No. 6724 (153). July 22, 2015
5. Gorshkov M. K., Komissarov S.N., Karpukhin O.I. At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture. – M.: 2022.
6. Ilyin I.A. The path of spiritual renewal. *Sobr. op. T. 1.* – M.: Russian book; Publishing house of PSTTU, 1993. – S. 202–208.
7. Karas A., Muravyova I. Cultural layer or layer culture. Mikhail Shvydkoy on the crisis of humanism and cultural policy under capitalism // Rossiyskaya Gazeta – Federal Issue No. 4517. November 14, 2007. No. 254 (4517). S. 9.
8. Kameneva M. A conversation with a bookseller // Otechestvennye zapiski. 2005. No. 4 (25). URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2005/4/razgovor-s-knigoprodavcem.html> (accessed 04.11.2021).
9. Karpukhin O. Culture and youth // Bulletin of Analytics, No. 3, 2006, pp. 76–77.
10. Kibovsky A. On the new rules of the game with and without money // Rossiyskaya Gazeta, 04/03/2018. URL: <https://rg.ru/2018/04/03/reg-cfo/kibovskij-vlasti-ne-vmeshivaiutsia-v-hudozhestvennuiu-politiku-teatrov.html>
11. Kienko T.S. Profanity as a social phenomenon (analysis of a survey of residents of a provincial town) // Sociological research. – 2016. – No. 5. – P. 125.
12. Lensky B.V. On some trends in Russian book publishing. The current archive of the State Committee for Press of the Russian Federation. – M.: Finance and statistics, 1997. – P. 9.
13. Literary market. Supplement to the Literary Gazette. – 1994. – No. 6. – P. 2.
14. Makusheva M.O. Subject field of the sociology of language // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2012. – No. 5. – C. 219.
15. Mikhailova N. Closed book // Russian Business newspaper. No. 49 (1028). URL: <https://rg.ru/2015/12/15/knigi.html>
16. Ponomarenko L. V., Lavrova E.V. Francophonie. History, structure, trends of modern development. – M., 2005.
17. Petrov V. K., Petrova M. Yu. “Russian language as the basis of Russian analytics // Power. – 2022. – No. 1.
18. Seal of the Russian Federation in 1996. Statistical collection. Ed. G.N. Matryukhina. – M.: Finance and statistics, 1997.
19. Putin V. V. “Cave Russophobes” declared war on the Russian language // TASS: [website]. 11.05.2019. URL: <https://www.ves-ti.ru/article/1294640>, <https://tass.ru/obschestvo/7080708> (date of access: 04.11.2021).
20. Chekhov A.P. Collected Op. in 15 volumes. – M, 2010. – T.15. – P. 32–33.
21. Secrets S.V. Rating of reader demand in Moscow libraries // Questions of Literature, No. 4, July-August 2019. URL: <https://voplit.ru/article/rating-chitatelskogo-sprosa-v-moskovskih-bibliotekah/>
22. Solovyov V.N. State policy in the field of book publishing in the conditions of the market. Abstract...cand. sociological Sciences. – M.: Moscow State University. M.V. Lomonosov, 1998. – S. 3, 4.
23. Yuri Polyakov: why are there so many “Russophobic” literature in bookstores // Argumenty Nedeli, March 16, 2021. URL: <https://argumenti.ru/society/2021/03/713915>

Цифровая культурология: тенденции методологической трансформации

Попова Анна Алексеевна,

к.ф.н., доцент кафедры «Социология и культурология»
Московского государственного технического университета
им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский
университет)
E-mail: popovaaa@bmtu.ru

Гаврилова Юлия Викторовна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры «Социология и культурология»
Московского государственного технического университета
им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский
университет)
E-mail: julia.voitsuk@yandex.ru

Акимова Ирина Александровна,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры «Социология и культурология»
Московского государственного технического университета
им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский
университет)
E-mail: akimova@bmtu.ru

Авторы обращаются к актуальной проблеме формирования новой дисциплины – цифровой культурологии (digital cultural studies). В статье актуализируется важность применения цифровых методов для анализа культуры и формируется проблемное поле цифровой культурологии. В фокусе внимания востребованные методы изучения культуры посредством цифровых систем (моделирование цифровых двойников и искусственных обществ), методы с опорой на функционирование искусственного интеллекта (ИИ), анализ BIG DATA, технологий виртуальной, дополненной и смешанной реальностей. Авторы исследуют возможность включения в цифровую культурологию междисциплинарных методов цифровой антропологии, электронной филологии и математического моделирования для построения моделей культуры. В статье раскрываются проблемы создания культурного репозитория, как области применения big data и data-mining в исследованиях культуры, и определяют факторы, влияющие на эффективность их использования.

Ключевые слова: цифровая культурология, цифровая среда, digital culture, цифровая антропология, культурный репозиторий.

Актуальность темы исследования определяется существующим разрывом между цифровизацией культурного пространства, требующей внедрения в культурологию цифровых научно обоснованных методов исследования и прочно укоренившимися традиционными способами, и механизмами анализа культуры. На протяжении многих лет в культурологии применялись стандартные методы анализа культуры – теоретические, используемые для выстраивания категориального аппарата и прикладные, призванные решать конкретные исследовательские задачи. Современный этап развития техники и информационных технологий способствует развитию и существованию культуры в гибридной среде, где соединяется офлайн и онлайн реальность (например, реальное и виртуальное пространства музеев). Исследователям культуры брошен новый вызов – разработать актуальные методы изучения культуры от прошлого к настоящему в цифровой среде. Культурологи активно осваивают такие методы, как data mining – извлечение нужной информации из нескончаемого потока данных, технологии VR/AR, 3D моделирования, анализ аккаунтов музеев в социальных сетях по заданным параметрам с целью прогнозирования динамики интереса посетителей. В связи с этим, в попытках найти ответы, например, на такие вопросы как, «Где проходит граница между реальным и виртуальным миром человека и как происходит процесс культурной идентификации в гибридной среде?», «Как трансформируются ценности, язык, традиции, культурные практики в условиях дигитализации жизни?» «Как изменяется мышление и поведение человека в условиях соотношения виртуальной реальности и социальной действительности?» трансформируются способы и методы исследования культурологической реальности. Это связано с тем, что классические методы изучения культуры не в полной мере справляются с поставленными задачами, соответственно, проблема поиска новых методов изучения культуральных процессов с использованием цифровых инструментов – приоритетная задача цифровой культурологии.

Степень научной разработанности темы

Научное осмысление перспектив развития и применения актуальных методов исследования культуры является одной из важнейших задач отечественного и зарубежного научного сообщества. Ученые указывают на то, что процессы информатизации цивилизации и их темпы приводят нас к пониманию, что «чистые методы во многих областях знания уже не так эффективны и не формируют полную картину» [1]. В связи возникает необходимость организации новых площадок для дискуссий и актуализации идей, например, ежегодная конференция «Digital humanities», организованная ADHO – Альянсом организаций цифровых гуманитарных наук (ADHO), продвигающим и поддерживающим цифровые исследования и преподавания во всех гуманитарных дисциплинах, выступая в качестве консультативной группы на уровне сообщества и поддерживая передовое мастерство в исследованиях, публикациях, сотрудничестве и обучении [2]. В феврале 2019 года прошла конференция «DIGITAL HUMANITIES MEET-UP HSE» [3], организованная Высшей школой экономики, в ходе которой обсуждались

проекты и исследования, организованные в направлении digital humanities. Европейская ассоциация цифровых гуманитарных наук (EADH) [4] провела в 2021 году вторую конференцию, посвященную проблеме данных в междисциплинарном пространстве. В ходе проведения конференции были сформулированы актуальные методы исследования культуры, к которым относятся трехмерная визуализация, моделирование и цифровая реконструкция/реставрация исторического наследия; компьютерная текстология, в том числе количественная стилистика, стилометрия, авторская атрибутика, интеллектуальный анализ текста. Для цифровой культурологии участники определили исследовательское поле – анализ и выявление специфики культуры IT сферы, культуры хакеров, изучение своеобразного мира искусственных обществ с широкой цифровой инфраструктурой, анализ иерархии в цифровой реальности, выявление принципов цифрового и технологического лидерства и многие другие направления исследований, включая, национальные, этнические, расовые аспекты культуры цифрового общества. В Российском Государственном Гуманитарном Университете на факультете культурологии 17–18 мая 2020 года прошла Всероссийская научная конференция «Современные методы изучения культуры – XII» [5], одна из секций которой называлась ««Метарефлексия: культурологическое осмысление гуманитарного знания», в ходе которой исследователи обсуждали новые методы и подходы в исследованиях культуры особо уделив внимание визуальным методам изучения культурных форм.

Такая обширная тематика свидетельствует об интенсивном развитии digital humanities как во всём мире, так и в России. В Пермском университете создан центр Цифровой гуманитаристики, в котором работает лаборатория исторической и политической информатики. Однако, стоит отметить, что российские культурологические исследования (digital cultures) находятся в процессе формирования – поиск, по ключевым словам, «цифровая культурология», на портале e-library не даёт результатов, хотя в других странах наблюдается интенсификация интереса к новым методам изучения культуры. Так, в Городском университете Нью-Йорка Лев Манович работает в созданной им лаборатории культурной аналитики, которая занимается «определением больших массивов и потоков культурных данных с использованием вычислительных методов и методов визуализации» [6, с. 164]. Он пишет, «все больше исследований из сферы цифровых гуманитарных наук начали использовать вычислительные инструменты для анализа больших массивов статичных оцифрованных артефактов культуры...при этом традиционный подход гуманитарных наук – рассмотрение культурных объектов, а не взаимодействия людей с этими объектами, – сохраняется. Меняется масштаб, а не метод» [6, с. 87]. Основной проблемой при исследовании digital cultures Л. Манович видит в том, что практически все проекты в сфере больших массивов данных были основаны на оцифрованных культурных артефактах прошлого, а не настоящего, исключая настоящее и будущее культуры [7]. Действительно, масштаб становится другим: культурные данные и информация в Интернете постоянно увеличиваются, развиваются и видоизменяются в формате больших данных в связи с глобализацией, оцифровкой и их обширным исследованием. В 2011 году Мэттью Фуллер – автор фундаментальной работы «За сигналом: эссе о культуре программного обеспечения», создает журнал «Вычислительная культура» [8], где уделяется внимание числовым исследованиям в культуре, формируя представление о невозможности изучать культуру, оперируя старыми классическими методами. Вычислительная культура – это рецензируемый

онлайн-журнал с открытым доступом, посвященный междисциплинарным исследованиям природы культуры вычислительных объектов, практик, процессов и структур. Основная цель журнала – изучить способы, с помощью которых программное обеспечение поддерживает и формирует современную жизнь. На данный момент вышло 7 номеров журнала, посвященных разным аспектам изучения современного цифрового мира. Так, в последнем номере за 2019 год была объявлена тема «Приложения и инфраструктуры», а в номере 6 была опубликована статья «Язык и структура в цифровую эпоху», «Видение технологического гуманизма» и многие другие, основанные на междисциплинарном подходе к изучению культуры через призму информационных технологий.

Таким образом, цель исследования – выявить и проанализировать перспективные направления методологического развития цифровой культурологии. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: проанализировать тенденции развития перспективных междисциплинарных методологических направлений цифровой культурологии, таких как цифровая филология, цифровая антропология, математическое моделирование; охарактеризовать актуальные цифровые методы исследований в сфере культурологического знания (интеллектуальный анализ данных, технологии VR/AR, 3D моделирование, анализ посредством big data и data-mining); выявить эвристический потенциал и исследовательскую продуктивность методологических подходов в цифровой культурологии.

Термин «цифровая культурология» является новаторским и ранее не употребляемым в отечественной научной литературе. Среди исследователей привычно используется термин «цифровая культура», которая является объектом изучения культурологии и не может включать в себя методы исследований и способы проектирования и прогнозирования культуральных процессов. С 2012 по 2022 г. в системе e-library зарегистрировано 76 публикаций по цифровой культуре (по специальности «культурология»), из них – за 2022 год выпущено всего 4 статьи по цифровой культуре с одним объектом исследования – музеем. Учитывая, разнообразие объектно-предметной области культурологических исследований, появления новых цифровых методов анализа культуры и изменения самого исследовательского поля (гибридные среды, онлайн-пространство), актуализируется важность изучения и развития цифровой культурологии, как нового направления развития классической культурологии. И авторы формируют совершенно новую научную тематику.

Методология исследования

Выявление и анализ перспективных направлений методологического развития цифровой культурологии и актуальных исследовательских методов в этой области знаний осуществлялись посредством системного изучения текстов отечественных и зарубежных культурологов, специалистов digital humanities и digital cultural studies, занимавшихся разработкой методологических подходов в современной культурологии. Актуальные методы исследований цифровой культурологии, а также их эвристический потенциал выявлялись методом case-study в процессе изучения техники и технологий в магистратуре «Социальный анализ технологических инноваций и рисков» при МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Особенности методологической трансформации

Человек уходит в цифровую среду и это меняет область исследований культуры из-за связи виртуального и ре-

ального: онлайн идентичность формируется из ценностей, представлений и культурных норм реального человека. «Внедрение виртуального мира в социальный определяет специфические условия жизни человека на границе этих двух сложных миров. Человеку приходится одновременно соответствовать требованиям, предъявляемым социальным и виртуальным мирами» [9, с. 83]. И в этом заключается сложность исследования классическими культурологическими методами, так как само исследовательское поле находится в виртуальном пространстве, и реальная идентичность может не совпадать с виртуальной идентичностью пользователя. На данном этапе развития цифровой культурологии к основным перспективным направлениям изучения культуры относятся электронная филология (работа с электронными текстами), цифровая антропология, визуальный анализ, изучение гибридных сред, виртуальной, смешанной и дополненной реальности, изучение специфики представления музейного пространства в виртуальной реальности по средством новейших имерсивно-цифровых технологий, моделирование в целях реконструкции культурных объектов, цифровое искусство, электронная литература, Digital Art.

Так, например, электронная филология как особая область работы с сетевыми текстами или большими массивами архивных данных на данный момент развивается активно во всём мире. Один из последних примеров применения цифровых технологий в филологии – это работа команды университета Инсбурка, которая разработала систему Transkribus, представляющая собой базу готических рукописей с XIV века. Главным достоинством программы – расшифровка рукописных и печатных текстов с погрешностью до 10%, что позволило культурологам получить новые сведения о культуре данного периода. Новые электронные инструменты требуют новых методов чтения, интерпретации, новых систем понятий – изменение материального носителя текста от книги к электронному ресурсу формирует и новые подходы к его осмыслению, так как текст лишается твёрдой фиксации, приобретает изменчивый формат и контекст, происходит движение от пользователя к пользователю, корректирующих по ходу чтения текст. Текст становится изменчивым, подвижным: «контекстуализация переходит в ретекстуализацию»: электронный текст быстро теряет свою идентичность и становится больше похожим на элементы устного народного творчества... Глубинная семантика заменяется текстовой динамикой... Смысл нередко меняется по ходу движения текста в сети» [10, с. 168–169]. Таким образом, мы видим, что текст становится «живым» и «подвижным» и на первый план выходит не точная дословная передача информации, а конструирование смысла самого текста.

Сам процесс работы с текстом на цифровом носителе кардинально меняется: возникает возможность использовать гиперссылки, делать заметки, мгновенно его форматировать и переформатировать. Более того, современные программы способны не только анализировать текст, но и генерировать его, например, создавать контент для новостных сайтов. Визуализация текстовой информации становится неотъемлемой частью современной культуры. Но не только визуализация является сейчас ведущим методом исследования культуры с помощью цифровых технологий, но и цифровая антропология.

Цифровая антропология – это антропологическое исследование взаимоотношений между людьми и технологиями, а также изучение человека с помощью big data и data-mining. Поле исследования цифровой антропологии – это и социальные сети, и онлайн-сообщества, и цифровые следы человека. Можно встретить такие на-

звания, как техноантропология, цифровая этнография, digital anthropology, киберантропология и виртуальная антропология. Однако, общепринятым в научном сообществе остается название «цифровая антропология». Термин «цифровая антропология» может использоваться для обозначения последствий развития цифровых технологий для конкретных групп населения, использования этих технологий в рамках антропологической методологии или изучения конкретных цифровых технологий. Но эта тема может также поднять более широкие вопросы о природе самой современной антропологии, как о том, что сейчас означает быть человеком. К основным направлениям в цифровой антропологии на сегодняшний день относят изучение цифровой культуры, антропология и фотография, искусство в публичной сфере, антропология социальных сетей, антропология технологий и техник (например, в МГТУ им. Н.Э. Баумана в рамках магистратуры по социологии есть дисциплина «Антропология и этнография техники», которая использует методы цифровой антропологии для изучения техники и технологий), цифровая инфраструктура, антропология урбанистического пейзажа, национальная и религиозная идентичность в сети Интернет и много другое.

Направление цифровой антропологии представлено во многих университетах мира – это и университет Стокгольма, и университет Осло, и многие другие. В России активно цифровой антропологией занимается Центр городской антропологии в КБ «Стрелка» [11]. Так на примере исследования этого центра мы можем увидеть, как цифровые методы помогают в антропологических исследованиях сегодня. Один из последних проектов по цифровой антропологии – изучение изменений городов в связи с пандемией COVID-19 в марте 2020 года [12]. С помощью данных из социальных сетей и «индекса самоизоляции» от Яндекс, были выбраны 15 городов-миллионников. Исследователи выгрузили фотографии пользователей из социальных сетей за первые 2 недели карантина и сравнили с их же фотографиями за 2019 – период без карантина. Огромный массив данных был проанализирован и представлен в виде карты геолокации. Полученные данные показали, что люди стали больше интересоваться своими районами, так как центр был закрыт для прогулок. Активно начали развиваться сетевые районные сообщества, как источник обмена актуальной информации и взаимной помощи на дому (лекарства, продукты, услуги).

На сегодняшний день сложилось четыре подхода в цифровой антропологии [13], которые Дарья Радченко, заместитель руководителя Центра городской антропологии КБ «Стрелка», определяет, как только виртуальные исследования (область изучения – онлайн пространства игр, социальных сетей как область реального взаимодействия); исследования на стыке реального и виртуального (например, как ценности и культурные особенности влияют на контент пользователя социальной сети); анализ гибридных сред (поиск границы между реальным миром и цифровым, культурная идентичность в реальности и в онлайн пространстве, реальная личность и аватар в сети Интернет); наблюдение за цифровыми следами (зафиксированные данные пользователей – комментарии, лайки, репосты и т.д.). Как мы видим, инструментарий, используемый в цифровой антропологии, обширен и уникален, именно поэтому исследования культуры методом digital anthropology являются одними из самых перспективных в условиях мировой дигитализации.

Перспективы применения цифровых методов в культурологии выглядят многообещающе для современного исследователя культуры. В целом можно сказать, что оцифрованные данные о культуре принимают фор-

му большого массива данных [14; 15; 16]. И существует острая необходимость в создании культурных репозиториях, которые могли бы обрабатывать эти данные и представлять их для исследователей культуры.

Выбор правильных баз данных, их эффективность и масштабируемость – вот основные вопросы, которые необходимо учитывать при работе с большими культурными данными в репозиториях. Другие проблемы, с которыми можно столкнуться при создании культурного репозитория, – это дезинтегрированные базы данных, хранение и поиск крупных культурных данных и информации, эффективность, производительность системы, развитие моделей данных, изменение вычислительной среды, различные типы форматов данных и т.д. Эта область применения big data и data-mining в исследованиях культуры.

Однако, «возникает вопрос в понимании смысла текста человеком и компьютером: семантический разрыв в знании, которое получает при анализе человек и интерпретация этих же данных компьютером. В процессе взаимодействия человека и цифровых технологий возникает фундаментально другая гуманитарная методология – проблема конструирования смыслов, которые формируют современную культуру. Эвристическая функция методов цифровых исследований в гуманитарных науках, в основном, сосредоточена на поиске закономерностей, динамики и отношений в анализе данных. Культурология «не должна пытаться обнаружить жесткие культурные законы, но изучать культурные паттерны и строить математические модели, которые предсказывают эти паттерны» [17, с. 12].

Вывод

Таким образом мы подходим к пониманию того, что формируется новая гуманитарная методология, основанная на конструировании смыслов. Классические методы культурологии в большей степени были сфокусированы на изучении механизмов динамики культуры, её типологии и существенных характеристик. Но новая цифровая реальность формирует новую цифровую культуру, в которой на первом плане выходит проблема множественности коннотаций реальности и определение идентичности человека в реальной жизни и виртуальном пространстве, определение культуры в гибридных средах.

Наряду с новыми, порой фантастическими возможностями, которые открывают цифровые методы анализа культуры, нельзя не отметить и другую сторону их применения: «в культуре появилась логика, несущая в себе риски, которая создает у человека опыт осознания внешних результатов технического творчества, но при этом игнорирует, исключает самого человека» [18, с. 58]. Одна из существенных проблем – необходимость формализации содержания и практики в структурах данных, алгоритмах и способах представления полученных результатов, но человек сложнее любого алгоритма и определяется не только уровнем владения цифровыми продуктами, но и культурными паттернами, заложенными в нём: «в культуре ничего не умирает. Родившаяся на каком-то этапе развития тенденция социокультурного самовыражения и самореализации людей может в последующем стать менее востребованной, быть вытесненной другой тенденцией из поля культурного мейнстрима на обочину, но она продолжает существовать и использоваться в реальной практике, поскольку всегда остается какая-то часть общества, тяготеющая именно к этому культурному регулятиву» [19, с. 50]. Задача цифровой культурологии не схематизировать и роботизировать процесс изучения культуры, но дать новые инструменты для ана-

лиза культурных кодов современного человека, через изучение динамики культурной изменчивости.

Категорий гуманитарного аппарата недостаточно для описания процессов цифровой среды и здесь необходим междисциплинарный подход и использование терминов информационного поля. Например, традиционные методы информатики, методы и технологии VR, методы математического моделирования активно используются культурологами для исследования культуры. Например, из уже активно используемых математических моделей можно выделить «модель культурной эволюции Дж. Генрича и Р. Бойда» [20], «модель взаимосвязи демографических изменений и культурных инноваций П. Ричардсона, Р. Бойда и Р. Беттингера» [21], «модель культурной динамики EVOС Л. Габора» [22]. Использование цифровых методов в исследованиях культуры значительно расширяет и усложняет проблемное поле и варианты прогнозирования и проектирования культурных процессов, особенно в визуальной культуре. Будущее культурологии связано с развитием и активным использованием информационных методов изучения культуры. Исследования в сфере цифровых гуманитарных наук решают сразу несколько задач: обеспечивают сохранность культурного наследия с помощью цифровых технологий, анализируют реальность и прогнозируют будущее динамики культуры. Активное включение информационных методов, таких как электронная филология, цифровая антропология, Big data, Data mining, методологии на основе НБИК-технологий, 3D-моделирование и цифровые реконструкции культурных объектов, цифровое искусство, электронная литература и т.д. выводят культурологические исследования на новый качественный уровень.

Литература

1. Попова А.А. Формирование информационных методов в культурологии // Культурная жизнь юга России. – 2018. – № 3 (70). – С. 22–25.
2. Alliance of Digital Humanities Organizations (ADHO). Электронный ресурс: <https://adho.org/>
3. Межкампусная конференция по Digital Humanities «DH Meet-Up HSE». Электронный ресурс: https://hum.hse.ru/digital/dh_meetup
4. European Association for digital humanities. Электронный ресурс: <https://eadh.org/>
5. Конференция «Современные методы изучения культуры – XII». Электронный ресурс: <https://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=620769>
6. Манович Л. Теории софт-культуры. – М.: «Красная ласточка», 2018–208 с.
7. Манович Л. Как следовать за пользователями программ? Журнал «Логос» N2/2015, Выпуски 2–2015. – С. 188
8. Computational Culture. Journal of software studies. Электронный ресурс: <http://computationalculture.net>.
9. Гаврилова Ю.В. Ментальность в контексте взаимодействия социальной и виртуальной реальностей // Гуманитарный вектор. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 82–93. DOI: 10.21209/1996–7853–2022–17–2–82–93.
10. Эпштейн М.Н. Будущее гуманитарных наук. – М.: Группа компаний «РИПОЛ классик»/«Панглосс», 2019–239 с. – (Серия «ЛекцииПРО»).
11. Центр городской антропологии КБ Стрелка. Электронный ресурс: <https://ru-ru.facebook.com/groups/1450335985287322/>
12. Исследование о городах и фотографиях на карантине. КБ «Стрелка». Электронный ресурс: <https://strelkamag.com/ru/article/my-stali-menshe-instagramit>

13. «Цифровой антрополог отличается от Data Scientist'a вниманием к деталям»/ интернет-издание «Системный блок». Электронный ресурс: <https://sysblok.ru/interviews/cifrovoj-antropolog-otlichaetsja-ot-data-scientist-a-vnimanem-k-detalyam-intervju-s-darej-radchenko-kb-strelka/> от 23.11.2020.
14. Sharma S., Bawa S., Lomash H. Approaches in cultural computing: a survey and inference from social computing with dynamics of mind/Wireless Personal Communications, 2018–103(4): 2693–713.
15. Buono M. P., Monteleone M., Marano F., Monti J. Knowledge management and cultural heritage repositories: cross-lingual information retrieval strategies/ In 2013 Digital Heritage International Congress (Digital Heritage), IEEE, October 2013, Vol. 2, pp. 295–302.
16. Seemu Sharma, Seema Bawa. An efficient storage repository for cultural big data Digital Scholarship in the Humanities, Volume 35, Issue 4, December 2020, Pages 893–903, <https://doi.org/10.1093/llc/fqz083> Published: 15 November 2019.
17. Можеева Г.В. Digital Humanities: цифровой поворот в гуманитарных науках // Гуманитарная информатика. 2015. № 9.
18. Ярославцева Е. Потенциал цифровых технологий и проблемы творчества человека // Вопросы философии. – 2020. – Т. 11. – С. 58–66.
19. Флиер А.Я. Эволюция культуры как социально-регулятивной системы (окончание1) // Вестник ЧГАКИ. 2015. № 1 (41).
20. Henrich J., Boyd R. On modeling cognition and culture: why cultural evolution does not require replication of representations // J. of cognition and culture. – 2002. – Vol. 2, № 2. – P. 87–112. 2.
21. Richerson P. J., Boyd R., Bettinger R.L. Cultural innovations and demographic change // Human biology. – 2009. – Vol. 81, № 2/3. – P. 211–235. 3.
22. Gabora L. Modeling cultural dynamics // Proceedings of the Association for the advancement of artificial intelligence (AAAI): Fall Symposium 1: Adaptive agents in a cultural context, Nov. 7–9, The Westin Arlington Gateway, Arlington VA. Menlo Park (Ca): AAAI Press, 2008. – P. 18–25.

DIGITAL CULTURAL STUDIES: METHODOLOGICAL TRANSFORMATION TRENDS

Popova A.A., Gavrilova Y.V., Akimova I.A.

Bauman Moscow State Technical University (National Research University)

The authors address the urgent problem of the formation of a new discipline – digital cultural studies. The article actualizes the importance of the use of digital methods for the analysis of culture and forms a problematic field of digital cultural studies. The focus is on the popular methods of studying culture through digital systems (modeling of digital twins and artificial societies), methods based on the functioning of artificial intelligence (AI), analysis of BIG DATA, virtual, augmented and mixed reality technologies. The authors explore the possibility of including interdisciplinary methods of digital anthropology, electronic philology and mathematical modeling in digital cultural studies to build models of culture. The article reveals the problems of creating a cultural repository, as areas of application of big data and data-mining in cultural research, and identifies factors affecting the effectiveness of their use.

Keywords: digital cultural studies, digital environment, digital culture, digital anthropology, cultural repository.

References

1. Popova A.A. Formation of information methods in cultural studies // Cultural life of the south of Russia. – 2018. – No. 3 (70). – P. 22–25.
2. Alliance of Digital Humanities Organizations (ADHO). Electronic resource: <https://adho.org/>
3. Intercampus Conference on Digital Humanities “DH Meet-Up HSE”. Electronic resource: <https://hum.hse.ru/digital/dh-meet-up>
4. European Association for digital humanities. Electronic resource: <https://eadh.org/>
5. Conference “Modern methods of studying culture – XII”. Electronic resource: <https://www.rsuh.ru/news/detail.php?ID=620769>
6. Manovich L. Theories of soft culture. – M.: “Red Swallow”, 2018–208 p.
7. Manovich L. How to follow program users? Journal “Logos” N2/2015, Issues 2–2015. – S. 188
8. Computational Culture. Journal of software studies. Electronic resource: <http://computationalculture.net>.
9. Gavrilova Yu.V. Mentality in the context of the interaction of social and virtual realities // Humanitarian vector. – 2022. – V. 17, No. 2. – S. 82–93. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-82-93.
10. Epstein M.N. The future of the humanities. – M.: Group of companies “RIPOL classic” / “Pangloss”, 2019–239 p. – (Series “Lectures PRO”).
11. Center for Urban Anthropology KB Strelka. Electronic resource: <https://ru-ru.facebook.com/groups/1450335985287322/>
12. Research about cities and photos in quarantine. KB Strelka. Electronic resource: <https://strelkamag.com/ru/article/my-stalimenshe-instagramit>
13. “A digital anthropologist differs from a Data Scientist in attention to detail” / online publication “System Block”. Electronic resource: <https://sysblok.ru/interviews/cifrovoj-antropolog-otlichaetsja-ot-data-scientist-a-vnimanem-k-detalyam-intervju-s-darej-radchenko-kb-strelka/> dated 11/23/2020.
14. Sharma S., Bawa S., Lomash H. Approaches in cultural computing: a survey and inference from social computing with dynamics of mind/Wireless Personal Communications, 2018–103(4): 2693–713.
15. Buono M. P., Monteleone M., Marano F., Monti J. Knowledge management and cultural heritage repositories: cross-lingual information retrieval strategies/ In 2013 Digital Heritage International Congress (Digital Heritage), IEEE, October 2013, Vol. 2, pp. 295–302.
16. Seemu Sharma, Seema Bawa. An efficient storage repository for cultural big data Digital Scholarship in the Humanities, Volume 35, Issue 4, December 2020, Pages 893–903, <https://doi.org/10.1093/llc/fqz083> Published: 15 November 2019.
17. Mozhaeva G.V. Digital Humanities: Digital Turn in the Humanities // Humanitarian Informatics. 2015. No. 9.
18. Yaroslavtseva E. The potential of digital technologies and the problems of human creativity // Questions of Philosophy. – 2020. – Т. 11. – С. 58–66.
19. Flier A. Ya. The evolution of culture as a socio-regulatory system (end1) // Vestnik ChGAKI. 2015. No. 1 (41).
20. Henrich J., Boyd R. On modeling cognition and culture: why cultural evolution does not require replication of representations // J. of cognition and culture. – 2002. – Vol. 2, No. 2. – P. 87–112. 2.
21. Richerson P. J., Boyd R., Bettinger R.L. Cultural innovations and demographic change // Human biology. – 2009. – Vol. 81, no. 2/3. – P. 211–235. 3.
22. Gabora L. Modeling cultural dynamics // Proceedings of the Association for the advancement of artificial intelligence (AAAI): Fall Symposium 1: Adaptive agents in a cultural context, Nov. 7–9, The Westin Arlington Gateway, Arlington VA. Menlo Park (Ca): AAAI Press, 2008. – P. 18–25.

Профессиональные и образовательные намерения старшеклассников: ценностный аспект (на примере Ульяновской области)

Рассади́на Татьяна Анатольевна,

д.с.н., доцент, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Ульяновского государственного университета
E-mail: t.rassadina@mail.ru

Статья посвящена анализу некоторых ценностных аспектов профессиональных и образовательных намерений старшеклассников. Выполнена на основе социологического исследования «Профессиональные и образовательные намерения старшеклассников Ульяновской области» методом Интернет-опроса. Представлен анализ факторов привлекательности, мотивов выбора профессии; решающих факторов при выборе профессии и образовательного учреждения; целей получения профессионального образования; факторов престижа профессии, достижения жизненного успеха в представлениях современных старшеклассников региона.

Ключевые слова: намерения, профессиональные и образовательные намерения, ценность, факторы привлекательности, факторы выбора профессии и образовательного учреждения.

«Прикрепление» молодых людей к профессии, интеграция в социально-профессиональную структуру современного общества не становятся менее проблематичными. Выбор профессии осуществляется в сложных социально-экономических условиях, при меняющемся тренде запросов государства и рынка на профили, в условиях расширения пространства для самостоятельного конструирования биографий, при незначительном улучшении профориентационной работы. В условиях сложности и многофакторности выбора профессионального пути формируются профессиональные и образовательные намерения старшеклассников.

Намерение – предположение сделать что-нибудь, желание, замысел [7]; стойкая мысль о возможности или необходимости выполнять определенное действие или деятельность. При подкреплении волей становится стремлением [2, с. 90]; зафиксированная решением направленность на осуществление цели, внутренняя подготовка отсроченного действия [1].

Намерение – осознание стоящих перед человеком задач, обусловленных интересами и потребностями (собственными, общественными или других людей), выдвигание перед собой цели, выбора соответствующих средств ее достижения, которые мотивируют агента. Оно «вплетается» в процесс принятия решений; организует поведение человека, позволяет ему произвольно действовать с целью удовлетворения своих потребностей и интересов; отвечает за инициирование, поддержание и прекращение действий; часто используется для объяснения того, почему люди совершают определенное поведение. Это лишь возможное начало действия, но еще не само действие. Намерение формируется, когда цель деятельности отдалена, ее достижение отсрочено; когда удовлетворение потребности не может быть достигнуто непосредственно, а требует достижения промежуточных целей, не имеющих побудительной силы. Намерение предшествует самому акту выбора.

Намерение – функциональное образование, в котором в неразрывном единстве выступают аффективные и интеллектуальные компоненты; ценностно обусловлено, включает и учитывает ценное, значимое для социального субъекта. Структура намерения гносеологически идентична структуре социальной ориентации как результата освоения социальных ценностей.

Проблема изучения ценностей имеет богатую традицию в объектно-предметной области разных гуманитарных и социальных наук [3, с. 7–44]. Ценность рассматривается многоаспектный феномен через призму разных научных подходов. Так, в материалах советских ученых к XVIII Всемирному философскому конгрессу (Великобритания, Брайтон, 21–27 августа, 1988) перечислены следующие подходы к определению ценностей: ценность отождествляется с новой идеей, выступающей в качестве индивидуального или социального ориентира; ценность воспринимается как распространенный субъективный образ или представление, имеющий человеческое измерение; ценность синонимизируется с культурно-историческим стандартом; ценность ассоциируется с типом «достойного» поведения, с конкретным жизненным стилем.

Ценность – объективно-субъективный феномен; детерминирована свойствами объекта, носителя ценности (объективный аспект ценности), отражает их, в процессе чего формируется отношение субъекта к данной ценности (субъективный аспект ценности). Процесс отнесения к ценности – эмоциональный и рациональный акт человеческого сознания, при котором формируется познавательное и ценностное отношение социального субъекта к предмету познания и оценивания. Для личности этот процесс – событие душевной жизни. Он обусловлен состоянием ее потребностной сферы, содержанием представлений, знаний о мире, о взаимоотношениях между людьми и их критериях, об отношении к общественному и частному, к другому человеку, к самому себе и т.п., которые могут быть чрезвычайно многообразны.

Ценность – синоним смысла, значимости для конкретного субъекта. В результате отбора таких значимых свойств объекта возможен перевод их в личностно-смысловой контекст или «присвоение» ценности, или формирование ценностного отношения, или диспозиции как способности субъекта переживать ощущение в случае взаимодействия объекта и субъекта (В.А. Ядов) [5]. Субъективность познания всегда связана с конкретной индивидуальностью, ее потребностями, интересами, желаниями, порождает ее собственную оценку объектов и своеобразное отнесение к ценности, всегда приводит неполноту знания, но подготавливает решение о том, как нужно действовать в той или иной ситуации.

В течение дошкольной и школьной социализации активно конструируются профессиональные интересы. В старших классах происходит не просто проявление, а их развитие, закрепление и переход в профессиональные намерения. Профессиональные намерения – осознанное отношение к определенному виду профессиональной деятельности, включающее знания о предназначении профессии, стремление избрать профессию и получить соответствующее образование [6]. Сущность понятия «профессия» имплицитно включает следующие аспекты: совокупность специальностей; необходимый минимум знаний, умений и навыков, по которым обеспечивается возможность обучения в соответствующем по профилю учебном заведении; группа людей, объединенная общим родом занятий, трудовой деятельности; род трудовой деятельности, занятий, определяемый производственно-технологическим разделением труда [4а, с. 425; 4б, с. 281]. В социологии профессий к формальным критериям идеального типа профессии относят уровень образования, квалификации, принадлежность к профессиональной ассоциации; к неформальным – связанные с мотивационными, этическими основаниями профессионального поведения.

Связь профессии с образованием позволяет в рамках данного исследования под образовательными намерениями понимать прежде всего ориентацию агентов на получение образования соответствующего уровня и профиля.

Целью статьи является анализ некоторых ценностных аспектов профессиональных и образовательных намерений старшеклассников (факторы привлекательности, мотивы выбора профессии; решающие факторы при выборе профессии и образовательного учреждения; цели получения профессионального образования; факторы престижа профессии, достижения жизненного успеха).

Эмпирическая база исследования. Статья выполнена на основе социологического исследования «Профессиональные и образовательные намерения старшеклассников Ульяновской области». Полевой этап: ноябрь – декабрь 2021 г. Метод сбора информации: количественный (анкетный Интернет – опрос). Выборка: 1047 старшеклассников;

многоступенчатая, репрезентативная, серийная по месту жительства школьников (г. Ульяновск, районы области), по классам (10, 11 классы), основание – сведения об организации предпрофильного и профильного обучения в образовательных организациях Ульяновской области; отобрано 12 школ разных типов г. Ульяновска, 12 школ районов области с наибольшим количеством старшеклассников; отбор внутри школ случайно-бесповторный. Максимальный размер ошибки выборки (Δ) с вероятностью 95% не превышает 5,0%. На погрешность могла повлиять процедура рекрутирования информантов при инструктировании работы с Googl-формами, которую осуществляли руководители (представители) школ.

Обработка данных выполнена с помощью программы IBM SPSS Statistics, версия 21.

Таблица 1. Что привлекает в профессии, %*

Варианты	Всего	Ранг
Оплата труда	55,7	1
Направленность труда (работа с техникой; природой; людьми; искусство и др.)	55,0	2
Соответствие профессии способностям; интересам; чертам Характера	54,5	3
Характер труда (умственный; физический)	43,9	4
Престижность	40,4	5
Спрос на профессию на рынке труда	39,4	6
Цели труда (материальное производство; создание духовных ценностей; обслуживание техники; людей; природы; уход за людьми; т.п.)	34,2	7
Отсутствие вредного влияния на здоровье	17,3	8
Продолжает семейные традиции	7,1	9
Не требует больших усилий в обучении	4,2	10

* Сумма ответов больше 100%, т.к. возможно несколько вариантов ответов

Данные исследования демонстрируют ориентацию подавляющего большинства учащихся на поступление после окончания школы в вуз для получения профессии (91,1% от числа опрошенных). В 90-е и нулевые годы в спектре привлекательных для выпускников профессий первые позиции занимали юридические и экономические профессии, профессии социально-гуманитарного профиля. В настоящее время «ядро» выбора стало разнообразнее. В рейтинге привлекательных профессий (открытый вопрос: «Какая профессия Вас привлекает больше всего?») в ряду первых: медицина (15,1%), программирование, компьютеры (13,7%), право (юридическая деятельность) (8,6%), креативные профессии (искусство, дизайн, музыка, кино, театр, телевидение и т.д.) (7,6%), финансы, экономика (5,5%), военное дело, правоохранительная деятельность, МЧС и психология, конфликтология (по 5,3%), сфера образования и воспитания, инженерная деятельность, лингвистика (языкознание, иностранные языки, перевод) (по 5,2%), транспорт (автомобильный, авиационный, железнодорожный) (3,9%), управление частной компанией, фирмой, маркетинг (2,9%), строительство, архитектура (2,5%).

Факторы привлекательности профессии могут рассматриваться в качестве мотивов профессионального выбора – внутренних побуждений выбора, детерминирующих профессиональные ориентации. Измерение производилось на основе вопроса «Что привлекает в этой профессии?» (табл. 1).

Выбор рационально сочетает так называемые внутренние и внешние (по отношению к деятельности) мотивы. Для респондентов важны содержательные аспекты профессии (направленность труда, характер труда (умственный; физический)), так стратификационные (оплата труда, престижность профессии). Факторы «не требуют больших усилий в обучении», «отсутствие вредного влияния на здоровье» в настоящее время не актуальны для молодых энергичных людей. Респонденты выражают готовность прилагать большие усилия для приобретения профессии. Не столь значим фактор «продолжает семейные традиции»; есть понимание, что профессия – это дело их жизни, важно чтобы она «соответствовала их способностям; интересам; чертам характера» (табл. 2).

Таблица 2. Мнение старшеклассников, почему люди выбирают то или иное место учебы, %*

Мотивы	Всего	Ранг
В этом учебном заведении дают хорошее качественное образование	68,1	1
В это учебное заведение есть реальная возможность поступить	52,1	2
Много хороших отзывов об этом учебном заведении	35,8	3
Учиться в этом заведении престижно	31,3	4
Имеет удобное территориальное расположение	28,9	5
Подготовка по выбранной мною специальности ведется только в этом учебном заведении	20,5	6
Посоветовали родные (знакомые)	19,3	7
Доступная для нашей семьи оплата обучения	14,5	8
Здесь учатся мои родные (знакомые)	7,7	9
Здесь работают мои родные (знакомые)	1,7	10

* Сумма ответов больше 100%, т.к. возможно несколько вариантов ответов

Данные показывают сочетание мотивов, связанных с потребностью пополнить свой образовательный капитал, стать профессионалом, а не получить формально диплом (дают хорошее качественное образование), прагматичных (реально поступить, удобное территориальное расположение) и престижных (хорошие отзывы, престиж). Мотив «доступная для нашей семьи оплата обучения» (14,5%), в общем распределении ответов не входит в группу наименее важных, скорее не является серьезным препятствием для получения образования. Малозначимые мотивы подтверждают важность для респондентов выбора учебного заведения исходя из собственных способностей, потребностей: здесь работают мои родные (знакомые) – 1,7%; здесь учатся мои родные (знакомые) – 7,7% (табл. 3).

Рейтинг факторов, которые являются решающими при выборе профессии, интегрирует мотивы внутренние (по отношению к деятельности – № 1, 2), соответствующие значимым факторам привлекательности профессии; статусные (№ 3, 4). Пятая позиция – информи-

рованность о профессии, значима почти для трети респондентов. Важнейшей стороной является содержание, условия труда. Последние строчки рейтинга факторов занимают позиции: мода на профессию (2,4%); точка зрения друзей (подруг) (3,0%); несложность в обучении профессии (4,7%); материальные возможности семьи и состояние здоровья (по 7,5%) (табл. 4).

Таблица 3. Решающие факторы при выборе профессии, %*

Факторы	Всего	Ранг
Личные профессиональные планы	68,9	1
Склонности; способности; личные качества	61,6	2
Доходность профессии	58,2	3
Престижность профессии	33,7	4
Информированность о профессии	31,5	5
Гарантия дальнейшего трудоустройства	30,3	6
Новизна профессии и ее востребованность в ближайшем будущем	18,4	7
Мнение старших членов семьи	18,1	8
Успешный пример родных; знакомых (друзей)	8,5	9
Материальные возможности семьи	7,5	10
Состояние здоровья	7,5	11
Несложность в обучении профессии	4,7	12
Точка зрения друзей (подруг)	3,0	13
Мода на профессию	2,4	14

* Сумма ответов больше 100%, т.к. возможно несколько вариантов ответов

Таблица 4. Решающие факторы при выборе образовательного учреждения, %*

Факторы	Всего	Ранг
Высокий профессионализм преподавателей	57,8	1
Хорошая репутация	53,0	2
Возможности пройти на бесплатное (бюджетное) обучение	46,2	3
Высокие рейтинги	42,7	4
Предложение учебным заведением интересных для меня профессий	29,4	5
Современная материально-техническая база	27,3	6
Известность	16,6	7
Легкость поступления	14,5	8
Совет родственников (знакомых)	13,1	9
Доступная для нашей семьи оплата обучения	11,9	10
Личное общение с преподавателями; сотрудниками; обучающимися этого заведения	10,7	11
Активность вуза в СМИ (газетах; на радио; телевидении; в интернете)	7,3	12
Традиции	2,6	13

* Сумма ответов больше 100%, т.к. возможно несколько вариантов ответов

Рейтинг решающих факторов при выборе образовательного учреждения вполне соотносится с ценностными установками старшеклассников: высокий профессионализм преподавателей (57,8%); хорошая репутация (53,0%); возможности пройти на бесплатное (бюджетное) обучение (46,2%); высокие рейтинги (42,7%); предложение учебным заведением интересных для меня профессий (29,4%). Фактор современной материально-технической базы только на 6 месте. Самую незначительную роль как убеждающие факторы имеют традиции и активность вуза в СМИ (газетах; на радио; телевидении; в интернете).

Укажем особенности факторов в зависимости от социальных признаков респондентов:

- для жителей г. Ульяновск несколько важнее, чем для жителей районов области факторы: известность вуза, высокие рейтинги, современная материально-техническая база, высокий профессионализм преподавателей, предложение учебным заведением интересных профессий, традиции, активность вуза в СМИ (газетах; на радио; телевидении; в интернете), личное общение с преподавателями, сотрудниками, обучающимися этого заведения;
- для жителей районов области более значимы по сравнению с ребятами из г. Ульяновск: известность, хорошая репутация, совет родственников (знакомых), возможности пройти на бесплатное (бюджетное) обучение, доступная для семьи оплата обучения;
- чем лучше учатся старшеклассники, тем более значимы конкурентные факторы современных вузов: высокие рейтинги, современная материально-техническая база, высокий профессионализм преподавателей; высоко значим фактор «возможность пройти на бесплатное (бюджетное) обучение» (хорошая учеба должна быть поощрена);
- в зависимости от уровня дохода: чем больше доход семьи, тем более важными решающими факторами являются высокие рейтинги вуза, современная материально-техническая база, хорошая репутация, высокий профессионализм преподавателей.

Решающие факторы при выборе образовательного учреждения в целом отражают глубокие, содержательные, не внешние, не поверхностные характеристики вузов; демонстрируют степень рациональности, зрелости оценок старшеклассников (табл. 5).

Таблица 5. Цели получения профессионального образования (в зависимости от места проживания,%)*

Цели	Ульяновск	Рай-центр	Село	Всего
Получить профессию	74,5	76,1	80,3	75,5
Стать культурным человеком	19,3	12,5	18,8	17,6
Жить и работать среди образованных людей	32,6	23,1	29,9	30,0
Приобрести глубокие знания	39,7	34,5	34,2	37,8
Иметь хорошую зарплату	69,5	72,5	62,4	69,4
Стать деловым предпринимчивым человеком	21,5	20,8	17,1	20,8
Добиться положения в обществе	24,3	31,4	34,2	27,1

Цели	Ульяновск	Рай-центр	Село	Всего
Реализовать свои способности	53,3	51,8	53,0	52,9
Получить престижную работу	42,2	44,3	46,2	43,2

* Сумма ответов больше 100%, т.к. возможно несколько вариантов ответов

В ряду целей, которые ставят перед собой выпускники, желая получить профессиональное образование: получить профессию (75,2%); иметь хорошую зарплату (69,4%) (в рейтинге привлекательности профессий № 1); реализовать свои способности (52,9%); (в рейтинге привлекательности профессий № 2); получить престижную работу (43,2%) (в рейтинге привлекательности профессий № 5); приобрести глубокие знания (37,8%). В целом, респонденты последовательны в своих предпочтениях, встраивают их в целевые установки в соответствии со своей иерархией. Жители областного центра более ориентированы на приобретение глубоких знаний, возможность жить и работать среди образованных людей; престижные потребности более выражены у жителей райцентров, села.

Фактор престижа профессии в рейтинге привлекательности занимает 5 место (40,4%). Престиж профессии связывается с серьезными, не поверхностными факторами: с высоким доходом (75,0%), с востребованностью на рынке труда (58,1%), дает возможность самореализации (52,0%), имеет важное значение для общества (49,5%), гарантирует трудоустройство (40,0%). Мотивация внешняя, поверхностная, как-то: раскручена в СМИ (газетах; журналах; на телевидении) (6,9%), является модной (7,2%) – малозначима. Фактор «обеспечивает доступ к власти» значим для 14,5%; власть не вербализируется как большая ценность. Престиж как социальный капитал («обеспечивает связи») важен для каждого третьего (33,2%) (табл. 6).

Таблица 6. Значимые ценности (в зависимости от места проживания,%)

Ценности	Ульяновск	Райцентр	Всего
Свобода	60,6	61,8	61,1
Взаимопомощь	30,9	32,3	31,5
Здоровье	66,2	66,0	66,1
Семья	70,0	73,6	71,5
Работа	40,5	42,3	41,2
Любовь	53,8	53,2	53,6
Материальный достаток	63,5	58,2	61,3
Образование	47,0	51,5	48,8
Патриотизм	10,4	11,2	10,7
Традиции	8,2	8,8	8,4
Социальная справедливость	29,3	33,3	30,9
Религиозные ценности	7,7	9,3	8,3
Трудолюбие	28,5	27,3	28,0

* Сумма ответов больше 100%, т.к. возможно несколько вариантов ответов

Рейтинг ценностей из предложенного списка можно охарактеризовать как вполне традиционный для этого поколения: семья (71,5%); здоровье (66,1%); материальный достаток (61,3%); свобода (61,1%); любовь (53,6%); образование (48,8%) (только на шестом месте в списке). Внизу рейтинга: патриотизм (10,7%); традиции (8,4%); религиозные ценности (8,3%). У жителей райцентров в отличие от областной столицы более выражены ценности взаимопомощи, семьи, социальной справедливости, религиозные. О ценности материального достатка смелее заявляют горожане.

Качества, необходимые сегодня для достижения жизненного успеха, рассматриваются как терминальные ценности (ценности-средства достижения целей). Рейтинг из предложенного списка, которые выбрали респонденты таков: 1. целеустремленность (67,6%); 2. ответственность (57,1%); 3. материальная обеспеченность (42,6%); 4. образованность (38,8%); 5. профессионализм (36,1%). На периферии ценности: 10. честность; порядочность (26,5%); 11. связь с нужными людьми (25,0%); 12. мобильность (24,0%).

Таким образом, девять из десяти старшеклассников на этапе профессионального самоопределения имеют намерения поступать после окончания школы в вуз для получения профессии, что демонстрирует высокую ценность высшего образования. «Ядро» привлекательных профессий стало разнообразнее: наряду с юридическими и экономическими профессиями наблюдается высокий интерес к профессиям естественно-научного (медицина); инженерно-технического (IT-технологиям, прежде всего); силового направлений; связанным с образованием, воспитанием, работой с человеком (психология и пр.).

Выбор рационально сочетает так называемые внутренние и внешние (по отношению к деятельности) мотивы. Для респондентов важны содержательные аспекты профессии (направленность труда, характер труда (умственный; физический)), так стратификационные (оплата труда, престижность профессии). Респонденты выражают готовность прилагать большие усилия для приобретения профессии. Выбор по-своему рационален, в высокой степени самодетерминированный.

Решающие факторы выбора профессии (личные планы, способности, склонности, с одной стороны, и идущие от социума финансовые, престижные, с другой) могут быть объективно несовместимыми или трудно совместимыми, создавать глубокий внутренний диссонанс у детей, ситуацию крайне трудного выбора, создавать условия для будущей «ломки» личности. Решающие факторы при выборе образовательного учреждения в целом отражают глубокие, содержательные, не внешние, не поверхностные характеристики вузов; демонстрируют степень рациональности, зрелости оценок старшеклассников.

В целом, респонденты вполне последовательны в своих предпочтениях, встраивают их в целевые установки в соответствии со своей иерархией.

Литература

1. Вишнякова С.М. Профессиональное образование. Словарь. Ключевые понятия, термины, актуальная лексика. – М., 1999. – 538 с. URL: <https://gendocs.ru/v37042/?download2=file> (дата обращения: 20.08.2022).

2. Коджаспирова Г. М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь. – М., 2003. – 176 с.
3. Рассадина Т.А. Теоретико-методологические основы исследования ценностей как центральных компонентов культуры // Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян: Монография. – М., 2004. – 409 с.
4. Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М., 1998. – 672 с.; Социологическая энциклопедия: В 2 т. / Нац. обществ. – науч. фонд; рук. науч. проекта Г.Ю. Семигин; гл. ред. В.Н. Иванов. – М., 2003. – Т. 2. – 1557 с.
5. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения / Под ред. В.А. Ядова. – Л., 1979. – 264 с.
6. Словарь по профориентации и психологической поддержке. – М.: «МГТУ им. Н.Э. Баумана». № ФС 77. URL: <https://vocabulary.ru/slovary/slovar-po-proforientacii-i-psihologicheskoi-podderzhke.html> (дата обращения: 20.08.2022).
7. Толковый словарь русского языка / С. И Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/116894> (дата обращения: 20.08.2022).

PROFESSIONAL AND EDUCATIONAL INTENTIONS OF HIGH SCHOOL STUDENTS: VALUE ASPECT (USING THE EXAMPLE OF THE ULYANOVSK REGION)

Rassadina T.A.
Ulyanovsk State University

The article is devoted to the analysis of some value aspects of professional and educational intentions of high school students. It was carried out on the basis of a sociological study "Professional and educational intentions of high school students of the Ulyanovsk region" by the method of an Internet survey. An analysis of attractiveness factors, motives for choosing a profession is presented; decisive factors in the choice of profession and educational institution; goals of vocational education; factors of prestige of the profession, achievement of life success in the ideas of modern high school students of the region.

Keywords: intentions, professional and educational intentions, value, attractiveness factors, career and educational institution selection factors.

References

1. Vishnyakova S.M. Vocational education. Dictionary. Key concepts, terms, current vocabulary. – М., 1999. – 538 p. URL: <https://gendocs.ru/v37042/?download2=file> (accessed date: 20.08.2022).
2. Kocaspirova G. M., Kocaspirov A. Yu. Pedagogical Dictionary. – М., 2003. – 176 p.
3. Rassadina T.A. Theoretical and methodological foundations of the study of values as the central components of culture // Transformation of traditional Russian values in moral orientations of Russians: Monograph. – М., 2004. – 409 p.
4. Russian Sociological Encyclopedia/Under the general. ed. G.V. Osipova. – М., 1998. – 672 p.; Sociological Encyclopedia: In 2 vols. / Nats. company. – scientific. fund; hands. scientific. project G. Yu. Semigin; Chief Editor V.N. Ivanov. – М., 2003. – Т. 2. – 1557 p.
5. Self-regulation and forecasting of social behavior / Ed. V.A. Yadov. – L., 1979. – 264 p.
6. Dictionary on career guidance and psychological support. – М.: Moscow State Technical University named after N.E. Bauman. – El No. FS77. URL: <https://vocabulary.ru/slovary/slovar-po-proforientacii-i-psihologicheskoi-podderzhke.html> (дата обращения: 20.08.2022).
7. Explanatory Dictionary of the Russian Language / S.I. Ozhegov, N.Y. Shvedova. – М., 1992. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/116894> (accessed date: 20.08.2022).

Информационная солидарность в качестве основы социальных технологий современного общества

Фурдей Сергей Глебович,

кандидат философских наук, доцент, директор научно-образовательного центра «Соционом» Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
E-mail: sfurdyay@sfedu.ru

Давыденко Денис Вячеславович,

преподаватель Института философии и социально-политических наук ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»
E-mail: davydenkod@sfedu.ru

В рамках данной статьи авторы, используя модель формирования солидарности, предложенную Э. Дюркгеймом и сопутствующую трансформации общества от доиндустриального к индустриальному, предлагают расширить данную типологию. Наследуя механической и органической, предлагается использование термина информационная солидарность для описания процессов формирования идентичности в современных информационных обществах постмодерна. По мнению авторов, медиатизация, цифровизация и виртуализация являются основными сопутствующими факторами процесса формирования информационной солидарности.

В статье авторы делают вывод, что эмпаурмент в социальных практиках ныне это – коммуникативное расширение границ человеческой личности через включение в системы информационной солидарности и через повышение значения информации в самой структуре личности. Важным вопросом, определяющим главные проблемы существования информационной солидарности, предполагается считать проблемы локализации определённых сетевых сообществ в рамках замыкания существования в определённых эхо-камерах, которые могут являться центрами разрывов общесоциальной идентичности.

Ключевые слова: информационная солидарность, социальные технологии, медиатизация, постмодерн.

Когда мы хотим попытаться изучить возможные тенденции в протекающих социальных процессах или заглянуть в будущее – со всей очевидностью надо оглянуться назад, в прошлое. Мы живем во времена эпохальных изменений, когда с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу идет трансформация не только рутинных практик человеческого поведения, но и привычных моделей социального поведения людей, социальных институтов и социальных технологий, и вместе с ними – всей социальной проблематики. Например, известный исследователь современных обществ Фрэнк Уэбстер изучая информационные преобразования, приводит различные примеры трансформационных воздействий на повседневную жизнь современного человека, позволяющие понять, что: "...что информационное содержание социальных отношений стало гораздо более значимым, чем когда-либо прежде" [Уэбстер].

Начиная со второй половины девяностых годов двадцатого века, всё большее количество исследователей стало говорить об особенной и новой эпохе существования современного человека, общества и государства. Ранее теоретикам, интересующимся долгосрочными процессами социальных изменений, средства массовой информации казались сферой поверхностной и эфемерной. Для них ключевая культурная динамика, связанная с подъемом современных обществ, заключалась в другом: она заключалась прежде всего в процессах рационализации и секуляризации, посредством которых, как считалось, современные общества постепенно избавятся от традиционных обременений прошлого.

Но с конца двадцатого века мы видим, как использование коммуникационных средств предполагает создание новых форм действия и взаимодействия в социальном мире, новых видов социальных отношений и новых способов отношения к другим и к себе. Ведь, когда люди используют средства медийной коммуникации, они вступают в формы взаимодействий, которые в определенных и довольно значимых отношениях отличаются от типа взаимодействия лицом к лицу. [John V. Thompson]

Современное российское общество, более чем когда-нибудь ранее, нуждается в последовательной, в том числе и научной рефлексии по основным моментам, сопутствующим социальным трансформациям переходных периодов. Если хотя бы не осознавать, тем более не рефлексировать по поводу причин, условий, сопутствующих взаимодействиям, то трансформация может стать не преобразованием, а деформацией, разрушением.

Социолог Мануэль Кастельс, автор многих работ по теории информационного общества, например, считал, что разрушение СССР было связано в первую очередь с неспособностью государственной индустриальной системы обеспечить переход к информационному обществу. Он замечал, что: "*У корней кризиса, который индуцировал перестройку и привел в действие национализм, лежала неспособность советского этатизма обеспечить переход к новой информационной парадигме, параллельный процессу, который имел место в остальном мире*" [Кастельс, с.6]. Таким образом, мы приходим к пониманию, что изучение значимых особен-

ностей составляющих сущность процессов трансформации может предотвратить неконтролируемые деформации существующих социальных систем.

На основе концепций таких авторов как М. Кастельс, Ф. Уэбстер, И. Масуда, Э. Дюркгейм, в рамках нашей статьи мы будем использовать термины информационное, постиндустриальное, современное общество в качестве равнозначных, понимая, что сейчас воздействие информации на социальную жизнь, достигло, наверное, самого большого значения за всю историю существования человечества.

Также, помимо концепции современного постиндустриального информационного общества, для понимания причин, действующих механизмов и путей решения существующих социальных проблем, возникающих при переходе от индустриального к постиндустриальному обществу, на наш взгляд также целесообразно использовать теории солидарности. Мы будем придерживаться типологии и описаний характеристик общественных механизмов солидарности, проведенный основателем социологического метода Эмилем Дюркгеймом. Его работы впервые вводили комплексность в качестве базового научного алгоритма социального познания и были связаны с изучением механизмов обеспечения производства, распространения и ретрансляции солидарности.

Мы считаем, что и тогда, и сейчас именно солидарность является в качестве базового, объединяющего людей в общество, интегрального качества иерархической структуры. Для заявленной нами темы важны его определения и характеристики переходов от доиндустриального общества, которое он называл обществом механической солидарности к индустриальному, именуемого – обществом органической солидарности [Дюркгейм].

Особенно интересен его анализ проблематики перехода от одного типа общественного развития к другому, в котором он выявлял различия в механизмах обеспечения солидарности внутри различных типов общественных структур. Если в обществе механической солидарности социальные проблемы человека и технологии их решения довольно устойчивы и опираются на три «кита»: патриархальная семья, община, религия и отсюда существует единственная коллективистская модель человеческого поведения, обусловленная общим сознанием. В таких условиях: *«...солидарность остается поэтому механической; вся разница в том, что они (отношения) связывают индивида не прямо с группой, но с тем, кто является образом ее. Но единство целого, как и прежде, исключает индивидуальность частей»* [Дюркгейм, с. 188].

В индустриальном обществе органического единства эти следствия общего сознания теряют свой статус и возможности решать социальные проблемы человека. Модель человеческого поведения в силу экономических причин, среди важнейшей из которых является институт разделения труда, и зависимых от них социальных изменений, становится все более индивидуальной. Ведь *«...именно разделение труда все более и более исполняет роль, которую некогда исполняло общее сознание; именно оно главным образом удерживает единство социальных агрегатов высших типов»*. [Дюркгейм, с. 181].

Динамика современной социальной проблематики позволяет нам отмечать, что по некоторым критериям, например в силу большей интенсивности повторений, она становятся не менее, а скорее более, острыми и взрывоопасными, чем ранее. Это не просто постулат, эта трансформация меняет, причем коренным образом, весь спектр социальных проблем и технологий их решения. Ведь старые, а точнее сформированные при прежних «старых» условиях, социальные институты уже не могут решить «новые» социальные проблемы. Именно от-

сутствие динамических структур внутри традиционного доиндустриального, а в дальнейшем и индустриального общества, нами выделяется в основные причины для большого количества происходивших в двадцатом веке социальных взрывов, революций, войн, великих потрясений и депрессий. Этот негативный процесс, был отчасти урегулирован только во второй половине двадцатого века, когда в социальной сфере появился и активно заработал такой мощнейший участник как государство. Только с его участием были внедрены механизмы и технологии, позволяющие решать самые острые социальные проблемы.

Кстати, и сама профессия социальный работник появляется и развивается в двадцатом веке именно для того, чтобы решать социальные проблемы с профессиональной позиции, подкреплённой актуальными положениями научной в первую очередь социологической теории.

Именно в середине 20 века новому игроку на социальном поле – государству – удалось не только создать, но и начинать массово применять социальные технологии, позволяющие стабилизировать общество. Практически по всему миру создавались социальные модели, которые адаптировали общество именно к органической солидарности. Это и отказ от сегрегационных: расовых, этнических, социокультурных, репродуктивных установок; это и практически повсеместное введение социальных гарантий в сфере пенсионного обеспечения и трудового законодательства; это и уделение внимания на общемировом уровне к проблемам определённых демографических групп (пожилые, инвалиды, молодёжь, мигранты). Эти различные, но схожие по своей middle-range природе инструменты социальных технологий, государства по всему миру стали успешно использовать для решения многих социальных проблем индустриального общества.

Однако, включение государства в решение социальных проблем не искоренило недостатки индустриализма. И капиталистические, и социалистические способы регулирования социальной проблематики столкнулись с новыми вызовами, зачастую основанными именно на воздействии государства. Lumpenproletariat, социальный паразитизм, тунеядство, маргинальность, поколение NEET, прекариат – вот лишь небольшая часть терминов, описывающих существование многих страт населения внутри государств с развитыми системами социальной политики.

И в этом плане крайне важно проанализировать изменения во всей социальной проблематике: от изменения картины социальных проблем – отмирания либо изменение старых проблем, появление новых – до изменений в технологии, появление новых институтов и механизмов их разрешения. Само вмешательство государства и сам прогресс обусловил как решение имеющихся проблем, так и появление новых.

К тому же, ближе к концу 20-го века появляются новые технологии, прежде всего цифровые, которые задали не только новые тренды и особенности конца двадцатого столетия, но и являются теми факторами, которые на протяжении как минимум первой половины, а то и всего двадцать первого столетия будут определяющими для общественного развития.

Только, казалось, были разрешены многие проблемы индустриализации и государства стали входить в эпоху благоденствия, но выяснилось, что одними финансовыми и нормативно-правовыми особенностями регулирования социальной жизни не исчерпывается весь комплекс сложных взаимодействий внутри современного общества. Виртуальность и связанные с ним феномены современного уже постиндустриального общества при-

вели к формированию нового комплекса общественных отношений, новым основаниям для сплочённости и новым проблемам.

И сам переход к постиндустриальной эпохе и само общество такого перехода можно называть (следуя парадигме Э. Дюркгейма) – обществом информационной солидарности. Такое общество характеризуется стремительным ростом как скорости, так и уровнем воздействия информационной составляющей любых социальных процессов, появлением новых областей социальной проблематики и как следствие – появлением новых социальных технологий.

Если общинные практики географического существования составляли основной источник солидарности в доиндустриальном обществе, институт разделения труда – в индустриальном, то в постиндустриальном, таким источником является перманентная и интерактивная “медиагруженность” (Уэбстер) рутинных практик социального существования любого элемента современного урбанизированного общества.

Фундаментальным образом использование коммуникационных средств трансформирует пространственную и временную организацию социальной жизни, создавая новые формы действия и взаимодействия, а также новые способы осуществления власти, которые больше не связаны с общим местом действия. В этом отношении цифровая революция, цифровая эра ввела новые медийные практики коммуникации, служащие не только для обмена информацией, но и повышению комфорта и формированию идентичности.

Схожие взаимодействия и особенности описывает термин “медиазация”. В процессе медиазации происходит не только соединение информации различного типа, её конвертация в смыслы, переформатирование знания с одного уровня на другой, создание в отрыве от реальности семиотических образований и особых знаковых конструкторов, не имеющих значения вне медийной и социокультурной средами [Гуреева]; но и тотальное проникновение медиа во все сферы человеческой жизни от религии до политики, с непосредственным влиянием на человеческое взаимодействие, социальные институты и культурное воображение [Hjarvard S.].

Известный исследователь социальных технологий цифровой эпохи Джон Томпсон предлагает свою четырёхступенчатую теорию социальных взаимодействий в современном информационном пространстве. Он выделяет четыре типа взаимодействия и проводит различие между ними, используя четыре ключевые характеристики: пространственно-временной состав, диапазон символических сигналов, степень интерактивности и направленность действия. [Thompson, John. B. Mediated]

Информационно-коммуникативные технологии блокчейна, больших данных, блоггинга, гейминга на наш взгляд, действуют также на трёх уровнях повышения ресурсоёмкости личности в качестве основного источника коммуникативной солидарности. Первый уровень это – повышение комфорта существования; второй – повышение уровня анонимности существования – причём одновременно со стиранием границ публичной и личной жизни, третий это монетизация индивидуальности. Большие данные позволяют использовать преимущества при накоплении “...казалось бы, нерелевантной и несвязанной информации, поскольку она может дать ценную информацию о здоровье и связанном со здоровьем поведении отдельных лиц и групп населения” [Horn, R., Kerasidou, A., p. 2]. Различные датчики, носимые устройства, приложения, роботы, позволяют использовать в повседневной жизни различные технологии, повышающие комфорт существования [Mois G].

Постиндустриальная эпоха меняет весь контур социальных проблем: одни становятся неактуальными и все больше уходят в небытие (все меньше клиентам приходится общаться со специалистами социальных служб, отмирают некоторые функции социальных работников); другие видоизменяются, приобретая черты современной эпохи (сфера социального обеспечения в том виде, который представлен сейчас, меняется и сфера трудовой занятости населения, как и многие другие сферы социального пространства); третьи возникают на базе информационно-технологических изменений (проблемы воздействия манипулятивной информации на модели социального поведения различных социальных групп, проблемы реальной коммуникации, проблемы не виртуального одиночества, компьютерной грамотности людей старшего поколения и ряд других).

Вместе с изменением социальной проблематики соответственно происходит и изменения институтов и конечно же технологий, направленных на их разрешение. Возьмем для примера сферу социального обеспечения: если в индустриальную эпоху государственные учреждения плохо или хорошо, но в целом справлялись с выплатой тех или иных денежных пособий (для чего была задействована огромная бюрократическая машина с большими временными и ресурсными затратами как специалистов, так и клиентов), то в век информационных технологий все больше осуществляется переход этих услуг в виртуальное поле, что не только сохраняет временные и финансовые ресурсы, но и создает возможность для более адресного оказания данных услуг.

Но такой переход требует и кадры с другим уровнем профессиональной подготовки, а значит и изменения профессиональных стандартов, и, соответственно, преобразования учебных планов и программ специалистов по социальной работе.

Поскольку от виртуального мифологизированного (скорее всего манипулированного сознания) в век информационных технологий нам никуда не уйти, то, на наш взгляд, нужно не только бороться с фейковым сознанием и основанной на этом моделью поведения человека, но и активно формировать в информационном поле модели социального поведения человека в соответствии с запросами общества, формируя новый тип солидарности и в виртуальном пространстве, которая переформируется и в реальное сообщество.

В рамках подготовки студентов, изучающих различные практики обеспечения солидарности в современной эпохе выделяются три уровня решения проблем формирования такой идентичности: постоянное размышление об идентичности и структурном неравенстве; адаптация инновационных технологических инструментов в практике социальной работы; этический вклад социальной работы в новые технологии. [Mathiyazhagan, S.] Такой целостный подход к подготовке специалистов социальной сферы потенциально может влиять на снижение распространение неравенства в социально-коммуникативной сфере.

Использование инновационных, коммуникативных практик в деятельности социальных работников стало особенно заметным при последних профилактических мероприятиях, связанных с рисками распространения COVID-19. При довольно серьезных ограничениях многие привычные и успешные технологии были заново воссозданы и применены посредством цифровизации. И эти новые продуктивные практики обрели явные очертания эмпаурмент-технологий. [Эмпаурмент Деточенко, с.]

Цифровизация является важнейшим аспектом социальной идентичности современного специалиста социальной сферы. Ведь при формировании новых спо-

собов информационного взаимодействия социально-го работника и клиента происходит непосредственное понимание, что "...любая активность человека в информационно-коммуникационных сетях позволяет создавать его цифровой профиль, данные которого могут быть использованы неопределенным кругом лиц" [Завражнов В.В.]. Медиатизация, цифровизация, виртуализация – могут рассматриваться как основные факторы, сопутствующие процессам формирования информационной солидарности современного общества.

Таким образом, нами предполагается, что эмпаурмент в социальных практиках ныне это – коммуникативное (иногда даже только виртуальное) расширение границ человеческой личности через включение в системы информационной солидарности и через повышение значения информации в самой структуре личности. Ведь именно рефлексия последней является той величиной, посредством которой "...мы гораздо теснее связаны с информационной средой, она проникает в нас как составляющая нас самих" [Уэбстер].

Важным вопросом, определяющим главные проблемы существования информационной солидарности, нами предполагается считать проблемы локализации определённых сетевых сообществ в рамках замыкания существования в определённых эхо-камерах, которые могут являться центрами разрывов общесоциальной идентичности. Это может говорить не только о признаваемой многими авторами имманентной девиантогенности современного общества постмодерна [Гилинский], но и возможном отходе от этнических, национальных, технологических основ формирования человеческих общностей макроуровня к виртуальным [Осипова].

Возникает и другая проблема – где нам следует определять границы вмешательства государства в формирование модели поведения человека при использовании новых информационных технологий? Каковы позитивные и негативные следствия виртуализации рутинных практик человеческой жизни? Какую роль на формирование желаемого социального поведения оказывает социальная таргетированная реклама, распространяемая в виртуальных пространствах? Эти и другие вопросы, на наш взгляд, лишь подчёркивают важность дальнейшего изучения феномена информационной солидарности в качестве основного механизма обеспечения идентичности в современном обществе.

Литература

1. Horn, R., Kerasidou, A. Sharing whilst caring: solidarity and public trust in a data-driven healthcare system. *BMC Med Ethics* 21, 110 (2020). – URL: <https://doi.org/10.1186/s12910-020-00553-8>
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана, примечания В.В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 432 с. – (История социологии в памятниках). – ISBN5-88373-036-1. – URL: <https://vrn-politstudies.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0134/134389.28ords6d1k.pdf>
3. Уэбстер Ф. Теории информационного общества [Электронный ресурс] URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000690/index.shtml>
4. Кастельс М., Киселева Э. Россия в мировом контексте. Кризис индустриального этатизма и коллапс Советского Союза // *Мир России*, 1999, № 3. Т. 8. – ISSN1811-0398.-URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5411/5794>
5. Mathiyazhagan, S. Field Practice, Emerging Technologies, and Human Rights: the Emergence of Tech Social

Workers. *J. Hum. Rights Soc. Work* (2021). <https://doi.org/10.1007/s41134-021-00190-0>

6. Mois G, Fortuna KL. Visioning the Future of Gerontological Digital Social Work. *J Gerontol Soc Work*. 2020 Jul;63(5) <https://doi.org/10.1080/01634372.2020.1772436>
7. Thompson, John B. The Media and Modernity: A Social Theory of the Media. (Introduction) <https://download.e-bookshelf.de/download/0003/9240/66/L-X-0003924066-0002416316.XHTML/index.xhtml>
8. Thompson, John. B. Mediated Interaction in the Digital Age. *Theory, Culture & Society*, 37(1), 3–28. <https://doi.org/10.1177/0263276418808592>
9. Эмпаурмент (empowerment) в социальной работе: теория и технология расширения прав и возможностей: учебное пособие / Т.С. Киенко (под общ. ред.), П.Я. Циткилов, Л.А. Кайгородова и др.; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. – 270 с. ISBN978-5-9275-3968-0
10. Гилинский Я.И. Девиантология постмодерна// *Российский девиантологический журнал*. 2022. № 2 (1), с. 10–16.
11. Осипова А. А., Давыденко Д.В., Абдулкадир Ю.Р. Особенности девиантного поведения молодёжи в виртуальной среде // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2020. № 6, с. 43–49
12. Гуреева Анна Николаевна Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2016. № 6. С. 192–198
13. Hjarvard S. The mediatization of culture and society. Published March 1, 2013 by Routledge.
14. Завражнов В.В., Каганов Д.В. Возможности развития профессиональной деятельности социальных работников в контексте процессов цифровизации // *МНКО*. 2020. № 5 (84) С. 24–25.

INFORMATION SOLIDARITY AS THE BASIS OF SOCIAL TECHNOLOGIES OF MODERN SOCIETY

Furdiey S.G., Davydenko D.V.
Southern Federal University"

The authors, using the model of solidarity formation proposed by E. Durkheim and accompanying the transformation of society from pre-industrial to industrial, propose to expand this typology. After using terms, such as the mechanical and organic solidarities, the authors are proposed to use the term information solidarity. This term describes the processes of identity formation in modern postmodern information societies. The authors suggest that mediatization, digitalization and virtualization are the main concomitant factors of this process of formation of information solidarity.

In the article, the authors conclude that empowerment in social practices today is a communicative expansion of the boundaries of the human personality through inclusion in the information solidarity systems and through an increase in the value of information in the very structure of the personality. An important issue that determines the main problems of the existence of information solidarity is supposed to be the problems of localization of certain network communities within the framework of the closure of existence in certain echo chambers, which can be centers of breaks in the general social identity.

Keywords: information solidarity, social technologies, mediatization, postmodern.

References

1. Horn, R., Kerasidou, A. Sharing whilst caring: solidarity and public trust in a data-driven healthcare system. *BMC Med Ethics* 21, 110 (2020). – URL: <https://doi.org/10.1186/s12910-020-00553-8>

2. Durkheim E. On the division of social labor / Per. from fr. A.B. Hoffmann, notes by V.V. Sapova. – M.: Kanon, 1996. – 432 p. – (History of sociology in monuments). – ISBN5–88373–036–1. – URL: <https://vrn-politstudies.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0134/134389.28ords6d1k.pdf>
3. Webster F. Theories of the information society [Electronic resource] URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000690/index.shtml>
4. Castells M., Kiseleva E. Russia in the global context. The crisis of industrial statism and the collapse of the Soviet Union // World of Russia, 1999, no. 3. T. 8. – ISSN1811–0398.–URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/5411/5794>
5. Mathiyazhagan, S. Field Practice, Emerging Technologies, and Human Rights: the Emergence of Tech Social Workers. J. Hum. rights soc. Work (2021). <https://doi.org/10.1007/s41134–021–00190–0>
6. Mois G, Fortuna KL. Visioning the Future of Gerontological Digital Social Work. J Gerontol Soc Work. 2020 Jul;63(5) <https://doi.org/10.1080/01634372.2020.1772436>
7. Thompson, John B. The Media and Modernity: A Social Theory of the Media. (Introduction) <https://download.e-bookshelf.de/download/0003/9240/66/L–X-0003924066–0002416316.XHTML/index.xhtml>
8. Thompson, John. B. Mediated Interaction in the Digital Age. Theory, Culture & Society, 37(1), 3–28. <https://doi.org/10.1177/0263276418808592>
9. Empowerment in social work: theory and technology of empowerment: textbook / T.S. Kienko (ed.), P. Ya. Tsitkilov, L.A. Kaigorodova et al.; South Federal University. – Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2021. – 270 p. ISBN978–5–9275–3968–0
10. Gilinsky Ya.I. Postmodern deviantology // Russian deviantological journal. 2022. No. 2 (1), pp. 10–16.
11. Osipova A. A., Davydenko D.V., Abdulkadir Yu.R. Features of deviant behavior of youth in a virtual environment // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2020. No. 6, p.43–49
12. Gureeva Anna Nikolaevna Theoretical understanding of mediatization in a digital environment // Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2016. № 6. pp.192–198
13. Hjarvard S. The mediatization of culture and society. Published March 1, 2013 by Routledge.
14. Zavrazhnov V.V., Kaganov D.V. Opportunities for the development of professional activities of social workers in the context of digitalization processes // MNKO. 2020. No. 5 (84) P. 24–25.

Конфликт идентичностей: зарубежные исследовательские концепции

Волков Юрий Григорьевич,

заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения ЮФУ, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»; научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, Южно-Российский филиал ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский Социологический центр Российской академии наук», профессор Адыгейского государственного университета
E-mail: ugvolkov@sfnu.ru

Курбатов Владимир Иванович,

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Южно-Российский филиал ФГБУН «Федеральный научно-исследовательский Социологический центр Российской академии наук»
E-mail: kurbashy@list.ru

В статье показано, что в современном обществе одной из интеграционных тенденций является усложнение социальной динамики, в том числе трансформация идентичности индивидов и социальных групп. Трансформация идентичности, опирающаяся на различные социокультурные, исторические, этно-национальные, религиозные и другие ценностные предпосылки, являясь противоречивым и многоуровневым процессом, выражается в репертуарах многих социальных ролей, проявляется в символическом стиле, в коммуникативном дискурсе, в моделях поведения, в опыте прошлого, в различном восприятии и понимании вызовов существующего бытия, которая под влиянием глобализации, модернизации и урбанизации выявляет различные формы совместимости и несовместимости идентичностей. В статье выделяются и анализируются следующие концепции конфликта идентичностей: концепция множественных социальных ролей, множественных и гибридных идентичностей, концепция внутриличностного конфликта идентичностей, концепция конкуренции идентичностей, концепция конфликта этнических идентичностей, концепция конфликтов идентичности как процессов дезидентификации, разидентификации, неидентификации и разотождествления. Показано, что конфликты идентичности проявляются на индивидуальном, внутригрупповом, межгрупповом и социальном уровнях и могут привести к деструктивным последствиям, вплоть до открытой конфронтации. На индивидуальном внутриличностном уровне конфликт идентичности может проявляться в виде конфликта «Иной – Другой» и быть результатом конфликтов дезидентификации и разидентификации, возникающих в результате ослабления или прекращения идентификации с социальной группой на основе столкновения и противостояния тех или иных идентификационных признаков. Межгрупповые конфликты идентичностей, чаще всего конфликты этнических идентичностей, имеют свои предпосылки и причины в виде непосредственной территориальной близости проживания, неудовлетворенности реформами и представительства в органах власти, а также неспособности региональных властей обеспечить безопасность отдельных этнических групп.

Ключевые слова: идентичность, дезидентификация, разидентификация, социальные роли, интеграция, конфликт, межгрупповой конфликт, конфликт этнических идентичностей.

Одним из трендов современного сложного полиэтничного общества выступает интеграция, которая является триггером разных сторон социальной динамики, в результате чего существенно трансформируется идентичность агентов интеграции. В соответствии с тем, что трансформирующаяся идентичность агентов интеграции, является многофакторным и многоуровневым процессом и основывается на различных ценностных основаниях, одним из последствий указанного интеграционного процесса являются различные формы совместимости и несовместимости идентичностей агентов интеграции вплоть до конфликта идентичностей, который реализуется на разных уровнях и проявляется в многообразных разновидностях.

Идентичность имеет множество функций и, прежде всего, это способ фиксации своих отношений с другими, который определяет желательные и нежелательные образы, тем самым формируя паттерны отношений в обществе. Она выступает в виде своеобразного индивидуально-личностного и социально-массового навигатора ценностей, оценок и поведенческих маркеров. При этом, идентичность не является моно-качеством индивида, а выступает в виде постоянно пополняемого и изменяющегося репертуара индивидуальных, групповых и социальных ролей, а именно, ролей индивидуально-личностных, семейно-бытовых, поведенческих, социальных, национальных, государственно-гражданских, экономико-хозяйственных, профессиональных, политико-идеологических, социокультурных и религиозных. Указанные роли могут конкурировать между собой, но в целом составляют некоторое, порой противоречивое многоуровневое и многослойное единство, имея общую стилистику, символическое выражение, проявление в коммуникативном дискурсе, паттернах поведения, общее переживание прошлого (истории) и настоящего (современная реальность), неся в себе социальные травмы, осмысление потерь и вызовы наличного бытия.

Изучение конфликта идентичностей является практической и теоретической исследовательской задачей, дающей возможность более полноценно представлять себе интеграционные процессы в сложном, динамически развивающемся обществе.

Социальная практика показывает, что конфликт идентичности проявляется на разных уровнях социальной динамики и выражается в разнообразных формах и разновидностях, результаты изучения которых в зарубежных социальных и гуманитарных науках представляют достаточно обширный и показательный материал, представленный различными концепциями. Данный материал можно использовать для экспликации конфликта идентичностей в интеграционных процессах современного российского общества в сопоставительно-компаративном плане, в соответствии с чем, **основная цель исследования** в данной статье заключается в выявлении и анализе различных видов конфликта идентич-

ностей, которые стали предметом изучения разнообразных зарубежных исследовательских концепций.

Авторская гипотеза заключается в следующем: конфликт идентичностей в интеграционных процессах, происходящих в полиэтничестве, выражается в различных трансформациях социальной динамики, которая в отдельных случаях может иметь деструктивный характер, выражающийся в конфликте идентичностей, обусловленных остротой внутренних конфликтов индивидов, возникающих при наличии у них бинарной или множественной гибридной идентичности, остроты конфликтов процессов дезидентификации и реидентификации, в результате ослабления или прекращения идентификации индивидов с группой, а также формами, интенсивностью и степенью остроты столкновений и противостояния идентификационных признаков различных социальных групп.

Методология исследования связана с тем, что конфликты идентичностей исследуются, исходя из концептуальных парадигм неореализма, конструкционизма, постконструктивизма, примордиализма и инструментализма. С точки зрения неореализма вероятность конфликта идентичностей повышается по мере поляризации отношений агентов взаимодействия, нарушения баланса распределения полномочий в государстве и обществе. С точки зрения неореалистов, роль идентичности в государстве, как воздействующая на социальную динамику, должна игнорироваться, поскольку, встроена в социальную динамику и является ее проявлением, на что, например, указывал еще такой исследователь, как Ф. Кратчвил. Конструктивизм признает важность идентичности, в соответствии с чем идентичность конструируется акторами, правда идентичность трактуется как фиксированная и неизменная, в соответствии с чем, согласно М. Барнету, Д. Бодужеку, Т. Хопфу, Д. Вилмонту и другим исследователям, идентичность уже существует до того, как возникают и развиваются социальные отношения. Постструктурализм для анализа конфликта идентичностей использует подход дискурсивных практик для их так называемой лингвистической конструкции. В этом плане, согласно Д. Кэмбеллу, Л. Хансену и другим исследователям идентичность, равно как и конфликт идентичности трактуется как конструкт, который воспроизводится в дискурсе [1].

Инструментом анализа конкуренции и конфликтов идентичностей, в частности, идентичностей этно-национальных, выступают методологические концепции примордиализма и инструментализма. Примордиализм – это аналитический подход при исследовании конфликта идентичности, основанный на том конфликтное взаимодействие трактуется как «естественно запрограммированное», иррациональное, обусловленное врожденными различиями между, например, этническими группами. Это связано с тем с ксенофобией и проявляется в виде агрессии.

Инструменталистский подход трактует конфликт тех же этнических идентичностей как результат. Они полагают, что этническая принадлежность конструируется социально и инструментально, а не выводится из естественных различий между этническими группами. Сам же конфликт между этническими идентичностями возникает как результат мобилизации, в том числе обеспечиваемыми пропагандой. В этом отношении этническая идентичность политизируется, становится пропагандистским ярлыком и манипулятивным продуктом. Подобная методология объясняет конфликт этнических идентичностей как такое человеческое поведение, в котором и субъект, и объект взаимодействуют в процессе, который приводит к построению и реконструкции когнитивных соответствующих структур. При этом подходе

идентичность зависит не только от разграничения между «нами» и «ими», но оно обусловлено множеством других переменных, таких как этническая культура, внутригрупповые отношения, внутригрупповая солидарность, межгрупповые отношения.

Обсуждение проблемы конфликта идентичностей вошло в исследовательский дискурс в конце 90-х годов прошлого века и это связано с работами Ф. Дукеса, Дж. Бэртона, Й. Галтунга и Дж. Ротмана и оно связано с рассмотрением коллективной идентичности как одной из базовых потребностей человека. По Дж. Бэртону конфликт идентичностей возникает при возможности ущерба культурной идентичности, что является угрозой его безопасности. С точки же зрения Дж. Ротмана конфликты идентичностей своей причиной имеют психику людей и их основные убеждения, которые базируются на их культуре, традициях, истории, религиозных ценностях. Острота конфликта идентичностей нарастает, поскольку они выступают как угроза базовым потребностям людей. Разрешение конфликтов идентичностей должно идти путем диалога участников конфликта относительно их потребностей и ценностей. По мнению Й. Галтунга конфликт идентичностей чаще всего выявляет противостояние, трансформирующееся в насилие, в котором он выделяет социальное насилие, культурное насилие, структурное насилие, прямое и не прямое насилие, сталкивающее между собой людей, социальные и этнические группы, общественные объединения, социальные структуры и регионы [2].

Согласно концепции конфликта идентичностей как конфликта репертуара социальных ролей, условно говоря, конфликты идентичностей можно подразделять на следующие разновидности: внутриличностные конфликты идентичностей, внутри групповые конфликты и межгрупповые конфликты, хотя все они отражают несоответствие между ценностями, убеждениями, нормами и требованиями, присущими индивидуальной и групповой идентичности. Исследователи, например, Т. Брок, П. Вильемаер, Дж. Дионна, Ф. Клемент, Д. Сандер, Э. Фехр С. Шварц, указывают на то, что при исследовании конфликта идентичностей необходимо акцентировать внимание на эмоциональной стороне дела [3].

Это связано с тем, что идентичность индивида как правило является двойной (бинарной) и даже множественной, что обусловлено множеством его социальных ролей. Западные исследователи в исследовании конфликта идентичностей акцентируют свое внимание на конфликтной взаимосвязи между различными социальными идентичностями. Это рассматривается на примерах бинарной расовой идентичности, основанной на межрасовом взаимодействии в основном сосредоточены на взаимодействии между белыми и цветными людьми. В таком случае социальная идентичность индивида является гибридной, что часто вызывает внутренне беспокойство и дискомфорт, по крайней мере это связано с внутренним противоречием, являющимся основанием противоборства идентичностей. На это указывают такие исследователи, как Р. Ашмор, С. Гартнер, М. Гословская, Дж. Довидио, К. Дьюкс, К. Каваками, Р. Крипс, Т. Мак-Лафлин и другие [4].

Согласно такому подходу основой конфликта идентичностей является конфликтная личность, вернее, личность, имеющая бинарную (гибридную) или множественную идентичность, домены внутренней идентичности которой являются противоречивыми, основывающиеся на конфликте различных дифференциально стереотипных социальных и расовых идентичностях, которые конкурируют между собой. Это, по мнению таких исследователей, как Дж. Аронсон, М. Лустина, М. Салиман,

С. Стиил и других, активируют различные социальные, расовые, идентичности, бисексуальные и иные эмоциональные грани самосознания. В соответствии с этим, возникает многогранная самооценка, преодолевающая стереотипные самоощущения [5].

Подобный подход анализа противоречивости индивидуальной идентичности показывает, что идентичность индивида состоит из множества компонентов, причем некоторые компоненты воспринимаются как более важные, чем другие, при этом у индивида формируется современное гибкое саморелевантное мышление с множественной идентичностью. Подобная противоречивая идентичность формируется в пределах одной социальной сферы, при этом наличие нескольких отдельных идентичностей, совместно используются в нескольких социальных доменах, которые активируются одновременно и оказывают существенное влияние на паттерны социального поведения.

Концепция внутриличностного конфликта идентичностей часто реализуется в форме конфликта «Иной – Другой». Как показывают современные исследования, идентичность становится нормативным элементом индивидуального и группового самосознания, выражающего отношения ко всему тому, что является «другим», «чуждым или чужеродным», «инаковым». Как отмечают современные зарубежные исследователи, такие как Р. Зозтл, С. Лорнц, М. Хоровиц и другие указанные социальные качества проявляются в формировании негативных стереотипов и межгрупповой конкуренции. Соответственно, методология исследования отношений типа «Иной-Другой» является подходящим инструментарием для исследования внутриличностного и межгруппового конфликта идентичностей на основе различия ценностных оснований культуры, религии, традиций и формирования социальной конкуренции [6].

Концепция конкуренции идентичностей, лежащая в основе конфликта идентичностей, является частным случаем социальной конкуренции, которая соответственно порождает отношения соперничества и доминирования. Это связано с тем, что, как отмечают такие исследователи, как Х. Инэк, И. Лустик, Ф. Юнэл и другие, в социальной динамике в целом, а в частности в интеграционном процессе имеет место непрерывное перемещение различных социальных групп, в результате чего происходит соперничество за доминирование идентичностей, а по Дж. Зингеру и С. Блуку, доминирование идентичности проявляется как нарратив, согласно которому происходит интерпретация событий, истории и всего того, что противоречит исходным установкам, при этом, объектом интерпретации часто являются исторические мифы, на основе чего формируется новый нарративный дискурс, который способствует с одной стороны солидаризации своего сообщества и противостоянию другим сообществам. Такой новый нарративный дискурс формирует представление о доминировании и исключительности, что естественно порождает конфликты идентичностей и, как отмечает М. Берзонски, выражается в соответствующем конструировании социального мира в виде конфликтного взаимодействия [7].

Конфликт и конкуренция идентичностей, как отмечают такие исследователи как М. Бревер, В. Гарднер, С. Мак-Гарти, П. Оэкс, Д. Тюрнер, С. Хаслам и другие реализуется как процесс, механизмы которого связано с нормами внутригруппового и межгруппового поведения. Исследователи отмечают, что эскалация конфликта связана с обострением противоречий указанных норм и нормативных стандартов. Групповые нормы сильно влияют на индивидуальное поведение, способствуя ответственности групповым ценностям и ожиданиям. Это свя-

зано с тем, что члены групп мотивированы быть ценными членами такой группы и, что характерно, по мере усиления групповой идентификации индивиды, связанные с группой все более и более, как отмечают У. Вуд, П. Кристиансе, Д. Матц и Х. Ротбергер, склонны принимать нормы поведения группы [8].

Поведение индивида определяется разными факторами. Одни из них, это нормы внутригруппового поведения и нормы межгруппового поведения, далее, это связано с тем, что имеет место смягчение групповых норм, в связи с тем, что для группы и для индивида в той или иной степени важна социальная норма. На это указывают такие исследователи, как Д. Абрамс, М. Везерел, С. Кочрейн, М. Хогг и Дж Тернер. Соответственно, групповая идентичность зависит от групповых норм и от группового сплочения, что усиливается или ослабляется под воздействием социальных норм, на что указывал также и С. Шварц [9].

Концепция конфликта этнических идентичностей есть концепция межгрупповых конфликтов. В этой концепции конфликты трактуются чаще всего как следствие групповой эмоциональной реакции, основанной на групповой солидарности. Конфликт этнических идентичностей, как эмоциональная групповая реакция, проявляется в публичной деятельности, которая проявляется в оформлении групповой позиции, предъявлении претензий и требований. Конечно, эмоциональная составляющая имеет место в этническом противостоянии на уровне конфликта идентичностей, а именно, тревоги и страхи, обиды и реакция на несправедливость, являются предпосылками конфликтов. Сюда же можно включить эмоциональные групповые связи, эмоциональный фон групповой солидарности и традиционные моральные качества. В этом плане, как пишут такие исследователи, как Р. Баумайстер, Дж. Шапира, Д. Тайс, Д. Хоровиц и другие, нельзя не учитывать такие эмоциональные защитные механизмы, как этническую память, этническое самочувствие и ксенофобию, которая лежит в основании чувства конфронтации с «Другими» [10].

Рассмотрим и другие, а не только эмоциональные предпосылки и многообразные причины этнических конфликтов идентичностей. Предпосылками и причинами конфликта этнических идентичностей, как пишут такие исследователи, как К. Вайт, Дж. Дональд, Ф. Казелли, Э. Колеман, Г. Измайлов и другие, являются следующие факторы: во-первых, этнические группы должны проживать в непосредственной близости друг от друга, во-вторых, конфликт этнических идентичностей возникает в смешанной этнической общности внутри единого государства, и, в-третьих, конфликт этнических идентичностей основан на борьбе между различными этническими группами за свое представительство в социальных и государственных институтах, а значит, и за политическую власть и статус [11]. Чаще всего основанием конфликта является то, что этнические группы не удовлетворены реформами и не удовлетворены их представительством в органах власти. Как на предпосылку этнических конфликтов идентичностей такие исследователи, как Б. Благовеч и Д. Кэмбелл, указывают на религиозный фундаментализм и религиозный фанатизм, а также на то, что проявляется национализм. Это имеет место, как на идеологическом, так и на бытовом уровне и оказывает существенное влияние на межэтнические отношения. Еще одной предпосылкой является то, что национальные и региональные власти в ряде случаев не способны обеспечивать безопасность отдельных этнических групп, что возникает чаще всего как результат разложения и крушения имперской формы государственной власти [12].

Интеграция в полиэтничном обществе, как пишут такие исследователи, как Н. Самбанис и М. Шайо, усиливающая важность политических институтов и представительство в них разных этнических групп, усиливает значение их этно-национального статуса, что способствует усилению различий между этническими группами. Это является, по словам данных исследователей, «неизбежной платой за интеграцию» и способствует интенсификации конфликта этнической идентификации [13].

Национализм, как основная предпосылка возникновения и обострения конфликта этнических идентичностей является отдельной темой обсуждения, которой посвящены работы таких исследователей, как С. Асториан, У. Коннор, Д. Рэй, Дж. Эстебан [14]. К числу факторов, обостряющих конфликт этнических идентичностей относятся вопросы межгруппового взаимодействия, являющиеся результатом несправедливого решения геополитических проблем, а также проблемы практической реализации правовой и политической справедливости. Этнические конфликты наиболее вероятны в тех государствах, в которых этнические сообщества не имеют достаточного реального представительства в государственных и политических институтах, либо такие представительства недостаточно пропорциональны, что воспринимается как нарушение принципов социальной справедливости.

Конфликт этнических идентичностей могут иметь различные последствия, в частности, это может быть этническое соглашение, этническое разделение, этническое противостояние, этническая война, при этом, как отмечают такие исследователи, как М. Браун, Р. Джэксон, К. де Неверс, Д. Удьяк и другие, этнические соглашения выражаются в том, что достигаются новые конституционные договоренности или компромисс о мирном разделении территориальных проблем, в то время, как этническая война представляет собой острое, чаще всего вооруженное противостояние с преобладанием нестабильности, безвластия и даже анархии. При этом, борьба некоторой этнической группы за свои права обычно реализуется на фоне массового нарушения прав людей [15].

Среди причин, которые способствуют возникновению и обострению конфликтов этно-национальных идентичностей, следуя таким исследователям, как С. Олзак и Дж. Нейджл, можно выделить процесс урбанизации и индустриализации общественной жизни, что выражается в переселении в города различных этнических сообществ и это естественно существенно обостряет конкуренцию, как за рабочие места, так и за другие социальные предпочтения [16].

Концепция имагологии как конфликта инокультурных образов характеризуется тем, что этническая конкуренция и отношения соперничества и доминирования идентичностей обобщенно эксплицируются в исторической имагологии, связанной с исследованием проблем национальных и инокультурных образов, а также формированием и функционированием так называемых «имаготипов». Данное понятие было введено М. Фишером, как общая характеристика инокультурного образа. В дальнейшем понятие «имаготипа» было дополнено понятиями «имагема» и «имаготема», фиксирующими образ «Другого», как диаметрально противоположной самости. Эти понятия были введены и проанализированы Ж.-М. Муром, Х. Дисеринком, Д. Пэжо и М. Свидерской, как основа для конфликта идентичности, что выступает основой для ксенофобии, негативных стереотипов, агрессивного национализма, религиозного фанатизма, что выражается в демонизации образа «Другого», дегуманизации отношений, страхах и насилии [17].

Концепция конфликта идентичностей, как процессов дезидентификации, разидентификации, неидентификации и разотождествления выражается в том, что как отмечают такие исследователи, как Дж. Батлер, Дж. Беккер, М. Верхль и другие, дезидентификация – это активное дистанцирование индивида, отказ от идентификации с группой. Это выражение конфликта индивида с групповыми ценностями и нежелание идентифицировать себя с групповыми идентификационными признаками. При этом, дезидентификация реализуется посредством разидентификации как вытеснения и подавления индивидом всех или части общих с соответствующих идентификационных признаков и неидентификации в соответствии с чем неидентифицированные члены группы чувствуют себя противоположными группе и не хотят идентифицировать себя с этой группой [18].

Основой подобных процессов является прежде всего разотождествление. Разотождествление – это отсутствие или прекращение отождествления, возникающее на основе утраты веры или доверия индивида к сложившимся, или возникшим ценностям группы, что означает прекращение идентификации индивида с группой. При этом, дезидентификация, как одна из разновидностей конфликта идентичностей, или конфликт, выражающийся разотождествлении индивида с группой, касается различных аспектов рассогласования социальных ценностей, в числе которых одновременное нежелание и/или неспособность индивида соответствовать идентификационным признакам группы. Разидентификация тоже является сложным процессом, включающим в себя переработку и переосмысление идентификационных признаков с группой. Исследователи отмечают, что в основе разидентификации лежит разотождествление индивида с группой, которое является духовной практикой.

Основные результаты исследования сводятся к следующим:

- выделены и проанализированы следующие концепции конфликта идентичностей: конфликт множества социальных ролей, концепция внутри-личностного конфликта идентичностей, концепция конкуренции идентичностей, концепция конфликта этнических идентичностей, концепция конфликта идентичностей, как процессов дезидентификации, разидентификации, неидентификации и разотождествления;
- конфликты идентичностей выражают отражающие несоответствие между ценностями, убеждениями, нормами и требованиями, присущими индивидуальной и групповой идентичности, а также формами групповой солидаризации;
- конфликты идентичностей может иметь деструктивный характер, который выражается в конкуренции индивидов и социальных групп, а также в форме открытого противостояния;
- интенсивность конфликтов идентичностей обуславливается остротой внутренних конфликтов, возникающих при наличии у их агентов бинарной или множественной гибридной идентичности;
- на индивидуальном внутри-личностном уровне конфликт идентичности может проявляться в форме конфликта «Иной – Другой», как элемент индивидуального самосознания, основывающемся на групповом самосознании, выражающим отношение к «иным»;
- внутри-личностные конфликты идентичности являются также результатом конфликтов дезидентификации, разидентификации и разотождествления, возникающих в результате ослабления или прекращения идентификации с социальной группой на основе ослабления, столкновения и противостояния тех или иных идентификационных признаков;

- межгрупповые конфликты идентичности, чаще всего конфликты этнических идентичностей, имеют следующие предпосылки и причины: непосредственная близость проживания, исторические конфликты, религиозный фанатизм, влияние национализма на межэтнические отношения, неудовлетворенность реформами и не удовлетворенность представительством в органах власти, неспособность региональных властей обеспечить безопасность отдельных этнических групп;
- к числу факторов, обостряющих конкуренцию и конфликт этно-национальных идентичностей, относятся вопросы межгруппового взаимодействия;
- этнические конфликты идентичностей наиболее вероятны в тех государствах, в которых этнические сообщества не имеют достаточного реального представительства в государственных и политических институтах, либо такие представительства недостаточно пропорциональны, что воспринимается как нарушение принципов социальной справедливости.

Литература

1. Barnet, G., Boduszek, D., Wilmont, D. What works to change identity? A rapid evidence assessment of interventions // *Journal of Applied Psychology*. 2021. № 51 (5). – PP. 678–719.; Hopf, T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory / T. Hopf // *International Security*. – 1998. – Vol.23. № 1. – P.171–200. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2539267?seq=1>. – (Date of access: 19.06.2020).; Campbell, D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity / D. Campbell. – Manchester: Manchester University Press, 1992. – 269 P.; Hansen, L. View all authors and affiliations. 2019. Volume 38, Issue 3. – PP. 311–317. <https://doi.org/10.1177/00108367030383010> p. 311–317; Kratochwil, F. The Embarrassment of Changes: Neo-Realism as the Science of Realpolitik without Politics / F. Kratochwil // *Review of International Studies*. – 1993. – Vol.19. № 1–63–80 P.
2. Campbell, D. Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity / D. Campbell. – Manchester: Manchester University Press, 1992. – 269 P.; Hansen, L. View all authors and affiliations. 2019. Volume 38, Issue 3. – PP. 311–317. <https://doi.org/10.1177/00108367030383010> p. 311–317.; Burton J., Dukes F. (eds.). Conflict: Readings in Management and Resolution. – London, 1990. – 292 P.; Galtung, J. Peace by Peaceful Means: Peace, Conflict, Development and Civilization. L.1996. – 280 P.; Rothman J. Resolving Identity-Based Conflicts. – San Francisco, 1997. – 224 P.
3. Schwartz, S.H. Basic individual values: Sources and consequences // *Handbook of Value*, eds T. Brosch, D. Sander, F. Clément, J.A. Deonna, E. Fehr, P. Vuilleumier. Oxford: Oxford University Press. 2016. – PP.63–84.
4. Ashmore, R.D., Deaux, K., McLaughlin-Volpe, T. An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality. *Psychological Bulletin*. 2004. № 130. – PP.80–114.; Gocłowska, M. A., Crisp, R. J. (2014). How dual-identity processes foster creativity // *Review of General Psychology*. 2004. № 18. – PP. 216–236.; Dovidio, J. F., Kawakami, K., Gaertner, S.L. Implicit and explicit prejudice and interracial interaction // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. № 82. – PP. 62–68.
5. Aronson, J., Steele, C.M., Salinas, M.F., Lustina, M.J. The effects of stereotype threat on the standardized test performance of college students // E. Aronson (Ed.), *Readings about the social animal*. 1998. – PP. 415–430.
6. Horowitz, M.C. Nationalism and Ethnicity: Cultural Nationalism // *Encyclopedias almanacs transcripts and maps*. Roycroft Press. The Columbia Encyclopedia, 6th ed. N.Y., 2017. – PP. 38–54.; Lorenz C.F.G. Representations of Identity: Ethnicity, Race, Gender and Religion. An Introduction to Conceptual History // Lorenz Ch., Berger S. (Ed.), *The Contested Nation. Ethnicity, Religion, Class and Gender in National Histories*. Houndsmill, 2008. – PP. 24–60.; Zoettl, P.A. Creating images, creating identity // *Journal des anthropologues*. 2012. № 15. – PP. 130–131. URL: <http://journals.openedition.org/jda/5093>.
7. Berzonsky, M. Social-cognitive perspective on identity construction // *Handbook of identity theory and research*. Eds S.J. Schwaryz, K. Luyckx, V.L. Vognoles. New York, Springer, 2011. – PP. 55–77.; Lustick, I.A. User-Friendly Agent-Based Modeling Platform for Testing Theories of Political Identity and Political Stability // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2002. Vol. 5, № 3. – PP. 163–181.; Singer, J.A., Bluck, S. New perspectives on autobiographical memory: The integration of narrative processing and autobiographical reasoning // *Review of General Psychology*, 2015. Vol. 5. – PP. 91–99.; Ünal, F., Inac, H. The Construction of National Identity in Modern Times: Theoretical Perspective // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2013. Vol. 3 No. 11. – PP. 223–233.
8. Brewer, M.B., Gardner, W. Who is this «We»? Levels of collective identity and self representations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. № 71. – PP. 83–93.; Turner, J.C., Oakes, P.J., Haslam, S.A., McGarty, C. Self and collective: Cognition and social context // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. № 20. – PP. 401–454.; Christensen, P.N., Rothgerber, H., Wood, Watz, D.C. Social Norms and Identity Relevance: A Motivational Approach to Normative Behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. № 30. – PP.1295–1309.
9. Abrams, D., Wetherell, M. S., Cochrane, S., Hogg, M. A., & Turner, J.C. Knowing what to think by knowing who you are: Self-categorization and the nature of norm formation, conformity and group polarization. *British Journal of Social Psychology*. 1990. № 29. – PP. 97–119.; Schwartz, S.H. Normative explanations of helping behavior: A critique, proposal, and empirical test. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1973. № 9. – P.P. 349–364.
10. Baumeister, R., Shapira, J.P., Tice, D. Two kinds of identity crisis // *Journal of Personality*. 1985. № 53(3). – PP. 407–424.; Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press, 1985. – 720 P.
11. Caselli, F. On the theory of ethnic conflict // *Nation bureau of economic research*. Massachusetts Avenue Cambridge. 2006. – PP. 121–136.; Coleman, E.B., White K. *The Meanings of Health and Illness: Medicine, Religion and the Body* // *Medicine, religion and the body* / Ed. by Coleman E.B., White K. Leiden, Boston: Brill, 2010. – PP. 1–14.; Ismayilov, G.G. *Ethnic Conflicts and Their Causes* // *Khazar Journal of Humanities and Social Sciences*. 2008. № 3(4). – PP. 50–63.; Donald G. Ellis DG *Ethno-Political Conflict* // *The International Encyclopedia of Interpersonal Communication*. 2015. – PP. 1–9.

12. Blagojevic, B. Causes of Ethnic Conflict: A Conceptual Framework // *Journal of Global Change and Governance*. 2009. № 3(1). – PP. 1–25; Campbell, D. Geopolitics and Visuality: Sighting the Darfur Conflict // *Political Geography*. 2007. Vol. 26(4). – PP. 357–382.
13. Sambanis, N., Shayo, M. Social Identification and Ethnic Conflict // *The American Political Science Review*. 2013. Vol. 107, No. 2. – PP. 294–325.
14. Astourian, S.H. In Search of the Forefathers: National Identity and the Historiography and Politics of Armenian and Azerbaijani Ethnogenesis // D.V. Schwartz and R. Panossian (ed.) *Nationalism and History: The Politics of Nation Building in Post-Soviet Armenia*, Azerbaijan and Georgia University of Toronto: Centre for Russian and East European Studies. 1994. – PP. 41–94.; Connor, W. *Ethnonationalism: The Quest for Understanding* Princeton, Princeton University Cornell. 1994. – 234 P.; Esteban, J.L., Ray, D. Ethnicity and Conflict: An Empirical Study // *American Economic Review*. 2012. № 102 (4). – PP. 1310–1342.
15. Jackson, R. Violent Internal Conflict and the African State // *Journal of Contemporary African Studies*. 2002. № 20(1). – PP. 29–52.; Nevers, R. de Democratization and Ethnic Conflict // Michael E. Brown (ed.) *Ethnic Conflict and International Security*. 2000. № 35 (2). – PP. 31–49.; Posen, B.R. The Security Dilemma and Ethnic Conflict // Michael E. Brown (ed.), *Ethnic Conflict and International Security*. 2000. № 35 (2). – PP. 1–51.; Uduak, D. Williams How Useful are the Main Existing Theories of Ethnic Conflict? // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies* MCSER Publishing, Rome-Italy. 2015. Vol 4 No 1. – PP. 147–151.
16. Olzak S., Nagel J. Introduction, Competitive Ethnic Relations: An Overview // Olzak S., Nagel J. (eds.). *Competitive Ethnic Relations*. FL: Academic Press, Inc: Orlando, 1986. – PP. 1–16.
17. Fischer, M. *Komparatistischelmagologie. Fur eineinterdisziplinareErforschung national-imagotyper Systeme // Zeitschrift fur Sozialpsychologie*. 1979. № 3. – PP.16–33.; Moura J.-M. L'imagologieliitteraire: tendencesactuelles // *Perspectives comparatistes / J. Bessiere, D.-H. Pageaux*, 1999. – PP. 231–245.; Dyserinck, H. *Imagology and the Problem of Ethnic Identity // Intercultural Studies*. 2003. N1. – PP. 1–8.; *Imagology. The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / Ed.M. Beller and J. Leerssen*. Amsterdam: Rodopi, 2007. – 476 P.; Pageaux D.-H. *Image/Imaginaire // Beyond the Pug's Tour. National and Ethnic Stereotyping in Theory and Literary Practice / Ed. C.C. Barfoot*. – Amsterdam-Atlanta, 1997. – PP. 367–379.; Swiderska M. *Studien zur literaturwissenschaftlichen Imagologie: Das literarische Werk F.M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berucksichtigung der Darstellung Plens*. – München, 2001. – PP. 21–72.
18. Butler, J. *Bodies that Matter*. New York. Routledge. 1993.; Becker, J.C. When group memberships are negative: The concept, measurement and behavioral implications of psychological disidentification // *Self and Identity* 2013. № 13(3. – PP. 294–321.; Werhle, M. *Phenomenology and the Cognitive // Sciences volume*. 2021. № 20. – PP. 365–386.

IDENTITY CONFLICT: FOREIGN RESEARCH CONCEPTS

Volkov Yu.G., Kurbatov V.I.

Southern Federal University, South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The article shows that in modern society one of the integration trends is the complication of social dynamics, including the transformation of the identity of individuals and social groups. Transforming identity, based on various socio-cultural, historical, ethno-national, religious and other value prerequisites, being a contradictory and multi-level process, expressed in the repertoires of many social roles, manifests itself in symbolic style, in communicative discourse, in patterns of behavior, in experiences of the past, in different perceptions and understanding of the challenges of existing existence, which, under the influence of globalization, modernization and urbanization, reveal various forms of compatibility and incompatibility of identities. The article highlights and analyzes the following concepts of identity conflicts: the concept of multiple social roles, multiple and hybrid identities, the concept of intra-personal identity conflict, the concept of identity competition, the concept of conflict of ethnic identities, the concept of identity conflict as processes of disidentification, disidentification, non-identification and disidentification. It is shown that identity conflicts manifest themselves at the individual level, intragroup, intergroup and social levels and can lead to destructive consequences, up to open confrontation. At an individual intra-personal level, an identity conflict can manifest itself in the form of an "Other-Other" conflict and be the result of conflicts of disidentification and disidentification that arise as a result of weakening or cessation of identification with a social group based on a collision and confrontation of certain identification features. Intergroup conflicts of identities, most often conflicts of ethnic identities, have their own prerequisites and causes in the form of immediate territorial proximity of residence, dissatisfaction with reforms and representation in government, as well as the inability of regional authorities to ensure the security of certain ethnic groups.

Keywords: identity, disidentification, disidentification, social roles, integration, conflict, intergroup conflict, conflict of ethnic identities.

References

1. Barnett, G., Boduszek, D., Wilmont, D. What works to change identity? A rapid evidence assessment of interventions // *Journal of Applied Psychology*. 2021. № 51 (5). – PP. 678–719.; Hopf, T. The Promise of Constructivism in International Relations Theory / T. Hopf // *International Security*. – 1998. – Vol.23. № 1. – P.171–200. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2539267?seq=1>. – (Date of access: 19.06.2020).; Campbell, D. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity / D. Campbell*. – Manchester: Manchester University Press, 1992. – 269 P.; Hansen, L. View all authors and affiliations. 2019. Volume 38, Issue 3. – PP. 311–317. <https://doi.org/10.1177/00108367030383010> p. 311–317.; Kratochwil, F. The Embarrassment of Changes: Neo-Realism as the Science of Realpolitik without Politics / F. Kratochwil // *Review of International Studies*. – 1993. – Vol.19. № 1–63–80 P.
2. Campbell, D. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity / D. Campbell*. – Manchester: Manchester University Press, 1992. – 269 P.; Hansen, L. View all authors and affiliations. 2019. Volume 38, Issue 3. – PP. 311–317. <https://doi.org/10.1177/00108367030383010> p. 311–317.; Burton J., Dukes F. (eds.). *Conflict: Readings in Management and Resolution*. – London, 1990. – 292 P.; Galtung, J. *Peace by Peaceful Means: Peace, Conflict, Development and Civilization*. L.1996. – 280 P.; Rothman J. *Resolving Identity-Based Conflicts*. – San Francisco, 1997. – 224 P.
3. Schwartz, S.H. Basic individual values: Sources and consequences // *Handbook of Value*, eds T. Brosch, D. Sander, F. Clément, J.A. Deonna, E. Fehr, P. Vuilleumier. Oxford: Oxford University Press. 2016. – PP.63–84.
4. Ashmore, R.D., Deaux, K., McLaughlin-Volpe, T. An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality. *Psychological Bulletin*. 2004. № 130. – PP. 80–114.; Gocłowska, M. A., Crisp, R. J. (2014). How dual-identity processes foster creativity // *Review of General Psychology*. 2004. № 18. – PP. 216–236.; Dovidio, J. F., Kawakami, K., Gaertner, S.L. Implicit and explicit prejudice and interracial interaction // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. № 82. – PP. 62–68.
5. Aronson, J., Steele, C.M., Salinas, M.F., Lustina, M.J. The effects of stereotype threat on the standardized test performance

of college students // E. Aronson (Ed.), *Readings about the social animal*. 1998. – PP. 415–430.

6. Horowitz, M.C. Nationalism and Ethnicity: Cultural Nationalism // *Encyclopedias almanacs transcripts and maps*. Roycroft Press. The Columbia Encyclopedia, 6th ed. N.Y., 2017. – PP. 38–54.; Lorenz C.F.G. Representations of Identity: Ethnicity, Race, Gender and Religion. An Introduction to Conceptual History // Lorenz Ch., Berger S. (Ed.), *The Contested Nation. Ethnicity, Religion, Class and Gender in National Histories*. Houndsmill, 2008. – PP. 24–60.; Zoetl, P.A. Creating images, creating identity // *Journal des anthropologues*. 2012. № 15. – PP. 130–131. URL: <http://journals.openedition.org/jda/5093>.
7. Berzonsky, M. Social-cognitive perspective on identity construction // *Handbook of identity theory and research*. Eds S.J. Schwartz, K. Luyckx, V.L. Vignoles. New York, Springer, 2011. – PP. 55–77.; Lustick, I.A. User-Friendly Agent-Based Modeling Platform for Testing Theories of Political Identity and Political Stability // *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*. 2002. Vol. 5, № 3. – PP. 163–181.; Singer, J.A., Bluck, S. New perspectives on autobiographical memory: The integration of narrative processing and autobiographical reasoning // *Review of General Psychology*, 2015. Vol. 5. – PP. 91–99.; Ünal, F., Inac, H. The Construction of National Identity in Modern Times: Theoretical Perspective // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2013. Vol. 3 No. 11. – PP. 223–233.
8. Brewer, M.B., Gardner, W. Who is this «We»? Levels of collective identity and self representations // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1996. № 71. – PP. 83–93.; Turner, J.C., Oakes, P.J., Haslam, S.A., McGarty, C. Self and collective: Cognition and social context // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1994. № 20. – PP. 401–454.; Christensen, P.N., Rothgerber, H., Wood, Watz, D.C. Social Norms and Identity Relevance: A Motivational Approach to Normative Behavior // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2004. № 30. – PP. 1295–1309.
9. Abrams, D., Wetherell, M. S., Cochrane, S., Hogg, M. A., & Turner, J.C. Knowing what to think by knowing who you are: Self-categorization and the nature of norm formation, conformity and group polarization. *British Journal of Social Psychology*. 1990. № 29. – PP. 97–119.; Schwartz, S.H. Normative explanations of helping behavior: A critique, proposal, and empirical test. *Journal of Experimental Social Psychology*. 1973. № 9. – P.P. 349–364.
10. Baumeister, R., Shapira, J.P., Tice, D. Two kinds of identity crisis // *Journal of Personality*. 1985. № 53(3). – PP. 407–424.; Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press, 1985. – 720 P.
11. Caselli, F. On the theory of ethnic conflict // *Nation bureau of economic research*. Massachusetts Avenue Cambridge. 2006. – PP. 121–136.; Coleman, E.B., White K. *The Meanings of Health and Illness: Medicine, Religion and the Body // Medicine, religion and the body / Ed. by Coleman E.B., White K*. Leiden, Boston: Brill, 2010. – PP. 1–14.; Ismayilov, G.G. *Ethnic Conflicts and Their Causes // Khazar Journal of Humanities and Social Sciences*. 2008. № 3(4). – PP. 50–63.; Donald G. Ellis DG *Ethno-Political Conflict // The International Encyclopedia of Interpersonal Communication*. 2015. – PP. 1–9.
12. Blagojevic, B. Causes of Ethnic Conflict: A Conceptual Framework // *Journal of Global Change and Governance*. 2009. № 3(1). – PP. 1–25; Campbell, D. *Geopolitics and Visuality: Sighting the Darfur Conflict // Political Geography*. 2007. Vol. 26(4). – PP. 357–382.
13. Sambanis, N., Shayo, M. Social Identification and Ethnic Conflict // *The American Political Science Review*. 2013. Vol. 107, No. 2. – PP. 294–325.
14. Astourian, S.H. In Search of the Forefathers: National Identity and the Historiography and Politics of Armenian and Azerbaijani Ethnogenesis // D.V. Schwartz and R. Panossian (ed.) *Nationalism and History: The Politics of Nation Building in Post-Soviet Armenia, Azerbaijan and Georgia* University of Toronto: Centre for Russian and East European Studies. 1994. – PP. 41–94.; Connor, W. *Ethnonationalism: The Quest for Understanding* Princeton, Princeton University Cornell. 1994. – 234 P.; Esteban, J.L., Ray, D. *Ethnicity and Conflict: An Empirical Study // American Economic Review*. 2012. № 102 (4). – PP. 1310–1342.
15. Jackson, R. *Violent Internal Conflict and the African State // Journal of Contemporary African Studies*. 2002. № 20(1). – PP. 29–52.; Nevers, R. de Democratization and Ethnic Conflict // Michael E. Brown (ed.) *Ethnic Conflict and International Security*. 2000. № 35 (2). – PP. 31–49.; Posen, B.R. *The Security Dilemma and Ethnic Conflict // Michael E. Brown (ed.), Ethnic Conflict and International Security*. 2000. № 35 (2). – PP. 1–51.; Uduak, D. Williams How Useful are the Main Existing Theories of Ethnic Conflict? // *Academic Journal of Interdisciplinary Studies MCS-ER Publishing, Rome-Italy*. 2015. Vol 4 No 1. – PP. 147–151.
16. Olzak S., Nagel J. Introduction, Competitive Ethnic Relations: An Overview // Olzak S., Nagel J. (eds.). *Copmet-itive Ethnic Relations*. FL: Academic Press, Inc: Orlando, 1986. – PP. 1–16.
17. Fischer, M. *Komparatistischelmagologie. Fur eineinterdisziplinareErforschung national-imagotyper Systeme // Zeitschrift fur Sozialpsychologie*. 1979. № 3. – PP.16–33.; Moura J.-M. *L'imagologie litteraire: tendencesactuelles // Perspectives comparatistes / J. Bessiere, D.-H. Pageaux*, 1999. – PP. 231–245.; Dyserinck, H. *Imagology and the Problem of Ethnic Identity // Intercultural Studies*. 2003. N1. – PP. 1–8.; Imagology. *The Cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey / Ed.M. Beller and J. Leerssen*. Amsterdam: Rodopi, 2007. – 476 P.; Pageaux D.-H. *Image/Imaginaire // Beyond the Pug's Tour. National and Ethnic Stereotyping in Theory and Literary Practice / Ed. C. C. Barfoot*. – Amsterdam-Atlanta, 1997. – PP. 367–379.; Swiderska M. *Studien zur literaturwissenschaftlichen Imagologie: Das literarische Werk F.M. Dostoevskijs aus imagologischer Sicht mit besonderer Berücksichtigung der Darstellung Plens*. – München, 2001. – PP. 21–72.
18. Butler, J. *Bodies that Matter*. New York. Routledge. 1993.; Becker, J.C. When group memberships are negative: The concept, measurement and behavioral implications of psychological disidentification // *Self and Identity* 2013. № 13(3). – PP. 294–321.; Werhle, M. *Phenomenology and the Cognitive // Sciences volume*. 2021. № 20. – PP. 365–386.

Инновационное развитие: лучший мировой опыт коммерциализации интеллектуальной собственности

Добреньков Владимир Иванович,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой истории и теории социологии, советник ректора МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: vladimiro040239@mail.ru

Афонин Юрий Алексеевич,

к.с.н., д.э.н., профессор, профессор Международной академии бизнеса и управления, академический ректор Казахского университета инновационных и телекоммуникационных систем
E-mail: koncy@mail.ru

В статье представлен дискурс, основанный на новейших теоретических достижениях и прикладных результатах в разработке современных социально-экономических моделей управления знаниями. На основе институциональных теорий разработана и представлена современная система управления интеллектуальной собственностью. Показан генезис и этапы созревания стартапа от идеи до создания работоспособного прототипа или общественно-полезной модели. На основе лучшего мирового опыта представлены технологии по оценке инноваций, патентованию и управлению патентами, изобретениями, авторскими правами и товарными знаками, оплаты труда инноваторов, оказания содействия по правовым вопросам управления интеллектуальной собственностью.

Ключевые слова: изобретения, паушаль, франшиза, аутсорсинг, авторские права, бренд, лицензионное соглашение, управление знаниями, лицензионная торговля.

Для формирования социально – экономических и финансовых основ инновационной деятельности, основанной на эффективном управлении интеллектуальной собственностью в России нужны инструменты раскрытия частной творческой инициативы, механизмы материальной и нематериальной поддержки новаторства, изобретательства и рационализаторства.

Пока что социальные аспекты ресурсного обеспечения интеллектуальной собственности находятся «на крайнем социологическом фланге экономических проблем» и поэтому в наименьшей степени поддаются формализации в рамках неоклассического подхода» [1].

Более всестороннее исследование данных аспектов социальной жизни общества, как оказалось, возможно в рамках институционально – эволюционной теории. Её основоположник американский социолог и экономист Т. Веблен ввёл понятие институтов (рутины) как устойчивых привычек мышления, присущих большой общности людей и происходящих из инстинктов, стереотипов мышления, традиций, обычаев, правил, законов и социальных норм. По Веблену стабильность социальных институтов нарушается как внешними, так и внутренними процессами. Роль разрушителя стабильности выполняет инновационная деятельность, родственная по содержанию и значимости мутациям в биологической эволюции. Однако эти разрушения носят созидательный характер, если несут функцию экономической полезности для общества и предполагают наличие способности интегрировать дискретные элементы социологических знаний в новые, ранее неизвестные созидательные комбинации. Поэтому любая инновация должна нести элементы прибыли и готовности к внедрению в реальный сектор экономики. Но эту прибыль социальных позиций следует рассматривать как награду общества за полезность этого проекта [2].

Согласно Веблену, успех от зарождения идеи и доведения её до экономической полезности обществу основана создании новых институтов, которые, как показывает зарубежный опыт, предполагают обязательное наличие сильной правовой базы, современной инфраструктуры, заточенной на продвижение инновации, мощной корпоративной культуры и современной системы управления знаниями. Все это должно сопровождаться разделением труда учёного и специалистов по продвижению разработок.

Одним из важнейших направлений совершенствования законодательства в области интеллектуальной собственности является повышение заинтересованности всех участников инновационной деятельности в конечном результате – практическом внедрении новых научных разработок и технологий, созданных отечественными учеными [3].

В США, например, еще в 1986 году Законом о трансфере научных технологий была установлена минимальная доля изобретателя – 15% от суммы доходов, полученных университетом от реализации исключительных прав на изобретение. Кроме этого, большинство американских университетов устанавливают размер авторских вознаграждений в размере 25–30% от суммы дохода, получаемого университетом от лицензионных соглаше-

ний. В Российской Федерации совсем недавно – 04 июня 2014 года, а в Республике Казахстан в 2015 году установили минимальные размеры авторских вознаграждений за создание и использование объектов промышленной собственности – изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. За создание служебного изобретения автору выплачивается поощрительное вознаграждение в размере 30% от среднемесячной заработной платы, за создание полезной модели или промышленного образца – 20%. При использовании изобретений в собственном производстве работодатель обязан выплатить автору вознаграждение в размере среднемесячной зарплаты, при заключении лицензионного договора – 10% от суммы лицензионных платежей, при заключении договора уступки – 15% от суммы договора [4].

Однако при отсутствии внутренних нормативных актов, что сегодня, к сожалению, имеет место в большинстве организаций России, эти положения не выполняются.

Вторым важным моментом законопроекта является поддержка лиц, содействующих созданию и коммерциализации результатов научно-технической деятельности. Здесь речь идет, в первую очередь, о вузовских и региональных офисах коммерциализации технологий, патентно-лицензионных службах в вузах, НИИ и промышленных предприятиях. Они играют исключительно важную роль не только в выявлении, оформлении и правовой охране объектов интеллектуальной собственности, но и выступают «шлюзом» между наукой и промышленностью при коммерциализации результатов научно-технической деятельности. Без эффективной работы офисов коммерциализации технологии невозможна передача новых разработок и технологий от вузов и НИИ на предприятия реального сектора экономики. Это давно поняли за рубежом, где в каждом университете существуют такие подразделения, количество сотрудников в которых составляет в среднем 40–90 человек для крупных университетов и 30–40 – для средних и малых университетов. В большинстве вузов России в офисах коммерциализации технологий работает от 1 до 4 сотрудников, что явно недостаточно. Всего же по России дефицит сотрудников в сфере коммерциализации и трансфера технологий составляет порядка 60000 человек.

Сегодня нужны специалисты следующих направлений:

- ускорение и упрощение контактов с генеральными инвесторами;
- оказание услуг по заключению контрактов и грантов;
- оценка инноваций на основе целевых индикаторов (индекс доходности (рентабельность) инвестиций по чистому доходу предприятия и срокам окупаемости);
- оказанию помощи по патентованию и управлению патентами, изобретениями, авторскими правами и товарными знаками;
- урегулирование конфликтов интересов;
- оказание содействия по правовым вопросам управления интеллектуальной собственностью;
- оказание услуг по трансферту;
- организации учебной работы по подготовке исследователей к коммерциализации интеллектуальной собственности.

Российский интеллектуальный потенциал оценен в 400 млрд долл., наша страна по-прежнему входит в первую десятку стран мира по показателям высокого уровня научно-технических достижений (3). Однако на мировом рынке гражданской наукоемкой продукции доля России составляет менее 0,5%, (тогда как США

принадлежит 36%, Японии – 30%, Китаю – 6%), что является следствием неразработанности методического обеспечения создания, использования объектов ИС (ОИС) и механизмов патентно-лицензионного обмена результатами интеллектуальной деятельности.

В настоящее время в России предприняты шаги по улучшению климата в направлении интеллектуальной деятельности. Федеральным Законом 217 внесены изменения в ряд нормативных правовых актов, что позволяет ВУзам и НИИ открывать хозяйственные общества, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), исключительные права на которые принадлежат данным научным учреждениям без согласования с собственником их имущества.

Этот Федеральный Закон позволяет высшим учебным заведениям:

- 1) возможность получения дополнительных инвестиций;
- 2) возможность предоставления более высокой заработной платы квалифицированным специалистам и молодым ученым;
- 3) повышение эффективности коммерциализации работ;
- 4) осуществление сделок через предприятие вне конкурсов.

Кроме этого, повышается мотивация инновационно-мыслящих сотрудников к созданию малых инновационных предприятий за счёт предоставления вузом следующих льгот:

- 1) возможность льготной аренды помещений без проведения конкурса возможность пользования оборудованием ВУЗа или НИИ;
- 2) пониженные ставки арендной платы: первый год – 40% от рыночной стоимости, во второй год – 60% и в третий 80%);
- 3) снижение налоговой ставки по начислениям на заработную плату до 14% вместо 30%;
- 4) малые инновационные предприятия получают возможность выигрывать конкурсы на проведение НИОКР, объявленные Вузом (в соответствии с изменениями ФЗ – 94 о госзакупках закупка любыми бюджетными организациями НИОКР может осуществляться путём проведения конкурса с одним участником);
- 5) вуз, получивший бюджетный грант, может отдать часть работ малому инновационному предприятию на аутсорсинг (в лотах Минобрнауки России на аутсорсинг можно направить до 40 процентов стоимости госконтракта).

Для формирования своей интеллектуальной собственности определены процедуры, которые включают в себя следующие этапы:

- предварительная оценка патентной чистоты результатов интеллектуальной деятельности, создание которых планируется в результате НИР;
- проведение по окончании НИР мероприятий по правовой охране интеллектуальной деятельности (в соответствии с законодательством РФ исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности принадлежат учреждению, в котором проводились исследования и которое предоставило средства и инфраструктуру для их создания);
- своевременная оплата государственной пошлины за поддержание патентов в соответствии с установленными законодательством сроками;
- проведение инвентаризации прав на результаты интеллектуальной деятельности с целью выявления случаев неправомерной регистрации прав на результаты интеллектуальной деятельности, создан-

ные за бюджетные деньги, лично на их авторов. Всё это может способствовать накоплению созданию такой «экологической» инновационной среды, в которой ВУЗы могли бы «вариться» в котле малых инновационных предприятий.

Любая инновационная идея по дороге к коммерциализации неизбежно попадает в Death Valley – «долину смерти». Это самый начальный отрезок пути, когда перспективы технологии еще неясны, впереди предстоят сплошные затраты на создание работоспособного прототипа продукта или услуги, а собственных средств инноватора может попросту не хватить. Поэтому важным направлением является создание механизмов продвижения идеи на начальном этапе, так называемой посевной стадии. Такими институтами поддержки являются бизнес – ангелы или посевные инвесторы. Далее в продвижении проекта участвуют бизнес – акселераторы, бизнес – инкубаторы и технопарки. Затем проекты финансируют венчурные фонды и портфельные инвесторы [5].

В России «локомотивом» создания инновационной среды становится Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, который реализует стратегию третьей очереди своего развития: зарождения, становления и развития технологической долины «Воробьёвы горы». В восстановлении инновационного сектора экономики безграничны возможности социологической науки. Важно включение социологических знаний в инновационное развитие организации, создание благоприятной инновационной экосистемы для раскрытия творческого потенциала общества. Вот почему культура успешных инновационных кампаний является вдохновляющей, культивирует уважение к инновациям.

Здесь энергия страха преобразуется в энергию энтузиазма и творчества. Включение социальной мысли в инновационный процесс могло бы заключаться в концептуальном осмыслении мирового опыта и разработке собственных механизмов поддержки рационализаторства и изобретательства. Потому что история показывает, что непосредственные заимствования и подражания даже самым эффективным инновационным системам мало что дают социально-политическим институтам и национальным экономикам. В своё время, например, все южноамериканские и латиноамериканские страны скалькировали свои законодательные базы управления интеллектуальной собственностью у Соединённых Штатов Америки. Но многие из них за полтора десятилетия не смогли создать инновационные экономики или хотя бы приблизиться к США? Поэтому России нужна собственная система управления знаниями, основанная на самобытных духовных ценностях и неисчерпаемом интеллектуальном ресурсе [6].

Литература

1. Добренков В.И., Афонин Ю.А., Жабин А.П. Современные механизмы управления социальными изменениями – Москва: Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Социологический фак., 2012.

2. Dobrenkov V.I., Zhabin A.P., Afonin Yu A., Scalberg Ernest J., Fredric Kropp Contemporary control mechanisms of social change. – University of Houston C.T. Bauer College of Business Houston, Tex., United States, ISBN978–5–8291–1362–9, 978–5–904993–23–8
3. Dobrenkov V.I., Zhabin A.P., Afonin Yu A. Contemporary control mechanisms of social change. LAP LAMBERT Academic Publishing (2015.05.19). – Германия, 2015.
4. Добренков В.И., Афонин Ю.А., Жабин А.П. Современные механизмы управления социальными изменениями – Казахстанский университет, 2014.
5. Talent management and knowledge: theory, methodology, models Orlova L.V., Afonin Y.A., Voronin V.V. Review of European Studies. – 2015. – Т. 7. – № 9. – С. 75–82. (scopus).
6. Financial accounting centers: concepts and tools Orlova L.V., Afonin Y.A., Voronin V.V., Akopyan D.A. Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2015. – Т. 6. – № 4. – С. 339–344. (scopus).

INNOVATIVE DEVELOPMENT: THE BEST WORLD EXPERIENCE OF INTELLECTUAL PROPERTY COMMERCIALIZATION

Dobrenkov V.I., Afonin Y.A.

Lomonosov Moscow State University, International Academy of Business and Management

The article presents a discourse based on the latest theoretical achievements and applied results in the development of modern socio-economic models of knowledge management. On the basis of institutional theories, a modern intellectual property management system has been developed and presented. The genesis and stages of startup maturation from an idea to the creation of a workable prototype are shown. or a public utility model. Based on the best world experience, technologies for evaluating innovations, patenting and managing patents, inventions, copyrights and trademarks, remuneration of innovators, and assistance in legal matters of intellectual property management are presented.

Keywords: inventions, pauchal, franchise, outsourcing, copyright, brand, license agreement, knowledge management, license trade.

References

1. Dobrenkov V.I., Afonin Yu.A., Zhabin A.P. Modern mechanisms for managing social changes – Lomonosov Moscow State University, Sociological Faculty, Moscow, 2012.
2. Dobrenkov V.I., Zhabin A.P., Afonin Yu A., Scalberg Ernest J., Fredric Kropp Contemporary control mechanisms of social change place of publication University of Houston C.T. Bauer College of Business Houston, Tex., United States, ISBN978–5–8291–1362–9, 978–5–904993–23–8
3. Dobrenkov V.I., Zhabin A.P., Afonin Yu A. Contemporary control mechanisms of social change. LAP LAMBERT Academic Publishing (2015.05.19) place of publication Germany, 2015.
4. Dobrenkov V.I., Afonin Yu.A., Zhabin A.P. Modern mechanisms of social change management – Kazakhstan University Publishing House, 2014.
5. Talent management and knowledge: theory, methodology, models Orlova L.V., Afonin Y.A., Voronin V.V. Review of European Studies. 2015. Т. 7. № 9. С. 75–82. (scopus).
6. Financial accounting centers: concepts and tools Orlova L.V., Afonin Y.A., Voronin V.V., Akopyan D.A. Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 4. С. 339–344. (scopus).

Социальная типология гражданской экспертизы в управлении вооруженных сил Российской Федерации

Евенко Сергей Леонидович,

доктор псих. наук, профессор, зав. кафедры социологии, ФГК ВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: slevenko@yandex.ru

Гореликов Евгений Сергеевич,

кандидат военных наук, докторант кафедры социологии, ФГК ВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: general85@yandex.ru

В статье подробно раскрываются основные научные подходы в рамках исследования социальной типологии гражданской экспертизы в управлении вооруженных сил как в Российской Федерации, так и в других странах в настоящие дни. Проведенный теоретический анализ исследований отечественных и зарубежных ученых в области изучения различных типов гражданской экспертизы по различным критериям позволил выделить в рамках этой статьи существующие фундаментальные принципы функционирования различных типов гражданской экспертизы в Российской Федерации с точки зрения современной методологии социологической науки. В процессе проведения анализа были произведены выявление и систематизация ключевых критериев, по которым можно классифицировать гражданскую экспертизу как социологическое явление, а также основных типов гражданской экспертизы в Российской Федерации, применимых в вооруженных силах нашей страны в условиях современной глобальной геополитической обстановки.

Ключевые слова: гражданская экспертиза, социальное управление, типология гражданской экспертизы, социология управления, вооруженные силы.

Актуальность проблемы. Гражданская экспертиза – это комплексное исследование социально значимого явления, процесса, проблемы или структуры, требующее применения специальных знаний и/или умений, проводящееся независимо от государственных институтов и органов власти активными гражданами, по необходимости привлекающими экспертов, в контексте выяснения соответствия анализируемого объекта общественным интересам, с целью оптимизации объекта для нужд общества, предотвращения возможных рисков и негативных последствий деятельности объекта, завершающееся предоставлением обоснованного заключения касательно сути исследуемого вопроса, которое может включать предложения рекомендательного характера по любым аспектам затронутой тематики. Заказчиком такой экспертизы выступает определенный гражданин или общественная организация, но не властная структура, тем более имеющая отношение к анализируемому объекту, поскольку в противном случае часто возникает конфликт интересов.

Гражданская экспертиза является важным инструментом обратной связи, благодаря которому гражданское общество современного демократического государства может оказывать непосредственное воздействие на различные его институты, в особенности числе традиционно закрытые и действующие обособленно. Практика показывает, что в таких структурах со временем часто накапливаются мелкие несовершенства, сбои и ошибки, которые в ряде случаев совершают качественный переход в крупные проблемы, оказывающие значительное негативное влияние на функционирование структуры. Это может быть повышенный риск каких-либо нежелательных происшествий, излишние расходы, бессмысленная трата времени или иных ресурсов, низкое качество результата, несоответствие фактических целей структуры интересам общества и так далее.

В связи с этим для поддержания оптимальной работоспособности организации, предприятия или иной общественно значимой структуры регулярно проводятся разнообразные проверки и исследования. Они могут выполняться различными акторами:

1. **Внутриведомственные** – выполняемые акторами, непосредственно связанными профессиональной деятельностью с исследуемой структурой. Такие исследования являются частью нормальной деятельности структуры. Они оказывают минимальное воздействие на рабочие процессы, но зачастую результат оказывается менее качественным, чем у иных акторов. Это связывается с тем, что сама исследуемая структура слишком хорошо осведомлена о вопросе и ходе исследования, вследствие чего заинтересованные лица могут использовать специфические знания о нюансах деятельности для того, чтобы исследователь получил тот результат, который выгоден исследуемому. Кроме того, нередко бывает, что субъект, проводящий исследование, также не слишком заинтересован в том, чтобы достичь результатов, приводящих к каким-либо революционным выводам и последствиям для структуры в целом.
2. **Вневедомственные** – производимые акторами из государственных или аффилированных организаций,

чья профессиональная деятельность находится в плоскости, отличной от исследуемой структуры. Типичными примерами являются аудиторская проверка и следственные действия. Вневедомственные исследования, как правило, оказывают значительное воздействие на ход рабочих процессов, но им чаще всего удается выявить разного рода нарушения, в том числе скрываемые злоумышленниками, связанными с деятельностью предприятия. Однако исследования такого рода обычно фокусируются на выполнении определенной задачи, такой как выявление типичных правонарушений или связи структуры с некоторой уже известной преступной деятельностью. Специалисты, проводящие такое исследование, глубоко погружены в те области, которые существенны в контексте их задачи, и не затрагивают те аспекты деятельности структуры, которые не касаются этого контекста.

3. Гражданские – проводящиеся независимыми акторами, не связанными ни с государственными организациями, ни с самой исследуемой структурой непосредственно. Нередко существенной проблемой, снижающей потенциал эффективности гражданских экспертиз, является их неопределенный статус и, как следствие, низкий уровень доступа к сведениям, необходимым для проведения исследования. Если удастся найти решение у данной проблемы, предоставив экспертам необходимые им сведения без раскрытия информации, относящейся к государственными или коммерческим секретам, то гражданская экспертиза может предоставить свежий взгляд на деятельность структуры, выявить лежащие на поверхности и ранее не замеченные проблемные места, предложить альтернативные рабочие процессы, позволяющие экономить время и ресурсы, и так далее.

В истории нашей страны имелся интересный и самобытный опыт по созданию системы параллельных органов государственного контроля. Сначала это была рабоче-крестьянская инспекция, или Рабкрин [1], которая впоследствии неоднократно реорганизовывалась и трансформировалась. В более поздние времена деятельность этого органа и его наследников скорее можно было отнести к вневедомственным исследованиям, но поначалу это была по сути организация, ставящая на поток гражданский контроль над различными ведомствами, позволяющая оперативно проводить экспертный анализ и внедрять рационализаторские предложения, снижать бюрократическую нагрузку и достигать прочих общественно значимых результатов.

В настоящее время важность гражданской экспертизы как значимого общественного института контроля над деятельностью разного рода организаций и предприятий, в том числе государственных, становится все более очевидной. Внедрение гражданской экспертизы в стандартную практику деятельности различных структур требует изучения самого феномена гражданской экспертизы с различных сторон, в том числе с социологической, чему и посвящена данная работа.

Краткий обзор литературы. Т.М. Лукьянова обозначила основные проблемы, затрудняющие и не позволяющие в полной мере использовать возможности общественного контроля в современной России [2].

- Малая доля граждан, которые активно принимают участие в обсуждении и принятии решений, влияющих на общество и политику.
- Недостаточная вовлеченность населения в управленческую деятельность в целом, проявляющаяся

как на муниципальном, так и на государственном уровне.

- Отсутствие четко сформулированной модели, по которой может осуществляться взаимодействие представителей гражданского общества с органами власти.
- Слабая проработка механизмов, позволяющих эффективно выдвигать гражданские инициативы, доносить их до большого количества заинтересованных людей и приводить к дальнейшей реализации.
- Отсутствие официально признаваемой независимой системы, позволяющей гражданам давать обратную связь и оценивать деятельность органов исполнительной власти на региональном и муниципальном уровнях.

В.И. Ильин и А.Д. Чернов занимались поиском механизмов, с помощью которых можно привлекать гражданские структуры к контролю за деятельностью органов власти на всех уровнях [3]. Авторы в первую очередь интересовались вопросом реализации антикоррупционной политики, а именно в этой области институт гражданской экспертизы выглядит наиболее многообещающим с точки зрения результативности.

Указывается, что институты гражданского общества наиболее эффективно проявляют себя в таких государствах, где гражданское общество имело достаточно времени на формирование. В качестве примера приводятся такие относительно благополучные с точки зрения низкого уровня коррупции государства как Дания, Норвегия, Швеция и Финляндия. В России гражданское общество пока что находится в стадии развития, у него было сравнительно мало времени для того, чтобы окрепнуть и создать механизмы, необходимые для эффективного участия в управлении государством. Это объясняет причины проблем, обозначенных Лукьяновой.

А.А. Богородицкий исследовал опыт общественной экспертизы в вопросах, связанных с законотворчеством [4]. Он отметил характерные практики участия тех или иных структур в экспертизе по данному направлению.

- Наиболее распространенным случаем является гражданская экспертиза актов в сферах бюджетного и налогового законодательства, которая проводится некоммерческими организациями. На муниципальном уровне предметом экспертизы также нередко оказываются проекты различных решений, планов и концепций.
- Деятельность общественных палат субъектов Российской Федерации, направленная на экспертизу проектов законов региональной и муниципальной власти, как правило, проводится либо в связи с обращением высшего должностного лица или иных органов государственной власти, либо по решению Совета региональной общественной палаты.
- Экспертизу осуществляют Советы и аналогичные структуры при органах власти в регионах Российской Федерации. К ним относятся общественные, консультативные, координационные советы, молодежные парламенты и ассамблеи. Отмечается, что непосредственно экспертиза может не приводиться в тексте правового акта, но структура, занятая в проведении экспертизы, влияет на его содержание в том числе и руководствуясь результатами проведенной экспертизы.
- Гражданские экспертизы проводятся за счет собственных средств.
- Данные проведенных гражданских экспертиз могут размещаться в сети Интернет на официальных сайтах региональной государственной власти. Они носят рекомендательный характер.

Последнее замечание имеет особое значение. Как замечает Н.А. Филиппова, применяемые в современной Российской Федерации инструменты общественного контроля над деятельностью государственных органов относятся скорее к категории общественного надзора, а не контроля, поскольку, в отличие от деятельности аналогичных институтов в советское время, обладавших властными полномочиями и являвшихся институтами прямой демократии, могут лишь сформулировать рекомендации и выразить пожелания [5].

Д.Г. Васильченко провел сравнение отечественного и зарубежного опыта в организации гражданской экспертизы и аналогичных процессов вовлечения общества в управление государством [6]. По его наблюдению, во многих странах с развитым гражданским обществом у граждан имеется априорное право на доступ к информации и участие в принятии решений. Эти права не только закреплены законодательно, но и повсеместно применяются. Создаются специальные правительственные агентства с собственным бюджетом и постоянным штатом, независимые по отношению к исполнительной власти и занимающиеся организацией общественной деятельности на разных уровнях.

Результаты и их обсуждение. С точки зрения социологии гражданскую экспертизу можно типировать различным образом. Каждая из приведенных разновидностей типирования позволяет взглянуть на это социологическое явление под определенным углом, на основании чего можно сделать различные заключения, полезные для дальнейших исследований по данной тематике.

- По уровню – в зависимости от уровня государственных органов, имеющих непосредственное отношение к объекту экспертизы.
- По инициативе – от источников решения о проведении экспертизы.
- По задействованным экспертам – рассматривает самих экспертов, непосредственно проводящих экспертизу.
- По привлечению общественности – сильно или слабо процесс экспертизы вынесен в публичное пространство, насколько активно в нем задействованы неспециалисты, которых касается объект экспертизы и которые могут иметь собственное мнение, исходящее из общих соображений, житейского опыта и обращения к независимым источникам (табл. 1).

Таблица 1. Социальная типология гражданской экспертизы по уровню ее проведения

№	Уровень гражданской экспертизы	Особенности
1	Муниципальный	Сравнительно небольшие организационные сложности, низкая стоимость. Возможность привлечения относительно большой доли общественности. Высокая вероятность влияния результата экспертизы на действия органов власти.
2	Региональный	Существенные организационные сложности, особенно в крупных регионах. Привлечение большой доли общественности затруднено, но возможно, если экспертиза касается острого нишевого вопроса, а не всего населения региона в целом. Влияние результата экспертизы на действия органов власти ниже, чем у муниципальной экспертизы.

№	Уровень гражданской экспертизы	Особенности
3	Государственный	Значительные организационные сложности, особенно в областях, хотя бы косвенно связанных с вопросами секретности. Масштаб предприятия делает практически невозможным заинтересовать большую долю общественности. Не ожидается, что результат экспертизы способен радикально повлиять на действия органов власти за пределами косметических изменений.

Чем меньше масштаб объекта, подвергаемого гражданской экспертизе, тем большую ожидаемую эффективность она имеет. Это особенно хорошо просматривается на вырожденных случаях экспертизы, проводимой даже не на муниципальном, а на локальном уровне – при решении вопросов, касающихся отдельного поселка или предприятия. В таких ситуациях граждане, проводящие экспертизу, обычно прекрасно разбираются в нюансах интересующего их вопроса, а между ними и лицами, ответственными за объект экспертизы, не пролегает пропасть разницы в социальных статусах.

Наиболее проблематичными представляются гражданские экспертизы, проводящиеся в масштабах государства. Их проведение весьма ресурсозатратно, а результат, как правило, не слишком впечатляющ, поскольку бюрократическая машина с легкостью «принимает результаты экспертизы к сведению» и делает по-своему. В настоящее время можно рассматривать практику проведения гражданских экспертиз в масштабе государства не как непосредственные действия по общественному надзору или контролю, а как отработку механизмов функционирования гражданского общества (табл. 2).

Таблица 2. Социальная типология гражданской экспертизы по инициативе ее проведения

№	Иницирующий актор	Особенности
1	Отдельный гражданин или небольшая группа граждан	Низкий уровень ресурсов и возможностей по привлечению общественности. Уровень экспертных компетенций может быть любым, здесь все зависит от конкретных обстоятельств. Маловероятна успешная экспертиза комплексного объекта, но вполне возможен точный анализ, касающийся важных, но не слишком объемных вопросов.
2	Независимый эксперт или группа экспертов	Невысокий уровень ресурсов. Возможности по привлечению общественности более высокие по сравнению с обычными гражданами, поскольку эксперты нередко имеют устойчивые социальные связи с людьми, которых касается их профессиональная деятельность, а также объект экспертизы. Уровень экспертных компетенций высокий. Эксперты реалистично оценивают свои возможности и не возьмутся за экспертизу того, с чем не справятся в ожидаемые сроки.

№	Иницирующий актор	Особенности
3	Общественная организация, совет при организации и тому подобное крупное людское объединение	Чем крупнее организация, тем большими ресурсами она обладает и тем большую долю общественности может привлечь к мероприятию. Однако здесь возникает проблема, которую можно назвать «размытием экспертизы», когда параллельно с приглашенными экспертами вопросом занимаются дилетанты, пусть и из благих побуждений. Экспертиза крупных объектов чаще всего нуждается в значительных ресурсах, поэтому обычно она успешна только с таким иницирующим актором.

Когда дело касается небольших конкретных вопросов, наиболее успешными оказываются экспертизы, инициированные независимыми экспертами, либо заинтересованными гражданами, которым удастся привлечь к экспертизе таких экспертов. В этом случае работа выполняется быстро и четко, с достижением обозначенных целей, а от ее результата, четко оформленного с применением экспертных знаний, трудно отмахнуться как от чего-то малозначимого.

Если же экспертизу подобного компактного объекта запускает большая инициативная группа, то обычно в непосредственном процессе экспертизы также принимает участие большое число людей. Даже при их абсолютной добросовестности процесс и результат могут пострадать, поскольку участвующим в этой работе экспертам приходится не только заниматься собственно экспертизой, но и тратить время на коррекцию ошибок, допущенных коллегами.

Однако, как правило, только большие инициативные группы могут привлечь достаточное количество экспертов для решения крупномасштабных проблем. Снижение качества самой экспертизы при этом должно учитываться и компенсироваться (табл. 3).

Таблица 3. Социальная типология гражданской экспертизы по задействованным экспертам

№	Задействованные эксперты	Особенности
1	Дистанционные консультанты	Уровень компетенции может быть в том числе и очень высоким, однако степень погружения в работу над экспертизой может оказаться не слишком глубокой.
2	Экспертная команда	Группа профильных специалистов, профессионально занимающаяся экспертизой непосредственно на месте, может дать наилучший результат с точки зрения качества проделанной работы. Однако, как правило, их труд должен быть оплачен в соответствующем объеме, а это не всегда возможно, особенно при недостатке финансирования проекта экспертизы, характерного для малого масштаба рассматриваемой проблемы.

№	Задействованные эксперты	Особенности
3	Дилетанты	Привлеченные к процессу экспертизы неспециалисты обладают весьма ограниченными возможностями. Дело не только в их компетенциях или нехватке таковых, но еще и в сложности организации труда большой команды разнородных людей, даже добросовестно заинтересованных в результате. К преимуществам такого подхода относится поток свежих взглядов на рассматриваемую проблему, в котором встречаются любопытные элементы.

При выборе между различными возможностями в первую очередь приходится использовать то, что доступно. Этот принцип в полной мере относится и к гражданской экспертизе. Подразумевается, что иницирующий актор добросовестно заинтересован в получении точного результата, и для этого готов распорядиться имеющимися в наличии ресурсами оптимальным образом, в том числе и привлекая внешних экспертов. Но не всегда удается найти компетентных специалистов, готовых выполнить требуемую работу на тех условиях, которые готов предоставить актор.

В современных условиях обычно нетрудно найти даже очень высококачественных специалистов, которые могут провести поверхностную экспертизу, ограниченную в объеме работы, даже абсолютно бесплатно. Для этого можно воспользоваться возможностями сети Интернет, выйти на таких специалистов и попросить их о помощи. Дальнейшее сотрудничество может пойти различным образом, в том числе и переходя в более серьезную работу над экспертизой по договору.

Когда экспертизу проводят дилетанты, нередко возникает типичная проблема, связанная с их неглубокой компетенцией по ключевым вопросам: внушаемость. Человек, работающий вне области своей профессиональной компетенции, не всегда способен верно оценить вес того или иного довода. На него часто влияет не суть, а форма. Этой особенностью могут воспользоваться лица, заинтересованные в определенном результате экспертизы. Факты, представленные определенным образом, могут повлиять на дилетантов гораздо сильнее, чем на экспертов. В результате их мнение может сместиться в направлении, которое выгодно для заинтересованных лиц. Если мнение дилетантов будет оказывать существенное влияние на результат экспертизы, то по крайней мере части задействованных в процессе экспертов следует контролировать деятельность своих коллег-неспециалистов, указывая на ошибки в рассуждениях и предоставляя необходимую информацию в доступном виде (табл. 4).

Привлечение больших масс общественности к процессу гражданской экспертизы далеко не всегда оптимально сказывается на самом процессе, особенно когда речь заходит о вооруженных силах государства. Дилетантизация экспертной команды, распространение ошибочных и ложных слухов, постоянно повторяющиеся вопросы и прочие обстоятельства, характерные для активного взаимодействия с общественностью, могут негативно отразиться как на ходе экспертизы, так и на деятельности организации, связанной с объектом экспертизы. Поэтому во многих ситуациях оказывается целесообразным проведение экспертизы без придания огласки и публичности данному процессу. Это в особен-

ности касается ситуаций, когда проводится экспертиза работы и комплектования задействованных в различных конфликтах военных подразделений и их ресурсов.

Таблица 4. Социальная типология гражданской экспертизы по привлечению общественности

№	Привлеченная общественность	Особенности
1	Отсутствует или на минимальном уровне	Отсутствие общественного резонанса относительно проводимой гражданской экспертизы позволяет лицам, отвечающим за объект экспертизы, без особых проблем проигнорировать результат экспертизы в том случае, если он не будет соответствовать их интересам. В ряде обстоятельств, особенно связанных с секретностью, это наиболее распространенный вариант.
2	На низком уровне по сравнению с масштабом экспертизы	Проходит довольно тихо, зачастую без значительного инвазивного и разрушительного вмешательства в рабочие процессы, связанные с объектом экспертизы. При должном уровне организации процесса экспертизы и корректному оформлению ее выводов может заставить считаться с результатами экспертизы, несмотря на формально рекомендательный характер.
3	Соответствует масштабу экспертизы	Освещение экспертизы в муниципальных или региональных СМИ привлекает дилетантов, что является не только подспорьем, но и помехой. Если ходом процесса экспертизы не управлять с должной тщательностью, то этот процесс может негативно повлиять на основную деятельность объекта экспертизы.
4	Широкая известность, выход на масштабы вплоть до федерального	Получение такого общественного резонанса происходит либо случайно, когда что-то, связанное с экспертизой, «вирусится», становясь известным в сети Интернет, либо в результате очень больших финансовых вливаний, направленных на распространение информации об экспертизе. Первый вариант слабо управляем, его затруднительно вызвать специально – большая часть Интернет-феноменов создается случайно и приобретает известность естественным образом, а то, что пытаются распространять искусственно, как правило, не пользуется сопоставимым успехом и быстро забывается. Второй вариант может и должен вызывать вопросы об источниках финансирования и истинных целях проведения экспертизы, поскольку громкие и яркие события почти наверняка негативно повлияют на рабочие процессы в организации, связанной с объектом экспертизы.

С другой стороны, как указывалось в начале статьи, гражданское общество в нашей стране все еще находится в стадии становления. В связи с этим привлечение большого числа людей к работе в области надзора и контроля в средней и дальней перспективе может оказаться полезнее для общества в целом, чем успешное проведение ряда гражданских экспертиз компактными командами специалистов.

Выводы. Проведенная работа по созданию социальной типологии гражданской экспертизы позволила сделать несколько наблюдений и заключений.

1. Феномен гражданской экспертизы многомерен. Его можно рассматривать с различных позиций, руководствуясь конкретными целями и задачами при выборе опорной точки для анализа.
2. Не существует «оптимального» набора характеристик для гражданской экспертизы как таковой. В различных обстоятельствах следует использовать разные инструменты, такие как привлечение общественности или команда приглашенных экспертов.
3. Институт гражданской экспертизы полезен сам по себе для развития и укрепления гражданского общества в современном государстве. Полезны не только сами результаты конкретных экспертиз, но и общественное вовлечение, в результате которого люди привыкают к участию в общественной жизни, перестают дистанцироваться от властей и их решений и занимают более активную гражданскую позицию.
4. Во многих ситуациях оказывается целесообразным проведение экспертизы без придания огласки и публичности данному процессу. Это в особенности касается ситуаций, когда проводится экспертиза работы и комплектования задействованных в различных конфликтах военных подразделений и их ресурсов. Для развития института гражданской экспертизы в России видится полезной реализация следующих предложений.
 1. Создание и популяризация сайта в сети Интернет, посвященного гражданским экспертизам. Интеграция с сайтом «Госуслуги» и региональными новостными центрами, благодаря которой граждане могут быть оповещены о гражданских экспертизах, которые затрагивают их интересы.
 2. Формирование структуры государственных агентств, независимых от исполнительной власти и профессионально помогающих гражданам в организации общественной деятельности на разных уровнях. Понадобится работа, целью которой будет формирование у рядовых граждан знания о данной структуре, а также выработка привычки обращаться в нее с целью поиска решения общественно значимых задач.

Литература

1. Андреев А.Г., Никольский Д.В. Формы и виды контрольной деятельности рабоче-крестьянской инспекции в 1920–1928 гг. // Материал с сайта счетной палаты Российской Федерации: <http://www.ach.gov.ru/about/history/2028.php>
2. Богородицкий А.А. Общественная экспертиза в законодательном процессе: опыт модельного законотворчества // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 86–89.
3. Васильченко Д.Г. Организация гражданской экспертизы в муниципальном управлении // НОМОТНИКА: Философия. Социология. Право. 2011. № 9 (103). С. 95–106.

4. Ильин В.И., Чернов А.Д. Взаимодействие государства и институтов гражданского общества в реализации антикоррупционной политики в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. С. 45–68.
5. Лукьянова Т.М. «Народная экспертиза» как форма общественного контроля на территории Белгородской области // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2013. С. 81–92.
6. Филиппова Н.А. Общественный инспектор как участник общественного контроля // Вестник СурГУ. 2018. Вып. 2 (20). УДК 35.075.6

SOCIAL TYPOLOGY OF CIVIL EXPERTISE IN THE DEPARTMENT OF THE ARMED FORCES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Evenko S.L., Gorelikov E.S.

Military University named after Prince Alexander Nevsky Ministry of Defense of the Russian Federation

This article details the main scientific approaches in the study of the social typology of civilian expertise in the management of the armed forces both in the Russian Federation and in other countries today. The theoretical analysis of the studies of domestic and foreign scientists in the field of studying various types of civil expertise according to various criteria made it possible to single out, within the framework of this article, the existing fundamental principles for the functioning of various types of civil expertise in the Russian Feder-

ation from the point of view of modern methodology of sociological science. In the course of the analysis, the key criteria were identified and systematized, according to which it is possible to classify civil expertise as a sociological phenomenon, as well as the main types of civil expertise in the Russian Federation, applicable in the armed forces of our country in the current global geopolitical situation.

Keywords: civil expertise, social management, typology of civil expertise, sociology of management, armed forces.

References

1. Andreev A.G., Nikolsky D.V. Forms and types of control activities of the workers' and peasants' inspection in 1920–1928. // Material from the website of the Accounts Chamber of the Russian Federation: <http://www.ach.gov.ru/about/history/2028.php>
2. Bogoroditsky A.A. Public expertise in the legislative process: the experience of model lawmaking // Proceedings of PSPU im. V.G. Belinsky. 2012. No. 28. P. 86–89.
3. Vasilchenko D.G. Organization of civil expertise in municipal government // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Right. 2011. No. 8 (103). pp. 95–106.
4. Ilyin V.I., Chernov A.D. Interaction between the state and civil society institutions in the implementation of anti-corruption policy in the Russian Federation // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2014. S. 45–68.
5. Lukyanova T.M. "People's expertise" as a form of public control on the territory of the Belgorod region // State and municipal management in the XXI century: theory, methodology, practice. 2013. S. 81–92.
6. Filippova N.A. Public inspector as a participant in public control // Vestnik SurGU. 2018. Issue. 2 (20). UDC35.075.6

Социальные конфликты и социальная безопасность в Российской полиции: по материалам социологического исследования

Мамалимов Рустам Радикович,

аспирант, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
E-mail: mamalimov.rustem@mail.ru

В статье анализируется влияние деструктивных социальных конфликтов на социальную безопасность и эффективность деятельности российской полиции, что является актуальным в современном российском обществе. Цель исследования – выявление основных факторов и причин конфликтности в органах внутренних дел. Представлены данные социологического исследования, проведённого среди сотрудников Отдела МВД России по г. Нефтекамску (Башкирия). На основе структурно-функционального анализа и системного подхода дана классификация причин социального конфликта. Основные виды социальных конфликтов: организационные и административно-управленческие, социально-экономические, социально-психологические, нравственно-этические, социально-коммуникативные. Новизной исследования является выделение особого типа конфликта-социально-коммуникативного, в котором даётся обоснование энергетического, социально-поведенческого фактора возникновения конфликтов. Была обнаружена социальная проблема, которая имеет практическую значимость и требует корректирующего воздействия административно-управленческой системы. Главный упор следует сделать на создание системы профилактики дисфункциональных конфликтов в российской полиции.

Ключевые слова: социальные конфликты, социальная безопасность, российская полиция, социальная коммуникация, социально-коммуникативные конфликты, профилактика конфликтов.

Введение

Безопасность – состояние защищённости жизненно важных интересов личности, общества и государства. Состояние защищённости жизненно важных интересов граждан России в целом и работников правоохранительных органов – в частности, выступает комплексным понятием, включающим различные виды безопасности – личностную, политическую, экономическую, территориальную, экологическую, информационную и духовную безопасность. Интегрирующее понятие, объединяющее все названные виды – социальная безопасность, отражающая всю систему социальных отношений и социальных условий граждан.

Институт полиции подвержен влиянию внутренних опасностей и угроз, которые так или иначе могут способствовать возникновению конфликтной напряжённости; распространение болезней, эпидемий, деградация людей (физическая, интеллектуальная, духовная); нарастание насилия, терроризма, преступности, наркомафии, пьянства; жёсткая диктатура или агрессия одного государства против другого. Поэтому крайне важной представляется решение проблемы недопущения социальных конфликтов среди сотрудников полиции.

Методы исследования

Эмпирической базой для теоретических выводов и обобщений, сделанных в данной статье, стали результаты исследований, проведённых аспирантами БГПУ им. М. Акмуллы в 2022 г. Было проведено монографическое исследование 379 сотрудников полиции. В качестве типичного объекта был избран Отдел МВД России по г. Нефтекамску. Монографическое исследование включало элементы сплошного исследования (отклонение составило не более 1–3%).

Основными методами получения эмпирических данных были следующие: анкетирование с использованием проективной техники, включённое наблюдение, социальная диагностика организации, что в совокупности позволило сделать теоретические обобщения и выводы. Обследованным сотрудникам полиции было предложено последовательно выразить своё отношение к заданным ситуациям по набору из четырёхчленных шкал. В зависимости от процентной доли сотрудников, которые выразили критическое отношение и неудовлетворённость различными ситуациями, которые влияют социальные отношения в коллективе, мы выделили четыре градации (уровня): менее 20% – удовлетворительное состояние отношений; 20–40% – неустойчивое состояние отношений; 40–70% – предкризисное состояние отношений; 70–100% – кризисное состояние отношений. В ходе социологического исследования также осуществлялась социальная диагностика правоохранительной организации с целью определения её интегрального типа. Здесь применялся типологический подход, который является разновидностью структурно-функционального и системного анализа социальных объектов процессов [2].

Результаты

С нашей точки зрения, в отличие от межличностных конфликтов, социальный конфликт всегда предполагает борьбу одной социальной группы против другой, противоборство социальных субъектов. Классификацию конфликтов можно построить, опираясь на теорию систем социального действия Т. Парсонса. Он выделяет четыре подсистемы социального действия, из которых состоит общественная система: органическая, личностная, социальная и культурная. Причём социальная система в его теории выполняет интегративную функцию [4].

Современный социальный исследователь В.В. Гуленко разработал теорию коммуникативного пространства, которая является развитием идей Т. Парсонса. Он выделяет физический, психологический, социальный и интеллектуальный (духовный) уровень коммуникации [5, с. 20].

Исходя из этих теоретических положений, построим классификацию причин социального конфликта.

1. Политические конфликты – борьба между группами за власть и социальный статус. «Борьба за реальные властные полномочия, за возможность принятия решений или влияния на процесс выработки этих решений представляет собой сердцевину политического конфликта» [6, с. 263]. Такой вид конфликта считал главным Р. Дарендорф.

2. Личностные конфликты, в основе которых лежат индивидуальные особенности, несовместимость характеров и темпераментов.

3. Экономические конфликты – борьба за собственность, получение более высокого дохода и доступ к иным экономическим ресурсам (конфликт интересов). Такого рода конфликты выступают основополагающими в теории К. Маркса и Ф. Энгельса. Духовные конфликты, обусловленные различием ценностей, мировоззрений, менталитета, идеологическими разногласиями, уровнями образования и интеллекта (ценностный конфликт) – А. Тойнби, О. Шпенглер, П. Сорокин.

Автор данной статьи считает целесообразным выделить особый тип конфликтов – социально-коммуникативные конфликты. Социальная коммуникация интерпретируется как обмен информацией и социальными действиями между социальными субъектами. Другие виды коммуникации – политическая, экономическая, межличностная и духовная. Социальная коммуникация носит сквозной характер и характеризует, прежде всего, отношения и взаимодействия социальных субъектов. В зависимости от того, какие группы, общности вступают в коммуникацию, меняется содержание других видов социальных отношений. Социальная коммуникация органично входит во все другие виды коммуникаций, поскольку любые отношения предполагают наличие социальных субъектов и немыслимы вне их.

Коммуникация в социологической и философской литературе чаще всего понимается как процесс передачи информации, акт общения и информационный обмен, целью которого является взаимопонимание [7, с. 133]. В российской полиции нередко конфликты возникают не только в следствии неудовлетворительной передачи информации, но по причине существования расплывчатых критериев качества работы сотрудника, неточного определения должностных обязанностей и функций всех работников правоохранительных органов и отдельных подразделений, предъявление взаимоисключающих требований к служебной деятельности, стремления управленческой системы к получению односторонней выгоды и т.д. Обследованным сотрудникам полиции было предложено последовательно выразить своё отноше-

ние к заданным ситуациям по набору из четырёхчленных шкал. Результаты исследования отражены в таблице 1.

Таблица 1. Оценка сотрудниками конфликтогенных факторов в Отделе МВД России (в процентах)

Ситуация в организации	Нет	Скорее нет	Скорее да	Да
Совещания краткие и завершаются результатом	8,18	19,66	44,26	27,86
Каждый работник знает, по каким критериям оценивают его сотрудники	6,54	14,74	49,18	29,5
В случае срывов, неудач, нарушений всегда идёт активный поиск виновных	21,30	27,86	39,34	13,10
Доступ к информации зависит от положения работника в глазах начальства	19,66	29,50	36,06	14,74
Если допущена ошибка, об этом первым узнаёт не работник, а его начальник или сослуживцы	14,74	31,14	27,86	24,58
Конфликты возникают чаще всего из-за мелочей	39,34	22,94	32,78	3,26
Можно выдвигать новые идеи и предложения по совершенствованию работы	13,10	13,10	54,08	16,38
В коллективе неравенство, одни находятся в лучших условиях, другие – в худших	31,14	34,42	21,30	13,10
В коллективе существует справедливое отношение ко всем	6,54	29,50	36,06	27,96
Успехи отдельных работников вызывают у остальных зависть	36,06	34,42	21,30	6,54

Ситуация в организации	Нет	Скорее нет	Скорее да	Да
Сначала интересы коллектива, затем интересы отдельного работника	8,18	32,78	40,98	19,66
Главный вопрос в коллективе» Кто будет виноват?»	34,42	37,70	14,74	11,46
Всё построено на страхе: «Боятся – значит, уважают»	39,34	40,98	13,10	6,54
Один за всех, все за одного	3,26	29,5	29,5	37,7
Каждый сам за себя	34,42	27,86	19,66	31,14
Каждый сотрудник имеет доступ к информации, касающейся всего коллектива	22,94	22,94	36,06	18,02
Прозрачная система оплаты труда, зависящая от результатов каждого	9,82	21,30	37,70	29,50
Корпоративные мероприятия и праздники сплачивают коллектив	14,74	16,38	37,70	32,78

1. Организационные и административно-управленческие конфликты.

Анализ ситуаций и факторов, способствующих возникновению административно-управленческих конфликтов, показывает неустойчивое или предкризисное состояние социальных отношений. Здесь следует отметить такой фактор как прозрачность критериев оценки кадров. Согласно данным опроса, почти четверть респондентов не знают, по каким критериям оценивают сотрудников правоохранительных органов.

20% респондентов полагают, что всё построено на страхе, что косвенно может свидетельствовать о доминировании авторитарного типа управления. Дополнительным подтверждением является такой факт: 52% опрошенных сотрудников полиции выбрали вариант ответа, что «в случае срывов, неудач, нарушений всегда идёт активный поиск виновных». В данном случае речь идёт о правоохранительной организации, которая относится к общностям закрытого типа, что закономерно предполагает жёсткую формализацию всех производственных отношений.

2. Социально-экономические конфликты.

Закономерно, что несправедливое распределение ресурсов и финансов между отдельными сотрудниками разного социального ранга в значительной степени способствует возникновению конфликтов. Как показали результаты социологического исследования, в экономи-

ческой сфере деятельности организации Отдела МВД существуют недостатки и резервы потенциального улучшения ситуации. Наличие прозрачной системы оплаты труда, зависящей от результатов работы каждого, зафиксировали в своих ответах 69% респондентов. Вместе с тем, 34% сотрудников полиции отметили, что «в коллективе неравенство, одни находятся в лучших условиях, другие – в худших», а 37% респондентов не согласились с утверждением, что в коллективе существует справедливое отношение ко всем.

3. Социально-психологические конфликты.

В данном типе конфликтов особую роль играют субъективные факторы, которые проистекают из индивидуальных особенностей личностей. Здесь уместно применять понятие межличностной совместимости, причины которой для обыденно-житейского сознания являются скрытыми. Например, 36% обследованных сотрудников полиции заявили, что «конфликты возникают чаще всего из-за мелочей». Индивидуальные беседы показали, что под мелочами большинство понимают симпатии, антипатии, особенности характера, сиюминутное настроение, физическое самочувствие и состояние в данный момент. Иначе говоря, как правило, за этим скрываются личностные столкновения [9].

В теории «человеческих отношений» обосновывается конструктивное использование социально-психологического фактора и неформальных отношений на благо организации, необходимость формирования преданности организации. В современном менеджменте практикуют различные методы интеграции официальной деловой и неформальной культуры – соучастие работников в управлении, участие в различных мероприятиях (ритуалы, праздники, традиции) с целью лучшего восприятия идеологии и символики организации. В проведённом нами исследовании 70% респондентов заявили, что «корпоративные мероприятия и праздники сплачивают коллектив». С другой стороны, почти треть опрошенных не согласилась с таким утверждением.

4. Духовные, нравственно-этические конфликты.

На современном этапе развития происходит возрастание роли морального фактора в общественной жизни. Поэтому частой причиной конфликтов является различие в представлениях и ценностях. Например, противоречие между ценностями индивидуализма и коллективизма. Так, 41% сотрудников Отдела МВД выразили мнение, что интересы коллектива не преобладают над интересами отдельной личности, 51% согласились, что лозунг «каждый за себя» отражает характер отношений, а 32% считают, что принцип «один за всех, и все – за одного» не действует в реальности.

Более половины респондентов отметили, что в случае срывов, неудач, нарушений всегда идёт активный поиск виновных. По субъективной оценке 28% сотрудников полиции, «успехи отдельных работников вызывают у остальных зависть», что характеризует невысокий уровень внутриколлективной сплочённости. 53% респондентов согласились с утверждением «Если допущена ошибка, об этом первым узнаёт не работник, а его начальник или сослуживцы».

5. Социально-коммуникативные конфликты.

Некачественная передача информации нередко выступает причиной конфликта в правоохранительных органах. Вместе с тем, необходимо учитывать и энергетический фактор в социальной коммуникации – мотивацию социально-статусных групп в социальном диалоге и достижении взаимопонимания. Нередко руководители правоохранительных органов имеют социальную заинтересованность в применении коммуникативного стиля монолога. Данные включённого наблюдения подтвер-

ждают многочисленные факты, когда начальники не желают слушать и слышать информацию, которая исходит от подчинённых, а также имеют низкую мотивацию для достижения понимания той информации, которая исходит от рядовых сотрудников или представителей гражданского сообщества. Иллюстрацией к сказанному могут послужить данные авторского исследования, согласен которым более половины обследованных сотрудников Отдела МВД РФ заявили, что «доступ к информации зависит от положения работника в глазах начальства».

Обсуждение и заключение

Анализ ситуаций и факторов, способствующих зарождению деструктивных конфликтов, показал неустойчивое или предкризисное состояние социальных отношений в правоохранительной организации. Таким образом, была обнаружена социальная проблема, которая требует корректирующего воздействия административно-управленческой системы. В центр внимания начальствующего состава органов внутренних дел нужно поставить создание системы профилактики дисфункциональных конфликтов в российской полиции. В технологии управления социальными конфликтами в органах внутренних дел главное звено – профилактика конфликта. Предотвращение социальных патологий в плане обеспечения социальной безопасности более эффективно, нежели их последующее лечение. Профилактика конфликта предполагает получение информации о состоянии социальных отношений потенциальных участников конфликта в российской полиции. Сбор и анализ подобной информации является задачей социальной диагностики, осуществляемой методами социологического исследования, которое позволяет своевременно обнаружить причины роста социальной напряжённости [8].

В плане предотвращения и профилактики конфликтности в органах внутренних дел важное значение приобретает система информационно-коммуникативной безопасности, которую можно интерпретировать как состояние защищённости информационных ресурсов, а также прав субъектов этой деятельности. Следовательно, социально-коммуникативные факторы в современной правоохранительной организации выступают важным компонентом при создании системы профилактики деструктивных социальных конфликтов.

Литература

1. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования – 3-е изд., испр. – Москва: Омега-Л, 2007.
2. Антошкин В.Н., Круль А.С. Типологический анализ как метод исследования информационной структуры социальных систем // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2012 – № 3 – С. 65–76.
3. Coser L.A. The Functions of Social Conflict. N.Y. 1956.
4. Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. – М., 1994. – С. 448–480.
5. Гуленко В.В. Менеджмент слаженной команды. – Новосибирск, 1995. – С. 19–22.
6. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта – М.: Аспект Пресс, 1995. – 263 с.

7. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор Г.В. Осипов. – М.: ИНФРА М-NORMA, 1998–133 с.
8. Antochkin V.N. Sociological Research as a Method of Social Diagnostics // Eurasian Journal of Analytical Chemistry, 2017. 12(7b):1–9.
9. Спирина А.С. Социальное доверие как фактор восприятия коррупции (по результатам социологического опроса в Алтайском крае) // Society and Security Insights, 2021. № 2. – С. 107–114.

SOCIAL CONFLICTS AND SOCIAL SECURITY IN THE RUSSIAN POLICE: BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH MATERIALS

Mamalimov R.R.

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully

The article analyzes the impact of destructive social conflicts on social security and the effectiveness of the Russian police, which is relevant in modern Russian society. The purpose of the study is to identify the main factors and causes of conflict in the internal affairs bodies. The data of a sociological study conducted among employees of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Neftekamsk (Bashkiria) are presented. On the basis of structural-functional analysis and a systematic approach, a classification of the causes of social conflict is given. The main types of social conflicts: organizational and administrative and managerial, socio-economic, socio-psychological, moral and ethical, social and communicative. The novelty of the study is the identification of a special type of conflict – social and communicative, which provides a rationale for the energy, social and behavioral factor in the occurrence of conflicts. A social problem was discovered that has practical significance and requires a corrective impact of the administrative and management system. The main emphasis should be placed on the creation of a system for the prevention of dysfunctional conflicts in the Russian police.

Keywords: social conflicts, social security, Russian police, social communication, social and communicative conflicts, conflict prevention.

References

1. Yadvov V.A. Strategy of sociological research – 3rd ed., Rev. – Moscow: Omega-L, 2007.
2. Antoshkin V.N., Krul' A.S. Typological analysis as a method for researching the information structure of social systems // Izvestia of higher educational institutions. Volga region. – 2012 – No. 3 – p. 65–76.
3. Coser L.A. The Functions of Social Conflict. – N.Y., 1956.
4. Parsons T. The coordinate system of action and the general theory of action systems: culture, personality and the place of social systems // American Sociological Thought. – M., 1994. – p. 448–480.
5. Gulenko V.V. Management of a well-coordinated team. – Novosibirsk, 1995. – pp. 19–22.
6. Zdravomyslov A.G. Sociology of conflict – M.: Aspect Press, 1995. – 263 p.
7. Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German, French and Czech. Editor-coordinator G.V. Osipov. – M.: INFRA M-NORMA, 1998–133 p.
8. Antochkin V.N. Sociological Research as a Method of Social Diagnostics // Eurasian Journal of Analytical Chemistry, 2017. – 12(7b):1–9.
9. Spirina A.S. Social trust as a factor in the perception of corruption (according to the results of a sociological survey in the Altai Territory) // Society and Security Insights, 2021. – No. 2 – p. 107–114.

Воздействие образа мигрантов в региональных СМИ на возможности их интеграции в принимающее общество: на примере Ростовской области

Пантелеев Вадим Геннадьевич,

младший научный сотрудник, Южно-Российский филиал
Федерального научно-исследовательского социологического
центра Российской академии наук
E-mail: pww92@mail.ru

В статье показано, насколько образ мигрантов в СМИ способен влиять на их интеграцию в принимающее общество. Анализ данных контент-анализ выявил, что тематика миграции находится на периферии внимания СМИ, количественное распределение в течение исследуемого периода не приводит к формированию устойчивого образа; выявлена событийность образа мигрантов; а соотношение сообщений по тональности скорее формирует противоречивый образ мигрантов. В сообщениях с позитивной тональностью выявлена тематическая доминанта «оказание помощи мигрантам со стороны государства»; в сообщениях с негативной тональностью – «деструктивное поведение мигрантов»; в сообщениях с нейтральной тональностью – «демографическая статистика». Установлено, что у выявленного образа мигрантов потенциал влияния на успешность их интеграции в принимающее общество находится на низком уровне.

Ключевые слова: мигранты; СМИ; образ; интеграция; Ростовская область.

Интеграция мигрантов в принимающее общество является важным процессом, который влияет на социально-экономическое благополучие сообщества, территории, в которых он происходит. Эта интеграция тем успешнее, чем более схожи жизненные ценности представителей социальной группы мигрантов и представителей принимающей стороны. На этот процесс также существует и запрос со стороны государства, который оформлен в виде Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы. Согласно этому документу Россия является мигрантоориентированной страной. Следовательно, этот государственный запрос должен находить отражение и в СМИ различных уровней: федеральном, региональном, локальном. Важное место здесь занимает региональное сообщество и региональные СМИ, поскольку являют собой «конкретизацию» проблемы интеграции мигрантов в принимающее общество. Вместе с тем здесь играют роль специфические региональные аспекты, присущие тому или иному региону. Особое место в этом отношении принадлежит Ростовской области, для которой ранее внешними контурами границы были Украина, Донецкая народная республика, из которых после 2014 года в область прибывали мигранты. Ростовская область и в настоящее время играет особую роль, принимая беженцев, эвакуированных гражданских лиц из новых регионов России и территорий Украины.

В актуальных научных публикациях мигранты Ростовской области рассматриваются как социальное явление, существующее в регионе, влияние на социально-экономическое развитие региона – на основе массового опроса заключено, что большинство жителей региона не испытывают влияния мигрантов на социальную и трудовую сферу [1]. Близкая тема к теме настоящей статьи – мигранты в дискурсе виртуальных социальных сетей: основной вывод заключился в том, что в дискурсе социальных сетей формируется противоречивый образ мигрантов, с преобладанием негативных характеристик данной социальной группы [2]. Российскими учеными рассматривался образ мигрантов в федеральных СМИ: с одной стороны ученые пришли к выводу, что в российских СМИ формируется негативный, стереотипический образ мигранта, акцентируются негативные последствия миграции [3–7]; в других же исследованиях при сопоставлении официального государственного издания и федеральных СМИ напротив, делается заключение о том, что количество публикаций о мигрантах, которые имеют позитивные коннотации, возрастает синхронно с принятием на государственном уровне политики по привлечению мигрантов [8]. В исследованиях образа мигрантов в региональных СМИ Хабаровского края ученые приходят к выводу, что в них транслируется устойчивый негативный образ [9]; либо, в случае СМИ Татарстана, формируют восприятие нейтральное, обезличенное, либо как возможный источник рисков [10]. Таким образом, рассмотрение образа мигрантов в СМИ Ростовской области является научно актуальным.

Эмпирические данные были получены в ходе отбора сообщений для контент-анализа коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН в апреле-мае 2022 года. Объектами отбора

сообщений стали региональные интернет-издания Ростовской области: «АиФ Ростов-на-Дону», «КП-Ростов», «Privet-Rostov», «161.ru». Принцип отбора: сообщение считалось за единицу отбора, если в нем освещается мигрантская повестка. Отбирались не только сообщения, в которых напрямую упоминалось слово «мигрант», производные от него, близкие по смыслу, но и сообщения, посыл которых описывал по сути мигрантскую повестку, но действующие лица мигрантами не обозначались (беженцы, нелегальное пересечение границы другие варианты). Временная глубина отбора сообщений составила 3 года и квартал: 2019 г., 2020 г., 2021 г., первые три месяца 2022 года. Всего отобрано 756 сообщений. Каждому сообщению присвоен ряд маркеров, характеризующий их с точки зрения мигрантской тематики.

В статье анализируется возможность формируемого образа мигрантов в СМИ Ростовской области на их интеграцию в принимающее общество. Такую общую оценку можно дать, рассмотрев количественные параметры массива сообщений и тематические блоки сообщений различной тональности (позитивная, негативная, нейтральная).

Количественные показатели: количество отобранных сообщений за весь период; соотношение количества отобранных сообщений с общим количеством сообщений; помесечные и годовые распределение долей отобранных сообщений в течение рассматриваемого периода; соотношение долей отобранных сообщений с позитивной, негативной и нейтральной тональностью. Эти показатели позволяют определить, насколько образ мигрантов формируется целенаправленно; насколько он заметен в потоке сообщений, является ли мигрантская тематика периферийной, насколько образ зависит от событий, а насколько от критериев селекции событий в рассматриваемых изданиях.

Тематические блоки сообщений, в которых фигурируют мигранты, характеризуют контексты, в которых раскрывается мигрантская повестка. Также в рамках сообщений различной тональности анализ тематических блоков позволяет выделить контекстные доминанты в сообщениях с различной тональностью; определить возможное влияние этих доминант на потенциальное влияние образа мигрантов в СМИ на их интеграцию в принимающее общество.

Анализ обозначенных параметров позволит заключить, насколько образ мигрантов в СМИ Ростовской области способен оказывать влияние на их интеграцию в принимающее общество.

Общая характеристика массива сообщений в СМИ. В целом сообщения, отобранные согласно критериям этапа отбора контента, по тональности практически поровну делятся между позитивной тональностью и негативной тональностью. Так из 756 сообщений 37,2% несут в себе позитивную тональность; 40,3% несут в себе негативную тональность; лишь 22,5% сообщений обладают нейтральной тональностью. Такое распределение сообщений может говорить о том, что целенаправленной повестки в пространстве региональных СМИ относительно мигрантов не формируется. В пользу этого говорит тот факт, что нет существенного перевеса в сторону позитивной или негативной тональности. Помимо соотношения сообщений с негативной, позитивной или нейтральной тональностью о характере формирования повестки о мигрантах могут говорить количественные факты сами по себе.

В исследуемых региональных СМИ было выбрано всего 756 сообщений. Сопоставим это количество сообщений с информационным потоком в выбранных средствах массовой информации. На сайте «Аргументы

и факты Ростов-на-Дону» за рассматриваемый период всего опубликовано 21071 сообщений; на сайте «Комсомольская правда – Ростов» было опубликовано 15928 сообщений; на сайте «Privet-Rostov» количество опубликованных сообщений составило 42482 штук; на сайте «161.ru» сообщений за период три года и квартал было опубликовано 22263 сообщений. Суммарный поток информационных сообщений всех изданий за три и года и квартал составил 101744 сообщений. Таким образом, выбранные сообщения, в количестве 756 штук, от всего потока информации составляют лишь 0,7%. Из этого можно заключить, что тематика мигрантов для региональных СМИ Ростовской области находится скорее на периферии внимания.

Периферический характер внимания региональных СМИ Ростовской области к тематике мигрантов влечет за собой и эпизодический характер освещения этой темы. Это можно проследить по тому, каким образом сообщения распределяются в течение всего периода отбора; какую долю отобранные сообщения занимают в общем массиве сообщений на данный месяц. Во всех годах в большинстве месяцев сообщения, которые касаются мигрантов, занимают не более 1% от общего потока сообщений. Лишь в некоторых месяцах доля этих сообщений достигает 1% и больше: октябрь 2019 года – 1%; сентябрь 2020 года – 1,5%; февраль 2022 года – 9,1% и март 2022 года – 2,8%. Такое тиражирование сообщений изданиями говорит о том, что тематика мигрантов носит скорее событийный характер, а не систематический. При систематическом тиражировании сообщений должно наблюдаться достаточно большое количество сообщений (очевидно, их доля от общего потока сообщений должна составлять более 1%). То есть, эта тема должна быть сквозной, поскольку лишь постоянное тиражирование в информационном пространстве определенной тематики может возыметь эффект при формировании образа какого-либо объекта.

Соответственно, это характерно как для СМИ, которые представляют собой региональные представительства федеральных СМИ («АиФ Ростов-на-Дону», «КП-Ростов»), освещающих региональную повестку, так и для местных, региональных средств массовой информации («Privet-Rostov», «161.ru»). Такой характер тиражирования сообщений о мигрантах в Ростовской области свидетельствует о том, что эта тематика находится на периферии внимания представительств федеральных СМИ, освещающих регион; так и для СМИ, которые являются «автохтонами», тематика мигрантов не находит того отражения, которого было бы достаточно для формирования образа мигрантов и на основе этого образа, в свою очередь, подготавливать почву для интеграции мигрантов в принимающее общество.

Хотя сообщения отбираются в средствах массовой информации, которые тиражируют главным образом новости, эти средства массовой информации не все происходящие события, а подвергают события отбору для публикации их в виде новости. Следовательно, из такого характера тиражирования сообщений, не вдаваясь в контент этих сообщений, можно заключить, что, возможно, таким образом проявляется селекционный процесс в СМИ, освещающих региональную специфику. С другой стороны, это может означать то, что для Ростовской области проблематика мигрантов не является насущной, следовательно, просто нет такого количества событий, которые можно было отобрать для тиражирования. То есть, тематика мигрантов не имеет социальной значимости для регионального социума. С третьей стороны, эти два момента могут проявляться одновременно: критерии селекции в средствах массовой информа-

ции игнорируют события, связанные с мигрантами, и таковых событий настолько мало, что не занимают значимого места в ряду социальных проблем.

Критерии отбора событий для новостных сообщений могут быть самыми разнообразными: от редакционной политики конкретного средства массовой информации до влияния фактора внутренней или внешней цензуры. С другой стороны, низкий уровень социальной значимости может быть обусловлен тем, что Ростовская область не является значительным реципиентом мигрантов. Это можно подтвердить тем, что общий массив сообщений за рассматриваемый период в СМИ регионального происхождения («Privet-Rostov», «161.ru») составил долю в 63,6%, а массив сообщений представительств федеральных СМИ («АиФ Ростов-на-Дону», «КП-Ростов») составил долю в 36,4%. В отобранных сообщениях наблюдается обратная картина: в СМИ регионального происхождения доля сообщений составила 32,4%, а в представительствах федеральных СМИ доля отобранных сообщений составила 67,6%. Если бы события, связанные с мигрантами, случались в реальности часто, то и СМИ регионального характера отбирали бы их больше. Однако, в массиве отобранных сообщений картина обратная, что свидетельствует скорее о критериях отбора в представительствах федеральных СМИ. Как бы то ни было, даже в этом ограниченном виде отобранный комплекс сообщений обладает свойствами, которые можно охарактеризовать с точки зрения их влияния на интеграцию мигрантов в региональный социум.

В совокупности факты, вытекающие из статистических данных, говорят о том, что региональные средства массовой информации не формируют целенаправленно образ мигрантов, способствующий или не способствующий их интеграции в местное сообщество.

Тематические аспекты освещения мигрантов в сообщениях СМИ. Соотношение долей сообщений различной тональности следующее: сообщения позитивной тональности – 37,2%, сообщения негативной тональности – 40,3%, сообщения нейтральной тональности – 22,5%. Такая разрозненность тональности сообщений, как уже отмечалось, не способствует формированию образа мигрантов. Каковы же аспекты, касающиеся мигрантов, затрагиваются в этих сообщениях.

Сообщения позитивной тональности. Наименьший процент набрала тематика культурных мероприятий – 0,3%. Культурные мероприятия отбирались по принципу репрезентации ими особенностей культуры народов; мероприятия нацеленные на знакомство представителей принимающего сообщества Ростовской области с культурными особенностями мигрантов. Одним из эффектов таких мероприятий должна стать реализация потенциала интеграции мигрантов посредством простого знакомства жителей региона с особенностями. Хотя бы в силу того, что нечто известное и объясненное не вызывает такого отторжения и неприятия, как неизвестное и чужое. А если на подобных культурных мероприятиях сделаны соответствующие акценты, то эффект может возрасти. Сообщения в СМИ о культурных мероприятиях выполняют информационную функцию. Из отобранных 756 сообщений таковые занимают абсолютное меньшинство, следовательно, можно заключить, что функцию (явную или неявную) информирования регионального сообщества о культурных мероприятиях рассматриваемые СМИ не выполняют. Возможно, эту функцию в Ростовской области выполняют другие СМИ.

Следующая категория сообщений – примеры положительного поведения мигрантов – 1,3% от отобранных сообщений. Простой способ формирования позитивного образа мигрантов – это систематическое тиражирова-

ние в информационном пространстве сообщений, характеризующих проявления мигрантов с позитивной стороны (например, мигрант спас тонущего местного жителя, помог кому-то и т.д.). Уже один факт бедной представленности таких сообщений говорит о том, что региональные СМИ с широкой аудиторией не нацелены на формирование образа мигрантов, который способствовал бы их интеграции в местное сообщество. Между этими четырьмя СМИ эта информация вообще фрагментируется и теряется в общем информационном потоке. Во влиянии на интеграционные процессы и воздействия на аудиторию эта тематика сообщений обладает «прямым действием» – читатель считывает информацию и она, проходя через индивидуальные фильтры, как-то влияет или не влияет на его отношение к мигрантам. Упомянутые выше культурные мероприятия еще нужно посетить, чтобы они достигли эффекта. Из этих фактов можно заключить, что самый очевидный и действенный тематический инструмент в формировании образа мигрантов не используется региональными СМИ.

Описание традиций и культуры других национальностей – доля таких сообщений в массиве отобранных сообщений составила 4,4%. Информация о культуре представителей других этнических групп (в нашем случае не представителей этнического большинства региона – русских) является тематикой «прямого воздействия» на аудиторию в формировании образа мигрантов, поскольку не требует непосредственного участия аудитории в какой-либо акции. Этим сообщений больше, чем предыдущих, однако они могут касаться не только зарубежных мигрантов, но и народов, проживающих в Ростовской области, других регионах России. Следовательно, их действенность в формировании образа мигрантов снижается. Можно констатировать, что и эта тематика не формирует интеграционного потенциала для мигрантов.

Большую долю занимают сообщения, которые относятся к мигрантам опосредованно, то есть они не являются акторами событий, описываемых в тиражируемых сообщениях. Это описание примеров положительного поведения представителей принимающей стороны по отношению к мигрантам – 8,7%. Эти сообщения могут служить в качестве нормативных по отношению к мигрантам для аудитории. Однако при такой доле сообщений в выборке, и при еще меньшей доле в общем массиве сообщений за исследуемый временной промежуток эффект влияния на интеграцию мигрантов, вероятно, будет наблюдаться минимальный. С другой стороны, демонстрация сообщений, подразумевающих прямой призыв или одобрение каких-либо действий, может производить двоякий эффект: как отторжение, так и одобрение аудитории.

Наконец, наиболее значительная часть сообщений позитивного характера – оказание государственной поддержки мигрантам, размещение беженцев, помощь волонтеров – 22,5%. С большой вероятностью, данный тип сообщений не является самостоятельным в части характеристики деятельности государственной, региональной и муниципальной власти (либо связанными с ними акторами). Это часть потока сообщений, которые перечисленных субъектов и характеризуют, и именно этим можно отчасти объяснить преобладание этих сообщений среди позитивных тематик. С другой стороны, здесь явно считается влияние значительных событий, а именно связанных с эвакуацией гражданского населения из Донецкой народной республики и Луганской народной республики накануне начала специальной военной операции и после ее начала. Соответственно, значительную часть этих сообщений занимает информация о помощи

беженцам. Таким образом, эта тематика во многом, с одной стороны, событийна, а с другой стороны, отчасти проистекает из формирования определенного реноме представителей властей различных уровней. Формирование образа мигранта здесь не занимает центрального места, но он, тем не менее, присутствует в этих сообщениях – это человек, который нуждается в помощи. Насколько он в положительном смысле влияет на интеграционный потенциал мигрантов остается открытым. Для соответствующей категории мигрантов – вероятно, а для принимающего сообщества этот эффект под вопросом.

Сообщения негативной тональности также можно разделить на сообщения, в которых мигранты являются активными действующими лицами и сообщения, в которых они являются скорее объектами воздействия со стороны принимающего сообщества. Наименьший процент среди отобранных сообщений заняли те, которые освещают события, связанные с примерами неуважения к русской культуре, проявления бескультурья и нарушения общественного порядка со стороны мигрантов – 1,1%. Соответственно, таких событий либо действительно мало, либо они не попадают в региональные СМИ из-за особенностей критериев селекции событий для тиражирования. Ростовская область действительно не принимает такого количества мигрантов как Москва или Санкт-Петербург. Так или иначе, негативного воздействия на интеграцию мигрантов в регионе этот тип сообщений оказывает менее прочих.

Следующая тематика – ограничение деятельности мигрантов (например, запрет на трудовую деятельность) – занимает 1,5% в массиве отобранных сообщений. Здесь уже описываются действия принимающей стороны по отношению к мигрантам, и здесь они скорее объекты. Информация о запретительных действиях может интерпретироваться в нескольких аспектах: во-первых, деятельность органов власти по соблюдению миграционного законодательства; во-вторых, мигранты как нарушители миграционного законодательства и правил пребывания иностранных граждан на территории России. В первом случае характеризуются представители власти, во втором – мигранты. Эти сообщения характеризуют мигрантов как акторов, которые не очень склонны интегрироваться, так они нарушают закон.

Тематика потенциальной угрозы со стороны мигрантов занимает 2,1% в отобранном массиве сообщений. Эти сообщения также имеют скорее негативное воздействие на потенциал интеграции мигрантов. Чаще всего они связаны с темой переноса болезней, отсутствия прививок (особенно в контексте темы COVID-19). Примечательно, что за период с 2019 года по первый квартал 2022 года, в том числе и в период пандемии, эта тема не нашла широкого отражения в региональных СМИ. Хотя в контексте миграции и распространения инфекционных заболеваний эта тема логично вписывается в дискурс о короновиральной инфекции, который связан с закрытием границ. Вероятно, в Ростовской области в этом отношении действует фактор низкого уровня миграционных потоков, что и снижает уровень значимости этой темы. Хотя эти сообщения и несут негативную информацию, их влияние на формирование образа мигрантов минимально.

Далее, тематика ухудшения жизненных условий в связи пребыванием мигрантов – 2,4%. Также негативно влияет на интеграционный потенциал, источником которого может являться образ мигрантов в СМИ. Отчасти источником этих сообщений является ситуация накануне и после начала специальной военной операции – Ростовская область граничит с Донецкой народной республикой и первой принимала волны беженцев. Но более все-

го эти сообщения связаны с событиями во время пандемии COVID-19: мигранты из Узбекистана из-за ограничений пассажирской способности железнодорожных сообщений не смогли выехать на родину, и организовали палаточный лагерь на станции Первомайской в Ростове-на-Дону. Таким образом, эти сообщения имеют эпизодический характер, и с разрешением проблемы этих сообщений стало меньше, что лишним раз указывает на событийность сообщений, а не на целенаправленный отбор с целью формирования образа.

Далее, неуважительное отношение к мигрантам: презрительное отношение, оскорбления в адрес мигрантов, бездействие чиновников – доля таковых сообщений составила 3,2%. Мигранты в этих сообщениях выступают объектами негативных действий. С этой точки зрения, данные сообщения в информационном потоке скорее влияют на мигрантов, если они становятся аудиторией таковых сообщений. Однако воздействие таких сообщений на аудиторию принимающего сообщества может быть самым различным: от возникновения проявлений осуждения таких действий до их одобрения. Такие сообщения скорее будут способствовать поляризации мнений относительно мигрантов, чем их интеграции. Кроме того, в общем потоке сообщений эта тематика теряется на фоне других, не касающихся мигрантов.

Сообщения, которые описывают незаконные действия представителей принимающей стороны по отношению к мигрантам, составляют 3,6% от отобранных сообщений. В этой тематической группе сообщений мигранты выступают скорее объектами, нежели акторами. Чаще всего здесь фигурируют практики нарушения норм пребывания мигрантов на территории России. Здесь, конечно, может быть деятельное взаимодействие между сторонами принимающей и прибывающей, однако представители принимающей стороны все-таки лучше осведомлены о юридических нормах. Это влечет за собой большую ответственность, поскольку порою даже хорошее знание русского языка бывает недостаточным условием, чтобы ориентироваться в нормах. Эффект от этих сообщений может быть двояким как для мигрантов, так и для принимающей стороны. Мигранты, если считывают такие сообщения, могут видеть Ростовскую область как неблагоприятное место для миграции, поскольку представители местного сообщества могут приобщить их к незаконным действиям; так и как благоприятное, поскольку здесь можно применять неформальные практики для достижения целей. Для аудитории принимающей стороны: с одной стороны, такие явления могут восприниматься как следствие не обустроенности условий для мигрантов, что порождает нарушение закона; с другой стороны, нарушение закона как следствие спроса на это нарушение со стороны мигрантов. Здесь также можно отметить, что эта тематика влечет скорее поляризацию мнений, и оказывает скорее негативный эффект на интеграцию мигрантов.

Наконец, наиболее значительная группа сообщений: описание деструктивного поведения мигрантов и/или агрессии – таковых сообщений 26,6% от отобранного массива. В эту группу сообщений попали события самого разного характера: от уголовных преступлений до нарушения мигрантами российского законодательства. И здесь проваливается положение Ростовской области в рассматриваемый временной промежуток, с 2019 года по март 2022 год: приграничный регион, граничащий с Украиной и Донецкой народной республикой. Вследствие этого регулярными были сообщения о нарушении правил пересечения границы, нарушения таможенного законодательства, провоз незадекларированных грузов, контрабанда и пр. Чаще всего в этих сообщениях фигу-

рируют граждане Украины. Все перечисленные действия носят деструктивный характер, поскольку являются прямым нарушением норм принимающего сообщества. Таким образом, среди сообщений негативной тональности, характеризующих мигрантов как «деструктивных» акторов, оказывают наибольшее негативное влияние на формирование интеграционного потенциала.

Сообщения нейтральной тональности являются такими, что их интерпретация полностью зависит от воспринимающей аудитории, так как в них не расставлены позитивные или негативные акценты. Ограничимся их краткой характеристикой. Меньше всего в этой группе сообщений, которые несут в себе информацию о разработке и вступлении в силу норм миграционного законодательства (0,3%) и справочная информация (2,2%). Таким образом, СМИ с массовой аудиторией в отборе сообщений не ориентируются на политику «мигрантоориентированности», иначе бы они чаще публиковали сообщения о таковых нормах. Следующей по представленности тематикой являются публичные заявления чиновников и иных официальных лиц – 7,9%. Чаще всего эти сообщения связаны с событиями накануне специальной военной операции и после ее начала и касается беженцев из Донецкой и Луганской народных республик. Наибольшее количество сообщений касается данных демографической статистики – 12%. Наименование этой группы сообщений говорит само за себя. До специальной военной операции этот тип сообщений был редок и освещал статистику миграции в Ростовскую область. После начала эвакуации гражданского населения из Донецкой и Луганской народных республик эти сообщения транслировали информацию о количестве беженцев, прибывших на территорию Ростовской области.

Рассмотренное соотношение тематических контекстов позволяет заключить, что в СМИ Ростовской области формируется противоречивый образ мигрантов.

Заключение. Анализ аспектов данных контент-анализа сообщений позволяет сделать следующие выводы:

По части анализа общих количественных показателей: во-первых, отсутствие значительного перевеса в сторону сообщений негативной тональности или сообщений позитивной тональности свидетельствует об отсутствии целенаправленного формирования образа мигрантов. Такое соотношение сообщений говорит скорее о том, что у аудитории могут формироваться полярные мнения, а не образ положительный или отрицательный. Во-вторых, соотношение количества отобранных сообщений о мигрантах и количества общего массива сообщений в информационном потоке за исследуемый период говорит о периферийности темы мигрантов для СМИ Ростовской области, так как занимают в нем незначительную долю. В-третьих, стабильная эпизодичность появления сообщений о мигрантах в исследуемый период говорит в пользу стихийности, событийности природы образа, формируемого СМИ. То есть появление сообщений зависит от значимости событий, и действительно, наибольшее количество сообщений приходится на февраль-март 2022 года.

По части анализа тематических аспектов сообщений: во-первых, выделена доминанта в массиве сообщений с позитивной тональностью, и она касается оказания органами государственной и региональной власти помощи мигрантам, размещения беженцев, помощи волонтеров. Эта доминанта главным образом приходится на февраль-март 2022 года, и характеризует, прежде всего, принимающую сторону, а мигрантов как нуждающихся в помощи (беженцев из ДНР и ЛНР). Во-вторых, выделена доминанта в массиве негативных сообщений,

и она касается деструктивного поведения мигрантов / или их агрессивного поведения. Чаще всего эти сообщения касались нарушения гражданами Украины норм пересечения границы и таможенных правил. Эта тематика регулярно встречается в течение всего исследуемого периода. В-третьих, выделена нейтральная доминанта, и она касается данных демографической статистики. Главным образом это сообщения, информирующие о количестве беженцев из ДНР и ЛНР, прибывших в Ростовскую область.

Таким образом, региональные СМИ Ростовской области на протяжении исследуемого периода практически не формировали образ мигрантов, сообщений этих недостаточно, чтобы влиять на аудиторию. Эти сообщения целиком зависят от событий, а не от целенаправленного формирования повестки. Соотношение сообщений различной тональности не позволяет формировать образ целиком положительный или целиком отрицательный, этот образ может породить общественную дискуссию (из-за количества сообщений вероятность этого мала). Тематические линии формируют противоречивые нарративы: с одной стороны, на протяжении всего исследуемого периода тиражировались сообщения о нарушителях из Украины, с другой стороны накануне специальной военной операции и после ее начала масса сообщений о помощи беженцам и эвакуированным со стороны государства, с третьей стороны, сообщения о все возрастающем количестве беженцев могут сформировать скорее негативное отношение в принимающем обществе Ростовской области. Следовательно, СМИ Ростовской области не формируют образ мигрантов, который бы продуцировал интеграционный потенциал по отношению к ним.

Литература

1. Денисова, Г.С. Социологическая оценка влияния международной миграции на социально-экономическое развитие Ростовской области // Регионология. – 2021. – Т. 29. – № 1(114). – С. 126–150. – DOI 10.15507/2413–1407.114.029.202101.126–150. – EDN TZCMUR.
2. Бинева, Н.К. Миграция в дискурсивном поле виртуальных социальных сетей: анализ контента публикаций жителей Ростовской области // Гуманитарий Юга России. – 2020. – Т. 9. – № 5. – С. 174–187. – DOI 10.18522/2227–8656.2020.5.14. – EDN CVKEBV.
3. Музыченко, Н.П. Трудовая миграция и особенности отношения к образу трудового мигранта в СМИ / Н.П. Музыченко, Е.Д. Лескова // Актуальные вопросы юридической науки и практики: Материалы III Международной научно-практической конференции, Хабаровск, 30–31 октября 2018 года. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2018. – С. 337–342. – EDN ZBLSEX.
4. Перминова, М.С. Формирование образа мигранта современными СМИ // Медиаобразование: Материалы Третьей международной научно-практической конференции, Челябинск, 27–28 ноября 2018 года. – Челябинск: Челябинский государственный университет, 2018. – С. 424–428. – EDN SKWJPF.
5. Ивлева, И.В. Образы трудовых мигрантов в российских массмедиа / И.В. Ивлева, А.В. Тавровский // Этнографическое обозрение. – 2019. – № 1. – С. 149–165. – DOI 10.31857/S086954150004186–4. – EDN ZADZQT.
6. Комарова, Е.В. Образ мигранта в медиадискурсе: традиционные СМИ и новые медиа // Филология и культура. – 2019. – № 4(58). – С. 52–60. –

DOI 10.26907/2074-0239-2019-58-4-52-60. – EDN DTUCJX.

7. Васильев, В.Е. Образ мигрантов в российских интернет-СМИ в период пандемии COVID-19 / В.Е. Васильев, К.В. Власова // Вестник общественных и гуманитарных наук. – 2020. – Т. 1. – № 3. – С. 44–51. – EDN OAJIQD.
8. Хисамова, И.И. Влияние пандемии COVID-19 на образ мигрантов в российских интернет-СМИ // Формирование общероссийской идентичности в поликультурном социуме: научно-теоретические подходы и образовательные практики: Материалы XXVI всероссийских с международным участием историко-педагогических чтений, Екатеринбург, 22–25 марта 2022 года / Главный редактор Г.А. Кругликова. – Екатеринбург: [б.и.], 2022. – С. 398–407. – DOI 10.12345/978-5-7186-1932-4_2022_26_58. – EDN KPEHQF.
9. Мусалитина, Е.А. Культурный образ иностранного трудового мигранта в интернет-прессе Хабаровского края // Ученые записки Комсомольского-Амуре государственного технического университета. – 2021. – № 8(56). – С. 27–33. – DOI 10.17084/20764359-2021-56-27. – EDN EYZZUU.
10. Тузиков, А.Р. Особенности медийных образов мигрантов в городских агломерациях Республики Татарстан / А.Р. Тузиков, Р.И. Зинурова, С.А. Алексеев // Управление устойчивым развитием. – 2020. – № 4(29). – С. 80–86. – EDN OQEERY.

THE IMPACT OF THE IMAGE OF MIGRANTS IN THE REGIONAL MEDIA ON THE POSSIBILITIES OF THEIR INTEGRATION INTO THE HOST SOCIETY: ON THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION

Pantelev V.G.

South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

The article shows how the image of migrants in the media is able to influence their integration into the host society. Data analysis content analysis revealed that the topic of migration is on the periphery of media attention, the quantitative distribution during the study period does not lead to the formation of a stable image; the eventfulness of the image of migrants is revealed; and the ratio of messages by tone rather forms a contradictory image of migrants. In the messages with a positive tone, the thematic dominant “state assistance to migrants” was revealed; in messages with a negative tone – “destructive behavior of migrants”; in messages with a neutral tone – “demographic statistics”. It is established that the identified image of migrants has a low potential to influence the success of their integration into the host society.

Keywords: migrants; mass media; image; integration; Rostov region.

References

1. Denisova, G.S. Sociological assessment of the impact of international migration on the socio-economic development of the Rostov region // *Regionology*. – 2021. – Т. 29. – No. 1 (114). – S. 126–150. – DOI 10.15507/2413-1407.114.029.202101.126-150. – EDN TZCMUR.
2. Bineeva, N.K. Migration in the discursive field of virtual social networks: analysis of the content of publications of residents of the Rostov region // *Humanitarian of the South of Russia*. – 2020. – Т. 9. – No. 5. – S. 174–187. – DOI 10.18522/2227-8656.2020.5.14. – EDN CVKEBB.
3. Muzychenko, N.P. Labor migration and peculiarities of attitude to the image of a labor migrant in the media / N.P. Muzychenko, E.D. Leskova // *Topical issues of legal science and practice: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference*, Khabarovsk, October 30–31, 2018. – Khabarovsk: Pacific State University, 2018. – P. 337–342. – EDN ZBLESEX.
4. Perminova, M.S. Formation of the image of a migrant by modern media // *Media education: Proceedings of the Third International Scientific and Practical Conference*, Chelyabinsk, November 27–28, 2018. – Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2018. – P. 424–428. – EDN SKWJPF.
5. Ivleva, I.V. Images of labor migrants in the Russian mass media / I.V. Ivleva, A.V. Tavrovsky // *Ethnographic Review*. – 2019. – No. 1. – P. 149–165. – DOI 10.31857/S086954150004186-4. – EDN ZADZQT.
6. Komarova, E.V. Image of a migrant in media discourse: traditional media and new media // *Philology and Culture*. – 2019. – No. 4 (58). – S. 52–60. – DOI 10.26907/2074-0239-2019-58-4-52-60. – EDN DTUCJX.
7. Vasiliev, V.E. The image of migrants in Russian Internet media during the COVID-19 pandemic / V.E. Vasiliev, K.V. Vlasova // *Bulletin of Social and Humanitarian Sciences*. – 2020. – Т. 1. – No. 3. – S. 44–51. – EDN OAJIQD.
8. Khisamova, I.I. The impact of the COVID-19 pandemic on the image of migrants in Russian Internet media // *Formation of an All-Russian Identity in a Multicultural Society: Scientific and Theoretical Approaches and Educational Practices: Materials of the XXVI All-Russian Historical and Pedagogical Readings with International Participation*, Yekaterinburg, March 22–25, 2022 / Chief editor G.A. Kruglikov. – Ekaterinburg: [b.i.], 2022. – S. 398–407. – DOI 10.12345/978-5-7186-1932-4_2022_26_58. – EDN KPEHQF.
9. Musalitina, E.A. The cultural image of a foreign labor migrant in the Internet press of the Khabarovsk Territory // *Scientific notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University*. – 2021. – No. 8(56). – S. 27–33. – DOI 10.17084/20764359-2021-56-27. – EDN EYZZUU.
10. Tuzikov, A.R. Features of media images of migrants in urban agglomerations of the Republic of Tatarstan / A.R. Tuzikov, R.I. Zinurova, S.A. Alekseev // *Management of sustainable development*. – 2020. – No. 4 (29). – S. 80–86. – EDN OQEERY.

Особенности защиты критически важной инфраструктуры Российской Федерации

Прончев Геннадий Борисович,

к.ф.-м.н., доцент, доцент кафедры современной социологии МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: pronchev@rambler.ru

Сушко Валентина Афанасьевна,

к.с.н., доцент, доцент кафедры социологии государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: valentina.sushko@gmail.com

Настоящая статья посвящена характеристике одной из важнейших проблем – критически важным инфраструктурам в государстве, которые в значительной степени подвергаются кибератакам как изнутри, так извне. Дается категоризация этого понятия, его основных структурных компонентов. К числу последних можно отнести: энергетику, промышленность, государственные структуры, оборонный сектор, различного рода организации, транспорт, связь и другие. Рассматриваются законодательные и организационные усилия государства по защите и управлению критическими информационными инфраструктурами (КИИ).

В статье данный анализ основывается на вторичных эмпирических данных с использованием традиционного анализа документов и на статистических материалах, которые позволили изучить документы в их социальном контексте.

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура, кибератаки, система безопасности, SARS-COV-2.

Настоящее время характеризуется цифровой трансформацией социальной реальности, в результате которого происходит переход к новому виду общества, изменениям подвергаются практически все общественные процессы и технологии [1, 2]. Характерным результатом этого в области государственного управления стало появление электронного правительства, которое устанавливает новый, менее затратный способ взаимодействия чиновников с гражданами и повышает эффективность предоставления государственных услуг, при этом не является дополнением или аналогом традиционного правительства [3].

Актуальным для социологов является обращение к анализу нормативных актов и документальных материалов стратегического планирования, регламентирующих защиту объектов критически важной инфраструктуры. В частности – это основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления в сфере государственной безопасности, систем производства и других действующих структур функционирования народного хозяйства и их объектов информационной защиты в целом, которые надежно охраняют свои национальные позиции в том объеме, который необходим для государственной безопасности.

Критически важные объекты инфраструктуры Российской Федерации определены в «Основных направлениях государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 03.02.2012 № 803).

Понятие «критическая информационная инфраструктура» (КИИ) появилось со вступлением в силу Федерального закона от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». Появление этого Федерального закона стало ответом на многочисленные атаки на критически важные для государства вычислительные сети. В частности, на масштабную атаку по всему миру вируса-шифровальщика WannaCry в 2017 году. Позднее стало известно, что хакеры использовали модифицированную вредоносную программу Агентства национальной безопасности США. Она устанавливала на компьютер баннер, блокирующий доступ к данным, и требовал заплатить за восстановление \$300 или 600 в биткоинах. В противном случае вирус обещал удалить файлы в течение трех дней. По данным Европола, атака затронула более 200 тысяч пользователей в 150 странах. Атака затронула деятельность серверов российских телекоммуникационных компаний и силовых ведомств. Среди них оказались «МегаФон», «ВымпелКом», компьютеры МВД. В МЧС и Минздраве сообщили об успешном отражении атаки [4].

На основе принятого законодательства создана государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак (ГосСОПКА). Эта не только система безопасности РФ и выявления признаков проведения компьютерных атак,

но и комплекс научных исследований по этой тематике, направленный на укрепление безопасности и повышения квалификации соответствующих кадров по данному профилю. В систему предупреждения и ликвидации последствий кибератак в РФ включены уполномоченные подразделения ФСБ России, Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам, который обеспечивает среди прочего координацию деятельности субъектов (КИИ РФ информационной инфраструктуры (совместно с ГосСОПКА) и другими организациями).

За последние годы США вместо развития международного взаимодействия по вопросам безопасности использования цифровой среды значительно усилили свой потенциал проведения деструктивных киберопераций [5].

Одним из важнейшим объектом атак на критически важные инфраструктуры является Министерство здравоохранения России и его институты в отношении к ключевой в последние два года проблеме – коронавирусной эпидемии SARS-COV-2 [6].

Преобладающим в таких информационных атаках является полнейший скептицизм в отношении самой системы российского здравоохранения, а также, создаваемых на ее базе вакцин, их эффективности и безопасности для человека.

Постоянно проводятся псевдоаналитические акции в мире против российских вакцин, якобы не представляющих никакой пользы на предотвращении заболевания и результативности лечения от различных штаммов коронавирусной инфекции SARS-COV-2. В то же время, современная практика применения российских вакцин показала их несомненное преимущество по сравнению с зарубежными аналогами. Так, согласно российско-итальянскому исследованию российская вакцина формирует титр вируснейтрализующих антител к штамму «омикрон» более чем вдвое выше по сравнению с двумя дозами вакцины Pfizer (в 2,1 раза выше в целом и в 2,6 раза выше через три месяца после вакцинации) [7].

Можно наблюдать распространение ложной информации и в России. Здесь можно сослаться на состоявшееся заседание круглого стола на тему «COVID-19 как проверка на прочность системы лекарственного обеспечения страны», в котором приняли участие представители Минздрава, Росздравнадзора, производители лекарств, аптечных сетей и медицинского сообщества [8]. Выступавшая на заседании И.Н. Захарова отмечала: «Мне лично в практике нередко приходится наблюдать катастрофические последствия дезинформации пациентов и врачей в средствах массовой информации и цифровом пространстве. Яркими примерами являются группа противовирусных препаратов для лечения гриппа и ОРВИ, которые особенно часто подвергаются безответственным атакам в период сезонного подъема заболеваемости» [8].

СМИ, также как и социальные Интернет-ресурсы, должны проверять правдивость и точность опубликованных данных, а вся опасная и недостоверная информация должна немедленно удаляться. Исследователи из «Яндекса.Кью», РАНХиГС и НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» проанализировали динамику распространения фейков в соцсетях Интернета с января 2020 г. до середины мая 2021 г. Было выявлено больше 6 млн постов и репостов этих фейков. Причем, самая большая активность была зафиксирована с середины февраля до конца марта 2020 г. [9].

Далее остановимся на кибератаках на российский оборонный комплекс РФ.

Весной 2020 г. северокорейская хакерская группировка Kimsuку совершила несколько кибератак на воен-

ные и промышленные организации России [10]. В этот период Kimsuку делала вредоносные рассылки, в том числе и через социальные сети, нацеленные на получение конфиденциальной информации из аэрокосмических и оборонных предприятий. Так, был подвержен кибератакам в апреле-сентябре 2020 г. «Ростех» и все его информационные ресурсы. Злоумышленников интересовали, прежде всего, производители артиллерийской и бронетехники.

Заместитель секретаря Совета безопасности России Ю. Коков отмечал: «наступает эра цифрового терроризма, который по масштабам возможных последствий может быть сопоставим с оружием массового уничтожения» [11].

Первый заместитель министра обороны РФ Р. Цыпкин отмечал: «В ближайшее время ожидается усиление информационного давления, направленного против представителей руководящего состава Вооружённых Сил России всех уровней – от командования соединений, объединений, родов войск и видов Вооружённых Сил до непосредственно военно-политического руководства» [12].

К критически важным инфраструктурам, с точки зрения российского государства по проблеме кибербезопасности, относится и сфера транспорта.

В июле 2020 г. сообщалось о начале создания «Единой системы мониторинга и защиты транспорта от кибератак» в рамках проекта «Информационная безопасность» АНО «Цифровая экономика» [13].

В рамках этого проекта планируется подключить значимые объекты транспортной инфраструктуры, международные транспортные коридоры, систему идентификации «цифровых двойников», а также систему управления сетями связи, обеспечивающими транспорт голосовой связью и доступом к интернету, что позволит решить проблему обмена данными с государственными учреждениями, а, в конечном счете, с государственной системой обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий кибератак [13].

В пятерке самых атакуемых отраслей остаются государственные учреждения, промышленность, здравоохранение, финансы и образование. Помимо этого, был замечен рост атак на сферу торговли.

Одним из важнейших объектом критических инфраструктур являются атаки на человеческий фактор – социальную инженерию, основанные на манипулировании человеческим сознанием. По статистике сегодня применяется 97% таргетированных атак [14].

Кибератаки на бизнес становятся популярными для злоумышленников, «специализирующихся» на критически важных отраслях и объектах России. Объектом таких атак, например, стала компания «Роснефть» и не менее двух десятков организаций, относящихся к нефтепереработке, газовой отрасли, химической промышленности и др. [15].

Для проведения атак создавались специальные сайты, которые трудно отличить от официальных Веб-ресурсов (обычно, разница – в одной букве в доменном имени). С этих ресурсов распространялись документы с вредоносным кодом. Большая часть пострадавших компаний аффилировалась с Правительством РФ [15]. Эксперты CyLance обнаружили, что ранее те же злоумышленники атаковали пользователей игровых платформ [15].

По данным МВД России [16] за январь-декабрь 2021 года произошло снижение общего количества зарегистрированных криминальных деяний на 1,9% по сравнению с 12 месяцами 2020 года. Число преступлений, совершенных с использованием информационно-

телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, выросло на 1,4% по сравнению с аналогичным периодом 2020 года. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 25,0% в январе – декабре 2020 года до 25,8% [16].

Как отмечает А.С. Ханахмедов, «за последние годы в стране были предприняты значительные усилия, направленные на снижение уровня преступлений в киберпространстве: от формирования новой законодательной базы до выработки современных методов предупреждения исследуемых преступлений. Однако, несмотря на принятые государством меры, киберпреступность продолжает представлять реальную угрозу не только национальной, но и международной безопасности» [17].

Таким образом, исходя из существующей международной обстановки, можно констатировать, что в перспективе интерес к КИИ со стороны злоумышленников будет только возрастать. Борьба с кибератаками является одной из основных задач в обеспечении национальной безопасности российского государства.

Суть первостепенного предложения по укреплению и защите КИИ заключается в переходе к преимущественному использованию отечественного ПО для обеспечения технологической независимости и безопасности объектов КИИ [18]. Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК) предложила полностью отказаться от иностранных IT-решений на объектах КИИ.

Литература

1. Прончев Г.Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Часть 1 // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 6. – С. 47–57. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.6.5>
2. Прончев Г.Б. Становление электронно-цифровой цивилизации: ключевые понятия. Часть 2 // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 7. – С. 47–56. <https://doi.org/10.24158/ti-por.2022.7.5>
3. Agarov P.V., Pronchev G.V. E-government and e-democracy: the correlation of notions within the system of state administration // Astra Salvensis. – 2018. – V. 6. – P. 571–579.
4. Бондаренко М. Ущерб от вируса WannaCry оценили в \$1 млрд / РБК. 25 мая 2017. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/25/05/2017/592644ee9a79477171fea588?ysclid=l-94m1oa139869892282> (дата обращения: 01.09.2022).
5. Андропова Е., Кириллова О. Не атаки, а хакерская война. Какие кибероперации ведут США против России / Сетевое издание 360tv.ru. 02 июня 2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://360tv.ru/news/tehnologii/не-атаки-а-hakerskaja-vojna-kakie-kiberoperatsii-vedet-ssha-protiv-rossii> (дата обращения: 01.09.2022).
6. Прончев Г.Б. О проблемах информационной безопасности использования информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта в цифровом здравоохранении // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 2. – С. 100–107. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.2.51777>
7. Костарнова Н. «Спутник» отличился эффективностью / Сетевое издание Коммерсантъ. 20 января 2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5173275> (дата обращения: 01.09.2022).
8. Щербакова Ю. В России распространение ложной информации о медикаментах в период пандемии

приравняли к угрозе нацбезопасности / Сетевое издание «Комсомольская Правда». 11 декабря 2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/21712099.5/4337045> (дата обращения: 01.09.2022).

9. Аналитики назвали самые популярные фейки о COVID-19 в России / Сетевое издание Коммерсантъ. 02 июня 2021. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4838226> (дата обращения: 01.09.2022).
10. Степанова Ю. Kimsuky позорные. Северокорейские хакеры атакуют российскую оборонку / Сетевое издание Коммерсантъ. 19 октября 2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4538451> (дата обращения: 01.09.2022).
11. В Совбезе сравнили цифровой терроризм с оружием массового поражения / РИА Новости. 18 мая 2022. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/20220518/sovbez-1789250584.html?ysclid=193cz21sol644567843> (дата обращения: 01.09.2022).
12. Александров А. Прорывные технологии на всех направлениях / Красная звезда. 28 декабря 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://redstar.ru/proryvnye-tehnologii-na-vseh-napravleniyah> (дата обращения: 01.09.2022).
13. В России создадут единую систему защиты транспорта от кибератак / РИА Новости. 16 июля 2020. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ria.ru/20200716/1574420552.html?ysclid=193dsfoy37140001344> (дата обращения: 01.09.2022).
14. Мальнев А. Киберугроза № 1, или Как бороться с социальной инженерией / SecurityLab.ru. 8 сентября, 2019. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.securitylab.ru/analytics/500877.php> (дата обращения: 01.09.2022).
15. Критическая инфраструктура России / Диалог-Екатеринбург. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://dialog-e.ru/market-news/626/?ysclid=19440mpq95948350024> (дата обращения: 01.09.2022).
16. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года / МВД России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/27024130> (дата обращения: 01.09.2022).
17. Ханахмедов А.С. Основы противодействия киберпреступности на территории Российской Федерации // Вестник УЮИ. – 2019. – № 3(85). – С. 44–48.
18. Приказ Минкомсвязи России от 20.09.2018 № 486 «Об утверждении методических рекомендаций по переходу государственных компаний на преимущественное использование отечественного программного обеспечения, в том числе отечественного офисного программного обеспечения» / Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6294> (дата обращения: 01.09.2022).

FEATURES OF PROTECTING THE CRITICAL INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION¹¹

Pronchev G.B., Sushko V.A.
Lomonosov Moscow State University

¹¹This study was carried out within the framework of the Development Program of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Mathematical Methods of Analysis of Complex Systems”.

The article is devoted to the characterization of one of the most important problems – critical infrastructures in the state, which are largely subjected to cyber attacks both from within and from outside. The categorization of this concept, its main structural components is given. The latter include: energy, industry, government agencies, the defense sector, various organizations, transport, communications, and others. The legislative and organizational efforts of the state to protect and manage critical information infrastructures (CII) are considered.

In the article, this analysis is based on secondary empirical data using traditional document analysis, which made it possible to study documents in their social context.

Keywords: critical information infrastructure, cyber attacks, security system, SARS-COV-2.

References

1. Pronchev G.B. The formation of an electronic-digital civilization: key concepts. Part 1 // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. – 2022. – No. 6. – P. 47–57. <https://doi.org/10.24158/spp.2022.6.5>
2. Pronchev G.B. The formation of an electronic-digital civilization: key concepts. Part 2 // *Theory and practice of social development*. – 2022. – No. 7. – P. 47–56. <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.7.5>
3. Agapov P.V., Pronchev G.B. E-government and e-democracy: the correlation of notions within the system of state administration // *Astra Salvensis*. – 2018. – V. 6. – P. 571–579.
4. Bondarenko M. The damage from the WannaCry virus was estimated at \$1 billion / *RBC*. May 25, 2017. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.rbc.ru/society/25/05/2017/592644ee9a79477171fea588?ysclid=l-94m1oal39869892282> (date of access: 09.01.2022).
5. Andronova E., Kirillova O. Not attacks, but a hacker war. What cyber operations are the US conducting against Russia / *Network publication 360tv.ru*. June 02, 2022. [Electronic resource] – Access mode: <https://360tv.ru/news/tehnologii/ne-ataki-a-hakerskaja-vojna-kakie-kiberoperatsii-vedet-ssha-protiv-rossii> (date of access: 09.01.2022).
6. Pronchev G.B. On the problems of information security in the use of information and communication technologies and artificial intelligence in digital health // *Social and humanitarian knowledge*. – 2022. – No. 2. – P. 100–107. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.2.51777>
7. Kostarnova N. "Sputnik" excelled in efficiency / *Network publication Kommersant*. January 20, 2022. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/5173275> (date of access: 09.01.2022).
8. Shcherbakova Yu. In Russia, the spread of false information about medicines during the pandemic was equated with a threat to national security / *Komsomolskaya Pravda online publication*. December 11, 2020. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.kp.ru/daily/21712099.5/4337045> (date of access: 09.01.2022).
9. Analysts named the most popular fakes about COVID-19 in Russia / *Online publication Kommersant*. June 02, 2021. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/4838226> (date of access: 09.01.2022).
10. Stepanova Y. Kimsuky shameful. North Korean hackers attack the Russian defense industry / *Online publication Kommersant*. October 19, 2020. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/4538451> (date of access: 09.01.2022).
11. The Security Council compared digital terrorism with weapons of mass destruction / *RIA Novosti*. May 18, 2022. [Electronic resource] – Access mode: <https://ria.ru/20220518/sovbez-1789250584.html?ysclid=l93cz2lsol644567843> (date of access: 09.01.2022).
12. Alexandrov A. Breakthrough technologies in all directions / *Red Star*. December 28, 2019. [Electronic resource] – Access mode: <http://redstar.ru/proryvnye-tehnologii-na-vseh-napravleniyah> (date of access: 09.01.2022).
13. Russia will create a unified system for protecting transport from cyber attacks / *RIA Novosti*. July 16, 2020. [Electronic resource] – Access mode: <https://ria.ru/20200716/1574420552.html?ysclid=l93dsfoy37140001344> (date of access: 09.01.2022).
14. Malnev A. Cyberthreat No. 1, or How to deal with social engineering / *SecurityLab.ru*. September 8, 2019. [Electronic resource] – Access mode: <https://www.securitylab.ru/analitics/500877.php> (date of access: 09.01.2022).
15. Critical infrastructure of Russia / *Dialogue-Yekaterinburg*. [Electronic resource] – Access mode: <http://dialog-e.ru/market-news/626/?ysclid=l9440mpq95948350024> (date of access: 09.01.2022).
16. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for January – December 2021 / *Ministry of Internal Affairs of Russia*. [Electronic resource]. – Access mode: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/27024130> (date of access: 09.01.2022).
17. Khanakhmedov A.S. Fundamentals of combating cybercrime on the territory of the Russian Federation // *Bulletin of the UJUI*. – 2019. – No. 3 (85). – P. 44–48.
18. Order of the Ministry of Communications of Russia dated September 20, 2018 No. 486 "On approval of guidelines for the transition of state-owned companies to the predominant use of domestic software, including domestic office software" / *Official website of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of the Russian Federation*. [Electronic resource]. – Access mode: <https://digital.gov.ru/ru/documents/6294> (date of access: 09.01.2022).

Проблема гуманитаризации технических и аграрных вузов в России

Раджабов Осман Раджабович,
д.ф.н., профессор, зав. кафедрой философии и истории
ДагГАУ им. М.М. Джембулатова

Лобачева Зоя Николаевна,
к.ф.н., доцент кафедры философии и истории ДагГАУ
им. М.М. Джембулатова

В статье рассматриваются основные вопросы гуманитаризации технических и аграрных вузов России. Автор отмечает о важности роли социально-гуманитарных дисциплин в подготовке будущего специалиста. Именно гуманитаризация формирует мировоззрение, самосознание, духовные ориентиры личности, а значит непосредственно влияет на ее активность и поведение в общественно-политической жизни.

Ключевые слова: гуманитаризация, воспитание, мировоззрение, общение, культура.

Начиная с 2000 г. в России идут непрерывные реформы системы образования: введен ЕГЭ, созданы национальные федеральные университеты, вводятся все новые ФГОСы, принят новый закон «Об образовании в РФ» (2015), 2019–2020 гг. проводятся ежегодные мониторинги и государственные аккредитации вузов, множество некачественных вузов закрывается или реформируется. Министерство науки и высшего образования вводит все новые критерии в деятельность вузов и преподавателей, особое внимание уделяется развитию дистанционного образования.

На деле это нередко приводит к бюрократизации и формализму, ведет к сокращению роли и значимости преподавателя в образовательной деятельности. Никто не отрицает важности применения цифровых технологий и интернета в образовательной деятельности. Современные технологии полезны и необходимы, но они – лишь инструменты. Единственным реально контролирующим учебную работу студента является преподаватель. В этом контексте ничто не заменит преподавателя. Он не только обучает, но и воспитывает, интеллектуализирует и гуманизирует личность студента. Однако время реального общения преподавателя и студента в учебном процессе в новых вводимых учебных планах и рабочих планах существенно уменьшается [1].

Особенно, в технических и аграрных вузах значительно сокращается объем фундаментальных общеобразовательных и гуманитарных дисциплин. Так, например, в нашем университете в 2018–2019 учебном году под видом оптимизации учебного процесса на кафедре философии и истории сократили такие важные дисциплины социально-гуманитарного цикла: политология, социология, культурология, психология и педагогика, история Дагестана, религиозно-политический экстремизм, а в 2019–2020 учебном году из оставшихся базовых дисциплин на кафедре философии и истории под видом дальнейшей оптимизации сократили лекционные и семинарские занятия (16 часов лекции и 24–34 часов семинарские занятия и завершаются зачетом, вместо экзамена. Хотя эти дисциплины (история и философия) в стандартах Минобрнауки РФ являются как базовые. При таком подходе очень трудно говорить о духовно-нравственной подготовке студенческой молодежи.

Необоснованное сокращение дисциплин, уменьшение количества часов, лекционных и семинарских занятий может привести не только к не обратимым последствиям, но и к потере будущего поколения, то есть последствием такого процесса может быть падение уровня и деградация нравственно-духовной подготовки будущих специалистов. «Наблюдается тенденция к дегуманизации и деморализации содержания искусства (понижения, деформация, разрушение образа человека), подмены норм ценности высокой культуры усредненными образцами массовой потребительской культуры, переориентации молодежи от коллективистских духовных ценностей к корыстно-индивидуальным ценностям. Это, а также отсутствие четко сформулированной национальной идеи и объединяющей идеологии, стратегии развития консолидирующей общество, недостаточное внимание к культурному развитию населения, противоречивость государственной молодежной политики

закономерно приводят нас к крайне негативным последствиям... Идут размывание ценностных основ и традиционных форм общественной морали, ослабление и разрушение механизмов культурной преемственности, угроза сохранения самобытности отечественной культуры, снижение интереса молодежи к отечественной культуре, ее истории, традициям, к носителям национального самосознания» [2].

В этом плане, известный французский ученый – философ К. Леви-Стросс сказал: «XXI век будет веком гуманитарных наук или его не будет вообще».

Сейчас очень сложное время: международная обстановка, санкции, информационная война, растущая напряженность внутри общества, как никак человек – это духовное существо, кто окажется сильнее в этой идеологической и информационной войне, тот и победит. Важность и значимость преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла в вузах определяется также выдвинутой В.В. Путиным национальной идеей духовно-нравственного воспитания молодежи. Поэтому необходимо еще более усилить духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи. Гуманитарная подготовка – студентов – это не только утверждение общечеловеческих духовно-нравственных ценностей, но и формирование целостного мировоззрения. Гуманитарная подготовка – это еще и искусство понимания людей и успешного общения с ними. Без этого выпускник вуза не может быть эффективным ни в профессиональной деятельности, ни в личной жизни. Необходимость гуманитарной подготовки студенческой молодежи объясняются следующими моментами:

Гуманитаризация в технических и аграрных вузах необходима, еще потому что именно изучение гуманитарных и социальных наук формирует личность будущего специалиста. Оно формирует мировоззрение, самосознание, духовные ориентиры личности, а значит непосредственно влияет на ее активность и поведение в общественно-политической и профессиональной жизни. Неслучайно известные авторитеты в области профессиональной подготовки и бизнес-образования отмечают, что успешность профессиональной карьеры специалиста на 20% зависит от профессиональных знаний; на 80% – от социальных личностных качеств человека, от умения понимать себя и других людей, и навыков общения с ними.

Поэтому сохраняя значение традиционных гуманитарных курсов: философии, социологии, политологии и т.д. – необходимо дополнить их прикладными гуманитарными дисциплинами, направленными на практическое развитие таких личностных качеств специалиста, как коммуникабельность, общительность, уверенность, инициативность, управленческие и другие навыки «рыночного» общения. Это могут быть: технология управления, этика делового общения, конфликтология, социальный менеджмент, самоменеджмент и т.п.

Во-вторых, гуманитаризация образования требует расширения и усиления влияния дисциплин гуманитарного цикла. Время от времени в современной научной литературе возникают дискуссии о соотношении воспитания и обучения, гуманитарного и профессионального в содержании учебных планов в технических и аграрных вузах. На наш взгляд, в сравнительном плане эти споры показательны. Например, в европейских и американских университетах объем гуманитарных дисциплин в подготовке аграрных и инженерных кадров составляет около 40%. При этом обязательно присутствуют курсы (дополнительно) по искусствам: поэзии, литературе, живописи и т.д. В наших вузах таких предметов значительно меньше и их объем в последние годы еще боль-

ше сокращается. На наш взгляд, это контрпродуктивная тенденция [3].

В теоретическом аспекте обучение и воспитание, гуманизация (как цель и результат гуманизации) и получение профессиональных знаний – две стороны единого процесса. Они взаимосвязаны и неразрывны. Еще Демокрит отмечал: «С воспитанием связано обучение. Сама способность стыдиться (совесть) приходит к человеку в процессе обучения» [4]. Гуманитаризацию образования следует рассматривать, с одной стороны, как средство формирования у студентов и будущих специалистов общечеловеческой культуры, с другой – как важный инструмент социализации и будущей профессиональной успешности студента. Без качественной профессионализации не может быть сформирован специалист, профессионал в своем деле. Однако без гуманитаризации не может быть сформирована полноценная личность, т.е. эффективный профессионал.

Гуманитаризация знания является мировой тенденцией, особенно рельефно выразившейся в конце нашего столетия. Поэтому чрезвычайно актуален вопрос гуманитарной компоненты высшего образования. В наше время наибольшую экономичность дает возможность вложения капитала в воспитание человека, в образование и культуру; резко возрастает значимость общей образованности и эрудиции специалистов – все это связано с гуманитаризацией знания и наук. Кроме того, гуманитарное знание является наиболее чувствительным к общественным изменениям.

Технократическая модель мышления отвечала парадигме эпохи. Человек-функция, человек-винтик был идеально приспособлен к технологии конвейерного, поточного производства. И образование было подчинено таким установкам. Для общества готовили узкою специалиста – учили только тому, что потребуются в практической деятельности. Ибо технократическое мышление в духовной культуре не нуждается, оно довольствуется простыми исполнителями, призванными воплотить волю вождя и лидеров. Итак, современное высшее образование должно отвечать двум требованиям:

- соответствовать мировым стандартам и достижениям мировой культуры, опираться на современную информационную базу;
- учитывать перспективу развития современной цивилизации. А это связано с новыми мировоззренческими ориентирами: умением отстаивать ценности своей культуры и духовных ценностей при уважении к другим культурам: способность соизмерять личные и корпоративные интересы с общечеловеческими ценностями, соединять национальные интересы с интересами других народов и ответственностью за судьбу человечества.

Известны следующие основные направления базового гуманитарного высшего образования: культурология, религиоведение, филология, философия, лингвистика, журналистика, книговедение, история, политология, психология, социальная работа, социология, конфликтология, регионоведение, юриспруденция, менеджмент, экономика, искусство, и др. В многоуровневой системе важнейшую роль играет прежде всего гуманитарная компонента образования. По утвержденным изначально стандартам образовательно-профессиональных программ гуманитарные и социально-экономические дисциплины составляли 25% всей учебной нагрузки, естественно-научные дисциплины 25–40%, ориентированных на профиль направления – 30–40% и специальные науки – 15%. Как было отмечено за последние годы несколько раз подвергалось резкому изменению отношение к социально-гуманитарным дисциплинам и их

преподавателям (в сторону сокращения дисциплин и количество часов до 4–5% от всей общей учебной нагрузки).

Проблема стандартов высшего образования обсуждалась также в США еще в 90-х годах прошлого века, и стандарты были своеобразной мерой против отрицательных последствий широкой демократизации образования. При этом они исходили из следующих приоритетных ценностей: преподавание ключевых предметов, обеспечение равного доступа к образованию, передача студентам демократических и общечеловеческих ценностей, выработка ответственного социального поведения, поиск талантов и подготовка к труду.

В настоящее время выбор приоритетов и их субординация находятся сейчас под влиянием двух факторов: 1) необходимость освобождения от негативных последствий широкой демократизации образования (сохранив саму демократию как важнейшую ценность); 2) необходимость переориентации всей системы образования на подготовку людей, способных к жизни общества XXI века. Определены также четыре основные цели образования: 1) воспитание граждан-патриотов; 2) подготовка к определенной профессии и способность самостоятельно продолжать обучение в избранной среде; 3) хорошая мировоззренческая ориентация; 4) способность критически и логически мыслить, и эффективно общаться с помощью безукоризненного владения языком.

В связи с переносом центра тяжести учебной, научной и организационной работы на выпускающие кафедры, нам предоставляется, что такой строго целевой подход в подготовке выпускников к узкопрофессиональной деятельности может привести к дисперсии знания, узкому утилитаризму, фрагментарной компетентности. Кроме того, вытеснение выпускающими кафедрами социально-гуманитарных дисциплин, может лишить выпускника универсального образования, привести к выпуску специалистов в массовом порядке с узким кругозором, оторванных от уровня мировой и отечественной истории, общечеловеческих духовных ценностей, культуры и науки и неспособных ориентироваться в сложной современной общественно-политической жизни. Умаление роли гуманитарного знания может привести к катастрофическим последствиям: даже само деление знания на профессиональное и гуманитарное уже стало опасно.

Таким образом, гуманитаризации образования в высшей школе содействует также разумная демократизация всей учебно-воспитательной работы. А не сведение ее к свободному посещению занятий, что превратилось в непосещение лекций и семинарских занятий. Надо ускорить процесс перехода от обезличенного, пассивного учебно-воспитательного процесса к учебной деятельности самого студента, перейти от старой системы воспитания к самообразованию, самовоспитанию, самоуправлению, от авторитарной педагогики к педагогике сотрудничества, к современной горизонтальной схеме отношений студента и преподавателя. Каждый студент – это личность, индивидуальность со своими особенностями, способностями, опираясь на которые можно в большей мере сделать студента субъектом учебного и воспитательного процесса. Этому же содействуют индивидуальные и групповые формы воспитательной работы.

И все это должно происходить в рамках общероссийского, культурно-образовательного пространства,

в единстве общероссийской и национальной идее о национальном самосознании. Мощной стороной дагестанской национальной идеи является судьбоносное стремление к сохранению целостности Дагестана, гражданственности, патриотизма, уважение к закону, соблюдение традиций и обычаев своего народа.

Во всех вузах РФ и Дагестана утверждены должности проректоров по воспитательной работе и молодежной политике. При целевой организации их работы они могут превратиться в своеобразные штаты улучшения гуманитарного образования в вузах. В преподавании социально-гуманитарных наук в дагестанских вузах следует широко привлекать материалы истории и культуры народов Дагестана, народную педагогику, духовные ценности ислама, историческую память и богатый наш генофонд. Модернизация системы образования должна идти с возрождением дагестанских созидательных обычаев, традиций и всего духовно-нравственного потенциала.

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости и целесообразности сохранения и улучшения качества преподавания цикла социально-гуманитарных дисциплин в вузах нашей республики и в стране в целом.

Литература

1. Логинова Г.Е. Проблемы гуманитаризации высшего образования в современной России. //Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 4(64). – Т. 1.
2. Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляций.
3. Образование и наука на рубеже XXI века: проблемы перспективы развития// тезисы докладов III Академических чтений МАН Bill. – Минск, 2018. – 200 с.
4. Чанышев А.Н. Философия Древнего мира: учебник для вузов. – М.: Высшая школа, 1999. – С. 259.

THE PROBLEM OF HUMANIZATION OF TECHNICAL AND AGRICULTURAL UNIVERSITIES IN RUSSIA

Radjabov O.R., Lobacheva Z.N.

DagGAU named after M.M. Dzhambulov

The article deals with the main issues of humanization of technical and agricultural universities in Russia. The author notes the importance of the role of social and humanitarian disciplines in the training of a future specialist. It is humanization that forms a person's worldview, self-consciousness, spiritual guidelines, and therefore directly affects her activity and behavior in socio-political life.

Keywords: humanization, education, worldview, communication, culture.

References

1. Loginova G.E. Problems of humanization of higher education in modern Russia. //Bulletin of Kemerovo State University. – 2015. – No. 4(64). – Vol.1.
2. Elishev S.O. Youth as an object of socialization and manipulation.
3. Education and science at the turn of the XXI century: problems and prospects of development// abstracts of the III Academic Readings of the MAN Bill. – Minsk, 2018. – 200 p.
4. Chanyshev A.N. Philosophy of the Ancient World: textbook for universities. – Moscow: Higher School, 1999. – P. 259

Формирование института благотворительности как инструмента развития гражданского общества

Волостнова Татьяна Ивановна,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра гражданского и арбитражного процесса, ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске»

E-mail: tiv.777@yandex.ru

Сеничева Вера Николаевна,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра гражданского и арбитражного процесса, ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске»

E-mail: vera_taraskina@mail.ru

В статье рассматривается благотворительность как добровольная деятельность, сконцентрированная на вспомоществовании отдельным категориям субъектов, в силу тех или иных обстоятельств, оказавшихся в непростой ситуации и не имеющих возможности ее разрешения, опираясь исключительно на собственные ресурсы. Определяется роль благотворительной деятельности в становлении и жизнедеятельности гражданского общества. Обозначены цели реализации благотворительности в современный период развития гражданского общества, подчеркивается ее функциональная природа. Особое внимание уделено наиболее актуальным в настоящее время целям благотворительных проектов, заключающихся в помощи в решении глобальных экологических проблем, гармонизации межэтнических отношений, профилактике антисоциального поведения молодежи. Рассмотрены особенности организационно-правовых форм реализации благотворительной деятельности, правового положения волонтеров и благотворителей. Проанализированы основные направления деятельности и задачи благотворительных организаций, таких как Фонд Владимира Потанина, Фонд Валерия Гергиева, Фонд «Виктория», «Подари жизнь» и другие. В статье обращено внимание на обозначившуюся тенденцию активизации благотворительных процессов и повышении их роли в улучшении качественных параметров жизнедеятельности гражданского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, благотворительность, фонд, благополучатели, добровольцы, пожертвования.

Благотворительность в гражданском обществе рассматривается как добровольная деятельность, сконцентрированная на вспомоществовании отдельным категориям субъектов, в силу тех или иных обстоятельств, оказавшихся в непростой ситуации и не имеющих возможности ее разрешения, опираясь исключительно на собственные ресурсы. Лишь благодаря реализации благотворительных проектов полноценно функционирует ряд корпоративных организаций. Благотворительность включается в решение многих вопросов общества, среди которых акцентируются проблемы качества жизни населения, образования, культуры. Это безвозмездная, материальная помощь нуждающимся гражданам, на основе которой осуществляется милосердие, желание делать добро [1, с. 3], а также деятельность, посредством перераспределения финансовых ресурсов для решения возникших чрезвычайно важных социальных задач [2, с. 42].

Цели благотворительной деятельности можно определить, во-первых, как оказание поддержки в кризисные времена, реализуемой посредством защиты, материальной помощи нуждающимся, осуществлении реабилитационных проектов поддержки безработных, лиц с ограниченными возможностями, других категорий лиц, не имеющих полноценной возможности самостоятельно пользоваться всеми принадлежащими им правами.

Зачастую реализация благотворительных проектов направлена на спасение от несчастных случаев, чрезвычайных ситуаций, борьбу с последствиями стихийных бедствий, катастроф, а также поддержку жертв вооруженных конфликтов, репрессий, оказание помощи беженцам и вынужденным переселенцам.

В качестве третьей цели осуществления благотворительной деятельности следует назвать предупреждение или нивелирование межэтнических и межконфессиональных коллизий, в целях установления благоприятного социального климата, достижения согласия, дружбы, гармонии между народами. Целями благотворительной деятельности являются также защита материнства, отцовства и детства, содействие укреплению семейных ценностей; социальной реабилитации детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, а также безнадзорных детей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; реализация просветительских проектов, участие в духовно-нравственном воспитании личности, развитие образования, науки, культуры и искусства.

Профилактические проекты в сфере охраны здоровья населения, а также популяризация и развитие физкультуры и спорта также включены в сферу осуществления благотворительной деятельности.

Все большее значение приобретают в последнее время такие цели благотворительности как содействие в решении глобальных экологических проблем, направленных на сохранение, своевременное воспроизводство компонентов окружающей природной среды и объектов животного мира. Кроме того, благотворительность может реализовываться в целях надлежащего содержания архитектурной среды и территорий, имеющих историческое, культурное или природоохранное значение.

Наиболее значимыми целями благотворительных проектов на сегодняшний день является юридическое

просвещение населения и помощь в решении правовых проблем, безвозмездно предоставляемая неимущим, социально-незащищенным лицам. Востребованными направлениями являются также волонтерство, содействие патриотическому, духовно-нравственному воспитанию детей и молодежи; участие и содействие в развитии художественных и научно-технических творческих молодежных инициатив; активизация социально-значимых проектов, программ в сфере молодежного и волонтерского движения, создании и деятельности детских и юношеских организаций; производство и распространение социальной рекламы, профилактика правонарушений, общественно порицаемых и нежелательных форм поведения граждан.

Некоторые виды деятельности не могут рассматриваться как благотворительные проекты, это, например, обеспечение финансирования торговых компаний или политических партий. Запрещается осуществлять предвыборную агитацию и решение вопросов, вынесенных на референдум, в одно и тоже время с благотворительной деятельностью.

Отдельные граждане, без образования юридического лица, или субъекты, объединившиеся в юридическое лицо как благотворительную организацию, наделены правом свободно и добровольно заниматься благотворительной деятельностью; либо-либо препятствия в этих намерениях является неправомерными и недопустимыми [3].

В жизнедеятельности гражданского общества благотворительность в основном осуществляется с использованием коллективных организационно-правовых форм. При этом характерной чертой является свободный и непринужденный выбор времени и места, а также само содержание предоставляемой помощи. Особенности правового положения юридических лиц определяются не только характером их деятельности (коммерческие или некоммерческие организации), но и их организационно-правовой формой.

Благотворительной организацией является некоммерческим юридическим лицом, учрежденным в целях реализации благотворительных проектов. Некоммерческая деятельность благотворительной организации предполагает ее направленность на обеспечение публичных интересов в целом или отдельных лиц, не предполагая извлечения прибыли [4].

Юридическое лицо, осуществляющее благотворительную деятельность, не может быть учреждено государством или муниципальным образованием, и также целью ее деятельности не может быть поддержка своих учредителей, членов организации или группы персонально определенных лиц. Учредителями благотворительной организации могут являться только физические или юридические лица, выступающие в качестве благотворителей, благополучателей или добровольцев.

Основной задачей благотворителей является осуществление пожертвований, под которыми понимается безвозмездная передача определенного имущества, а также денежных средств в собственность организации, безвозмездное оказание услуг, в целях обеспечения деятельности данной организации. В качестве благополучателей выступают лица, которым оказывается безвозмездная помощь добровольцами, а также передаются пожертвования от благотворителей.

Субъекты, которые занимаются благотворительной или иной общественно-полезной деятельностью путем выполнения работ или оказания услуг на безвозмездной основе именуется добровольцами или волонтерами.

Добровольцы (волонтеры) – это лица, занимающиеся благотворительной деятельностью. Это люди всех

возрастов и профессий различных сфер труда, посвящающие свое время, свои физические и нравственные силы, имеющиеся знания на благо других людей и социума в целом [5, с. 14].

Действенная реализация благотворительного проекта предполагает осуществление комплексного благотворительного цикла, в осуществлении которого немаловажное значение приобретает деятельность исполнителей и поставщиков как посредников. Исполнители и поставщики выполняют деятельность, направленную на создание благотворительного ресурса, производство продукта и его адресную доставку определенному благополучателю.

Благотворительная деятельность реализуется посредством реализации ряда функций. основополагающей функцией благотворительности является созидательная, осуществление которой обеспечивает строительство театров и музеев, школ и поликлиник на средства благотворителей либо спонсоров.

Благотворительность также предполагает и реализацию материально-вещественной функции, обеспечивающей формирование, осуществление и развитие духовной жизни социума.

Результаты социологических исследований показывают определенное недоверие российского общества к благотворительной деятельности: большинство граждан недостаточно полно осознают значимость реальной поддержки, оказываемой благотворительными организациями, и не верят в то, что переданные им деньги дойдут до тех, кто действительно в них нуждается [6]. Одновременно исследование общественных интересов позволяет констатировать и наличие противоположной тенденции: граждане принимают проблемы других людей настолько близко к сердцу, что в кратчайшие сроки создают специальные фонды для их решения [7].

В связи с этим необходимо остановиться на современных действующих благотворительных организациях в гражданском обществе. Одним из самых известных является основанный в 1999 году Благотворительный фонд Владимира Потанина. Данная организация работает в целях содействия развитию российского образования и культуры посредством реализации долгосрочных стипендиальных и грантовых проектов, адресованных одаренным студентам и курсантам, обучающихся в ведущих государственных учебных заведениях России, также гранты могут получить перспективные и талантливые преподаватели. Деятельность фонда направлена на осуществление стратегической благотворительности, выявление и становление активных и креативных специалистов. Организация работает с теми, кто способен изменить себя и мир вокруг [8].

Фонд Валерия Гергиева [9] был создан в 2003 году по инициативе художественного руководителя и директора Мариинского театра. Фонд привлекает средства как от компаний, так и от частных лиц. Основная его деятельность заключается в поддержке творческих проектов и гастрольных выступлений Мариинского театра, адресной помощи молодым артистам, музыкальным коллективам, талантливым российским исполнителям.

Благотворительный детский фонд «Виктория» был основан в 2004 году Николаем Александровичем Цветковым с целью помощи детям, оставшимся без попечения родителей и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Подопечными фонда стали мальчики и девочки, живущие в детских домах и школах-интернатах.

Фонд активно воплощает в жизнь проекты по следующим направлениям:

– профилактика социального сиротства и комплексная психолого-педагогическая помощь проблемным

- семьям. В этом направлении ведется тесное сотрудничество с органами опеки и попечительства по выявлению подобных семей, находящихся в группе риска. Оказывается поддержка детям и их родителям;
- устройство детей-сирот и поддержка приемных семей. Проект направлен на подготовку потенциальных приёмных родителей и психолого-педагогического сопровождения вновь образованных приёмных семей, специалистов для работы с семьями из группы риска [10].

Благотворительный фонд помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями «Подари жизнь» был создан в 2006 году. Основные задачи фонда заключаются в сборе средств на лечение и реабилитацию детей с онкологическими и гематологическими заболеваниями;

помощь онкологическим и гематологическим клиникам, которые лечат и оказывают психологическую поддержку больным детям; содействие развитию донорства крови, привлечение внимания общественности к вопросам защиты прав и интересов больных детей; помощь в организации и деятельности волонтерских организаций при детских онкогематологических клиниках [11].

Миссия фонда «Вольное дело» – наиболее эффективное решение значимых социальных вопросов: поддержка науки и изысканий талантливой молодежи, реабилитация инвалидов, восстановление монастырей и храмов [12].

В Республике Мордовия функционирует сеть благотворительных организаций. К примеру, Мордовское республиканское отделение Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест» является общественной благотворительной организацией и участником международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Ключевыми направлениями деятельности является оказание экстренной гуманитарной помощи пострадавшим при стихийных бедствиях, катастрофах и авариях, в вооруженных конфликтах, а также медико-социальной помощи [13].

Мордовское республиканское отделение Общероссийского благотворительного фонда «Российский фонд милосердия и здоровья», осуществляет:

- сбор добровольных пожертвований от юридических и физических лиц;
- поддержку в виде улучшения материального положения малообеспеченных граждан;
- организацию и содействие образовательной деятельности людей старшего поколения и граждан с ограниченными возможностями здоровья;
- популяризация здорового образа жизни, улучшение нравственно-эмоционального состояния граждан [14].

Этот список благотворительных организаций, на наш взгляд, далеко не исчерпывающий и может подлежать дальнейшему развитию. Сегодня в России существует достаточно много небольших фондов и просто обычных благотворителей, чья деятельность может относиться к общественной миссии [15].

Таким образом, в современном мире благотворительность признается важной и необходимой частью коллективного участия в жизнедеятельности гражданского общества [16, с. 17].

Частные фонды содействуют аккумулярованию средств в той сфере, которая с их точки зрения насущно нуждается в помощи в данный момент. В ситуации реализации корпоративных благотворительных проектов, в целях формирования положительного имиджа и выстраивания сбалансированных отношений с государственными структурами необходимо обеспечить одобре-

ние акционеров и менеджмента компании. В настоящее время благотворительные проекты реализуются не только частными фондами, но и отдельными лицами, вкладывающими весомые средства в целях решения острых социальных проблем.

К сожалению, приходится констатировать довольно ограниченную сферу приложения усилий благотворителей, ее узконаправленный характер. Среди наиболее популярных направлений реализации благотворительных проектов выделяется сфера культуры, поддержки талантливой молодежи. Следовательно, развитие благотворительной деятельности должно происходить по направлению содействия развитию гражданского общества, правам человека, поддержки академических течений, помощи престарелым гражданам и инвалидам. Несмотря на то, что преждевременно определять благотворительность в России как всеобъемлющий феномен, в данный момент тенденция к ее формированию уже обозначилась. Это позволяет надеяться на активизацию благотворительных процессов и их роли в оптимизации и улучшении качественных параметров жизнедеятельности гражданского общества.

Литература

1. Антонович И.В. Благотворительность и добровольчество в российском обществе: история и современность: учеб. пособие. Барнаул: АлтГУ, 2014.
2. Матлахова М.С. Благотворительность // Гуманитарный лексикон: Учебное пособие / под ред. В.А. Рабоша, Л.В. Никифоровой. СПб.: Астерион, 2009.
3. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
4. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях: федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
5. Антонович И.В. Благотворительность и добровольчество в российском обществе: история и современность: учеб. пособие. Барнаул: АлтГУ, 2014.
6. Частная благотворительность в России: особенности, проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / Капитал страны. 2010. URL: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/174076/> (дата обращения: 11.08.2021).
7. Все Благотворители.ru [Электронный ресурс] URL: <http://vseblagotvoriteli.ru/> (дата обращения: 11.08.2021).
8. Благотворительный фонд Владимира Потанина. [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <http://www.fondpotanin.ru/> (дата обращения: 02.08.2021).
9. Благотворительный фонд «Фонд Валерия Гергиева». [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <http://gergiev-charity.com/rus/> (дата обращения: 02.08.2021).
10. Благотворительный детский фонд «Виктория». [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <http://victoriacf.ru/> (дата обращения: 02.08.2021).
11. Благотворительный фонд помощи детям с онкогематологическими и иными тяжелыми заболеваниями «Подари жизнь». [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <https://podari-zhizn.ru/main> (дата обращения: 09.08.2021).
12. Вольное дело. Фонд Олега Дерипаска. [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <http://volnoe-delo.ru/> (дата обращения: 09.08.2021).

13. Мордовское республиканское отделение Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест». [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusprofile.ru/id/313202> (дата обращения: 09.08.2021).
14. Мордовское республиканское отделение Общероссийского благотворительного фонда «Российский фонд милосердия и здоровья». [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <http://miloserdie.sdnit.ru/contacts> (дата обращения: 09.08.2021).
15. Благотворительный фонд «Линия жизни». [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <http://www.life-line.ru/> (дата обращения: 09.08.2021).
16. Тюкульмина О.И. Введение в профессию: учебное пособие. Томск: ТПУ, 2011.

FORMATION OF THE INSTITUTION OF CHARITY AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

Volostnova T.I., Senicheva V.N.

All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk

The article examines charitable activities as voluntary activities focused on helping certain categories of subjects, due to certain circumstances, who find themselves in a difficult situation and are unable to resolve it, relying solely on their own resources. The role of charitable activity in the formation and life of civil society is determined. The goals of the implementation of charity in the modern period of development of civil society are outlined, its functional nature is emphasized. Particular attention is paid to the currently most relevant goals of charitable projects, which are to help in solving global environmental problems, harmonize interethnic relations, and prevent anti-social behavior of young people. The features of the organizational and legal forms of the implementation of charitable activities, the legal status of volunteers and benefactors are considered. The main directions of activity and tasks of charitable organizations, such as the Vladimir Potanin Foundation, the Valery Gergiev Foundation, the Victoria Foundation, the Gift of Life and others, have been analyzed. The article draws attention to the emerging tendency of activating charitable processes and increasing their role in improving the quality parameters of the life of civil society.

Keywords: civil society, charity, foundation, beneficiaries, volunteers, donations.

References

1. I. Antonovich Charity and volunteering in the Russian society: history and modernity: textbook. allowance. Barnaul, 2014.
2. M. Matlakhova Charity // Humanitarian Lexicon: Textbook / ed. V. Rabosha, L. Nikiforova. SPb., 2009.
3. On charitable activities and charitable organizations: Federal Law of August 11, 1995, No. 135-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. Art. 3340.
4. On charitable activities and charitable organizations: Federal Law of August 11, 1995 No. 135-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 33. Art. 3340.
5. I. Antonovich Charity and volunteering in the Russian society: history and modernity: textbook. allowance. Barnaul, 2014.
6. Private charity in Russia: features, problems and prospects [Electronic resource] / Capital of the country. 2010. URL: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/174076/> (accessed: 11.08.2021).
7. All Philanthropists.ru [Electronic resource] URL: <http://vseblagotvoriteli.ru/> (accessed: 01.08.2021).
8. Vladimir Potanin Charitable Foundation. [Electronic resource]: official site. URL: <http://www.fondpotanin.ru/> (accessed: 02.08.2021).
9. Charitable Foundation «Valery Gergiev Foundation». [Electronic resource]: official site. URL: <http://gergiev-charity.com/rus/> (accessed: 02.08.2021).
10. Charitable Children's Fund «Victoria». [Electronic resource]: official site. URL: <http://victoriacf.ru/> (accessed: 02.08.2021).
11. Charitable Foundation for Helping Children with Hematological Oncology and Other Serious Diseases «Give Life». [Electronic resource]: official site. URL: <https://podari-zhizn.ru/main> (accessed: 09.08.2021).
12. Free business. Oleg Deripaska Foundation. [Electronic resource]: official site. URL: <http://volnoe-delo.ru/> (accessed: 09.08.2021).
13. Mordovian republican branch of the All-Russian public organization «Russian Red Cross». [Electronic resource] URL: <http://www.rusprofile.ru/id/313202> (accessed: 09.08.2021).
14. Mordovian Republican Branch of the Russian Charity and Health Foundation. [Electronic resource]: official site. URL: <http://miloserdie.sdnit.ru/contacts> (accessed: 09.08.2021).
15. Charitable Foundation «Life Line». [Electronic resource]: official site. URL: <http://www.life-line.ru/> (accessed: 09.08.2021).
16. O. Tyukulmina Introduction to the profession: a study guide. Tomsk, 2011.

Воздействие глобализации в геополитическом аспекте на социальные процессы

Сехлеян Сильвия Арменовна,

аспирант, Государственный академический университет гуманитарных наук
E-mail: sil.sehlejan2010@yandex.ru

Без процесса глобализации сложно представить и охарактеризовать современное геополитическое пространство. Это мощная трансформирующая сила, не просто оказывающая влияние на события в современном мире, но, в огромной степени, направляющие геополитические процессы и формирующие геополитическую картину мира. В данной статье рассматривается процесс глобализации как главного фактора в структурировании настоящего геополитического пространства, а также в ней поднимаются вопросы о том, что именно глобализацией был запущен инструмент сворачивания института национального суверенитета, который со временем исчезает, но для каждого государства по-своему. Очевидно, что если человечеству каким-либо образом удастся избежать глобальных катаклизмов, то в дальнейшем на карте мира сначала перестанут появляться новые государства, а потом начнется процесс исчезновения имеющихся.

Ключевые слова: глобализация, геополитика, государство, интеграция.

На сегодняшний день на мировом геополитическом пространстве наблюдается интенсивный процесс глобализации, немало влияющий на какие-либо значимые явления, происходящие в современном социуме и во всем мире, направляющий геополитические действия, формирующие общемировую картину.

Процесс глобализации занимает одно из ведущих мест в реалиях сегодняшнего дня и оказывает воздействие на становящиеся историческими события в рамках всего мирового сообщества. Глобализация характеризуется скоростью своего развития, поэтому нельзя полностью предсказать, что произойдет в будущем. И поскольку процесс глобализации также изменчив, невозможно высказать точную точку зрения по тому или иному вопросу [2].

Многим исследователям неизвестно, когда именно произошло возникновение такого явления, как глобализация, но нельзя усомниться в том, что глобализация движется в сторону своего расширения, несмотря на имеющиеся в этом противоречия. По мнению одних исследователей, глобализацией можно считать процесс, в основе которого лежат определенные черты. Согласно другим, глобализация на сегодняшний день определяется как процесс, имеющий сложности в своем понимании, но по своей сути необратимый [4].

Данные противоположные точки зрения в определении глобализации содержат два следующих обстоятельства. Во-первых, глобализация включает интеграционную и дифференцирующую стороны, во-вторых, глобализация демонстрирует интересы всех взаимодействующих между собой лиц – участников глобализационного процесса.

Сегодня термин «глобализация» определяется по-разному. Например, А.Г. Володин и Г.К. Широков понимают этот процесс как последовательную трансформацию мирового пространства в единое целое, в рамках которого возможно «беспрепятственное перемещение капиталов, товаров, услуг», в котором возможно «свободное распространение идей и передвижение их носителей», что влияет на развитие современных институтов, поскольку «шлифуются» механизмы взаимодействия между ними.

Исходя из этого, глобализация содержит в себе международное правовое и культурно-информационное пространство, схожее с инфраструктурой информационных взаимодействий. В этом ракурсе глобализация необходима для воплощения в обществе нового качества. Осознание этого индивидом позволит ему эффективнее адаптироваться к изменениям, происходящим в мире, и меняющимся представлениям о нем [5].

Считается, что глобализация имеет интеграционный характер как внешне, так и внутренне, включая историческое измерение. Однако проблемой может являться то, что процесс глобализации был инициирован и развязан национальными государствами, стремящихся реализовать идеи в собственных интересах. Следовательно, глобализация несет за собой множество противоречий.

И ее реализация может привести к таким отрицательным последствиям, как:

- увеличение социального и экономического неравенства среди богатых и бедных государств;

- отрицательное воздействие глобализации на экологию;
- появление объединенных миграций, стремящихся утвердиться на мировом пространстве, что несет за собой социальные проблемы;
- снижение экономических функций национальных государств;
- повышение уровня незащищенности национальных экономических процессов вследствие систематического их возрастания и открытости, их воздействие на экономики и продукты других стран;
- увеличение конкурентоспособности среди экономических лидеров глобализации по причине размещения продукции в свободных местах мирового рынка с единственной целью, а именно получение высокой прибыли;
- разная степень готовности членов общества и самих государств к тем или иным изменениям: политическим, идеологическим и т.д. [5].

Исходя из вышесказанного, если не принимать в учет имеющиеся отрицательные последствия глобализации, ее бесконтрольный характер, то экономика и мировое хозяйство соответствуют потребностям и интересам человека.

Рассматривая процесс глобализации в качестве изменения геополитического пространства и межгосударственных взаимоотношений, можно отметить, что такие мировые явления, как экспансия, захват территорий одной страны другой вошли в историю. Однако реальная геополитическая ситуация на разных этапах состоит в следующем: 1) в возможности изменения границ на локальном и региональном уровнях; 2) отказ от военных действий со стороны авторитетных на мировом пространстве государств, имеющих мощное вооружение.

В условиях современности, когда многие государства являются технически вооруженными, когда наблюдается повышение взаимодействий между странами, а также происходит ускоренное развитие информационных структур, императив претерпевает расширение, но его новые формы не препятствуют истощению собственных ресурсов.

Ф. Ратцель в принадлежащей ему работе «О законах пространственного роста Государства» вывел семь законов экспансии, среди которых:

- 1) расширение территорий государств по мере развития культурологических особенностей;
- 2) развитие государства происходит в производственном, идеологическом, коммерческом и других планах;
- 3) государство способно расширяться при уменьшении единиц меньшей значимости;
- 4) изначальный посыл экспансии возникает вовне, так как государство стремится расширяться за счет менее развитых стран;
- 5) завоевание других государств обусловлено их слабостью.

Вышеназванные законы имеют место и в современности. Невозможность реализации политики экспансии не влияет на принцип роста государства в культурной и экономической областях. Стремительный рост коммуникативных сетей, дорог, авиатрасс, информационных показателей и тому подобного повели за собой «сжатие» глобального пространства. Это стало причиной появления качественных условий протекания глобализации [1].

На данный момент времени формально уклад большинства государств практически не имеет отличий, но по факту одно государство может обладать большими возможностями, чем другие государства. Тем не менее,

в условиях постоянных изменений многие государства встречаются с определенными трудностями. Например, некоторые европейские государства частично потеряли свой суверенитет в сфере торговли и обороны, а некоторые передали свои права в сообщество ЕС.

Исходя из этого, через глобализацию начался процесс нивелирования института национального суверенитета, который претерпевает постепенное уничтожение, но это происходит по-разному в тех или иных государствах. В перспективе, если у человека получится избежать глобальные последствия, то перестанут появляться новые государства, а затем исчезнут и старые.

Анализируя это предположение, не нужно его воспринимать только лишь в негативном ключе. Государство не может дать гарантий на счастливое и беззаботное будущее своего многочисленного народа. Кроме того, государство зачастую отбрасывается за ненадобностью, при достижении процветания, безопасности в обществе [4].

Глобализация может значительно увеличивать и качественно изменить положение главных действующих лиц геополитики. В структурировании настоящей геополитической картины мира активно принимают участие страны, межправительственные организации мирового и региональных уровней, гуманитарные неправительственные организации, транснациональные корпорации. Но необходимо отметить, что не все государства и правительства имеют равные возможности в осуществлении этого.

Вследствие этого происходит разделение общества на тех, кто систематически использует итоги глобализационной действительности, и тех, кому доступ к этому закрыт. Этот влияет на воспроизводство геополитической надстройки общемирового неравенства. Можно сказать, что возрождается новая форма реальной поляризации в современном пространстве – «глобальная асимметрия» современности.

Во-первых, это касается передовых стран, имеющих демократический строй, и регионов, являющихся прямыми участниками формирования новой геополитической картины мира. Именно они получают всю пользу от глобализации.

Обладая мощными геополитическими ресурсами, эти государства оказывают непосредственное влияние на принятие решений касательно мирового правопорядка в межправительственных учреждениях регионально-го и глобального уровня.

Во-вторых, большинство государств и отдельных регионов со значительно низким уровнем жизни и образования, которые оказались в середине в глобализационной системы, и в которой, недовольства и нападки на глобализацию распространяются на новейший тип идеологической реальности.

Действующими лицами геополитики, от лица которых может идти агрессия, и которые могут в будущем привести к дестабилизации мирового порядка, являются крупные нефтяные государства – Иран, Венесуэла и ряд других государств, получившие недостаточную выгоду от глобализации и недовольные геополитикой США как главного игрока глобализации.

Отметим, что глобализация обуславливает увеличение числа международных правительственных организаций, способных принимать активное участие в глобальном управлении и, тем самым, влиять на переустройство мирового геополитического пространства.

Деятельность межправительственных организаций нацелена на интеграцию государств через повышение внимания к коллективным проблемам политики в экономике, экологии и социальной защите, что снижает зна-

чимость проблем, связанных с межгосударственными отношениями и сотрудничеством. Это, следовательно, позволяет предупредить или разрешить конфликты, достичь геополитической стабильности и безопасности как на региональном, так и глобальном уровне.

Весомое значение в геополитике имеют региональные межправительственные объединения как часть сотрудничества стран-членов в разных направлениях общественной жизни и концентрации интеллектуальных и материальных ресурсов для достижения общих целей [4].

Региональные межправительственные институты косвенным образом способствуют развитию политической глобализации, создавая наиболее эффективное региональное управление, за счет чего становится легче решать геополитические вопросы, снижать опасность угроз.

Также следует учитывать тот факт, что при воссоздании идеи государства замешан человек, и поэтому со временем недостатки государства проявляются сквозь призму недостатков самих людей, создавших это государство. В этом случае действует импульс культуры, который и предполагает те или иные культурные традиции как часть долговременного исторического периода.

Таким образом, важной характеристикой глобализации выступает сам процесс глобализации культуры человека, суть которого состоит в том, что общее количество производимого ценностного продукта в разных сферах очень резко вырос во всем мировом сообществе.

Имеется проблема в том плане, что все производства негативно влияют на экологию и вызывают другие проблемы из-за неравномерного пользования данными ценностей. Но если смотреть на ситуацию в целом, то это можно считать позитивным проявлением, так как в мире почти не существует дефицита тех или иных товаров.

Сама по себе глобализация значительно способствует возникновению коллективной и масштабной безопасности. Такая всемирная тенденция полностью меняет выгоду на пользование вещами военного происхождения. Если рассматривать войну, как рациональный инструмент, то можно сделать вывод, что она ставит под вопрос всю геополитику [5].

Высокие затраты на военную сферу среди авторитетных государств остаются очень велики, что теряет в будущем сам смысл войны. Следовательно, война непродуктивна при решении тех или иных конфликтов. Но в то же время именно глобализация подтолкнула на появление новых геополитических проблем: наруше-

ние режима нераспространения ядерного оружия, мировой терроризм, миграция, религиозные, культурные и многие другие конфликты.

Литература

1. Авдокушин, Е.Ф. Глобализация и международная экономическая интеграция / Е.Ф. Авдокушин. – М.: Магистр, 2019. – 115 с.
2. Бранский, В.П. Глобализация и синергитический историзм: моногр. /В.П. Бранский, С.П. Пожарский. – М.: Политехника, 2020. – 400 с.
3. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. – М., 1997. – С. 35–36.
4. Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы// Полис, 199. – № 5. – С. 84.
5. Игрицкий Ю. Национальное государство под натиском глобализации// Полис, 2006.-№ 6. – С. 24.

THE IMPACT OF GLOBALIZATION IN THE GEOPOLITICAL ASPECT ON SOCIAL PROCESSES

Sekhleian S.A.

State Academic University for Humanities

It is hard to imagine and characterize the modern geopolitical space without the process of globalization. It is a powerful transforming force influencing events in the contemporary world and, to a great extent, guiding geopolitical processes and shaping the geopolitical picture of the world. This article discusses the process of globalization as the main factor in structuring the present geopolitical space. It also raises the question that globalization launched the tool for curtailing the institution of national sovereignty, which is gradually disappearing, in a different way for each state. It is evident that if humanity somehow manages to avoid global cataclysms, then in the future new states will first stop appearing on the world map, after which the process of disappearance of existing ones will begin.

Keywords: globalization, geopolitics, state, integration.

References

1. Avdokushin, E.F. Globalization and international economic integration / E.F. Avdokushin. -M.: Master, 2019. – 115
2. Bransky, V.P. Globalization and synergistic historicism: monograph. /V.P. Bransky, S.P. Pozharsky. – M.: Polytechnic, 2020. – 400 p.
3. Dugin A. Fundamentals of geopolitics. Geopolitical future of Russia. – M., 1997. – S.35–36.
4. Volodin A.G., Shirokov G.K. Globalization: origins, trends, prospects// Polis, 199. – No. 5. – P. 84.
5. Igritsky Y. Nation state under the pressure of globalization// Polis, 2006.-№ 6. – P. 24.

Социальная эксклюзия семей, имеющих детей с инвалидностью: на примере Республики Саха (Якутия)

Федорова Варвара Клавдьевна,

студент, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»
E-mail: varkl1998@mail.ru

Статья посвящена значимой для современной социологии проблеме социальной эксклюзии семей, имеющих детей с инвалидностью на примере Республики Саха (Якутия). Рассмотрены некоторые подходы к исследованию эксклюзии с различных точек зрения (Р. Мертон, Ф.М. Бородкин, И.Ю. Суворова, И.А. Макеева, П.А. Чукреев и др.), дано определение социальной эксклюзии как процесса социального исключения на основе стигматизации/маргинализации как следствия недостаточной социализации индивида/социальной группы, рассмотрена связь эксклюзии и инклюзии, эксклюзии и социализации. В статье представлены результаты социологического опроса родителей детей-инвалидов, проведенного в г. Якутск в 2022 г. На основе результатов исследования сделаны выводы о наиболее значимых проблемах социальной эксклюзии детей с ОВЗ, включая следующие: проблемы, связанные с доступностью объектов культурной и досуговой инфраструктуры; проблемы качества и доступности инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе дополнительного. Обоснован вывод о том, что родители детей-инвалидов часто испытывают проблемы собственной социализации в связи с диагнозом ребенка, оказываясь выключенными из привычной социальной жизни. Это является отдельной значимой проблемой, которая требует дальнейшего детального изучения.

Ключевые слова: социальная эксклюзия, дети-инвалиды, безбарьерная среда, семья, обучение, воспитание.

Проблема социальной эксклюзии является одной из значимых проблем современной науки, она рассматривается с точки зрения социологии, психологии, педагогики, экономики и социальной работы. Это связано, в первую очередь, с глобальным процессом гуманизации и демократизации всех сфер общественной жизни. Процесс гуманизации, в свою очередь, невозможен без социального включения в социальную жизнь (инклюзии) наиболее незащищенных слоев населения, к которым относятся и дети-инвалиды.

Проблема социальной эксклюзии в большинстве исследований рассматривается в неразрывной связи с проблемой социальной инклюзии, так как это разнонаправленные составляющие единого процесса. Единого подхода и операционализации термина «социальная эксклюзия» на сегодняшний день не существует. Так или иначе с социологической точки зрения эксклюзия была рассмотрена классиками социологии Р. Мертоном [6], Дж. Тернером [9], с точки зрения социального процесса эксклюзия рассматривалась М.Р. Арпентьевой, Р.Р. Гасановой, Т.Л. Худяковой, О.П. Степановой, О.В. Токарь, О.Н. Дувалиной [1], Ф.М. Бородкиным [3] и т.д., как процесс социально-психологический процесс нарушения идентичности рассматривался И.Ю. Суворовой [8], в контексте современного образования – И.А. Макеевой [5] и др.

Проблема социальной инклюзии-эксклюзии людей с ограниченными возможностями рассмотрены такими исследователями, как С.В. Коржук [4], Ю.А. Афонькина, Г.В. Жигунова [2], В.Н. Петров, И.Б. Кантемирова [7] и др.

В России проблема социальной эксклюзии лишь начинает исследоваться, особенно остро она стоит в регионах страны, что связано с целым комплексом социальных, культурных и экономических проблем. В Республике Саха на 2021 год проживало около 6800 детей с ОВЗ в возрасте от 0 до 18 лет, что составляет 11% от всех лиц с инвалидностью и 5,3% от всех несовершеннолетних граждан региона.

Цель статьи – изучить особенности и состояние социальной эксклюзии семей, имеющих детей с инвалидностью на примере Республики Саха (Якутия).

Как таковая проблема социальной эксклюзии не является новой. Считается, что сам термин «социальная эксклюзия» был предложен французским политиком и социологом Рене Ленуаром для обозначения процесса исключения или ограничения человека/социальной группы в систему социальных отношений [8]. В XIX веке проблема социальной эксклюзии без использования данного термина рассматривалась Р. Мертоном в контексте обрыва социальных связей, социальной конформности, ритуализма, ретритизма и бунта. Синонимом эксклюзии здесь выступал социальный ретритизм как состояние, при котором индивид находится в обществе, но одновременно существует как бы вне его [6].

И.А. Макеева рассматривает сущность социальной инклюзии в контексте современного образования, считая, что понятие инклюзии неразрывно связано с понятием социальной эксклюзии как противоположного процесса. Социальная эксклюзия представляет собой ис-

ключение, стигматизацию определенных групп населения из процесса активной социализации и полноценной социальной жизни на основании определенных особенностей, в силу которых эти группы не могут самостоятельно реализовывать свои права [5]. В первую очередь, к этим группам относятся мигранты, лица без гражданства, беженцы, материально малообеспеченные группы, лица с ограниченными возможностями здоровья.

Социальная эксклюзия становится результатом депривации в той или иной сфере, что особенно актуально для людей с ограниченными возможностями здоровья, где основным фактором выступает биологический – объективное состояние их здоровья. Ф.М. Бородин считает, что имеет смысл различать ситуацию и состояние социальной эксклюзии. Под ситуацией социальной эксклюзии понимаются объективированные обстоятельства. Люди, оказавшиеся в этих обстоятельствах, не имеют возможности воспользоваться предоставленными им социальными правами. Состояние же социальной эксклюзии определяется индивидуальным восприятием ситуации и самоидентификацией [3].

П.А. Чукреев рассматривает социальную эксклюзию как результат недостаточной или негативной социализации. По мнению автора, с одной стороны, существуют некие социальные группы, которые уже изначально имеют признаки стигматизации/маргинализации, в его исследовании в качестве примера представлены социальные сироты. В соответствии с принадлежностью к стигматизированной социальной группе в социуме формируется определенное отношение к ее членам, и их социализация протекает не так, как у других индивидов не из стигматизированной группы [10].

С другой стороны, маргинализация определенных социальных групп формируется вследствие того, что члены группы на протяжении длительного времени нарушают социальные нормы, либо не соответствуют им. Например, сироты подвержены негативному влиянию маргинальной культуры из-за отсутствия семейного воспитания, поэтому эта группа выпадает из нормального функционирования социума.

В качестве основных компонентов содержания процесса социализации П.А. Чукреев выделяет:

«– формирование профессиональных навыков, знаний и умений;

- формирование системы регулирования общественного поведения человека;
- формирование системы его ценностно-нормативных, правовых, этических, социальных, политических убеждений и представлений, ценностных ориентаций взглядов и т.п.
- формирование саморегуляции, способности к самооценке, самокритичности;
- формирование эмоционально-волевых особенностей личности» [10].

Если рассматривать с этой точки зрения социализацию детей-инвалидов, то можно констатировать, что процесс их социализации также отклоняется от нормального из-за наличия пороков развития, которые искажают нормальное формирование когнитивной, эмоциональной, волевой и других сфер личности, а также физически ограничивают индивида.

Дети-инвалиды долгое время являлись неполноценными членами общества, для которых был ограничен доступ к полноценному образованию даже при наличии сохранного интеллекта, к культурному и досуговому развитию, полноценной коммуникации из-за отсутствия соответствующих средств и методов обучения, лечения и реабилитации, а также физических возможностей организации различных видов деятельности. На сегодняш-

ний день благодаря технологическому процессу многие проблемы могут быть разрешены, однако по-прежнему играет роль социального отношения и мотивации работы с такими детьми, и семьи, имеющие ребенка-инвалида, часто сталкиваются с проблемами социального исключения их ребенка из нормальной социальной жизни.

С целью выявления особенностей социальной эксклюзии семей, имеющих детей с инвалидностью в Республике Саха, было проведено эмпирическое исследование (социологический опрос). Исследование проводилось в городе г. Якутск в 2022 году, в нем приняли участие 100 родителей (законных представителей) детей с ограниченными возможностями здоровья, возраст детей – 1,5–8 лет, дети имеют следующие диагнозы: расстройства аутистического спектра (РАС) – 32 чел., умственная отсталость различной степени – 21 чел., детский церебральный паралич (ДЦП) – 24 чел., тяжелые множественные нарушения развития (ТМНР) – 23 чел. Возраст респондентов – 22–43 года, 64 женщины и 36 мужчин.

Рассмотрим результаты социологического исследования. Первым вопросом, который был задан родителям детей с ОВЗ «С какими наиболее значимыми социальными проблемами вы сталкиваетесь в связи с воспитанием ребенка-инвалида?».

23% родителей ответили, что наиболее значимой проблемой является нехватка времени и ограничение свободы передвижения с ребенком-инвалидом; 18% – нехватка материальных средств для реабилитации и ухода за ребенком; 21% – неприятие или напряженное отношение со стороны посторонних людей; 24% – проблемы с инклюзивным обучением ребенка; 14% отметили ограничение круга общения с момента рождения/постановки диагноза их ребенку.

Второй вопрос касался того, существуют ли проблемы в организации безбарьерной среды для детей-инвалидов в г. Якутск. Утвердительно ответили 85% родителей, отрицательно – 15%.

На вопрос «Какие наиболее значимые проблемы организации безбарьерной среды в г. Якутск вы можете отметить?» 34% респондентов ответили, что отсутствуют пандусы, либо они не приспособлены для использования детьми-инвалидами; 23% отметили непригодность городского транспорта для передвижения с детьми-инвалидами; 18% отметили неудобства использования такси; 12% высказали, что многие учреждения в принципе не предусматривают посещения с детьми-инвалидами, так как, например, инвалидная коляска не может пройти в дверь и т.д.; 13% отметили, что отсутствуют условия для посещения спортивных залов, учреждений культуры и магазинов с детьми-инвалидами.

Следующие вопросы были посвящены оценке состояния и доступности инклюзивного образования для детей с ОВЗ.

На вопрос «Удовлетворяет ли вас доступность инклюзивного образования для ребенка-инвалида» 56% ответили отрицательно, 44% положительно. На вопрос «Удовлетворяет ли вас качество инклюзивного образования для ребенка-инвалида» положительно ответили 34% респондентов, отрицательно – 66%.

На вопрос «Назовите наиболее значимые проблемы обучения ребенка-инвалида» ответы распределились следующим образом: 24% ответили, что существует проблема принятия особого ребенка со стороны других детей в условиях общеобразовательного учреждения; 21% – существует проблема принятия особого ребенка со стороны родителей здоровых детей; 22% сказали, что не все педагоги способны и готовы работать с такими детьми; 12% отметили отсутствие/нехватку тьюторов;

21% ответили, что качество обучения ребенка-инвалида в условиях инклюзии хуже, чем при домашнем обучении или в условиях специализированного учебного заведения.

Далее респондентам было предложено ответить на вопрос, занимается ли их ребенок чем-то в учреждениях дополнительного образования. Утвердительно на этот вопрос ответили лишь 12%; 88% ответили, что их ребенок больше нигде не обучается, кроме общеобразовательного/инклюзивного учебного заведения. При этом 56% родителей отвечают, что их дети хотели бы заниматься в каком-то кружке или объединении. В качестве основных проблем дополнительного образования для детей-инвалидов родители обозначили отсутствие подготовки у педагогов, отсутствие тьюторов, специальных адаптированных программ для детей с ОВЗ, а также общую непригодность учреждений дополнительного образования для пребывания в них ребенка-инвалида.

Таким образом, нами было рассмотрено понятие социальной эксклюзии. На основе анализа различных подходов к изучению данного феномена мы можем определить его как процесс исключения или ограничения доступа индивида/социальной группы к социальным благам, правам и полноценному участию в жизни общества. Социальная эксклюзия является противоположным процессом социальной инклюзии и связана с особенностями социализации, а также с маргинализацией и стигматизацией определенной социальной группы, то есть определенный вклад в социальную эксклюзию вносят не только объективные факторы экономического и технологического развития социума, но и общественное мнение и стереотипы.

Социальная эксклюзия детей-инвалидов связана, во-первых, с их физическими ограничениями, во-вторых, с особенностями их личностного и ментального развития, что часто делает невозможным для них овладение определенными видами деятельности.

На сегодняшний день социальная эксклюзия детей-инвалидов и их семей может быть преодолена за счет создания безбарьерной городской среды, повышения эффективности и поиска новых путей реабилитации, абилитации и социализации, повышения доступности и эффективности инклюзивного обучения.

Проведенный социологический опрос родителей детей-инвалидов позволил выявить наиболее актуальные проблемы социальной инклюзии/экссклюзии в Республике Саха. Определено, что наиболее значимыми проблемами преодоления эксклюзии является недостаточная степень приспособленности городской инфраструктуры для детей инвалидов, родители детей-инвалидов испытывают такие социальные проблемы как социальная изоляция, барьеры в общении с другими, отсутствие свободного времени и ограниченность в передвижении с ребенком-инвалидом.

Отмечено, что существуют проблемы в доступности и качестве инклюзивного образования, а также дополнительного образования, так как значительная часть педагогов до сих пор не готовы к социальной и образовательной инклюзии, встречается негативное отношение со стороны родителей здоровых детей, существует проблема обеспечения тьюторами и программами образования детей с ОВЗ.

Перспективами дальнейшего исследования является углубленное изучение проблем социальной эксклюзии в различных районах региона, проблем эксклюзии для детей разных категорий ОВЗ, разработка проектов по преодолению социальной эксклюзии для детей-инвалидов.

Литература

1. Арпентьева М.Р., Гасанова Р.Р., Худякова Т.Л., Степанова О.П., Токарь О.В., Дувалина О.Н. Инклюзия и эксклюзия как показатели культуры социальных отношений: глобальное образование в развитии человека // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2020. № 3 (59). С. 154–165.
2. Афонькина Ю.А., Жигунова Г.В. Теоретическое конструирование социальной инклюзии лиц с инвалидностью // Russian Journal of Education and Psychology. 2016. № 11 (67). С. 278–296.
3. Бородкин Ф.М. Социальная эксклюзия // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 5–17.
4. Коржук С.В. Социальная эксклюзия людей с инвалидностью: успешные стратегии преодоления // Мир экономики и управления. 2016. Т. 16. № 2. С. 145–155.
5. Makeeva I.A. Социальная эксклюзия и инклюзия в контексте образования: сущность, подходы // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2020. № 198. С. 45–55.
6. Мертон Р. Социальная структура и аномия. М., 2006. С. 243–281.
7. Петров В.Н., Кантемирова И.Б. Феномен социальной эксклюзии/инклюзии в аспекте образовательной деятельности детей с ограниченными возможностями здоровья // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2019. № 2 (239). С. 129–137.
8. Суворова И.Ю. Социальная эксклюзия как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5. № 4. С. 29–43.
9. Тернер Дж. Социальное влияние / пер. с англ. З. Замчук. СПб., 2003. 256 с.
10. Чукреев П.А. Социальная эксклюзия: теоретические и прикладные аспекты исследования // Вестник БГУ. 2010. № 6. С. 172–176.

SOCIAL EXCLUSION OF FAMILIES WITH CHILDREN WITH DISABILITIES: ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

Fedorova V.K.

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov

The article is devoted to the problem of social exclusion of families with children with disabilities, which is significant for modern sociology, on the example of the Republic of Sakha (Yakutia). Some approaches to the study of exclusion from various points of view are considered (R. Merton, F.M. Borodkin, I. Yu. Suvorova, I.A. Makeeva, P.A. Chukreev, etc.), the definition of social exclusion as a process of social exclusion based on stigmatization/marginalization as a consequence of insufficient socialization of an individual is given./ the relation of exclusion and inclusion, exclusion and socialization is considered. The article presents the results of a sociological survey of parents of disabled children conducted in Yakutsk in 2022. Based on the results of the study, conclusions are drawn about the most significant problems of social exclusion of children with disabilities, including the following: problems related to the accessibility of cultural and leisure infrastructure facilities; problems of quality and accessibility of inclusive education for children with disabilities, including an additional one. The conclusion is substantiated that parents of disabled children often experience problems of their own socialization in connection with the diagnosis of a child, being turned off from their usual social life. This is a separate significant problem that requires further detailed study.

Keywords: social exclusion, disabled children, barrier-free environment, family, education, upbringing.

References

1. Arpentyeva M.R., Gasanova R.R., Khudyakova T.L., Stepanova O.P., Tokar O.V., Duvalina O.N. Inclusion and exclusion as indicators of the culture of social relations: global education in human development // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2020. No. 3 (59). pp. 154–165.
2. Afonkina Yu.A., Zhigunova G.V. Theoretical construction of social inclusion of persons with disabilities // Russian Journal of Education and Psychology. 2016. No. 11 (67). pp. 278–296.
3. Borodkin F.M. Social exclusion // The Sociological journal. 2000. No. 3/4. pp. 5–17.
4. Korzhuk S.V. Social exclusion of people with disabilities: successful coping strategies // The world of economics and management. 2016. Vol. 16. No. 2. pp. 145–155.
5. Makeeva I.A. Social exclusion and inclusion in the context of education: essence, approaches // Izvestiya RSPU named after A.I. Herzen. 2020. No. 198. pp. 45–55.
6. Merton R. Social structure and anomie. M., 2006. pp. 243–281.
7. Petrov V.N., Kantemirova I.B. The phenomenon of social exclusion/inclusion in the aspect of educational activities of children with disabilities // Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, Sociology, law, political science, cultural studies. 2019. No. 2 (239). pp. 129–137.
8. Suvorova I. Yu. Social exclusion as a socio-psychological phenomenon // Social psychology and society. 2014. Vol. 5. No. 4. pp. 29–43.
9. Turner J. Social influence / translated from the English by Z. Zamchuk. SPb., 2003. 256 p.
10. Chukreev P.A. Social exclusion: theoretical and applied aspects of research // Bulletin of BSU. 2010. No. 6. C. 172–176.

Русская православная церковь как институт формирования духовной культуры военнослужащих Российской армии

Артемьев Алексей Александрович,

к.ф.н., доцент Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана
E-mail: aleksey-artemev@bk.ru

В статье раскрывается формирование духовной культуры военнослужащих посредством православных религиозных ценностей. Путем анализа функциональной деятельности священников Русской православной церкви автор пришел к выводу, что развитие и совершенствование духовной культуры у военнослужащих Российской армии при определенных условиях могут достигаться осознанием религиозных ценностей.

Ключевые слова: Русская православная церковь, православие, армия, Вооруженные силы РФ, военное духовенство, культура, духовная культура.

Проблема состояния духовной культуры российского общества в настоящее время достаточно актуальна. Сегодня, как никогда, отмечается упадок моральных устоев и духовно-нравственных принципов российского общества. Часть российского социума изменила свои представления о традиционных ценностях. Изменение ценностных ориентиров россиян существенно трансформировало их духовную жизнь. Проблема духовной культуры коснулась и военнослужащих Российской армии.

В настоящий момент духовная культура военнослужащих актуализируется рядом объективных и субъективных факторов.

Во-первых, отсутствие государственной идеологии, политический плюрализм и идеологическое многообразие в многонациональном и многоконфессиональном обществе повлекли за собой «идеологическую и духовную поврежденность», которая выражается кризисом социальных и духовно-нравственных ценностей российского общества.

Во-вторых, появилось такое явление, как культурно-идеологическая русофобия, направленная на дестабилизацию российского общества. Истоки данного явления кроются в так называемом экономическом и культурном превосходстве стран Западной Европы и США над остальным миром.

Продолжается и религиозно-цивилизационное противостояние России со странами Запада. В современном идеологическом противоборстве между государствами сознание людей выглядит как главное поле для сражения.

В-третьих, влияние информационных технологий и средств массовой коммуникации, кризис системы классического образования, масштабное информационное воздействие со стороны различных СМИ и новых медиа, и как результат: массовое манипулирование общественным сознанием, в том числе и военнослужащими Российской армии.

Ряд современных исследователей понимает «культуру» как совокупность различных норм, правил и духовных ценностей, а также как систему общественных отношений. В философской науке выделяют три позиции на природу культуры: аксиологическая, деятельностная и семиотическая. Первый подход – аксиологический – имеет два варианта. Первый вариант предполагает, что есть единая культура человечества. Второй вариант утверждает, что нет общечеловеческой культуры, а есть множество культурно-исторических систем. Второй подход – деятельностный – рассматривает культуру как социально-исторический ансамбль схем деятельности, операций. Третий подход – семиотический – понимает культуру как систему информационных кодов (знаков и символов). Коды управляют и регулируют поведение нынешних и будущих поколений [1, с. 89].

Исследователь проблем философии культуры Академик РАН В.С. Степин считает, что культура – это систе-

ма исторически развивающихся надбиологических программ жизнедеятельности [2, с. 9].

Культура обозначает специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм, в духовных ценностях и в совокупности различных отношений людей [3, с. 293].

Как видим, «культуру» можно понимать как жизнедеятельность людей, совокупность различных явлений, в которых реализован этот общественно ценный исторический опыт. Культура транслирует образцы норм, ценностей и традиций, тем самым реализует функцию стабильности социума. Владеть культурой – значит знать и уметь, вести себя соответствующим образом.

Фундаментом культуры являются различные духовные ценности, в том числе и религиозные. Каждое общество характеризуется присущей ей системой ценностей. Под религиозными ценностями мы в первую очередь понимаем веру в идеальное и сверхъестественное. Образ жизни, мировоззренческие и социальные установки с позиции религии являются религиозными ценностями. Ценностная система исторически определяется различными религиями и конфессиями. Субъектом формирования ценностной системы любого общества является религиозная организация. Религиозная организация – это общность людей, которые разделяют одинаковые образцы поведения, ценности и верования.

Культура регулирует человеческую деятельность. Понятие культуры можно считать и как особый вид духовной деятельности. Культуру разделяют по видам на материальную и духовную. К духовной культуре относятся нравственная, правовая, художественная и религиозная. Духовная культура является одной из составляющих общей культуры, она выступает противоположностью материальной. Дух – понятие нематериальное, в духе нет материи. Дух характеризуется состоянием души, ума и чувств человека.

Уровень духовной культуры может зависеть от ряда факторов. К ним можно отнести: социально-политические, экономические, образовательные, культурные и религиозные факторы. Религиозный фактор последнее время играет важную роль в российском обществе. Религия и в наши дни остается движущей силой социального развития, охватывающей все сферы жизнедеятельности человека.

В формировании духовной культуры любого общества доминирует религиозный фактор.

Чтобы осмыслить и осознать духовную субстанцию того или иного общества, недостаточно изучить материальное существование, необходимо проникнуть в сущность их религии [4, с. 89].

Духовная культура российского общества исторически складывалась под воздействием Русской православной церкви. Православие всегда было ведущим фактором формирования духовной культуры российского общества. Под воздействием православных религиозных ценностей формировался духовный мир русского человека, в основе которого присутствует традиционализм, соборность и идеализм.

Такие выдающиеся русские философы, как Н. Бердяев, И. Ильин, В. Соловьев, рассматривали истоки и сущность иррационального в духовных процессах, сакральных особенностях русской культуры [5].

Великий русский философ В. Соловьев особо выделял доминирующее значение Православной церкви в социальном развитии русского общества.

Первоосновой общества, по мнению многих русских религиозных мыслителей, является духовное начало, где

духовность считается символом русской национальной культуры, а духовные ценности – базисом социального единения России. Так, понятие соборности как специфики православного миропонимания мы встречаем в философии А.С. Хомякова и И.В. Киреевского.

Современные российские исследователи (Т.А. Берсенева, Ф.Н. Козырев, А.В. Кураев, Н.Д. Никандров, Н.Н. Никитина, Э.А. Николаев) так же обращают свое внимание на религиозные ценности как на фактор создания духовно-нравственных основ личности человека. Различные философские издания периодически публикуют материалы о проблемах духовной культуры российского общества, осмыслении важности традиционных православных ценностей для духовного развития страны [6].

В современном российском обществе в связи с возникшим духовным вакуумом значительная часть социума стала обращаться к православной христианской религии. Самой авторитетной религиозной организацией в России по праву считается Русская православная церковь.

Повседневная жизнь военнослужащих занята разнообразными интересами и потребностями, в том числе и религиозными. Церковь, взаимодействуя с государством и его вооруженными силами, занимается удовлетворением религиозных потребностей военнослужащих.

Русская православная церковь – один из самых верных и надежных союзников России. Она всегда поддерживала российскую государственность, молилась и молилась за российских военнослужащих.

Российская армия и Русская православная церковь имеют многовековую традицию сотрудничества, где лежат патриотические идеалы и любовь к Родине, беззаветное служение Отечеству, верность долгу и защита своего государства.

В военной истории России существует много примеров, где представители Церкви выступали в роли духовных лидеров. Так, Святитель митрополит Московский и преподобный Сергей Радонежский оказывали духовную и идеологическую поддержку при подготовке к Куликовской битве. В Российской империи военное православное духовенство в боевой обстановке занималось духовным окормлением солдат и офицеров царской армии, читало патриотические проповеди в храмах, ориентируя население страны в военное лихолетье. В духовных проповедях священников звучали причины, цели, задачи и смыслы войн, в которых участвовала страна. Православная церковь во все времена находилась на вершине своего служения, разделив с Россией и ее армией все тяготы и лишения.

Практически всегда за всю свою историю Россия выстраивала свою идентичность как сильная держава, опирающаяся на духовный и идеологический фундамент православия. Начиная с момента крещения Руси государственная власть совместно с Православной церковью определяет смысловую стержень российской цивилизации. Это особенно говорится в сформулированных идеях старцем Филофеем: «Москва – третий Рим» и Уваровской триаде: «Православие, самодержавие, народность». Патриотизм и любовь к Отечеству для военнослужащих являются их обязательным профессиональным качеством.

И в современной России Русская православная церковь представляет себя как духовная и идеологическая опора Вооруженных сил РФ.

В Стратегии национальной безопасности отмечается, что для предотвращения угроз национальной безопасности Российская Федерация сосредоточивает усилия на укреплении внутреннего единства российского общества и обеспечении религиозной терпимости [7].

В 2009 году Президент РФ поддержал предложение традиционных религиозных организаций о возрождения в России института военных священников, далее уже в 2010 году министр обороны РФ утвердил Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных Сил РФ [8].

Священный синод Русской православной церкви в декабре 2013 года принял Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации [9].

Основные цели и задачи данных нормативно-правовых актов – это соблюдение прав военнослужащих на свободу совести и вероисповедования, духовно-просветительская и идейно-нравственная работа в воинских подразделениях.

Военные православные священники при проведении духовно-просветительской и военно-патриотической работы формирует у военнослужащих духовные и нравственные ценности на основах православной традиции российской государственности.

Пастырские беседы и проповеди, ставшие важнейшими инструментами формирования духовности военнослужащих, нацелены на темы о едином сильном централизованном Российском государстве и особом пути развития России. Посещают по своему желанию занятия и представители других конфессий, а также военнослужащие атеисты.

В ходе занятий важное значение имеет религиозное объяснение применения военной силы. Религиозное оправдание войн и военных конфликтов ориентирует военнослужащих избежать нервных стрессов, страха перед вероятным противником, что в целом укрепляет духовный потенциал вооруженных сил. В результате своей пастырской работы в армии военное духовенство влияет на сознание военнослужащих и членов их семей, на их духовные и идеологические представления и убеждения, социально-политические взгляды и интересы, настроения и чувства.

Таким образом, у большей части военнослужащих и членов их семей, которые отождествляют себя с православием, отмечаются идеологические взгляды, ориентированные на сильное государство и его авторитет в обществе, на традиционные ценностные устои в семье и неприятие различных «нетрадиционных» новых либеральных идей и смыслов.

Военное православное духовенство в настоящий момент можно отнести к числу наиболее эффективных субъектов формирования духовной культуры военнослужащих Российской армии.

Занимаясь культурно-просветительской деятельностью, духовным окормлением своей паствы, большинство военных священников пользуется авторитетом в войсках. С приходом в воинские коллективы православного духовенства стало возможным организовывать духовное просвещение военнослужащих и членов их семей. По мнению многих командиров и начальников, деятельность военного духовенства в воинских подразделениях улучшила морально-психологическое состояние личного состава.

Православная культура имеет серьезный духовный потенциал для консолидации российских военнослужащих различных религий и конфессий на основе патриотизма, любви к своей Родине, взаимовыручки, самоотдачи и жертвенности. Характерным для православной культуры является уважительное отношение к другим религиям и конфессиям, что способствует сплочению воинских коллективов.

Духовные основы русского православия как культуuroбразующей конфессии России являются значительным фактором военной безопасности.

В то же время повышение роли Русской православной церкви в обеспечении военной безопасности требует ряда решений актуальных проблем социально-политического, правового и научно-методического уровня.

Во-первых, Россия является многонациональной и многоконфессиональной страной, где веками проживают представители других традиционных религий и конфессий, к которым, к сожалению, в вооруженных силах уделяется недостаточное внимание в области реализации религиозных прав и свобод. Данное обстоятельство может вызвать недовольство в армии представителей других конфессий, не стоит забывать и о мировоззрении военнослужащих атеистов.

Во-вторых, в условиях идеологического плюрализма возможна чрезмерная политизация верующих военнослужащих через военных священников, которые не скрывают свою политическую позицию и влияют на сознание верующих военнослужащих.

В-третьих, на данный момент существует слабая религиозно-просветительская подготовка командиров и офицеров военно-политических органов, ответственных за взаимодействие с религиозными объединениями.

В-четвертых, в результате отсутствия взвешенной вероисповедной политики в условиях национальной и конфессиональной дифференциации российских военнослужащих, возможны религиозные конфликты, которые могут иметь политические последствия. Недопущение и устранение конфликтов на этнической и конфессиональной почве – прямая обязанность командиров и начальников.

Из этого следует, что интеграция российского общества возможна только при наличии национально-государственной идеологии, где фундаментом будут служить традиционные российские ценности и моральные нормы общественного бытия. Одним из источников таких ценностей и норм необходимо считать религию, которая отвечает на многие вопросы смысла жизни человека и общества. Оздоровление общественного и государственного бытия в современных условиях невозможно без интеграции общественного сознания и мировоззрения.

Формирование и развитие духовной культуры российских военнослужащих обеспечивается и достигается не только литературными, культурологическими, историческими и другими гуманитарными знаниями, но и осмыслением и пониманием религиозных ценностей.

В настоящий момент деятельность Русской православной церкви как социального института направлена и на обеспечение военной безопасности личности, общества и государства. Следует осознать, что обеспечение военной безопасности Российской Федерации – это не только задача армии и государства, но и задача различных институтов гражданского общества, включая религиозные объединения.

Позитивное изменение в духовной культуре военнослужащих возможно только в условиях гармоничного развития защитника Отечества, который обеспечил бы военную безопасность и суверенитет России.

Духовно-нравственные основы православия как культуuroбразующей конфессии русского общества можно считать важнейшим инструментом национальной безопасности.

Таким образом, будущее русского общества зависит от того, сможет ли оно реконструировать преемственность отечественной духовной культуры, уложить в свое сознание духовные сокровища тысячелетней истории России, осознать себя преемниками отечественной культуры и ее традиционных ценностей. Рус-

ская православная церковь, занимаясь духовной миссией в вооруженных силах, развивает у военнослужащих Российской армии необходимые качества, которые формируют духовное превосходство над вероятным противником России.

Литература

1. Пивоваров, Д.В. Религия как духовная практика. Типы религиозных организаций / Д.В. Пивоваров. – СПб.: Алетейя, 2017. – 476 с.
2. Теория культуры академика В.С. Степина: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае–сентябре 2010 года. – СПб.: СПбГУП, 2010. – 112 с.
3. Горячев, А.И. Социальная философия: учебник для адъюнктов / А.И. Горячев, П.В. Петрий. – М.: ВУ, 2018. – 364 с.
4. Теория культуры академика В.С. Степина: лекции, прочитанные студентам СПбГУП в мае–сентябре 2010 года. – СПб.: СПбГУП, 2010. – 112 с.
5. Хутиева, О.А. Духовная культура современной российской молодежи: культурфилософский анализ / О.А. Хутиева. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/dukhovnaya-kultura-sovremennoirossiiskoi-molodezhi-kulturfilosofskii-analiz> (дата обращения: 26.04.2021).
6. Ногина, О.Э. Православная культура как фактор духовно-нравственного единства российского общества (на материалах Восточной Сибири) / О.Э. Ногина. – Улан-Удэ, 2015.
7. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».
8. Официальный сайт МО РФ. Положение по организации работы с верующими военнослужащими Вооруженных сил Российской Федерации. – Режим доступа: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10339831%40egNPA#txt (дата обращения: 07.04.2021).
9. Официальный сайт РПЦ. Положение о военном духовенстве Русской Православной Церкви в Российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481010.html> (дата обращения: 07.04.2021).

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AS AN INSTITUTION FOR THE FORMATION OF THE SPIRITUAL CULTURE OF RUSSIAN ARMY SERVICEMEN

Artemyev A.A.

Bauman Moscow State Technical University

The article reveals the formation of the spiritual culture of military personnel through Orthodox religious values. By analyzing the functional activities of the priests of the Russian Orthodox Church, the author came to the conclusion that the development and improvement of spiritual culture among the Russian army servicemen under certain conditions can be achieved by awareness of religious values.

Keywords: Russian Orthodox Church, Orthodoxy, army, Armed Forces of the Russian Federation, military clergy, culture, spiritual culture.

References

1. Pivovarov, D.V. Religion as a spiritual practice. Types of religious organizations / D.V. Pivovarov. – St. Petersburg: Aleteya, 2017. – 476 p.
2. The theory of culture of academician V.S. Stepin: lectures given to students of St. Petersburg State University in May–September 2010. – St. Petersburg: SPbGUP, 2010. – 112 p.
3. Goryachev, A.I. Social philosophy: a textbook for adjuncts / A.I. Goryachev, P.V. Petri. – M.: VU, 2018. – 364 p.
4. The theory of culture of academician V.S. Stepin: lectures given to students of St. Petersburg State University in May–September 2010. – St. Petersburg: SPbGUP, 2010. – 112 p.
5. Khutueva, O.A. Spiritual culture of modern Russian youth: a cultural and philosophical analysis / O.A. Khutueva. – Access mode: <http://www.dissercat.com/content/dukhovnaya-kultura-sovremennoirossiiskoi-molodezhi-kulturfilosofskii-analiz> (date of address: 04/26/2021).
6. Nogina, O.E. Orthodox culture as a factor of spiritual and moral unity of Russian society (based on materials of Eastern Siberia) / O.E. Nogina. – Ulan-Ude, 2015.
7. Decree of the President of the Russian Federation No. 683 dated 31.12.2015 «On the National Security Strategy of the Russian Federation».
8. Official website of the Ministry of Defense of the Russian Federation. Regulations on the organization of work with religious servicemen of the Armed Forces of the Russian Federation. – Access mode: https://doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10339831%40egNPA#txt (date of reference: 07.04.2021).
9. The official website of the Russian Orthodox Church. Regulations on the military clergy of the Russian Orthodox Church in the Russian Federation. – Access mode: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3481010.html> (accessed: 07.04.2021).

Дисциплинарные воинские части Вооруженных сил: история создания и перспективы существования

Бычков Петр Иванович,

к.с.н., доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований) Военного университета имени князя Александра Невского
E-mail: pbychkov64@yandex.ru

В статье дается исторический и социологический анализ функционирования дисциплинарных воинских частей в структуре Минобороны России.

Ключевые слова: Вооруженные силы, Общевоинские уставы Вооруженных Сил, институт военной службы по призыву, дисциплинарная воинская часть, осужденный военнослужащий, права, свободы и ограничения.

Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» в Вооруженных Силах Российской Федерации предусмотрены ряд форм прохождения военной службы, среди которых особое место занимает военная служба по призыву [1].

Несмотря на многочисленные разговоры об определенном «анахронизме» существования подобной формы прохождения военной службы [2] отказываться от нее руководство страны в ближайшие годы не будет [3]. Причин тут достаточно много: это и исторический опыт существования нашей армии, это и необходимость сохранения единства армии и флота, это и зарубежный опыт.

Один из ключевых вопросов организации и прохождения молодыми людьми военной службы по призыву является поддержание воинской дисциплины среди данной категории военнослужащих.

Подавляющее количество военнослужащих по призыву проявляют сознательность и достойно несут звание «российского солдата». Не за страх, а на совесть выполняют свой воинский долг. Однако встречаются и такие военнослужащие, кто недобросовестно служит, нарушает воинскую дисциплину.

В российской армии существует определенный набор мер дисциплинарного порядка в виде поощрений и взысканий, необходимый для поддержания воинской дисциплины [4]. Вместе с тем существующих мер дисциплинарного воздействия иногда бывает недостаточно, особенно это касается тех случаев, когда дисциплинарный проступок, совершенный рядовым, сержантом по призыву, граничит с уголовно-наказуемым деянием.

Одним из видов наказания военнослужащих по призыву российской армии, выходящего за рамки Общевоинского устава, является служба в дисциплинарной воинской части. У граждан России, кто каким-либо образом связан с армией и флотом (бывших и действующих военнослужащих, их родственников, знакомых) сложилась неоднозначное мнение о дисциплинарных воинских частях.

С одной стороны есть устойчивый тренд на необходимость их сохранения, как возможность дать последний шанс сохранить свое доброе имя и репутацию переступившего нормы российского законодательства молодым людям, с другой – нецелесообразность его существования, особенно при наличии гражданской исправительной системы, сопровождающимися специфическими терминами названия дисциплинарной воинской части: «дизель», «дисбат» и т.д.

Между тем, существование дисциплинарных воинских подразделений, как в России, так и за рубежом имеет свою историю [5].

Дисциплинарный воинский батальон как исправительное учреждение существует в армии Российской Федерации (а ранее в Российской империи, СССР), на протяжении более полутора столетия.

Первоначально дисциплинарные воинские части в Российской империи имели название «военно-арестантские роты и батальоны». Созданные в 1823 году, в силу своей заорганизованности и жестокости порядков, они не смогли выполнять свое основное предназначения – наставить солдата на путь исправления.

Порядки в военно-арестантских подразделениях были настолько суровы, что многие осужденные были готовы пойти на другие еще более тяжкие преступления, чтобы потом попасть на каторгу, лишь бы только не служить в подобных дисциплинарных воинских частях. Естественно, со временем, военно-арестантские роты и батальоны, как воинские организмы, не сыгравшие свою главную роль, были упразднены.

Пришедшие на смену военно-арестантских подразделений сначала военно-исправительные роты, а с 1879 года дисциплинарные батальоны окончательно сформировались в качестве исправительных учреждений для низших чинов военнослужащих российской армии. Уже в те годы были сформированы основные принципы их функционирования, многие из которых действуют в настоящее время:

- жесткие, но не жестокие по сравнению с обычными условиями воинской части условия содержания осужденных;
- время, проведенное в дисциплинарном батальоне, не засчитывалось в срок прохождения воинской службы;
- применение возможности условно-досрочного освобождения для осужденного, вставшего на путь исправления и образцово выполнявшего свой воинский долг, при этом в качестве поощрения и в наказание другим осужденным ему засчитывался срок нахождения в дисциплинарном батальоне в общий стаж военной службы.

В 1917 году, несмотря на смену исторической формации в России дисциплинарные батальоны не прекратили свое существование. Что еще раз говорит об их необходимости существования и эффективности функционирования. В советское время дисциплинарные воинские батальоны существовали практически в каждом военном округе и равных стратегических объединениях (за исключением групп советских войск, находящихся за пределами государства).

Аналогом, правда со значительными поправками и особенностями, дисциплинарных воинских батальонов в армии США являются Дисциплинарные казармы (английская транскрипция – USDB).

Как и дисциплинарные воинские батальоны, Дисциплинарные казармы предназначены для содержания осужденных военнослужащих. Дисциплинарные казармы подчинены Министерству обороны, имеют соответственно определенный штат охранников. Осужденные, как и в российских дисциплинарных батальонах, помимо участия в проведении занятий участвуют в производстве различных товаров [6].

Однако есть ряд принципиальных отличий в организации и функционировании Дисциплинарных казарм армии США и российских дисциплинарных воинских частей.

Так, если осужденные дисциплинарного батальона, это военнослужащие по призыву, и отбывающие свой срок, как правило, за преступления против личности, либо против порядка прохождения воинской службы, то осужденные Дисциплинарных казарм – это военнослужащие всех категорий, в том числе и офицеры. При этом срок их наказания может превышать более 10 лет, среди осужденных есть и те, кто приговорен к смертной казни, а виды преступлений, за которые военнослужащие были осуждены могут быть связаны с посягательством на национальную безопасность страны,

Еще одной отличительной чертой осужденных Дисциплинарных казарм является гендерный состав – с 1976 года в USDB стали отбывать срок женщины-военнослужащие.

Сама пенитенциарная система, выстроенная в США, также как и в России претерпела за годы своего существования ряд существенных изменений [7].

Как и в России, в США руководители еще в позапрошлом веке пришли к выводу о необходимости содержания осужденных военнослужащих отдельно от других граждан, по причине необходимости поддержания высокого статуса защитника государства. При этом в начале своего зарождения, как и в России в США было несколько мест заключения, которые со временем были сформированы в одной точке – в Форте Ливенворт (штат Канзас).

Сами военные исправительные учреждения несколько раз переходило из подчинения одного федерального ведомства (Министерство обороны) в другое (Министерство юстиции) и обратно.

В России также на рубеже веков неоднократно высказывались предложения о необходимости либо упразднения дисциплинарных частей, либо о передачи их ФСИН России. В США в качестве основных аргументов возвращения Дисциплинарных казарм Министерству обороны были следующие: низкий профессионализм сотрудников охраны федеральных тюрем, невозможность привлечь заключенных к производственным работам. Поскольку находящиеся на гауптвахте не приносили никакой финансовой выгоды, а затраты на их содержание были примерно такие же как и на обычного военнослужащего.

В тоже время в Дисциплинарной тюрьме было использовано ряд новшеств, или инноваций, впервые примененных в мировой пенитенциарной системе. Так, в 1889 г. было введено в практику необходимость фотографирования заключенных в целях их идентификации.

Так же, как, и дисциплинарные батальоны, Дисциплинарная тюрьма является объектом пристального внимания различных правозащитных организаций. В 2012 году USDB получили 100 процентный рейтинг среди исправительных учреждений США и были удостоены ряда наград. Проверка тремя независимыми комиссиями осуществлялась по более чем 500 критериям, таких как качество оказания психиатрической помощи, вопросы безопасности и другим аспектам, связанным с обращением с заключенными.

Крушение Советского союза не повлекло за собой исчезновение дисциплинарных воинских частей. Вместе с тем, в связи с кардинальным изменением российского законодательства в 90-ых годах прошлого века, в частности принятием Федерального закона «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» Правительство РФ 04 июня 1997 года утвердило Постановление № 669 «Об утверждении Положения о дисциплинарной воинской части».

Действующим Постановлением определены предназначение дисциплинарных воинских частей, порядок их подчиненности, функционирования, организация несения службы, условия отбывания осужденными военнослужащими наказания, их обязанности и права [8].

Важно понять, что дисциплинарные воинские части представляют собой последнее предупреждение, «красную черту» для молодого человека, некий последний шанс, который отделяет военнослужащего от реального лишения свободы. Служба в дисциплинарной воинской части хотя и не идет в зачет общего стажа, но документально нигде не афишируется. У осужденного в военном билете стоит лишь отметка «проходил военную службу в воинской части № ...». Данное обстоятельство особенно важно при трудоустройстве молодого человека на «гражданке» после завершения военной службы.

Поэтому не случайно за большинство воинских преступлений, совершенным военнослужащим, если они

не принесли существенный вред здоровью потерпевшему и не повлияли на боевую готовность воинской части, ждет такой вид наказания, как служба в дисциплинарной воинской части.

Несмотря на внушительный список статей, за который следует наказание большая часть осужденных, как правило, отбывает за следующие проступки:

- неисполнение приказа, не повлекшее тяжкие и особо тяжкие последствия;
- нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности;
- оскорбление военнослужащего;
- самовольное оставление части или места службы;
- утрата военного имущества [9].

Положения Постановления претерпели ряд изменений (последнее изменение внесено Постановлением Правительства России от 29 декабря 2020 г. № 2346). Изменения были обусловлены как общими тенденциями дальнейшей демократизации пенитенциарной системы в России, так и организационными изменениями в Вооруженных Силах. В частности, созданием новой структуры – Главного управления военной полиции Минобороны России. Именно новой структуре была передана функции конвоирования, учета осужденных военнослужащих.

Правила отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими в дисциплинарных воинских частях, конкретизированы приказом Министра обороны РФ от 20 октября 2016 г. № 680.

Вышеуказанными нормативно-правовыми актами определено, что дисциплинарные воинские части подчиняются Министерству обороны Российской Федерации. Соответственно их численность, штатная структура определяется военным ведомством. При этом штатная численность дисциплинарной воинской части не должна превышать 500 человек.

Непосредственно организационными вопросами функционирования дисциплинарных воинских частей занимается военный округ. Именно командующий военного округа представляет Министру обороны Российской Федерации место дислокации дисциплинарной воинской части. Военный округ занимается вопросами подбора персонала дисциплинарной воинской части, а также организацией всех видов обеспечения: продовольственного, вещевого, медицинского, квартирно-эксплуатационного и др. [10].

Важной особенностью дисциплинарной воинской части является ее дислокация – она размещается отдельно от других воинских частей, и вне крупных населенных пунктов. Так, из действующих в настоящее время двух дисциплинарных батальонов, один находится в поселке Мулино, Нижегородской области, второй в пригороде Читы, Забайкальского края.

Весь персонал, как военнослужащие, так и гражданские служащие проживают вне расположения дисциплинарной воинской части. Подобное размещение исключает риск захвата заложников, совершения осужденными других противоправных деяний в отношении персонала.

Сами осужденные военнослужащие проживают в казарменном помещении (солдатском общежитии). Окна и двери мест проживания осужденных оборудованы металлическими решетками. Как и в обычных воинских частях, ночью, в спальнях помещениях горит дежурное освещение (лампочка синего света).

Каждый осужденный имеет свое спальное место, прикроватную тумбочку для хранения личных вещей и гигиены. Перечень предметов, и их количество которые может иметь осужденный, определены приказом Министра обороны РФ от 20 октября 2016 г. № 680.

Питаются осужденные три раза в день. Как для персонала, так и для осужденных рацион и нормы питания одинаковы и готовятся одними и теми же поварами. Раз в неделю для осужденных организуется баня.

Распорядок дня осужденных составлен, таким образом, что фактически отсутствует свободное время. Занятия сменяются хозяйственными работами, которые опять же сменяются занятиями. Сами занятия проводятся по большинству предметов боевой подготовки: изучаются положения общевоинских уставов, проходят занятия по строевой и физической подготовке. Предусмотрены занятия с оружием. Однако оружие используется без затвора и магазина.

В целях удовлетворения культурных потребностей осужденным разрешается в выходные дни заниматься чтением книг в библиотеке, просмотром телепередач в казарменном помещении, а также заниматься художественной самодеятельностью.

Осужденным, как и обычным военнослужащим, разрешены короткие встречи с близкими родственниками. Встречи проходят в специально оборудованных комнатах, расположенных непосредственно на территории дисциплинарной воинской части. В комнатах есть столы, стулья, комплекты для чаепития: чайник, кружки, ложки и т.д.

Осужденные военнослужащие могут получать посылки и письма. Безусловно, нельзя в дисциплинарную воинскую часть отправлять скоропортящиеся продукты, спиртные напитки и наркотические средства. Увольнения для данной категории военнослужащих запрещены.

В батальоне отсутствует дискриминация по религиозному признаку, разрешается читать религиозную литературу, исповедоваться у священника. Права верующих в дисциплинарной воинской части не нарушаются.

Одинокое перемещение осужденных по территории дисциплинарной воинской части категорически запрещено. Движение на занятия, хозяйственные работы, в столовую, медицинский пункт, казарменное помещение разрешено только строем в составе отделения, либо взвода под охраной вооруженного караула.

Караульная и внутренняя служба в дисциплинарной воинской части организуется в соответствии с требованиями общевоинских уставов Вооруженных Сил. При этом осужденные военнослужащие не могут нести караульную службу, быть дежурными по подразделениям, а могут быть только дневальными, либо привлекаться в кухонные наряды в качестве рабочих.

Распорядок дня в дисциплинарной воинской части, как и в других четко расписан по часам и неукоснительно соблюдается. Однако в отличие от других воинских частей и подразделений Минобороны России, осужденные вполне на законных основаниях (предусмотрено распорядком дня) выполняют производственные работы. Командиру дисциплинарной воинской части разрешено задействовать подчиненный переменный состав на гражданских предприятиях и организациях. Все работы осужденных осуществляются с соблюдением требований Трудового кодекса Российской Федерации, т.е. охраны труда, соблюдением техники безопасности и выплаты денежного вознаграждения.

Оплата труда осужденных осуществляется следующим образом: 50% заработанных денежных средств поступает на их личный счет, а 50% идет в фонд дисциплинарной воинской части. Средства данного фонда разрешается расходовать исключительно на улучшение социально-бытовых условий личного состава, как постоянного, так и переменного.

Особое внимание в нормативно-правовых актах уделяется вопросам взаимодействию командования

дисциплинарных воинских частей и общественных организаций. Так, например, посещать дисциплинарную воинскую часть представителями средств массовой информации, либо правозащитных организаций можно исключительно с личного разрешения командира воинской части, либо по указанию командующего военного округа. Членов делегаций общественных и правозащитных организаций, представителей прессы в обязательном порядке сопровождают офицеры управления дисциплинарной воинской части. Все это делается исключительно в целях сохранения жизни и здоровья посетителей.

В случае возникновения внешних ситуаций (массового неповиновения, нападения на персонал и др.), командир дисциплинарной воинской части имеет право ввести режим особых условий. Ограничиваются права и свободы осужденных, персонал переводится на казарменное положение, усиливается караульная служба, проводятся еще ряд дополнительных мероприятий, направленных на сохранения жизни и здоровья, как персонала, так и осужденных, таким образом сохраняется управляемость дисциплинарной воинской частью.

В обязательном порядке командир дисциплинарной воинской части обо всем комплексе проводимых мероприятий докладывает своему непосредственному начальнику и информирует военную прокуратуру.

Необходимость сохранения дисциплинарных воинских частей диктуется не только исторической преемственностью, возможностью не «испортить» будущее молодым людям, переступившим закон [11], но и мнением тех людей, которые непосредственно обучают и воспитывают рядовых и сержантов по призыву, то есть офицеров.

Так, в 2019 году, в ходе проведенного опроса подавляющее большинство офицеров (87%) отметили, что дисциплинарные воинские части необходимы для Вооруженных сил и более того такие части целесообразно создать в каждом военном округе, то есть увеличить их количество (рис. 1).

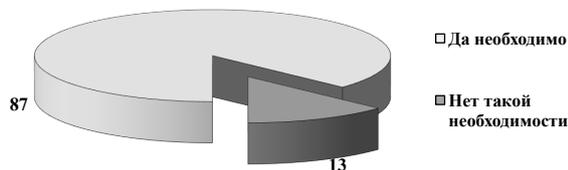

Рис. 1. Необходимость в наличии дисциплинарных воинских частей в военных округах (в %)

Лишь незначительная часть (13%) офицеров не видят необходимости в функционировании дисциплинарных воинских частях.

При этом, абсолютное большинство (75%) офицеров считают отбывание в дисциплинарной воинской части эффективным наказанием для военнослужащих, совершивших преступления.

Половина (52%) офицеров имеют твердое убеждение в эффективности отбывания наказания в дисциплинарной воинской части, а еще 23% считают, что данная мера, скорее всего, имеет положительный эффект. Не смогли определиться насколько эффективен процесс по отбыванию наказания 14% офицеров. Мнение о том, что для военнослужащих не оказывает позитивное влияние отбывание наказания в дисциплинарной воинской части, придерживается всего 11% офицеров (рис. 2).

Наряду с этим, мнение офицеров о достаточности количества дисциплинарных воинских частей в Минобороны России разделились.

Так, более половины (56%) офицеров считают, что наличие двух дисциплинарных воинских частей для Ми-

нобороны России слишком мало, для обеспечения потребностей Вооруженных сил. Не смогли четко определить о достаточности двух дисциплинарных воинских частей в структуре Минобороны России около 13% офицеров. Однако наряду с этим, каждый третий (31%) офицер выразил свою точку зрения в достаточности данного количества на численный состав Вооруженных сил (рис. 3).

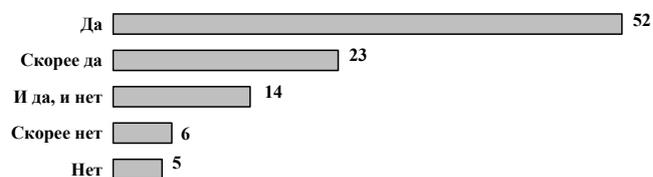

Рис. 2. Эффективность отбывания наказания в дисциплинарной воинской части (в %)

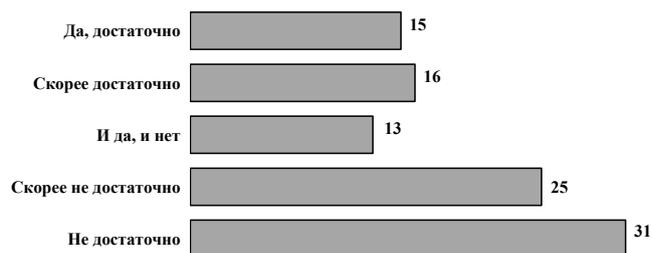

Рис. 3. Достаточность дисциплинарных воинских частей в структуре Минобороны России (в %)

Абсолютное большинство офицеров Вооруженных Сил (85%) дали однозначный ответ в том, что наличие дисциплинарных воинских частей способствует укреплению воинской дисциплины и правопорядка в подразделениях.

В сознании военнослужащих дисциплинарные воинские части ассоциируются с наказанием, связанным с лишением свободы. Офицеры указывают, что военнослужащие с большим опасением относятся к наличию такого рода воинских частей в Минобороны России. По мнению офицеров, данные дисциплинарные воинские части являются сдерживающим фактором у военнослужащих и эффективно влияют на улучшение воинской дисциплины в подразделении. Офицеры уверены, что наличие таких воинских частей играет воспитательную роль в укреплении правопорядка и воинской дисциплины.

Так, среди офицеров, считающих, что дисциплинарные воинские части необходимы 86% утвердительно заявили, что данного рода практика оказывает положительный эффект по предотвращению преступлений в воинской части. Однако 14% отметили, что положительного эффекта они не заметили при проведении практики в доведении приговоров военных судов (рис. 4).

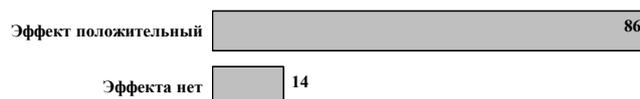

Рис. 4. Оказание положительного эффекта на военнослужащих после отбывания наказания в дисциплинарной части (в %)

Абсолютное большинство (70%) офицеров полагают, что отбывание наказания в дисциплинарных воинских частях оказало позитивное влияние на исправление осужденных военнослужащих и способствовало укреплению правопорядка и воинской дисциплины в их соединении (воинской части).

Дисциплинарные воинские части в армии, безусловно вынужденная мера, чтобы бороться с преступивши-

ми закон солдатами и сержантами по призыву, Служба в ней тяжела, но дает возможность и шанс молодому человеку встать на путь исправления. Многим удается это шанс использовать и не стать преступником, вернувшись из армии. Поэтому вопрос быть или не быть дисциплинарным воинским частям скорее риторический.

Литература

1. Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».
2. Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с отменой призыва на военную службу в мирное время». Официальный сайт ЛДПР от 26 ноября 2011 года.
3. Новости ТАСС. Встреча В.В. Путина с сотрудниками НПО «Энергомаш» 12 апреля 2019 г. [Электронный ресурс].
4. Общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации. Воениздат. – 2018 г.
5. А. Онегин. Дисбат – обратная сторона армейской жизни. – М, 2016 г.
6. Дисциплина в американских казармах. Зарубежное военное обозрение. – Воениздат, 1975. № 6.
7. Исправительная система Армии США/ЭНИ Военное право. – Воениздат, 2015. № 3.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 04 июня 1997 г. № 669 «Об утверждении Положения о дисциплинарной воинской части».
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ ст. 332–337, 339–340, 344, 348–350.
10. Приказ Министра обороны РФ от 20 октября 2016 г. № 680 «Об утверждении правил отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими».
11. А. Казаченко Шоковая дисциплина: российские дисбаты пустеют? Известия 28 апреля 2019 г. [Электронный ресурс].

DISCIPLINARY MILITARY UNITS OF THE ARMED FORCES: THE HISTORY OF CREATION AND PROSPECTS OF EXISTENCE

Bychkov P.I.

Military University nom Aleksandra Nevskogo

The article provides a historical and sociological analysis of the functioning of disciplinary military units in the structure of the Ministry of Defense of Russian Federation.

Keywords: Armed Forces, General Military regulations of the Armed Forces, institute of conscription military service, disciplinary military unit, convicted serviceman, rights, freedoms and restrictions.

References

1. Federal Law No. 53-FZ of March 28, 1998 “On Military Duty and Military Service”.
2. Draft Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Abolition of Conscription for Military Service in Peacetime.” The official website of the LDPR dated November 26, 2011.
3. TASS News. V.V. Putin’s meeting with employees of NPO Energomash on April 12, 2019 [Electronic resource].
4. General military regulations of the Armed Forces of the Russian Federation. Voениzdat. – 2018
5. A. Onegin. Disbat – the reverse side of army life. – M, 2016
6. Discipline in the American barracks. Foreign Military Review. – Voениzdat, 1975. No. 6.
7. Correctional system of the US Army/ENI Military Law. – Voениzdat, 2015. No. 3.
8. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 4, 1997 No. 669 “On approval of the Regulations on the disciplinary military unit”.
9. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ art. 332–337, 339–340, 344, 348–350.
10. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation No. 680 dated October 20, 2016. “On the approval of the rules for serving criminal sentences by convicted servicemen.”
11. A. Kazachenko Shock discipline: are Russian disbats emptying? Izvestia on April 28, 2019 [Electronic resource].

Философия управления как инструмент формирования теории менеджмента

Гусев Алексей Алексеевич,

кандидат философских наук, доцент кафедры государственной политики и управления Тверского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: gusev-ala@ranepa.ru

В статье рассматриваются основные проблемы философии управления как инструмента формирования общей теории менеджмента. Уточняется значение «философии менеджмента»: предметная область, цели, функции, алгоритм решения исследовательских задач. Определяются направления исследовательской деятельности: анализ философско-эпистемологической предпосылки управления, осмысление ценностей, коррелирующих с деятельностью руководителя, оценка управленческих подходов и действий с точки зрения этической и социальной значимости.

Методология заставляет обратиться к определению объекта и предмета в целом и перевести их требования в проблемное поле исследования – проблемам социального управления относятся: изучение природы, сущности и наиболее распространенных закономерностей управления как специфического социального явления, философия управления должна определять философские, духовные, моральные и этические ценности и социальные аспекты управления, его роль и значение в социальном прогрессе и культурном развитии, философия управления призвана стать теоретической основой для формирования методологии управления и основополагающих принципов эффективной реализации, философия управления должна определять основные пути и тенденции в характере и методах социального управления в зависимости от логики социального развития, научного и социального прогресса.

Ключевые слова: управление, социальная сфера, предметная область, методология.

Задача философии, с момента зарождения и по настоящее время – поиск устойчивого основания, эта мысль сформулированная Иммануилом Кантом в трех вопросах: Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться? – представляется как своего рода гносеологический алгоритм, каждый из вопросов – это очередной последовательный этап в познании или принятии окружающей действительности, но вместе с тем не имеющий однозначного ответа, мы можем определиться лишь с направлением конструирования реальности, путем установления новых способов получения знаний о мире, формирования нового образа мышления. В связи с этим и необходим детальный и всесторонний анализ философии управления как специфической области теоретических знаний для онтологии, гносеологии и методологии технических, биологических и социальных систем, формализующей систему философских понятий и категорий для объяснения управления, т.е. дающей возможность теоретически обосновать организационное явление и общую теорию управления.

По мнению Александра Богданова: «Часто случилось, что одна отрасль техники или познания бесплодно билась в рамках своих старых, неуклюжих методов, которые были исчерпаны, в то время как в другой области, смежной с ней новые методы существовали, но они оставались неизвестными или непонятными для нее, что бы легко решить невыносимо сложные задачи для последней» [1, с. 92], и Норберта Винера, основателя кибернетики (1948): «важные исследования задерживаются из-за того, что в данной области известны результаты, ставшие классическими, остаются неизвестными в соседнем поле» [2, с. 244].

В современной науке на эмпирическом уровне идет процесс суммирования философских объяснений для формирования общей теории управления. Имеются все признаки интенсивного формирования определенного направления, получившего соответствующую когнитивную обработку – «философия управления» или «философия менеджмента», разница, на наш взгляд, заключается в применении: первая охватывает технические, биологические и социальные системы, а вторая – только социальные.

Отечественные и зарубежные исследователи работают над наполнением содержания философии управления. Типичный подход к решению этой проблемы можно встретить в теоретическом поле социальной философии и теории управления в интерпретации П. Друкера, особенно если сравнивать ее со школой научного менеджмента, представляющей собой философию, на которую влияют идеи гуманизма, децентрализации, приоритета стратегии над структурой. Заслуга П. Друкера в том, что он попытался синтезировать достижения школ научного менеджмента и человеческих отношений, развивая подход с позиции проектного менеджмента.

По мнению П. Друкера, управление, основанное на целях и самоконтроле, следует назвать «философией управления», так как оно основано на анализе конкретных потребностей менеджмента, концепции человеческой деятельности и может быть использовано менеджером в своей практике. Одной из главных проблем для П. Друкера является идея ответственности менеджера перед обществом, которая заключается в личной

заинтересованности, достижения общественного блага. Он считает, что для гармонизации частных и общественных интересов необходима кропотливая работа, высочайшая квалификация руководителя, высокое чувство ответственности и более широкий взгляд на вопросы [5, с. 134].

Уточняя значение «философии управления» мы должны ответить на некоторые конкретизирующие вопросы, а именно: что является её предметом? Какие цели она ставит перед собой? Какие функции она имеет? Этому требует логика решения исследовательских задач. Проблема исследования предмета должна быть классифицирована как в любой из гуманитарных дисциплин, включая философию и менеджмент. Однако следует иметь в виду, что существуют разные, даже очень далекие друг от друга, а иногда и диаметрально противоположные подходы к пониманию философии и управления, определения предмета, целей и задач исследования. Наша попытка определить предмет философии управления аналогично подобным ее сегментам философского знания, например, философская антропология, философия права, философия технологии не приведет к положительному результату, так как в этих случаях мы не найдем существенных сходств предметов [8, с. 317]. Однако методология заставляет обратиться к определению объекта и предмета в целом и перевести их требования в проблемное поле исследования.

Объектом познания обычно называют то, на что направляется познавательная деятельность исследователя. Можно исследовать не только эмпирический объект (качество продукции, затраты на производство), но и теоретический (действие закона стоимости). В данном случае объект исследования следует рассматривать как организационную деятельность, как всеобъемлющее и универсальное явление управления.

По мнению авторитетных исследователей проблем социального управления В.М. Розина, В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, Д.В. Реута и т.д. [8] – его целью является, во-первых, изучение природы, сущности и наиболее распространенных закономерностей управления как специфического социального явления. Во-вторых, философия управления должна определять философские, духовные, моральные и этические ценности и социальные аспекты управления, его роль и значение в социальном прогрессе и культурном развитии. В-третьих, философия управления призвана стать теоретической основой для формирования методологии управления и основополагающих принципов эффективной реализации. Наконец, в-четвертых, философия управления должна определять основные пути и тенденции в характере и методах социального управления в зависимости от логики социального развития, научного и социального прогресса.

Итак, по приведенным выше результатам анализа можно констатировать, что идеологической и методологической составляющей является именно то, что является предметом философии менеджмента, а именно выявление природы менеджмента, изучение природы и источников генезиса и развития этого сложного явления, анализ общей структуры и присущих ей тенденций и противоречий. Это те элементы, которые формируют философскую основу для теоретического изучения любого явления, которое мы называем предметом конкретного философского знания. Если мы вернемся к предмету нашего исследования, то определим философские принципы, в отличие от метафизических, онтологических, культурных, антропологических, экзистенциальных, они создают смысловые и философские основы для формирования теории управления.

Существенной и важнейшей составляющей философии управления имеющей прикладное значение, является методология управления. Под методологией социального управления следует понимать совокупность наиболее общих принципов управленческого процесса, методов, форм и средств, с помощью которых обеспечивается и должно обеспечиваться достижение желаемой результативности. Такое качество методологии управления отвечает на вопрос, какие принципы должны лежать в основе управления, эффективности и реализации управленческих решений и действий. Иногда к проблемам философии управления и ее составляющих относится также вопрос об идеологии управления как совокупности убеждений и идей, определяющих тот или иной целостный подход к выбору структуры управления системой, политики ее реализации, а также целей, содержания и конкретных используемых методов и технологий управления. Часто в управленческой практике, а иногда и в теории, предпринимаются попытки совместить отождествление понятия идеологии управления с философией управления в целом. На наш взгляд, такое глобальное утверждение о предмете и целях философии менеджмента вполне оправдано еще и тем, что содержание техносферы и биосферы, и социосферы создает единую онтологическую субстанцию, которая находится в упорядоченной структурной форме, известной нам, как тело: техническое, биологическое и социальное. Пространство их жизни в структуре Вселенной определяет тип материала: инертное (техническое тело), живое (биологическое тело) и разумное живое (социальное тело). Именно поэтому в природе одни и те же цели достигаются различными путями

Можем ли мы рассматривать упомянутое здесь техническое, биологическое, социальное «тело» и другие свойства как субстанцию (диспозитивную) управления? Теоретически, да, если объединить их в социальное целое – социальное тело планеты. В когнитивном поле его аналогом является идея организма – глобальной социальной структуре. Таким образом, в общих чертах философия управления рассматривает методологические и идеологические основы организационных процессов в обществе и человеческих отношениях, возникающих при реализации, а так же последствия, вытекающие из их реализации. Бертран Рассел считает необходимым добавить к этому «изучение творческих философских подходов к решению конкретных управленческих проблем с помощью продуктивных и непроизводственных сфер человеческой деятельности» [6, с. 32].

Наш взгляд предмет философии управления несколько шире, так как он должен охватывать три типа контроля, объединяемых термином «кибернетика», а именно управление техническими, биологическими и социальными системами. На уровне эмпирической рефлексии это действительно может создать впечатление, что они далеки друг от друга и почти независимы. Именно поэтому мы должны найти для них интегративный фактор и заложить его в предмет философии менеджмента. Представляется, что все три системы должны иметь одну онтологическую основу и разные формы жизни, но относительное содержание организационных процессов с доступом к саморегулирующемуся уровню, на котором они вступают в тесное организационное сотрудничество. Знакомство с содержанием и формами технических, биологических и социальных систем убеждает нас в том, что это якобы три разные области с конкретными субъектами и объектами управления, логикой проектирования и структуры, принципами, инструментами, методами и этикой управления, критериями и показателями его эффективности, особенно сильно они отличаются

категориальным аппаратом, которые очень отличаются друг от друга профессиональным сленгом.

Общие контуры философии управления уже можно представить из анализа многочисленных исследований проблем управления с общих методологических позиций. Среди ее рамок, во-первых, отметим онтологию управления, ее природу как специфического социального явления. Онтология, выделяется из общих категорий, и как онтология управления отвечает на вопрос: что такое вообще явление управления, какова его значимость и роль в жизни и деятельности индивида как социального существа, пытается обеспечить функционирование различных сообществ и общества в целом, как основной формы человеческого существования и деятельности, и какова природа социального управления.

Эпистемология управления как теоретическая основа познания феномена и его закономерностей играет важную роль для познания и понимания философской природы и сущности феномена управления. Управленческая эпистемология отвечает на вопрос, в чем суть и природа феномена менеджмента, как его наиболее целесообразно исследовать, как можно понять и постичь его сущность. Эффективное управление невозможно без учета его положений, касающихся взаимосвязи субъекта и объекта в когнитивно-реформаторской деятельности и управления ими.

Логический контроль так же занимает важное место в структуре философии менеджмента. Логика в современном понимании – это наука не только о формах и методах рационального мышления или правильных суждениях, но и о формах и методах рациональной человеческой деятельности. Рациональность – это соответствие целей и мероприятий, законы деятельности и структуры самоуправления – соответствующей социальной системы. Логика управления отвечает на вопрос, каким должно быть влияние управления и как сделать его наиболее целесообразным в данной ситуации.

Важнейшим компонентом философии управления является аксиология управления как средство воздействия, которое она использует для ценностей и смыслов. В рамках общей теории природы ценностей исследуются свойства объектов и явлений, являющихся целями деятельности и управления ими и способных удовлетворять потребности и интересы личности и общества в целом.

Значимой частью структуры философии управления является этика управления, основанная на системе человеческих и профессиональных стандартов. Она отражает нравственные аспекты комплекса общественных отношений, и особенно их проявление в социальном управлении. Этика менеджмента отвечает на вопрос о том, как управленческие решения и их возможные последствия и последствия соотносятся с нормами и принципами нравственной парадигмы, принятой в обществе.

Некоторые теоретики менеджмента прямо заявляют, что производство и организация – это формы социальной жизни, мало чем отличающиеся от биологических [8]. «Конечно, – говорит Роберт Сэлмон, – что в отношении организации живого организма это ничего не доказывает, и в любом случае мы можем просто скопировать алгоритм, предложенный природой. Однако факт остается фактом: с учетом сложившихся в настоящее время тенденций доля механистической логики, основанной на рассмотрении вне контекста, многократное дублирование количественной однородности заранее фиксируется. Сегодня в свете непрерывного процесса изменения и усложнения отношений приоритетным является развитие системы видения, в основе которой лежит качественная, органичная логика. На практике это означает, что предприятие можно рассматривать как живой организм,

функционирование которого зависит от межсистемных независимых и внешних взаимодействий» [7, с. 102].

Есть четыре мощных аргумента в пользу положительного решения проблемы разработки философских принципов управления и создания интегрированной теории управления через технические, биологические и социальные системы. Первый аргумент состоит в том, что техника, личность и социальная система являются продуктом продуктивной человеческой деятельности [8]. Второй – управленческая деятельность по этим трем системам имеет один и тот же предмет – человеческую личность. Третий – в социальном теле планеты, эти процессы естественным образом интегрированы в единый органический процесс жизни планетарного сообщества. И последний – технические, биологические и социальные системы объединяются для формирования морфологии гомеостата и выполнения в нем дифференцированных функций, а вместе они обеспечивают функционирование механизма «социального тела».

Технические и социальные системы – это искусственные создания, которые принадлежат так называемой второй природе. Именно биологический человек пытается усилить свое влияние на природу, изобретает и создает технические системы. И чтобы воздействовать на общество с эгоистическим желанием завоевать его, человек установил социальные системы – социальную организацию [8].

Таким образом, технические системы и общественные организации являются продуктом деятельности человека, и поэтому вполне возможно согласовать их со свойствами Творца в теории и на практике. Гегель, например, утверждал, что «опосредование» – является нервом доказательства; это нечто только из-за того, как это отношение проявляется и где оно становится внешним, он определил «посредничество» как само равенство, которое находится в движении [3]. Таким образом, биологические системы являются системообразующими структурами не только в онтологической матрице социального мира, но и в управлении. Можно взглянуть под другим углом и увидеть другую линию: корпорация как машина, как система и организация как тело. Поэтому философия управления не конкурирует с теорией управления, поскольку она решает свои специфические вопросы.

Субъектами управления могут быть директор, управляющий, совет директоров, мэр, городской совет, начальник управления, группа проверки качества, городская торговая палата, а также любая другая группа лиц, осуществляющая управленческие действия на объекте управления. Философия управления охватывает организационные явления в самом широком контексте культурных и исторических реалий, где она находит сверхчувства. Оказывается, что цепочка смыслов и причин, которые лежат за ними, поистине бесконечна, и бессмысленно ожидать, что когда-нибудь у нас будет всеобъемлющая универсальная формула «идеальное управление», которое может удовлетворить все возрасты и абсолютно всех.

Проведя анализ состояния философии управления, мы приходим к выводу, что сегодня целесообразно рассматривать предмет философии управления как совокупность этих шести конкретных групп проблем: 1) общая философия управления, 2) условия его формирования и 3) сложность его формирования; 4) общие проблемы современной философии управления; 5) его специфические проблемы; 6) перспективы развития [8].

Общее состояние философии управления как самостоятельной отрасли философского знания и как теоретических, философских и методологических основ со-

временного научного управления социальными системами характеризуется, во-первых, публичным признанием необходимости философии управления именно с таким пониманием ее природы и назначения, во-вторых, неопределенностью ее понятийного и категориального аппарата. Для построения философии управления, с одной стороны, действуют реальные потребности социальной практики, особенно связанные с особенностями постиндустриального этапа развития человеческой цивилизации, а с другой стороны – общее развитие философской мысли и отражение современных вызовов.

Трудности формирования философии управления связаны прежде всего с отсутствием единства методологических принципов и подходов как к пониманию ее природы и объекта исследования, так и к пониманию сущности и природы феномена управления, управления социальными системами. Кроме того, существует значительное разнообразие областей и секторов социального управления, его различных целей и задач.

Общие проблемы современной философии управления обусловлены, различными философскими позициями исследователей и неопределенными подходами к изучению предмета, а так же переосмыслением роли личностных факторов в обеспечении эффективности общественного производства и необходимость разработки новой парадигмы управления и ее постепенного перехода к социально-психологическим, этическим и ценностным вопросам. К конкретным проблемам философии управления следует отнести, с одной стороны, ее зависимость от ряда факторов различной природы и характера, а с другой стороны, изменение целей и характера управления, которое происходит в результате трансформации в понимании его сущности.

Следует рассмотреть перспективы развития философии менеджмента на ближайшее будущее, в частности завершение ее структуры, концептуального и категориального аппарата и развитие методологических основ менеджмента. Философия управления может, на наш взгляд, ответить требованиям современного мира и воссоздать конкретную основу, которая сформирует общую теорию управления с когнитивными принципами. Хотя многие специалисты, профессионально работающие в области теории управления считают, что это принципиально невозможно. Наше убеждение основано на том, что оно четко определяется не только собственной теоретической работой субъекта и актуальными проблемами, но и тем, что философия управления быстро развертывает собственную систему функций. Функции философии управления – это не простая формальность, а конкретно определенный тип познавательной способности, гарантирующий конкретный продукт теоретической работы. Опосредованно через них (т.е. функцию) философия управления существенно влияет на организацию и практическую реализацию конкретных процессов управления жизнью, функционированием и дальнейшим развитием нашего общества. Благодаря профессионализму отечественных исследователей В.М. Розина, В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, Д.В. Реута и т.д. [8]. По их мнению, термин «система» состоит из следующих функций: философской, гносеологической, методологической, прогностической, аксиологической и диагностической. Стоит отметить, что авторы выделяют данный комплекс услуг для теории социального управления и не анализируют его для управления техническими и биологическими системами. Следует подчеркнуть, что хотя каждая функция философии управления имеет свое предназначение и связана с решением определенных конкретных задач в теории и практике социального управления, все

эти функции взаимосвязаны и вместе образуют целостное единство.

Одной из первых в этом сочетании функций в данной схеме следовало бы назвать идеологическую функцию. Она занимает особое место во всей структуре философии менеджмента. Содержание этой функции заключается в выявлении и объяснении с единственной научной точки зрения сущности и глубинной природы социального управления, определении его цели, внутренней структуры и фундаментальных законов, а также в выявлении взаимосвязи управления с ключевыми ценностями, устремлениями и интересами личности, социальных групп и общества в целом.

Эпистемологическая функция философии заключается в умении управлять знаниями и познанием содержания и характера отношений между субъектом и объектом социального управления в процессе реализации, предоставлять новые знания о человеческом обществе и процессе его функционирования, логике и закономерностях изменения и развития их в силу особенностей развития целей, содержания и характера управления [8].

Одна из наиболее важных и ответственных ролей возлагается на методологическую функцию философии управления. Можно непосредственно использовать принципы и требования, вытекающие из законов самоорганизации общества и каждого его соответствующие структурные или функциональные подсистемы, законы и категории философии управления для эффективного решения сложных задач в теории и практике социальных систем.

Прогностическая функция философии управления неразрывно связана с ее мировоззренческой функцией. Она состоит в выявлении возможностей, перспектив и тенденций в обществе, в научном прогнозировании и прогнозировании тенденций и характера эволюции его политической, экономической, социальной, духовной, научной, культурной, образовательной и других сфер.

Выполняя аксиологическую функцию, позволяющей философии управления учитывать результаты философского анализа феномена управления и поддержания управленческой деятельности в конкретной социальной системе для формирования своеобразной иерархии ценностей и норм общения, корпоративной культуры и других факторов, с помощью которых человек может оценивать события, явления, поведение и общее поведение (свое и других) как с точки зрения смысла жизни, жизненных ценностей и ориентаций, как с точки зрения морально-этической парадигмы социальной системы.

Поскольку главной целью социальных систем является достижение заранее определенных целей, стоящих перед каждой соответствующей системой, основным методологическим принципом, лежащим в основе выбора архитектуры системы управления и внедрения управленческих практик, должен быть целевой подход. Поэтому общая структура совокупности управленческих функций должна обеспечивать диагностику социальной системы и характера ее функционирования.

Наш вывод о содержательном единообразии технических, биологических и социальных систем приводит к идее о необходимости обоснования философских принципов управления, являющихся концептуальной основой, наряду с идеологическими, методологическими, теоретическими факторами развития общей теории управления. Философ конституирует новую организационную реальность в сознании, создает новый мир личности, обладающий атрибутивным свойством менять направление не только своих мыслей, мышления и поведения, но и направление системы, которой он управляет.

Мы рассматриваем управление как общий термин, который определяется кибернетической наукой: социальное управление – как видовое явление. Управление техническими и биологическими системами также является специфической структурой. Мы имеем в виду, что управление техническими системами сегодня все более и более аргументировано. С технологической точки зрения, социальное управление характеризуется: целями, принципами, функциями, методами, структурой, процессом социального управления и механизмом социального управления.

В соответствии с пониманием управления в «широком» и «узком» смысле существует понимание философии управления в этих значениях. Философию управления в самом широком смысле следует рассматривать как особую отрасль общей философии науки, неотъемлемую часть социальной философии, являющуюся предметом изучения природы, содержания и наиболее общих законов и закономерностей управления как чрезвычайно сложного социального явления и мощного системного инструмента обеспечения эффективного функционирования и развития любой системы, в том числе и широкой общественности, на четких философско-методологических принципах. Сочетание управления природным оборудованием и объектами, такими как группа людей, сообщество и общество, является противоречивой сущностью феномена управления. Чтобы понять это явление, недостаточно сказать, что управление обществом отличается от процессов саморегуляции и самоорганизации по своей природе.

Философию управления в узком смысле, или философию управления конкретной социальной системой (предприятием, организацией или фирмой) следует рассматривать как целостный комплекс взаимосвязанных принципов, норм и традиций, лежащих в основе корпоративной культуры организации или компании и характера диалога и обсуждения вопросов и перспектив, а также формирования психологического климата, системы межличностного общения и предпочтительного стиля руководства.

Философское основание теории формирования управления техническими, биологическими и социальными системами, это прежде всего эффективная структура философских фильтров для анализа социальных систем включает в себя оценку: онтологии управления, эпистемологии управления, логики управления, аксиологии управления, этики управления, методологии и идеологии управления. Система функций должна быть закрыта по определенному критерию или нескольким критериям, что гарантирует их целостность и работоспособность. Для нас это случай многокритериальной оценки качества управления системой: с одной стороны, это индивидуальный менеджер, который должен обладать полным спектром знаний, умений и компетенций организационного исполнения во всех трех областях: технической, биологической и социальной, с другой стороны это социальное целое, сформированное техническими, биологическими и социальными органами, и это наблюдается через экологические проблемы мирового сообщества. И, наконец, философия управления как рефлексивный процесс порождает релевантные продукты, которые ожидаемы, так как служат когнитивными принципами формирования общей теории управления техническими, биологическими и социальными системами. Мы считаем, что для нас в наиболее важных из них являются: природа философии управления, обеспечивающая адекватное восприятие управленческих отношений с их природой и целью, а также идеология изучения предметной области.

Литература

1. Богданов А.А. Тектология: всеобщая организационная наука. Издание третье, заново переработанное и дополненное. – М., 1989.
2. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. / Пер. с англ. И.В. Соловьева и Г.Н. Поварова; Под ред. Г.Н. Поварова. – 2-е издание. – М.: Наука; Главная редакция изданий для зарубежных стран, 1983. – 344 с.
3. Гегель. Феноменология Духа. Философия истории. – М.: Эксмо, 2007. – 880 с. – (Антология мысли) – ISBN978–5–699–23516–2.
4. Диев В.С. Управленческие решения: неопределенность, модели, интуиция. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. – 195 с.
5. Друкер, П. Менеджмент. Вызовы XXI века / Питер Друкер; пер. с англ. Натальи Макаровой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 256 с.
6. Рассел Б. Воздействие науки на общество / Редакция, примечания и предисл. Э.А. Араб-Оглы. Пер. с англ. В.А. Онышко.—: Изд-во иностранной литературы, 1952. – 59 с.
7. Салмон, Р. Будущее менеджмента: пер. с англ. / под ред. Е.В. Минеевой. – СПб.: Питер, 2004. – 298 с.: ил. – ISBN5–94723–738–5: Б. ц.
8. Философия управления: проблемы и стратегии / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.М. Розин. – М.: ИФРАН, 2010. – 347 с.

MANAGEMENT PHILOSOPHY AS A TOOL OF MANAGEMENT THEORY FORMATION

Gusev A.A.

Tver branch of Ranepa under the President of the Russian Federation

The article deals with the main problems of management philosophy as a tool for the formation of the General theory of management. Clarify The meaning of "philosophy of management" is clarified: the subject area, objectives, functions and algorithm of solution of research tasks. The directions of research activity are determined: analysis of philosophical and epistemological preconditions of management, understanding of the values correlating with the activities of the manager, evaluation of management approaches and actions in terms of ethical and social significance.

The methodology makes us turn to the definition of the object and the subject as a whole and translate their requirements into the problem field of research – the problems of social management include: the study of the nature, essence and most common patterns of management as a specific social phenomenon, management philosophy should determine the philosophical, spiritual, moral and ethical values and social aspects of management, its role and importance in social progress and cultural development, management philosophy is designed to become a theoretical basis for the formation of management methodology and fundamental principles of effective implementation, the philosophy of management should determine the main ways and trends in the nature and methods of social management, depending on the logic of social development, scientific and social progress.

Keywords: management, social sphere, subject area, methodology.

References

1. Bogdanov, A.A. Tectology: a universal organizational science. Third edition, newly revised and enlarged. – M., 1989.
2. Wiener. N. Cybernetics, or Control and communication in the animal and the machine. / Per. from English I.V. Solovyov and G.N. Povarov; Ed. G.N. Cookov. – 2nd edition. – M.: Science; Main edition of publications for foreign countries, 1983. – 344 p. (In Russ.)
3. Hegel. Phenomenology of the Spirit. Philosophy of history. – M.: Eksmo, 2007. – 880 p. – (Anthology of Thought) – ISBN978–5–699–23516–2. (In Russ.)

4. Diev V.S. Management decisions: uncertainty, models, intuition. – Novosibirsk: Novosib. state University Press, 2001. – 195 p. (In Russ.)
5. Drucker, P. Management. Challenges of the XXI century / Peter Drucker; per. from English Natalia Makarova. – M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2012. – 256 p. (In Russ.)
6. Russell. B. The Impact of Science on Society / Editorial, notes and forewords. E.A. Arab-Ogly. Per. from English V.A. Onyoshko.: Publishing House of Foreign Literature, 1952. – 59 p. (In Russ.)
7. Salmon, R. The Future of Management: Trans. from English / ed. E.V. Mineeva. – SPb.: Peter, 2004. – 298 p.: il. – ISBN5–94723–738–5: B. c. (In Russ.)
8. Management Philosophy: Problems and Strategies / Grew. Acad. Sciences, Institute of Philosophy; Ed. ed. V.M. Rosin. – Moscow: IFRAN, 2010. – 347 p. (In Russ.)

Риски социальной стратификации в условиях цифровизации общества

Наумова Татьяна Владимировна,

д.ф.н., доцент, профессор кафедры безопасности полетов и жизнедеятельности Московского государственного технического университета гражданской авиации
E-mail: t.naumova@mstuca.aero

Переслегин Артем Геннадьевич,

старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-политических наук Московского государственного технического университета гражданской авиации
E-mail: arclort@gmail.com

Понимание информационного общества, предложенное теоретиками постиндустриализма конца XX века, дополнено характеристиками, раскрывающими его содержание через такие аспекты как преимущественно цифровой формат информации, технологическая конвергенция разных секторов информационной индустрии, реорганизация бизнес-структур в зависимости от правообладания информационной структурой либо информационным продуктом. Обосновано, что цифровизация усугубляет тенденцию социального расслоения в зависимости от возможностей доступа к информации и способностей обращения с ней. Сформулировано понятие «социально-цифровая стратификация» и выделены ее рискогенные тенденции в ракурсе когнитивных способностей субъекта; его личностных качеств; материально-технических возможностей; индивидуальных информационно-коммуникативных компетенций; политики владельцев цифровых платформ; географических, этнических и гендерных особенностей. Сформулированы признаки цифрового неравенства в гносеологическом, аксиологическом, этическом, онтологическом, антропологическом контекстах.

Ключевые слова: информационное общество, цифровой разрыв, цифровое неравенство, социальная стратификация, социально-антропологические риски информатизации.

Информационное пространство во все исторические эпохи являлось комплексом информационных условий бытия субъекта. Томас Стоуньер более 35 лет назад об информации отзывался как особом виде социальной ценности. Любой материальный экономический объект, в котором овеществлен труд, он считал овеществленной информацией, а национальные информационные ресурсы – основной экономической ценностью общества постиндустриального типа, его наиболее существенным потенциальным источником богатства и важнейшим стратегическим ресурсом [1, с. 394]. В наши дни популярны рассуждения о значении информации в жизни общества, проблемах неконтролируемого роста ее объемов, поиске способов ее обработки, хранения и использования. В обиход вошли понятия «информационная реальность», «киберпространство», «информационный взрыв», «большие данные», «цифровизация». Собственно, современный этап исторического развития нередко именуют информационным веком, а складывающийся новый формат социальной организации – информационным обществом.

Анализ разработанных в разных странах стратегических концепций перехода к информационному обществу дает возможность к общепринятому пониманию информационного общества добавить следующие характеристики:

- информация приобретает исключительно цифровую форму, что позволяет ее беспрепятственную передачу, хранение, копирование, обработка. Появляется новое направление- мультимедийная промышленность;
- информация больше не привязана к материальным носителям, она может передаваться в любой среде различными способами, что способствует разрыву технологической конвергенции – взаимной интеграции отдельных структур информационной индустрии (компьютерная, телекоммуникационная, аудиовизуальная, средства массовой информации и т.д.);
- в ходе технологической конвергенции наблюдается активное слияние компаний с целью увеличения капиталов, повышения конкурентоспособности, завоевания рынков, в двух направлениях: компании, владеющие частями информационной инфраструктуры и компании, производящие информационный продукт с компаниями, владеющими средствами его распространения и доставки пользователю;
- либерализация законодательства, регулирующих сектора информационной индустрии, снятие ограничений на привлечение инвестиций из-за рубежа, ограничений на оказание услуг и собственности.

В любой общности людей социализация наступает только при взаимном обмене информацией, т.е. благодаря межличностным коммуникациям. Появление микропроцессорных технологий и последовавшее за этим изобретение компьютера, коренным образом повлияло на облик информационно-коммуникационной среды современного цивилизованного человечества. Она стала цифровой. Рассуждая об информационных технологиях современности, М. Кастельс в своей информационной парадигме замечет, что они предназначены для воздействия на информацию, вопреки предостережению о том,

что информация обеспечивает возможность воздействия на технологию [2]. В цифровом обществе информация создается ради информации. И становится скорее способом коммуникации, нежели генерированием новых данных. В этом причина изменений психических, физиологических, функциональных реакций человека. Беспрецедентно растут объемы и скорости информационных массивов. Темпы информатизации многократно превышают биологические возможности человека осознать и тем более усваивать неиссякаемые потоки информации. Можно утверждать, что «наблюдается явное противоречие между обществом, как интегральным производителем информации, и индивидуумом как ее потребителем» [3, с. 208]. Социумом этот феномен осознан, но пока не предложена внятная, научно-обоснованная стратегия преодоления данного противоречия, отсутствуют его концептуальные обоснования. Вместе с тем наблюдается тенденция к обострению проблемы.

Идеологи всеобъемлющей цифровизации отождествляют ее с технологическим процветанием, экономическими преимуществами, повышенным комфортом, новыми возможностями для удовлетворения потребностей; гарантируют не просто всеобщее благо, а персонализированное под индивидуальные предпочтения каждого. В общепринятом понимании типичный представитель информационного общества – это человек, имеющий постоянный доступ и свободно владеющий информационно-коммуникационными технологиями, использующий их возможности в профессиональной деятельности и повседневной жизни. Очевидно, что это перспектива не ближайшего будущего. Пока же активное внедрение цифровых технологий в сферы услуг, образования, медицины, транспорта, производства и быт сопряжено с расслоением общества, неравенством возможностей, иными словами, новым типом стратификации. Назовем ее социально-цифровой. Под социально-цифровой стратификацией мы понимаем новую форму социальной диспропорции, проявляющейся в дифференциации индивидуумов и социальных групп в зависимости от возможностей доступа и обращения с информацией, представленной в цифровом формате.

Исследовательский интерес к феномену цифрового неравенства появился в 90-х годах прошлого века, когда компьютеры, объединенные в сети, стали доступны широким слоям населения. Сначала в зарубежных, а позднее отечественных исследованиях информационно-коммуникационных проблем появился термин «цифровой разрыв» (англ. digital divide), означающий раскол, социальное отчуждение по критерию возможности использования цифровых коммуникаций. [4, с. 2; 5, с. 110]. Можно выделить несколько рискованных тенденций, обусловленных социально-цифровой стратификацией. Остановимся на некоторых социально-антропологических аспектах проблемы. Анализируя диалектическую взаимосвязь природной и социальной сторон процесса адаптации человека к изменяющемуся информационному пространству общества новой формации, Е.В. Петрова акцентирует внимание на лимитах адаптационных механизмов человека. При стремительных изменениях условий существования эти механизмы не всегда справляются, что приводит к дезадаптации. При чрезмерной информационной нагрузке у человека может сформироваться особая форма дезадаптации – информационный стресс [6, с. 79]. В исследованиях особенностей информационного общества информационный стресс выделяют в отдельную форму стресса, специфически травмирующую иммунную, сердечно-сосудистую, нервную системы [7, с. 28], а также психику, мышление, когнитивные процессы, межличностные

взаимоотношения, профессиональные способности. Еще в 2000-м году в своей книге «Информационный стресс» В.А. Бодров указывал на совокупный эффект информационного стресса, провоцирующего вегетосоматические, психофизиологические, поведенческие и проч. отклики: «Этот вид стресса можно определить как состояние чрезмерной психической напряженности с явлениями функциональной вегето-соматической и психической дезинтеграции, негативными эмоциональными переживаниями и нарушениями профессиональной работоспособности» [8]. За прошедшие десятилетия изучение информационного стресса дополнилось познаниями об адаптационных механизмах противодействия, сформулированными в понятиях «информационный серфинг», «цифровая амнезия», «клиповое мышление», «digital-сознание», означающих новые способы работы с информацией, закрепляющиеся на уровне условных рефлексов. Кутрунов В.Н. это новое явление характеризует как когнитивный сдвиг и отмечает неоднозначность данного процесса: «... если это неизбежность, то мы имеем дело с шагом эволюции...» [9]. Но если это новая данность, то перед человечеством встает необходимость в конструировании и освоении новых образовательных технологий, поскольку на каждом образовательном уровне все отчетливее выявляется растущее число неспособных к обучению по традиционным схемам. А сохраняющих такие способности становится заметно меньше. Становится очевидным, что совместное обучение представителей таких разных сообществ нецелесообразно. Однако педагогическим сообществом, которое пристально изучает подобные когнитивные деформации, пока отвечающих запросам времени образовательных технологий не предложено. В гносеологическом контексте социально-цифровой стратификации сопутствуют утрата мотивации к самообразованию, опыта логических рассуждений, способности к творческому мышлению, анализу и обобщению информации, т.е. нивелирование форм рационального познания.

Опыт стран, в которых массовое использование гаджетов началось раньше, чем в остальном мире, демонстрирует тревожную тенденцию, получившую название функциональной неграмотности. Ее появление «совпало с первыми ощутимыми шагами данных государств к переходу в информационное общество» [10]. Функционально неграмотные люди при том, что умеют бегло читать, плохо понимают прочитанный текст, не способны к написанию логически связного комментария, затрудняются выразить свою мысль внятно и информативно. По результатам исследования PIAAC (Programme for the International Assessment for Adult Competencies, 2013) выявлено, что в США и Великобритании около 30% всего обследованного взрослого населения показали низкий уровень функциональной грамотности [11]. Функционально неграмотные люди, даже имея образование, хуже справляются с должностными обязанностями. В профессиональной иерархии им недоступны карьерный рост, руководящие должности. Они не смогут подняться выше уровня примитивной деятельности, определяющего материальный статус и круг жизненных интересов. Критической, чреватой личностными драмами может стать ситуация при наличии на фоне завышенной самооценки амбиций, неадекватных индивидуальным способностям субъекта. Жизненные неудачи, крушение планов могут стать причиной отчуждения от общества. Тем же, кого информационный взрыв не травмировал и кто не утратил навыков самосовершенствования, а проявляет новые способности при работе с информацией (а по некоторым оценкам обладателей так называемого понятийного мышления уже сейчас не более 20%), предстоит

занять место «модераторов в коллективах группового мышления» [9], и спрос на них будет только расти.

Настораживают последствия цифровизации, не только связанные с нарушениями в механизмах мышления, внимания и памяти. Цифровизация упростила доступ к источникам информации, существенно увеличила их количество, многократно растративала информационные объекты, трансформировала формат подачи сведений потребителям. Е.В. Петрова справедливо утверждает, что обывателю предлагаются медиапродукты, навязывающие уже готовые образы, не стимулирующие аналитическую работу разума [12, с. 136]. В предлагаемых условиях аудитория разделяется на немногочисленную часть, которая станет затрачивать время и силы для обстоятельного изучения темы, критической экспертизы, осмысления контекстов, формирования персонального суждения, и большинство, которое будет проявлять инертность, нежелание прилагать усилия, довольствоваться предложенными воззрениями и установками. Подобная пассивность со временем чревата утратой способности к адекватной оценке не только информации как таковой, но и собственных личностных установок и поступков. Человек становится уязвимым к псевдосенсациям, рекламе и спаму. К примеру, в цифровом обществе новая книга становится бестселлером, а театральная постановка или новый кинофильм светским событием не из-за литературного качества или глубокой эстетики, а потому, что является хорошо продаваемым маркетинговым продуктом. Причем, растративанные издателем и рекламщиками в киберпространстве анонсы о событии сразу предлагают на все готовые ответы, освобождая обывателя от мыслительной и духовной работы по поиску смыслов, выстраиванию личного отношения к сюжету, от самоанализа. Аксиологический контекст социально-цифровой стратификации видится в подмене у значительной части социума индивидуальной системы ценностей навязанным мировоззрением, сокращением духовно-нравственного потенциала личности, утраты самобытности. Долгосрочные жизненные цели уступают место сиюминутным проектам по удовлетворению простимулированных обществом потребления материальных и физиологических стремлений, поскольку не требуют особых усилий на выработку цели и алгоритма ее достижения. Утрачивается способность планировать и действовать по плану, человеку становится удобно быть исполнителем чужой воли, а значит он становится зависимым и подконтрольным.

Обратимся к еще одной прогрессирующей форме социально-цифровой стратификации – зависимости от действий компаний, обеспечивающих предоставление информационно-коммуникационных сервисов. Уже сегодня большинство услуг, имеющих альтернативный формат (онлайн и офлайн), стимулируют потребителей обращаться через компьютерные сети. Например, онлайн-банкинг, онлайн-торговля обходится клиентам дешевле, чем личное посещение учреждений. Другой аспект проблемы затрагивает тех, кто полностью перевел свою деятельность или бизнес в онлайн. С проблемами сталкиваются и те, кто в силу профессиональной специфики обязан обращаться к узкоспециализированным web-продуктам, базам данных. Причем речь идет не о возможности подключения к региональным или глобальным компьютерным сетям, технически она может быть обеспечена, а именно о возможностях воспользоваться конкретными IT-сервисами. Пользователю могут отказать в доступе либо отключить от ресурса, стереть из информационного поля. А.В. Асадуллина в статье «Конкуренция между владельцами цифровых платформ в мировой экономике» такие явления называет антикон-

курентным поведением и иллюстрирует его на примере цифровых гигантов Google, Apple, Facebook и Amazon. Автор сосредотачивается на трех типах подобного поведения: возможности уничтожения ресурсов конкурента (kill zone expropriation); приобретении зарождающихся конкурентов (Acquisition of nascent rivals); отказе в доступе к данным (denial of Access of Data) [13, с. 55]. Привилегированной категорией становятся те, кто имеет доступ к таким цифровым ресурсам. Рискуют субъекты либо социальные группы, аккаунты которых в силу гражданской позиции или по иным причинам, противоречащим интересам цифровой корпорации-владельца ресурса, могут блокироваться ее модераторами. Такие пользователи лишаются коммуникативных возможностей, нередко по образному выражению М.О. Орлова «прекращают существование в качестве субъекта цифрового общества» [14, с. 157]. Впечатляющим примером подобной цифровой анафемы стала блокировка аккаунтов действующего президента США Дональда Трампа в социальных сетях в 2021 г. Этический контекст социально-цифровой стратификации проявляется в обесценивании традиционных нравственных устоев, подмене норм общественной морали узко корпоративной выгодой интересами истеблишмента, разрушении коммуникативной этики.

М.О. Орлов отмечает новый тренд в структуризации онлайн-среды – локализация по принципу информационных предпочтений. В группы объединяются по интересам. Формируется своеобразная клубность, элитарность, замкнутость, обособленность. Автор называет эти явления «разделением цифрового общества на атомарные структуры», «переходом к стратегии индивидуальной локализации» и задается вопросом о будущем человеческой социальности, всегда существовавшей в системе многомерных связей [14, с. 158].

Еще одной существенной на наш взгляд проблемой становится социальное расслоение, обусловленное финансовыми и материальными возможностями граждан. Чтобы воспользоваться благами цифровизации как минимум надо иметь современный гаджет. Бесплатный Wi-Fi в общественных местах и на транспорте не избавляет юридических и физических пользователей от необходимости оплачивать подключение к цифровым коммуникациям, для доступа к контенту определенных поставщиков цифровых услуг требуется дополнительная плата.

Во время пандемии коронавируса COVID-19 в связи с вынужденной изоляцией многие семьи, в которых кроме работающих родителей есть школьники и студенты, столкнулись с необходимостью незапланированной покупки дополнительных компьютеров, ноутбуков или планшетов. Международной корпорацией данных (IDC) было проведено исследование Worldwide Quarterly Personal Computing Device Tracker, согласно которому общий объем поставок ПК в 2021 г. вырос на 14,8% в сравнении с 2020 г. и достиг рекордных 348,8 млн единиц [15]. Рынок «умных» гаджетов также пережил существенный рост: на 6% больше смартфонов было продано в сравнении с показателями до пандемии [16]. Далеко не у всех такие возможности были. Часть обучающихся оказалась ограниченной в своих коммуникационных возможностях, что, безусловно, отразится на качестве образования, а впоследствии на индивидуальном уровне профессиональных и личностных компетенций.

Но и наличие финансовых средств для приобретения необходимых технических устройств и оплаты сетевых ресурсов не обеспечивают равные возможности. Ущемленными оказываются лица, не владеющие компьютерной грамотностью. Среди жизненно важных интересов чаще всего трудности испытывают при трудоустройстве. В.Д. Курганская и В.Ю. Дунаев отмечают, что

«на современном рынке труда значительную и неуклонно возрастающую долю составляют рабочие места, требующие той или иной степени компетентности в работе с компьютером». Соответственно, социальные группы, не имеющие таких навыков, «вытесняются на обочину социально-экономической жизни и маргинализируются» [17, с. 57]. Наиболее отчетливо такой разрыв наблюдается между молодежью и пожилыми. Традиционно владеющие богатым профессиональным опытом представители старших поколений демонстрируют недостаток информационных компетенций. В современных социологических исследованиях отмечается, что в контексте происходящей цифровизации трудовой сферы профессионализм и практические навыки старших поколений не считаются значимыми факторами производства. И уже начиная с 45-летнего возраста трудовая занятость во всех следующих возрастных группах существенно снижается [18, с. 109]. Причем, молодое поколение хуже справляется с отбором, обработкой и применением извлеченной информации, но это не мешает опережать старших по возрасту в соперничестве за рабочие места, поскольку сегодня доминируют формальные критерии – умение подключаться к нужному контенту, контактировать в онлайн среде, создавать цифровые идентичности и т.п. Известный исследователь цифрового неравенства Я. Ван Дейк причисляет навыки владения компьютерными технологиями к жизненно важным активам [20]. Это касается не только работы, но и медицинского обслуживания, образования, транспортных услуг, покупок товаров, социального взаимодействия, участия в научной, культурной, политической жизни. Информационно-коммуникационные опции дают конкурентные преимущества и повышают качество жизни одних и усиливают обездоленность и уязвимость других.

Стоит обратить внимание и на такие аспекты социально-цифровой стратификации, как расслоение по географическому, этническому и гендерному принципам. Согласно глобальному отчету компаний We Are Social и Hootsuite Digital 2020 интернетом пользуется почти 60% населения Земли, а это около 4,5 млрд человек. Однако распределены эти 60% крайне неравномерно: большая их часть приходится на развитые страны Европы – более 82% населения там имеет доступ к интернету и северной Америки, где охват населения составляет более 95%. В России процент пользователей Интернета составляет 81% населения. Из оставшихся же 40% не имеющих свободного доступа к сети Интернет (а это более 3,2 млрд человек) более миллиарда приходится на страны Южной Азии и еще 870 миллионов на страны Африки [17]. Хотя цифровизация и предполагает равное включение для всего человечества, на деле даже в цифровом пространстве существуют границы, разделяющие представителей различных стран и культур. Как пример можно привести китайский сегмент сети Интернет, где доступ к иностранным ресурсам регулируется и ограничивается правительством в целях цензуры, а внутренние ресурсы находятся под плотным контролем и подлежат обязательной регистрации. Также, несмотря на равные возможности в сфере доступа к информации и приобретении профильных знаний и навыков, в современной IT сфере наблюдается серьезный дисбаланс в пользу специалистов-мужчин (доля женщин не превышает 30%).

Социально-цифровая стратификация по критериям материально-технической обеспеченности, компьютерной грамотности, либо географическим, этническим, гендерным основаниям в антропологическом контексте демонстрирует противоречие индивидуальности и социального целого. Общество постоянно претерпевает

трансформации, под которые индивидум вынужден подстраиваться, меняя собственные мировоззренческие установки и привычки. В цифровой реальности это касается как способов коммуникации, так и самоидентификации в сетевом сообществе.

Заключение

Известные теории социальной стратификации М. Вебера, Р. Дарендорфа, К. Дейвиса, Э. Дюкрейма, Р. Коллинза, Г. Ленски, К. Маркса, У. Мура, П.А. Сорокина, и др. в цифровую эпоху дополняются новыми аспектами, обусловленными спецификой общественного развития в пространстве цифрового бытия. Осмысление рисков информационного общества представляет интерес с позиций различных областей научного знания – информатики, физиологии, социологии, теории коммуникации, биологии, этики, психологии, и становится предметом современных трансдисциплинарных исследований. На протяжении всей истории человечества появление любой технической новации обществом воспринимались неоднозначно. Всегда находились те, кто реагировал на них насторожено и даже категорически против. В историческом же ракурсе эти новшества способствовали прогрессу. В онтологическом контексте несомненно, что современные информационно-коммуникационные технологии несут неоспоримые блага и преимущества, воплощая прогнозы основоположников постиндустриализма. Однако в цифровой версии постиндустриального общества обнажается побочный эффект – формируется новый тип социального расслоения, типологическим критерием которого становится индивидуальный цифровой статус личности, его цифровой капитал. Вопреки ожиданиям всеобщего равенства возможностей, реальность демонстрирует новый тип социального неравноправия – цифровой. Определяющее значение в социальной, культурной, политической, экономической, образовательной вовлеченности человека приобретают доступность информационно-коммуникационных технологий, навыки их эффективного использования и качество обретенных возможностей. Социальная иерархия выстраивается по новым принципам. В перспективе прогнозируется обособление цифровой элиты, объединяющей не более 15% мирового населения с наивысшими доходами, уровнями образования, социальными позициями, максимальной вовлеченностью в цифровые коммуникации. Наибольшую по численности страту, 50–60% населения, представляют пользователи общедоступных сетевых приложений, преимущественно сервисно-развлекательных. Не менее 25% составят неприсоединившиеся и изгнанные из цифровой среды [20].

Достижение провозглашенных целей всеобщей цифровизации нуждается в прозрачной научно обоснованной стратегии движения в цифровое будущее, нивелирующей различия по информационно-коммуникационным компетенциям. Выявление рисков социально-цифровой стратификации, осмысление и всесторонний анализ их последствий для общества и индивидумов – один из приоритетов философии новейшего времени.

Литература

1. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 393–413.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
3. Наумова Т.В. Искусственный интеллект в экофилософском измерении // Наука. Техника. Человек:

- исторические, мировоззренческие и методологические проблемы: межвузовский сборник научных работ. Выпуск 11. – М.: МГТУ ГА, 2022. – С. 208–211.
4. Ragnedda M., Mushert G.W. Introduction // The digital divide. The Internet and social inequality in international perspective / Edited by M. Ragnedda and G.W. Muschert. – London; New York: Routledge, 2013. – P. 1–14.
 5. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2019. – Т. 19. – № 1. – С. 108–120.
 6. Петрова Е.В. Проблема диалектической взаимосвязи природного и социального аспектов адаптации человека в экосистеме информационного общества // Философия науки и техники. – 2017. – Т. 22. – № 1. – С. 78–92.
 7. Самокруева М.А., Сергалиева М.У., Ясенявская А.Л., Мажитова М.В., Теплый Д.Л., Кантемирова Б.И. Информационный стресс: причины, экспериментальные модели, влияние на организм // Астраханский медицинский журнал. – 2015. – Т. 10. – № 4. – С. 25–30.
 8. Бодров В.А. Информационный стресс. [Электронный ресурс] // URL: https://bookscafe.net/read/bodrov_vyacheslav-informacionnyy_stress-180939.html#p27 (дата обращения: 07.04.2022).
 9. Кутрунов В.Н. Логика эволюционных последствий информационного взрыва [Электронный ресурс] // URL: <https://news.utmn.ru/upload/medialibrary/412/V.N.-Kutrunov.pdf> (дата обращения: 27.02.2022)
 10. Сокологорская Д. Функциональная неграмотность [Электронный ресурс] // URL: <https://syg.ma/@daria-sokologhorskaya/funktsionalnaia-nieghramotnost> (дата обращения: 07.03.2022)
 11. Программа международной оценки компетенций взрослых (PIAAC). 2009–2013. Первые результаты [Электронный ресурс] // URL: <https://www.oecd.org/skills/piaac/> (дата обращения: 07.03.2022)
 12. Петрова Е.В. Новая информационная реальность и ее отражение в современной российской философии // Вестник РУДН. Серия Философия. – 2013. – № 1. – С. 128–137.
 13. Асадуллина А.В. Конкуренция между владельцами цифровых платформ в мировой экономике // Российский внешнеэкономический вестник. – 2020. – № 1. – С. 51–59.
 14. Орлов М.О. Многомерность цифровой среды в обществе риска // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2019. – Т. 19. – Вып. 2. – С. 155–161.
 15. Продажи персональных компьютеров в мире выросли на 14,8% в 2021 году [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/01/13/904637-prodazhi-personalnih-kompyuterov> (дата обращения: 27.05.2022).
 16. Компании спрогнозировали рекордный рост продаж «умных» гаджетов [Электронный ресурс] // Известия. URL: <https://iz.ru/1103287/2020-12-22/kompanii-sprognozirovali-rekordnyi-rost-prodazh-umnykh-gadzhetov> (дата обращения: 27.05.2022).
 17. Курганская В.Д., Дунаев В.Ю. Цифровизация как моделирующая система социальной стратификации // Социальные новации и социальные науки. – М.: ИНИОН РАН, 2021. – № 1. – С. 46–64.
 18. Сизова И.Л., Орлова Н.С. Противоречия и напряженности в занятости лиц старших возрастов в современной России // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2021. – № 1. – С. 107–119. [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-107-119> (дата обращения: 07.03.2022).
 19. Van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge, 2020. Medford: Polity Press. 208 p. [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1781916> (дата обращения: 07.03.2022).
 20. Van Dijk J. A theory of the digital divide // The digital divide. The Internet and social inequality in international perspective / Edited by M. Ragnedda and G.W. Muschert. – London; New York: Routledge, 2013. – P. 29–52.

RISKS OF SOCIAL STRATIFICATION IN CONDITIONS OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Naumova T.V., Pereslegin A.G.

Moscow State Technical University of Civil Aviation

The understanding of the information society, proposed by post-industrial theorists of the late twentieth century, is supplemented by characteristics that reveal its content through such aspects as a predominantly digital format of information, technological convergence of different sectors of the information industry, reorganization of business structures depending on the ownership of an information structure or information product. It is substantiated that digitalization exacerbates the trend of social stratification, depending on the possibilities of access to information and the ability to handle it. The concept of “socio-digital stratification” is formulated and its riskogenic tendencies are highlighted in terms of the subject’s cognitive abilities; his personal qualities; logistical capabilities; individual information and communication competencies; policies of digital platform owners; geographic, ethnic and gender characteristics. The signs of digital inequality are formulated in epistemological, axiological, ethical, ontological, anthropological contexts.

Keywords: information society, digital divide, digital inequality, social stratification, socio-anthropological risks of informatization.

References

1. Stoner T. Information wealth: profile of the post-industrial economy // New technocratic wave in the West. – М.: Progress, 1986. – P. 393–413.
2. Castells M. Information Age: Economics, Society and Culture. М.: Publishing House of State University – Higher School of Economics, 2000. – 606 p.
3. Naumova T.V. Artificial intelligence in the eco-philosophical dimension // Science. Technique. Man: historical, ideological and methodological problems: interuniversity collection of scientific papers. Iss. 11. – М.: MSTUCA, 2022. – P. 208–211.
4. Ragnedda M., Mushert G.W. Introduction // The digital divide. The Internet and social inequality in international perspective / Edited by M. Ragnedda and G.W. Muschert. – London; New York: Routledge, 2013. – pp. 1–14.
5. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Prospects for the Russian Information Society: Levels of the Digital Divide // Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series Sociology. – 2019. – V. 19. – No. 1. – P. 108–120.
6. Petrova E.V. The problem of the dialectical relationship between the natural and social aspects of human adaptation in the ecosystem of the information society // Philosophy of science and technology. – 2017. – V. 22. – No. 1. – P. 78–92.
7. Samotruева M.A., Sergalіeva M.U., Yasen'yavskaya A.L., Mazhitova M.V., Teply D.L., Kantemirova B.I. Information stress: causes, experimental models, impact on the body // Astrakhan Medical Journal. – 2015. – V. 10. – No. 4. – P. 25–30.
8. Bodrov V.A. information stress. [Electronic resource] // URL: https://bookscafe.net/read/bodrov_vyacheslav-informacionnyy_stress-180939.html#p27 (date of access: 04.07.2022).
9. Kutrunov V.N. The logic of the evolutionary consequences of the information explosion [Electronic resource] // URL: <https://news.utmn.ru/upload/medialibrary/412/V.N.-Kutrunov.pdf> (date of access: 27.02.2022).

10. Sokologorskaya D. Functional illiteracy [Electronic resource] // URL: <https://syg.ma/@daria-sokologorskaya/funktsionalnaia-nieghramotnost> (date of access: 03.07.2022).
11. Program for the International Assessment of Adult Competencies (PIAAC). 2009–2013. First results [Electronic resource] // URL: <https://www.oecd.org/skills/piaac/> (date of access: 03.07.2022).
12. Petrova E.V. New information reality and its reflection in modern Russian philosophy // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia, Philosophy series. – 2013. – No. 1. – P. 128–137.
13. Asadullina A.V. Competition between owners of digital platforms in the global economy // Russian Foreign Economic Bulletin. – 2020. – No. 1. – P. 51–59.
14. Orlov M.O. Multidimensionality of the digital environment in the risk society // Izv. Sarat. university New ser. Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2019. – V.19. Iss. 2. – P. 155–161.
15. Sales of personal computers in the world grew by 14.8% in 2021 [Electronic resource] // Vedomosti. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/01/13/904637-prodazhi-personalnih-kompyuterov> (date of access 05.27.2022).
16. Companies predicted a record growth in sales of “smart” gadgets [Electronic resource] // Vesti News. URL: <https://iz.ru/1103287/2020-12-22/kompanii-sprognozirovali-rekordnyirost-prodazh-umnykh-gadzhetov> (date of access 05.27.2022).
17. Kurganskaya V.D., Dunaev V. Yu. Digitalization as a modeling system of social stratification // Social innovations and social sciences. – Moscow: INION RAN, 2021. – No. 1. – P. 46–64.
18. Sizova I.L., Orlova N.S. Contradictions and tensions in the employment of older people in modern Russia // Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2021. № 1. P.107–119. [Electronic resource] // URL: <https://doi.org/10.33581/2521-6821-2021-1-107-119> (date of access: 03.07.2022).
19. Van Dijk J. The Digital Divide. Cambridge, 2020. Medford: Polity Press. 208 p. [Electronic resource] // URL: <https://doi.org/10.1080/1369118X.2020.1781916> (date of access: 03.07.2022).
20. Van Dijk J. A theory of the digital divide // The digital divide. The Internet and social inequality in international perspective / Ed. by M. Ragnedda and G.W. Muschert. – London; New York: Routledge, 2013. – P. 29–52.

Системность как атрибут критического мышления: проблема формирования фонового знания

Николаева Евгения Михайловна,

д.ф.н., профессор Казанского федерального университета
E-mail: kaisa1011@rambler.ru

Николаев Михаил Сергеевич,

к.ф.н., магистрант Казанского инновационного университета
E-mail: mihrutkanik@gmail.com

В качестве объекта исследования авторы рассматривают критическое мышление. В статье обосновывается идея о том, что атрибутивным признаком критического мышления является его системный характер. Системность определяется сформированностью фонового знания, в пределах которого формируются ментальные структуры. В статье предложены методические принципы, лежащие в основании процесса развития фонового знания.

Ключевые слова: критическое мышление, рефлексия, системность, фоновое знание, ментальные инструменты, дефолт-система мозга.

Критическое мышление в западной традиции, особенно в системе образования (в школе, в вузах) является нормой. Сегодня наблюдается рост числа публикаций на эту тему, – они исчисляются сотнями, свидетельством повышенного интереса с этой теме является включение критического мышления в число базовых навыков. Критическое мышление тесно связано с поведенческой экономикой, изучающей особенности влияния эмоциональных, когнитивных и социальных факторов на принятие людьми и компаниями экономических решений, а также влияние этих решений на рынок [5].

Определения, которые исследователи дают этому типу мышления очень разные, к примеру, психолог Д. Халперн понимает его как «Использование когнитивных техник и стратегий, которые увеличивают вероятность получения желаемого конечного результата» [6].

В логике критическое мышление чаще понимается как навык правильной оценки аргументов, высказанных другими и создание собственных хороших аргументов. К примеру, согласно позиции Г.В. Сориной «критическое мышление предполагает наличие навыков рефлексии относительно собственного мыслительного процесса, навыков работы с понятиями, суждениями, умозаключениями, вопросами, развитие способностей к аналитической деятельности, а также к оценке альтернативных возможностей других людей» [8, с. 98]. Известный российский специалист в области логики В.Н. Брюшинкин предлагает понимать под критическим мышлением «... последовательность умственных действий, направленную на проверку высказываний с целью выяснения их несоответствия принимаемым фактам, нормам, ценностям» [7, с. 30].

Общим местом для всех определений является указание на то, что критическое мышление в первую очередь направлено на собственное мышление, т.е. по своей природе оно рефлексивное. Оно предполагает умение ответить на вопросы: почему мы делаем то, что делаем и думаем то, что думаем?

Среди причин, которые актуализируют необходимость осмысления атрибутов критического мышления и их целенаправленного развития можно назвать следующие:

1. Проблема многообразия информации, источников, мнений, оценок. Информационный переизбыток приводит к разрывам и фрагментации знания. Возникает очень важный вопрос – как собрать знание в целостную картину? То, что мы называем информацией, в большинстве случаев, ею не является. Это скорее информационный шум или псевдоинформация. В ней представлено очень мало фактов, преимущественно фактуальная информация, которая требует оценки, оценки интерпретаций, экспертных мнений. И делать это должен сам пользователь.

2. Размывание границ авторитетов (в цифровом пространстве все авторитеты). Сегодня сложно найти обоснованное, объективное мнение, поскольку в информационном поле мы имеем дело с многообразными интересами, искажениями, подтасовками. Ответственность падает на конкретного человека, его самого, он несет на себе бремя понимания и интерпретации.

3. Прогресс когнитивных наук, довольно хорошо изучивших наши познавательные способности. Это позволило создавать различные техники манипуляций, которые становятся оружием политиков, маркетологов. На самом деле большинство наших убеждений – не наши, мы пребываем в общем информационном потоке, мы его часть. И наше сознание – это чердак со старыми вещами, зачастую ненужными. Наведение ментального порядка в собственном сознании – это деятельность, фундирующая поведение человека.

Поскольку наши убеждения (идеи) влияют на принятие решений, встает задача осознанного формирования фонового знания. Концепт «Background knowledge» представлен в работах таких авторов, как В. Гудикунст, Й. Ким, Р. Сколлон, С. Сколлон [2; 4]. Эти авторы понимают под фоновым знанием совокупность наших знаний о мире. В данной статье мы предпринимаем попытку развить данный концепт в контексте осмысления критического мышления как системного феномена.

Фоновое знание, представленное как сеть или система должно иметь узловые точки, вокруг которых происходит порождение и формируются ментальные структуры. Новые элементы (фрагменты нового знания) встраиваются в эти структуры, проходя предварительную ревизию. Фоновое знание выполняет функцию картины мира, оно позволяет видеть себя, событие, феномен в контексте общих универсальных процессов.

Важно понимать, что факты, события, цифры – это не знание, сами по себе, автономно они не работают, их необходимо встраивать в систему, в контекст. И в этой ситуации важно понимать, – кто их озвучивает, каким образом интерпретирует, чьи интересы преследует. Одни и те же факты, цифры являются основой для совершенно разных концепций, теорий, версий.

В современной ситуации для человека становятся принципиально важными три умения.

1. Читать – умение обнаруживать смыслы, «распаковывать» их, принимать участие в их рождении. Медленно, вдумчиво «ползти» по тексту. Лучше это делать в группе, где мы имеем дело с разными мировоззренческими призмами, перешагиваем границы собственного понимания/непонимания.

2. Писать текст, в котором мы формируем собственные мысли. К сожалению, сегодня мы постепенно утрачиваем культуру письма, его обучающие преимущества, они вытесняются набором текста на клавиатуре.

3. Говорить – артикулировать собственную позицию, участвовать в дискуссиях, аргументировать, обосновывать.

Умение критически мыслить завязано на отношении к информации, перечисленные навыки позволяют акцентировать внимание на том, что скрыто, оценивать свой способ мышления, восприятия, выявлять свои, проблемы мышления. Как результат, они формируют систему ментальных оснований, которая является ядром фонового знания.

Формирование фонового знания предполагает следование некоторым принципам, которые выступают в качестве методических оснований. Наиболее значимыми из них являются следующие:

1. Последовательность (порядок) фактов, событий, причин, явлений. Встречающееся мнение о том, что даты учить не надо, в итоге приводит к разрушению мира в сознании человека как упорядоченной системы. Исторические эпохи, исторические фигуры, события в науке, религии, политической сфере всегда привязаны к датам, определенным образом упорядочены и встроены в систему связей.

2. Осмысленность – выявление причинно-следственных связей, важных смысловых узлов. Понимание того, что в последовательности есть своя иерархия.

3. Концептуализация – теоретическая организация материала посредством выстраивания собственных концептуальных схем. Здесь происходит увязывание главных понятий, образующих тему. Концептуальная схема позволяет осуществить целостное теоретическое понимание объекта, обнаруживая его существенные стороны.

4. Конкретизация (часто через визуализацию) – подбор примеров, иллюстраций, небольших историй, метафор, цитат. Они аккумулируют в себе характерные особенности объекта, вносят эстетическую и эмоциональную составляющие в процесс понимания, в случае с историей способны передавать дух эпохи ее стиль.

5. Установление связи с теми событиями, современниками которых мы являемся (актуализация). Увидеть, понять, что мы являемся частью чего-то общего.

Перечисленные методические основания представляют собой ментальные инструменты. Наше взаимодействие с реальностью основано на них, мы принимаем решения, опираясь на эти инструменты, их качество определяет качество наших действий (в политике, экономике, науке, культуре, духовной жизни). В отличие от человека у животных существует непосредственная связь с миром. У человека эта связь опосредована языком и мышлением. Наши убеждения, суждения, принципы определяют наши действия. Поскольку человек – существо, объясняющее и истолковывающее, он под каждое действие подводит основание. Мы не можем что-либо делать, если не знаем зачем. Действие необходимо включить в определенный порядок, тем самым преодолеть неопределенность.

Следует отметить, что развитие фонового знания имеет биологические основания. Они в первую очередь связаны с эффективной работой дефолт-системы мозга [1; 3]. Дефолт система – это нейрофизиологический режим, запускающийся в момент, когда человек пребывает в состоянии «ничего не делаю». Это состояние оперативного покоя не связанное с решением разного рода познавательных задач, обработкой информации, концентрацией внимания на объекте. Мы просто отпускаем мозг «на прогулку», где он блуждает, и именно в этом состоянии у нас появляется возможность рефлексии социальных отношений (мы превращаем Других в интеллектуальные модели и, работая с ними, осмысливаем конфликтные эпизоды, собственные ожидания или обязательства). Именно в этом режиме человек реализует потребность в истолковании, поиске оснований – небиологическую потребность жить, понимая себя, людей, мир, через выстраивание объяснительных, истолковывающих моделей.

Дефолт система является режимом, в котором оттачиваются ментальные инструменты – умение поставить под вопрос, поколебать собственное убеждение, устроить ему проверку, обнаружить проблему и на основе этого начать научную или моральную рефлексию итогом которой должна стать коррекция, реновация убеждений, суждений, принципов. Таков генезис фонового знания, выступающего фундаментом, условием критического мышления. Но поскольку наш мозг не является многозадачным феноменом, он действует избирательно и позволяет делать что-то одно: либо усваивать информацию, либо решать внешнюю задачу, либо пребывать в режиме «блуждания» (работа дефолт-системы). Из этого следует, что в состоянии перманентной информационной включенности, характерной для современного человека,

у него не так много возможностей для запуска дефолт-системы, а значит и для формирования фонового знания. В этой связи можно говорить о необходимости ментальной гигиены как еще об одном условии фонового знания. Сознательное ограничение времени пребывания в дигитальном пространстве, потраченного на сканирование новостных лент и социальных сетей, повышает вероятность мышления, обладающего признаками рефлексивности и системности.

Литература

1. Chen A.C., Oathes D.J., Chang C., Bradley T., Zhou Z-W., Williams L.W. et al. Causal interactions between fronto-parietal central executive and default-mode networks in humans / *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2013. – vol. 110. – no. 49. – pp. 19944–19949.
2. Gudykunst W. B., Kim Y.Y. *Communication with strangers: an approach to intercultural communication*. – N. Y.: McGraw-Hill, 1997. – 442 p.
3. Raichle M.E. The Brain's Default Mode Network/ *Annual Review of Neuroscience*. – 2015. – Volume 38. – p. 433–447.
4. Scollon R., Scollon S. Wong. *Intercultural Communication: a Discourse Approach*. 2nd ed. – Maiden Mass: Blackwell, 2001. – 316 p.
5. Канеман Д. Думай медленно, решай быстро <https://kaneman.ru/wp-content/uploads/2019/08/Daniyel-Kaneman-Dumay-medlenno.-reshay-bystro-2014.pdf>. (дата обращения: 10.10.2022).
6. Халперн Д. Психология критического мышления https://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Diane-Halpern_-_Psixologiya-kriticheskogo-myshleniya_Skepdic.ru_.pdf. (дата обращения: 10.10.2022).
7. Брюшинкин В.Н. Критическое мышление и аргументация // *Критическое мышление, логика, аргументация: сборник статей*. – Калининград: Изд-во КГУ, 2003. – 175 с.
8. Сорина Г.В. Критическое мышление: история и современный статус // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. – 2003. – № 6. – С. 97–110.

SYSTEMACY AS AN ATTRIBUTE OF CRITICAL THINKING: THE PROBLEM OF FORMATION OF BACKGROUND KNOWLEDGE

Nikolaeva E.M., Nikolaev M.S.

Kazan Federal University, Kazan Innovation University

The authors consider critical thinking as an object of study. The article substantiates the idea that the attributive feature of critical thinking is its systemic nature. Systemacy is determined by the formation of background knowledge, within which mental structures are formed. The article proposes methodological principles underlying the process of development of background knowledge.

Keywords: critical thinking, reflection, consistency, background knowledge, mental tools, Default Mode Network.

References

1. Chen A.C., Oathes D.J., Chang C., Bradley T., Zhou Z-W., Williams L.W. et al. Causal interactions between fronto-parietal central executive and default-mode networks in humans / *Proceedings of the National Academy of Sciences*. – 2013. – vol. 110. – no. 49. – pp. 19944–19949.
2. Gudykunst W. V., Kim Y.Y. *Communication with strangers: an approach to intercultural communication*. – N. Y. : McGraw-Hill, 1997. – 442 rubles.
3. Raichle M.E. The Brain's Default Mode Network/ *Annual Review of Neuroscience*. – 2015. – Volume 38. – p. 433–447.
4. Scollon R., Scollon S. Wong. *Intercultural Communication: a Discourse Approach*. 2nd ed. – Maiden Mass: Blackwell, 2001. – 316 p.
5. Kaneman D. Think slowly, decide quickly <https://kaneman.ru/wp-content/uploads/2019/08/Daniyel-Kaneman-Dumay-medlenno.-reshay-bystro-2014.pdf>. (date of access: 10.10.2022).
6. Halpern D. Psychology of critical thinking https://skepdic.ru/wp-content/uploads/2013/05/Diane-Halpern_-_Psixologiya-kriticheskogo-myshleniya_Skepdic.ru_.pdf. (date of access: 10.10.2022).
7. Bryushinkin V.N. Critical thinking and argumentation // *Critical thinking, logic, argumentation: collection of articles*. – Kaliningrad: Publishing house of KSU, 2003. – 175 p.
8. Sorina G.V. Critical thinking: history and current status // *Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*. – 2003. – No. 6. – P. 97–110.

Философский анализ новых вводных в анатомии современного общества

Равочкин Никита Николаевич,

доктор философских наук, доцент кафедры педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии; доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева
E-mail: nickravochkin@mail.ru

Сергеева Ираида Анатольевна,

кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогических технологий Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии
E-mail: ideologie@mail.ru

Стенина Наталья Александровна,

кандидат технических наук, доцент, декан инженерного факультета Кузбасской государственной сельскохозяйственной академии
E-mail: steninans@kuzstu.ru

В статье осуществляется философский анализ новых вводных, оказывающих детерминационное воздействие на анатомию современного общества. Выбраны релевантные работы, посвященные комплексному осмыслению современного мира и различных сфер общественной жизни. В вводной части работы авторы актуализируют проблематику рассмотрения метаморфоз, произошедших в анатомии современного общества, обусловленные различными факторами. Подчеркивается взаимонаправленный характер сдвигов в социальных основаниях. Далее критически рассматриваются такие переменные, как расширение перечня ключевых акторов и использование электронных форм взаимодействия в различных областях общества. Авторами обоснована особая роль коммуникативной рациональности, которая переформатировала привычную систему intersubjectивных взаимодействий. Отмечена высокая роль инноваций, интерпретированных авторами в качестве генома современного мира и основания для создания саморазвивающихся социальных систем. В заключение сформулированы выводы, пополняющие современную социально-философскую мысль в аспекте определения облика современного мира, что позволяет прорисовать траектории для теоретического и прикладного изучения влияния новых вводных на анатомию современного общества в конкретных эмпирических контекстах.

Ключевые слова: современное общество, государство, власть, актор, электронные формы взаимодействия, инновация, идея.

Вопрос об анатомии современного общества представляется важным, поскольку выявление и осмысление причин и оснований формирования тех или иных процессов дает возможность определения достигаемых результатов социального развития. В целом, справедливо говорить об исторической обусловленности анатомии любого социума. Это означает наличие различных вводных как детерминант оформления структурных элементов общества, отличных от оснований формирования социальных систем в определенной ретроспективе.

Начнем с того, что одной из таких вводных полагается необходимость формирования порядка, конгруэнтного перманентно изменяющимся реалиям современной нелинейной динамики процессуального мира. Самоочевидно, что ему присущ целый интегральный ряд сложностных оснований, причин и условий как своего возникновения, так и последующего функционирования. Одновременно с этим сам факт о витальном характере оформления новых обеспечивающих реалий социального бытия также может быть истолкован в качестве детерминанты новых реалий государственного устройства с другими элементами в его анатомии взамен рудиментарных образований.

На этот счет укажем, что одним из заслуживающих внимания отправных пунктов становится выявление пределов политической власти и определении ее границ как на национальном, так и на международном уровне. С учетом комплексного подхода здесь, вероятнее всего, также следует обратиться к осмыслению источников и механизмов легитимации порядка в актуальных контекстуальных условиях его развития. Мы считаем, что именно такие ограничения способны выявить особенности создания и функционирования социальных институтов как наиболее универсальных в плане интерпретирования происходящих процессов структурных элементов современного общества. Невзирая на произошедшую в период Постмодерна децентрализацию, современные государства и властные субъекты пока еще играют главную роль в построении мирового порядка. Однако следует помнить, что они не являются единственными акторами, которые способны оказывать влияние на содержание повестки дня и определять принципы взаимодействия в системе международных отношений и специфику ее проектирования и построения. В частности, утверждается, что «в качестве одной из основных особенностей функционирования современной мировой системы выступает увеличение и многообразие не способных к управлению акторов, но способных оказать существенное влияние на процессы международных отношений, чем не отличалась ранее ни одна из существовавших миросистем» [7, с. 21]. Такие неполитические субъекты вполне справедливо маркируются в качестве «влиятельных», поскольку могут оказывать воздействие на формулирование и последующее принятие значимых для государств решений, как следствие, формирующих мировой порядок в целом. Можно смело утверждать, что активная позиция новых агентов и расширение их списка принципиальным образом повлияло на трансформации анатомии современного социума. Вообще генеральная линия расширения акторов приводит ученых к вполне закономерным идеям, заинтересованных в выявлении условий интеграции влияния неполитических субъектов

в процессы организации и преобразования современного общества.

Дальнейшая логика приводит к мысли о том, что поступательное увеличение количества таких субъектов, имеющих возможность влиять на политические формы интеракции, приводит к возрастанию энтропийного влияния, следовательно, возникает потребность в поиске новых оснований, способных обеспечивать стабильность и поддерживать устойчивость мирового порядка. Любая политическая система, в рамках которой взаимодействуют различные участники, является динамической и предполагает уникальные комбинации связей между этими субъектами. Знание особенностей баланса позволяет достичь устойчивости и качественной определенности в различных изменчивых ситуациях. При этом согласился с тем, что «степень устойчивости функционирования и эффективности мирового порядка находится в зависимости от степени его поддержки его участниками» [7, с. 21]. Такая поддержка может выражаться в самых различных формах, вне зависимости от которых стабильность миропорядка может быть достигнута между участниками.

Также мы можем говорить о том, что с учетом коммуникативной рациональности формирование новой институциональной архитектоники в анатомии современного общества ориентировано на стремление достичь консенсуса между различными субъектами. Имеет смысл ответить, что сегодня диалог – это чуть ли не определяющий фактор достижения устойчивости социальных порядков, тогда как обратные модели, олицетворяющие отклонения от норм в виде условной изолированности от коммуникаций, почти наверняка замкнут рациональность акторов на себе и повлекут ослабевание равновесных отношений, а то и потерю позиций. Описанное неминуемо повлечет за собой разворачивание в анатомии общества флуктуационных процессов и затребует качественно иные релевантные актуальным вызовам способы реагирования через построение новых форм общественной структуры. Конечно же, подобные процессы традиционно связываются с появлением ряда конфликтных ситуаций на самых различных уровнях социальных взаимодействий: местном, государственном, международном, всеобщем.

Отметим, что существует ряд известных концепций (например, идеи С. Хантингтона, А. Тойнби), которые на фундаментальном уровне определяли конфликт в качестве основания трансформации общества. Однако представители этих учений подчеркивали, что любое общество стремится к устойчивому состоянию благодаря развитию адаптивных свойств. Таким образом, стремления к построению устойчивого порядка в мировом масштабе становятся самостоятельным основанием для формирования такой анатомии современного общества, при которой максимально будут достигнуты поставленные многочисленными субъектами цели и учтены их интересы.

Отсюда принципиальным представляется такое положение дел, при котором структура современного международного социума строится на основании высокой значимости баланса сил как ведущего закона политики, ход которой все чаще продиктован случайностями. Существующие разногласия в современной международной системе подкреплены труднопрогнозируемыми симпатиями и иными чувствами, укорененными в различных социальных основаниях, оттого и достаточно серьезны, более того, правовые нормы также далеко не всегда имеют решающее значение для урегулирования конфликтных отношений. Как следствие, достижение разумного баланса позволяет сформулировать и построить современ-

ное мироустройство общества, где между структурными элементами было бы больше определенности и согласованности. Действительно, диалогическая форма взаимодействий может быть понята как альтернатива гегемонистскому подходу к формированию общественно-политических отношений, не позволяющему эффективно организовывать систему мирового порядка [12]. Приоритетной мыслится система достижения компромиссов на паритетных основаниях.

Другой значимой вводной для анатомии современного общества является феномен электронных образовательных технологий и применение различных процедур, которые позволяют сформировать конвергенцию знания. Как и выше, речь в данном случае идет о том, что сама система образования претерпевает существенные метаморфозы. Представители научного сообщества делают акцент на следующем: традиционная система образования (предполагающая по сути своей «запрограммированное» обучение), в рамках которой обучаемые всех уровней являются пассивными реципиентами заранее подготовленных и структурированных кем-то знаний все больше уходит в прошлое. В частности, утверждается, что «образовательный процесс протекает намного успешнее, когда мозг создает собственные ментальные структуры, и, наоборот, эффективность мозговой деятельности снижается, если готовые структуры ему навязывают» [1, с. 93]. На этом основании резонно полагать, что использование электронных средств в дистрибуции информации и знаний трактуется как важная и неотъемлемая составляющая современных конвергентных технологий, что придает процессам обучения экспериментальный и исследовательский характер. Следует отметить, что использование представленных форм образовательной деятельности приводит к двуединому процессу. С одной стороны, формируется комплекс методов и приемов, которые позволяют сформировать ассоциативное мышление, а также интеллектуальные и профессиональные компетенции индивидов. Использование электронных технологий также способствует формированию персональных образовательных траекторий, что предоставляет обучающемуся дополнительные ресурсы в плане адаптации к необходимым условиям. Другая сторона этой конвергенции заключается в активизации научного поиска и эффективных путей обучения с прагматических позиций. Передовые технологии дают возможность сформировать такого специалиста, который действительно будет востребован в быстро (изменяющемся) мире. При этом электронные модели обучения позволяют оперативно повысить уровень компетенций для более успешной адаптации к конкретной деятельности.

В результате такого процесса в абсолютном большинстве обществ формируются целые институты повышения квалификации, имеющие над- и международный характер, позволяя индивидам получать знания в режиме «24/7». Проблемным местом, по мнению О.Б. Иванова, представляется положение современного вузовского образования целого ряда стран, в котором, в отличие от многочисленных программ сквозного освоения компетенций, отсутствует достаточная применимость полученных знаний на практике, что усугубляется беспрецедентной интеллектуальной динамикой и быстрым устареванием информации [3]. Из этого следует, что краткосрочные курсы превращаются в фундаментальный образовательный инструмент, при помощи которого оказывается возможным обеспечение перманентной подготовленности специалистов для реагирования на актуальные вызовы времени. Значимость таких программ позволяет подвести их под категорию

институции, поскольку сам рынок образовательных услуг существенно изменился [4]. Речь идет о том, что развитие экономических связей и отношений, основанных на знаниях и их коммерциализации, предполагает необходимость адаптации организаций к условиям внешней информационной среды. Это касается, с одной стороны, совокупности методик обучения, которые бы позволили быстро и без значимых затрат увеличить интеллектуальный потенциал специалистов, а с другой – реализовать идеи преобразований экономических связей и отношений [8]. Вследствие этого анатомия современного общества изменяется в соответствии с интеллектуальным развитием мира и новыми условиями коллективного бытия.

Близкой по своей сущности вводной для анатомии современного общества можно считать и наличие электронных форм взаимодействия между участниками социальных отношений. Внедрение информационно-коммуникационных технологий требует принципиально новых подходов к решению задач взаимодействия между субъектами социальной интеракции. Этот принцип реализуется во всех сферах, начиная от межличностных контактов, к примеру, в уже обозначенном образовании, и заканчивая публичным взаимодействием с органами государственной власти. И власть, и граждане более склонны к традиционным формам отношения, однако в связи с технико-технологическим развитием и влиянием мегатрендов возможным становится взаимодействие с применением цифровых сервисов и средств на глобальном и государственном уровнях, что уже само-по-себе реформировало привычный нам тип социума. Максимально развивается система массовых гражданских инициатив, что произошло из-за возрастания количества интернет-площадок. Однако имеющиеся на сегодняшний день механизмы взаимодействия власти и гражданского общества достаточно сложны и противоречивы. Перспективной представляется задача формирования взаимодействия различных субъектов социального партнерства, которое может быть усилено за счет ресурсов медиаторов и координаторов. По этому поводу Е.Н. Пясецкая отмечает, что «современные формы взаимодействия сформировались на основе глобальной цифровизации и реформы государственного правления. Появление новых свойств общественного участия, рост его сетевого характера за счет внедрения новых технологий в интернет-среду расширяет как дальние, так и близкие контакты и взаимодействия, персонализирует участие, способствуя росту доверия и развитию навыков критического анализа» [9, с. 5].

Изменениям подвергаются сами субъекты общественных отношений, которые выступают в качестве базовых структурных элементов современного социума: субъектность в цифровой среде выражается скорее в форме коллективного субъекта гражданской идентичности и общества. Это выражается в появлении различных групп доверия, социальных сетей, некоммерческих организаций, массовых и групповых движений. Мы видим, что электронные формы образуют новые виды связей и отношений в анатомии современного общества, отражающие, по своей сути, беспрецедентные по своему характеру трансформации. Поэтому следует сказать, что технологическое перевооружение оказывает влияние не только на субъектов и отношения между ними, преобразуя их качественные характеристики.

Еще одной вводной современного общества можно обозначить инновационность, которая в принципе определяет его геном. Речь идет о том, что современный глобализирующийся социум, да еще и в общепланетарном масштабе, предполагает использование нововведений

в качестве едва ли не ключевого фактора в конкурентной борьбе между любыми субъектами, чья деятельность, без преувеличения, может относиться к любой сфере. Необходимо понимать, что сами инновации подразумевают применение многообразных интеллектуальных конструктов в сочетании с уникальными инструментами менеджмента знаний. По сути, именно инновации становятся детерминантой развития международного сотрудничества и партнерства на основании глобальных сетей и систем производства. Ведение бизнеса приобретает вид транснациональных корпораций, как известно, предполагающих витальность международного сотрудничества с партнерами или же создание офисов и производства в других государствах и (макро)регионах [10]. Отныне государству вовсе не обязательно иметь территориальных, ресурсных или человеческих преимуществ. Яркий тому пример Япония. Однако известное «японское чудо» выражает то, что инновации и подкрепленная одноименной динамикой экономика на деле становятся драйвером формирования саморазвивающихся социальных систем, имеющих совершенно иную анатомию даже в сравнении с ближайшими соседями по региону.

Инновационное знание само-по-себе совершенно другую природу, становясь всеобщим не только в магистральной глобализации, но и также в эмпирических контекстах своего воплощения. Инновации, по меткому замечанию Н.Н. Семеновской, могут быть интерпретированы и в качестве механизмов реального применения научно обоснованных и разработанных современных технологий в социальной практике [11]. Именно инновации становятся той вводной, которая предполагает использование передовых технологий и разработок для повышения эффективности в духе ресурсной прагматики.

По обозначенным причинам приобретает актуальность так называемая «инновационная политика», которая на манер лакмусовой бумажки определяет уровень развития тех или иных сфер общественной жизни. Так, в рамках экономики под этим термином понимается «совокупность национальных государственных, частных и общественных организаций и механизмов их взаимодействия, в рамках которых осуществляется деятельность по созданию, хранению и распространению новых знаний и технологий» [6, с. 37]. Разумеется, такие знания выглядят не иначе как фундамент для развития как социума в целом, так и для вполне конкретных форм intersubjectивных взаимодействий. Исследователи отмечают, что в основе национальной инновационной политики лежит интегральная система взаимных отношений между бизнесом, властью, наукой, образованием и другими стейкхолдерами [2]. Таким образом возможно преодоление редукционизма, когда инновации рассматриваются только лишь в качестве детерминанты экономики в ущерб, к примеру, трансформации научной деятельности и образования. Отметим и другой аспект взаимовлияния инноваций в сфере науки и экономики: в анатомии современного общества более приоритетной оказываются глобальные исследовательские стратегии, подкрепляющие деятельность экономических агентов взаимному ведению активности. Это приводит к тому, что сегодня именно обладающие знаниями и компетенциями индивиды совершают аргументированный и многомерно подкрепленный выбор оснований для ремоделирования тех или иных социальных, экономических, политических и любых других структурных элементов общественной системы. Обратная сторона новой социальности усматривается в том, что сосредоточение интеллектуалов, действующих в интересах определенных субъектов неминуемо приводит к дисбалансу на фоне утечки мозгов, тем самым способствуя целому ряду ри-

сков и вызовов и ослабеванию потенциала человеческого капитала в целом ряде стран и регионов [5].

Подводя итоги, можно утверждать, что анатомия современного общества изменилась под влиянием множества вводных, каждая из которых определяет в той или иной форме способы существования социальных систем и их структурных элементов. Стремление к согласованности и достижение консенсуса, основанное на включение в мировой политический процесс неполитических субъектов и институтов, трансформация системы образования и появление институтов подготовки и переподготовки, использование цифровых форм взаимодействия, формирование инновационной экономики – вот неполный перечень этих вводных. Можно говорить о том, что на современном этапе развития общественные отношения приобрели гораздо больше неповторимых оснований в сравнении с другими эпохами, которые определяют облик ключевых элементов социальности как таковой.

Литература

1. Аржановская А.В., Елтанская Е.А., Генералова Л.М. Конвергенция технологий в образовании: новая детерминанта в развитии общества // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 93–95.
2. Гронский В.А., Урусов Н.В. Инновационная политика в условиях глобализации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2012. № 6. С. 294–297.
3. Иванов О.Б. Корпоративная система подготовки и повышения квалификации кадров в крупных компаниях // <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-sistema-podgotovki-i-povysheniya-kvalifikatsii-kadrov-v-krupnyh-kompaniyah/viewer> (дата обращения – 23.08.2022)
4. Краснова Е.С., Кутузова А.В. Совершенствование системы подготовки и переподготовки кадров организации // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. Том 3. № 13. С. 803–805.
5. Латова Н.В. «Утечка умов» в системе институтов воспроизводства человеческого капитала современной России // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Журнал институциональных исследований). 2011. Том 3. № 3. С. 82–93.
6. НТР и мировая политика / Под ред. А.В. Бирюкова, А.В. Крутских. М.: МГИМО – Университет, 2010. 252 с.
7. Пинчук А.Ю. Ключевые детерминанты нового мирового порядка: проблема рациональности // Социально-политические науки. 2017. № 6. С. 20–24.
8. Погорелова Е.В., Сакова Т.Г. Переподготовка персонала на основе современных информационно-коммуникационных технологий // Наукоедение. 2015. Том 7. № 6. С. 76.
9. Пясецкая Е.Н. Развитие электронного участия как формы взаимодействия власти и субъектов гражданского общества // Политика, экономика и инновации. 2020. № 6 (35). С. 1–6.
10. Семенова Н.Н. Глобализация и открытые инновации // Наука. Инновации. Образование. 2008. Том 3. № 3. С. 8–24.
11. Семенова Н.Н. Инновационная политика в контексте глобализации // Управление наукой и наукометрия. 2009. № 8. С. 18–33.

12. Слинко А.А., Орешева Д.Р. Трансформация системы международных отношений и проблемы разоружения в эпоху глобализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Том 11. № 1. С. 75–83.

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF NEW INPUTS IN MODERN SOCIETY ANATOMY

Ravochkin N.N., Sergeeva I.A., Stenina N.A.
Kuzbass state agricultural academy

The article provides a philosophical analysis of new inputs that have a deterministic effect on the anatomy of modern society. Relevant works devoted to a comprehensive understanding of the modern world and various spheres of public life have been selected. In the introductory part of the work, the authors update the problem of considering the metamorphoses that have occurred in the anatomy of modern society, due to various factors. The mutually directed nature of shifts in social foundations is emphasized. Further, such variables as the expansion of the list of key actors and the use of electronic forms of interaction in various areas of society are critically examined. The authors substantiate the special role of communicative rationality, which reformatted the usual system of intersubjective interactions. The high role of innovations, interpreted by the authors as the genome of the modern world and the basis for the creation of self-developing social systems, is noted. In conclusion, conclusions are formulated that supplement modern socio-philosophical thought in terms of determining the image of the modern world, which allows us to draw trajectories for theoretical and applied study of the influence of new inputs on the anatomy of modern society in specific empirical contexts.

Keywords: modern society, state, power, actor, electronic forms of interaction, innovation, idea.

References

1. Arzhanovskaya A.V., Eltanskaya E.A., Generalova L.M. Convergence of technologies in education: a new determinant in the development of society // World of science, culture, education. 2020. No. 5 (84). pp. 93–95.
2. Gronsky V.A., Urusov N.V. Innovation policy in the context of globalization // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. International relationships. Political science. Regional studies. 2012. No. 6. pp. 294–297.
3. Ivanov O.B. Corporate system of training and advanced training of personnel in large companies // <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-sistema-podgotovki-i-povysheniya-kvalifikatsii-kadrov-v-krupnyh-kompaniyah/viewer> (accessed 23.08.2022)
4. Krasnova E.S., Kutuzova A.V. Improving the system of training and retraining of personnel of the organization // Actual problems of aviation and cosmonautics. 2017. Volume 3. No. 13. pp. 803–805.
5. Latova N.V. “Brain drain” in the system of institutions for the reproduction of human capital in modern Russia // JOURNAL OF INSTITUTIONAL STUDIES (Journal of Institutional Studies). 2011. Volume 3. No. 3. P. 82–93.
6. Scientific and technological revolution and world politics / Ed. A.V. Biryukova, A.V. Krutskikh. M.: MGIMO University, 2010. 252 p.
7. Pinchuk A.Y. Key determinants of the new world order: the problem of rationality // Socio-political sciences. 2017. № 6. pp. 20–24.
8. Pogorelova E.V., Sakova T.G. Retraining of personnel on the basis of modern information and communication technologies // Naukovedenie. 2015. Volume 7. No. 6. S. 76.
9. Pyasetskaya E.N. Development of e-participation as a form of interaction between authorities and subjects of civil society // Politics, Economics and Innovations. 2020. No. 6 (35). S. 1–6.
10. Semenova N.N. Globalization and open innovations // Nauka. Innovation. Education. 2008. Volume 3. No. 3. pp. 8–24.
11. Semenova N.N. Innovation policy in the context of globalization // Management of science and scientometrics. 2009. No. 8. pp. 18–33.
12. Slinko A.A., Oresheva D.R. Transformation of the system of international relations and problems of disarmament in the era of globalization // Central Russian Bulletin of Social Sciences. 2016. Volume 11. No. 1. pp. 75–83.

Рахимова Майя Вильевна,

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин заведующая кафедрой социально-гуманитарных и психолого-педагогических дисциплин Южно-Уральский государственный институт искусств имени П.И. Чайковского
E-mail: mayesta@mail.ru

Театральная природа человека есть философская проблема, требующая многоаспектного исследования. Философская антропология представляется наиболее удобной научной площадкой для анализа и характеристики «повседневной театральности» как самостоятельного феномена.

Театральность осмысливается автором как необходимый и востребованный адаптационный механизм выживания и приспособления человека к социокультурной среде.

Среди атрибутивных элементов театральности следует отметить внушение, театральное воображение, симуляцию, миметические средства выразительности, манипуляцию, игровой потенциал, представление, маскировку, опирающуюся на преобразование. Игровое преобразование не равно театральному, активно социализирующему ритуальный образ в маску. Отличие предполагается в специфике целеполагания театральное преобразования, которое прагматичнее игрового.

Человек как игрок немалозначим без игрушки, которая со временем перерождается в маску. Маска ведет человека к результату и делает это через техники сокрытия. Маскировка, без которой театральное поведение сложно представить, также помогает скрывать истинные намерения носителя. Охарактеризовать маскировку как элемент «повседневной театральности», в известной степени, задача данной работы. Среди методов следует отметить аналитический, компаративистский и герменевтический методы. Полученные результаты могут оказаться полезными в исследовании человека как комплексной философской проблемы.

Ключевые слова: театральность, театральная природа человека, повседневная театральность, представление, преобразование, маска, маскировка.

Введение

Феномен повседневной театральности представляется весьма перспективным для философского исследования, учитывая, с одной стороны, накопленный за длительный период развития культуры, эмпирический материал о спонтанных актерских техниках, проявляемых людьми в быту, а с другой стороны, в виду сформировавшейся историко-культурной дистанции, позволяющей конструктивно подойти к изучению театральности, в том числе обращаясь к историческому опыту культуры.

Несмотря на вездесущий характер и повсеместное применение человеком инструментария театральности, философского анализа феномена не хватает, знание носит отрывочный, зачастую описательный характер, в то время как необходимость многоаспектного анализа природы театрального поведения человека в быту растет.

Театральность идентифицируется автором как сложный самоорганизующийся механизм адаптации человека к внешним и внутренним вызовам; как элемент психической природы человека с ярко выраженной социальной, коммуникативной, социокультурной направленностью. Театральность тесно связана с феноменом игры, возникает из игры, но не равна игре и чаще игры востребует себя в повседневности, в социуме.

Будучи инструментом социокультурной коммуникации, повседневная театральность обладает и определенными свойствами. Театральность сложно представить вне свойств преобразования, представления, манипуляции, обмана, внушения, лжи, театральное воображение, иллюзии, игровых аспектов, притворства и маскировки. Театральное воображение, в частности, задействует элементы мимикрии, маскировки, что делает его не свободным, зависимым от принятых в общественной среде стереотипов [8, с. 160,161]. Элементы маскировки выполняют стратегические роли и служат конкретным целям носителя. Каким? Чтобы ответить, обратимся к сравнительному анализу игрового и театрального видов преобразования и характеристики маскировки как атрибутивного элемента театральности.

Театральность и игровое преобразование

Как представляется, уверенные демаркационные линии между игровым преобразованием и театральным преобразованием провести трудно. И то, и другое преобразование задействует элементы маскировки.

Маскировка предполагает определенную совокупность приемов и средств камуфлирующего порядка, вводящего противника, собеседника, «другого» в некоторое заблуждение. И в игровом поведении, и в театральном камуфлирующий аспект присутствует. Отличие же, возможно, заключается в разнице специфики целеполагания игрового и театрального видов преобразования.

Об особом таланте театральности к преобразению подробно писал Николай Евреинов в работе «Демон Театральности». Следует сразу оговорить, что понимание театральности Н. Евреиновым лишь в некоторой степени совпадает с характеристикой феномена в данном исследовании.

Николай Евреинов полагает, что театральность есть своего рода инстинкт, присущий нам от рождения. Че-

ловека – потенциальный носитель «воли к театру», и этот «театр для себя» не равен профессиональному театру, хотя и задействует спонтанно актерские техники, драматургические навыки в повседневности. Н. Евреинов пишет: «Человеку присущ инстинкт, о котором, несмотря на его неиссякаемую жизненность, ни история, ни психология, ни эстетика не говорили до сих пор ни слова. – Я имею в виду инстинкт преобразования, инстинкт противопоставления образам, принимаемым извне, образов, произвольно творимых человеком, инстинкт трансформации видимостей Природы, достаточно ясно раскрывающий свою сущность в понятии «театральность» [3, с. 43].

Этот инстинкт преобразования, с точки зрения автора книги, дарует чарующую возможность «стать другим», «делать другое», не быть собой, по большому счету даже не зная, что значит быть собой. Заранее, изначально, прежде любых размышлений о себе – уже не быть собой, быть другим, быть понарошку, на подмостках театра для себя. И если подлинный театр, театр как искусство, ставит цель найти себя, вернуться к себе, излить «самое сокровенное моего Я», то «театр для себя» радуется любой внешней и внутренней возможности избежать себя, убежать от себя, не быть собой.

Николай Евреинов не исследует адаптационный потенциал и инструментарий театральности. Он сосредотачивает внимание исключительно на радостных возможностях перманентного преобразования, даруемого театральностью. Можно предположить, что Николаю Евреинову ближе толкование театральности как игрового инстинкта, где преобразование-представление бескорыстно (в известной степени, конечно); следует определенным правилам, которые не нарушает; умеет отдаваться процессу игры, игнорируя рутинную реальность, сознательно убегая от нее. И значит, здесь речь идет скорее об игровом преобразении, нежели о преобразении театральном. А что можно сказать о театральном преобразении? Каков его потенциал?

При всей внешней несерьезности и как будто игровой форме, театральное преобразование есть составляющий элемент феномена театральности, который мыслится как мощный механизм социокультурного приспособления человека к таким же, как и он, людям. Этот механизм искусно оперирует манипулятивными техниками, поскольку они хорошо зарекомендовали себя в социальной среде.

Театральное преобразование использует возможности игрового преобразования, о котором подробно пишет Николай Евреинов, но не служит им. Если игровое «преобразование – представление» самодостаточно просто от перспективы «не быть собой», то театральное преобразование активно пользуется способностью «не быть собой», чтобы добиться конкретного результата, при котором личное приобретение и выгода важнее радости игры как таковой.

Для Николая Евреинова «в чувстве театральности, а не в утилитаризме первобытного человека надо видеть зачатки всякого искусства. Не для устрашения врагов или удобства войны продавая себе в нос рыбью кость, от которой трудно дышать и плохо видно, а для радости самоизменения» [3, с. 46]. В игровом варианте преобразования подобное целеполагание вполне возможно, но театральное преобразование зачастую ориентировано именно на «устрашение врагов» или «удобства войны», иначе в общественной среде, где хищники страшнее и изворотливее любого животного, – не выжить.

Многочисленные манипуляции с внешностью ради ее изменения, трансформации, преобразования, которым добровольно подвергает себя первобытный человек, за-

служивает «самого глубокого уважения, потому что эти «прибавления», как мудро замечает Т. Рибо (в «Психологии чувств»), при всей своей ничтожности, «послужили решительным шагом, чтобы выйти за границы природы» [9, с. 370].

Здесь нужно отметить, что, совершая свой, в известной степени, спонтанный, иррациональный «выход за границы природы», первобытный человек невольно развивал в себе драматические актерские техники, помогавшие ему тогда сохраняться. Такое преобразование служит не только радости изменения облика ради изменения. Оно помогает адаптироваться, скрываться, притворяться другим и активно задействует при этом театральные средства выразительности.

Примечательно пишет о становлении образа и о преобразении Штайн О.А. Опираясь на опыт феноменологии, автор полагает, что «исследовать образ как опыт переживаний, как заданную в сознании индивида конструкцию возможно в результате феноменологической редукции, т.е. редукции естественной установки, которая означает поворот от «психологически-опытно-научной установки к феноменологически-идеально-научной», предполагающей «исключение всех опытно-научных апперцепций и утверждений бытия и обращение к внутренне-опытно узанному» [13; 1, с. 314; 15, с. 7].

С точки зрения автора, «феноменологический» образ предстает в качестве явления опыта, переживания и сознания самого индивида, в известной степени, освобождает его от пут объективной реальности. «Гуссерлевская» созерцательность внутренней природы опыта, в свою очередь, придает «нашим словам смысл и разумное право» [2, с. 187]. Переживание, эмоция, экспрессия здесь приобретают особый вес и питательную среду, опыт опирается на «жизнь в актах сознания», познание становится возможным как метафизический переход от «вижу» к «ведаю» [15, с. 8].

Как рождается в таких условиях преобразование? Скорее всего, немаловажную роль в становлении и востребованности образа и преобразования играют факторы интерсубъективности и интенциональности. Интерсубъективность осмысливается как универсальная социальность, общее пространство всех Я-субъектов. Она указывает на внутренне присущую сознанию людей социальность, благодаря которой мир переживается человеком как общий для него и для других людей и раскрывается при помощи тезиса о «взаимности перспектив» [15, с. 8].

Образ, в известной степени, формируется при тесном контакте и переплетении душевной жизни Я и царства опыта, порождающими своего рода интерпретации представлений о самом себе и об окружающих людях. Образ предполагает своеобразный сплав удобных и понятных «другому» психологических и социокультурных паттернов, устоявшихся либо согласованных универсальной социальностью: «Мое трансцендентальное Я находится как в противопоставлении не-Я, так и во взаимодействии с не-Я – другими людьми, предметами, артефактами. Образ имеет для индивида смысл в качестве единства восприятия и опыта переживания» [15, с. 9].

Преобразование, опирающееся на единый стиль психологического общения, на негласные коммуникативные договоренности, позволяет быстро и перспективно вписывать себя, соединять «себя – образ» с «образами» других людей, составляющих универсальную социальность.

Но как действует, реализует себя преобразование и преобразенный человек в обществе? Он использует свое преобразование, представляет себя «другим» созна-

тельно. Игровое преобразование при этом преломляется о специфику «универсальной социальности»; здесь позиция «не быть собой» должна приносить практические плоды. Преобразование с помощью маскировки приобретает черты театральности, ибо ставит цель – выжить среди людей и выжать из людей нужный результат.

Театральность и игрушка

Так ли наивна игрушка, как кажется на первый взгляд? Что может связывать игрушку с феноменом театральности? Роже Кайуа обращает внимание на то, что многие игры основываются на утраченных верованиях или воспроизводят форму утративших смысл обрядов [4, с. 86], и значит, многое способны прояснить о культуре мышления и поведения человека, о его страхах, стремлении избежать невзгод и смерти зачастую при помощи магии (слова, действия).

Так, хороводы и считалки предстают как древние, вышедшие из употребления заклятья (от глаза, порчи); а салочки есть игровой способ избавиться от скверны, передав ее другому; бильбоке и юла – это тоже древние магические орудия; ярмарочный шест – способ «добраться» до небес; воздушный змей – управляемая «внешняя» душа и так далее. Мир культуры пронизан воспоминаниями о трудных временах духовной адаптации человека, и игра удивительным образом сопровождает его, вплетая себя в повседневность на разных уровнях.

Размышляя об экзистенциальной природе человека, Евгений Финк приходит к выводу, что человек во многом есть отношение (отношение к себе, вещам и миру). Он существует в пространстве и относит себя к родине и чужбине, существует во времени и относит себя к собственному прошлому, обусловлен родом и полом и относит себя к собственному полу в стыде и институциональных отношениях (брак, семья) [11, с. 386].

«Отношение» немислимо вне образов, представлений, символов, тайн, мечты. Все переплетено и созависимо в мире «кажимостей» и иллюзий повседневности. Игра, как отношение к относительному бытию человека, сопровождает виртуализацию мира человеком, проясняет ее, раскрывает человеку его самого, в том числе и благодаря игрушке.

Игрушка же, согласно Е. Финку, есть «темная, запутанная проблема». Игрушкой можно назвать и любую вещь (ракушки на берегу), которую воображение способно превратить в то, что нужно в рамках игры, и специально созданный для игровой деятельности предмет, созданный на заводе или в мастерской. Но «рождается» игрушка не благодаря промышленному производству или необычным формам объекта, а в воображении играющего, в игре и из игры, в «особом смысловом измерении». Играющая девочка живет одновременно в двух царствах: в обычной действительности и в сфере нереального, воображаемого.

В игре, с помощью виртуального мира «раскрывается сфера возможного, не связанная с течением реальных событий». И виртуальность порождает область, которая хоть и нуждается в месте и использует его, занимает пространство и время, но сама по себе не является частью реального пространства и времени: нереальное место в нереальном пространстве и времени [11, с. 348].

Мир игрушки возникает в рамках единого смыслового контекста игрового мира, где творческое порождение игрового мира – особенная продуктивность игры-представления – чаще всего имеет место в рамках коллективного действия, сыгранности игрового сообщества.

С точки зрения автора, «игровой мир» – ключевое понятие для истолкования всякой игры-представления. Этот игровой мир не заключён внутри самих людей и не является полностью независимым от их душевной жизни, подобно реальному миру плотно примыкающих друг к другу в пространстве вещей. Игровой мир – не снаружи и не внутри, он столь же вовне, в качестве ограниченного воображаемого пространства, границы которого знают и соблюдают объединившиеся игроки, сколь и внутри: в представлениях, помыслах и фантазиях самих играющих [11, с. 360].

Созидая игровой мир, играющие не остаются в стороне от своего создания. Они вступают в игровой мир и играют там определённые роли. Внутри созданного фантазией творческого проекта игрового мира играющие маскируют себя как «творцов», некоторым образом теряются в своих созданиях, погружаются в свою роль и встречаются с партнёрами по игре, которые также играют определённые роли [11, с. 348].

И вот здесь, в рамках «коллективного действия и сыгранности игрового сообщества», которые подмечает в игре Е. Финк, можно отметить и взаимную связь игры и театральности. Коллективное действие как игровое представление, выраженное в ритуале, мистической игре и пр., сначала строго подчиняется правилам игрового мира, но чем более проникается энергетикой общественной жизни, особенностям сосуществования людей, тем более теряет чистое игровое настроение и перерождается в театральное представление, лицедейство.

Театральность возникает из игры, но чаще всего требует и реализует себя в повседневности, в социуме, в определенных сложившихся в обществе ролевых пределах. Игра переплетается с театральностью, но уступает последней в одержимости реализации личного успеха любой ценой, пренебрегая правилами, например.

Кроме того, «игровой мир» и «театральный мир» роднит понимание играющими своей роли, своего статуса «играющих» в игру. Об этом говорит и Е. Финк: «Играющие Я и Я игрового мира должны различаться, хотя и составляют одно и то же лицо. Это тождество есть предпосылка для различения реальной личности и её «роли» [11, с. 361]. Игра проста, считает автор, пока остаётся игрой, и двойственна – когда выступает как действие в реальном мире и, одновременно, – в мире игровом [11, с. 384].

Когда заканчивается «игра», человек выходит из нее (из ее правил, концепции и так далее) и «возвращается» к повседневным делам. А вот «театральная игра» даже в повседневной жизни остается при человеке. Из нее трудно выйти, стать «самим собой», закончить притворяться, играть социальные роли и так далее.

Освободиться от «театрального» себя крайне проблематично, так как сама жизнь пронизана сложными переплетениями взаимодействий между людьми, формирующими многочисленные вариации «кажимостей», «видимостей», «иллюзий». Как здесь не вспомнить, что мир есть «мое представление». Мы видим сны – не сон ли наша жизнь? Есть ли мерило для различения между сновидениями и действительностью..., если жизнь и сновидение – это страницы одной книги, а действительная жизнь есть их связанное чтение [14, с. 35,56,58]?

Мы носим виртуальные миры в себе; они дробятся в нас на индивидуальные миры, которые мы мало, кому доверяем и на коллективные представления друг о друге. Евгений Финк обращает внимание, что «игровое представление не охватывает одних только играющих, закулившись в свои роли: оно соотносено и со зрителями, игровым сообществом, для которого поднят занавес. Об этом ясно свидетельствует зрелищная игра.

Зрители здесь не случайные свидетели чужой игры, они небезучастны, к ним с самого начала обращена игра, она даёт им что-то понять, привлекает в сети своих чар» [11, с. 364]. И эти уникальные возможности «игры» как экзистенциального феномена с большим успехом «использует» в своей активной повседневной деятельности «театральный человек»: очаровывает «зрителей», привлекает в сети своих чар, но не ради наслаждения очарованием игры, а ища и добываясь от людей конкретного результата (личного успеха, сокрытия истины, презентации и др.); с помощью игрушки или без нее, облакаясь в личину стереотипных моделей поведения или прячась за маской.

Театральность и маскировка

С древнейших времен и первых ритуалов маска становится верным свидетелем важных свершений и ритуалов племени, сопровождает, в частности, колдуна и служит ему. И лишь по истечении времени, с опорой на развитие обыденных театральных техник, маска колдуна уступает место театральной маске, повседневной маске.

В архаическом обществе маска играет важную роль в процессе исторического становления социальной реальности и культуры. Определение маски как «личины в прямом и переносном значении, накладной рожи; притворства, двоедушия» подходит к архаическому обществу только в смысле «накладная рожа», но не в смысле «притворство» [10, с. 381]. В этом смысле архаическая маска только лишь «предчувствует» потенциал «двоедушного притворства», которым станет активно пользоваться социальная маска в будущем.

«Путь масок», согласно К. Леви-Строссу, невозможен без маски как «сообщения» (социального, религиозного, культурного): «для того, чтобы индивидуальность противопоставлялась индивидуальности другой маски, необходимо и достаточно, чтобы доминировало одно и то же отношение между сообщением, которое в той же либо в соседней культуре должна передавать другая маска» [5, с. 25]. С помощью подобных «сообщений» передавалась «уточняющая» информация о личном, статусном, имущественном, семейном и так далее положении (например, с помощью татуажа) [6, с. 87]. Упорядоченные различия способствовали становлению порядка и социальной реальности. Ритуал и обряд помогали формировать социальный мир. Со временем обряд приобретал второстепенный, утилитарный смысл, проникая во все сферы деятельности человека. Вместе с социализацией обряда и ритуала происходила и трансформация назначения маски, когда из ритуальной, сакральной, подлинной игровой она становилась социально-ориентированной, прагматичной, театральной (в смысле «двоедушно притворной»).

Примечателен факт, что маски всегда изготавливаются втайне, а после их использования их уничтожают или прячут. Маски всемогущи, ведь они «превращают» участников обряда в Богов, Духов, Прародителей, во всевозможные сверхъестественные силы [4, с. 108].

С таким же успехом, спустя многие лета, уже ролевые и социальные маски превращают людей (на короткий либо длинный временной промежуток) в представителей тех или иных классов, убеждений, настроений и намерений. Прирастая к человеку, маски с успехом заменяют человеку его идентичность, его содержательный потенциал. Игнорировать феномен маски опасно, осуждать, – тем более. Разве вообще возможна жизнь вне масок?

Вспомним, что с самых первых шагов историко-культурного развития человек испытывал самые раз-

нообразные вариации страха, как за свою жизнь, так и за жизнь сородичей, племени. Причин для переживаний, безусловно, хватало: начиная от внешних угроз неприспособленного для проживания мира и заканчивая трудностями социокультурной коммуникации, для которой только-только формировался столь необходимый ценностный и мировоззренческий пласт культуры. Конечно, пребывая в состоянии перманентного вызова, борясь за выживание, древний человек искал возможности и убегаания от них, маскировки. Холод, голод, призраки, – все это вторжение сил, которых человек опасался и над которыми, как он полагал, у него нет власти.

Что можно предпринять в таком случае, как не маскировку? И человек делает это, притворяется «духом», «богом» и так далее, с помощью подручных средств, разумеется, одним из которых и является маска.

Опасность же заключается не в самом факте изготовления и ношения маски, а в формирующейся в сознании исподволь вере в силу маски, а затем и в свою силу с маской вместо лица, когда «я» уже не «я», но кто-то иной, другой, представитель могущественного клана, либо стихии.

Читаем у Роже Кайуа: «и тогда он сам временно воплощает в себе эти пугающие силы, имитирует их, отождествляет себя с ними, и вскоре, обезумев, в своем бреде и впрямь считает себя богом, которым до тех пор лишь пытался притворяться с помощью тщательного и убогого маскарада. Ситуация выворачивается наизнанку: он сам пугает других, он сам стал грозной и нечеловеческой силой. Ему достаточно для этого надеть себе на лицо им же изготовленную маску, облачиться в костюм, им же сшитый по предполагаемому образу чтимого им существа и своего страха перед ним...» [4, с. 108].

Роже Кайуа характеризует данную ситуацию как «торжество притворства» и обращает внимание на предполагаемые негативные последствия увлеченностью маской. В частности, он пишет о неминуемом перерастании симуляции в одержимость, которая, в отличие от симуляции, уже не является притворной. Человек верит в пережитый опыт, который «подарила» маска. Не все, конечно, так радужно и оптимистично, как хотелось бы, так как «после вызванного ею бреда и неистовства лицедей вновь приходит в сознание, подавленный и изнуренный, сохраняя лишь смутно-неясное воспоминание о том, что происходило в нем самом без его осознанного участия» [4, с. 108].

Можно выделить несколько моментов, примечательных для анализа влияния маски на поведение и сознание человека. Это и опьянение головокружением, и понимание, что сородичи, наблюдавшие и соблюдавшие ритуал, – это и сообщники, и свидетели исступленного неистовства, порожденного, подаренной маской свободой. Маски объединяют, они и есть подлинные социальные узы, как смело подмечает Роже Кайуа.

При этом игровой момент сохраняется и востребуется. Например, женщины знают о конкретных сородичах, прячущихся под страшными таинственными масками при ритуале, но при этом женщины демонстративно пугаются, когда нужно пугаться маски, выражают ужас и страх, когда этого требуют обстоятельства ритуала и так далее. Это выражение страха отчасти совершенно стихийно и неподдельно, отчасти всего лишь традиционная обязанность. Так полагается делать. Женщины словно бы выступают фигурантами этого спектакля и точно знают, что им нельзя нарушать принятые правила и портить игру [12, с. 47, 48].

Чтобы подпитывать и поддерживать иллюзию связи с потусторонним миром, люди помогают себе вполне земными средствами, весьма далекими от горнего мира

и скорее напоминающими элементы театрального искусства, спецэффекты и так далее [4, с. 109]. Все, что позволяет добиться нужного религиозного, политического эффекта, одним словом.

Как представляется, ритуальная маска помогает достигать конкретного результата, будь то сбережение от внешней угрозы, изгнание злой силы; либо повышение социального статуса, навязывание, продвижение определенной личностно-ориентированной позиции. Путь к результату (осознанный либо спонтанный) лежит, в любом случае, через сокрытие, утаивание, маскировку. Маска (маскировка) помогает минимизировать энергозатраты при общении, оптимизирует эмоциональное напряжение, сокращая его до унифицированных шаблонных «реплик» (вызов-ответ) социокультурного взаимодействия. С помощью минимизации душевных затрат, неизбежных при искреннем общении, исход которого, в свою очередь, не всегда ясен, и результативность не гарантирована, повышается уровень скрытого контроля ситуации, а значит, и потенциального «обладания» ею. При этом фактор ответственности играет куда меньшую роль, нежели при честном (искреннем) общении, обмене чувствами или страхами.

С помощью маскировки становится возможным экзистенциальное убежание человека от необходимости полноценного включения себя в социокультурный процесс, в общение либо в чувство. Маска помогает спрятаться и спрятать, становится мощным средством, инструментом сокрытия (себя, тайны, намерений, духовной пустоты и так далее).

Сложно не заметить, что в древнейших времен маска словно заменяет человеку его идентичность. Вера в силу маски по-настоящему гипнотическая. Как следствие, разве не происходит у человека некоторого нивелирования веры в себя? Ведь если маска настолько всемогуща, почему бы не отдаться ей целиком, не спрятать себя за ней? Тем более, что, когда на тебе маска, ты вроде и не один.

Сила маски – в слабости человека. Слабости перед внешними и внутренними вызовами, требующими ответственного подхода к себе и окружению. И если вместо уязвимой искренности есть удобный и быстрый механизм переноса, замещения, сокрытия подлинного под видимостью шаблонного, ожидаемого, предсказуемого, зачем быть искренним, особенно, учитывая возможную потерю контроля над ситуацией либо над человеком? Маска словно «подсматривает» за происходящим, оставаясь при этом в тени событий, в сохранности и так далее. Там, где должны быть глаза, мы находим в масках вогнутые или выпуклые пустые глазницы – «черные дыры субъективности» (Ж. Делез и Ф. Гваттари) [7].

Настолько ли могущественна «маска», чтобы управлять театральной природой человека? Вряд ли. Скорее театральная природа человека, как мощный адаптационный механизм выживания в сложно предсказуемой, человеческой среде, «подсказывала» человеку маску как инструмент взаимодействия и коммуникации, поскольку один из элементов театральности, – маскировка, – как никакой другой эксплуатирует игровое преобразование, «приобретенное» когда-то маской, и «превращает» его в театральное преобразование, весьма далекое от игры по целеполаганию и ориентированности на результат.

Выводы

1. Театральность как мощный адаптационный механизм выживания и сохранения человека в социокультурной среде зачастую опирается на техники преобразования, техники маскировки.

2. Преобразование бывает игровым и театральным. Тесная связь игры и театральности предполагает и тесную связь игрового и театрального преобразований, задействующих маскировку. Отличие заключается в разнице специфики целеполагания игрового и театрального видов преобразования. Театральное преобразование более прагматично ориентировано, нежели игровое.
3. Маска (ритуальная, социальная, повседневная) помогает достигать конкретного результата. Путь к результату лежит через сокрытие, утаивание, маскировку. «Театральная» маскировка помогает минимизировать энергозатраты при общении, оптимизирует эмоциональное напряжение. С помощью минимизации душевных затрат повышается уровень контроля над ситуацией, а значит, и потенциального «обладания» ею.
4. Маска обладает потенциалом некоторого замещения идентичности, либо ее сокрытия от посторонних наблюдателей. Человек стремится сам быть больше наблюдателем, чем находиться под наблюдением. Маска, маскировка выступает в данном случае как наиболее удобный инструмент управления собой и другими. В результате активного использования маски в повседневной культуре общения можно наблюдать элементы определенного нивелирования веры человека в самого себя, в свои силы.
5. Театральная природа человека «задействует» маску и маскировку как инструменты коммуникации и адаптации в общественной среде. Маскировка как атрибут театральности эксплуатирует игровое преобразование и превращает его в театральное преобразование, весьма далекое от игры по целеполаганию и ориентированности на результат.

Научный потенциал

Научная работа о маскировке как атрибутивном элементе театральности является частью философского исследования о театральной природе человека.

Проблема повседневной театральности представляется перспективной, поскольку помогает познанию человека как сложной самоорганизующейся системы, во многом психологически уязвимой и социально-зависимой. Маскировка, без которой театральное поведение сложно представить, скрывает истинные причины и намерения и становится неотъемлемой частью повседневного общения. Исследование предполагается продолжить, поскольку полученные результаты характеризуются автором как промежуточные.

Литература

1. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. – 752 с. – (Классическая философская мысль).
2. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск: Агентство «Сагуна», 1994. – 358 с.
3. Евреинов Н.Н. Демон театральности / Сост., общ. ред. и комм. А.Ю. Зубкова и В.И. Максимова. М.: СПб.: Летний сад, 2002. 535 с.
4. Кайуа, Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры / Роже Кайуа; Сост., пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – М.: ОГИ, 2007. – 304 с. – (Нация и культура / Научное наследие: Антропология).
5. Леви-Стросс К. Путь масок / Клод Леви-Стросс; [Пер. с фр., вступ. ст. и примеч. А.Б. Островского]. – М.:

- Республика, 2000. – 397, [2] с.: ил., карт.; 22 см. – (Мыслители XX века).
6. Леви-Строс, К. Печальные тропики: [Пер. с фр.] / Клод Леви-Строс; [Авт. предисл. и коммент. Л.А. Файнберг]. – М.: Мысль, 1984. – 220 с.
 7. Подорога В.А. Белая стена – черная дыра: Понятие лицевости (visageite) у Ж. Делеза и Ф. Гваттари // Аллегии чтения. – режим доступа: <http://klinamen.dironweb.com/read13.html> (дата обращения: 12.11.2022).
 8. Рахимова М.В. Театральность как самоорганизующийся социокультурный механизм адаптации личности в обществе: философский анализ // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teatralnost-kak-samoorganizuyuschiy-sotsiokulturnyy-mehanizm-adaptatsii-lichnosti-v-obschestve-filosofskiy-analiz>, С. 155–162 (дата обращения: 05.11.2022).
 9. Рибо Т. Психология чувств / Т. Рибо, проф. в Collège de France и ред. журн. “Revue philosophique”; Пер. с фр. М. Гольдсмит. – Санкт-Петербург: издание Ф. Павленкова, 1898. – 480 с.
 10. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / Макс Фасмер; пер. с нем и доп. члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. – Изд. 2-е, стер. – Москва: Прогресс, 1986–1987. – 22 см.
 11. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия / Пер. с нем. А.В. Гараджа, Л.Ю. Фуксон; редактор пер. Леонид Фуксон. – М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. – 432 с.
 12. Хейзинга, Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга; Пер. с нидерланд. В. Ошиса. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 539 с. – (Philosophy).
 13. Шпарага О. Феноменология опыта: опыт как «почва и горизонт» познания. Логос, N. 2(28): Москва 2001, С. 103–122. Режим доступа: <https://ruthenia.ru/logos/number/2001-2-28.htm> (дата обращения: 20.11.2022)
 14. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление / Артур Шопенгауэр; [перевод с немецкого Ю. Айхенвальда]. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – 672 с.
 15. Штайн, О.А. Введение в философию образа: учебно-методическое пособие / О.А. Штайн; под общ. ред. Л.А. Закса; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. – 108 с.

ABOUT DISGUISE AS AN ATTRIBUTE ELEMENT OF THE THEATRICAL NATURE OF A HUMAN BEING

Rakhimova M.V.

South Ural State Institute of Art named after P.I. Tchaikovsky

The theatrical nature of a human being, presumably, is a philosophical problem that requires multidimensional research. Philosophical anthropology seems to be the most convenient scientific platform for analyzing and characterizing “everyday theatricality” as self – sufficient phenomenon.

Theatricality is interpreted by the author as a necessary and demanded adaptive mechanism of survival and adaptation of a person to the socio-cultural environment.

Among the supposed attributive elements of theatricality, suggestion, theatrical imagination, simulation, mimetic means of expression, manipulation, game potential, representation, disguise based on transformation should be noted. A game transformation is not

equal to a theatrical one, actively socializing a ritual image in a mask. The difference is assumed in the specifics of the goal-setting of theatrical transformation, which is more pragmatic than the game. A person as a player is unthinkable without a toy, which eventually turns into a mask. The mask leads a human being to the result and does it through concealment techniques. Disguise, without which theatrical behavior is difficult to imagine, also helps to hide the true intentions of the wearer. To characterize disguise as an element of “everyday theatricality”, to a certain extent, is the task of this work. Among the methods, analytical, comparative and hermeneutic methods should be noted. The results obtained may be useful in the study of man as a complex philosophical problem.

Keywords: theatricality, the theatrical nature of a human being, everyday theatricality, performance, transformation, mask, disguise.

References

1. Husserl E. Logical research. Cartesian reflections. The crisis of European sciences and transcendental phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a rigorous science. – Mn.: Harvest, M.: ACT, 2000. – 752 p. – (Classical philosophical thought).
2. Husserl E. Philosophy as a rigorous science. Novocherkassk: Saguna Agency, 1994. – 358 p.
3. Evreinov N.N. Demon of theatricality / Comp., total. ed. and comm. A. Yu. Zubkov and V.I. Maksimov. M.; St. Petersburg: Summer Garden, 2002. 535 p.
4. Kayua, R. Games and people; Articles and essays on the sociology of culture / Roger Caillois; Comp., trans. from fr. and intro. Art. S.N. Zenkina. – M.: OGI, 2007. – 304 p. – (Nation and culture / Scientific heritage: Anthropology).
5. Levi-Strauss K. The way of masks / Claude Levi-Strauss; [Trans. from French, intro. Art. and note. A.B. Ostrovsky]. – M.: Respublika, 2000. – 397, [2] p.: ill., cart.; 22 see – (Thinkers of the XX century).
6. Levi-Strauss, K. Sad tropics: [Trans. from French] / Claude Levi-Strauss; [Ed. foreword and comment. L.A. Fainberg]. – M.: Thought, 1984. – 220 p.
7. Podoroga V.A. White wall – black hole: The concept of faciality (visageite) in J. Deleuze and F. Guattari // Allegories of Reading. – access mode: <http://klinamen.dironweb.com/read13.html> (date of access: 11/12/2022).
8. Rakhimova M.V. Theatricality as a self-organizing socio-cultural mechanism of adaptation of the individual in society: a philosophical analysis // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teatralnost-kak-samoorganizuyuschiy-sotsiokulturnyy-mehanizm-adaptatsii-lichnosti-v-obschestve-filosofskiy-analiz>, pp. 155–162 (date of access: 05.11.2022).
9. Ribot T. Psychology of feelings / T. Ribot, prof. in Collège de France and ed. magazine “Revue philosophique”; Per. from fr. M. Goldsmith. – St. Petersburg: edition of F. Pavlenkov, 1898. – 480 p.
10. Vasmer, M. Etymological dictionary of the Russian language [Text]: in 4 volumes / Max Vasmer; per. with him and Corresponding Member of the Academy of Sciences of the USSR O.N. Trubachev; ed. and with preface. prof. B.A. Larina. – Ed. 2nd, sr. – Moscow: Progress, 1986–1987. – 22 cm.
11. Fink E. Basic phenomena of human existence / Per. with him. A.V. Garadzha, L. Yu. Fukson; editor trans. Leonid Fukson. – M.: Canon + ROOI “Rehabilitation”, 2017. – 432 p.
12. Huizinga, J. Homo Ludens. In the shadow of tomorrow / J. Huizinga; Per. from the netherlands. V. Oshisa. – M.: LLC “Publishing House AST”, 2004. – 539 p. – (Philosophy).
13. Shparaga O. Phenomenology of experience: experience as “soil and horizon” of knowledge. Logos, N. 2(28): Moscow 2001, pp. 103–122
14. Schopenhauer A. World as will and representation / Arthur Schopenhauer; [translated from German by J. Eichenwald]. – Moscow: AST Publishing House, 2021. – 672 p.
15. Stein, O.A. Introduction to the philosophy of the image: a teaching aid / O.A. Stein; under total ed. L.A. Zaksa; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ural Federal University. the first President of Russia B.N. Yeltsin. – Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2022. – 108 p.

Стимулы социального управления в обществе постмодерна: социально-философский анализ

Тугова Светлана Викторовна,

аспирант кафедры философии, Донецкий национальный университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского
E-mail: tutova-svetlana@rambler.ru

В статье в результате социально-философского анализа делается вывод, что стимулы социального управления в обществе постмодерна играют одновременно роль поведенческого и мировоззренческого регуляторов, так как, интегрируясь с ценностной системой объекта воздействия, они создают связующие звенья между родовыми, общественными, индивидуальными установками, постепенно изменяя ценностное ядро. Указывается, что стимулы социального управления в обществе постмодерна можно разделить на два класса: духовный и наглядно-образный. Выделяются свойства, которыми должен обладать стимул, чтобы социальное управление в обществе постмодерна было эффективным: отражать сущность выражаемого им предмета или символа, быть представленным нам в логической форме, обладать имманентным содержанием, производным от культурных ценностей, учитывать свойства национального характера и трансформации в ценностной сфере и сфере потребностей.

Ключевые слова: символ, общество, общество постмодерна, управление, социальное управление.

Актуальность

Социально-философское исследование стимулов социального управления в обществе постмодерна обладает теоретической и практической значимостью. Кризисные процессы современности, затронувшие все сферы жизни общества, нуждаются в переосмыслении стимулов и практик социального управления. В настоящий момент отсутствует теоретическое системное описание социального управления, проявляющее его современные интенции в обществе постмодерна. Междисциплинарный характер исследуемой проблемы требует анализа обобщенных данных из смежных областей научного знания, и именно социально-философский подход выступает наиболее адекватным методологическим инструментом. В данном контексте социально-философский анализ социального управления, управленческих стимулов и практик предстает как необходимость, поскольку позволяет выйти на высокий уровень обобщения, выявив специфику управления в обществе постмодерна, проявив социальные связи и закономерности и показав неясные механизмы, направляющие динамику изменений.

Материалы и методы исследования

Философия выступает методологической базой для рассмотрения социального управления в обществе постмодерна, в том числе и в сфере стимулирования, так как оформленные в нужном теоретическом ракурсе стимулы, проходя через сознание, сливаются на бессознательном уровне с родовыми, общественными или высшими интересами и активизируют либо уже внедренную на бессознательном уровне схему поведения, либо интегрируют новую из уже имеющихся установок. «Запущенная» модель начинает направлять поведение минуя сознание. И, таким образом, стимулы социального управления в обществе постмодерна играют роль и мировоззренческого регулятора, так как, интегрируясь с ценностной системой объекта воздействия они создают связующие звенья между родовыми, общественными, индивидуальными установками, постепенно изменяя ценностное ядро. В данном контексте тезис «свобода есть осознанная необходимость» [25] приобретает противоположное значение, так как создаваемая социальным управлением иллюзия свободы выбора создает и иллюзию свободы.

Результаты исследований

Стимулирование направлено на формирование определенного типа поведения или вида деятельности [19] в результате инициированной субъектом воздействия у объекта воздействию рефлексии. При этом необходимо отметить, что использование рефлексии в управлении в России не относится к новым достижениям научной мысли, потому что в русской армии уже в 1904 году существовала школа военной маскировки [14], в недрах которой, по сути, и были заложены основы данной управленческой концепции, ставшие впоследствии теоретико-методологической базой для дальнейших исследований в этом направлении в советский и постсоветский пери-

оды. Надо отметить, что в эти периоды акцент делается на практической стороне использования рефлексии в социальном управлении, конечная цель которого определялась как «управление процессами принятия решений противоположной стороной» [17, с. 28]: маскировка и дезинформация на оперативном и тактическом уровнях в политической и военной сферах. Соответственно, в области применения рефлексии и рефлексивных процессов теории и практики социального управления в военной сфере появились крупные теоретики и практики: Н.И. Турко, С.А. Модестов, [27], М.Д. Ионов [10], Д.С. Конторов, С. Леоненко [17].

Развитие компьютерных технологий в конце XX века повышает эффективность применения стимулов, основанных на рефлексивных процессах в социальном управлении [17], создавая новые, адаптированные к современной реальности стимулы активизации рефлексии [29]. Кроме того, создаются специальные исследовательские группы, специализированно занимающиеся изучением данной проблемы. Например, в РФ, в Институте психологии РАН, активно работает лаборатория психологии рефлексивных процессов, в которой, в том числе, изучаются такие вопросы как теоретические аспекты стимулирования рефлексивного мышления и практические методы применения теоретических разработок на внутригосударственном и международном уровнях [24] для обеспечения госбезопасности [1] от разведки до военных действий [10].

В философском аспекте исследование рефлексивных процессов осуществлялось в контексте формальных правил, определяющих конструирование схем деятельности [22] Б.А. Грушиным, А.А. Зиновьевым, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицким (Московский методологический кружок). В.А. Лефевр [18] ввел понятия «способность к рефлексии», «рефлексивная система», которые стали базовыми в его теоретической концепции рефлексии. Сущность данной концепции заключается в том, что рефлексивный процесс «запускает» через тщательно встроенную в контекст ситуации метафору, инспирирующую зеркальные отражения. А. Корох развил данную теорию, сформулировав на ее основе теоретические схемы, на базе которых стало возможным прогнозировать стратегические решения участников крупномасштабных социальных ситуаций, например, военных конфликтов: «1) расширение и углубление восприятия проблемного пространства; 2) определение или создание какой-либо области пространства решений, достаточно обширной, чтобы охватить все значимые аспекты проблемного пространства Основной принцип поиска «пространства решений» заключается в том, что проблему невозможно решить с помощью того же мышления или той же «карты мира», которые её создали. Общая задача эффективного решения проблем заключается в том, чтобы найти способ мышления, неидентичный тому, с помощью которого создана проблема. В этом случае есть надежда, что другой способ мышления приведет к пространству в решении, которое, по меньшей мере, так же широко или шире проблемного пространства, и обеспечит необходимыми альтернативами и ресурсами. Современный взгляд в управлении состоит в расширении и углублении восприятия проблемного пространства, а что такое восприятие – это рефлексия! В рефлексивном управлении требуется переход от ситуации к проблемному пространству по средствам рефлексивного восприятия. Восприятие должно быть интерпретировано в знание как инструмент, для того чтобы принять правильное решение» [15]. То есть, в данном контексте, стимулы социального управления в обществе постмодерна приобретают дополнительный статус регулятора поведения.

Стимулы как регуляция (управление) поведением, влияя на сознание через формирование на уровне бессознательного определенного способа миропонимания, выступают источником целенаправленной деятельности: «все побудительные силы, вызывающие ... действия (человека), неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждения его воли» [28, с. 310]. То есть, особенность современного человека, в терминологии Ф. Энгельса, «все пропускать через голову», помещает абстрактные духовные идеи (идеалы, традиции, обычаи, религию, идеологию, этические культурные ценности) в разряд действенных стимулов социального управления, так как они выступают, в данном контексте, теоретизированным отражением материальных отношений. А материальные отношения на теоретическом уровне могут быть отражены только в идеях.

Обсуждение полученных результатов

Таким образом, чтобы стимулы были эффективны: а) сущность выражаемого ими предмета или символа должна быть представлена в логической форме; б) они должны обладать имманентным содержанием, производным от культурных ценностей [7]. Стимулы в виде абстрактных духовных идей условно можно разделить на два класса. Первый – духовный: «в наши дни проблемы, традиционно понимаемые как ценностно-онтологические, предстают проблемами манипулятивно-процессуальными. А основной персонаж современности – личность как автопроект, постоянно корректируемая ... Речь идет о довольно конкретной технологии разработки и реализации такого проекта, включающей выбор жизненной стратегии, формирование, позиционирование и продвижение определенного имиджа и репутации» [26, с. 53], однако, все это может происходить при условии наличия хоть какой-то личной позиции, личного мнения, навыков мыслительной деятельности. Второй класс стимулов можно условно назвать наглядно-образным, поскольку они направлены на ориентацию поведения объекта воздействия на подражание некому образцу, при этом все «формальные и неформальные регламентации и санкции за их нарушения, сопровождающие почти все аспекты социального взаимодействия, нацелены на ограничение разнообразия в поведении и даже в мышлении людей – без этого общество теряет свою жизнеспособность» [21, с. 9]. Важно отметить, что выделяемые классы стимулов различаются не по содержанию, а по направлению активизации: либо рефлексии (духовный класс), либо подражанию (наглядно-образный).

Таким образом, сущность стимулирования социального управления в обществе постмодерна заключается в том, что контекст ситуации и стимул, являясь взаимосвязанными переменными, создают рефлекторную дугу при практическом применении социально-философской теоретической модели практик и стимулов социального управления. Однако, для стимулирования наиболее важной является ценностная система, в которой на современном этапе, практически во всех культурах, но с разной интенсивностью, происходит размывание традиционных ценностей. Данная тенденция может быть обозначена как конфликтная, так как проявляет несоответствие между потребностью обновления культурного наследия и необходимостью сохранения духовных ценностей, которые являются базисом культурной идентичности. Парадоксальность данного противоречия заключается в том, что для полноценного развития нужно гармоническое единство обоих составляющих. Кроме того, в научном пространстве появляется все больше публикаций, в которых развивается мысль о том, что совре-

менное общество есть общество потребления [2, 3, 4, 8, 11, 12, 13, 16] и люди должны научиться потреблять лучше и больше. И эта же мысль, поддерживаемая реформаторскими кругами, в разных вариациях, пиарится СМИ, преподнося материальную выгоду и доминирование товарно-денежных отношений как прогрессивную и единственно правильную позицию в условиях современности. Однако, эти идеи чужды традиционному менталитету [20] и на ценностном уровне их пропаганда ведет к разрушению национальной идентичности [23], традиционных ценностей и моральных норм.

На основании выше сказанного, мы приходим к выводу: при подборе стимулов социального управления в обществе постмодерна необходимо учитывать специфику национального характера, так как традиционные ценности, обладая в основе некой универсальной базой, всегда имеют свои особенности, которые являются производной от национального характера. Особенно важным в контексте данного исследования является тот факт, что, как отмечал Лев Николаевич Гумилёв [5], базовые черты национального характера не меняются. Из этого следует: психологический склад русского человека XV–XVI веков и русского человека XX–XXI веков тождественны. Однако, несмотря на этот феномен, на основании выше приведенных фактов и логических построений, можно сделать вывод: стимулы социального управления в эпоху постмодерна должны подбираться с учетом смещений в ценностной сфере и сфере потребностей, произошедших в результате трансформационных процессов и инициировавших формирование новых форм духовно-национальных идентичностей, так как «сознание существует не вне действительности, а в самой действительности тех или иных социально-экономических образований. Другими словами, политико-экономическая реальность контролирует человеческое сознание независимо от того, как эта реальность осознается и воспроизводится в различных теоретических построениях» [6, с. 315]. Именно такой подход, основанный на принципах объективизма и историзма, позволит, при подборе стимулов для формирования практик социального управления в эпоху постмодерна, обеспечить их эффективность.

Таким образом, Указано, что стимулы социального управления в обществе постмодерна играют роль не только поведенческого, но и мировоззренческого регулятора, так как, интегрируясь с ценностной системой объекта воздействия, они создают связующие звенья между родовыми, общественными, индивидуальными установками. Эта особенность определяет сущность стимулирования социального управления в обществе постмодерна, которая заключается в том, что контекст ситуации и стимул являются созависимыми переменными.

Стимулы социального управления в обществе постмодерна можно разделить на два класса: духовный класс, к которому относятся высшие ценности, и наглядно-образный, апеллирующий к подражанию некоему образцу поведения.

Условиями эффективности стимулов социального управления в обществе постмодерна является качественная составляющая стимула, которая должна включать в себя ряд свойств: отражать сущность выражаемого предмета или символа, представленную в логической форме, обладать имманентным содержанием, производным от культурных ценностей, учитывать специфику национального характера и смещения в ценностной сфере и сфере потребностей, произошедших в результате трансформационных процессов и инициировавших формирование новых форм духовно-национальных идентичностей.

Литература

1. Амуров М.А. Рефлексивное управление как основа обеспечения военной безопасности современного государства // *Управленческое консультирование*. 2020. № 8 (140). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksivnoe-upravlenie-kak-osnova-obespecheniya-voennoy-bezopasnosti-sovremennogo-gosudarstva> (дата обращения: 27.03.2022).
2. Бодрова Ю.В. Насилие в обществе символического потребления // *Идеи и идеалы*. 2020. № 4–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-v-obschestve-simvolicheskogo-potrebleniya> (дата обращения: 27.03.2022).
3. Водопьянов П.А., Сидоренко И.Н. Сверхрационализация и деструктивность общества потребления // *Труды БГТУ. Серия 6: История, философия*. 2017. № 2 (203). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sverhratsionalizatsiya-i-destruktivnost-obschestva-potrebleniya> (дата обращения: 27.03.2022).
4. Воронин С.А. Моральный вакуум общества потребления. XXI век, «Общество потребления» // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история*. 2013. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralnyy-vakuum-obschestva-potrebleniya-xxi-vek-obschestvo-potrebleniya> (дата обращения: 27.03.2022).
5. Гумилёв Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. – Москва: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. – 302 с. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=459873 (дата обращения: 28.03.2020).
6. Дели М.М. Онтология сознания: историко-философский аспект // *Номо philosophans. Сборник к 60-летию профессора К.А. Сергеева. Серия «Мыслители»*, выпуск 12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – С. 312–315.
7. Золотова Н.О. Рефлексивность обыденного сознания и естественный метаязык // *Вопросы психолингвистики*. 2019. № 4 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksivnost-obydenngo-soznaniya-i-estestvennyy-metayazyk> (дата обращения: 27.03.2022).
8. Ильин А.Н. Утилитаризация науки в обществе потребления // *Свободная мысль*. 2019. № 1 (1673). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utilitarizatsiya-nauki-v-obschestve-potrebleniya> (дата обращения: 27.03.2022).
9. Ильин А.Н. Принцип перманентности в обществе потребления // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-permanentnosti-v-obschestve-potrebleniya> (дата обращения: 27.03.2022).
10. Ионов М.Д. Психологические аспекты управления противником в антагонистических конфликтах (рефлексивное управление) // *Прикладная эргономика. Специальный выпуск*. – No 1. – 1994. – С. 44–45.
11. Кабышева Э.В. Брендинг в концепциях общества потребления и общества просьюмеров // *Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение*. 2020. № 37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/brending-v-kontseptsiyah-obschestva-potrebleniya-i-obschestva-prosyumerov> (дата обращения: 27.03.2022).
12. Калабекова С.В. Риски общества потребления // *Политика и общество*. 2018. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-obschestva-potrebleniya> (дата обращения: 27.03.2022).
13. Калабекова С.В. Гедонизм и «принудительное счастье» общества потребления // *Политика и общество*.

- ство. 2018. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gedonizm-i-prinuditelnoe-schastie-obschestva-potrebleniya> (дата обращения: 27.03.2022).
14. Коротченко Е, Плотников Н. Информация – тоже оружие: о чем нельзя забывать в работе с личным составом / Красная звезда, 17 февраля, 1994. – С. 2.
 15. Корох А.А. Рефлексивное управление: концепции, подходы и область применения // Рефлексивные процессы и управление. URL: <http://www.reflexion.ru/Journal.html>(дата обращения: 15.03.2021).
 16. Лексин В.Н. Синтез общества потребления и информационного общества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintez-obschestva-potrebleniya-i-informatsionnogo-obschestva> (дата обращения: 27.03.2022).
 17. Леоненко С. Рефлексивное управление противником / Армейский сборник. No 8, 1995. – С. 28.
 18. Лефевр В.А. Конфликтообразующие структуры. Изд. второе, перераб. и дополн. – М.: Изд-во «Советское радио», 1973. – 158 с.
 19. Маркс К. Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции Маркс К., Энгельс Ф. соч. Т. 1. – М.: Гос. изд-во Полит. лит-ры, 1955. – 698 с.
 20. Мартишина Н.И. Менталитет и ментальность // ОНВ. 1998. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalitet-i-mentalnost-1> (дата обращения: 27.03.2022).
 21. Назаретян А.П. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд // Вопросы философии № 5, 2009. – 192 с. – С. 3–20.
 22. Папковская П.Я. Методология научных исследований. – Минск: Информпресс, 2006. – 184 с.
 23. Преображенская К.В., Кудрявцев А.А. Философско-антропологические подходы к формированию национальной и культурной идентичности в условиях современности // Вестник РХГА. 2020. № 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-antropologicheskie-podhody-k-formirovaniyu-natsionalnoy-i-kulturnoy-identichnosti-v-usloviyah-sovremennosti> (дата обращения: 27.03.2022).
 24. Прохожев А.А., Турко Н.И. Основы информационной войны / Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21 Century: Theory and Practice». – Moscow, February 1996. – p. 251.
 25. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – 398 с.
 26. Тульчинский Г.Л. Новая антропология: личность в перспективе постчеловечности // Вопросы философии № 4, 2009. – 192 с. – С. 41–57.
 27. Турко Н.И., Модестов С.А. Рефлексивное управление развитием стратегических сил, как механизм современной геополитики / Отчет о конференции «Systems Analysis on the Threshold of the 21» Century: Theory and Practice». – Moscow, February, 1996. – p. 366.
 28. Энгельс Ф. Людвиг Фейрбах и конец классической немецкой философии. – Маркс К, Энгельс Ф. Соч., Т. 21.
 29. Lepsky Vladimir E. Reflexive Control in Multi-Subjective and Multi-Agent Systems / Proceedigs of the Workshop on Multi-Reflexive Models of Agent Behavior. ARL-SR-64, May 1999. – pp. 111–117.

INCENTIVES FOR SOCIAL MANAGEMENT IN POSTMODERN SOCIETY: SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Tutova S.V.

Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

As a result of the socio-philosophical analysis, the article concludes that the stimuli of social management in postmodern society play both the role of behavioral and ideological regulators, since, integrating with the value system of the object of influence, they create connecting links between generic, social, individual attitudes, gradually changing the value core. It is indicated that the incentives of social management in postmodern society can be divided into two classes: spiritual and visual-figurative. The properties that an incentive must possess in order for social management in a postmodern society to be effective are highlighted: to reflect the essence of the object or symbol expressed by it, to be presented to us in a logical form, to have an immanent content derived from cultural values, to take into account the properties of national character and transformations in the value sphere and the sphere of needs.

Keywords: symbol, society, postmodern society, management, social management.

References

1. Amurov M.A. Reflexive management as a basis for ensuring the military security of the modern state // Management consulting. 2020. No. 8 (140). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksivnoe-upravlenie-kak-osnova-obespecheniya-voennoy-bezopasnosti-sovremennogo-gosudarstva> (date of access: 03.27.2022).
2. Bodrova Yu.V. Violence in a society of symbolic consumption // Ideas and ideals. 2020. No. 4–1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-v-obschestve-simvolicheskogo-potrebleniya> (date of access: 03.27.2022).
3. Vodopyanov P.A., Sidorenko I.N. Over-rationalization and destructiveness of consumer society // Proceedings of BSTU. Series 6: History, philosophy. 2017. No. 2 (203). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sverhratsionalizatsiya-i-destruktivnost-obschestva-potrebleniya> (date of access: 03.27.2022).
4. Voronin S.A. The moral vacuum of the consumer society. XXI century, “Consumer society” // Bulletin of RUDN University. Series: General history. 2013. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/moralnyy-vakuum-obschestva-potrebleniya-xxi-vek-obschestvo-potrebleniya> (date of access: 03.27.2022).
5. Gumilyov L.N. From Rus’ to Russia: Essays on ethnic history. – Moscow: FTM Agency, Ltd., 2013. – 302 p. URL: https://biblioclub.ru/index.php?page=book_red&id=459873 (date of access: 03.27.2022).
6. Delhi M.M. Ontology of Consciousness: Historical and Philosophical Aspect // Homo philosophans. Collection for the 60th anniversary of Professor K.A. Sergeev. Series “Thinkers”, issue 12. – St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2002. – P. 312–315.
7. Zolotova N.O. Reflexivity of everyday consciousness and natural metalanguage // Issues of psycholinguistics. 2019. No. 4 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/refleksivnost-obydenogo-soznaniya-i-estestvennyy-metazyk> (date of access: 03.27.2022).
8. Ilyin A.N. Utilization of science in the consumer society // Svobodnaya thought. 2019. No. 1 (1673). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utilitarizatsiya-nauki-v-obschestve-potrebleniya> (date of access: 03.27.2022).
9. Ilyin A.N. The principle of permanence in the consumer society. Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2017. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-permanentnosti-v-obschestve-potrebleniya> (date of access: 03.27.2022).
10. Ionov M.D. Psychological aspects of controlling the enemy in antagonistic conflicts (reflexive control) // Applied Ergonomics. Special issue. – No 1. – 1994. – S. 44–45.
11. Kabysheva E.V. Branding in the concepts of the consumer society and the prosumer society // Vestn. Volume. state university Cultural studies and art history. 2020. No. 37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/branding-v-kontseptsyah-obschestva-potrebleniya-i-obschestva-prosyumerov> (date of access: 03.27.2022).
12. Kalabekova S.V. Consumer Society Risks // Politics and Society. 2018. No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/riski-obschestva-potrebleniya> (date of access: 03.27.2022).
13. Kalabekova S.V. Hedonism and “forced happiness” in the consumer society // Politics and Society. 2018. No. 7. URL: <https://>

- cyberleninka.ru/article/n/gedonizm-i-prinuditelnoe-schastie-obschestva-potrebleniya (date of access: 03.27.2022).
14. Korotchenko E, Plotnikov N. Information is also a weapon: what should not be forgotten when working with personnel / *Krasnaya Zvezda*, February 17, 1994. – P. 2.
 15. Korokh A.A. Reflexive management: concepts, approaches and scope // *Reflexive processes and management*. URL: <http://www.reflexion.ru/Journal.html> (date of access: 03.27.2022).
 16. Leksin V.N. Synthesis of the consumer society and the information society // *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2020. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintez-obschestva-potrebleniya-i-informatsionnogo-obschestva> (date of access: 03.27.2022).
 17. Leonenko S. Reflexive control of the enemy / *Army collection*. No 8, 1995. – P. 28.
 18. Lefevre V.A. conflicting structures. Ed. second, revised and additional – M.: Publishing House “Soviet Radio”, 1973. – 158 p.
 19. Marx K. Notes on the latest Prussian censorship instruction Marx K., Engels F. Op. T.1. – M.: State. publishing house Polit. literature, 1955. – 698 p.
 20. Martishina N.I. Mentality and mentality // *ONV*. 1998. No. 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalitet-i-mentalnost-1> (date of access: 03.27.2022).
 21. Nazaretyan A.P. Meaning formation as a global problem of our time: a synergistic view // *Questions of Philosophy* No. 5, 2009. – 192 p. – S. 3–20.
 22. Papkovskaya P. Ya. Methodology of scientific research. – Minsk: Informpress, 2006. – 184 p.
 23. Preobrazhenskaya K.V., Kudryavtsev A.A. Philosophical and anthropological approaches to the formation of national and cultural identity in modern conditions // *Bulletin of the RKhGA*. 2020. No. 4–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-antropologicheskie-podhody-k-formirovaniyu-natsionalnoy-i-kulturnoy-identichnosti-v-usloviyah-sovremennosti> (date of access: 03.27.2022).
 24. Prokhozhev A.A., Turko N.I. Fundamentals of Information Warfare / *Conference Report's*.
 25. Sartre J.-P. L'existentialisme est l'humanisme // *Crépuscule des Dieux*. – M.: Politizdat, 1989. – 398 p.
 26. Tulchinsky G.L. Nouvelle anthropologie: la personnalité dans la perspective de la post-humanité // *Questions de philosophie* n°4, 2009. – 192 p. – P. 41–57.
 27. Turko N.I., Modestov S.A. La gestion réflexive du développement des forces stratégiques comme mécanisme de la géopolitique moderne / *Compte-rendu du colloque “Analyse systémique au seuil du 21e siècle: théorie et pratique”*. – Moscou, février 1996. – p. 366.
 28. Engels F. Ludwig Feubach et la fin de la philosophie classique allemande. – Marx K, Engels F. *Soch.*, T. 21.
 29. Lepsky Vladimir E. Contrôle réflexif dans les systèmes multi-sjectifs et multi-agents / *Actes de l'atelier sur les modèles multi-réflexifs du comportement des agents*. ARL-SR-64, mai 1999. – p. 111–117.

Анализ сущности Политического Человека и свойственных ему типов аномичных приспособлений

Устюжанинова Елена Владимировна,

старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Академии гражданской защиты МЧС России
E-mail: ustyuzhaninova-elena-1604@mail.ru

Чумаченко Александр Петрович,

к.в.н., доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Академии гражданской защиты МЧС России
E-mail: a17091953@yandex.ru

В рамках написания кандидатской диссертации одного из авторов статьи на тему, посвященную исследованию современного российского Человека в условиях аномии, в статье изучается сущность Политического Человека. Проанализированы факторы, оказывающие влияние на политическое поведение россиян, проведена интерпретация данных ВЦИОМ об общественно-политической деятельности населения Российской Федерации. Авторами интерпретируются позиции ряда отечественных и зарубежных ученых, изучающих политическое поведение Человека. С помощью анкетирования проанализированы идеи книги философов К. Ясперса и Ж. Бодрийяра «Призрак толпы», посвященной анализу проблем жизни общества и Человека. Анализ труда философов проводился авторами, делая акцент на уровень влияния социальной аномии на политическую сферу за счет изучения типов аномичных приспособлений, таких как: конформизм, ретритизм, ритуализм и мятеж.

Ключевые слова: массовое сознание, общественно-политическая деятельность, опрос, политическое поведение, Политический Человек, «Призрак толпы», типы аномичных приспособлений.

Продолжая исследование, одного из авторов статьи, в рамках написания кандидатской диссертации на тему: «Место и роль современного российского Человека в условиях аномии» авторы приступили к исследованию современного Политического Человека.

В предыдущих исследованиях автора на темы: «О трансформациях Политического Человека. Часть 1: о природе» [7] и «О трансформациях Политического Человека. Часть 2: меняется вслед за изменениями власти или наоборот» [8] были сделаны следующие выводы:

1. Природу Человека изменить невозможно, однако, природа Человека проявляется по-разному. Во взаимоотношениях с другими людьми такие изменения происходят постоянно.

Социобиолог Ф. де Вааль в своей книге «Политика у шимпанзе» описывал особенности властных отношений в колонии обезьян. Ученый, наблюдая за животными, сделал выводы, что между обезьянами и политиками существует определенное сходство в поведении в борьбе за власть. Это поведение характеризуется высоким уровнем конкуренции, вступлением в альянсы, плетении интриг, сплетен, реализации принципа «двое против одного» [1]. По мнению авторов статьи, безусловно, это поведение нацелено на повышение уровня поддержки соплеменниками и понижении этого же уровня у конкурентов, что характерно и для людей.

2. Понятие политическое включает в себя понятия Политический Человек и политическое пространство, в котором Человек существует.

Известно, что Аристотель отождествлял Политического Человека с существом, живущим в обществе себе подобных и уже по этой причине нуждающимся в управлении со стороны общественных институтов. Свободные люди полиса знаменитым греческим философом были разделены на: «граждан», принимающих активное участие в общественных делах без принуждения и бесплатно, и «идиотов» – проявляющих безучастие в жизни общества, в реализации общего блага.

Авторы поддерживают мнение философа, и считают, что Человек является общественным существом, и активное участие в жизни государства, возможно, один из основных способов его существования.

3. Советский и российский политический психолог А.И. Юрьев утверждает, что Человек по своей природе политичен, так же, как и физиологичен, социален и биологичен. Во взаимодействии с властью в различных политических средах он меняет свои психолого-политические состояния.

Все люди становятся физиологическими перед голодом, биологическими перед опасностью, социальными перед общественным мнением, политическими перед лицом власти. По мнению этого психолога, политическое поведение Человека может меняться под влиянием таких факторов, как: убеждение, внушение и принуждение [9].

А.И. Юрьев отмечал, что Человек деградирует в условиях разрушения политики и власти.

Таким образом, авторы делают вывод о том, что политическое поведение Человека определяется ролью, которая достается ему в политике. Стоит подчеркнуть,

что взаимодействие Человека с властью влияет на уровень модификации его качеств в данном процессе. При этом, поддерживая власть или отторгая ее действия, Человек наполняет свои психические процессы содержанием политики.

4. Политического Человека можно отнести:

- к абсолютно политическому (имеющему большую потребность во власти и стремление к ней);
- Человеку Политическому, соотносящемуся с «гражданином» Аристотелевской теории (активно принимающему участие в политических процессах);
- выборочно Политическому Человеку (периодически проявляющему интерес к политическим процессам и периодически участвующему в них);
- аполитичному Человеку («идиоту» по Аристотелевской теории, не проявляющему никакого интереса к политической активности).

В целом Политического Человека можно определить как активную личность, достигающую необходимые ей цели, посредством исполнения политических ролей. Авторы статьи отмечают, что в процессе достижения целей роли людей могут совпадать, как и сами цели, а в итоге образуется совместная деятельность. Фактически так и объясняет появление этой деятельности теория общественного выбора [2].

Необходимо выделить факторы, которые оказывают влияние на политическое поведение Человека. К ним относятся: психологические (личностные качества, тип мышления, темперамент, воля); биологические (физиологические особенности, здоровье и т.д.); социальные (социальный статус, уровень и качество жизни); внешние факторы (окружение, психологическое воздействие, сложившаяся ситуация и др.), собственно-политические (влияние власти).

02 августа 2021 года ВЦИОМ предоставил данные об общественно-политической деятельности россиян. По его данным россияне чаще всего участвуют в вопросах коллективного благоустройства домов и дворовых территорий (24%), в выборах (22%), сборе средств и вещей для нуждающихся (20%). По сравнению с 2011 годом в 2021 году в 8 раз выросла активность россиян по участию в коллективных обращениях, в 5 раз по сбору средств нуждающимся. В 17 раз уменьшился показатель участия в выборах.

По результатам мониторинга так же выявлены основные причины нежелания участвовать в общественно-политической деятельности (табл. 1).

Таблица 1. Основные причины нежелания россиян участвовать в общественно-политической деятельности [10]

Год	2007	2011	2021
Причины	– от моего участия ничего не изменится (29%);	– от моего участия ничего не изменится (25%);	– отсутствие времени (28%);
	– не считаю себя экспертом в области политики (27%)	– отсутствие интереса (36%)	– не считаю себя экспертом в области политики (20%);
			– власть компетентна, я ей доверяю, она сама всё решит (19%)

Таким образом, видно, что политическая активность россиян возрастает и снижается доля проявлений ретритизма («бегства от политики»), как типа политического

поведения, выражающегося во мнении, что от участия населения в общественно-политической деятельности ничего не изменится.

Авторы исследования, анализируя политическое поведение Человека, выделяют еще один, по их мнению, значимый вопрос – участвующий в политике Человек принимает участие индивидуально или он «вовлечен в массу»? Многие социальные психологи в политической психологии акцентируют свое внимание при анализе поведения Политического Человека именно на нем.

Так, социальный психолог Д.В. Ольшанский отмечает, что в массе Человек испытывает чувство мощи и избавляется от индивидуальной ответственности, так как масса, ответственности, по сути, не несет. У вовлеченного в массу Человека возрастает чувство безнаказанности и всевластия [3].

Характерная черта массы или толпы заключается в том, что она имеет огромную силу эмоциональной заразительности, в условиях которой Человек легко жертвует своими интересами в пользу интереса массы (фактически неструктурированного общества). Вследствие психологического заражения и внушения включается механизм подражания. И это касается не только массовых митингов, восстаний, но, по мнению авторов, и существующих шаблонов поведения в социуме, в школе, в вузе, стереотипов, моды, и т.п. Вспомним, что много лет назад Х. Ортега-и-Гассет писал о «полном захвате массами общественной власти» [4].

Можно заключить, что под воздействием массы Человек переходит из сознательной личности в бессознательную, наделенную свойствами стадного инстинкта (т.е. не думающего социума).

В данной статье авторы анализируют философский бестселлер немецкого философа, психолога и одного из самых ярких представителей экзистенциализма К. Ясперса и французского философа-постмодерниста Ж. Бодрийяра «Призрак толпы» [5]. Данная книга была выбрана авторами не случайно, так как она посвящена анализу проблем жизни общества и Человека. При этом в книге имеют отражения вопросы, связанные с «массовостью общества», сопротивления, конформизма и аномии, что, безусловно, характеризует политическое поведение Человека.

При анализе книги, авторы делают акцент на уровень влияния социальной аномии на политическую сферу. Анализируя политическое поведение Человека, которое формируется из политической культуры и социокультурной среды общества, должны изучаться феномены противоречий между ценностными изменениями и реакциями общества на них. Именно эти процессы формируют особенности и характер политического поведения. Авторы статьи изучают типы аномичных приспособлений (по Р. Мертону) [6], такие как: конформизм (способствует политической преемственности), инновацию (изобретение эффективных, но запрещенных способов достижения политических целей), ретритизм (постоянное отстранение от участия в политике), ритуализм (снижение уровня участия в политической борьбе и принятии политических решений) и мятеж (использование радикальных средств для достижения политических целей).

К. Ясперс утверждал, что человечество ждёт интеллектуальное развитие, но счастливее от этого оно не станет. Он исследует эпоху «технического развития» и опасается, что всё мировое бытие будет нацелено на сиюминутное удовлетворение потребностей Человека, что может привести к шаблонному преобразению мира. По мнению К. Ясперса, «техническое развитие» может привести к постоянному чувству сомнений, увеличению числа людей, считающих себя ничтожными.

Философ уделяет внимание на сформированную деловитость, которая выражается: в воодушевлении массового, публичного, сенсационного, в создании техники, приключениях, и т.д. Отмечается, что способы коммуникации между людьми становятся шаблонными.

По мнению философа, человечеству необходимо вернуться к ценностям духовного развития, где Человек сближается с Человеком, как таковым.

Авторы статьи разделяют точку зрения К. Ясперса и считают, что современному Человеку свойственно жить по принципу «я как все» при этом снижая уровень ответственности за свои поступки.

Ж. Бодрийяр утверждал, что призрачность мира на рубеже 2-го и 3-го тысячелетий является следствием потери чувства восприятия единства мира, мир стал фрагментарным и многополярным. Об этом же, кстати, в полной мере сигнализирует нам «свежий» американский фильм «Матрица: Воскрешение».

Философ вводит термин «симулякра», подразумевающий симуляцию реальности. Подчеркивается иллюзорность мира, иллюзорность всех сфер общества, а потребности Человека стали носить виртуальный характер. И вывод Ж. Бодрийяра таков: существование народа закончено, появились массы, которые не зависят от ценностей и идеалов. Философ говорил о болезненном состоянии мира, возможности вселенской катастрофы и уничтожении культуры, власти, знания и социального [5].

Авторы исследования в сентябре 2021 года провели опрос методом анкетирования среди студентов и сотрудников Академии гражданской защиты МЧС России с целью оценки степени согласия экспертов с некоторыми идеями философов, описанными в книге «Призрак толпы». Анкетирование проходило путем рассылки анкет на почту респондентов. Анкеты хранятся у одного из авторов статьи. Количество респондентов составило – 60 человек. Далее представлены результаты опроса (табл. 2).

Таблица 2. Оценка степени согласия эксперта с некоторыми идеями книги «Призрак толпы»

№ п/п	Некоторые идеи книги – для оценивания	Экспертные оценки (человек /%)				
		Не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Согласен
1.	Человечество в будущем станет умнее и рассудительнее, но не лучше и счастливее	20/33	–	10/17	10/17	20/33
2.	Современное общество бездумно стремится: – поставить свое бытие на службу сиюминутных потребностей;	–	20/33	–	5/8	35/59
	– преобразовать мир по шаблонам	20/33	10/17	–	10/17	20/33
3.	Формирование осознания чувства беспомощности у Человека может повлиять на изменение мира	–	5/8	–	48/80	7/12
4.	У современного Человека распространилось сознание того, что всё стало несостоятельным; нет ничего, что не вызывало бы сомнения; ничто подлинное не подтверждается; существует лишь бесконечный круговорот, состоящий во взаимном обмане и самообмане посредством идеологий	4/6	50/84	–	6/10	–
5.	В техническом мире от Человека ждут не рассуждений, а знаний; не размышлений о смысле, а умелых действий; не чувств, а объективности	–	–	–	49/82	11/18
6.	Внутренней позицией современного Человека является деловитость, которая подавляет значение личности, а индивид распадается на функции	5/8	10/17	–	45/57	11/18
7.	Деловитость Человека способствует интересу инстинктивного: в воодушевлении массового и чудовищного, созданием техники, публичным сенсациям, вызванными счастьем и ловкостью отдельных индивидов и даже способностью рисковать жизнью	–	21/35	30/50	–	9/15
8.	Законы «технической» эпохи неумолимо диктуют определенные нормы поведения всему человечеству: – едиными становятся моды, правила общения, жесты, манеры говорить, характер сообщения;	10/17	–	–	30/50	20/33
	– сегодня всеобщим становится поверхностное, ничтожное и безразличное	5/8	25/42	–	16/27	14/23
9.	Человек должен принадлежать сообществу, которое выходя за пределы профессиональной принадлежности и партийности, сближает Человека с Человеком. Вновь должен возникнуть народ	6/10	–	–	54/90	–
10.	Отдельный Человек живет как сознание социального бытия. Он мыслит свое бытие только как «мы»	8/14	30/50	–	22/36	–
11.	Современного Человека постоянно сопровождает страх перед жизнью, который выражается: – неуверенностью его жизнеспособности;	10/17	20/33	–	30/50	–

№ п/п	Некоторые идеи книги – для оценивания	Экспертные оценки (человек /%)				
		Не согласен	Скорее не согласен	Затрудняюсь ответить	Скорее согласен	Согласен
	– ощущением подлинного одиночества;	10/17	30/50	–	–	20/33
	– в том, что существование Человека, в целом, превращается в постоянное чувство страха	30/50	–	–	8/14	22/36
12.	Сегодня восприятие единства мира Человеком заменяется фрагментами	10/17			30/50	20/33
13.	Для современного общества актуально понятие «симулякра», которое представляет лишь симуляцию реальности, но не ее отображения, т.к. самой реальности сегодня нет	–	40/66	–	–	20/33
14.	Мир стал призрачным и всё в нём стало иллюзорным: политика превратилась в гиперполитику; экономика стала «трансэкономикой»; всё в мире приобретает виртуальный характер и многое становится симулякром	10/17	20/33	–	30/50	–
15.	В современном обществе нормы морали и веры, категории возвышенного – пропадают, уходят в прошлое, заменяются «плоской ритуальностью и оскверняющей имитацией»	10/17	22/36	–	20/33	8/14
16.	Народа больше нет, есть массы, освобожденные от каких-либо высоких идеалов	10/17	30/50	–	20/33	–
17.	В мире происходят процессы по поглощению и уничтожению культуры, знания, власти и социального	20/33	–	–	30/50	10/17
18.	Современный Человек ощущает себя беспомощным, т.к. отдельный Человек, даже в благоприятных условиях всегда обладает ограниченными возможностями и понимает, что успехи его деятельности в большей степени зависят от общих условий, чем от представлений о цели. Человек понимает, что он зависим от хода событий	30/50	10/17	20/33	–	–
20.	Рациональная коммуникация и массы несовместимы	21/35	–	–	20/33	19/32
21.	Массы практически всегда находятся под чьим-либо влиянием	–	20/33	–	–	40/67

По результатам опроса авторы делают выводы, что большинство респондентов выделяют существование следующих типов аномичных приспособлений, оказывающих влияние на политическое поведение Человека.

1. В большей степени прослеживается ритуализм, который отражается в ответах, где респонденты: не верят, что человечество станет счастливее; присутствует стремление общества удовлетворить краткосрочные потребности; присутствует чувство беспомощности, шаблонного поведения; фрагментарного восприятия мира.
2. Опрошенные выделяют такой тип приспособления, как ретритизм. Некоторые из ответов подчеркивают его присутствие в ощущении чувства беспомощности, чувства несостоятельности и уничтожения культуры, знаний, власти и социального.
3. Респонденты так же выделяют тип приспособления, как конформизм, соглашаясь с точкой зрения философов о том, что массы всегда находятся под чьим-то влиянием и снижают эффективность коммуникации.

Подводя итог настоящему исследованию, хотелось бы отметить, что, по мнению авторов статьи, к недостаткам труда философов можно отнести слишком пессимистичное отношение к современному Человеку и «общественным массам». Как сказал недавно один из российских общественных деятелей, оптимизм – это тоже политическая стратегия.

Литература

1. Ф. де Вааль Политика у шимпанзе. – М., Издательство Высшей школы экономики, 2021. – 272 с.
2. См.: Нуреев Р.М. Теория общественного выбора: курс лекций. – М, ГУ ВШЭ, 2005. – С. 18–136.
3. Ольшанский Д.В. Психология масс. – СПб, Питер, 2002. – 368 с.
4. Ортега-и-Гассет, Хосе. Восстание масс / пер. с исп. А. Гелескула. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – С. 3.
5. См.: Бодрийяр Ж., Ясперс К. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2018. – 303 с.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М., 2006. – С. 243–320.
7. О трансформациях Политического Человека. Часть 1: о природе [Электр. ресурс] // Электронный научный журнал «ГосРег» [сайт]. URL: <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/20number/articles/kochetkova-melkov-ustuzhaninova-20.pdf> (дата обращения: 07.04.2022).
8. О трансформациях Политического Человека. Часть 2: меняется вслед за изменениями власти или наоборот [Электр. ресурс] // Электронный научный журнал «ГосРег» [сайт]. URL: <http://gosreg.amchs.ru/philosophi-ethic-ideologi/kochetkova-l-n-melkov-s-a-ustuzhaninova-e-v-chelovek-politicheskij-chast-2.html> (дата обращения: 07.04.2022).
9. Юрьев А.И., Бурикова И.С., Коновалова М.А. Основные принципы поиска и подготовки политиков

пятого поколения [Электр. ресурс] // cyberleninka.ru/ [сайт]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printipy-poiska-i-podgotovki-politikov-pyatogo-pokoleniya/viewer> (дата обращения: 27.06.2022).

10. Социальная и политическая активность россиян: мониторинг [Электр. ресурс] // ВЦИОМ [сайт]. URL: // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (дата обращения: 07.04.2022).

ANALYSIS OF THE ESSENCE OF A POLITICAL PERSON AND THE TYPES OF ABNORMAL ADAPTATIONS PECULIAR TO HIM

Ustyuzhaninova E.V., Chumachenko A.P.

Academy of Civil Protection of the Ministry of Emergency Situations of Russia

As part of writing a PhD thesis by one of the authors of the article on the topic devoted to the study of modern Russian Man in the conditions of anomie, the article examines the essence of a Political Man. The factors influencing the political behavior of Russians are analyzed, the interpretation of VTSIOM data on the socio-political activity of the population of the Russian Federation is carried out.

The authors interpret the positions of a number of domestic and foreign scientists studying Human political behavior. With the help of a questionnaire, the ideas of the book of philosophers K. Jaspers and J. Baudrillard's "The Ghost of the Crowd", devoted to the analysis of problems of society and human life. The analysis of the work of philosophers was carried out by the authors, focusing on the level of influence of social anomie on the political sphere by studying the types of anomalous adaptations, such as: conformism, retreatism, ritualism and rebellion.

Keywords: mass consciousness, socio-political activity, poll, political behavior, Political Person, "Ghost of the crowd", types of anomalous devices.

References

1. F. de Waal Politics in chimpanzees. – M., Publishing House of the Higher School of Economics, 2021–272 p.
2. See: Nureyev R.M. Theory of public choice: a course of lectures. – M, Higher School of Economics, 2005. – pp. 18–136.
3. Olshansky D.V. Psychology of the masses. – St. Petersburg, St. Petersburg, 2002. – 368 p.
4. Ortega y Gasset, Jose. The Uprising of the masses / translated from Spanish by A. Geleskula. – M.: AST Publishing House, 2018. – p. 3.
5. See: Baudrillard J., Jaspers K. The ghost of the crowd. – M.: Algorithm, 2018. – 303 p.
6. Merton R. Social theory and social structure. – M., 2006 – pp. 243–320.
7. About the transformations of a Political Person. Part 1: About Nature [Electr. resource] // Electronic scientific journal "GosReg" [website]. URL: <http://gosreg.amchs.ru/pdf/files/20number/articles/kochetkova-melkov-ustuzhaninova-20.pdf> (accessed: 07.04.2022).
8. About transformations of a Political Person. Part 2: Changes following changes in power or vice versa [Electr. resource] // Electronic scientific journal "GosReg" [website]. URL: <http://gosreg.amchs.ru/philosophi-ethic-ideologi/kochetkova-l-n-melkov-s-a-ustyuzhaninova-e-v-chelovek-politicheskij-chast-2.html> (accessed: 07.04.2022).
9. Yuryev A.I., Burikova I.S., Konovalova M.A. Basic principles of search and training of politicians of the fifth generation [Electr. resource] // cyberleninka.ru / [website]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printipy-poiska-i-podgotovki-politikov-pyatogo-pokoleniya/viewer> (accessed: 06.27.2022).
10. Social and political activity of Russians: monitoring [Electr. resource] // VTSIOM [website]. URL: // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaja-i-politicheskaja-aktivnost-rossijan-monitoring> (accessed: 07.04.2022).

Человечность: концептуализация понятия через философское и педагогическое осмысление происходящего

Фомин Максим Сергеевич,

к.пед.н., старший преподаватель кафедры Военно-политической работы в войсках (силах) Новосибирского высшего военного командного училища ордена Жукова
E-mail: fomax@ngs.ru

Статья нацелена на понимание содержания такого понятия как «человечность», достигаемого посредством философского и педагогического анализа актуальных событий, случающихся сегодня. Они рассматриваются в качестве отражения в практической жизни человека и общества невидимых, но на самом деле существующих идей и смыслов, заложенных в известное многим слово. Именно они, как представляется, будучи невидимыми, определяют характер вполне осязаемых действий и поступков человека, которые и предстают воплощением человечности, которая далеко не всегда оказывается положительно характеризующейся.

В этом видится реализация задачи концептуализации просто абстрактного слова, становящегося таким образом важной моральной и нравственной категорией. Это в свою очередь обусловлено необходимостью преодоления, продолжающей развиваться и усиливаться, тенденции упрощения и профанации сознания современника, без которого он всё больше утрачивает субъектность, а потому оказывается уязвимым.

Ключевые слова: человечность, концептуализация понятия «человечность», положительная человечность, отрицательная человечность, философский и педагогический анализа понятия «человечность», упрощение и профанация сознания, современные вызовы.

В русском языке имеется множество абстрактных существительных, образованных посредством суффикса «-ость». В числе таких слов – «честность», «преданность», «вечность», «подлость», «лживость», а также «человечность», представляющее интерес для настоящего исследования. Последнее, в принципе, знакомо большинству и значимо для многих современников, что хорошо, но недостаточно. Этим обуславливается необходимость глубокого понимания смысловых уровней данного понятия, которого сегодня, зачастую, как раз и не хватает простому человеку в его повседневной практике, занятому и увлечённому решением скорее обыденных проблем, нежели концептуальных задач. Такое положение дел естественно, но оно *не является подлинным и полным бытием человека*. Осложняющим дополнением обозначенного выше, как ожидаемой закономерностью дальнейшего развития ситуации, является, ставшее характерной чертой настоящего времени, употребление фундаментальных понятий (по критерию значимости для жизни в целом; с точки зрения их смысла) скорее в патетическо-декларативном, нежели концептуально-конструктивном ключе, что выхолащивает и девальвирует именно базисные вехи, исторически впечатанные в данную лексическую единицу, употребляемую людьми. Слово «человечность» здесь не является исключением. Наконец, положение дел сегодня существенно осложняется ещё и тем, что одновременно продолжают усиливаться тенденции симплификации и профанации содержания принципиальных категорий. В результате такого синтеза в действительности воцаряется весьма *примитивный*, а потому *удобный*, а потому и *поддерживаемый*, причём, и потребителями, и заказчиками идеологический конструкт, суть которого сводится к сообразной максиме: «Мы за всё хорошее против всего плохого», которая, хотя обычно и применяется в бравадно-шутливом ключе, на самом деле, благодаря своей отбитаемости, для многих стала именно руководящей идеей реальной практики. Очевидно, что по прошествии совсем недолгого времени его воплощения в реальность, в ней возникают карикатурные, а сегодня уже и откровенно уродливые, но при этом настоящие, что и ужасает сознание, явления и процессы, в которых и с которыми приходится реально жить людям и обществам. Всякий заинтересованный, сконцентрировав внимание, может легко обнаружить примеры этого, а фокусировка на профессиональной сфере деятельности помогает сделать это быстрее.

Сказанное обосновывает проведение концептуализирующей работы.

Исходя из того, что заявленное к рассмотрению понятие есть понятие абстрактное, то разговор и рассуждение на сей счёт, а через то понимание сущности явления, целесообразно реализовать через принятие во внимание конечного продукта, результата воплощения в действительность и практику жизни современника тех самых незримых, абстрактных в смысле неосязаемости, руководящих, модулирующих сознание вводных, императивных установок, полагаемых таковыми конкретным человеком. Глядя на внешнее, можно постараться и составить представление о внутреннем, работа с ко-

торым позволит отформатировать (а если потребуется, то и «переустановить»), что, очевидно, очень непросто) его, что в свою очередь, снова будет делаться вполне фиксируемым достоянием времени, которое, исходя и в соответствии с выработанной и принятой системой ценностных установок, можно будет квалифицировать как положительное и созидательное или негативное и деструктивное. Так будет выявлено собственно человеческое – человечность, а выделенное охарактеризовано, т.е. прояснено.

Как отмечалось ранее, трудовое поприще человека способно предложить целый ряд примеров касательно рассматриваемой проблематики. Сфера образования не только не является исключением, но ещё и более наглядной, а главное чувствительной плоскостью личной и общественной жизни. Вполне очевидно, что субъект педагогической деятельности обязан уметь примечать и осмысливать имеющиеся и развивающиеся тенденции, т.к. от этого будет зависеть качество и эффективность его деятельности, концептуализирующей действительность, что в особой мере, как представляется автору, присуще обучению студентов колледжей и вузов философии-предмету.

Так, работа преподавателем философии-дисциплины, позволила зафиксировать весьма специфические проявления человечности, которые, как выяснилось и подтвердилось, не только и не всегда характеризуются положительно, как это представляется обыденному сознанию, а именно, что человечность – это всегда и только про хорошее, светлое и высокое в людях. Выявляя и анализируя образцы воплощения человечности, становится понятно, что *она может быть, как доброй и светлой, так и злой и тёмной*.

Сформулированные ориентировки позволяют инициировать процесс прояснения того, что *есть и откуда берётся* человечность. В качестве примера-иллюстрации, представляющего серьёзным поводом к размышлению над происходящим сегодня, предлагается рассмотреть и осмыслить одно из некогда зафиксированных явлений, сделанных за время работы преподавателем в системе СПО и ВО (НГУЭУ, НГМУ, НВВКУ, СибУПК).

Весьма многие студенты младших курсов колледжей и вузов, выполняя задание по написанию сочинения на заданную тему, в своих размышлениях, так или иначе выходя на осмысление темы Родины, в текстах своих работ пишут соответствующее слово с маленькой буквы, что, безусловно, говорит о патриотичности их настроения, а точнее – его обесценивании, а в пределе – об отсутствии сформированности ценностного отношения к проблеме вообще, в силу чего использование прописной или же заглавной буквы не является ни принципиальным, ни существенным. Указанный, не тотально, но многократно фиксировавшийся факт, можно и должно полагать явлением (от глагола «являть») того, что не видно – человечности, причём, в данном случае человечности тёмной и злой, что важно и должно понимать не только в фигуральном смысле. В первом случае можно и нужно полагать необразованность и непросвещённость, а во втором беспринципность и теплохладность. В таком раскладе сам факт использования в рассматриваемом случае маленькой литеры есть воплощение зла и тьмы во всех смыслах. При этом важно понимать, что оно, став фактом, не окажется финальным, но непременно повлечёт за собой новый виток внутренней, деградации и нравственной деструкции, которые, в свою очередь, обязательно приведут к новым, ещё более ужасающим и подлинно уродливым проявлениям, которые тоже придется именовать тем же словом «человечность».

Яркими, но одновременно прискорбными примерами, причём примерами недавними, т.е. происшедшими в обозримом прошлом (практически только что), но не единственными по своему характеру и почерку, являются следующие два события, своей аморальной низостью *volens-nolens* привлечших общественное внимание российского общества.

Так, 31.07.2022 информационный портал РИА Новости (МИА «Россия сегодня») сообщил о том, что «сотрудники полиции в городе Борзя Забайкальского края нашли **пятерых** подростков, которые **осквернили могилы военнослужащих, погибших во время спецоперации на Украине** (выделено мной – М.Ф.)» [2], из числа которых только один оказался достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности по соответствующей статье УК РФ (ст. 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»). Уродство поступка ещё больше нагружается тем обстоятельством, что уголовно наказуемое деяние было совершено в отношении тех, кто сейчас, т.е. в настоящее время, а не какую-то исторически удалённую от него эпоху, о которой нужно иметь некоторое представление, отстаивает суверенитет России в рамках проводимой ею Специальной военной операции, причём, теми юными гражданами страны, которые ничего не понимают ни в концептуально, ни в онтологических проблемах, и которые даже не предприняли элементарных усилий для обретения *какого-то* понимания и ориентирования в происходящем, которые бы не позволили им поступить так, как то было содеяно ими. Дополнительная нагрузка, а с нею и нивелирование возможности извинения обуславливается тем, что те правонарушители, равно как и все прочие современники, так или иначе пребывали в актуальном информационном пространстве, которое позволяет, даёт возможность разобраться, составить представление о происходящем, даже в условиях активно и агрессивно проводимой против России уже не просто информационной кампании дискредитирующего характера, но масштабной войны нового типа, именующейся специалистами войной информационной или же войной ментальной. Примечательно, и тогда многое встаёт на свои места, что целями в таком случае оказываются как раз молодые и *естественно невежественные* умы, которые будучи уловленными в ловко, мудро, но коварно расставленные сети, в результате и совершают немыслимые прежде – бесчеловечные – поступки, оказывающиеся тем самым новым последующим продуктом/результатом ниспадения человечности с обратным знаком, делаясь её иллюстрацией, картинкой.

Сказанное представляется темой отдельного исследования, однако, здесь важно отметить несколько существенных обстоятельств. Первое. Человечность как явление, а не только понятие, оказывается инструментом, а точнее *оружием в современной войне, обеспечивающим достижения целей и задач, достигаемых традиционно посредством оружия конвенционального, ещё и изнутри, из глубины души человека – на императивно-инспирирующем уровне, уровне духа*. Второе. Возможный аргумент о том, что указанные выше порочные проявления человечности обусловлены только возрастом и т.н. «детской неразумностью» полагается несостоятельным. Во-первых, сознание, как способность, свойство, явление, т.е. *сущностно*, есть достояние *всех* homo sapiens как вида, в т.ч. и тех, специфически проявивших себя юных граждан РФ: всякий представитель вида – человек, но не животное, следовательно, апелляция и ссылка на бессознательность не являются контраргументами: животность – удел животных, а человечность – прерогатива человека. Во-вторых, истории России (и ми-

ра вообще) известны многие случаи, совсем не животных, но героических свершений и подвигов (вплоть до смерти, являющейся для всего биологического пределом) и действительно совсем детей, а не в том же числе, т.е. также – эквивалентно, равновелико, – рассматриваемых и понимаемых таковыми современной мыслью и шестнадцати-, и семнадцати-, и восемнадцатилетних, вполне половозрелых индивидуумов, полагаемых и воспринимаемых именно детьми, т.е. равными трёх-, пяти- и десятилетним ребятишкам, что просто позволяет кому-то заинтересованному многое списывать, что, очевидно, есть некий замысел, приём, технология, что только подчёркивает справедливость и актуальность ранее сделанного заключения о человечности как оружию в войне нового типа. Очевидно, что сознание указанных выше правонарушителей, равно как и многих других, аморально и противоправно поступающих подростков и юношества, обуславливается попаданием в тенёта тщательно продуманных и проработанных неприятельских программ (проектов). В данном случае акцент делается на то, что, не смотря на возраст, подрастающее поколение оказывается способным выявлять и присоединяться к чему-то из потока генерируемых и изливающихся на него смысловых потоков. Вопрос в том, каков будет выбор. Его решение снова упирается в проблематику человечности, *содержание которой предстаёт в деле выбора критерием и своего рода камертоном.*

Не менее резонансным происшествием, являющимся скорбной иллюстрацией сформулированных выше идей относительно человечности, оказывается ещё одно недавнее происшествие, буквально взорвавшее социальные сети в России. 29.07.2022 тем же информационным ресурсом сообщалось, что в Воронеже следователи возбудили уголовное дело об осквернении могил подростками. Основанием стало «видео, на котором молодой человек матерится и мочится на могилу, танцует на памятниках и целуется с другим юношей» [1]. Позднее, будучи обнаруженными и задержанными сотрудниками правоохранительных органов, один из двух правонарушителей, которому оказалось 15 лет и который был действующим лицом видеоролика, произнёс весьма примечательные слова в своё извинение-оправдание, распространившиеся и в социальных сетях (видео) и освещенное СМИ (сообщение), а именно: «Отпустите, я несовершеннолетний. Я больше так не буду, правда. Пожалуйста, пожалуйста, я не могу просто, **я не хотела** (выделено мной – М.Ф.)» [4]. Кроме того, газета «Известия» привела некоторые подробности биографии задержанного: «По данным издания Readovka, подростка зовут Федор, однако называет себя Тиффани. Живет в Египте вместе с мамой и папой, в Воронеж приехал к бабушке. По словам опрошенных изданием друзей, одним из основных увлечений Федора является TikTok» [4].

Для нормального, здорового сознания приведённые примеры являются бесчеловечными, т.е. не являются, не представляют человечностью, воплотившейся в реальность, однако, при этом они же и есть человечность и её воплощение. Проблема в том, что в силу деструктивно-тлетворных процессов и определённых усилий она стала специфически пониматься и как результат обрела вполне фиксируемый облик патологического генезиса, материализовавшийся в указанных примерах.

Опираясь на сказанное, можно сделать важный вывод о том, что человечность как свойство, отображаемое общепотребимой лексической единицей, есть явление приходящее, моделируемое и модулируемое.

Продолжая основное исследование, важно отметить следующую мысль. Фиксация факта использования сту-

дентами в затронутом случае именно маленькой литературы отражает наличие и более глубоких причин, обуславливающих и обусловивших такое положение дел. Речь идёт о *повреждённости* или *специфической настройке* ценностно-императивных установок субъектов образовательной и воспитательной деятельности, ответственных за формирование нравственного облика объекта. Таковыми до момента поступления в колледж/университет являются родители и школьные учителя будущих студентов, многие из которых сегодня сами оказываются в индифферентном и обесценивающем всё и вся тренде, выхолащивающем, содержание и дух концептуальных понятий, одним из которых, однозначно, является «Родина», которое, как представляется, непосредственно и тонко связано с рассматриваемым понятием «человечность», уже хотя бы потому, что для мира животных, существующих в животности, понятие Родины не присуще и ничтожно: у них есть среда обитания/ареал распространения, которые как понятия порождены и потребны человеческому сознанию как инструмент познания, описания и воздействия/изменения действительности.

Яркий пример того, что здесь подразумевается и о чём речь, а именно здоровой, продуктивной и творческой связке и взаимовложенности двух понятий обнаруживается в песне на слова М. Матусовского, исполненной М. Бернесом, «С чего начинается Родина?», которая сегодня многими забывается, а некоторым (молодым современникам) уже оказывается и неизвестной (как артефакт) и его смысл (как содержание), как пример иного порядка, оказываются образцом положительного наполнения, одухотворения, практического отражения рассматриваемого понятия «человечность». Он также свидетельствует о способности и потребности человеческого сознания и души в высоких собственно нравственных ориентирах, которыми пропитывается некогда просто слово, образованное, как и множество других, суффиксальным способом, и таким образом становящееся концептуальной категорией, практическое воплощение которой, приносит свои плоды. Здесь ощущение поэтом Родины обратилось и реализовалось сроками стихотворения, каждая из строф которого отражает и передаёт ощущение чего-то сакрального:

*«С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре,
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.
А может она начинается
С той песни, что пела нам мать,
С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять».*

Здесь важно ещё раз отметить, что в первых двух случаях, использованных выше в качестве примера, наблюдается идентичная ситуация, однако, с принципиальной разницей в знаке теоретического конструкта человечности.

Таким образом, сказанное выше позволяет сформулировать ещё один важный вывод об исследуемом явлении. Человечность – это о чувствовании, переживании и вживании в сакральное. Сопоставляя приведённые примеры, становится ясно, что первые два совершенно лишены благоговейного духа, а относительно второго они ещё и однозначно являются противоположными по знаку, т.е. человечностью наоборот, которой можно и должно подобрать своё понятие. Таковым словом, со всеми присущими, вложенными в него смыслами, является существительное «осатанелость», образо-

ванное, к слову, тем же суффиксальным способом, используемое в секулярном дискурсе, но неизбежно имеющее отзвук и связь с духовным аспектом бытия человека. В рассматриваемом случае осатанелость, дойдя и впад в которую, воплощается тем и так, что осатанелому уже ничто не свято – ни могилы предков; ни погибшие на войне, даже не далёкой, о которой нужно иметь историческое представление, закладываемое и определяемое в процессе образования, но и о той, свидетелем и современником которой является сам впадающий; ни личное достоинство; ни даже почтение к своему, данному/установленному природой полу.

Возвращаясь к мысли о причастности к закладке и формированию облика человечности старших по возрасту субъектов образовательной и воспитательной деятельности, а также мысли о возможности оказаться повреждённой или же специфически настроенной их системы ценностно-императивных установок, что как факт легко устанавливается по характеру и их деятельности, и поступков подчинённых, подвластных объектов, необходимо сказать следующее.

Оказывается, что несмотря на объективное старшинство и гораздо большую жизненную опытность, они сами, зачастую (а особенно сегодня), испытывают недостаток и страдают (что может и не замечаться ими самими) от идейно-смысловых пробелов, возникших в своё время в их сознании, что становится, а сегодня уже стало причиной наслоения и взаимопроникновения психологических, педагогических и философских пороков. Как синергичный результат они начали расцветать и отражаться именно в сегодняшних молодых современниках – собственных детях тех самых старших и опытных граждан. Это, очевидно, есть та самая, известная всем, смена поколений, о которой знают и говорят, но, скорее, в том самом патетическом и декларативном, нежели концептуальном и прикладном духе и ключе. Знание не отражается на качестве формируемой, задаваемой старшими младшим человечности.

Сказанное подтверждает следующий факт-пример. Студенты, которых автору представилось обучать в очередном (2021/2022) учебном году, были рождены в 2003–2004 гг. Собственно, им – 17–18 летним современникам – и ставилась задача по написанию сочинений, из содержания которых и был извлечен факт наличия у некоторых из них, возможно, и не в полной мере осознаваемого, но индифферентного отношения к Родине, отразившегося в характере написания ключевого слова. Родителям этих студентов – тем самым старшим и опытным субъектам – на момент первого курса их детей было около 40 лет (поправка «+»/«-» год-два не принципиальна). Значимо то, что они – взрослые, экономически и политически активные граждане России – родились в конце 70-х, начале 80-х годов XX века, т.е. в совсем другую эпоху и в совсем другой стране. В преподавательской рутине, а уж тем более повседневности того, кто к ней не причастен, данный факт не часто попадает в поле зрения, а потому не вызывает реакции сознания, т.е. не рождает особых параллелей и выводов, хотя обращение к цифрам способно породить серьёзные размышления, в т.ч. и по затрагиваемой проблематике.

Именно цифры и даты позволяют заметить, что отцы и матери сегодняшних обучающихся, как уже было сказано, родились в принципиально иную – Советскую – эпоху, в совсем другом государстве – Советском Союзе. Здесь это имеет решающее значение. Появление на свет и достаточно длительное личностное формирование в советской парадигме со всеми её достоинствами и изъянами (до 1991-го года, а фактически, т.е. как добавка к историческому сроку, ещё и первые годы на-

ступивших, «святых девяностых» (Н. Ельцина: «По-моему, 90-е годы надо называть не лихими, а святыми и поклониться тем людям, которые жили в то сложное время, которые создавали и строили новую страну в тяжелых условиях, не потеряв в неё веру» [3]), пришедших и кроваво разрушивших, хотя и не сразу, советский уклад и советский дух) обуславливало формирование самобытной, уникальной человечности, однозначно, имевшей серьёзный вдохновляющий и созидательный, т.е. положительный потенциал.

Бесспорным фактом является то, что делу формирования советского человека в ту эпоху вообще уделялось большое внимание. На излёте жизни социалистического государства деструктивным тенденциям подверглись все сферы жизни, в т.ч. образование и воспитание, причём, по мере приближения к «святых девяностым» и погружения в их водоворот, разрушительный тренд становился всё более мощным. Акцентирование этого, теперь уже очевидного факта, необходимо в силу следующей причины. Дело в том, что повзрослеть, стать родителями, сделаться действующими лицами процессов в жизни страны, указанному поколению советских граждан, выпало в совершенно новой стране, хотя родиться и включиться в процесс морально-нравственного становления, т.е. обрести определённый фундамент, довелось в ещё достаточно благоприятное (с точки зрения идеологии, человеческой ценностей, принципов и установок) время. Появление на свет именно указанного поколения на стыке эпох обеспечило ему обретение действительно *уникального* опыта. С одной стороны – это усвоение именно в начале пути духовного становления квинтэссенции советского настроя и духа во взгляде на мир и его ощущении. Речь здесь совсем не идёт об идеологической/политической компоненте, которая к тому времени как раз изрядно обветшала, что и привело позднее к фатальным последствиям. С другой стороны – это усвоение, вобрание в себя же всего того, что принесла с собой новая страница в жизни страны (90-е и 00-е), прошедшая уже в лучах совершеннолетия и начавшейся зрелости, специфически наполнившая сознание и душу человека. Уникальность ситуации, как она видится, заключается в том, что существенно разное соединилось в одно целое и оказалось и основополагающим, и лично осмысленным, в т.ч. и критически, достоянием человека. Для большинства из тех, кто сегодня является активным актором-современником это, естественно, поспособствовало усилению их ментально-духовной конструкции, однако, полностью предупредить, уберечь, отвлечь от совершения ошибок (в т.ч. и критических), касающихся и личного бытия, и жизни государства, это не смогло. Действительно печально то, что многими такая уникальная ценность была проигнорирована или воспринята посредственно, результатом чего стали и становятся реальностью такие примеры, что были приведены ранее. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что всё доброе и лучшее *из тогда* не может быть само по себе, гарантировано перенесено *в сейчас*, прижиться в нём и дать достойный урожай. Это в полной мере относится к явлению, осмысливаемому в настоящем исследовании: выработанный некогда эталон, образец позитивно понимаемой человечности гарантированно в том же мдуе и статусе не транслируется по цепочке далее – последующим поколениям, сменяющим стареющие и уходящие с исторической сцены. Идеологическая матрица и ценностно-смысловой код генетически не передаются, но формируются и складываются в процессе сообразного воспитания и окультуривания, а это требует, как бы то ни казалось странным, соответствующих умений и навыков, которых, несмотря на загрузку когда-то опреде-

лёнными идеями, а в последствие и их подкрепление опытом, оказывается и не достаёт в нужное время. Собственно, это и произошло с частью тех ныне взрослых людей, чьи дети, порой, ведут, проявляют себя недолжно и невозможно с точки зрения установок близких, в чём-то даже родных их родителям. Человечность одних идёт в разрез человечности других.

Продолжая осмысление затронутой ситуации, важно отметить следующее. Обозначенная выше уникальная возможность личного личностного становления поколения излёта советской эпохи обретает ещё большую ценность и вес в виду того, что по вполне объективным причинам все те, кто родился позднее оказались и оказываются в заведомо более невыгодном положении. У них оставалось и остаётся всё меньше и меньше возможности застать, ухватить стремительно исчезающее советское наследие, а стало быть, остаться в формирующем материале только 90-х, 00-х и далее годов, сообразно вносивших лепту в ментально-духовный код, который стал воплощаться и материализовываться в новом поколении, которое в полной мере входит в субъектность и акторность в настоящее время, в концептуальном плане проявляя себя, порой, весьма и весьма прискорбно. Здесь же важно подчеркнуть два важных обстоятельства. Первое. Прошлое вообще и конкретная часть большой эпохи в жизни России, не идеализируется и не видится автором абсолютным примером. Второе. Далеко не все молодые современники видятся неблагонадежными и откровенно пропащими.

Дело в том, что несколько превознося одно (первое) и оттеняя другое (второе) появляется возможность, средство подсветить неблагополучие в актуальном бытии современной жизни человека и общества и, что главное, постараться выработать адекватные пути решения трудностей и вызовов, причём, не слепого копирования и клонирования чего-то, что зарекомендовало себя положительное в прошлом, но его учёт в нынешних условиях.

Собственно, всё сказанное, как пример, позволяет утверждать, что нынешняя проблема с человечностью молодого современника, выливающаяся в неадекватное поведение и поступки, а также особое обращение с базисными понятиями (слово «Родина», пишущееся с маленькой буквы), как следствие возникновения концептуальной недостаточности, однозначно, воспринимаемая как проблема и вызов думающими и небезразличными современниками, при всём раскладе и учёте изъянов, не могла бы стать реальностью в ещё относительно недавнем прошлом, благодаря целенаправленно проводимой работе *над* и *с* образом той самой человечности – наполнению просто слова содержанием и обращением его таким образом в концептуальное понятие.

Сопоставление опыта даёт возможность сделать ещё одно важное заключение по поводу центральной проблемы исследования, а именно о том, что созидание образа человечности не может и не должно отпускатся на самотёк, но быть непрестанно модулируемым и верифицируемым по установленным критериям, т.к. только в таком случае она, оставаясь абстрактным понятием, не будет абстракцией для конкретного человека и общества, что повлечёт за собой сообразное трансформирование актуальной действительности.

Подводя итог проделанной работе, важно подчеркнуть, что анализ происходящего вообще и отдельных случаев в нём с философско-педагогической точки зрения, позволяет в той или иной мере добиться снятия концептуальной недостаточности, наблюдающейся сегодня у многих (в особенности молодых) современников в отношении ключевых, базисных понятий, что позволит та-

ким образом остановить и даже повернуть вспять усилившуюся сегодня тенденцию симплификации и профанации – расчеловечивания – человека.

Литература

1. В Воронеже возбудили дело после «танцев» подростков на кладбище // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20220729/voronezh-1805822816.html?ysclid=l7r37p8ubm166263729>, свободный (дата обращения: 15.09.2022).
2. В Забайкалье нашли подростков, осквернивших могилы участников спецоперации // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20220731/vandalizm-1806171824.html?ysclid=l7r2lcq3ct370415713>, свободный (дата обращения: 15.09.2022).
3. Наина Ельцина предложила считать 90-е годы святыми // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/565416>, свободный (дата обращения: 15.09.2022).
4. Танцевавший на могиле ветерана в Воронеже записал видео с извинениями // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/1371766/2022-07-28/tantcevavshii-na-mogile-veterana-v-voronezhe-zapisal-video-s-izvineniami?ysclid=l7r40b4nl8253450574>, свободный (дата обращения: 15.09.2022).

HUMANITY: CONCEPTUALISATION OF THE TERM BY MEANS OF PHILOSOPHICAL & PEDAGOGICAL ANALYSIS OF THE CURRENT EVENTS

Fomin M.S.

Novosibirsk Higher Military Command Order of the Zhukov School

The aim of the article is to consider such a phenomenon as “humanity” that is being made by means of philosophical & pedagogical analysis of the current events. All of them are considered to be a reflection in the actual reality those invisible, but really existing ideas & senses, which are embedded into the common known word, that is broadly used. Precisely speaking all of them being the invisible items/ phenomena define the character & the essence of human actions and deeds those are quite tangible, which are the embodiment of the humanity, which is not always positive as it often thought to be. All of the above is considered to be the aim of conceptualization of a common, just an abstract word (“humanity”) that (by this means) is turning to be an important moral & mental category. In its turn, it’s necessary to be done to prevent the developing tendency of simplification & profanation of the consciousness of the contemporary which make him vulnerable & a one who lost his subjectivity.

Keywords: Humanity, conceptualization of the term “humanity”, positive humanity, negative humanity, philosophical and pedagogical analysis of the term “humanity”, simplification & profanation of the consciousness, modern challenges.

References

1. In Voronezh, the case was opened after “dances” of teenagers at the cemetery // [Electronic resource]. Access mode: <https://ria.ru/20220729/voronezh-1805822816.html?ysclid=l7r37p8ubm166263729>, free (accessed: 15.09.2022).
2. In Transbaikalia, they found teenagers, obskovvernykh mogly participants in spetsoperation // [Electronic resource]. Mode of access: <https://ria.ru/20220731/vandalizm-1806171824.html?ysclid=l7r2lcq3ct370415713>, free (accessed: 15.09.2022).
3. Naina Yeltsina proposed to consider 90-e gody svyaty // [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.interfax.ru/russia/565416>, free (accessed: 15.09.2022).
4. Danced on the grave of a veteran in Voronezh recorded a video with apologies // [Electronic resource]. Access mode: <https://iz.ru/1371766/2022-07-28/tantcevavshii-na-mogile-veterana-v-voronezhe-zapisal-video-s-izvineniami?ysclid=l7r40b4nl8253450574>, free (accessed: 15.09.2022).

О совместимости деонтологизма с умеренным экстернализмом в теории эпистемического обоснования: решение М. Бергмана

Галухин Андрей Владимирович,

к.ф.н., доцент, доцент кафедры истории и философии
Российского экономического университета
имени Г.В. Плеханова
E-mail: mystolbard@gmail.com

В статье рассматриваются альтернативные способы эпистемологической концептуализации обоснования, заданные в парадигмах интернализма и экстернализма, и анализируется их соотношение с принципами эпистемического деонтологизма. Производится реконструкция и анализ аргументов эпистемолога М. Бергмана, посредством которых демонстрируется, что в рамках комплексной экспозиции системно-интегрального фактора обращения истинных убеждений в знание деонтологическую обоснованность убеждений можно представить как подусловие более фундаментального условия исключения дефикторов – факторов, подрывающих убеждения, что дает достаточное основание для утверждения совместимости эпистемического деонтологизма с принципами экстерналистского подхода в теории обоснования.

Ключевые слова: эпистемология, эпистемическое обоснование, интернализм, экстернализм, деонтологическая концепция обоснования, дефикторы, знание.

В работах ряда современных эпистемологов представлены конструктивные попытки исследовать *возможности совмещения деонтологической концептуализации эпистемического обоснования с позициями экстернализма* и расширить, таким образом, область теоретических принципов, исходя из которых можно было бы более основательно определить роль различных конституентов обоснованности в обеспечении условий конвертации доксистических установок в знание.

Рассмотрим для примера проект решения этой задачи, который был предложен М. Бергманом.

Но прежде необходимо дать определение тех альтернативных позиций, с которых в современной эпистемологии дается экспликация теоретических оснований разработки проблемы обоснования и на которые ссылается Бергман при обсуждении проблемы соотношения деонтологизма с экстернализмом.

В рамках эпистемико-деонтологического подхода квалификация успешности достижения субъектом познавательных значимых целей, а в пределе – оправдания притязаний субъекта на знание, осуществляется на основе оценки того, насколько субъект при формировании и оценке убеждений, исходя из условий обращения их в знание, последователен в исполнении *эпистемического долга*, а именно – объективных обязательств, вытекающих из норм, регулирующих доксистическую сферу эпистемически целесообразным образом, и насколько позиция субъекта, проявляющаяся в формировании и поддержании определенных убеждений, *безупречна* (принимая во внимание субъективные обязательства и их отношение к объективным). Применительно к теории эпистемического обоснования деонтологический подход выражается в определении статуса обоснованности убеждений, исходя из политики их сознательного формирования и поддержания, демонстрирующей ответственное отношение субъекта к тому, что составляет его долг как субъекта познания: верифицирующую функцию в отношении состояния обоснованности выполняет факт исполнения субъектом познания при культивировании собственных убеждений релевантных интеллектуальных обязательств или достижения им позиции, отвечающей эпистемически значимым стандартам безупречности в отношении собственных доксистических установок. Дисциплина отношения к убеждениям выстраивается на основе *требований, разрешений или запрещений*, и каждое из этих деонтически-регулятивных понятий может быть определено на основе установления того, какие доксистические установки полагаются для субъекта должными или правомерными. Так, одна из канонических версий определения критериев обоснованности в деонтических терминах предполагает, что в качестве обоснованного можно квалифицировать такое именно убеждение, культивирование которого *разрешено* эпистемическими принципами. По определению У. Олстона, «Утверждать, что S обоснованно убежден, что p, в момент времени t, значит утверждать, что ре-

релевантные правила или принципы не запрещают S придерживаться убеждения, что p в момент t » [3, с. 258]. Положение это эквивалентно экспликации принципа обоснованности с деонтологических позиций, которую предложил М. Стьюп: S обосновано полагает, что $p = df$ положение дел не таково, что S должен воздерживаться от полагания, что p » [17, с. 461].

Альтернативная версия определения деонтологического стандарта эпистемической обоснованности предполагает использование таких деонтически-оценочных концептов как безупречность, невиновность, непредосудительность и ряд других понятий, содержание которых было реинтерпретировано относительно условий экспликации нормативного содержания общего понятия эпистемического обоснования. Формулировка К. Гине хорошо передает смысл эпистемико-деонтологических определений такого рода: «Человек обоснованно поддерживает уверенность в том, что p , если и только если это не тот случай, когда он не должен быть уверенным в том, что p . Человека нельзя правомерно упрекнуть за то, что [он полагает] p » [10, с. 28]. В более развернутой формулировке, предложенной Н. Ноттельманом, утверждение значения безупречности для квалификации состояния обоснованности можно представить, отпавляясь от противного, следующим образом:

«Агент (человек как субъект познания – Авт.) эпистемически небезупречен («blameworthy» = достоин порицания) в плане поддержания убеждения, что p , если и только если

1. Она полагает, что p .

2. Убеждение ее в том, что p , является нежелательным с эпистемической точки зрения (т.е., исходя из условий возможности достижения знания – Авт.).

3. Отсутствует надлежащее основание, составляющее оправдание для приверженности эпистемически нежелательному убеждению, что p » [13, с. 47].

Интеграция деонтологических квалификаторов позиции субъекта в основания оценки эпистемического статуса его убеждений оправдана, если в определении деонтически значимых критериев обоснованности заложена референция к таким «релевантным правилам и принципам», которые предназначены для регулирования доксасической сферы относительно эпистемически значимых целей, главная из которых – максимизация истинности и минимизация ложности в наибольшем массиве убеждений. Поэтому для того, чтобы убеждения были обоснованными, дисциплина их формирования и отбора должна выстраиваться в соответствии с «принципами, которые будут запрещать придерживаться убеждений, сформированных таким образом, что высока вероятность того, что они являются ложными, и разрешать или требовать поддерживать убеждения, сформированные таким образом, что достаточно высока вероятность того, что они являются истинными» [3, с. 259].

Для целого ряда исследовательских программ в области эпистемологии, задействовавших ресурсы рефлексии над основаниями подхода, применяемого для разработки проблемы обоснования, парадигматическим стало представление, что *из принципов деонтологической концептуализации обоснования с необходимостью следует утверждение принципиальной значимости позиций интернализма*, требующих определения условий и факторов, в силу которых убеждения приобретают статус обоснованных, исключительно на основании тех данных, которые доступны распознанию из собственной – «внутренней» перспективы сознания субъекта.

Если культивирование убеждений, для которых имеются надежные индикаторы вероятной истинности, явля-

ется основным *долгом* человека как субъекта познания, и если есть круг правомерно вменяемых ему интеллектуальных обязательств, т.е. человек полагается *ответственным* за регулирование собственной доксастической сферы, исходя из принципов, разрешающих только такие убеждения, условия формирования которых или основания для поддержания которых эпистемически адекватны (например, гарантируют, повышают вероятность или определено указывают на истинность пропозиций, составляющих предмет убеждений), то *наличие таких индикаторов, условий генерации и оснований для убеждений* должно относиться к разряду фактов, которые субъект может *гарантированно выделить и (в идеале) безошибочно распознать*, полагаясь исключительно на способности интроспекции или рефлексии, т.е., задействуя ресурсы собственного в себя обращенного сознания. Деонтологически основательный аргумент в пользу такого интерналистского ограничения – требования распознаваемости условий и факторов обоснования из «внутренней» – собственной перспективы сознания субъекта (т.е. из того, что субъект знает, в чем он обоснованно убежден, что он помнит, испытывает и постигает как имманентное содержание опыта), состоит в следующем: знание об этих факторах, наряду с адекватным пониманием того, в чем состоит его долг как субъекта познания, составляет конститутивное условие выполнения этого долга, и только такой человек, который в достаточной мере обладает этим знанием, понимая также, из каких элементов поведения складывается политика в отношении собственных убеждений, которая санкционирована «правилами и принципами», очерчивающими сферу должного, исходя из условий продвижения к знанию, может на регулярной основе демонстрировать поведение, удовлетворяющее деонтическому стандарту безупречности, и считаться ответственным, если эти обязательства, правомерно (согласно принципу *Debes, ergo potes* = Должен, значит можешь) ему вменяемые, не выполняются.

Квинтэссенцию типичных рассуждений, посредством которых эпистемологи пытаются доказать, что деонтологизм имплицитно исключительную ориентацию на интернализм в теории обоснования, Дж. Греко выразил в форме такого предельно общего аргумента:

«1. Убеждение b является эпистемически обоснованным для человека S только при условии, что S, поддерживая убеждение b , демонстрирует эпистемически ответственное отношение к своим убеждениям (т.е., принимая пропозицию p и культивируя соответствующее убеждение, субъект не нарушает релевантные правила и принципы, формирующие эпистемически целесообразную дисциплину формирования и поддержания убеждений; иными словами, с деонтической точки зрения позиция субъекта в отношении убеждения b безупречна – Авт.).

2. Эпистемическая ответственность всецело зависит от факторов, которые являются внутренними по отношению к сознательной перспективе S.

Следовательно,

3. Эпистемическое обоснование всецело зависит от факторов, которые являются внутренними по отношению к сознательной перспективе S. (1, 2)» [12, с. 328].

Основная интенция Бергмана, как мы увидим, состоит в том, чтобы в противовес этому парадигматически закрепившемуся представлению, поддерживаемому рядом эпистемологов (Р. Чизом, К. Гине, М. Стьюп и др.), доказать, что деонтологическая концепция обоснования не предполагает исключительную установку на интернализм, т.е. деонтологическое понимание обоснования не дает уникальных и решающих причин для того, что-

бы утверждать эпистемологическую иррелевантность экстернализма и придерживаться принципиальных интерналистских ограничений в отношении условий и факторов обоснования и конститuentов обоснованности. В роли главных интерналистских ограничений выступают требование отнесенности состояний, событий и условий, на которых супервентен статус обоснованности, к ментальной перспективе субъекта («ментализм») [9, с. 56], и требование познавательной доступности факторов обоснования в границах собственного – в себя обращенного сознания («аксесибилизм»).

Проясняя базовые принципы интернализма в теории обоснования в одной из своих статей, я рассматривал в качестве образцовой ту версию интернализма, которую можно классифицировать как *аксесибилизм*, поскольку именно *аксесибилизм* (т.е. *интернализм доступа*), как доказывает Д. Притчард [15, с. 236], а не *ментализм* (как полагали Кони и Фельдман), наиболее последовательно выражает основную идею интерналистских подходов, – интернализм-аксесибилизм придает критериальное значение принципу когнитивной доступности – *распознаваемости* условий и факторов обоснования из перспективы «внутреннего» – сознательного отношения субъекта познания: «Основоположением *интерналистской парадигмы* является принцип построения обоснования, исходя из различных для субъекта – когнитивно доступных ему факторов, в роли которых выступают как факторы докстатического (убеждения и их инференциальные отношения), так и недокстатического (содержание опыта, «чувственные данные») порядка. Экстернализм утверждает обратное: обоснование (по крайней мере, частично – Авт.) зависит от факторов, внешних по отношению к ментальной перспективе субъекта, и именно факторы, находящиеся вне зоны когнитивного доступа субъекта, следует принимать в расчет, когда ставится и решается вопрос об эпистемической оправданности – обоснованности убеждений» [2, с. 130].

Для различных экстерналистских теорий методологически общей является стратегия анализа понятия обоснования в терминах других – неэпистемических, модальных, вероятностных или даже натуралистических (каузально-номологических или когнитивно-функционалистических) понятий. Различные экстерналистские теории по-разному формируют представление о конститuentах и показателях положительного эпистемического статуса убеждений, эквивалентного тому, что на языке традиционной эпистемологии называлось «обоснованностью». Так, для целого класса экстерналистских теорий основополагающей стала диспозиция к определению условий обоснованности, исходя из каузальной связи убеждений с фактами или степени надежности процесса формирования убеждений: согласно классической каузальной теории знания вероятная истинность убеждений гарантирована при условии, что имеется надлежащая каузальная связь убеждения с фактом, относительно которого оно формируется, и ключевые звенья этой связи могут быть должным образом реконструированы; согласно процессуальному релейэблизму, убеждение обоснованно, если и только если оно формируется или поддерживается когнитивными процессами, которые в целом являются надежными (надежность означает высокую степень вероятности того, что убеждения, формируемые таким образом, являются истинными) [11]. В рамках модельно-треккинговой теории Р. Нозика показателем эпистемического статуса убеждений является контрфактуальная чувствительность к истине [1, с. 39–59]; в ранних вариантах эпистемологии добродетелей убеждение заслуживает положительной оценки, если и только если оно является

результатом проявления интеллектуальных добродетелей, в роли которых выступают надежные когнитивные способности или диспозиции [16]; в рамках индикаторной теории убеждения обоснованно, если и только если оно базируется на основаниях, которые содержат объективные показатели истинности [4, с. 527–551]. Наконец, А. Плантинга в рамках функционалистского подхода «снимает» содержание классического понятия обоснования, исходя из более общего понятия эпистемического гаранта (“the warrant” в терминологии А. Плантинги), понятия, на уровне которого обобщаются условия обращения истинных убеждений в знание: убеждение обладает качеством эпистемической гарантированности, «только если (1) оно было сформировано во мне посредством работы когнитивных способностей, которые функционируют надлежащим образом [...] в условиях той познавательной среды, которая подходит для этого типа познавательных способностей; при этом (2) сегмент общего плана-замысла, регулирующего производство этого убеждения, направлен на производство истинных убеждений, и (3) существует высокая статистическая вероятность того, что убеждение, созданное в этих условиях, будет истинным» [14, с. 59].

М. Бергман предпринял достаточно оригинальную попытку продемонстрировать парадоксальное, как может показаться, положение, что эпистемический деонтологизм в принципе совместим некоторыми установками умеренного экстернализма, допускающими, что для класса условий, необходимых и в совокупности достаточных для обоснования, требование когнитивной доступности не является обязательным, за исключением условия исключения факторов, подрывающих убеждения, которое предполагается дефиторологической концепцией [8, с. 153–177], восполняющей недостатки классического определения знания.

Исследование теоретических возможностей конвергенции нормативно-оценочного подхода, предполагаемого деонтологизмом, с рядом принципов экстернализма, трансформирующих классическое понятие обоснования, представляется эпистемологически целесообразным, поскольку такая конвергенция позволила бы, во-первых, преодолеть недостатки деонтологической теории обоснования (такие, например, как неоправданное допущение докстатического волюнтаризма и недостаток истинностной проводимости), удерживая ее рациональное ядро – идею объективных интеллектуальных обязательств, вытекающих из общезначимых норм и принципов, формирующих познавательную дисциплину, а во-вторых – произвести экспертизу регулятивных оснований познавательной деятельности, исходя из более комплексного представления как «внутренних» – относимых к рефлексивно-сознательной перспективе субъекта, так и «внешних» (каузальных, когнитивно-процессуальных, функциональных, модальных и иных) условий знания, что, в-третьих, означало бы удостоверение значимости для программ нормативной эпистемологии тех критериев оправдания притязаний субъекта на знание, которые определяются в парадигме экстернализма, традиционно считавшейся матрицей для проявления натуралистических тенденций, умаляющих роль нормативной рациональности.

Так, например, один из аргументов, раскрывающих недостатки деонтологического подхода, состоит в том, что классические проекты деонтологической концептуализации эпистемического обоснования основывались на ряде неоправданных допущений, в числе которых наиболее сомнительным представляется допущение способности субъекта осуществлять прямой сознательно-волевой контроль над сферой собственных

убеждений (позиция, известная как «доксастический волюнтаризм»). У. Олстон – один из принципиальных критиков деонтологического подхода – доказывает, что допущение, утверждающее способность субъекта прямым образом регулировать доксастическую сферу, совершенно несостоятельно, а признание возможностей косвенного влияния, которое оказывают на сферу убеждений некоторые из сознательно совершаемых действий, не дает достаточных оснований для утверждения релевантности деонтологических критериев, таких как ответственное отношение к интеллектуальным обязательствам и безупречность, контексту оценки статуса эпистемической обоснованности [3, с. 260–274]. Даже если признать доксастический волюнтаризм в его умеренной форме и допустить, что какие-то условия формирования и отбора некоторых убеждений поддаются сознательно-волевому регулированию, то объяснительный потенциал теории, которая не в состоянии эксплицировать условия обоснования для обширного класса убеждений, формирующихся когнитивно-спонтанным образом, является весьма ограниченным. Между тем, экстерналистские теории достаточно эффективно справляются с объяснением эпистемического статуса убеждений, даже если эти убеждения выпадают из зоны сознательного контроля со стороны субъекта познания: общим для ряда экстерналистских теорий является определения критериев обоснованности убеждений исходя из того, что их эпистемический статус частично зависит от их каузальной истории (надлежащей этиологии), типа и характера источника (надежности способа формирования) и когнитивно-функциональных аспектов познавательной ситуации, которые субъект может и не осознавать, а значит ограничения, заложенные в классической деонтологической теории, допускающей доксастический волюнтаризм, не затрагивают объяснительного потенциала этих теорий.

Другой аргумент против деонтологической теории обоснования, отчасти значимый и для критики интернализма (учитывая некоторую слабость интернализма перед вызовами скептицизма), состоит в том, что эта теория в принципе не обладает концептуальными ресурсами для демонстрации адекватной связи обоснованности с истинностью: если теория не в состоянии концептуализировать обоснование таким образом, чтобы показать, как выполняются условия истинностной проводимости (т.е. что в системе обоснования удостоверяет или гарантирует, что убеждения с достаточной вероятностью являются истинными), эпистемологическое достоинство такой теории сомнительно. Возможность разрыва между деонтологическим обоснованием и обоснованием, удовлетворяющим условию истинностной проводимости, спецификацией которого является принцип наличия адекватной основы для убеждений (обстоятельств или условий, которые не просто надежно указывают, но также конституируют вероятность того, что убеждения являются истинными) раскрывает У. Олстон: в одном случае убеждение может расцениваться по деонтологическим стандартам как вполне обоснованное, однако способ формирования этого убеждения может быть ненадежным, т.е. не способствовать достижению истины; в другом случае убеждение может формироваться на вполне адекватной основе, но при этом, несмотря на то, что условие истинностной проводимости выполняется, убеждение может не соответствовать стандарту деонтологической обоснованности [3, с. 274–283]. Следовательно, введение деонтологических критериев обоснованности, исходя из принятых допущений, не позволяет эксплицировать понятие обоснования так, как требуют собственные задачи эпистемологии.

Преимущество же экстерналистских теорий в том и состоит, что они более основательны и последовательны в плане демонстрации необходимой связи обоснованности с истинностью: интеграция в основания оценок вероятной истинности убеждений таких критериев как, например, надлежащая каузальная связь с фактами, надежность когнитивного процесса, правильное функционирование когнитивного аппарата, реализация законосообразного отношения между наличием определенного убеждения и положением дел, которое делает убеждение истинным, изначально мотивировано тем, чтобы преодолеть недостатки классической деонтологии и ограничения интернализма и построить методологию оценок эпистемического достоинства убеждений на фундаменте протонаучного объяснения фактов относительно регулярной связи убеждений с факторами истинности.

В концепции Бергмана эпистемико-деонтологическая обоснованность рассматривается не сама по себе, а в соотношении с другими условиями, каждое из которых вносит вклад в достижение такого эпистемически положительного состояния пропозициональных установок, в котором всякое истинное убеждение гарантированно обращается в знание. Чтобы выразить системно-интегральный фактор, актуализация которого отличает знание от истинного убеждения, Бергман оперирует понятием эпистемического гаранта, предложенным А. Плантингой; обеспеченность такого «гаранта» (W) – это такой позитивный эпистемический статус, который достигается, например, комбинацией обоснованности с условием X (где X может означать, например, отсутствие факторов, подрывающих убеждение [7, с. 419–436], продуцирование убеждений на основе надежного когнитивного процесса и т.д.; в ряде эпистемологических концепций обоснованность вообще отбрасывается и заменяется принципом исключения релевантных альтернатив, принципом контрфактуальной чувствительности т.д.).

В плане аналитической экспликации эпистемического гаранта, т.е. интегрального фактора обращения истинных убеждений в знание, экстерналисты могут вполне когерентно принимать формулу определения условий знания, инкорпорирующую принцип исключения «дефиторов» – факторов, подрывающих убеждения: «субъект знает, что р, если и только если он не полагает (и не стал бы полагать, если бы отрефлексировал основания своих убеждений), что есть факторы, подрывающие убеждение, что р» [5, с. 407]. Условие отсутствия факторов, подрывающих убеждения (NDC), необходимое для актуализации гарантирующего основания, т.е. для достижения такого состояния, при котором истинное убеждение обращается в знание, представляется вполне совместимым с системой принципов умеренного экстернализма.

Приведем классификацию М. Бергмана:

[E-mw] *Умеренный экстернализм* (в отличие от экстернализма в его сильной и слабой версиях) определяется Бергманом как такая позиция, согласно которой в составе условий в принципиально необходимых и в совокупности достаточных для W, нет никаких внутренних условий (доступных для сознания субъекта), за исключением NDC и тех условий, выполнение которых гарантировано выполнением NDC («подусловий» NDF) [5, с. 410].

[E-sw] *Экстернализм в сильной версии* утверждает, что все условия, необходимые и совокупно достаточные для W, являются внешними (не нуждаются в том, чтобы быть когнитивно доступными); *экстернализм в слабой версии* (E-ww) утверждает, что хотя бы одно из условий W должно быть внешним [5, с. 402].

[I-mw] Умеренный интернализм (в отличие от интернализма в его сильной и слабой версиях) отправляется от положения, согласно которому в составе условий в принципиально необходимых и в совокупности достаточных для W , есть, по крайней мере, одно внутреннее (рефлексивно доступное) условие, которое является отличным от NDC [5, с. 407].

Интернализм в сильной версии [I-sw] утверждает, что каждое из условий, определяющих состояние W , при котором истинное убеждение обращается в знание, является внутренним условием (распознаваемым субъектом).

Интернализм в слабой версии [I-ww] утверждает, что, по крайней мере, одно из условий W должно быть когнитивно доступным – распознаваемым из внутренней перспективы субъекта.

Основное расхождение между экстернализмом в его сильной и умеренной версиях, с одной стороны, и умеренным интернализмом, с другой, может быть представлено как расхождение по вопросу о том, являются ли внутренние условия, отличные от NDC, необходимыми и достаточными для W [5, с. 408].

Экстерналисты отрицают, что есть внутренние условия, отличные от NDC, которые необходимы для W , но из этого не следует, что они отрицают, что есть внутренние условия, которые, будучи *подусловиями* NDC, являются необходимыми для W . Одним из претендентов на статус такого условия выступает *условие деонтологической обоснованности* [8, с. 77–82].

Убеждение субъекта удовлетворяет *условию деонтологической обоснованности* [DJC] тогда и только тогда, когда формирование или поддержание этого убеждения не является нарушением какого-либо интеллектуально-обязательства, заданного в кругу тех обязательств, которые определяются системой эпистемических норм, регулирующих отбор убеждений с точки зрения условий обращения их в знание.

Бергман согласен с Олстоном (и Джеймсом), что парадигма интеллектуальных обязательств выстраивается сообразно цели максимизации истинности и минимизации ложности в наибольшем массиве убеждений, что необходимо для роста знания. Обоснованность в деонтологическом смысле представляется особенным выражением содержательной эпистемической рациональности: если S стремится к знанию, то для S было бы эпистемически нерациональным придерживаться убеждения, что p , если бы S был убежден (или мог посредством рефлексии прийти к убеждению), что, придерживаясь убеждения, что p , он нарушает интеллектуальные обязательства, которые относятся к типу эпистемических обязательств, т.е. таких, нарушение которых существенно уменьшает объективную вероятность того, что убеждения субъекта являются истинными (т.е. вероятность того положения, при котором субъект придерживается убеждения, что p , тогда и только тогда, когда p истинно) [5, с. 410].

Следовательно, условие *деонтологической обоснованности* для некоторого убеждения выполняется тогда, когда субъект ведет себя рационально, т.е. не придерживается убеждения, когда думает, что это ведет к нарушению обязательств, выполнение которых полагается необходимым по условиям оптимизации возможностей достижения истины. Но в такой формулировке [DJC*], выделяющей эпистемически-целесообразное содержание обязательств, условие *деонтологической обоснованности* можно рассматривать как *подусловие* NDC [6, с. 87–102] – условия, по которому субъект, придерживающийся убеждения, что p , может оправданно притязать на знание, если он не полагает (или может установить

посредством рефлексии), что есть факторы, подрывающие убеждение, что p .

Деонтологическая концепция обоснования необходимым образом индуцирует интернализм, если сообразно принципам этой концепции можно выделить такое *внутреннее* условие обоснованности, которое отлично от NDC и не является подусловием NDC, но само по себе является необходимым для W . Если допустить, что условие *деонтологической обоснованности* [DJC/DJC*] (как и условие инферециальной обоснованности [IJC]) может быть квалифицировано с позиций интернализма как необходимое для W , то само по себе это допущение не ведет к отрицанию принципов умеренного экстернализма. В отношении DJC/DJC* расхождение умеренного экстернализма с интернализмом обнаруживается при определении статуса этого внутреннего условия: позиция *интернализма* заявлена в трактовке DJC/DJC* как условия, независимого от NDC, в то время как в рамках умеренного экстернализма DJC/DJC* рассматривается в качестве подусловия NDC. Для DJC* быть *подусловием* NDC в данном случае означает, что удовлетворение NDC является достаточным условием выполнения условия деонтологической обоснованности [DJC*].

Вопрос состоит в следующем: правильно ли полагать, что если убеждение не удовлетворяет DJC*, то оно также не удовлетворяет NDC?

Аргумент умеренного экстерналиста в пользу положительного ответа на этот вопрос заключается в следующем: «Допустим, S убежден, что p , и убеждение не удовлетворяет DJC*. Это значит, что S убежден (или может посредством рефлексии убедиться в том), что он, придерживаясь убеждения, что p , нарушил определенного рода интеллектуальное обязательство» [5, с. 410–411]. Интеллектуальное обязательство, определяемое относительно условий реализации интенции на истину, состоит в том, чтобы не принимать убеждение, что p , когда очевидно, что «соображения за и против p распределяются таким образом, что поддерживать убеждение, что p , в настоящее время оказывается неправильным, если целью является достижение такого состояния, когда относительно p имеется истинное, а не ложное убеждение» [6, с. 89]. И если субъект понимает, что, придерживаясь данного убеждения, он нарушает определенные интеллектуальные обязательства, то это может означать только то, что субъект убежден (или может посредством рефлексии убедиться), что есть факторы, подрывающие это убеждение. Таким образом, если убеждение не удовлетворяет условию деонтологической обоснованности [DJC*], то тем более оно не удовлетворяет NDC. Следовательно, DJC* есть подусловие NDC.

Заключение это представляет одну из посылок аргумента, посредством которого Бергман доказывает, что **условие деонтологической обоснованности убеждений – именно как подусловие NDC – согласуется с принципами экстерналистского подхода к определению гарантирующего основания (“warrant”) – интегратора условий обращения истинных убеждений в знание.**

Аргумент Бергмана в структурно развернутом виде можно представить следующим образом:

(1) Пусть NDC₁...NDC_n внутренние варианты NDC (условия исключения факторов, подрывающих убеждение), утверждение необходимости которого для обеспечения W совместимо с экстерналистским подходом к определению интегрального фактора обращения убеждений в знание.

(2) Единственные варианты условия деонтологической обоснованности (DJC), которые являются внутренними (т.е. условиями, доступными для распознавания

субъектом) и необходимыми для *W*, представлены условиями DJC1...DJCn.

(3) Каждое из условий DJC1...DJCn является (в указанном выше смысле) подусловием условий NDC1...ND-Cn.

(4) Если каждый из вариантов условия деонтологической обоснованности (DJC), будучи внутренним и необходимым для *W* (т.е. для актуализации интегрального фактора обращения убеждений в знание), является подусловием NDC (условия исключения факторов, подрывающих убеждение), чья необходимость для обеспечения *W* совместима с экстернализмом в его умеренной версии, то деонтологическое понимание эпистемического обоснования не дает уникальных и достаточных оснований для того, чтобы с необходимостью придерживаться интернализма.

Концепция М. Бергмана имеет ряд преимуществ, значимых для решения вопроса об истинной проводимости деонтологического обоснования.

Во-первых, как показывает представленная выше аргументация, безупречность выполнения интеллектуальных обязательств трактуется не в формально-отрицательном, а в содержательно-эпистемическом смысле, ибо само содержание обязательств определяется относительно условий исполнения интенции на истину.

Во-вторых, деонтологическая обоснованность рассматривается как внутреннее условие, позитивный вклад которого в основание обращения убеждений в знание раскрывается через связь его с более фундаментальным условием NDC, которое «работает» в функционально-комплиментарном режиме с другими – внешними условиями, – именно на этом функциональном интервале деонтологическая обоснованность убеждений оказывается гарантированной в плане обнаружения в составе последних неслучайной тенденции к истинности.

В-третьих, демонстрация возможностей конвергенции условия деонтологической обоснованности, которое традиционно рассматривалось как некое ядро интерналистского подхода, с другими условиями, которые определяются в парадигме экстернализма, выделяющей объективную основательность адекватной связи убеждений с истиной, является эвристически значимым шагом в сторону определения уровней конвергентного соотношения этих противоположных эпистемологических подходов к определению условий обоснования и знания.

Литература

1. Галухин А.В. Знание как пеленгация истины: эпистемологическая концепция Роберта Нозика // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2017. – Том 6. – № 1А. – С. 39–59.
2. Галухин А.В. К вопросу о значимости обоснования для реализации условий знания // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Том 8. – № 3А. – С. 107–146.
3. Alston W.P. The Deontological Conception of Epistemic Justification // *Philosophical Perspectives*, 1988, Vol. 2, Epistemology. Pp. 257–299.
4. Alston W.P. Epistemic Desiderata. // *Philosophy and Phenomenological Research*, 1993, Vol. 53, No. 3. Pp. 527–551.
5. Bergmann M. Internalism, Externalism And The No-Defeater Condition. // *Synthese*, 1997, Vol. 110. – Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1997. – Pp. 399–417.

6. Bergmann M. Deontology and Defeat // *Philosophy and Phenomenological Research*, 2000, Vol. 60. Pp. 87–102.
7. Bergmann M. Defeaters and High-Level Requirements // *The Philosophical Quarterly*, 2005, Vol. 55, No. 220. Pp. 419–436.
8. Bergmann M. Justification Without Awareness. A Defense of Epistemic Externalism. – Oxford: Clarendon Press, 2006.
9. Conee E. and Feldman R. Evidentialism. – Oxford: Oxford University Press, 2004.
10. Ginet C. Knowledge, Perception, and Memory. – Dordrecht: D. Reidel Pub. Co., 1975.
11. Goldman A.I. Epistemology and Cognition. – Cambridge: Harvard University Press, 1986.
12. Greco J. Justification is not internal // In: Steup M. and Turri J. and Sosa E. (eds.) *Contemporary Debates in Epistemology*. 2nd edition. – Malden, Oxford and West Sussex: Wiley-Blackwell, 2014. – Pp. 325–337.
13. Nottelmann N. Blameworthy Belief. A Study In Epistemic Deontology. – Dordrecht: Springer, 2007.
14. Plantinga A. Warrant and Proper Function. New York: Oxford University Press, 1993.
15. Pritchard D. Evidentialism, Internalism, Disjunctivism // In: Dougherty T. (ed.) *Evidentialism and Its Discontents*. – Oxford: Oxford University Press, 2011. Pp. 235–253.
16. Sosa E. Knowledge in Perspective: Selected Essays in Epistemology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
17. Steup M. Justification, Deontology, and Voluntary Control // In: Toksdorf Stefan (ed.) *Conceptions of Knowledge*. – Berlin: De Gruyter, 2012. – Pp. 461–485.

ON THE COMPATIBILITY OF DEONTOLOGISM WITH MODERATE EXTERNALISM IN A THEORY OF EPISTEMIC JUSTIFICATION: M. BERGMANN'S SOLUTION

Galukhin A.V.

Plekhanov Russian University of Economics

The paper considers alternative ways of conceptualizing justification from the paradigmatic perspectives of internalism and externalism and reveals their relation to the principles of epistemic deontology. The research is focused in the reconstruction and analysis of the arguments elaborated by the epistemologist M. Bergman in order to demonstrate that the deontological justification condition can be conceptualized as being entailed by some internal version of the Non-Defeater condition and thus combined with the principles of the externalist approach within the framework of the general theory of the warrant – the system-integral factor of converting true beliefs into knowledge.

Keywords: epistemology, epistemic justification, internalism, externalism, deontological conception of justification, defeaters, knowledge.

References

1. Alston W.P. (1988) The Deontological Conception of Epistemic Justification // *Philosophical Perspectives*, Vol. 2, Epistemology. – Pp. 257–299.
2. Alston W.P. (1993) Epistemic Desiderata. // *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 53, No. 3. – Pp. 527–551.
3. Bergmann M. (1997) Internalism, Externalism And The No-Defeater Condition. // *Synthese*, Vol. 110. – Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 1997. – Pp. 399–417.
4. Bergmann M. (2000) Deontology and Defeat // *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 60. – Pp. 87–102.
5. Bergmann M. (2005) Defeaters and High-Level Requirements // *The Philosophical Quarterly*, Vol. 55, No. 220. – Pp. 419–436.
6. Bergmann M. (2006) Justification Without Awareness. A Defense of Epistemic Externalism. – Oxford: Clarendon Press.

7. Conee E. and Feldman R. (2004) *Evidentialism*. – Oxford: Oxford University Press.
8. Galukhin A.V. (2017) *Znanie kak pelengacija istiny: pistemologicheskaja koncepcija Roberta Nozika* [Knowledge as truth-tracking: Robert Nozick's epistemological conception]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (1A), pp. 39–59.
9. Galukhin A.V. (2019) *K voprosu o znachimosti obosnovanija dlja realizacii uslovij znanija* [On the value of justification in attaining conditions of knowledge]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 8 (3A), pp. 107–146.
10. Ginet C. (1975) *Knowledge, Perception, and Memory*. – Dordrecht: D. Reidel Pub. Co.
11. Goldman A. I. (1986) *Epistemology and Cognition*. – Cambridge: Harvard University Press.
12. Greco J. (2014) *Justification is not internal* // In: Steup M. and Turri J. and Sosa E. (eds.) *Contemporary Debates in Epistemology*, 2nd edition. – Malden, Oxford and West Sussex: Wiley-Blackwell. Pp. 325–337.
13. Nottelmann N. (2007) *Blameworthy Belief. A Study In Epistemic Deontologism*. – Dordrecht: Springer.
14. Plantinga A. (1993) *Warrant and Proper Function*. – New York: Oxford University Press.
15. Pritchard D. (2011) *Evidentialism, Internalism, Disjunctivism* // In: Dougherty T. (ed.) *Evidentialism and Its Discontents*. Oxford: Oxford University Press. – Pp. 235–253.
16. Sosa E. (1991) *Knowledge in Perspective: Selected Essays in Epistemology*. – Cambridge: Cambridge University Press.
17. Steup M. (2012) *Justification, Deontology, and Voluntary Control* // In: Tolksdorf Stefan (ed.) *Conceptions of Knowledge*. – Berlin: De Gruyter. Pp. 461–485.

Гончарова Наталья Васильевна,

социальный педагог, старший преподаватель кафедры историко-филологических дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Железноводске
E-mail: Natali1977.ru@yandex.ru

Фенухин Владимир Иванович,

к.полит.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала ФГБОУ ВО «Ставропольский государственный педагогический институт» в г. Железноводске

В данной статье характеризуется идея диалектического взаимодействия педагогики и философии. Данная статья демонстрирует, что в центре этого взаимодействия духовность как основное качество личности. Авторы статьи считают, что без философии невозможно понять идеал педагогики: он является критерием оценки различных педагогических теорий, способствует сознательному выбору методов воспитания, демонстрируют жизнеспособность идеи о духовном единстве педагогики и философии, показывает, что в настоящее время она разрабатывается учеными с позиций христианского мировоззрения.

Ключевые слова: философия, педагогика, воспитание, образование, личность, диалектика взаимодействия, христианский идеал, Болонская система.

19 июля 1999 года была подписана декларация о начале Болонского процесса. 29 стран подписали данный документ. В настоящее время в программе участвуют 48 стран. Было 49, но в июне 2022 года Россия вышла из болонского процесса. Идея разделения высшего образования на три ступени: бакалавриат, магистратуру и докторантуру и взаимного признания образования за рубежом, когда выпускник, получивший степень бакалавра в России, может продолжить образование на магистратуре в другой стране – эти идеи ушли в прошлое. Уже сентябрь 2022 года определит новое направление развития высших учебных заведений нашей страны. В сентябре 2003 года Болонская система начала теснить советскую систему специалитета, которая требовала обучения на протяжении 5–6 лет, но специалитета не признавался другим ученикам Болонской системы.

Уже 24 мая 2022 года министр науки и высшего образования проинформировал нас, преподавателей высшей школы, студентов и в целом всю страну об отказе России от Болонской системы, сохранив единый государственный экзамен (ЕГЭ), так как ЕГЭ не является основной частью Болонского прогресса.

По утверждению Валерия Фалькова российская система высшего образования станет уникальной, т.е. такой нет в мире. В чём философия нового подхода – будет заложена идея учёта интересов экономики страны и максимальные возможности для студентов.

Необходимо помнить, что ещё в апреле, точнее 11 апреля, все российские вузы были исключены из Болонского процесса по решению этой же Болонской группы.

Необходимо чётко понимать, что Запад не выполнил свои обещания по всему комплексу данной системы и прежде всего в интеграции России в систему высшего образования за рубежом – российские дипломы и научные степени, научные разработки и школы дискриминированы – т.е. не признают. В принципе, мы можем вернуть Болонскую систему. Вопрос? Зачем? У нас в стране абсолютно новая ситуация – идёт военная специальная операция и очевидно необходимо понимать эту реальность и те последствия санкций, которые в огромных масштабах применяются Западом против нашей страны.

Необходима новая философия педагогики, образования, воспитания в абсолютно новых условиях, новых реалиях. Заявление главы Министерства оборон науки Валерия Фалькова, что Болонская система – «прожитый этап» предполагает наличие новых философских концепций, а какой этот новый этап развития всей системы образования? Какие новые парадигмы предлагают обществу человеку, стране, государству?

Философия развития страны в современных условиях предполагает изменение в парадигме как в педагогике, так и в системе образования и воспитания.

Идёт ожесточённая борьба за суверенитет России, стремительно меняется экономика, общество, резко и радикально ставится вопрос о направлениях развития стране, в том числе и в области идеологии, воспитания, развития культуры, смены ориентации на западный вектор развития, что предполагает философия, педагогика, политология, социология, какие новые горизонты у России, которая выбирает чёткий путь суверенного развития. 24 мая в «Аргументах и фактах» секретарь Совета

безопасности Н. Патрушев заявил: «В настоящее время наших студентов и преподавателей фактически вытесняют из западной научно-образовательной среды. Полагаю, целесообразно отказаться от так называемой Болонской системы образования и вернуться к опыту лучшей в мире отечественной «образовательной модели», но наша отечественная модель – это прежде всего советская модель педагогики, образования, но какая будет философия этой отечественной модели? [1]

Мне кажется, прежде всего, это равное и непрерывное качественное образование, но какое главное направление, идея этого равного, качественного образования, которые работают прежде всего на интересы государства, а потом на учёт индивидуальных потребностей членов общества. Ольга Казакова, глава комитета Госдумы по просвещению заявили, что необходимо заканчивать со всеми кормами, стандартами, которые были навязаны России и поддержаны частью культурной, образовательной, политической, экономической «элиты» страны, где стояли цели глобализации и продвижение чуждых нам ценностей. Философский вопрос? Какие направления глобализации оставить и какие ценности вводит в современную педагогику, образование, воспитание? Это философские, логические, диалектические вопросы, которые стоят сегодня очень актуально. Каковы философские, логические, диалектические вопросы, которые стоят сегодня очень. Какова философия развития государства, общества, человека и всех систем образования, воспитание, идеологии в конечном итоге.

Понимая, что образование есть единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, который осуществляется в интересах человека, семьи, общества и государства, это формирование определённых умений и навыков, необходимо обратить особое внимание на науку об образовании- педагогику. Именно эта наука, как и философия определяет смыслы человеческого бытия, формирует мировоззренческую позицию человека, даёт методологические основы познания картины мира.

Анализируя функции философии и педагогики, как гуманитарных наук – познавательная, мировоззренческая, преобразовательная, прогностической – выделяем похожесть наук, но выделяем примат философии наук педагогики. Философия- фундамент педагогики, именно философия выполняет методологическую функцию в педагогике, т.е. теоретическую основу осмысления педагогического опыта и создания педагогических концепций.

От системы Философских взглядов, которые являются определяющими в обществе, государстве зависит направление развития современной педагогики. Возвращение к опыту советские педагоги предлагают возвращение к материалистическому и диалектическому подходу в анализе задач образования и воспитания, т.е. базовым вопросам педагогической науки.

После распада СССР отказ от марксистской философии привёл к отказу от идеологии вообще, т.е. необходимо преодолеть тотальное превосходство какой либо доктрины, отказ от марксизма, диалектического материализма- взамен – поиски элементов нового мировоззрения, а точнее – эклектики старых философских учений.

И вот в новых реалиях вырисовываются новые, точнее забытые, философские концепции – славянофильство, онтологичность, соборность, национальная идея, точнее имперская идея. Заявление В.В. Путина, президента Российской Федерации о времени Петра I, Северной войне, и что надолго современной России высшего «возвращать и укреплять» может стать основой для философской идеи российского мира, защита суверенитета страны и её территориях, самобытности и уникальности российской цивилизации [2].

Очевидно базовым документом для развития идей педагогики на современном этапе развития России могут служить идеи «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», где речь идёт о философской концепции развития высоко нравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, готовой к мирному созданию и защите Родины, развитие принципов коллективизма и социальной солидарности, формирование стабильной системы нравственных и смысловых установок, патриотическое воспитание и формирование российской идентичности [8].

Это и может быть нашей новой философией, педагогикой, откуда и вытекает логики диалектического единства новой философии и новой педагогики.

Глава Мин просвещения Сергей Кравцов сообщил, что им подписан стандарт по проведению церемонии поднятия государственного флага нашей страны в школах- это и есть практическое начало этой новой философии и педагогики-философии и педагогики, где в основе лежит идея сильного, суверенного, российского государства, а концепции совершенного русского консерватизма можно прожигать в работе А.Г. Дугина «Основы Геополитики». В основе концепции лежит идея империи, которая не может быть региональной державой или государством-наукой, это не просто государство, это стратегический и геополитический блок, это сверхгосударство [6].

Очевидно, что в мире происходит изменения геополитической обстановки. Россия, наращивая влияние на мир и мировые геополитические процессы вызывает тревогу у западных стран, которые хотят видеть нашу страну колонией, поставщиком дешёвых энергоресурсов и рабочей силы.

Необходимо понимать, что Россия сегодня это носитель исторических норм, духовных ценностей, это православная Россия, которая не принимает западные тенденции оплошление, примитивного потребительства, без духовности, космополитизма, разврата. Н.Я. Данилевский в работе «Россия и Европа» отмечал, что единой человеческой цивилизации быть не может [5].

Слишком разные идеалы, культуры, традиции, религии разных этносов, многообразие истории, политических систем не может создать общемировую или единую европейскую, американскую модель развития.

В истории России было много периодов с насаждением европейских традиций, сущностей, идеалов поведения, например- поёт советская Россия, ориентация на европейские политические, культурные, экономические, образовательные и воспитательные модели развития. В итоге- деградация российского общества и прежде всего молодёжи. Эгоизм, потребительство, потеря традиций, забвение истории- легальные факты нашей современности.

Необходимо в системе образовательной, воспитательной деятельности исключить из философского анализа того, что Россия это суперэтичное, объединяющее множество народов с особым мировоззрением и особым отношением к миру, человеку, обществу, государству. У нас единая история, единый общественный русский язык, общая история, общие победы и общие беды.

В философии современной российской педагогической науки необходим аргумент, что принятие безоговорочно западных стандартов, стереотипов, образца жизни и мыслей приведёт к утрате собственного самосознания и гибели страны. Духовность – вот что отличает Россию от большинства стран Европы и США, где многие философские парадигмы ведут к деградации человека и человечности т.е. духовности. В свете последних со-

бытий, в ходе специальной военной операции развивают идею пассионарной активности России, русского и других народов России, которые не утратили способность к сопереживанию, умению отличать добро от зла, своих от чужих, защищать и спасать своих. Мы своих не бросаем- лозунг сегодняшней дня, но это не только лозунг, это может быть элементом воспитания патриотизма. Философия воспитания национального характера, как совокупности исторических, социально-психологических, духовных, сущностей- основа воспитания и образования [3].

Необходимо в новых условиях, условиях девальвации ряда европейских ценностей, некоторых педагогических категорий, проблем в системе воспитания гражданственности опираться на логику связей философских российских концепций и педагогической науки и практики, где в основе лежит принятие гражданам России национальных и общечеловеческих ценностей [4].

Литература

1. «Аргументы и Факты» № 20. 24.05.2022
2. Выступление В.В. Путина на встрече с молодыми предпринимателями на ВДНХ в Москве. 2022 Сетевое издание «Смотрим».
3. Груздева М.В. Воспитание научного характера средствами русской поэзии// Педагогика, 2008 – С. 5–7.
4. Данилюк А. Я. Д Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект/ А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. Рос. акад. образования. — М.: Просвещении, 2009. (Стандарты второго поколения). — ISBN978–5–09–022138–2.
5. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. / Составление и комментарии Ю.А. Белова / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — 816 с.
6. Дугин А.Г. Основы геополитики. — М.: Арктогея, 1997.
7. Дугин, Александр Гельевич. Четвертая политическая теория: [Электронный ресурс]: Россия и политические идеи XXI века / Александр Дугин. — Санкт-Петербург: Амфора, 2009. — 350, [1] с.; 21 см.; ISBN978–5–367–01089–3 (в пер.).

8. «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», от 29 мая 2015 г. № 996-р.

PHILOSOPHY AND PEDAGOGY – THE LOGIC OF DIALECTICAL UNITY

Goncharova N.V., Fenuhin V.I.

Branch of the state pedagogical University in Zheleznovodsk

This article describes the idea of dialectical interaction of pedagogy and philosophy. This article demonstrates that spirituality as the main quality of personality is at the center of this interaction. The authors of the article believe that it is impossible to understand the ideal of pedagogy without philosophy: it is a criterion for evaluating various pedagogical theories, contributes to the conscious choice of methods of education, demonstrates the viability of the idea of the spiritual unity of pedagogy and philosophy, shows that it is currently being developed by scientists from the standpoint of the Christian worldview.

Keywords: philosophy, pedagogy, upbringing, education, personality, dialectics of interaction, the Christian ideal, the Bologna system.

References

1. "Arguments and Facts" No. 20. 24.05.2022.
2. Vladimir Putin's speech at a meeting with young entrepreneurs at VDNH in Moscow. 2022 Online edition "Look".
3. Gruzdeva M.V. Education of scientific character by means of Russian poetry// Pedagogy. 2008 – p. 5–7 p.)
4. Danilyuk A. Ya.D. The concept of spiritual and moral development and education of the personality of a citizen of Russia in the field of general education: project / A. Ya. Danilyuk, A.M. Kondakov, V.A. Tishkov. Russian Academy of Sciences. education. — M.: Enlightenment, 2009. (Standards of the second generation). — ISBN978–5–09–022138–2.
5. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. / Compilation and comments by Yu.A. Belov / Ed. by O. Platonov. — M.: Institute of Russian Civilization, 2008. — 816 p.
6. Dugin A.G. Fundamentals of Geopolitics. — M.: Arctogea, 1997.
7. Dugin, Alexander Gelevich. The fourth political theory: [Electronic resource]: Russia and political ideas of the XXI century / Alexander Dugin. — St. Petersburg: Amphora, 2009. — 350, [1] p.; 21 cm.; ISBN978–5–367–01089–3 (in trans.)
8. "Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025", dated May 29, 2015 No. 996-r.

Проблемы взаимопонимания между людьми – мысленный эксперимент

«Жуки в коробке»

Лапатин Владимир Викторович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: lapatin.vladimir@mail.ru

Старых Егор Иванович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: george010798@gmail.com

Жуков Александр Иванович,

студент, кафедра «Разработка и эксплуатация газовых и нефтегазоконденсатных месторождений», Уфимский государственный нефтяной технический университет
E-mail: alexander.zhukov0@list.ru

В данной научной работе были рассмотрены предпосылки появления философской дилеммы под названием «Жуки в коробке» за авторством австрийско-британского философа Людвиг Витгенштейна. Автором была детально исследована суть данной дилеммы, проанализированы следствия появления данной дилеммы в мультипликации, в частности, в аниме на примере нескольких героев популярного аниме-произведения, а также исследовано отражение таких исторических событий, как Вторая мировая война и Великая Отечественная Война в мировой культуре в ключе рассматриваемой философской дилеммы. Проанализированы предпосылки формирования различного индивидуального взгляда людей на одни и те же события. Приведены рассуждения в области возможного решения рассматриваемой дилеммы. Поставлены вопросы к дальнейшему рассуждению и анализу проблемы.

Ключевые слова: философская дилемма, жуки в коробке, мультипликация, аниме, Вторая мировая война, Великая Отечественная война.

Смогут ли люди когда-нибудь достичь полного взаимопонимания между собой, или мысли и чувства окружающих так и останутся тайной для нас? Предметом исследования данной статьи является мысленный эксперимент под названием «Жуки в коробке», предложенный Людвигом Витгенштейном в 1922 году и впервые опубликованный в его работе «Философские исследования». Посредством данного эксперимента автор пытается показать, что сознание каждого человека, как и его взгляды на мир, являются сугубо индивидуальными, и порой ход мыслей и спектр чувств одного человека могут быть недоступны окружающим его людям. Человек, будучи существом социальным, стремится сблизиться с другими людьми и обществом, однако данная философская дилемма доказывает, что не всегда это является возможным. [1]

Суть мысленного эксперимента заключается в следующем. Автор предлагает представить группу людей, находящихся в одном помещении. У каждого в руках имеется коробка, содержимое которой можно описать как «жук». Под жуком можно подразумевать в принципе любой предмет, обладающий какими-либо качествами, но при этом «жук» каждого человека отличается от жуков остальных людей, участвующих в эксперименте. Каждый из них знает, что находится в его коробке, знает все качества своего жука и его характеристики, однако никто не знает наверняка, что находится в коробках других людей: в них может находиться совершенно другой предмет, либо вообще отсутствовать что-либо. Участники эксперимента просят по очереди описать, что находится в их коробках. [2]

Смысл мысленного эксперимента в том, что каждый из участников будет иметь собственное представление о «жуке» другого человека, ведь его описание они могут только услышать, и никогда их индивидуальное представление не будет точно соответствовать тому, что действительно находится в чужой коробке. Суждение каждого участника эксперимента будет основываться на его личном субъективном впечатлении от увиденного «жука» в своей коробке, а также на личностных качествах человека и уже имевшихся до начала эксперимента знаниях и опыте. Например, в коробке одного из участников эксперимента будет находиться большой «жук», и участник сообщит об этом всем остальным. Однако у каждого из слушающих это описание сложится свое представление о размерах данного «жука», ведь понятие «большой» является достаточно растяжимым. Суждение о размере описываемого «жука» будет получено посредством сравнения с размером собственного «жука» каждого участника эксперимента. Каждое из их представлений при этом скорее всего будет отличаться от представлений других. [3]

Витгенштейн предлагает нам проецировать этот мысленный эксперимент на разум людей и их взаимоотношения. Каждый раз, общаясь друг с другом на бытовые темы, делясь своими переживаниями по поводу будущего своей страны или яростно доказывая смысл концовки любимого фильма, мы считаем, что именно наша точка зрения является справедливой и что наши измышления дойдут до собеседника ровно в том виде,

в каком задумывались. Однако в большинстве случаев ситуация является обратной – каждый человек в том или ином смысле является индивидуальностью, ему присущи собственный взгляд на мир, свои ценности и черты характера, полученные им на протяжении жизни.

Многое в сущности человека может зависеть от генетики – даже образ жизни потенциального родителя может тем или иным образом повлиять на то, каким будет его ребенок. В конечном счете это приводит к тому, что информация, передаваемая собеседнику, будет отличаться от информации, воспринятой последним. По мнению авторов данной статьи, это явление служит одной из причин целого ряда общественных конфликтов разного масштаба, зачастую приводящих к таким ужасным последствиям как войны или иные конфронтации между государствами и другими группами людей.

Витгенштейн подчеркивает, что такие категории как любовь, страх, боль также являются субъективными и понятие о них может различаться у разных людей, что по большому счету лишь наносит вред нормальному взаимоотношениям между людьми. [4]

Отголоски этих измышлений можно наблюдать и в массовой культуре. В аниме «Наруто: Ураганные хроники» (режиссер Хаято Датэ), снятому по одноименной сёнэн-манге Масаси Кисимото, можно назвать целый ряд персонажей, чьи рассуждения и поступки касательно вопросов мира между людьми и способов его достижения корневым образом отличались друг от друга, хотя они и преследовали идентичные цели. Например, лидер и один из основателей группировки «Акацки», а также ее наиболее сильней участник, Нагато Узумаки мечтал принести мир в жестокую реальность мира шиноби (ниндзя). Именно с этой целью он основал Акацки вместе со своими друзьями. Вместе они достигли определенного успеха на пути к своей мечте, однако трагическая гибель друзей Нагато в ходе кровопролитной войны перевернула его представления о мире. Ключевым понятием философии Нагато стала «боль», в его представлении для того, что прекратить все войны на земле, каждый человек должен почувствовать боль – ту боль, которую люди приносят друг другу во время войны, боль, которую испытал и сам Нагато от утраты друзей.

Взгляды Нагато Узумаки сталкиваются со взглядами на мир его, как оказалось, родственника, Наруто Узумаки. По мнению последнего, человечество еще не обречено, и мир для него вполне достижим. Он уверен, что для достижения мира не нужно причинять окружающим еще большую боль, а нужно, наоборот, продвигать в обществе идеи любви, равенства и справедливости, и он готов на это пойти, чего бы это не стоило. Результатом конфронтации между Наруто и Нагато становится то, что Нагато принимает позицию Наруто и ликвидирует ужасающие последствия войны. В реальном мире, такой расклад событий на данном этапе развития общества скорее всего не достижим, что является прямым следствием мысленного эксперимента, рассматриваемого в данной статье, однако к такому взаимопониманию нужно стремиться.

Другим персонажем аниме-эпоса «Наруто», задававшим вопросами мира между людьми, является Учиха Мадара. Его взгляды схожи со взглядами на мир Нагато, по его мнению, люди не могут достичь полноценного мира друг с другом и полного взаимопонимания, поэтому необходимо создать этот мир искусственно. Для этого он погружает все человечество в «бесконечное цукуёми» – нечто наподобие сна, в котором у них нет возможности воевать друг с другом, и в котором они могут получить все, что захотят, не причиняя вреда окружающим. Различное понимание мира этими персонажами привело

к кровопролитной войне, унесшей жизни многих людей. Неспособность каждого из них заглянуть в «чужую коробку» и увидеть там «жука» соперника оказалась катастрофичной для мира шиноби.

Такое глубокое видение истинных причин войны в аниме является следствием того, что Япония, как никто другой осведомлена в вопросах войны и ее последствиях, ведь Вторая Мировая война оставила неизгладимый след на истории этой страны. Практически сразу после появления жанра «аниме», он стал целью военно-политических агитаций населения. Чиновники и государственные деятели Японии навязывали свои собственные интересы рядовым гражданам всеми доступными способами, в том числе с помощью аниме, как бы заставляя всех вокруг увидеть в своих коробках одного конкретного выгодного для них жука [5].

Подобное насаждение идеологии является постоянным спутником любых военных конфликтов. Самым ярким примером пагубного эффекта от этого процесса, являющимся прямым следствием от мысленного эксперимента «жук в коробке», для нашей страны можно безусловно назвать действия Адольфа Гитлера и его соратников во время Великой Отечественной войны. Их взгляд на правильное будущее общества, в котором немецкая нация является доминирующей над остальными, привел к ужасным последствиям как для всего человечества, так и для самого немецкого народа. Если бы руководство нацистской Германии могло заглянуть «в чужую коробку», увидеть чужую боль и страдания, выбрать иной путь развития своего государства, миллионы людей могли остаться в живых.

Яркие образы подобных правителей-тиранов являются неотъемлемой частью и современного кинематографа. В цикле кинокомиксов Marvel, например, в таких фильмах, как «Мстители», «Мстители: Война Бесконечности» и «Мстители: Финал» антагонистом главных героев является титан Танос. Смыслом своей жизни и главной движущей силой достижения мира он считает разрушение, а именно полное уничтожение половины всего живого во Вселенной. С точки зрения Таноса, его цель является благородной и необходимой к исполнению, ведь уничтожив половину живых существ в мире, он освободит жизненно необходимое для выживания место для развития второй половины существ. С этим, разумеется, несогласны все, находящиеся под угрозой уничтожения существа во Вселенной – для них то, что Танос называет благом, является безумием.

Достижение взаимопонимания между людьми является важной целью для всего человечества, и с каждым годом принимаются все новые меры для осуществления данной цели. Витгенштейн предложил интересную и важную тему для рассуждений. Решив данную философскую дилемму, человечество могло бы достигнуть светлого и счастливого будущего.

Литература

1. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. – Ч. 1. – М., 1994.
2. Витгенштейн Л. Избранные работы. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. – 440 с.
3. Левин С.М. Жуки Витгенштейна против философского зомби Чалмерса. – М.: Вестник Русской христианской гуманитарной академии, 2016. Т. 17. № 3. С. 127–134.
4. Зубков Р.Е. «Критика языка» Л. Витгенштейна и проблема коммуникации (на примере анализа мысленного эксперимента «Жук в коробке»). – М.: Студенты – будущие педагоги об актуальных про-

блемах теории и практики образования, материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов, посвященной 85-летию МГОУ. 2016. С. 25–28.

5. Gamarra Stagnaro, Alessandra Tatiana. El camino del dolor: el discurso sobre el ciclo bélico de violencia representado en el anime shonen Naruto Shippuden a partir del relato de Nagato/Pain. Pontificia Universidad Católica del Perú. 2019. 260 p.

PROBLEMS OF MUTUAL UNDERSTANDING BETWEEN PEOPLE – A THOUGHT EXPERIMENT «BUGS IN A BOX»

Lapatin V.V., Starykh E.I., Zhukov A.I.

Ufa State Petroleum Technological University

In this scientific work, the prerequisites for the emergence of a philosophical dilemma called «Bugs in a box» by the Austrian-British philosopher Ludwig Wittgenstein were considered. The author investigated in detail the essence of this dilemma, analyzed the consequences of the appearance of this dilemma in animation, in particular, in anime on the example of several heroes of a popular anime work, and also studied the reflection of such historical events as World War II and the Great Patriotic War in world culture in the key of the philosophical dilemma under consideration. The prerequisites

for the formation of different individual views of people on the same events are analyzed. The arguments in the field of a possible solution to the dilemma under consideration are given. Questions are raised for further reasoning and analysis of the problem.

Keywords: philosophical dilemma, bugs in a box, animation, anime, World War II, the Great Patriotic War.

References

1. Wittgenstein L. Philosophical research // Wittgenstein L. Philosophical works. – Part 1. – M., 1994.
2. Wittgenstein L. Selected works. – M.: Publishing House «Territory of the Future», 2005. – 440 p.
3. Levin S.M. Wittgenstein's Beetles against Chalmers' Philosophical Zombie. – M.: Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2016. Vol. 17. No. 3. pp. 127–134.
4. Zubkov R.E. «Criticism of language» by L. Wittgenstein and the problem of communication (by the example of the analysis of the thought experiment «Beetle in a box»). – M.: Students – future teachers about current problems of theory and practice of education, materials of the annual All-Russian scientific and practical conference of teachers, graduate students and students dedicated to the 85th anniversary of Moscow State University. 2016. pp. 25–28.
5. Gamarra Stagnaro, Alessandra Tatiana. El camino del dolor: el discurso sobre el ciclo bélico de violencia representado en el anime shonen Naruto Shippuden a partir del relato de Nagato/Pain. Pontificia Universidad Católica del Perú. 2019. 260 p.

Соотношение политики и морали в контексте войны в работах античных философов

Некрасов Дмитрий Владимирович,

адъюнкт Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: nekrasovdm1991@yandex.ru

В статье рассматривается соотношение политики и морали в контексте войн и научная разработанность темы в работах античных философов. Демонстрируется изменение к моральному компоненту в таком явлении как война. Определяется степень заинтересованности данной темой в Древней Греции и в ранней Римской империи.

Ключевые слова: мораль, этика, нравственность, политика, война, философия, политология, античная философия, справедливость.

Представление о справедливости и несправедливости, хорошем и плохом, добре и зле остаются актуальными в философско-политической научной сфере и по сей день. В контексте исторического развития общества и государства, эти понятия трактовались по-разному. Категории «нормы» и «не нормы» в моральном и политическом контексте претерпевали трансформации. Каждый исторический период развития предусматривал свое видение решения стоящих задач, учитывая роль морали и политические цели. Кроме того, рассматривая вопрос соотношения политики и морали нельзя пренебрегать тем, как понимают эти категории в различных обществах, с учетом их национальных и религиозных особенностей.

Выделение из философии таких направлений как политическая и моральная философия, послужили толчком к более детальному осмыслению природы таких общественных явлений как политика и мораль.

Сократ, был одним из первых, кто рассматривал этику – в отличие от космологии и физики – как отдельную область исследования. Утверждая в «Апологии» Платона, что «величайшее благо для человека заключается в том, чтобы каждодневно вести беседы о добродетели и обо всем прочем, о чем, вы слышали, я беседую, исследую самого себя и других, жизнь же без такого исследования не стоит и называть жизнью» [5], Сократ настаивал на определениях добродетелей, которые были широко признаны и востребованы его современниками, но которые им было трудно осмыслить. Как писал Платон, поиск таких определений неизменно приводил к вопросу о знании того, как лучше всего жить. Это возвышение знаний, в свою очередь, заставило Сократа выступить против практики риторики и суждений, которая оживила политические институты Афин – суды, Ассамблею и Совет. Таким образом, внимание, уделенное этике Сократом, привело его непосредственно к форме политического философствования. Связь между политикой и знанием, значением справедливости как добродетели, ценности военного мужества, которое все греческие полисы ценили в своих гражданах, – все это было центральными темами сократовских интересов.

Отношение к войне, как к следствию проводимой политики, впервые начали рассматривать через призму философского учения древнегреческие писатели и философы. В V веке до н.э. Гераклит рассматривает войну, как основную силу управляющую космосом: «Должно знать, что война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей, и что все возникает через вражду и заимообразно» [7].

Развивая идею Гераклита Платон, а вместе с ним и Аристотель видят войну, как взаимоотношение народов. Они выделяют два понятия – *stasis* и *polemos* [3].

Stasis здесь выступает как вооруженное столкновение между греческими полисами. Распри между эллинами Платон и Аристотель видят как болезнь, поражающую греческий мир. *Stasis* необходимо избегать всеми возможными путями и средствами. Но Платон понимает, что полностью уйти от этого явления не получится, так как отсутствие конфликтов непременно ведет к ослаблению и упадку. Мыслитель считает, что внутренние войны

между полисами должны вестись по строгим правилам, где уровень насилия будет иметь лимит. Можно сказать, что Платон был первым в европейской философии, кто озвучил идею о моральном ограничении ведения войны.

Как известно, греки вели войны не только между полисами, но и со своими соседями, которых считали варварами. Именно такие войны обозначаются как *polemos*.

Платон и Аристотель не видят никаких сдерживающих факторов по распространению насилия в отношении варваров. Кроме того, в «Политике» Аристотель пишет: «Военное искусство можно рассматривать до известной степени как естественное средство для приобретения собственности, ведь искусство охоты есть часть военного искусства: охотиться должно как на диких животных, так и на тех людей, которые, будучи от природы предназначенные к подчинению, не желают подчиняться; такая война по природе своей справедлива» [1].

Таким образом, война против варваров, равно как и насилие в отношении них, не является чем-то предосудительным, и даже напротив, война против них есть восстановление природной справедливости.

Кроме того, Аристотель рассматривает вопрос и частной справедливости в контексте войны: «Итак, мужество и выносливость нужны для трудовой жизни, философия – для досуга, воздержность и справедливость – и в то, и в другое время, преимущественно же они потребны для тех, кто пользуется миром и досугом. Ведь война вынуждает быть справедливым и воздержным, наслаждение же благосостоянием и досуг, сопровождаемый миром, скорее способны избаловать людей» [1].

Помимо этого, Аристотель выделяет моральные причины войны [1, С. 225].

1. Защита от порабощения.
2. Достижение гегемонии на пользу подвластным, а не ради приобретения деспотической власти над всеми.
3. Установление деспотической власти над теми, кто заслуживает быть рабом.

Кроме того, Платоном и Аристотелем были заложены основы морального поведения в политике в частности и в обществе в целом. Создатель теории идеального государства Платон, считал, что социальные устои необходимо регулировать государству, в рамках которого должны отражаться благо и другие добродетели. Как пишет С.Е. Руженцев: «Справедливость у Платона ближе всего к неким моральным нормам, которые должен выполнять всякий индивид, государственный деятель (для этого он оперирует такими понятиями как «занятия своим делом», «должное», «достоинство»). На добродетелях, которые связаны с мудростью, рассудительностью, познанием истины, справедливостью, должно основываться совершенное государство. Таким может быть монархия, аристократия или даже идеальное государство. Данные формы устройства власти принимают во внимание интересы граждан и пытаются им служить. По Платону, полная свобода деятельности в условиях демократии ведет к проявлению корыстной природы человека, подводя даже достойного гражданина к совершению несправедливых действий. Поэтому абсолютизация любых моральных принципов может проявиться через эгоизм и нарушение обязательств по отношению к другим людям. Отчего для создания идеального государства требуется соблюдение справедливости как социальной и морально-этической нормы. В результате идеальное государство будет воплощением идеала справедливости» [6].

В «Политике» Аристотеля отводится особое место нравственности и ее влиянию на политику. Нравственный компонент у правителя настолько важен, что из-за

него могут происходить метаморфозы государственного строя: «Может быть, в прежние времена люди управлялись царями именно вследствие того, что трудно было найти людей, отличающихся высокими нравственными качествами, тем более что тогда вообще государства были малонаселенными. Кроме того, царей ставили из-за оказанных ими благодеяний, а их оказывали хорошие мужи. А когда нашлось много людей, одинаково доблестных, то, отказавшись подчиняться власти одного человека, они стали изыскивать какой-нибудь общий вид правления и установили политику. Когда же, поддаваясь нравственной порче, они стали обогащаться за счет общественного достояния, из политики естественным путем получались олигархии, ведь люди стали почитать богатство. Из олигархий же сначала возникли тирании, а затем из тираний – демократии: низменная страсть корыстолюбия правителей, постоянно побуждавшая их уменьшать свое число, повела к усилению народной массы, так что последняя обрушилась на них и установила демократию» [1, С. 99].

Вопрос социальной справедливости в этике и политике поднимался и в Древнем Риме. В древнеримском обществе существовала шкала ценностей, которая практиковалась вплоть до II века до н.э. Шкала включала в себя четыре основных критерия, которыми должен был обладать римлянин: *pietas* (благочестие) – залог верности заветам богов и предков, *fides* (верность) – залог единства и нерушимости общества, *gravitas* (серьезность) – залог разумной линии поведения, *constantia* (твердость) – залог верности избранной линии поведения – вот основы римской нравственности, входящие в понятие *virtus* (доблесть, добродетель) [2]. Добродетели здесь понимаются как следование гражданскому долгу, а доблести – проявление воинского мужества.

Наиболее ярким философом Древнего Рима, уделившим особое внимание вопросу соотношения политики и морали, является Цицерон (106 год до н.э. – 43 год до н.э.).

Рассматривая идеального политика в учении Цицерона, необходимо поставить акцент на взаимодействии и зависимости правовых норм и правил морали в сочинениях философа, так как историческая предпосылка «римского духа» в Римской республике III века до н.э. представляется моральным кодексом, шкалы системы римских ценностей. При этом не стоит забывать, что войны и политические события, происходящие в поздней республике, способствовали утрате политическими элитами обозначенных выше добродетелей (*virtus*).

Именно утрата политиками *virtus*, является ключевой особенностью в отражении идеального государственного деятеля в работах Цицерона.

Нельзя не заметить, что на взгляды Цицерона наложила отпечаток и эллинистическая философия и ее отношение на войны в политическом и нравственном контексте.

Цицерон поддержал аристотелевскую идею о справедливости оборонительных войн, однако не признавал допустимыми конфликты, имеющие целью приобретение рабов, что было нормой для греческих авторов. Кроме того, сыграл свою роль юридический профессионализм Цицерона, которым были введены принципы легитимной власти и публичного объявления войны [4].

Теме справедливости в войне, уделяется особое внимание в сочинениях Цицерона. Главная идея философа заключается в том, что война допустима при условии невозможности мирно урегулировать конфликт, а все попытки не дали результата. Цель войн, какую видит мыслитель – жить в мире без противозаконий. Цицерон исключает ведение войны без предварительного

ее объявления, что говорит о нравственном компоненте, так как это исключает вероломное, внезапное нападение. Кроме того, философ придерживается гуманного отношения к побежденным и сдавшимся в плен, считает недопустимым проявления жестокости к этим категориям: «Но некоторые обязанности надо исполнять даже по отношению к тем, кто нам причинил вред. Существует ведь мера в возмездии и наказании, и, пожалуй, будет достаточно, чтобы причинивший зло раскаялся в своем противозаконии – с тем, чтобы и сам он впредь не совершал ничего подобного, и чтобы другие были менее склонны к противозакониям. Что касается государственных дел, то строже всего надо соблюдать право войны. Так как существует два способа разрешать споры, один – путем обсуждения, другой – силой, причем первый свойствен человеку, второй – диким зверям, то ко второму надо обращаться тогда, когда воспользоваться первым невозможно. Поэтому войны надо начинать с целью, не совершая противозаконий, жить в мире; но после победы надо сохранять жизнь тем, кто во время войны не был ни жесток, ни свиреп... Из этого можно понять, что справедливой может быть только такая война, которую ведут после предъявления требований или же предварительно возвестили и объявили» [8].

Основной заслугой Цицерона, в вопросе соотношения политики и морали в условиях войны является перенос проблемы в юридическое поле. Принципы, сформулированные философом, мы можем наблюдать и в современном международном праве. Логика, пропитанная нравственностью, вышла за пределы философской науки, и нашла свое место в юриспруденции. Вопрос морали в политике, а также нравственности у политической элиты рассмотренный Цицероном, позволил сформулировать на стыке эр принципы гражданской морали и современного общества.

Таким образом, мы видим, что вопрос соотношения политики и морали в контексте войны волновал умы мыслителей практически с самого зарождения философии. Данной теме отводилось особое место в философских сочинениях и трактатах античных мыслителей. Именно идеи, озвученные в ту эпоху, послужили фундаментом для дальнейшей разработки проблемы. Выводы, сделанные Сократом, Гераклитом, Платоном, Аристотелем и Цицероном актуальны и в современных гуманитарных науках, они стали базисом в вопросе соотношения политики и морали.

Литература

1. Аристотель. Политика. – Москва: Издательство АСТ, 2018. – С. 226.
2. История всемирной литературы: В 8 томах / АН СССР; Институт мировой литературы им. А.М. Горь-

кого. – Москва: Наука, 1983–1994. Т. 1. – 1983. – С. 423.

3. Куманьков А.Д. Война, или В плену насилия. – Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – С. 36.
4. Куманьков А.Д. Теории справедливой войны в аналитической этике США: диссертация кандидата философских наук. – Москва, 2013. – С. 66.
5. Платон. Апология Сократа / Платон. – Москва: Издательство АСТ, 2021. – С. 78.
6. Руженцев С.Е. Проблема морали и политики в социокультурных процессах России: диссертация доктора философских наук. – Иваново, 2020. – С. 35.
7. Фрагменты ранних греческих философов. – Москва: Наука, 1989. – Ч. 1. – С. 201.
8. Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: Наука, 1974. – С. 67–68.

THE CORRELATION OF POLITICS AND MORALITY IN THE CONTEXT OF WAR IN THE WORKS OF ANCIENT PHILOSOPHERS

Nekrasov D.V.

University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article examines the correlation of politics and morality in the context of wars and the scientific elaboration of the topic in the works of ancient philosophers. The change to the moral component in such a phenomenon as war is demonstrated. The degree of interest in this topic in Ancient Greece and in the early Roman Empire is determined.

Keywords: morality, ethics, politics, war, philosophy, political science, ancient philosophy, justice.

References

1. Aristotle. Politics. – Moscow: AST Publishing House, 2018. – p. 226.
2. History of World Literature: In 8 volumes / USSR Academy of Sciences; Gorky Institute of World Literature. – Moscow: Nauka, 1983–1994. T. 1. – 1983. – p. 423.
3. Kumankov A.D. War, or in captivity of violence. – St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2019. – p. 36.
4. Kumankov A.D. Theories of just war in the analytical ethics of the USA: dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences. – Moscow, 2013. – p. 66.
5. Plato. The Apology of Socrates / Plato. – Moscow: AST Publishing House, 2021. – p. 78.
6. Ruzhentsev S.E. The problem of morality and politics in the socio-cultural processes of Russia: dissertation of the Doctor of Philosophical Sciences. – Ivanovo, 2020. – p. 35.
7. Fragments of early Greek philosophers. – Moscow: Nauka, 1989. – Part 1. – С. 201.
8. Cicero. About duties // Cicero. About old age. About friendship. About duties. – М.: Nauka, 1974. – pp. 67–68.

Роль методологии в уголовно-процессуальных исследованиях

Раджабов Раджаб Османович,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Дагестанского государственного университета
E-mail: filek08@rambler.ru

В статье рассматриваются роль и значение методологии в уголовно-процессуальных исследованиях. Установлено, что методология в познании уголовно-процессуальных исследований является важным условием объективного анализа и получения достоверных, истинных знаний. При этом как основные функции методологии рассматриваются внутренняя организация и регулирование познавательного процесса, практическое овладение изучаемым объектом и его преобразование.

Ключевые слова: методология, методы исследования, уголовный процесс, научное познание, наука.

Методология уголовно-процессуальной науки содержит в себе множество нерешенных проблем вследствие неверного понимания методологии исследования процесса. Методология определяет способы получения объективных данных исследуемого процесса, а также направляет и предопределяет конкретную научно-исследовательскую цель, обеспечивает всесторонность получения информации об изучаемом процессе или явлении, обеспечивает уточнения истинных знаний.

Методологию можно рассматривать как учение о методах познания, как совокупность методов, как систему принципов, способов и правил организации теоретической и практической познавательной деятельности, как совокупность общих установок и методологических принципов, которые определяют исходные познавательные направления и общие тенденции научного познания.

Каждая наука имеет не только свой предмет познания, но и специфические методы его исследования. Именно от методологической основы зависят конкретные результаты исследования. Теория и практика показала, что истинно лишь то мышление, которое основано на научной методологии и диалектически развивающихся методах познания.

Значение методологии познания в уголовно-процессуальных исследованиях очень велико, так как без нее невозможно познание сложной и противоречивой сущности уголовно-процессуальных исследований. «Универсальная схема методологии уголовно-процессуального исследования такова: постановка научной проблемы – выдвижение гипотез – применение методов научного познания для проверки гипотез – получение научно обоснованного результата – применение результата на практике. Логическими этапами исследования выступают проектирование, концептуализация и моделирование, конструирование, проведение, применение результатов исследования» [1]. В целом любая наука содержит способы и методы добывания фактического материала и его обработки. В современных условиях высокие требования предъявляются не только у методологии, но и к методам научного познания. Методы познания должны быть подлинно научными, истинными, т.е. вытекать из достижений практической деятельности, отражать объективные законы бытия, учитывать особенности предмета изучения, адекватно отражаться в сознании субъекта.

Поиск новых исследовательских средств и методов в уголовном процессе обеспечивает прирост и углубление представлений о свойствах и закономерностях изучаемого предмета.

Как известно, современная юридическая наука ориентируется на новые формы и методы познания. Она отходит от прежних догматических норм и правил и предпринимает попытки осмыслить уголовный процесс в других направлениях, подходах, контекстах и т.д. Эти изменения связаны с новой системой знаний об уголовном процессе, с изменениями экономических, политических и правовых отношений в обществе. Методология в этом плане выступает как система особых приемов, методов, форм и принципов изучения общих закономерностей возникновения, формирования и развития государственно-правовых и уголовных процессов. Методологию уголовного процесса нельзя рассматривать

как совокупность устойчивых, готовых истин, аксиом или догм. Это живая и развивающаяся теория, которая способствует творческому подходу к уголовно-процессуальным исследованиям.

Значение методологии в познании уголовного процесса неоспоримо, особенно в периоды социально-экономических и политических изменений, вызванных крупными общественными реформами, переходом от одной формации к другой, экономическим и политическим кризисом, социальными конфликтами, слабостью государственного управления, ростом преступности. Поэтому главными задачами методологии в этом процессе являются всестороннее исследование аппарата приобретения новых знаний в различных областях юридической науки, изучение способов и методов повышения эффективности развития данной науки и усовершенствования форм и связей общенаучной методологии и конкретных теоретико-методологических знаний. Характерными чертами любого методологического анализа являются его многоплановость, многообразие уровней и видов анализа, методов и форм подходов.

В уголовно-процессуальном исследовании в зависимости от фактического материала используются методологический анализ отдельных теорий на уровне эмпирического и теоретического познания. Эмпиричность или теоретичность общеметодологического анализа зависит от того, на каком уровне проводятся уголовно-процессуальные исследования и теоретические обобщения, насколько правильно используются методологические инструменты.

Необходимо отметить, что для эмпирического и теоретического уровней познания характерны общенаучные и частнонаучные методы исследования. Юридические науки, в частности теория и практика уголовного процесса, используют не только общенаучные, но и частнонаучные методы, свойственные уголовно-процессуальным исследованиям. «Методы научного познания в уголовно-процессуальной науке – это лишь часть методологии, с помощью которой происходит изучение закономерностей уголовно-процессуальной деятельности по применению уголовно-процессуального закона для разрешения уголовно-правового спора» [1]. Общенаучные и частнонаучные методы диалектически связаны друг с другом в процессе познания и получения объективных знаний. В этом плане необходимо выделить следующие методы познания:

1) общенаучные и частнонаучные – методы функционального анализа, историко-правового анализа, сравнительного правоведения, правовой статистики, анализа, синтеза, сравнения, моделирования, абстрагирования, лингвистического анализа, социологического опроса и др. [4];

2) общенаучные – анализ, синтез, системно-структурный и др., частнонаучные – формально-юридический, статистический анализ, социологический, метод включенного наблюдения, правового моделирования и др. [5];

3) общенаучные и частнонаучные – исторический, формально-логический, сравнительно-правовой, системно-структурный, статистический, конкретно-социологический (анкетирование и анализ документов, обобщение прокурорской практики и включенное наблюдение) и др. [3];

4) общенаучные – системно-исторический, эмпирический, формально-логический, системно-структурный, а также метод сравнительного и факторного анализа;

5) специальные – методы уголовной статистики и социологический подход [2].

Таким образом, в уголовно-процессуальном исследовании можно выделить различные подходы к использованию общенаучных и частнонаучных методов познания. В уголовно-процессуальных исследованиях раскрываются роль, значение и место каждого метода научного познания для конкретного исследования, а также сущность самой методологии исследования. Характерной чертой методологического анализа является его разнообразие, многочисленность эмпирического и теоретического уровней познания, видов анализа, способов, методов и подходов. Их совокупность является действенным механизмом строительства новых научных знаний. Практика показывает, что целенаправленное использование методологии и усовершенствование форм и связей общенаучных и частнонаучных методов способствуют активизации и повышению эффективности развития юридической науки в целом, уголовно-процессуальном исследовании в частности. Чтобы получить объективно истинные знания, необходимы общенаучные, частнонаучные, эмпирические и теоретические методы, надо использовать их в диалектическом единстве в процессе познавательной деятельности.

Литература

1. Афанасьев А.Ю. Методологическая основа уголовно-процессуальных исследований // Вестник СПбГУ. Право 2022. Т. 13, вып. 1.
2. Винокуров Л.В. Процессуальные основы взаимоотношений участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения и суда на стадии предварительного расследования: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, 2019.
3. Коломеев Е.В. Использование прокурором средств реагирования в досудебном производстве: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М.: Университет прокуратуры Российской Федерации, 2019.
4. Писаревский И.И. Обоснованность и мотивированность приговора в российском уголовном процессе: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019.
5. Попова Л.В. Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2019.

THE ROLE OF METHODOLOGY IN CRIMINAL PROCEDURE RESEARCH

Radzhabov R.O.

Dagestan state university

The article discusses the role and importance of methodology in criminal procedure research. It is established that the methodology in the cognition of criminal procedure research is an important condition for objective analysis and obtaining reliable, true knowledge. At the same time, the internal organization and regulation of the cognitive process, practical mastery of the studied object and its transformation are considered as the main functions of the methodology.

Keywords: methodology, research methods, criminal procedure, scientific cognition, science.

References

1. Afanasyev A. Yu. Methodological basis of criminal procedural research // Bulletin of St. Petersburg State University. Право 2022. Vol. 13, issue 1.

2. Vinokurov L.V. Procedural foundations of the relationship between participants in criminal proceedings on the part of the prosecution and the court at the stage of preliminary investigation: dis. ... cand. jurid. – M.: Lomonosov Moscow State University, 2019.
3. Kolomeets E.V. The use by the prosecutor of means of reaction in pre-trial proceedings: dis. ... cand. jurid. – M.: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2019.
4. Pisarevsky I.I. Validity and motivation of the sentence in the Russian criminal process: dis. ... cand. jurid. sciences'. – Tomsk: National Research Tomsk State University, 2019.
5. Popova L.V. Features of criminal procedural regulation of pre-trial proceedings in criminal cases of economic crimes committed in the field of entrepreneurial activity: dis. ... cand. jurid. sciences'. – Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019.

Замысел божий о человеке и свободе воли: атомный аспект

Семенов Владимир Александрович,

слушатель программы профессиональной переподготовки
«Теология», Институт дистанционного образования
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного
университета
E-mail: mkdelta@yandex.ru

Статья посвящена догматическим аспектам Божьего замысла о свободе воли человека, в свете развития атомных и ядерных технологий. Современная атомная отрасль является важной частью жизнедеятельности, тем более, в условиях глобализации. Эта отрасль неотделима от человеческого фактора. Так появляется актуальность вопроса атомной энергии и религии, в свете богословских достижений христианства и Православия. Опыт Православия располагает общечеловеческим опытом, формировавшимся тысячи лет. Это хороший базис для осмысления ядерного феномена в свете свободной воли человечества. Человеку дарована Богом способность к самоопределению или свобода. Она постоянно идет по пути изменения и развития. Человеческая ипостась с его внутренними энергетическими процессами, соборность, Божественные и человеческие синергии определяют человеческую свободу воли. Так как сам Творец свободен и независим, то и человеку Он дал умение творить и менять мир по своему свободному разумению. Выбор между добром и злом может быть сделан только благодаря свободному разуму. С практической точки зрения свобода человека рассматривается как путь отличный от пути рабства греху. Большое значение в формировании пути свободы приобретают синергические процессы. Господь даровал людям дешёвое и бесконечное тепло и электроэнергию. Человек, порабощенный грехом, под влиянием гордыни возжелал всю полноту знания о добре и зле. Так он создал термоядерное оружие массового поражения. Понятие свободы подразумевает не только радость, но и большую ответственность. Вольный в своем выборе человек ответственен за свои действия. От человеческой гордыни и злоупотребления свободой воли появилось термоядерное оружие. Любовь Бога так велика, что он открыл людям секреты звезд, и сейчас во власти людской грезиться у этой рукотворной звезды или спалить в её огне весь мир. Дар Божий человеку знаний о мирном атоме и о термоядерном оружии.

Ключевые слова: свобода воли, свободе выбора, синергия, атомный аспект, атомный феномен, ядерные технологии, подобие Божие.

Введение

Ещё в 2010 году Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл сказал: «Благодаря специалистам атомной промышленности динамично развивается российская энергетика, что является залогом процветания экономики страны. Усилиями руководства корпорации укрепляются международные связи в области мирного применения атома, проводятся многочисленные инновационные исследования по фундаментальной и прикладной науке».

Безопасность государства не возможна без полноценной атомной инфраструктуры. Уникальные предприятия атомной промышленности СССР и России обеспечили безопасный паритет на планете. Атомные и ядерные гражданские технологии и силы сдерживания, точнее сказать – спасения, получают сейчас расширенное толкование.

Уход от атомной энергетики и других подобных технологий – вариант нереализуемый в силу разнообразных причин. Среди них можно особо выделить уже сформированные энергетические системы, достаточное количество природных ресурсов, огромный потенциал развитых технологий и военную компоненту. Возможно, отдельная страна может позволить себе отказаться от атомной промышленности, но не весь мир в целом.

Современная атомная отрасль является важной частью жизнедеятельности, тем более, в условиях глобализации.

Эта отрасль неотделима от человеческого фактора. Так появляется актуальность вопроса атомной энергии и религии, в свете богословских достижений христианства и Православия.

Актуален аспект выбора использования и назначения атомных и ядерных технологий: от мирного медицинского применения до жестокого оружия массового поражения. Так появляется вопрос свободы выбора и мотивации этого выбора.

Создатель подарил человеку образ и подобие Божие. Люди богообразны. Но они не богоподобны. Так как богоподобие создается человеком лишь в синергическом сотрудничестве с Богом. Бог даровал свободу человеку. Но и люди должны стремиться обрести свою свободу усиленным трудом, всей своей энергичной жизнью.

Так возникает вопрос о Божьем замысле о человеке и его свободе воли. Иными словами, можно говорить о свободе выбора дара Божьего человеку знаний о мирном атоме и о термоядерном оружии.

Замысел Божий о человеке и свободе воли: атомный аспект

Атомный феномен затрагивает многие науки: физику, химию, биологию, военное дело, религию, творчество, культуру и многие другие. И это пристальное внимание к вопросу будет существовать ещё очень долго. И Православию есть что сказать миру по этому поводу.

Атомный феномен, как с человеческой, так и с богословской точки зрения, связаны напрямую с человеческой свободой воли или свободой выбора. Необходимо оценить и определить эти понятия в рамках Православной традиции. При нынешних внешних угрозах данная оценка чрезвычайно важна и актуальна. Судьба всего

человеческого рода зависит от самоопределения человека в противоборстве добра и зла. Данное противостояние можно назвать одним из решающих факторов.

Атомный и религиозный феномен имеют много общего. Основная их характеристика – это вечность в сравнении с жизнью человечества. Нельзя также не упомянуть об их прямом вкладе в сам факт человеческого существования и спасения. В познании мироздания наука и религия сходятся во взглядах – абсолютно полно их познать нельзя. Так наука и религия начинают сближаться.

Творец дал человеку власть распоряжаться всем на земле, даровал ему свободу самоопределения. Для этого людям было даровано огромное количество возможностей, которые могли быть диаметрально противоположны. От отпадения от своего Создателя и искажения Его замыслов до приобщения к божественной жизни через благодать.

Интересен комментарий прп. Макария Египетского: «Человек имеет такую природу, что и тот, кто во глубине порока и работает греху, может обратиться к добру, а тот, кто связан Духом Святым и упоен небесным, имеет власть обратиться ко злу» [1].

Божественная свобода является актуальной важной темой, которую пристально рассматривают не только богословы, но и ученые. «Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3: 17). Христианская Церковь всемогущество Бога отождествляет с Его свободой.

Образ Божий в человеке выражается важнейшим качеством – свободой, по определению Святых Отцов Церкви. Можно привести множество примеров тому. Св. Ириней Лионский писал, что образ Божий в человеке даёт основание для аналогии Божественной и человеческой свободы [2]. Единство разума и свобода выбора. Совокупность данных категорий составляют образ Божий в человеке. Так его толкуют Климент Александрийский [3] и свт. Григорий Нисский [4].

Так как сам Творец свободен и независим, то и человеку Он дал умение творить и менять мир по своему свободному разумению. Выбор между добром и злом может быть сделан только благодаря свободному разуму. Прп. Ефрем Сирин сказал так: «Бог дал свободу человеку, которого создал по образу Своему, чтобы он властвовал над желанием, что Бог имеет по Своей природе» [5].

Ещё одна неотъемлемая часть природы человека – это воля. Только обладая волей, человек может заявлять себя, как разумное существо, и занять высшую ступень тварного мира. Но, следует напомнить, что именно воля послужила причиной страшной трагедии. Это грехопадение. Грех проник в человека, сковывая его волю. Это случилось, когда он сорвал запретный плод. Вкусив его, человек дал доступ тлену и смерти к своей природной сути. Грех проник и в человеческую волю. Она в первую очередь стала нуждаться в спасении. Слово воплотилось и воля прониклась им. Преподобный Максим Исповедник, диспутируя с Пирром подтверждает эти мысли: «Если Адам вкусил вольно, тогда воля есть первое в нас, что подверглось страсти. Если, как они (монофелиты) говорят, Слово, воплотившись, не восприняло волю вместе с природой, тогда я не освободился от греха. И если я не освободился от греха, я не спасен, поскольку что не воспринято, то не спасено» [6].

Православие описывает ключевые земные проблемы. Оно направляет человека к вечности. Наша Вера, описывая ключевые, земные проблемы, является источником спасения и исцеления, очищения и человеческого совершенствования. Православие дарует идеалы и нормы, следуя которым люди получают возможность распознать добро и зло, приобрести достойное будущее.

Только в концепции вечного человек может разрешить социально-экономические проблемы настоящего и будущего. В настоящее время многие люди и общности людей заняты обеспечением сиюминутного достатка. Возводя в свой девиз, противные Православию слова: «После нас – хоть потоп!».

Мир человека можно рассматривать как материальный и духовный. Люди, с одной стороны – это создания из молекул и атомов, порождение энергии и материи звёзд. Атомная и ядерная энергия не только окружает человека, но и находится внутри него. С другой стороны, люди создания Бога. «Бог – Отец наш». Создатель постоянно присутствует в наших мыслях и чувствах. Происходит перманентное общение человека с Богом. Этим можно объяснить многие чудесные факты. Например, в 2012 году физиками была открыта элементарная частица (бозон), квант поля Хиггса. Её назвали «частицей Бога» или «божественной частицей». Её поиски длились около 50 лет. Обнаружить её удалось на Большом ядерном ускорителе.

Божественная свобода абсолютна и безусловна. Свобода человека – несовершенна и ограничена. Она сдерживается, во-первых, Божественным замыслом, полагающим путь человека к Богу. С другой стороны, человеческая свобода ограничена испытаниями. Это греховные страсти, которые преследуют человека с момента грехопадения. Тем не менее, свобода человека – это зеркальный образ Божественной свободы. И это отображение истинно и непреложно.

Разум и свобода связаны неразрывными узами. Те люди, которые свободно избирают грех, отдают себя безумию. Нарастающая энтропия тяготит их. Они становятся зависимыми и бессильными при несовершенстве собственной свободы. Грехопадение Адама и Евы мгновенно лишило их разума. После него попытка укрыться под кустом от Создателя доказывает это. Св. Андрей Критский в Великом каноне показывает, что любой человек, выбравший грех, превращается в безумца: «Исава возненавиденного подражала еси, душе, отдала еси прелестнику твоему первая доброты первенство и отеческия молитвы отпала еси, и дважды поползнула еси, окаянная, деянием и разумом: темже ныне покайся» [7].

Бог дает человеку идеальное состояние непоколебимой абсолютной свободы. За ослаблением разума следует ограничение свободы выбора. И это безграничное пространство выбора постепенно сужается. Падшее человеческое сознание ложится на свободу густой тенью колебаний.

Человек, который утратил разум, ослабевает. Он теряет власть над собой. Умалется его свобода. Именно она дает власть над собой и обуеваемыми страстями. Обессиленный, человек теряет свои жизненные таланты. Он может стать добровольным рабом греха. Так человечество, получив в свои руки знания об энергии атома, из-за поврежденной природы стало создавать бомбы, а ведь могло ограничиться только мирным атомом.

Ещё в 19 веке Петр Евгеньевич Астафьев, философ-славянофил, писал: «Чем более дается современному человеку всё, чего он ищет, чем он ни озабочен, чем ни поглощены все интересы его души, – тем он довольнее. Чем больше скопляется в его руках средств достижения того счастья, которого он добивается, и чем эти средства становятся более доступными, тем он несчастнее. Чем более растёт его богатство, тем тягостнее ощущается им самим его убожество» [8].

Господь даровал нам дешёвое и бесконечное тепло и электроэнергию. Человек, поработанный грехом, под влиянием гордыни возжелал всю полноту знания о добре и зле. Так он создал термоядерное оружие массо-

вого поражения. От человеческой гордыни и злоупотребления свободой воли появилось термоядерное оружие. Любовь Бога так велика, что он открыл людям секреты звёзд, и сейчас во власти людской греться у этой рукотворной звезды или спалить в её огне весь мир.

Святитель Феофан Затворник высказывает сходную мысль: «Первородный грех до времени скрывается, а потом выходит наружу и делает свое. Окружающая среда много значит и для подавления этого греха, и для раскрытия его. Не будь кругом греховных стихий – нечем было бы питаться этому скрытому греху и он, может быть, сам собою бы иссох; но в том-то горе наше, что кругом всегда бывает много благоприятного для его питания. Много греха и в каждом человеке, и в обществе; но всё это не определяет нас на грех неизбежно. Грех всегда – дело свободы: борись – и не падешь. Падает только тот, кто не хочет бороться. На хотенье и нехотенье нет устава: хочу, потому что хочу, и не хочу, потому что не хочу, самовластие – вот источник начало» [9].

В первую очередь грех влияет на человеческую волю. Она наиболее уязвима для человека падшего. Она становится первой мишенью и подчиняется греху. Поэтому человеческое исцеление должно начинаться с исцеления воли. Именно она способствовала проникновению греха в человека. Бог дал надежду и возможность исцеления благодатью и боговоплощением. Владимир Николаевич Лосский писал: «Если воля Сына тождественна воле Отца, то человеческая воля, ставшая волей Слова, есть собственная Его воля, и в этой собственной Его воле содержится вся тайна нашего спасения» [10].

Свободу существующего мира можно охарактеризовать такими качествами, как своеволие и индивидуализм.

Понимание свободы в Православии трактуется иным образом. Оно ярко выражено в трудах Апостола Павла: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к [угождению] плоти, но любовью служите друг другу» (Гал. 5:13). Он пишет, что свобода человека – это не что иное, как единение с Господом, реализуемое через богоподобие. Индивидуализм противен человеческой свободе. Все люди богоподобны. Благодаря этой характеристике Святой дух собирает их воедино.

Свобода воли явилась человеку, как Божественный дар. И она может реализоваться во главе с Богом и Божьей волей. Прп. Симеон Новый Богослов облакает данную мысль в такие слова: «В чем же состоит свобода воли? Ни в чем другом, как только в том, чтобы свой ум всегда возвышать и прилеплять к Единому Господу Богу, нашему милостивому Спасителю» [11]. Итак, цель жизни христианской – это единение с Богом. Только путем единения человек может освободиться от греха.

Освобождение от греха использования атомного оружия и ложных страхов по применению атомной энергетики ознаменует новые шаги к принятию божьего дара во имя интересов всего мира.

Атомные и ядерные технологии впервые появились в странах с христианской культурой. Проблемы христианского будущего и мира в целом также в первый раз были обозначены христианскими теологами. Над многоплановым осмыслением ядерного феномена работали многие философы, а также ученые мыслители, работающие в области физики (К. Ясперс, М. Хайдеггер, А. Эйнштейн и пр.).

Вечный Мир располагает как раем, так и адом. У людей есть выбор, куда направить ядерную энергию. По какому руслу она потечёт, в сторону добра или в сторону зла. Глубокое понимание человеческой сущности и свободы воли в единении с познанием и использова-

нием ядерных технологий поможет определиться с выбором.

Человечество обладает великим потенциалом. Но корни греха глубоко проросли в него. Вследствие этого земная цивилизация оказалась под угрозой полного исчезновения, как и первоначальные благие намерения по мирному использованию атома. В данном контексте необходимо победить зло, которое находится внутри человека. На злонамеренность людей в отношении ядерных технологий указывали известные физики: А. Эйнштейн, Р. Оппенгеймер, Ю. Харитон, А. Сахаров, С. Фейнберг.

Библейская и святоотеческая традиция трактует волю Божью аналогично понятию человеческой нравственной нормы в современном мире. Согласование воли Божьей и воли человека принесет необходимое спасение. Понятие «синергия» используется в святоотеческой традиции для обозначения согласования воли человека и Бога, их содействия. Ещё Оригеном была отмечена Божья синергия. Прп. Максим Исповедник говорил о восьми видах свободы. Путь человека – это синергичное с Божественным действие, от потенции и возможности, идущее к совершенству и свободе.

Однако в «Строматах» Климента Александрийского говорится о синергии человека со злыми силами, когда ему содействует диавол – противник Бога [12]. И стоит остерегаться подобного соработничества.

Бог всемогущ и всевластен. Нет никаких преград для него на пути в осуществлении возможного. Для человека, существа тварного и ограниченного, пройти путь представляется лишь преложив дарованную Богом потенциальную свободу в энергию для осуществления, установленного Богом плана свободного раскрытия личности и творческого потенциала, для реализации определенных трудов и усилий, самой жизни.

Необходимо указать, что человеческая свобода двойственна по своей сути. С одной стороны – это возможность, которую предоставил Господь. С другой стороны, это образ и подобие Бога в человеке. Такая двойственность всегда ставит человека перед выбором пути. Как его пройти, встав на путь истины, добра и Бога или сойти с него.

Преподобный Макарий Великий пишет, что зло не есть естественное состояние души, и как оно не велико, не совсем умертвило человека, у него остались свобода, совесть, воля. Его слова звучат в сердце каждого православного: «Видимый мир, от царей и до нищих, весь в смятении, в нестроении, в борьбе, и никто из них не знает тому причины, то есть этого явного зла, пришедшего вследствие Адамова преступления, – этого жала смерти. Осталась в человеке свобода, какую Бог дал ему вначале. Как совершенный не привязан к добру какой-либо необходимостью, так не привязан и ко злу погрязший в грех и делающий себя сосудом дьявола. Ты свободен; и если хочешь погибнуть, то природа твоя удобоизменяема. Кто хочет, тот и покорствует Богу, и идёт путём правды, и владеет пожеланиями; потому что ум сей есть противоборник и твёрдым помыслом может победить порочные стремления и гнусные пожелания. Напрасно, однако ж, надмеваясь, думают собственной своей свободой устранить от себя поводы ко греху. Свобода, возможная для человека, простирается на то, чтобы противиться дьяволу, а не на то, чтобы при сей возможности непременно иметь и власть над страстями. Ибо сказано: аще не Господь созиждет дом и сохранит град, всеу бде стрегий и трудится зиждущий» (Пс. 126, 1).

Воистину правильны эти слова, что «в нас действует зло со всей силой и ощутительностью, внушая все нечестные пожелания, однако ж срастворено с нами не так,

как иные говорят сие о смешении вина с водой, но как на одном поле растут и пшеница сама по себе, и плевели сами по себе, или как в одном доме находятся особо разбойник и особо владетель дома. Когда светит солнце и дует ветер, то у солнца – своё тело и своя природа, и у ветра – своя же природа и своё тело. Так и грех примешался в душе; но и у греха и у души своя особая природа. Источник изливает чистую воду; но на дне его лежит тина. Если возмутит кто тину, весь источник делается мутным. Так и душа, когда бывает возмущена, срастворяется с пороком. И сатана чем-то одним делается с душой; оба духа во время блуда или убийства составляют что-то одно. Посему то прилепляйся сквернодейце едино тело есть с любодейцею. В иное же время самостоятельная душа действует сама по себе и раскаивается в своих поступках, плачет, молится и приводит себе на память Бога. А если бы душа всегда погрязала во зле, то как могла бы делать это? Потому что сатана, будучи жестокосерд, никак не хочет, чтобы люди обращались к покаянию» (1 Кор. 6, 16) [13].

Человек еще в раю получил свободу выбора: «Вот, я сегодня предложил тебе жизнь и добро, смерть и зло» (Втор. 30, 15). Однако, не только свобода была дарована человеку. «Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие. Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твоё, любил Господа Бога твоего, слушал глас Его и прилеплялся к Нему; ибо в этом жизнь твоя» (Втор. 30, 19–20).

Человек, обладая свободой выбора, может встать на сторону жизни и добра. Но также он может выбрать смерть и зло. Тогда свобода выбора станет настоящей трагедией. Грехопадение извратило «выбирающую» волю. Она уклонилась от Бога и приблизилась к небытию. Однако, у человека осталась возможность свободы обращения. Он может возвратиться к Небесному Отцу. Как блудный сын возвратился к отцу своему в притче о блудном сыне (Лк. 15, 11–32).

Человек постоянно стоит перед выбором. Что окажется важнее для него бытие или небытие, жизнь или смерть, благословение или проклятие. Выбрать свободное самосуществование или греховное духовное рабство. Человек постоянно оказывается под гнётом собственного произвола, который заставляет его абсурдно и иррационально говорить «нет» Богу и бытию.

Воля Божественная с одной стороны и воля дьявольская с другой стороны стоит на пути воли Человека. Ему необходимо задуматься, куда её направить. Это его основная задача. Человек сам принимает решение, которое зависит от него самого. Он свободен в выборе.

Свобода в современном мире – это способность человека обратить свою волю к добрым или злым силам.

Опыт Православия располагает общечеловеческим опытом, формировавшимся тысячи лет. Это хороший базис для осмысления ядерного феномена в свете свободной воли человечества.

Православие всегда было направлено на совершенствование духовного внутреннего мира человека. Православие неизменно использовало глубинный подход к пониманию причин проявлений добра и зла, возникновения благ и потерь, взаимосвязи земного и вечного, личного и общечеловеческого для определения критериев и принципов человеческого бытия.

В Сарове прошли дискурсы “Ядерные вооружения и национальная безопасность России” и “Проблемы взаимодействия Русской Православной Церкви и ведущих научных центров России”. Они прошли под патронажем Всемирного Русского Народного Собора (ВРНС). Патриарх Московский и всея Руси Алексий II выступил с речью. Его основные слова были направлены на примене-

ние мирного атома и роли РПЦ в данном процессе. Он отметил: «Без упования на Господа... невозможен подлинный успех в области ядерной энергии» (Алексий II) [14].

2000 год ознаменовался Юбилейным Архиерейским Собором РПЦ, где Патриарх Алексий II выступил со своим докладом. Он высказал мысли о роли Русской Православной Церкви в построении мировой цивилизации в новом тысячелетии. Её влияние, подчеркивал он, вышло далеко за рамки национальных и государственных интересов. Одной из основных задач Православной Церкви является укоренение непоколебимых духовных ценностей в научно-технической области. Митрополит Кирилл, продолжая мысли Алексия II, выступил с предупреждением и привел слова св. ап. Павла: “Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба” (1 Фес. 5, 3). Первоисточник эти идеи связывает со спасением человека, Мессией, Судом Божиим, перманентностью бодрствования духовного и нравственного.

Феномен атомных и ядерных технологий является одной из важнейших актуальных мировых тем. Эти технологии крепко связаны с человечеством в контексте защиты и спасения России – в прошлом, настоящем и будущем.

Заключение

Необходимо отметить следующие особенности антропологического содержания истинного религиозного опыта, которые нашли отображение в писаниях мужей апостольских. Во-первых, это вовлечение в сферу спасения и реальной, познаваемой чувственно деятельности Бога всех сфер жизни человека. Во-вторых, следствием такого приближения Создателя к человеку является необходимость задействования всех сил души, включая и телесную сферу, в стяжании опыта богообщения. Наконец, в-третьих, полнота истинного религиозного опыта зависит от полноты посвящения Богу душевных и телесных сил человека. Таким образом, речь идет об антропологической полноте переживания веры, чуждой как неоправданного укоренения во внешнем, так и лукавого ухода от собственно человеческого в разных аспектах его проявления.

Человеку дарована Богом способность к самоопределению или свобода. От такого щедрого Божьего дара нельзя отказываться, как и нельзя им злоупотреблять. В тоже время нужно понимать, что этот дар дан на благо человеческое. Человек должен делать не просто выбор. Он должен выбирать добро, исполнять Божью волю, действовать ей, отвернувшись от дьявола и его воли.

Человек способен сам определять направление своей воли. Это качество является важнейшей чертой природы человеческой и стоит на верхней ступени иерархии всех достоинств человека. Ценность такой свободы не состоит в выборной способности Человека. Основное значение заключается в выборе именно стороны добра. Только способность принятия Божественной благодати определяет ценность свободы выбора. Понимание свободы ясно трактуется Православной Церковью. Св. ап. Павел богословскую суть свободы выражает такими словами: «К свободе призваны вы, братия, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу» (Гал. 5, 13).

Будущее мира подчиняется нравственному выбору современного человечества. От этого выбора зависит финал истории. Откровения указывают, что финальный аккорд истории может стать воцарением Антихриста. Он может случиться в результате предпочтения сил зла. В процессе выбора участвует каждый из нас. Выбирая

зло, мы с каждой секундой приближаем Антихриста. Избирая добро, мы не даём ему воцариться. Нет никакого сомнения, что венцом истории человечества будет Пришествие Христа. Потому что людей, творящих добро, следующих по пути Господа нашего и способствующих милосердной Божьей воле значительно больше.

Итак, спасение и обожение являются главными целями жизни человека во Христе. При этом человек свободно следует за Господом нашим и избирает его благую волю. Нравственная ценность утрачивается человеком, если он делает свой выбор по принуждению. Таким образом, следование воли на сторону добра и его свобода – это фундаментальные истины человеческого спасения. Христианское богословие трактует эти истины с первого тысячелетия. Их усвоение проходило сквозь многочисленные тернии. Христианская общественная и политическая жизнь современности до сих пор претерпевает серьезные конфликты и дискуссии.

Понятие свободы подразумевает не только радость, но и большую ответственность. Вольный в своем выборе человек ответственен за свои действия.

Христианство всегда трактовалось как религия любви. Христианство можно охарактеризовать «высшей богословской формулой»: «Высшая богословская формула гласит: «Бог есть любовь»... И мы спрашиваем Бога Евангелия: как Ты любишь людей? И Он отвечает: до Моей смерти... Его любовь не только создала мир. Его любовь не только подарила людям свободу. Его любовь не только дала нам закон. Его любовь не только даровала нам пророков и мудрость. Его любовь не только приняла человеческого лик. Он не казался – Он стал человеком... И Его любовь к нам пошла до конца, до предельной точки, до полной отдачи Себя, до полного отказа от Себя, до жертвы и смерти» [15]. И смерть, и воскресение являются гарантией нашей свободы, которая дарована Господом. Бог не перешагивает за границы свободы. Любовь к человеку не позволяет ему этого сделать. Это и есть самый главный залог свободы человека.

Человек подражает Христу Спасителю, отказываясь от самого себя. Только так можно достичь подлинной свободы. Энергичное бытие становится общим благодаря синергичному самоотвержению одного человека ради другого. Достояние человека формируется благодаря воипостасному усвоению талантов и даров друг другу.

Русская Православная Церковь принимает близко к сердцу судьбы и проблемы христианства, всю их серьезность. Миссию Церкви она понимает в проповедовании Слова Божьего. Поэтому Православие призывает не замыкаться в своем кругу, не затворничать, а нести свою миссию по лицу всей земли. Церковь четко должна donosить свою позицию и принимать активное участие в жизни современного мира. Несмотря на свою инаковость в отношении него. Такая логика позволяет Русской Православной Церкви активно принимать участие в жизни нашего этноса, государства и на международной арене.

Всесторонняя оценка мирных и военных атомных и ядерных технологий, видимо, ещё впереди. Так же осмысление полноты свободы воли и свободы выбора требует дополнительной работы со святоотеческими трудами. Так определились перспективы дальнейших исследований по данной теме, и вследствие этого планируется развить подобные исследования в будущем.

Литература

1. Духовные беседы, послания и слова / Преподобный Макарий Великий. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004 (Тип. АО Мол. гвардия). – 400 с.

2. Цит. по: Св. Иринея Лионский. Творения. – М.: «Паломник», «Благовест», 1996. Репринтное воспроизведение издания: Сочинения святого Иринея, епископа Лионского. – СПб., 1900. – С. 55.
3. Сильвестр (Малеванский), еп. Опыт православного догматического богословия систорическим изложением догматов. – Киев: Изд-во Киевской православной духовной академии, 1878–1889. Т. 4. – С. 125.
4. Григорий Нисский, свт. Огласительное поучение пятое. Догматические сочинения в 2 т. – Краснодар: Текст, 2006. – С. 49.
5. Творения / Святой Ефрем Сирий. – [Репринт. изд.]: Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.: В 8 томах. – Москва: Пасад; Отчий дом, 1993–1995. / Т. 1. – 1993. – 399 с.; Т. 2. – 1993. – 430 с.; Т. 3. – 1994. – 431 с.; Т. 4. – 1995. – 533 с.; Т. 5. – 1995. – 520 с.; Т. 6. – 1995. – 481 с.; Т. 7. – 1995. – 392 с.; Т. 8. – 1995. – 354 с.
6. Диспут с Пирром: Прп. Максим Исповедник и христол. споры VII столетия / [Отв. ред. Д.А. Поспелов]. – Москва: Храм Софии Премудрости Божией, 2004 (ПИК ВИНТИ). – 527 с. / Игумен Дионисий (Шлёнов). Гефсиманское моление в свете христологии прп. Максима Исповедника Диспут с Пирром. 339–378 с.
7. Великий канон св. Андрея Критского с параллельным переводом на русский язык и пояснениями к тексту. Никея, 2022 г. – 336 с.
8. Астафьев Пётр Евгеньевич. Избранные произведения: Философия. Психология. Культура. – М.: Институт Наследия, 2021. – 590 с. – (Классики русской философии). – DOI 10.34685/ NI.2020.91.99.005.
9. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия: краткие поучения / свт. Феофан Затворник. – Изд. 4-е. – Москва: Правило веры, 2009. – 398 с.
10. Боговидение / Владимир Лосский; пер. с фр. В.А. Решиковой, сост. и вступ. ст. А.С. Филоненко – М.: АСТ, 2006. – 759 с. / Догматическое богословие. 455–552 с.
11. Сост. и общ. ред. епископа Илариона (Алфеева). – Изд. 3-е, испр. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2009. – 224 с. Серия «Библиотека христианской мысли. Источники».
12. Пресвитер Климент Александрийский. Строматы. [в 3 т.] / Перевод с древнегреческого и комментарии Е.В. Афонасина. Изд-во Олега Абышко. Санкт-Петербург, 2003.
13. Добротолюбие: в русском переводе: [в 5 т.]. – Изд. 4-е. – Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2010. / Т. 1. – 608 с.
14. Становление отношений Российского федерального ядерного центра ВНИИЭФ и Русской православной церкви. Первые десять лет сотрудничества / Автор-сост. И.Г. Жидов. – Саров: ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2008.
15. Кураев Андрей, диак. Если Бог есть Любовь. – М.: Изд-во ПСТГУ, 1997.

GOD'S PLAN FOR MAN AND FREE WILL: ATOM ASPECT

Semenov V.A.

Institute of Distance Education of the St. Tikhon's Orthodox University

The article is devoted to the dogmatic aspect of human free will, in the light of the development of atomic and nuclear technologies. The modern nuclear industry is an important part of life, especially in the context of globalization. This industry is inseparable from the hu-

man factor. This is how the relevance of the issue of atomic energy and religion appears, in the light of the theological achievements of Christianity and Orthodoxy. The experience of Orthodoxy has universal human experience that has been formed for thousands of years. This is a good basis for understanding the nuclear phenomenon in the light of the free will of mankind. Man has been granted by God the ability to self-determination or freedom. It is constantly on the path of change and development. The human hypostasis with its internal energetic processes, conciliarity, Divine and human synergies determine human freedom of will. Since the Creator himself is free and independent, He also gave man the ability to create and change the world according to his free understanding. The choice between good and evil can only be made thanks to a free mind. From a practical point of view, human freedom is considered as a path different from the path of slavery to sin. Synergistic processes are of great importance in shaping the path of freedom. God give's to people cheap and endless heat and electricity. A man enslaved by sin, under the influence of pride, desired the fullness of knowledge about good and evil. So he created a thermonuclear weapon of mass destruction. The concept of freedom implies not only joy, but also great responsibility. A person who is free in his choice is responsible for his actions. From human pride and abuse of free will, thermonuclear weapons appeared. God's love is so great that he revealed the secrets of the stars to people, and now it is in the power of people to bask in this man-made star or burn the whole world in its fire. God's gift to man of knowledge about the peaceful atom and about thermonuclear weapons.

Keywords: free will, free choice, synergy, atomic aspect, atomic phenomenon, nuclear technologies, likeness of God.

References

1. Spiritual conversations, messages and words / St. Macarius the Great. – M.: Publishing House of the Sretensky Monastery, 2004 (Type. AO Mol. guard). – 400 p.
2. Cit. by: St. Irenaeus of Lyon. Creations. – M.: «Pilgrim», «Blagovest», 1996. Reprint reproduction of the edition: The Works of St. Irenaeus, Bishop of Lyon. – St. Petersburg, 1900. – p. 55.
3. Sylvester (Malevansky), ep. The experience of Orthodox dogmatic theology with a systoric exposition of dogmas. – Kiev:

- Publishing House of the Kiev Orthodox Theological Academy, 1878–1889. Vol. 4. – p. 125.
4. Gregory of Nyssa, St. The fifth catechumenical teaching. Dogmatic writings in 2 volumes – Krasnodar: Text, 2006. – p. 49.
 5. Creations / Saint Ephraim the Syrian. – [Reprint. ed.]: Holy Trinity Sergius Lavra.: In 8 volumes. – Moscow: Pasad; Father's House, 1993–1995. / Vol. 1. – 1993. – 399 p.; Vol. 2. – 1993. – 430 p.; Vol. 3. – 1994. – 431 p.; Vol. 4. – 1995. – 533 p.; Vol. 5. – 1995. – 520 p.; Vol. 6. – 1995. – 481 p.; Vol. 7. – 1995. – 392 p.; Vol. 8. – 1995. – 354 p.
 6. Dispute with Pyrrhus: St. Maximus the Confessor and the Apostle. disputes of the VII century / [Ed. D.A. Pospelov]. – Moscow: Church of Sophia of the Wisdom of God, 2004 (VINITI PEAK). – 527 p. / Abbot Dionysius (Shlenov). The Gethsemane prayer in the light of the Christology of the Rev. Maxim the Confessor's Dispute with Pyrrhus. 339–378 p.
 7. The Great Canon of St. Andrey Kritsky with a parallel translation into Russian and explanations to the text. Nicea, 2022–336 p.
 8. Astafyev Pyotr Evgenievich. Selected works: Philosophy. Psychology. Culture. – M.: Institute of Heritage, 2021. – 590 p. – (Classics of Russian philosophy). – DOI 10.34685/HI.2020.91.99.005.
 9. Thoughts for every day of the year on church readings from the Word of God: brief teachings / svt. Theophan the Recluse. – Ed. 4th. – Moscow: The Rule of Faith, 2009. – 398 p.
 10. God-vision / Vladimir Lossky; trans. with fr. V.A. Reschikova, comp. and the introductory article by A.S. Filonenko – M.: ACT, 2006. – 759 p. / Dogmatic Theology. 455–552 p.
 11. Comp. and general ed. Bishop Hilarion (Alfeyev). – 3rd edition, ispr. SPb.: Oleg Abyshko Publishing House, 2009. – 224 p. The series «Library of Christian Thought. Sources».
 12. Presbyter Clement of Alexandria. Stromata. [in 3 vols.]/ Translated from ancient Greek and comments by E.V. Afonasin. Publishing house of Oleg Abyshko. Saint Petersburg, 2003.
 13. Dobrotolubie: in Russian translation: [in 5 vols.]. – 4th Ed. – Moscow: Publishing house of the Sretensky Monostyr, 2010. / Vol. 1. – 608 p.
 14. The formation of relations between the Russian Federal Nuclear Center VNIIEF and the Russian Orthodox Church. The first ten years of cooperation / Author-comp. I.G. Zhidov. – Sarov: FSUE «RFNC–VNIIEF», 2008.
 15. Kuraev Andrey, diak. If God is Love. – Moscow: Publishing House of PSTSU, 1997.

Цифровизация молодежной политики в России как фактор развития национальной стратегии кибербезопасности

Бучнев Евгений Владимирович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет»
E-mail: buchnevev@rgsu.net

Развитие информационных технологий приводит к комплексному и стратегическому совершенствованию отечественной стратегии кибербезопасности. В данной статье рассматривается этап цифровизации молодежной политики как фактор развития национальной стратегии кибербезопасности. Особое внимание автор уделяет проблемам безопасности данных и конфиденциальности их в цифровом пространстве, как обязательному качеству всех современных государственных программ. Автором проводится анализ действующей молодежной политики в цифровом пространстве с последующим формированием проблемных зон. В работе рассматриваются такие понятия как цифровизация молодежи, двойственность субъектности цифрового пространства, проблема безопасности использования цифрового пространства со стороны государственных структур и молодежи. Автор дает рекомендации необходимости к дальнейшему использованию цифрового пространства с обязательным усилением его безопасности и защитой персональных данных.

Ключевые слова: молодежная политика, государственная политика, цифровое пространство, воспитание, культурные особенности, патриотическое воспитание, тренд, кибербезопасность.

Развитие современного общества и информационных технологий, а также возможность быстрого получения знаний, новостей приводит к развитию общественной социализации. Трансформируются каналы связи, меняются способы получения данных, ведения диалога. Но что важнее, меняется концепция формирования личности. Социализация в современном мире начинается много раньше, чем это происходило три десятилетия назад. Если в начале 1990х годов единственным способом общения для большинства подрастающего поколения было личное общение или бумажная переписка, то сейчас это может происходить посредством социальных сетей, интернет-платформ, телеграм-каналов и даже онлайн-игр. Трудно спорить с тем фактом, что современные молодые люди более приспособлены к воздействию и получению информации, чем предыдущее поколение или люди, родившиеся в 1960-х годах. В начальный этап формирования современного российского государства молодежная политика не была одним из ведущих факторов развития государственной политики. Конечно, можно привести примеры школьных кружков, секций. Тем не менее, все эти программы имели скорее точечный характер, без встроенной поддержки со стороны государства. Прошрое десятилетие обозначилось в России массовым поворотом на спорт: множество спортивных мероприятий, спортивных секций, расцвет художественной гимнастики на мировой арене и, как следствие, повышение интереса к ней внутри страны. Возобновление программы ГТО, интерес региональных властей к всевозможным марафонам, дням здоровья, велосипедным марафонам и прочему показал, что российское общество готово с заниматься спортом, если государство поможет ему в этом.

Следующей на очереди вполне обоснованно стала молодежь и политика, направленная на работу с ней. Разумеется, в рамках данной работы не стоит говорить, что до 2010 года молодежной политики не было. Она была, о чем свидетельствует большое количество распоряжений, постановлений и пр. Тем не менее, можно указать, что молодежная политика прошлого десятилетия проводилась по лекалам прошлого и не всегда имела цель формирование активной ответственной молодежи.

Современная молодежь начинает проявлять интерес к многим проблемам глобального характера, особенно стоит выделить проблему экологическую и достаточно большой успех норвежской эко-активистки Греты Тунберг [1], которая своим примером показала: школьник имеет голос и этот голос могу услышать президенты. Проявляется интерес к политической реальности современной России. Это можно проследить и по количеству участников всевозможных акций как протестного характера, так и поддержки государственной политики. Но еще это достаточно серьезно прослеживается в цифровом пространстве.

Отсюда возникает ряд проблем, решение которых ставит перед собой современная молодежная политика в России.

Во-первых, молодые россияне не обладают собственной твердой жизненной позицией и достаточно легко поддаются влиянию внешнего воздействия: во-вторых, в связи с узким спектром возможности к реализации и низкой мотивацией к этому молодежь не имеет опыта в гражданском отстаивании своей позиции.

Главная цель молодежной политики в России – это создание действенной правовой и социальной защиты молодёжи, инновационная деятельность, стимулирование творческой активности, создание условий для самореализации и саморазвития молодёжи с помощью поддержки со стороны общественных организаций, государства и общества в целом [2].

Этапы законодательного формирования молодежной политики и трудности этого формирования серьезно анализируются в статье «Современная молодежная политика в России» доктора философских наук Гречихина В.Г. [3]. Как замечает автор, в отечественной молодежной политике, впрочем как и зарубежной, отсутствуют четкие различия такого явления, как молодость. Законодательное формирование ее не закончилось и сейчас находится в активной стадии. Современная российская молодежная политика формировалась с весомой правовой и материальной поддержкой государства. Последствия этого выразились в развитии молодежной политики как очага патриотического, духовно-нравственного воспитания. С одной стороны автор отмечает количественное увеличение программ молодежной политики, с другой стороны – заметное снижение материальной поддержки некоторых ее программ.

Ориентир молодежной политики на формирование политической осведомленности, личностному развитию и самореализации являются основными критериями качественной работы ее на государственном уровне. Однако сегодня, когда некоторые государства сталкиваются с тяжелыми и неоднозначными социально-политическими процессами, молодежная политика имеет право выступать как определенный фронт для населения, который несет как образовательные функции, так и оберегает нравственно-духовную личность человека. При этом, государство не может взять на себя обязанности полного созидания молодежной политики, выстраивания идеологического курса для молодежи. Государство должно создать условия, которые сформировали бы основу для дальнейшего профессионального и самостоятельного развития молодых граждан.

Поднимая вопрос эффективности отечественной молодежной политики, трудно оставить без внимания ее цифровизацию. Процессы цифровизации современного общества настолько сильно вошли в обиход, что развитие цифрового пространства и, как следствие, присутствия в нем молодежи, вносит существенные корректировки в формирование и реализацию государственных программ молодежной политики.

Как отмечают отечественные исследователи, цифровое пространство позволяет чувствовать себя включенным в процесс принятия политических решений, формирует чувство сопричастности с происходящим [4]. Развитие цифрового пространства приводит к доступности многих социально важных видов деятельности, которые ранее формировали вокруг себя определенные барьеры [5].

Цифровизация приводит к социальной трансформации такого вида, при котором степень воздействия индивида на общество зависит уже не только от его личных качеств, но и от степени его цифрового охвата.

Отсюда трудно переоценить роль цифровизации современной молодежной политики. Тем не менее, проведение информационный поиск в основных социальных се-

тях и платформах, доступных в Российской Федерации для данного исследования, необходимо отметить, что на данный момент государственные программы имеют слабое цифровое присутствие в такой важной для современной молодежи области взаимодействия как социальные сети.

Приведем сравнительную таблицу десяти наилучших результатов поиска сообществ в социальной сети ВКОНТАКТЕ по теме «молодежная политика» (табл. 1).

Таблица 1. Десять наилучших результатов поиска сообществ в социальной сети ВКОНТАКТЕ по теме «молодежная политика»

№ п/п	Наименование	Численность, тыс. чел.	Регион
1	Самарский Дом молодежи [6]	24,0	г. Самара
2	Я молод [7]	20,3	Ямало-Ненецкий АО
3	Департамент образования [8]	19,9	Воронежская область
4	Департамент по спорту и молодежной политике администрации города Тюмени [9]	18,2	г. Тюмень
5	Молодежный центр ГОРКОМЗ5 [10]	16,2	г. Вологда
6	Образование и молодежь Рязанской области [11]	15,6	Рязанская область
7	МОЛОД.ИНФО [12]	15,5	Кубань
8	Департамент молодежной политики [13]	12,3	Оренбургская область
9	Министерство молодежной политики [14]	11,8	Калининградская область
10	#ТВОЁ_ВРЕМЯ/ Красноярск [15]	11,1	г. Красноярск

Проведя содержательный анализ каждой группы (блога), следует выделить следующие замечания, присущие всем группам: малое количество аудитории по сравнению с численностью субъекта (региона) блога; слабые отклики аудитории на комментарии в группе; слабые реакции аудитории на новости в группе; носят преимущественно информативный, а не взаимодействующий характер.

В современном обществе трудно переоценить влияние на общество в целом такой ее группы как молодежь. Примечательно, что в Российской Федерации в соответствии с Постановлением «Об основных направлениях молодежной политики в Российской Федерации» [16] сам термин молодежь определял до 2020 года возрастной центр от 14 до 30 лет. Важность работы с данной социальной группой также отмечает то, что 11 ноября 2020 года Государственная дума одобрила проект о повышении возраста молодёжи до 35 лет. Очевидно, что современная молодежь испытывает на себе не только проблемы социализации, но и последствия глобальных изменений политических реалий мира. Для современного молодого человека понятие «граница» стало скорее чем-то эфемерным, применяемым к административно-территориальному делению той или иной страны. Молодые люди могут свободно перемещаться по миру,

свободно социализироваться с людьми своего возраста в других странах, имеют доступ к массе знаний и систем образования всей планеты, который ограничен больше их материальными и физическими возможностями. При этом, государство должно понимать, что социализация, глобализация молодежи так или иначе приведет к усилению их политического интереса и, как следствие, желанию из наблюдателя государственной политики превратиться в полноправного участника принятия политического решения. Российскому государству необходимо выработать такую программу взаимодействия с молодежью, которая заключается с одной стороны, как и современная, в расширении кругозора молодых людей, формировании у них чувства нравственных и патриотических ценностей, важности культурного наследия, а с другой, к сознательному принятию себя как гражданина, важной и необходимой части современного общества.

Замкнутость современной молодежной политики на государственных структурах приведет либо к нетрансформируемости самой политики и ее невозможности противостоять вызовам современности. В формировании ее необходимо и обязательно участие других социальных институтов и гражданского общества, благодаря чему сама молодежная политика начнет выстраиваться в жизнеспособную самостоятельную систему, которая движется не по принуждению сверху в единственном направлении, а самостоятельно выбирает путь своего развития, отвечая на актуальные и острые вопросы, стоящие перед российской молодежью.

Подводя итоги вышеизложенному материалу, следует отметить: формирование современной отечественной молодежной политики происходит в довольно сложных политических и экономических условиях, на данный момент находится в стадии далеком от завершения или четкой концепции; российская молодежная политика в силу вызовов, стоящих перед государством, акцентирует вопросы патриотического воспитания и духовно-нравственных ориентиров, отводя на второй план такие важные вопросы как экология, молодая семья, экономическая безопасность гражданина, цифровая безопасность гражданина; развитие молодежной политики в регионах носит скорее информативный характер, уделяя недостаточно внимания вопросам взаимодействия и включения молодежи в процессы принятия управленческих решений; цифровизация молодежной политики идет слабо, присутствие в социальных сетях невыразительно.

В настоящее время в Российской Федерации идет развитие государственных программ молодежной политики, их качественное наполнение и увеличение спектра интересов. Тем не менее, для эффективного взаимодействия с молодежью как частью политического процесса, следует расширить информационное присутствие самой молодежной политики, позволив тем самым, включить в активное взаимодействие большее количество ее объектов.

Формирование основ молодежной политики в современной России происходило в сложные политические и экономические времена, что вынужденно сказалось на основных критериях успешности самой политики. Однако трудно не заметить, что программы поддержки молодежи прошли длительный путь качественного развития: смещение с лидирующих позиций спортивных мероприятий как социального лифта, развитие патриотических кружков и движений, развитие образовательного проекта, создание национальных программ.

Российская молодежь сталкивается с угрозами как своей личности, так и своему цифровому присутствию.

Отсюда, государственная стратегия безопасности, и в частности национальная стратегия кибербезопасности, должны рассматривать цифровое поле как будущую область сопротивления и противостояния грядущим вызовам и угрозам. Государственная политика для молодежи должны стать самым современным и самым универсальным инструментом, направленным на преобразование и модернизацию российского государства.

Отечественные исследователи предполагают, что проблемное поле отношений между государством как субъектом с одной стороны и молодежью как социальной группой с другой стороны лежит в контексте воспроизведения классической проблемы поколений [17].

Различия культуры поколений формируют строгие формализованные и консервативные отношения по отношению к молодежи, как объекту. Со стороны государственной политики для молодежи в таком случае первоначально обеспечить занятость и снизить, а лучше де-завуировать отрицательную политическую активность.

Со стороны молодежи создается ощущение недостаточного внимания к проблемам поколения.

В современный период государственная молодежная политика неоднократно изменялась в контексте институционализации в качестве одной из приоритетных задач внутренней политики России. Цифровизация молодежной политики формирует новое проблемное поле и ряд приоритетных задач. Прежде всего это обеспечение безопасности для молодежи в информационном пространстве, и как следствие, формирование придержаивающегося государственной политики гражданина. Это позволяет утверждать, что для государства важно рассматривать программу безопасной цифровой среды для молодежи как один из факторов развития безопасного государства.

Литература

1. Воробьева Е. Маленькая «девочка с косичками» для большой игры в климатический Апокалипсис. [Электронный ресурс] / Е. Воробьева. IA REGNUM. – Москва, 2019. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/polit/2618880.html> (дата обращения: 10.06.2022).
2. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. – Москва: РИЦ ИСПИ РАН, 2015. – С. 8–9.
3. Гречихин В.Г. Современная молодежная политика в России / Гречихин В.Г. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 5. – С. 18–21.
4. Калинин В.С. Воспитание молодежи в условиях цифровой трансформации социального взаимодействия. / Калинин В.С. // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 6. – С. 153–163.
5. Никипорец-Такигава Г.Ю. Интернет и идеологические движения в России / Л.Д. Гудков, Г.Ю. Никипорец, Э.А. Паин [и др.]; под редакцией Г. Никипорец-Такигава и Э. Паина. – Москва: Редакция журнала «Новое литературное обозрение». – 2016. – 480 с.
6. Самарский Дом молодежи [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vk.com/sdmsamara> (дата обращения: 10.06.2022).
7. Я молод [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vk.com/yamolod.yanao> (дата обращения: 10.06.2022).
8. Департамент образования [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vk.com/education36> (дата обращения: 10.06.2022).
9. Департамент по спорту и молодежной политике администрации города Тюмени [Электронный ре-

сурс] – Режим доступа: <https://vk.com/dsimp> (дата обращения: 10.06.2022).

10. Молодежный центр ГОРКОМ35 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vk.com/gorcom35> (дата обращения: 10.06.2022).
11. Образование и молодежь Рязанской области [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vk.com/minobrrzn> (дата обращения: 10.06.2022).
12. МОЛОД.ИНФО [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vk.com/molodinfo> (дата обращения: 10.06.2022).
13. Департамент молодежной политики [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vk.com/molodezh_orenbyrzhyu (дата обращения: 10.06.2022).
14. Министерство молодежной политики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://vk.com/molod39> (дата обращения: 10.06.2022).
15. #ТВОЁ_ВРЕМЯКрасноярск [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://vk.com/tvoe_vremya_krsk (дата обращения: 10.06.2022).
16. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Государственная Дума. – 2020.
17. Пашинина Е.И., Кныжова З.З., Суслов И.В., Бабаян И.В. Предметное поле Российской молодежной политики // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. №2. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.6

DIGITALIZATION OF YOUTH POLICY IN RUSSIA AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF NATIONAL CYBERSECURITY STRATEGY

Buchnev E.V.

Russian State Social University

The development of information technology leads to a comprehensive and strategic improvement of national cyber security strategy. This article examines the digitalization stage of youth policy as a factor in the development of a national cybersecurity strategy. The author pays special attention to the problems of data security and privacy in the digital space, as a mandatory quality of all modern state programs. The author analyzes the current youth policy in the digital space, followed by the formation of problem areas. The work considers such concepts as digitalization of youth, duality of digital space subjectivity, and the problem of security of using digital space by state structures and youth. The author makes recommendations on the need for further use of the digital space with the obligatory strengthening of its security and protection of personal data.

Keywords: youth policy, public policy, digital space, education, cultural characteristics, patriotic education, trend, cybersecurity.

References

1. Vorobyova E. A little “girl with pigtailed” for a big game of climate Apocalypse. [Electronic resource] / E. Vorobyova. IA REGNUM. – Moscow, 2019. – Access mode: <https://regnum.ru/news/polit/2618880.html> (accessed: 10.06.2022).
2. Chuprov V.I., Zubok Yu.A. Youth in social reproduction: problems and prospects. Moscow: RIC ISPI RAS, 2015. – pp. 8–9.
3. Grechikhin V.G. Modern youth policy in Russia / Grechikhin V.G. // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2021. – No. 5. – pp. 18–21.
4. Kalinich V.S. Education of youth in the conditions of digital transformation of social interaction. / Kalinich V.S. // Socio-humanitarian knowledge. – 2021. – No. 6. – pp. 153–163.
5. Nikiporets-Takigawa G.Y. Internet and ideological movements in Russia / L.D. Gudkov, G.Y. Nikiporets, E.A. Pain [et al.]; edited by G. Nikiporets-Takigawa and E. Pain. – Moscow: Editorial office of the magazine “New Literary Review”. – 2016. – 480 p.
6. Samara Youth House [Electronic resource] – Access mode: <https://vk.com/sdmsamara> (accessed: 10.06.2022).
7. I am young [Electronic resource] – Access mode: <https://vk.com/yamolod.yanao>. (accessed: 10.06.2022).
8. Department of Education [Electronic resource] – Access mode: <https://vk.com/education36> (accessed: 10.06.2022).
9. Department of Sports and Youth Policy of the Tyumen City Administration [Electronic resource] – Access mode: <https://vk.com/dsimp> (accessed: 10.06.2022).
10. GORKOM35 Youth Center [Electronic resource] – Access mode: <https://vk.com/gorcom35> (accessed: 10.06.2022).
11. Education and youth of the Ryazan region [Electronic resource] – Access mode: <https://vk.com/minobrrzn> (accessed: 10.06.2022).
12. YOUNG.INFO [Electronic resource] – Access mode: <https://vk.com/molodinfo> (accessed: 10.06.2022).
13. Department of Youth Policy [Electronic resource] – Access mode: https://vk.com/molodezh_orenbyrzhyu (accessed: 10.06.2022).
14. Ministry of Youth Policy [Electronic resource] – Access mode: <https://vk.com/molod39> (accessed: 10.06.2022).
15. #YOURS_TIMEIКрасноярск [Electronic resource] – Access mode: https://vk.com/tvoe_vremya_krsk (accessed: 10.06.2022).
16. On Youth policy in the Russian Federation: Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020 “On Youth Policy in the Russian Federation” // State Duma. – 2020.
17. E.I. Pashinina, Z.Z. Knizhova, I.V. Suslov, I.V. Babayan. Subject field of Russian youth policy // Vestnik PNIPIU. Socio-economic sciences. 2022. № 2. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.6

Многополярность как глубинная суть сети отношений: от «архефутуризма» к «киберготике»

Назаренко Алексей Владимирович,

к.п.н., ведущий научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН

E-mail: alek_nazarenko@mail.ru

Призванный социально и эстетически облагородить мир модернистский проект «общего» окончательно уходит в прошлое. На его смену приходит постмодернистский проект «частного» основой которого является самопроизвольная и автохтонная процессуальная самоорганизация личности. Кардинально меняющееся интерпретационное поле – от «общего» к «частному» становится веской причиной для ревизии концепта многополярности мира с позиции сети межличностных отношений. Поскольку структурированная определенным образом система отношений между полюсами многополярности замещается сетью межличностных отношений, она приобретает принципиально другой вид и концептуальное содержание. Сравнение между собой «керигм» традиционной силовой модернистской версии многополярности и лишенной этого начала постмодернистской сетевой версии, с целью выявления условий их возникновения и обнаружения областей схождения трех ее возможных эволюционных парадигм – «археавангарда», «архефутуризма» и «киберготике» являются задачей этой статьи.

Ключевые слова: многополярность, суверенитет, баланс сил, отношения, сеть, керигма, эволюция, кибернетика, киберготика.

В наполненном противоречивыми событиями – «знаками» современном мире очень трудно выделять объекты. Еще более сложной задачей видится выделение и «сохранение» в столь изменчивом мире субъекта – случайного генератора событий. Ведь если каждый «другой» вдруг просто исчезает, образы объектов и субъектов становятся неуловимыми. Тем не менее обе стороны сохраняют свою склонность к экспериментам, выставляя себя в роли своеобразных выскочек на фоне почти неуловимого частного или условного обозначенного коллективного. Они уже не совсем они, а некие другие, скрывающие свои лица под маской шизофреника и с явным удовольствием принимающие участие в очередном политическом фарсе. Самонадеянность их сливается с безответственностью, что позволяет говорить о том, что призванный социально и эстетически облагородить мир модернистский проект, окончательно уходит в прошлое. Лежащие в его основе политические стейтменты и манифесты выглядят в случайном, скрытым под маской благоразумия мире самоуверенными и агрессивными. Ярким примером этого является затертый до дыр политический концепт многополярного мира, увлеченность которым, несмотря на его явный провал на практике, как не странно, продолжает расти.

Заметим, что с его помощью можно было хоть как-то объяснить прошлые состояния мирового сообщества, например «концерт» европейских держав или противостояние двух сверхдержав. Перенос же этого концепта на современную почву глобального мира пока вызывает одни вопросы. Основополагающим становится момент интерпретации многополярности мира в условиях разрушения концепта института и структуры, олицетворением которого является государство. Выступая в роли своеобразного концептуального якоря некоего «общего» – общественного бытия и общественного сознания, этот концепт приходит в явное противоречие с реальностью, в которой личное «частное» начинает явно доминировать, превращая каждого индивида в производителя истины.

Подобное смещение акцентов в пользу самопроизвольной и автохтонной процессуальной самоорганизации личности, фактически сводит на нет характерный традиционный для любой политики субъект-объектный подход, заставляя задуматься об изменении структуры и характера оппозиций [11, С. 180, 181]. Для модернистского концепта многополярности с ее сотрудничеством или противостоянием неких «общих» «бытийностей» или «сознаний», это фактически означает его разрушение. Происходит последовательное изменение его традиционного прежнего образа, его концептуального содержания и даже общего интерпретационного поля. Именно последнее, меняющееся от «общего» к «частному», и становится первопричиной заката модернистского проекта и связанных с ним концептов, в числе которых значится и концепт многополярности. Это заставляет задуматься о том, не может ли это стать веской причиной для попытки реинкарнации концепта многополярности на самом низовом уровне – на уровне отдельной личности. Очевидно, что остальные составляющие этого – концептуальное содержание и ее новый образ

потребуют в этом случае очень тщательной проработки. Она должна быть избавлена от всех нарративов модерна. Ведь речь теперь идет не о традиционном прошлом, и даже не о многоаспектном настоящем, а о экспериментально предполагаемом будущем, генеральным лейтмотивом которого станет постмодерн, позволяющий собрать мир в единую сеть.

При переходе от традиционных представлений о социальном сообществе к сети отношений важно избежать двух «заблуждений» – возможности «организации» суперпозиции обеих версий многополярности и «скатывания» обеих версий в такую крайность, в которой раствориться некое связывающее людей общее – их человеческое естество. Вполне закономерно, что микс политических парадигм многополярности в версиях модерна и постмодерна, как и «крайние» ее версии без их адекватного соотношения собой способны завести мир в идеологический тупик, к состоянию, где прошлое попытается продать настоящее в надежде оказаться в будущем или, наоборот, настоящее сможет настолько «эволюционировать», что подойдет к состоянию готического абсурда. И в том, и в другом случае, присущая готике тотальная замкнутость и депрессия личности способна вызвать к жизни столь безобразные образы будущего, что придется искать «обратную тропику» к человеческому естеству.

В результате мир может оказаться в состоянии гиренковского «археавангара», в котором прошлое пребывает в формах будущего, отказывающегося от идеи личности и от свободы, порождаяемой ее произволом. Одиночество в нем видится адекватным состоянием человека, делая его таким образом независимым [4]. Речь, фактически, идет о вневременном идеальном суверенитете не связанной никакими обязательствами органически чистой личности. Речь может идти и о движении мира в направлении фаевского «архефутуризма», в котором ницшеанская концепция «вечного возвращения» неминуемо вернет его к архаическим ценностям, некому симбиозу подлинного федерализма и твердой центральной власти, высоких технологий и традиционных аграрных сообществ, христианства и языческой философии [12]. Если же верх одержат самоуверенные и агрессивные личности, создадутся явные предпосылки для кибернетизации мира до состояния «киберготики» в которой краткосрочное будет «взломано» долгосрочным, среднесрочное разбивается «шизофренией», а долгосрочное вообще отменяется. В результате этого события становятся настолько запутанными, что они «становятся кибернетикой» при которой о многополярности как о некоем формализованном концепте уже невозможно говорить всерьез [8, С. 83–85].

Заметим, что для российской современности подобное состояние «застревания» между тремя парадигмами – премодерна и модерна и постмодерна является достаточно привычными. Присущий российской действительности микс язычества, православия, общинности, соборности, индивидуализации, одиночества, вечного суверенитета, вертикали власти, федерализма, коллективизации, индустриализации и модернизации по изначально варварским канонам «догнать и перегнать», модной ныне «цифровизации» далеко не случайно обозначено дугинским термином «археомодерн». Сопутствующий ему эклектический микс парадигм заставляет нас задуматься не столько о настоящей темпоральности российской действительности, но, что гораздо более важно, о перспективах ее эволюции. Пока же создается впечатление, что от парадигмы «археомодерна», российская действительность уверенно дрейфует к парадигме «архефутуризма» с элементами «археавангарда», что

делает ее эволюционные перспективы весьма туманными. Сравнение между собой «керигм» традиционной силовой модернистской версии многополярности и лишенной этого начала постмодернистской сетевой версии, с целью выявления условий их возникновения и обнаружения областей схождения трех ее возможных эволюционных парадигм – «археавангарда», «архефутуризма» и «киберготики» являются задачей этой статьи [18].

Попробуем учесть то обстоятельство, что любые попытки структурирования мифа следует воспринимать как попытку внести в стихийный процесс мифотворчества некую рациональность путем систематизации и упорядочивания присущих ему смысловых отношений. В результате возникает серьезная проблема – структурировать необходимо то, что априори многообразно и изменчиво, а значит его просто невозможно формализовать однозначно. Это часто заводит в эклектический тупик, столь характерный для времени глобальных изменений парадигмы мироустройства. Заметим, что леви-строссовское представление мифа в виде результата «величайшей степени организованности на первый взгляд произвольных продуктов человеческого духа» фактически зашло в тупик именно по этой причине [9, С. 752]. Это означает, что приходится быть готовым к «созданию» таких образов мифа, в которых все их составляющие пребывают в сложных динамических отношениях, каждый раз меняющих принципы и условия их соотношения между собой.

Обращаясь к концепции многополярности, нельзя не отметить того, что несмотря на прошедшие с момента ее выдвижения десятилетия, она так и осталась пока лишь гипотезой – мифом, причем с весьма конкретным бэкграундом. «Керигма» многополярности так и не смогла эволюционировать до состояния прикладной управленческой теории даже несмотря на то, что потребность в этом была весьма велика. Ведь качнувшись в сторону биполярности, однополярный мир постепенно разрушался, а фукуямовский «конец истории» так и не наступал. Застыв на стадии политического мифа, многополярность так и осталась в «серой зоне» гипотезы, без четких и общепризнанных правил и принципов ее построения и функционирования. Для ее, как мы понимаем, весьма характерны многочисленные потенциальные конфликты между формирующимися и утрачивающими свою значимость «полюсами» мира, чреватые ее расколом на все более и более мелкие обособленные фрагменты – самонадеянные и зачастую безответственные полюса. Их рискованные политические эксперименты в традиционной манере – обозначить территорию и за столбить уступок продолжают тянуться из прошлого в настоящее, преследуя лишь одну цель – попробовать связать в одну ментальную социальную ретроконструкцию противоречивые намерения и устремления и легализовать ее. Закономерно, что подобные попытки пока заканчиваются провалом.

Все более очевидным становится то, что любые самонадеянные и безответственные популистские политические эксперименты вновь «самообразованных» полюсов входят в противоречие с базовым принципом многополярности – относительного равенства возникающих полюсов, в силу растущей их взаимозависимости от флуктуаций общественного мнения. Очевидно, что вести речь о гипотетическом свободном одиночестве политического полюса мифической многополярности уже не получится. Достаточно быстро выяснилось и то, что большинство из подобных политических полюсов оказались неспособными следовать избранному пути развития и обеспечивать собственную безопасность одновременно. Очевидно, что эти факты более не позволя-

ют вновь образованным полюсам вносить адекватный вклад в формирование нового справедливого мирового порядка. В силу этого называть их реальными полюсами многополярного мира, на наш взгляд, не совсем логично.

Фактически речь следует вести о традиционном сосуществовании двух новых-старых «каст» субъектов и объектов. Первая из них – привилегированная каста «избранных», декларирующих свой весьма относительный в глобальном мире суверенитет. Вторая – лишь на первый взгляд, ущемленная каста «выживающих» и зависимых от «избранных» статистов и наблюдателей. Создается впечатление, что мир вернулся к новому-старому субъект-объектному состоянию. Для него, как мы помним, характерны серьезные морально-этические и организационные нестыковки, ставшие непреодолимыми препятствиями на пути обретения подлинной справедливой многополярности. Достаточно быстро выяснилось, что практически все политические полюса – как «избранные», так и «выживающие» лишь до определенного времени готовы мириться с неравновесным политическим порядком. Трения и конфликты между полюсами становятся неизбежными в силу несовпадения их интересов, менталитета, культуры и исторического бэкграунда. Видимые и латентные политические противоречия в многосторонних политических объединениях – ЕС, НАТО, ЕАЭС, ШОС, G7, G20, БРИКС и им подобных на почве национальной исключительности или суверенитета являются достаточно надежным индикатором априори «конфликтного» состояния декларируемой им состояния многополярности.

Серьезным препятствием на пути демифологизации гипотетического многополярного «археавангарда», «архефутуризма» и «киберготики», становится проблема силы. Понимание того, что парадигма «равенство прав ничего не значит без равенства сил» до сих пор остается незыблемой, абсолютизирует и саму силу, и ее обладателя [13, С. 7]. Благодаря этому происходит вечное «возвращение» мира к банальному силовому противостоянию. В эту канву хорошо укладываются и известные политические мифы «о вечном городе», «третьем Риме», «тысячелетнем рейхе», «сияющем граде на холме». Подкрепив себя логикой истории, сила действительно видится в качестве выразителя теологического мирового «замысла», став, по сути, единственным интегрирующим центром мировых культурных ценностей. Стремление каждого из полюсов «силового» мира, вне зависимости от их условной объект-субъектной «окраски» любым доступным способом утвердить свое силовое господство, является прямым следствием этого. Если все мировые объекты-субъекты являются фанатами силы, понимают и принимают ее, то отношения между ними закономерно приобретают ярко выраженный силовой аспект.

Хорошо известно, как став основой практически всех отношений капитал сумел постепенно превратиться в общественную машину суицида нравственности, этики и морали, став пределом десоциализированного экспериментирования [6]. Это произошло в результате его безумной погони за прибылью. Проведя определенную аналогию, можно предположить, что «шизоидный» импульс полюса силы может стать значимой частью предлагаемого миру нового культурного паттерна, замещающего традиционную политику [8, С. 24]. По мере такого «шизофренического» силового «совершенствования» многополярности, стабилизирующая, лишь только на первый взгляд «обратная» рационализация в духе – «сила ради стабильности» будет в конечном счете замещена ее эскалирующей «прямой» версией – сила во имя силы, которая является уже кибернетической эволюционной парадигмой.

Проигрыш одного из полюсов в подобной ситуации будет нести на себе печать уже глобальной неудачи. Особенно резонансной в этом плане является неудача сильного, ибо вместе с «падением» силового полюса рушатся и связанные с ним избыточные глобальные мифологические эволюционные ожидания, вызывая у него депрессию и толкая его на путь тотальной замкнутости. Следствием этого является актуализация проблемы внутреннего самоконтроля полюса силы. Любая деталь, любое его слово, любой его жест, любое его видимое изменение состояния всегда скрупулезно отслеживается, анализируется и интерпретируются теми, кто готов его заместить. Постоянный столь жесткий самоконтроль в условиях латентного «давления» со стороны, часто чреват срывами и утратами, подтачивающими восприятие полюса силы как абсолюта. Абсолют ведь не может показать ни свою слабость, ни ошибаться. Непомерная ноша амбиций полюса силы, размывание всяческих моральных и этических границ, утрата реальности и вера в свой вневременной абсолютный статус оказывается порой гораздо более рискованным для силовой многополярности, чем латентные претензии остальных полюсов силы на доминирование.

Всегда находятся и те, кто просто мечтает оказаться в «тени» центра силы. Претендующие на роль полюса «слабости» вассалы-союзники «избранных» начинают на них паразитировать до тех пор, пока «однажды субъект» не обнаружит, что его «соблазняет его же объект». Оказаться во власти «кажимостей», это, пожалуй, действительно «лучшее, что может случиться с ним» [3, С. 52]. Ведь в худшем случае происходит нейтрализация и блокада полюса силы. Вместе с ней, очевидно, нивелируется любая силовая многополярность и все связанные с ней политические дискурсы. Именно в этом и состоит сила слабости, заставляющая в конечном счете задаться вопросом о реальности претендующих на роль полюсов силы объектов и субъектов. Это ставит под сомнение и реальность мифа о силовой многополярности, в котором начинает явно просматриваться психологическое «шизофреническое» начало. Можно говорить о том, что силовую составляющую «керигмы» многополярности следует воспринимать скорее как веру в абсолют, которую рискованно проверять на практике. Ведь от вождельного образа абсолютного «полюса» силы, до «геополитической катастрофы» и падения в пропасть неизвестности, как показывает историческая практика, всего один шаг.

Производными абсолюта силы являются и мифологизированные понятия суверенитета и баланса сил. Несмотря на фундаментальные мировоззренческие сдвиги они до сих пор не утратили своей политической значимости. Возникает закономерный вопрос о значении суверенитета в гораздо более потенциально неустойчивом многополярном мире, в котором многополярность фиксируется сразу на двух уровнях – социальном «общем» и «частном» личном. Обозначенный выше «обмен» ролями между полюсами силы, возможные «переходы» между ними и только временная «фиксация» их состояния создает всего лишь иллюзию бодрияровской «кажимости» суверенитета. В результате этого возникают большие сложности для однозначной интерпретации этого понятия в мире, в котором происходит явное смещение акцентов от социальной организации в пользу самопроизвольной и автохтонной процессуальной самоорганизации личности. Тем более, что она в этом случае или создаст благодатную почву для социального экспериментирования, или, следуя принципу автономности, разрушает имеющееся общее.

Что касается понятия баланса сил, то не до конца ясно между кем и кем он состоит и каковой вообще может

быть его глубинная суть. Заметим, что понятие баланса сил относительно легко укладывается в рамки «мягкого» соперничества, например «европейского концерта» сопоставимых по параметрам силы и влияния держав. Они все находились в одной среде – в лоне единой культурной традиции, то есть у них отсутствовали разногласия относительно «желаемого» образа собственного будущего и будущего мира. Кроме того, все участники «европейского концерта», управлялись космополитически ориентированными элитами. Подобная «общность» состояний, интересов и перспектив его участников и создало устойчивое впечатление о «концерте» как сбалансированном состязании его участников.

Как это не парадоксально, но не менее легко понятие баланса сил воспроизводится и при жестком идеологическом противостоянии двух «ведущих» держав прошлого века. В силу различных культурных традиций и разных желаемых образов будущего, но при явной мессианской космополитической ориентации их элит, политический концерт вновь превратился в многостороннее состязание. Носящее глобальный характер на идеологическом социальном уровне, оно просто «растворилось» на уровне личности, в бытовых мелочах. В результате ни одной из сторон так и не удалось одержать убедительной победы. Появление отдельного раздела в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, регламентирующего отношения между центрами биполярного мира в гуманитарной сфере и меду людьми, далеко неслучайно. Именно благодаря ему, постепенно «растворялось» жесткое идеологическое противостояние двух полюсов мира. Все предыдущие рассуждения позволяют говорить о том, что понятие суверенитета и баланса сил также необходимо избавить от априори присущей им мифологической эклектичности. Для этого необходимы всего лишь два условия – космополитическая эволюционная ориентация силового полюса и относительная гомогенность материальной и духовной среды, в которой он пребывает. Иначе говоря, это понимание глобальной «общности» мира и его эволюционных перспектив.

Затронутыми, в этом контексте, оказываются фундаментальные с точки зрения эволюции вещи – представления полюсов о смысле истории, о их месте и роли в историческом процессе, о справедливости и допустимых рамках поведения в общем мире. Влияние их силового потенциала, в этом случае, как мы понимаем, не столь очевидно. Это позволяет говорить о том, что от исключительности и силы, претендующих на роль хэдлайнеров мирового развития приходится отказаться. Соответственно, многополярность в контексте «археавангарда» или «архефутуризма» является эклектическим тупиком.

Попробуем рассмотреть многополярность в контексте сети, для которой, как мы понимаем характерны две взаимосвязанные задачи – «задача узлов» и «задача связей» [16, С. 6]. Если первая из задач еще хоть как-то коррелируется с представлениями об архаичном силовом восприятии многополярности, то вторая, явно противоположна по своему смыслу направленным субъект-объектным связям, характерным для структурой или институциональной силовой организации. Все дело в том, что сеть и структура – это различные онтологические понятия, которые можно связать между собой лишь диалектически. Ведь при определенных условиях происходит переход из состояния сети в состояние структуры и наоборот. Так при доминировании «ближних связей» между центрами многополярности над «дальними» структура разрушается, превращаясь в сеть неформальных отношений между ними. При смене акцентов

в пользу «дальних связей», сеть, наоборот, кристаллизуется до состояния структуры. Можно сказать о том, что комбинация продолжительности, эмоциональной интенсивности, близости и мобильности связей между полюсами становится определяющими для формирования подлинной, а не мифологической многополярности. Фактически речь идет о силе связей, с их интенсивностью, изменчивостью и многоаспектностью, противостоящей их стабильной субъект-объектной ориентации [5].

Для разрешения парадокса близости-дальности попробуем обратиться к понятию «жизненного пространства» полюса, как фиксированного его планарной картой отношений с другими полюсами. «Области» на ней, соответствующие «специализации» его отношений, окажутся в одной условной плоскости. Таких плоскостей – много. При этом надо понимать и то, что каждая рациональная «специализация» отношений является весьма условной. Отношения между полюсами в одной условно выделенной сфере, могут быть противоположно направлены отношениям в другой условно выделенной сфере, а значит отношения между ними в принципе невозможно рационально интерпретировать однозначно. Это означает, что проблематичной станет и попытка совместить условные сферы взаимодействий центров по одному, общему для них ребру. К сожалению, парадокс «общего ребра» отношений между центрами, столь характерный для их графической интерпретации, часто просто игнорируется. В результате научная литература по сетевой проблематике, изобилует многочисленными абстрактными графическими изображениями планарных графов отношений, не имеющих ничего общего с реальным их состоянием. Подобная абстракция мифологической рациональности структуры отношений между центрами, свидетельствует о намерениях их авторов политически правильно зафиксировать их «мгновенное» состояние и их «перспективы».

На этом фоне явно просматривается и другой путь – замещение рационального начала отношений между полюсами иррациональным психологическим. Иррациональная психологическая интерпретация графа отношений в этом случае предполагает, что его вершинами являются условные полюса-центры отношений, а ребрами сами отношения в контексте «любовь и ненависть, общение и подчинение» [15, С. 18]. Рационально распределить подобным образом окрашенные психологические иррациональные отношения по условным сферам функционирования центров невозможно. Заметим, что психологическая иррациональная интерпретация отношений между условными полюсами-центрами более характерна для микроуровня – уровня межличностных отношений. В силу явного смещения акцентов социального общего в пользу самопроизвольной и автохтонной процессуальной самоорганизации личности, его можно полагать конечной точкой этого глобального процесса и отправной точкой для всех дальнейших теоретических построений, вплоть до уровня макросоциальных объединений в масштабе всего человечества. Именно на микроуровне – уровне отдельной личности, появляется возможность аналитически интерпретировать ее «шизоидные» импульсы как основу и иррациональных, так и рациональных отношений. Если личности требуется «раствориться» в социальном – направлено детерминированной некими общими «целями», или некими общими «правилами» модели социального общежития, явно проявляется «шизоаналитический» импульс ее причастности. Если же личности нужно каким-то образом выделиться из общего, то «шизоаналитический» импульс меняет свою направленность в пользу исключительности. Заметим, что по мере раскрытия общего со-

циального вплоть до глубины психологических мотивов его возникновения, становится возможным обнаружить пределы присущего отдельной личности «шизоаналитического» импульса, позволяющего ей реализовать свои «права» на поиск и становление.

Члены «все более открытого, публичного целого» ведь никогда не сплавляются «в коллективное целое», удерживая свою энергию, находящуюся в противоречии со всей конфигурацией настроений, культурных и исторических тенденций и иных политических ветров [1, С. 60, 61]. Естественно, что традиционно «выделяемые» в социуме виртуальные структуры, модели и институты, утрачивая всякую связь с реальностью, замещаясь «утопическими» – «невозможными» сообществами. Нет необходимости говорить, что всякое копирование и тиражирование готовых политических моделей социального поведения из прошлого в контексте отношений становится невозможным. Силовая модель отношений является в этом плане вообще тупиковой и, пожалуй, самой опасной в силу присущей ей эскалационной направленности специализации «шизоаналитического» импульса – сила ради силы. Своеобразным ее мифологическим фронтменом можно считать суперзлодея Тантоса – персонажа из кинематографической вселенной Marvel с его сверхъестественной силой, готовностью вести войну до бесконечности с явным стремлением устроить геноцид во вселенной. Нельзя не отметить одну весьма существенную характеристику этого мифического персонажа кинематографической вселенной – его апокалиптический взгляд, тягу к нигилизму и физической смерти. Это на наш взгляд, является существенным моментом, позволяющим «сложить» логический пазл – сила, война, геноцид, смерть. Усмотреть реинкарнации духа Тантоса в реальной жизни не так уже и сложно. При этом всегда важно помнить об общем финале – апокалипсисе и смерти.

Став своеобразной универсальной базой для всех последующих теоретических сетевых построений, межличностный уровень обеспечивает приемлемый уровень совмещения рационального и иррационального. Любое искусственное «выделение» из сети отношений некой «специализированной» области, эквивалентно ее «целевой» или «правильной» политической ориентации, нивелирующей все возможные и невозможные «оттенки» межличностных отношений. Изобразить непланарный граф отношений на «специализированной» плоскости без «пересечения» отношений вне их полюсов невозможно. Автономность и свобода полюсов межличностных отношений является одним из важнейших положений, позволяющих описывать многополярность в контексте сети. Или наоборот – многополярность является базовой основой для сетевых построений на различных социальных уровнях, при условии автономности и свободы узлов – полюсов межличностных отношений.

Поскольку на каждом более «низком» социальном уровне существует своя сеть отношений между полюсами, мы фактически имеем дело со своеобразной «матрешкой» отношений. Несмотря на их уникальность на каждом из социального уровня, условная широкая специализация отношений в контексте «любовь и ненависть, общение и подчинение» позволяет заключить их в единый относительно стабильный контур макроотношений. Прямого копирования межличностных отношений с микроуровня на макроуровень при этом не происходит, за одним исключением – их топологии. Присущий сетям отношений «эффект безмасштабности» позволяет преодолеть потенциальные конфликты «ближних» и «дальних» между отношениями на различных уровнях. Ведь в соответствии с этим эффектом некоторые

центры – полюса «высокого уровня» берут на себя роль целевых «концентраторов», с которыми посредством большого числа отношений связаны центры – полюса «низкого уровня». В результате за центрами – полюсами «высокого уровня» безотрывно следят несколько центров-полюсов «низкого уровня», за которыми, в свою очередь следят центры-центры еще более «низкого уровня». Начинает просматриваться новая явная иерархия среди центров-полюсов сети межличностных отношений. Как не парадоксально, но именно такая возникающая естественным образом иерархия центров-полюсов и обеспечивает искомое единство сетей отношений, заключенных в одном социальном «макропуле». Подобную многоуровневую мультиполярную топологию межличностных отношений, «подключающих» центры «высокого уровня» к центрам «низкого уровня», поэтому можно считать универсальной. Семья выглядит как свободный «альянс» ее членов, социум – как большая семья, государство – как очень большая семья, а их сообщество как очень-очень большая семья. Весь многополярный мир в контексте сети отношений становится, по сути, очень большой семьей.

Столь характерный для текущей современности глобальный процесс перераспределения суверенитета с государственного макроуровня на микроуровень отдельной личности, о чем уже говорилось выше, служит хорошим подтверждением процесса перехода от назначенного рационального к естественному эмоциональному. Политическое единение в сети отношений более не тождественно пониманию ни значимости «общественного производства», ни стремлению следовать за тем или иным «общественным идеалом». Политическое в сети сегодня – это любые практикуемые формы отношений между центрами, которые выбираются и создаются каждым из узлов в их повседневной деятельности. Политизировать отношения более нет необходимости. Нужно жить политически, каждый раз по-новому создавая, выстраивая и конфигурируя отношения со своим окружением.

На этом фоне следует нельзя не обратиться к еще одной детали, не менее важной для восприятия многополярности в контексте сети отношений. Речь идет о темпоральной окраске состояний центров-полюсов отношений. Их закономерный естественный постоянный «дрейф» дает возможность построить виртуальный ориентированный граф, интерпретирующий последовательность происходящих с центром-полюсом событий. Фиксируемые состояния центра-полюса отношений являются его вершинами, а возможные положительные вероятности «перехода» их состояний из одного в другое – его ребрами. Таким образом создается еще один виртуальный конструкт – последовательность случайных событий со «счислимым» числом исходов. Он хорошо описывается посредством марковской цепи состояний центра отношений. То есть вероятность каждого последующего «перехода» центра-полюса к другому состоянию, будет напрямую зависеть от состояния, достигнутого им к этому моменту. Поскольку происходит фиксация текущего состояния полюса отношений, происходит разрыв временной цепочки – связи с его прошлым и его будущим. Фатальная неопределенность связи состояний полюса сети отношений во времени, заставляет вспомнить о принципе неопределенности, являющемуся фундаментом квантовой теории состояний. В соответствии с ним, идентичность или иначе субъективность центра сети отношений напрямую увязывается с траекторией «эволюции» его состояний. Это может быть или конечная «частица», или бесконечная «волна». Что такое конечная частица, мы хорошо увидели на примере однонаправ-

ленной силовой специализации отношений. Наверное, подобный апокалиптический исход вообще характерен для определенной специализации межличностных отношений. Подобный феномен подлежит, на наш взгляд, более детальному рассмотрению.

Если же наложить бесконечную «волну» состояний центров-полюсов сети отношений на рассмотренную выше их топологию, то возникает бесконечная двойная неопределенность – темпоральная и топологическая. Сложная нелинейность событий – изменение состояния центра – полюса сети и изменение топологии его отношений с другими центрами-полюсами делает их настолько гибкими, что становится возможным одновременное бесконфликтное сосуществование множественных «версий» многополярности. Можно говорить о том, что подобная темпоральная и топологическая неопределенность состояний сети отношений кардинально меняет не только картину мира, но и сами идеалы рациональности, лежащие в основании керигмы многополюсного мира.

Совмещение между собой задачи узлов и задачи связей, теперь уже в контексте многополярности, позволяет перейти к решению задачи условной «локализации» субъективности центра-полюса сети отношений, в контексте ее двойственности – избыточности или отсутствия. Заметим, что подобные задачи решаются посредством динамического математического программирования, скорректированного лагранжевым ослаблением, которое минимизирует любое внешнее влияние на изменение субъективности центра сети отношений [10, С. 454–458]. Благодаря этому можно представить себе некую виртуальную область, в которой будут распределены «замечательные точки» состояний центров-полюсов сети отношений. Естественно, что у каждого из центров-полюсов многополярности будет своя виртуальная область «замечательных точек». Поскольку в этой виртуальной области состояний центров-полюсов сети отношений будут наблюдаться лишь децентрации – «серии с колеблющимся переходом от присутствия к отсутствию и от избытка к недостатку», обнаружить среди них «явный» центр будет весьма сложно. Столь характерный для традиционной силовой версии многополярности «порочный принцип возвращения» объекта-субъекта, заводящий в логический тупик, замещается бесконечной «прямой, лабиринтоподобной линией» состояний ее центров-полюсов [14, С. 438].

Кибернетический принцип ее построения, в соответствии с которым любое действие является тем, что к этому действию побудило, позволяет говорить о том, что, меняя свое состояние, центр сети отношений совершает действие, генерируя таким образом событие еще до того, как это действие «обретет смысл» [8, С. 38]. Это заставляет задуматься о генеральной последовательности «переходов» характерных для сети задач – «задачи узлов» и «задачи связей». Ведь если отношения способствуют созданию событий – изменению состояний центров-полюсов сети, посредством чего они впоследствии обнаружат свою субъективность, то происходит отказ от традиционной простой нисходящей триады дисциплинарно-конституированного познания «объект-свойства-отношения» в пользу сложной восходящей «отношения – свойства – объект». Благодаря этому, как мы понимаем, можно по-другому детерминировать керигму многополярности. Любые ее трансформации ведь теперь вызываются «прогрессивной мутацией субъективности» центров-полюсов отношений под воздействием отношений между ними. Появление пула многополярных самоорганизованных сообществ, лишённых привычных дихотомий типа «живое/неживое», «внутреннее/внешнее», «наблюдатель/наблюдаемое», «объективное/субъективное» лучше всего подтверждает ризомность совре-

менного многополярного мира, объединенного в единую сеть [16, С. 81, 82].

Живущее сквозной диалектикой эволюции самоорганизованное многополярное сообщество, является таковым, благодаря сети отношений. Этим легко объясняется неопределенность и потенциальная взрывная реальность многополярности, для которой, как мы понимаем характерны множественные отношения между ее центрами, являющиеся, предтечей их возможных состояний. Потенциальная множественность состояний центров сети отношений, вкуче с темпоральным их «распределением» позволяют выявить два важнейших параметра многополярности – эволюционный «идеал» центров-полюсов отношений и «пределы» их эволюции. Речь идет об одной из важнейших, на наш, взгляд характеристик случайного процесса эволюционного становления центра-полюса отношений – о дисперсии его состояний. Ведь благодаря этому появляется возможность выявить допустимый «разброс» состояний центров-полюсов отношений вокруг некоего «условного» центра – аттракционного центра субъективности полюса. Появляется достаточно веское основание и для выявления направленности процесса ее эволюции – киберконвергентного или киберположительного. С одной стороны это будет некая условная точка аттракции состояний центров сети отношений, в которой эволюционный процесс закончится, а с другой стороны – бесконечно расширяющаяся виртуальная сфера субъективностей.

Нельзя не увидеть в этом явную аналогию с делезовским парадоксом неопределенного размножения и регресса. Важным в эволюционном процессе является не только неприемлемость подмены «конвергенции» ограниченной гомеостатической парадигмой эволюции, основой которой останется традиционно понимаемая безопасность системы отношений, но и прочтение кибернетики в контексте «направленной» целостности потока состояний. Если конвергентные отношения между центрами-полюсами сети отношений воспринимать как стабилизирующие, то рано или поздно их состояния «закольцовываются» в замкнутый маршрут, начинающийся и заканчивающийся в одной точке – в исходном состоянии «смерти». Если же отношения между центрами воспринимать как ничем не ограниченный «раздражитель», как «троллинг», как дестабилизирующую вспышку, то возможные состояния центров начинают множиться до момента, когда все центры многополярности окажутся связанными между собой столь плотной сетью отношений, которая будет мало отличаться от тривиальной традиционной жесткой системы, фиксирующей их субъективность.

Можно говорить о том, что в случае кибернетического прочтения эволюции состояний центров-полюсов сети отношений возникают ограничения. С одной стороны, это «смерть», приводящая ее к состоянию структуры. С другой стороны – это абсолютная универсализация «субъективности» центра-полюса сети отношений, разрывающая его связь с «виртуальным человеком». Эволюционная кибермаргинальность процесса эволюции центра-полюса сети межличностных отношений, всегда ограничивается «пределами» человеческого. Интуитивная радикальная проработка материального мира посредством делезовского анти-субъективистского виталистического «шизоанализа», являющегося «революционной программой, ведомой тропизмом к порогу катастрофических изменений» наталкивается на еще одно неожиданное препятствие – на «шизоанализ» в его дегуманизированной кибернетической версии [8, С. 76]. И если в силу определенных «дефектов» нервной системы материальный делезовский «шизофренический поток» является обратимым, то духовный кибернети-

ческий «шизофренический поток» может стать практически необратимым. Может сложиться парадоксальная ситуация – Бог, «ускользающая» уходит, оставляя за себя «полицаяв, чтобы те за всеми присматривали» [8, С. 81].

Возникает опасный прецедент – или победу одержит некая «обновленная» версия гуманизма с присущими ей этическими ограничителями «виртувианского человека» для того, чтобы существовать наилучшим образом, из доступных человеческой «природе данного свойства» состояний, или верх одержит безграничная кибернетическая эскалация, за которой явно просматриваются еще неисследованные экстратерриториальные просторы» [8, С. 48]. Господствующим социокультурным персонажем на этих неисследованных «просторах» становится уже не человек, а киборг, причем не только в качестве привычного нам гламурного сверхчеловека из модных анимационных фильмов или персонажа из кинематографической вселенной Marvel, но и в виде недочеловека – анонимной социальной массы с ограниченными возможностями доступа к благам виртуального цифрового мира. Нельзя не заметить того, что в современном мире полным ходом идет процесс «кибегонизации» человека. Благодаря повальной жесткой формализованной «оцифровке» межличностных отношений, человечество фактически подошло к состоянию, когда настроенная определенным образом среда – «контролирующая система» становится безличным «полицейским», который будет решать разрешить ли человеку доступ к определенным социальным благам или его стоит отключить от них, стоит ли поощрить его или оштрафовать, стоит ли открыть ему дверь в бесконечный цифровой мир или окончательно «отменить» его. Возникает один вопрос кем, как и для чего она настраивается? А что, если ее будет настраивать киборг – недочеловек или сверхчеловек типа марвеловских Тантоса, Халка, Тора и им подобных?

Можно говорить о том, что для многополярности в ее современном сетевом восприятии по-прежнему сохраняется дуализм «керигмы» в силу существования двух финальных версий эволюции центров сети отношений – «смерти» и границ «виртувианского человека». Выход центра-полюса сети отношений за эти ограничительные рамки посредством «шизоаналитического импульса» легко доводит его эволюционного «запал» до состояния фарса. «Революционеры» на наших глазах достаточно быстро деградируют до состояния шутов, нарочито демонстрирующих свои «шизоидные» заблуждения на публике. Становящиеся невольными жертвами заблуждения или порока, они фактически не перестают примерять на себя маски готических аллергических персонажей, олицетворяющих либо порок, либо добродетель, либо «природную стихию», либо «теологическую догму». Поскольку человека всегда «задевает» обычно «редкостное, даже если оно ужасно», подобное нездоровое нарочитое стремление центра-полюса сети отношений к исключительности невольно начинает привлекать к себе внимание [7, С. 9]. В результате концепт «редкостного», отягощенный уникальной «исключительностью» центра-полюса сети отношений начинает хорошо укладываться в стратегию поведения человека в условиях явного ослабления «виртувианских» ограничителей посредством «кибергетики» с ее основополагающим принципом «*carpe deum*». Если внимательно понаблюдать за сетевыми центрами-полюсами отношений в виртуальной сфере, например блогерами и инфлюенсерами, то можно легко увидеть, как «привлекательность» их инаковости, часто выходящая за пределы нормальности, достаточно быстро возносит их в ранг так называемых лидеров «общественного мнения». В результате этого они ста-

новятся и новыми центрами социальной кристаллизации, и производителями новой этики каждый раз на все более новом уровне. Далее этот процесс уже не останавливается. Фактически речь теперь идет о возможности принятия их окружением допустимой «дисперсии» их состояний в контексте общего эволюционного потока. Возможности среды и способ, которым это происходит может как расширять его рамки, так и сужать их. Все зависит лишь от «шизоидных» стремлений каждого из людей к собственной исключительности.

Нельзя не остановиться еще на одном важном аспекте современной версии многополярности – на многосторонности отношений, толкающих ее центры-полюса к демонстрации все большей субъективной гибкости. Ведь избыточная многосторонность, как мы понимаем, закономерно порождает хаос в состоянии состояний центров-полюсов отношений, в результате чего возникает потребность их привязки к некоей вероятной эволюционной траектории. Сопутствующая этому философия фантазма, не сводимая к какому-либо исходному факту, опосредованному определенным «восприятием или образом», начинает обретать смысл в постоянной перестановке целей эволюции, постепенно заставляя «все внутреннее переходить во вне» до момента, пока внутреннее не станет восприниматься как фарс. Приходится говорить о том, что из великого множества возможных эволюционных траекторий центров сети отношений случайным творческим образом выбирается лишь один, необратимый путь, который может завести человека как в тупик условного «археавангарда», так и в тупик условной «кибергетики» [2, С. 24, 25].

Мир будущего следует воспринимать как многополярный мир отношений, способствующих формированию многомерной политической субъектности их центров. Этот процесс, как мы видим, на поверку оказывается не менее сложным и противоречивым чем схоластический мир центров силы. Оказалось, что общая направленность эволюционной эскалации состояний центров отношений, детерминирующая их темпоральную субъективную гибкость и топологическую связанность с другими центрами-полюсами, стабилизирует многополярность порой даже лучше, чем традиционная сила. Невозможно не вспомнить, на этом фоне, и о ранее озвученной версии стабилизации силовой многополярности за счет «общности» состояний, интересов и перспектив его участников. При сетевом прочтении многополярности как цепи состояний сети отношений важнейшим стабилизирующим элементом закономерно становится эволюционная перспектива ее центров, предполагающие одновременно и их связанность между собой и их субъективную гибкость. То есть гибкость и изменчивость более не могут считаться политической слабостью центра-полюса отношений. Благодаря практически неограниченным перспективам процесса эволюции центров-полюсов сети отношений путем постепенного накопления совпадающих парадигмальных установок и их непрерывной гуманитарной коррекции, именно они и становятся реальной стабилизирующей политической силой. Далеко не случайно просуществовавший более ста лет олимпийский девиз «*citius, altius, fortius*» был сравнительно недавно дополнен важнейшей дефиницией «*communis*» – вместе. Тем самым еще раз была подчеркнута важность многогранности межличностных отношений и множественных сфер межличностного взаимодействия для парадигмы развития [17, С. 319, 320].

Не банальное жесткое силовое состязание между центрами-полюсами отношений, а их многостороннее взаимодействие теперь гораздо лучше способствует их мягкому многостороннему «самоограничению» посред-

ством развития их субъективной гибкости и нарастающей плотности сети отношений. В соответствии с дилеммой узника в этой ситуации выигрывают все стороны. Можно предположить, что в современном мире будет множиться число политических центров, а с ними и возможных комбинаций пределов их субъективности за счет расширения областей контактов, вариаций и доступных форматов взаимодействия. В результате кери́гма многополярности в ее версии «архимодерна», равно как и противоположной ей, на первый взгляд, версии «киберготика», начинают сближаться благодаря своему априори «шизоидному» функционалу. Ведь и жесткие ограничители, и их полное отсутствие в равной степени делают невозможным как эволюцию центров-полюсов межличностных отношений, так и лишает ее творческой направленности. То есть кажущийся на первый взгляд неограниченным революционный «шизоидный» импульс эволюции в обоих случаях рискует превратиться в банальный «фарс», выводящий его носителя далеко за рамки «виртувианского человека».

Литература

- Баннетт Д. Пульсирующая материя: политическая экология вещей. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 220 с.
- Бергсон А. Творческая эволюция. – М.: Эксмо, 2019. – 320
- Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии / Ж. Бодрийяр. – М.: РИПОЛ Классик, 1983. – 118 с.
- Гиренок Ф. Исход к искусству археоавангарда // http://www.hrono.ru/libris/lib_g/girenok_ishod.html/ (дата обращения: 22.08.2022).
- Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. – 2009. – Т. 10, – № 4. – С. 31–51.
- Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 672 с.
- Кузанский Н. Об ученом незнании. – М.: Академический проект, 2011. – 159 с.
- Ланд, Н. Киберготика / Ланд, Н. Сочинения в 6 т. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – Т. 2–208 с.
- Леви-Стросс К. Человек голый / Леви-Стросс К. Мифологии в 4-х тт. – М., 2007. – 784 с.
- Мину М. Математическое программирование. Теория и алгоритмы. – М.: Наука. Гл. ред. физ. – мат. лит. 1990. – 488 с.
- Михайленок О.М., Назаренко А.В. Публичная политика, развитие и институты: логика сопряжения и «забытые вещи» в новой бытийной реальности. – Полис. Политические исследования. – 2020. – № 1. – С. 179–191.
- Фай Г. Археофутуризм. Тамбов: Ex Nord Lux, 2011–256 с. // https://royallib.com/book/fay_giyom/arheofuturizm_mir_posle_katastrofi_evropeyskiy_vzglyad.html (дата обращения: 22.08.2022).
- Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве/ Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах. – М: Правда, 1989. – Т. 2. – 735 с.
- Фуко М. Theatrum philosophicum / Делез Ж. Логика смысла. – М.: Академический проект, 2011. – 472 с.
- Харари Ф. Теория графов. – М.: Мир, 1973. – 300 с.
- Сетевизация политических отношений в условиях новой реальности: [монография] / О.М. Михайленок, А.В. Назаренко, В.В. Люблинский [и др.]; отв. ред. О.М. Михайленок, А.В. Назаренко; ФНИСЦ РАН. – М.: ФНИСЦ РАН, 2021. – 382 с.
- Трансформация политических отношений в процессе взаимодействия сетевых феноменов и иерархических структур // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 3. – С. 297–340.
- Bultmann R., Ogden S.M. New Testament and mythology and other basic writings Fortress Press. – Philadelphia, 1984. – 168 p.

MULTIPOLARITY AS A DEEP ESSENCE OF A NETWORK OF RELATIONSHIPS: FROM “ARCHEFUTURISM” TO “CYBERGOTHIC”

Nazarenko A.V.

Institute of sociology FCTAS RAS

Designed to socially and aesthetically ennoble the world, the modernist project of the “general” is finally becoming a thing of the past. It is being replaced by the postmodern project of the “private”, the basis of which is the spontaneous and autochthonous procedural self-organization of the individual. The radically changing interpretive field – from “general” to “private” becomes a good reason for revising the concept of the multipolarity of the world from the position of a network of interpersonal relations. Since the system of relations between the poles of multipolarity, structured in a certain way, is replaced by a network of interpersonal relations, it acquires a fundamentally different form and conceptual content. Comparison between the “kerygmas” of the traditional power modernist version of multipolarity and the postmodern network version devoid of this beginning, in order to identify the conditions for their occurrence and to find areas of convergence of its three possible evolutionary paradigms – “arche-avant-garde”, “arche-futurism” and “cybergothics” is the task this article.

Keywords: multipolarity, sovereignty, balance of power, relations, network, kerygma, evolution, cybernetics, cybergothic.

References

- Bannett D. Pulsating matter: the political ecology of things. – Perm: Gile Press, 2018. – 220 p.
- Bergson A. Creative evolution. – M.: Eksmo, 2019. – 320
- Baudrillard J. Fatal strategies / J. Baudrillard. – M.: RIPOL Classic, 1983. – 118 p.
- Girenok F. Exodus to the art of the archaeo-avant-garde // http://www.hrono.ru/libris/lib_g/girenok_ishod.html/ (date of access: 22.08.2022).
- Granovetter M. The strength of weak ties // Economic sociology. – 2009. – Т. 10, – No. 4. – S. 31–51.
- Deleuze, J., Guattari, F. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia – Ekaterinburg: U-Factoria, 2007. – 672 p.
- Kuzansky N. About scientific ignorance. – M.: Academic project, 2011. – 159 p.
- Land, N. Cybergothic / Land, N. Works in 6 volumes. – Perm: Giele Press, 2018. – Vol. 2–208 p.
- Levi-Strauss K. Naked Man / Levi-Strauss K. Mythology In 4 vols. – M., 2007. – 784 p.
- Minu M. Mathematical programming. Theory and algorithms. – M.: Science. Ch. ed. physical – mat. lit., 1990. – 488 p.
- Mikhailenok O.M., Nazarenko A.V. Public policy, development and institutions: the logic of conjugation and “forgotten things” in the new existential reality. – Polis. Political studies. – 2020. – No. 1. – S. 179–191.
- Fai G. Archeofuturism. Tambov: Ex Nord Lux, 2011–256 p. // https://royallib.com/book/fay_giyom/arheofuturizm_mir_posle_katastrofi_evropeyskiy_vzglyad.html (access: 08.22.2022).
- Soloviev V.S. Readings on God-mankind / Soloviev V.S. Works in 2 volumes. – M: Pravda, 1989. – Т. 2. – 735 p.
- Foucault M. Theatrum philosophicum / Deleuze J. Logic of meaning. – M.: Academic project, 2011. – 472 p.
- Harari F. Graph Theory. – M.: Mir, 1973. – 300 p.
- Networkization of political relations in a new reality: [monograph] / O.M. Mikhailenok, A.V. Nazarenko, V.V. Lyublinsky [and others]; resp. ed. O.M. Mikhailenok, A.V. Nazarenko; FNIS RAS. – M.: FNIS RAN, 2021. – 382 p.
- Transformation of political relations in the process of interaction of network phenomena and hierarchical structures // Social and humanitarian knowledge. – 2022. – No. 3. – S. 297–340.
- Bultmann R., Ogden S.M. New Testament and mythology and other basic writings Fortress Press. – Philadelphia, 1984. – 168 p.

Хачатрян Валентина Арменовна,

соискатель, кафедра сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (университет)

E-mail: Val.khachatryan@gmail.com

В публикации рассмотрены и раскрыты теоретико-методологические аспекты, связанные с применением дискурс-анализа в исследованиях образа государства в средствах массовой информации. Представлено авторское понимание категории «образ государства», раскрыто с позиций информационной парадигмы, обосновано соотношение образа государства с понятиями имиджа и бренда государства. Раскрыто место СМИ в социальном пространстве репрезентации образа современного государства, показана необходимость анализа медийного дискурса при исследовании образа государства в средствах массовой информации, представлено определение дискурс-исследований политического образа. Раскрыты возможности медийного дискурс-анализа в исследовании образа государства в средствах массовой информации. Предложена схема медийного дискурс-анализа образа государства, опирающаяся на трехуровневую конструкцию дискурса. Уточнены ограничения медийного дискурс-анализа в исследовании образа государства в средствах массовой информации, обращено внимание на потенциал цифровых технологий для дальнейшего совершенствования аналитической методологии и результативности ее практического применения. Констатируется, что медийный дискурс-анализ может рассматриваться в качестве адекватного и предпочтительного варианта исследовательского выбора в широком поле семиотических методов исследования образа государства в современной политологии.

Ключевые слова: дискурс-анализ, образ государства, медийный образ, медийный дискурс, семиотические методы, социальное пространство, средства массовой информации, дескриптивный анализ, цифровой дискурс-анализ.

Введение

В условиях обострения геостратегического противостояния в период новейших военно-политических флуктуаций многократно возрастает значимость деятельности, связанной с применением «мягкой силы», включая формирование и поддержку положительного образа государства. Таким образом страны значительно укрепляют собственные позиции и ослабляют позиции противника (в том числе в международном переговорном процессе) благодаря управлению образом государства (включая ухудшение образа геополитического оппонента). «Мягкая сила» дискурса медийных образов политических акторов, включая государства, доказанно располагает масштабными позитивными эффектами в процессе публичного управления внешними и внутренними делами [1, с. 53].

В настоящей публикации будут систематизированы теоретико-методологические аспекты, связанные с применением дискурс-анализа в исследованиях образа государства в средствах массовой информации (СМИ).

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на комплекс парадигм и концепций политической науки и современной журналистики (информационной парадигмы, теории массовой коммуникации) и основано на междисциплинарном подходе к рассмотрению политических и медийных феноменов, а также релевантных методов их научного анализа. В публикации учтены концепции, объясняющие феномен образа государства, в том числе парадигма «мягкой силы» Дж. Ная. Исследование основывается на гипотезе о влиянии языка на политику и политическое мышление (модификация гипотезы Сепира-Уорфа, представленная в работах, в частности, В.И. Герасимова и М.И. Ильина [2]) и соответствующих концепций, объясняющих значение языка в политике, включая такие, как лингвистическая концепция символической политики М. Эдельмана и др. Публикация также полагается на традицию исследования медийных политических образов, сложившуюся в отечественной науке, базирующуюся на научных подходах в области структурной семиотики и включающая концепцию метагеографии Д.Н. Замятина [3], дискурсологический подход М.В. Берендеева [4], конструктивизм И.Ю. Киселева [5], синтетический подход Э.А. Галумова [6]. Практические рекомендации по применению медийного дискурс-анализа для исследования образа государства опираются на трехуровневую концепцию дискурса Ч.У. Морриса [7, с. 37–89] и его последователей.

К пониманию категории «образ государства»

По мере усиления применения компонентов и практик «мягкой силы» в национальной политике ведущих стран мира, увеличивается интерес политической науки к понятию образа государства. Следует отметить, что помимо «образа государства», в научных исследованиях и публицистике также используются родственные термины, такие как «имидж государства», «бренд государства», зачастую рассматриваемые в качестве синонимов. Абстрагируясь от дискуссии о допустимости избыточного применения англицизмов в научном лексиконе, хотелось бы отме-

тить, что между представленными понятиями имеются некоторые отличия, хотя, безусловно, речь идет об очень тонкой умозрительной разнице. Несмотря на достаточно широкую проработку вопроса в литературе [8], необходимо констатировать наличие многочисленных споров по поводу соотношения указанных понятий и продолжить авторское понимание, на основе которого проведено настоящее исследование.

Под образом государства с позиций информационной парадигмы, представляется целесообразным понимать сложившееся у определенной аудитории (чаще всего речь идет о международной аудитории), субъективное отражение фактов политической действительности, связанных с существованием данного государства в пространстве социальной реальности, сочетающееся с восприятием знаков, ассоциируемых с данным государством (его именем и концептом) [9–10].

Понятие имиджа государства представляется несколько более общим, собирательным в части того, что отражает некоторую сумму «образов» государства в представлениях различных аудиторий, в конечном счете формируя понимание об «усредненном» представлении внешней среды о государстве, и, прежде всего, элементах «мягкой силы» [11]. Следует отметить, что в английском языке, на котором изначально формировалась соответствующая политическая терминология, в том числе через рецепцию из лексикона других областей социальной деятельности, понятия политического «образа» и «имиджа» абсолютно тождественные. С учетом трансформации нарративов при передаче терминологии в универсальное, общее цивилизационное пользование, следует учитывать, что за концептом политического имиджа закрепились высокая степень номинативности, формальной определенности. В отличие от подвижного политического образа, имидж может рассматриваться в качестве его фиксации в условных терминах на определенный момент времени, или же в качестве идеала, цели комплекса применяемых воздействий, включая управление «мягкой силой».

Политический «бренд» по аналогии с корпоративным брендом, целесообразно рассматривать с позиций внешней, в том числе нормативной или полунормативной фиксации условной суммы наиболее устойчивых субъективных представлений о его образе, сложившейся в определенном пространстве в некоторый период времени [12]. В концепт национального бренда входят не только образы (причем как государства, так и, в частности, политических лидеров, масштабных культурных и исторических деятелей, виднейших персоналий в области спорта, науки и др.), но и символы (такие как национальная символика, знаменитые блюда национальной кухни и др.), а также многие другие элементы, для оценки которых на экспертном уровне зачастую применяется многомерный подход, учитывающий достаточно широкий комплекс факторов [13].

Таким образом, образ государства является самостоятельным политическим феноменом, а уточнение понятийных рамок позволяет более полноценно конструировать релевантную методологию его анализа.

СМИ как социальное пространство конструирования образа государства. Сущность медийного дискурс-анализа

Современные средства массовой информации оказывают колоссальное и неоспоримое влияние на общественную жизнь, выступают инструментом управления политической реальностью и комплексным социальным простран-

ством, в рамках которого происходят и фиксируются события и явления политического характера.

Образ государства, ретранслируемый и, порой, формируемый средствами массовой информации, обретается через семиотику повествовательных текстов [14]. Тем самым, медийный дискурс формируется в рамках конструирования социального пространства и отражает ключевые элементы образа государства в понимании, представленном в настоящем исследовании.

Масштабное применение дискурс-анализа в политических исследованиях, включая исследования образа государства, обусловлено тесной связью языка и политики, ведь по справедливому замечанию знаменитого американского политолога, основоположника лингвистической концепции теории символической политики Мюррея Эдельмана, «язык является интегральным элементом политической сцены – не просто инструментом для описания событий, но и частью событий, оказывающей сильное воздействие на формирование их значения, содействуя оформлению политических ролей, которые признают и политические деятели, и общество в целом» [15, Р. 3]. Язык, рассматриваемый как система знаков (по Ф. де Соссюру), мифов (по Р. Барту), формирует текст, а текст политического характера, тем самым может быть определенным образом декодирован и представлен в виде набора смыслов, имеющих значимость, в частности, для идентификации образа современного государства.

В современной науке понятие «дискурс», как правило, трактуется достаточно широко, что обусловлено, помимо прочего, его широким употреблением в различных областях теоретических знаний и практической деятельности, а также междисциплинарным подходом, применяемым в рамках дискурс-исследований.

Собственно, дискурс в наиболее общем виде представляет собой связь текста (речи) с определенной ситуацией; зависимость содержания и формы текста, произведенного естественным образом, от внешних факторов. Следует отметить, применительно к анализу образа государства, складывающегося в средствах массовой информации, что понятие текста, рассматриваемого в контексте проведения исследования дискурса, включает в себя любую упорядоченную информацию, которая может быть представлена в текстовом виде, даже если это не охватывалось изначальным замыслом автора, включая, например, транскрипты аудиовизуальных программ.

Синтезируя подходы к пониманию дискурс-исследований, предлагаемые в современной науке, можно констатировать, что под таковыми надлежит понимать специфические социальные практики, направленные на исследование (**анализ**) естественно-языковых текстов, на основе использования категорий, порождаемых самим дискурсом, в ходе которого приоритетное внимание уделяется контексту, исследуемому последовательно во времени и пространстве на нескольких уровнях, для которых характерны самостоятельные измерения, с учетом значений и функций элементов дискурса, а также правил, использованных для его построения.

Все многообразие методологии дискурс-анализа может быть сведено к двум базовым и при этом, диаметрально противоположным, подмножествам подходов [16]:

- разновидности дескриптивного анализа, фокусирующиеся непосредственно на содержании исследуемых текстов и опирающиеся на концептуальные положения в области теории языка и коммуникаций, исторической и этнологической науки;

– разновидности критического дискурс-анализа, фокусирующиеся на связи содержания и формы текста с дискурсивными практиками (социальными, историческими, психоаналитическими аспектами, обусловившими возникновение данного текста). Концептуальную основу данной группы подходов формируют философские, когнитивистские и психоаналитические установки критического плана, а сам критический дискурс-анализ крайне неоднородный.

Дескриптивные начала в дискурс-анализе при исследовании образа государства в СМИ представляются более предпочтительными, прежде всего, по причине конкретизации конечного результата аналитической деятельности, необходимого и значимого для исследователя, достижение которого при применении более абстрактных конструктов, положенных в основу аналитических исследований, гарантируется в гораздо меньшей степени. Соглашаясь с И.В. Фоминым, можно констатировать, что полученные на основе применения одной из методик критического дискурс-анализа представления об образе государства могут быть искажены в силу самой сущности тех ценностных установок, которые положены в концептуальную основу критицизма [16, с. 35]. Например, несмотря на определенный интерес научного плана, спектр практического применения познаний об образе государства, полученных с применением анализа медийного дискурса, опирающегося на марксистские критические установки, будет достаточно узким, а сами представления об образе государства едва ли можно назвать полными и, потому, достоверными.

Возможности медийного дискурс-анализа в исследовании образа государства в средствах массовой информации

Медийный дискурс-анализ на сегодня остается одним из наиболее результативных методов комплексного исследования образа государства. Это обусловлено спецификой коммуникативной ситуации (СМИ концентрируют выражение широкого спектра общественного мнения, определяющего контуры образа государства в массовом сознании конкретной аудитории), аудитории дискурса (СМИ наиболее широко фиксируют и отражают комплекс актуальных общественных настроений), а также тем, что медиа-дискурс отражает две стороны явления политического образа, включая образ государства: материальную и информационную [17].

Рассматривая отражение образа государства в дискурсе СМИ, представляется целесообразным обратить внимание, прежде всего, на отображение и оценку функций государства – функций-акторов, определяющих концепт государства (государство в медийном дискурсе представлено, как правило, в качестве единого актора), а также функций-событий, ассоциируемых с данным государством.

Проводя медийный дискурс-анализ при исследовании образа государства, следует также учитывать характеристики базового набора дискурсивных стратегий репрезентации государств в СМИ [18]: стратегию референции (например, функционализацию образа государства по типу «государство-агрессор», или, скажем, категоризацию – «Империя зла»); стратегию предикации (присвоение образу государства заранее приписанных свойств, подчас, оценочных, как-то «распространяет демократию» или «противостоит мировому злу»); а также стратегию исключения (от умалчивания о роли данного государства в явлении или процессе, к которому оно объективно причастно, и вплоть до его радикального исключения из политического медийного дискурса).

В интересах практического применения и с учетом раскрытых особенностей, характеризующих потенциал применения исследования дискурса при оценке образа государства в СМИ, может быть предложена нижеследующая схема медийного дискурс-анализа образа государства, опирающаяся на трехуровневую конструкцию дискурса (Ч.У. Моррис и др.), включающую в себя семантику, синтактику и прагматику:

- определение границ анализируемого дискурса в рамках применяемых стратегий репрезентации государств в СМИ;
- идентификация акторов и базовых событий, репрезентующих государство в дискурсе;
- определение набора действий, характеризующих указанных акторов, а также ключевых функциональных характеристик базовых событий;
- оценка вклада акторов и событий в образ государства (через значение функций-акторов и функций-событий в комплексе реализации функций государства);
- разбор образа государства с позиций повествовательной синтактики (в качестве инструментария может быть предложена актантная схема А.Ж. Греймаса «адресант – объект – адресат» // «помощник – субъект – противник» [19, с. 158–163], применяемая для синтактического анализа любого повествовательного текста);
- обсуждение прагматического аспекта образа государства в медийном дискурсе (оценка способов и механизмов продвижения определенной версии медийного образа государства в социальной реальности, в т.ч. способов указания на данное государство, репрезентации его населения, политических лидеров, предикации концепта данного государства, набора действий, приписываемых ему и прочим ассоциаций);
- систематизация и интерпретация результатов дискурс-анализа, при необходимости – проведение сравнительного анализа (образа государства в восприятии разных аудиторий, или же одной аудиторией в исторической динамике, а также медийных образов разных государств).

Необходимо заметить, что подход, основанный на выделении трехуровневой концепции дискурса, может рассматриваться как наиболее авторитетный в современном политическом дискурс-анализе по причине, с одной стороны, полноты охвата явлений, отраженных в дискурсе, а, с другой стороны, непротиворечивости их интерпретации за счет многоуровневой и всесторонней оценке, во многом исключающей случайные суждения [16, с. 142].

Говоря о возможностях медийного дискурс-анализа в исследовании образа государства в средствах массовой информации, следует учитывать и недостатки методологического подхода, имеющие преимущественно субъективный характер, как-то неоднородность методик дискурс-анализа, а также отсутствие их формализации. Соответствующие недостатки преодолеваются, прежде всего, за счет действий по выбору и нормативному закреплению методологии дискурс-анализа, используемой данным субъектом при исследовании образа государства в средствах массовой информации. Кроме того, в предыдущие годы справедливо обращалось внимание на такой универсальный недостаток методологии медийного дискурс-анализа, как колоссальная трудоемкость проведения комплексных аналитических исследований (и ее разнообразные последствия, включая значительный риск ошибок, связанных, в том числе, с человеческим фактором). Данный недостаток практически пол-

ностью устраняется за счет применения современных цифровых технологий, включая анализ «больших данных» и использование искусственного интеллекта в нейросетевом анализе [20]. За экспертами остается задача интерпретации полученных результатов, которая в ближайшей перспективе будет сводиться, по всей видимости, к контролю за корректностью интерпретирования, осуществленного нейросетевыми технологиями. Роль человека в цифровом медийном дискурс-анализе останется значительной, как идеолога концептуальных подходов к выбору объектов и направлений интерпретации, аналитических настроек и режимов, а также применения результатов в конечных сферах практической деятельности.

Заключение

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что медийный дискурс-анализ может рассматриваться в качестве адекватного и предпочтительного варианта исследовательского выбора в широком поле семиотических методов исследования образа государства в современной политологии. Исследование образа государства, ретранслируемого ключевым социальным пространством его бытия – медиaprостранством, в политическом дискурсе – позволяет расширить рамки теоретического понимания и возможностей практической реализации парадигмы «мягкой силы» во внешней политике, способствует достижению целей и задач по внутренней консолидации общества. Для выстраивания разноплановой работы по применению «мягкой силы» в международной политике, по укреплению доверия к публичным институтам и концепции публичной политики внутри государства и по противодействию внешним информационным атакам, представляется исключительно важным обеспечить комплексное и системное управление в сфере медийного образа, основанного, в том числе, на исследованиях, опирающихся на методологию дискурс-анализа.

Литература

1. Русакова О. Ф., Русаков В.М. «Мягкая сила» дискурса политических медиаобразов: анализ стратегических эффектов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2017. – Т. 12. – № 1 (161). – С. 53–67.
2. Герасимов В. И., Ильин М.В. Политический дискурс-анализ // Политическая наука. – 2002. – № 3. – С. 68–75.
3. Замятин Д.Н. Метагеография. – М.: Аграф, 2004. – 506 с.
4. Берендеев М.В. Инверсия образа страны и политика постправды в медийном дискурсе (Россия в польском кейсе) // Политика постправды в современном мире. Сборник материалов по итогам Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире» 22–23 сентября 2017 года / под ред. О.В. Поповой. – СПб.: Скифия-принт, 2017. – С. 24–27.
5. Киселев И.Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2007. – Т. 3. – № 3. – С. 253–260.
6. Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования / Э.А. Галумов. – М.: Известия, 2003. – 446, [1] с.
7. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 37–89.
8. Цай П. Понятие образа, имиджа и бренда страны, особенности конструирования // Научный журнал. – 2020. – № 6 (51). – С. 29–34.
9. Балынская Н. Р. и др. Позитивный образ России: как проблема и политическая технология имиджирования в мировом информационном пространстве // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2020. – Т. 10. – № 6. – С. 1524–1538. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.63.6.012>
10. Кузина О.А. Идеологема как ключевая категория медиадискурса в период информационной войны (на примере освещения в англоязычной прессе событий на Украине в 2013–2014 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 8–1 (86). – С. 110–115. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.26>
11. Харченко Е.А. Использование рейтинговых методов для оценки эффективности мягкой силы // Тенденции экономического развития в XXI веке: материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 1 марта 2021 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: А.А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2021. – С. 359–362.
12. Татарина А.В. Подходы к рассмотрению образа государства как бренда с позиции теории имиджа бренда Д. Огилви // «Перспективы развития науки в современном мире»: сборник статей по материалам XV международной научно-практической конференции. – Уфа: ООО Дендра, 2019. – С. 264–273.
13. Кусраева О.А. Национальный бренд и конкурентоспособность компаний: альтернативный подход к национальному брендингу // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. – 2021. – Т. 20. – № 1. – С. 30–57. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2021.102>
14. Хабаров А.А. Демонизация Китая в зарубежных массмедиа: дискурсивные средства уничтожения мишеней информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. – 2022. – № 1 (91). – С. 78–89.
15. Edelman M. Language and social problems // Discussion papers (University of Wisconsin – Madison. Institute for Research on Poverty). – Madison: Institute for Research on Poverty, University of Wisconsin, 1974. – 27 p.
16. Фомин, И.В. Образ государства как предмет политического дискурс-анализа: дисс. ... канд. политич. наук: 23.00.01. – М., 2014. – 170 с.
17. Калинин, О.И. Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа: монография. – М.: РУСАЙНС, 2020. – 146, [1] с.
18. Фомин И.В. Возможности анализа репрезентаций государственных образований в политических дискурсах (на примере образа Косова) // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 2. – С. 124–137.
19. Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 158–163.
20. Hafner C.A. Discourse and computer-mediated communication // The Bloomsbury Handbook of Discourse Analysis. – 2021. – Vol. 2. – P. 281–294.

APPLICATION OF DISCOURSE ANALYSIS IN STUDIES OF STATE IMAGE IN THE MEDIA

Khachatryan V.A.

Moscow State Institute of International Relations (University)

The publication analysis and reveals the theoretical and methodological aspects related to the use of discourse analysis in the study

of the state image in the media. The author's understanding of the image of the state, disclosed from the standpoint of the information paradigm, is presented, the correlation with the concepts of the image and brand of the state is substantiated. The place of the media in the social space of representation of the image of the modern state is revealed, the need for analysing media discourse in the study of the image of the state in the media is shown, and the definition of discourse studies of the political image is presented. The possibilities of media discourse analysis in the study of the image of the state in the media are revealed. A scheme of media discourse analysis of the image of the state is proposed, based on a three-level structure of discourse. The limitations of media discourse analysis in the study of the image of the state in the media are clarified, attention is drawn to the potential of digital technologies for further improving the analytical methodology and the effectiveness of its practical application. It is stated that media discourse analysis can be considered as an adequate and preferred option for research choice in a wide field of semiotic methods for studying the image of the state in modern political science.

Keywords: discourse analysis, state image, media image, media discourse, semiotic methods, social space, mass media, descriptive analysis, digital discourse analysis.

References

- Rusakova O. F., Rusakov V.M. "Soft Power" discourse of political media images: analyses of the strategic effects // *Izvestiya of Ural Federal University*. № 3, Social Sciences. – 2017. – Vol. 12. – № 1 (161). – P. 53–67.
- Gerasimov V. I., Ilyin M.V. Political discourse analysis // *Political science*. – 2002. – № 3. – P. 68–75.
- Zamyatin D.N. *Metageography*. – M.: Agraf, 2004. – 506 p.
- Berendeev M.V. Inversion of a country image and post-truth politics in the media discourse (Russian in Polish case) // *Post-truth politics in modern world. The Collection of Materials on the Results of the All-Russian Scientific Conference with International Participation "Post-truth politics and populism in modern world" 22–23 September 2017* / edited by O.V. Popova. – Spb.: Skiffprint, 2017. – P. 24–27.
- Kiselev I.U. The problem of a state image in international relations: constructivist paradigm // *Political expertise: POLITEX*. – 2007. – Vol. 3. – № 3. – P. 253–260.
- Galumov E.A. Russia's international image: formation strategies / E.A. Galumov. – M.: *Izvestiya*, 2003. – 446, [1] p.
- Morris C.U. The basis of the symbol theory // *Semiotics*. – M.: Raduga, 1983. – P. 37–89.
- Tsai P. The definition of obraz (image in Russian), image and brand of a country, specifics of construction // *Scientific Journal*. – 2020. – № 6 (51). – P. 29–34.
- Balynskaya N. R. et al. Positive image of Russia: as a problem and political technology of image-making in information Space // *National and federal relations issues*. – 2020. – Vol. 10. – № 6. – P. 1524–1538. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.63.6.012>
- Balynskaya N. R. et al. Positive image of Russia: as a problem and political technology of image-making in information Space // *National and federal relations issues*. – 2020. – Vol. 10. – № 6. – P. 1524–1538. <https://doi.org/10.35775/PSI.2020.63.6.012>
- Kuzina O.A. Ideologue as a key category of the media discourse during information warfare (on the example of coverage in English-speaking press of the events in Ukraine in 2013–2014) // *Philological Sciences. Issues of theory and practice*. – 2018. – № 8–1 (86). – P. 110–115. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-8-1.26>
- Kharchenko E.A. The use of rating methods to assess the effectiveness of soft power // *Trends in economic development in the 21st century: materials of the III International scientific conference, Minsk, 1 March 2021*. / Belarus State University; edited by A.A. Koroleva (chef editor) [et al]. – Minsk: БГУ, 2021. – P. 359–362.
- Tatarinova A.V. Approaches to the consideration of state image as a brand from the perspective of D. Ogilvi's brand image theory // "Prospects of the science development in the modern world": collection of articles on the materials of the XV international scientific and practical conference. – Ufa: Dendra Ltd, 2019. – P. 264–273.
- Kusraeva O.A. National brand and competitiveness of companies: an alternative approach to national branding // *Vestnik of Saint Petersburg University. Management*. – 2021. – Vol. 20. – № 1. – P. 30–57. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2021.102>
- Khrabrov A.A. Demonization of China in Foreign Media: discursive means of destroying the targets of information and psychological war // *Political Linguistics*. – 2022. – № 1 (91). – P. 78–89.
- Edelman M. Language and social problems // *Discussion papers (University of Wisconsin – Madison. Institute for Research on Poverty)*. – Madison: Institute for Research on Poverty, University of Wisconsin, 1974. – 27 p.
- Fomin I.V. State image as a subject of political discourse-analysis: diss. ... kand. of political science: 23.00.01. – M., 2014. – 170 p.
- Kalinin, O.I. The basics of lingo-constructural research of political image: monograph. – M.: RUSAINS, 2020. – 146, [1] p.
- Fomin I.V. Possibilities of analysis of state entity representations in political discourse (on the example of Kosovo) // *Polis. Policy research*. – 2014. – № 2. – P. 124–137.
- Graymas A.J. Reflections on actant models // *French semiotics: from structuralism to poststructuralism*. – M.: Progress, 2000. – P. 158–163.
- Hafner C.A. Discourse and computer-mediated communication // *The Bloomsbury Handbook of Discourse Analysis*. – 2021. – Vol. 2. – P. 281–294.

Национальный информационный суверенитет сохраняет Россию в истории

Гавров Сергей Назипович,

д.ф.н., профессор, Департамент массовых коммуникаций
и медиабизнеса, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: SNGavrov@fa.ru

Карташова Дарья Алексеевна,

студент, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации
E-mail: dakartashova@gmail.ru

Статья посвящена рассмотрению оснований существования и воспроизводства национального государства в информационную эпоху. Автор видит значимое противоречие между информационным глобализмом, разрушению национальных информационных границ и сохранению национального государства. Для сохранения национального государства важна деглобализация, национализация информационного пространства (метавселенной) внутри страны. В практическом плане это предполагает разработку и использования комплекса технических средств, по образцу «Великого Китайского файрвола – золотого щита» на страже родины. Материалы статьи подготовлены по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета ВТК-ГЗ-ПИ-40–22.

Ключевые слова: информационный глобализм, информационный суверенитет, национальное государство, медиапространство, информационно-коммуникативные технологии, метавселенная, файрвол.

Современная российская культурно-цивилизационная система стремится вернуться в относительно стабильное состояние, какое было у неё в течении 300-лет Империи Романовых. Сегодня мы наблюдаем не просто ответ на перестройку и распад СССР, но на весь прогрессистский, более чем столетний цикл, уходящий корнями к декабристам и господам просветителям [1].

Национальное государство возникло благодаря контролю над границами [2], образованием [3], воинской повинности. Одним из основ существования национального государства стал национальный информационный суверенитет. Перемещение информации в разных формах контролировалось государством также, как и перемещение товаров и услуг через национальные границы. Так, в последние десятилетия с бурным развитием Интернета, электронных СМИ и социальных сетей возможность национального государства контролировать национальный информационный суверенитет резко уменьшилась. Это вызов, перед которым стоят многие страны, в том числе и Россия. Несмотря на то, что это общий вызов, ответ на него можно дать только индивидуально, в рамках национального государства или союза дружественных национальных государств.

«Вызов-ответ», так происходит развитие и разрушение культурно-цивилизационных систем. Вызов глобального, прежде всего западного, информационного пространства, для России сегодня очевиден. Он ставит под угрозу полноту национального суверенитета на национальной территории, чреват при попустительстве и отсутствии эффективного ответа серьезными военно-политическими потерями, вплоть до потерь географических.

XX век показал, что защита национального информационного пространства и сохранение национальной географии, государственных границ есть прямо пересекающиеся области. Потеря информационного суверенитета, разброд и шатания в этой области прозападные, создает угрозу для сохранения национальной территории и населения.

Поэтому вопрос о национальном информационном, медийном суверенитете имеет первостепенное значение. Важно и то, что в результате цифровой трансформации, изменения физических носителей информации, интегрирующийся в глобальной системе Интернет, работе приложения – Google переводчик, снимающего языковой барьер в отношении понимания СМИ, поиска форм наднациональной идентичности связи «с нацией, национальным государством, страной» объективно уменьшаются. Этот глобальный процесс освобождения СМИ от национальной ангажированности имеет свою размерность, свою региональную скорость, свои этапы взлета и коррекций, различных по глубине, но вектор процесса определен вполне однозначно. В то же время, сегодня в России, мы наблюдаем одну из значимых коррекций этого процесса, национализацию информационного пространства, включающую СМИ.

Так, обязательными условиями функционирования любой открытой информационной системы является наличие функций «I/O» (англ. input/processing/output), обеспечивающих ввод, обработку и дискретное распространение информации, и совпадающие с каноническим определением свободы слова как «совокупности трех свобод, выдвинутым в середине XVII века Дж. Мильтоном: свободы знать, свободы выражать свои мысли и свободы судить по своей совести» [4, с. 445].

Концепция гибридных войн, в которой такое большое место отводится информационной войне с использованием СМИ потенциального противника используется для «свертывания демократической жизни», введения элементов цензуры. Но хуже всего внутренняя самоцензура, возникающая в сознании медийной элиты. Она не позволяет смотреть на происходящие события объективно. Объективность может расходиться с постепенной архаизацией политической мифологии, коллективным фрейдистским страхом перед «чужим-врагом-злодеем», ставшим удивительно технологичным в своей борьбе против «свободного мира» Америки и «суверенной демократии» России.

Мы попадаем в мир упрощения, мир черного и белого, хорошего и плохого без полутонов и оттенков. Собственные недочеты и просчеты политической элиты становятся модным списывать на происки «противника», использующего против твоей страны приемы гибридной войны, чаще всего информационной. И здесь совсем не важно, что противник чаще всего мифологически абстрактен, политика выстраивается по принципу: кого назначили ответственным за «мировое зло», тот и будет играть его. Здесь можно вспомнить крылатую фразу американского президента Рональда Рейгана «СССР – империя зла». Хотя в начале-середине 80-х содержательно он уже не соответствовал такому определению. Сосредоточением зла в США в свое время были объявлены Ирак Саддама Хусейна, Ливия Муаммара Каддафи, Иран и Северная Корея. Сегодня к ним вновь добавилась Россия.

Назначение виновного за все плохое, что есть в мире, существенно облегчает жизнь правящему классу. Если получается переложить ответственность и за внутреннее положение дел в стране, тогда правящему политическому классу еще лучше. Все, что идет не так, можно списать на происки внешних врагов, знают они об этом или нет, не важно. Так было в эпоху Маккартизма в Америке и в сталинском СССР, перерастая временем в паранойю.

В сфере коммуникации все более модеризируется то, что попадает в качестве новостей и отчасти аналитических материалов в СМИ. Когда мы говорим о позиции таблоидов, изначально ориентированных на массовый спрос и упрощение мира, это понятно. Но вызывает куда большее удивление эволюция позиций серьезной прессы, по определению аналитической, а не эмоциональной, усложняющая и анализирующая события, а не упрощающей их и обвиняющей бесконечных врагов. Позиция *The New York Times*, *Financial Times*, *The Economist* – это уже серьезно. В этом симптоме того, что пропагандистские клише постепенно овладевают умами высокообразованных интеллектуалов. Это плохо, это вызывает ассоциации с периодом «Холодной войны» и Мировых войн. Упрощение противоположно усложнению, эволюции, и в этой связи мы можем говорить о тенденции к некоторой инволюции СМИ.

В то же время, эмоциональная мобилизация журналистов в США и России пройдет, ведь психологическая мобилизация не может быть долгой. Впереди не новая холодная война, а скорее время геополитического хаоса,

связанного с кризисом традиционных отраслей экономики, низкой нормы прибыли корпораций, высоким уровнем долга субъектов – от государства до домохозяйств, переходом к нового, 6-му по счету технологическому укладу. История не завершилась по «Фукуяме», история продолжается, наполняясь все более важными коммуникативными аспектами [5].

Историческая проблема, с которой на разных этапах нашей истории приходится сталкиваться практически постоянно, состоит в том, что Запад наш исторический, устоявшийся цивилизационный конкурент, очень часто противник. Противник не только в военной сфере, выносящий границы военного блока НАТО почти под Москву, но прежде всего, в информационном, культурно-ценностном отношении. Россия не может долго существовать, воспроизводиться в истории приняв за полную политическую и культурную повестку, транслируемую Западом при помощи контролируемых СМИ, созданного им глобального информационного пространства. Эта практика тотально разрушительна для российской культурно-цивилизационной системы.

Трансляцию западной политической и культурной повестки нужно купировать, в идеале тотально останавливать техническими средствами на рубежах государственной границы. На место информационной глобализации приходит и в еще большей степени должна прийти информационная локализация во имя национальных интересов России.

Многое начинает осмысливаться сегодня, есть и первые эффективные действия по защите национального информационного (медийного) пространства. Это, прежде всего, концепция суверенного интернета. Это то главное звено, ухватившись за которое можно дать адекватный ответ западной информационной агрессии. Эта тема нуждается в углубленной проработке со стороны ведущих технических специалистов в этой области, но основные задачи, если угодно техзадание этой работы можно определить уже сейчас.

Национальный суверенный интернет на единой, контролируемой, локализуемой технологической платформе. Патриотическая Российская мета-вселенная со своими четкими внешними границами и четким ценностным патриотическим содержанием внутри системы. Российская информационная мета-вселенная должна быть жестко моделируема внутри и иметь минимальные пересечения с информационными мета-вселенными запада.

За основу здесь может быть взят опыт КНР. Поисковый запрос в китайском сегменте, где, например, результат по поисковому запросу известного в узких кругах диссидента, показывает, что в информационной метавселенной Китая, китайского информационного пространства такого нет.

В России можно пойти по схожему пути. Наши поисковые системы, например, могут не знать никакого «известного блогера». Такого в информационном пространстве России нет и не было никогда. Его могут перемещать по нашим просторам за казенный счет, но его нет в нашей информационной метавселенной, его нет в нашей медийной повестке. В западной повестке есть, в нашей нет, на молодежь через информационное пространство, через легитимистские СМИ воздействовать не может [6].

Но что делать со СМИ нелегитимистскими, и с теми информационными акторами, кто не имеет статуса СМИ? Ровно тоже, что и сейчас. С большим масштабом и быстрее, максимально быстро и максимально жестко, желательно в режиме реального времени – онлайн. Быстро, означает в течении суток, часа, в идеале нескольких минут. Здесь хороши досудебная блокировка сайтов

по ведомственной принадлежности контроля, кто за что отвечает.

Но на этом процедура блокировки-защиты национального информационного пространства заканчиваться не должна. Обязательны оргвыводы по поводу создания, финансирования, информационного поддержки СМИ, сегментов информационного пространства, несущих сиюминутную и долговременную угрозу российской государственности.

Агенты информационного влияния Запада, как внутри страны, так и за ее пределами должны быть изолированы, отсечены от национального информационного пространства, а их деятельность, выходящая за рамки национального законодательства пресечена. Это тоже необходимо делать быстро. Как и на военных заводах, здесь следует работать в три смены.

Что-то из новостного, информационного, идейного ряда западной повестки может проходить в российскую информационную мета вселенную. Но в очищенном, резюмированном, нормативном виде с четкой оценкой. Хорошо это или плохо? Так в СССР в свое время был распространен институт документов «для служебного пользования», выпускались реферативные обзоры ИНИОН РАН, ВИНТИ... Речь идет о модерировании информационного потока, с отсечением идейно, ценностно вредного. Ценностно вредное, как правило, идет к нам с Запада. Западная политическая, информационная и культурная повестка в оригинальном виде, с враждебными нам оценочными суждениями должно жестко отсекается на суверенных национальных границах России.

Нам нужен национальный интернет с техническими шлюзами, подключающими его к интернету глобальному. Они есть давно и работают хорошо. Но кроме технических функций соединения информационного пространства России и мира, они должны выполнять и функцию сепарации информации, пропуская нейтральное и полезное, например, научно-техническую информацию, и отсеивая вредное в режиме реального времени – онлайн. Этой задаче могут помочь и технологии искусственного интеллекта, уже сегодня способные блокировать информационный поток по ключевым словам – теграм.

Границы национального информационного пространства, прежде всего интернета, обозначают государственную информационную границу [7]. Охраняться она должна с тем же усердием и ответственностью, как сухопутные, воздушные и морские границы России.

Тем более, что на Западе все больше господствует – постправда, когда за истину, достоверный факт в режиме реального времени можно выдавать любую ангажированную фантазию. Потом, когда первая – фейковая точка зрения на события станет нормативной для большинства, можно даже сказать правду, но это потом, когда интерес общественности к событию утерян, оно больше не в фокусе общественного внимания. Когда события нет в актуальной повестке, на Западе могут даже иногда сказать правду. Но важна первая реакция общественности. Люди, как правило, принимают первую информацию и ее медийные оценки как оценочную норму, по шкале хорошо – плохо. Это принятие медийной повестки и консенсусных оценок СМИ происходит преимущественно на бессознательном уровне. У человека есть своя жизнь, своя актуальная повестка, требующая времени и сил. Времени и желания на бесконечное сличение источников и даваемых ими интерпретаций событий, как правило, не остается.

Мы в этом смысле куда более консервативны и честнее. Мы почти всегда говорим правду, даем информа-

цию согласно фактам. В этом мы старомодны, остались в модерне, не перешли в постмодерн.

Но и наше общество склонно воспринимать первую оценку как правду, данную нормативность. Разубеждать, переубеждать здесь радикально сложнее, чем давать первую нормативность, которая отложится в сознании. Потом она идет под информационным напором новых событий, постоянно актуализируемой информационной повестки. Но и новая информация будет усвоена по тому же принципу нормативности. Собственных дел много, времени и желания для постоянной рефлексии над событиями нет.

Поэтому для нас очень важно давать непротиворечивую оценку событий ведущими национальными СМИ и лидерами мнений. Именно поэтому важно модерировать содержание информационного пространства, важно отсекают радикальные оценки, расходящиеся с нашей информационной нормативностью, основанной на правде. В деталях эта правда может быть не столь привлекательна, но она тотально привлекательна своей стратегической целью – сохранением суверенной России в истории.

Резюмируя отметим, что отсекают то, что нас информационно разрушает в интересах Запада нужно как внутри нашей информационной метавселенной, так и на ее границах. Засорение враждебной ложью, манипуляциями, информационной и идейной повесткой противника нашего информационного пространства не только не нужно, но и крайне вредно для настоящего и будущего России.

Литература

1. Гавров С.Н. За Россию. Национальные духовно-нравственные ценности и ценности другого мира [Электронное издание]. – М.: Министерство культуры РФ, Институт Наследия им. Д.С. Лихачева, 2022.
2. Актон Л. Принцип национального самоопределения // Нации и национализм / Перевод с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – М.: Праксис, 2002. – С. 26–51.
3. Гавров С.Н., Семенко И. Философия образования: ценности, эдусемиотика и межкультурный диалог // SocioTime / Социальное время, 2021. – № 2. – С. 16–36.
4. Мильтон Дж. Генералу лорду Кромвелю по поводу предложений, выдвинутых некоторыми членами комитета по распространению Священного писания // Потерянный рай. Стихотворения. Самсон-борец. – М.: Художественная литература. БВЛ, 1976. – С. 445.
5. Gavrov S., Klyukanov I. Modernization, Sociological Theories of: encyclopedic article// International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2nd edition, Vol 15. – Oxford: Elsevier, 2015. – P. 707–713.
6. Gavrov S., Badalyan K. Leaders of public opinion: Political communication with youth in Russia during 2018–2019. Volume 13, № 3, 2021. – London: Taylor & Francis. – P. 238–252.
7. Гавров С.Н., Решетников С.Н. Коммуникативный уроборос – новая онтологическая модель массовой коммуникации / С.Н. Гавров, С.Н. Решетников // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2022. – Т. 11. – № 1. – С. 11–25.
8. Аласуутари П. Глобализация и национальное государство: Оценка дискуссии // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11, Социология. – М., 2002. – № 4. – С. 27–31.

9. Хантингтон С. Культуры – это серьезно.../ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. – М., 2002.
10. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. – М.: ИФРАН, 1997.

NATIONAL INFORMATION SOVEREIGNTY PRESERVES RUSSIA IN HISTORY

Gavrov S.N., Kartashova D.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the consideration of the grounds for the existence and reproduction of the national state in the information age. The author sees a significant contradiction between informational globalism, the destruction of national informational boundaries and the preservation of the nation state. Deglobalization, the nationalization of the information space (metauniverse) within the country, is important for the preservation of the nation state. In practical terms, this involves the development and use of a set of technical means, modeled on the «Great Chinese Firewall – Golden Shield» on guard of the motherland. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state order of the Financial University VTK-GZ-PI-40–22.

Keywords: information globalism, information sovereignty, national state, media space, information and communication technologies, metaverse, firewall.

References

1. Gavrov S.N. For Russia. National spiritual and moral values and values of another world [Electronic edition]. – М.: Ministry of Cul-

- ture of the Russian Federation, D.S. Likhachev Heritage Institute, 2022.
2. Acton L. The principle of national self-determination // Nationalism and nationalism / Translated from English and German by L.E. Pereyaslavtseva, M.S. Pasina, M.B. Gnedovsky. – М.: Praxis, 2002. – P. 26–51.
3. Gavrov S.N., Semetsky I. Philosophy of education: values, edusemiotics and intercultural dialogue // SocioTime / Social Time, 2021. No. 2. P. 16–36.
4. Milton J. To General Lord Cromwell on the proposals put forward by some members of the committee for the dissemination of the Holy Scriptures // Paradise lost. Poems. Samsonwrestler. – М.: Fiction. BVL, 1976. – P. 445.
5. Gavrov S., Klyukanov I. Modernization, Sociological Theories of: encyclopedic article// International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2nd edition, Vol 15. – Oxford: Elsevier, 2015. – P. 707–713.
6. Gavrov S., Badalyan K. Leaders of public opinion: Political communication with youth in Russia during 2018–2019. Volume 13, № 3, 2021. – London: Taylor & Francis. – P. 238–252.
7. Gavrov S.N., Reshetnikov S.N. Communicative ouroboros – a new ontological model of mass communication / S.N. Gavrov, S.N. Reshetnikov // Scientific research and development. Modern communication studies. – 2022. – Vol. 11. – No. 1. – P. 11–25.
8. Alasuutari P. Globalization and the national State: Evaluation of the discussion // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 11, Sociology. – М., 2002. – No. 4. – P. 27–31.
9. Huntington S. Culture is serious .../ Culture has a meaning. How values contribute to social progress. Edited by L. Harrison and S. Huntington. – М., 2002.
10. Fedotova V.G. Modernization of the “other” Europe. – М.: IF-RAN, 1997.

Региональная политика идентичности: оценки и переосмысление в условиях новой реальности

Ильинова Надежда Александровна,

д.ф.н., доцент, заведующий кафедрой философии и социологии Адыгейского государственного университета
E-mail: nady_i@bk.ru

Киреева Ирина Владимировна,

к.с.н., доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета
E-mail: klushina@list.ru

Куква Елена Сергеевна,

к.с.н., доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета
E-mail: otvs_priem@mail.ru

Шадже Асиет Юсуфовна,

д.ф.н., профессор кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета
E-mail: shadzhe@maykop.ru

В статье исследуется проблема региональной политики идентичности в условиях новых геополитических и социокультурных вызовов. Характеризуется современное социально-политическое пространство, в котором осуществляется политика идентичности, и оценивается проводимая политика идентичности в Республике Адыгея сквозь призму экспертного мнения. Руководствуясь качественными методами, определяются факторы, оказывающее влияние на региональную политику идентичности; рассматривается, что в реализации политики идентичности участвуют не только представители власти, но и СМИ, активисты общественных движений, деятели культуры, науки и образования. На примере Республики Адыгея показано использование символического ресурса в региональной политике идентичности. Анализируя новые формы работы в области этносферы, делается вывод об активизации институтов гражданского общества. Осмысливается значимость этнического фактора в проведении региональной политики идентичности. Показана перспективность междисциплинарного подхода в дальнейшем научном исследовании многоуровневой идентичности и проведении региональной политики идентичности на основе «мягкого воздействия» в управлении идентификационными процессами. Делается вывод о необходимости подчинения политики идентичности социально-экономическому развитию региона и укреплению единства Российского государства.

Ключевые слова: политика идентичности, регион, социологические методы, новые вызовы, российская национальная идентичность, консолидация, междисциплинарный подход.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР АГУ по проекту № FENZ-2022-0001 «Региональная политика идентичности в условиях современных геополитических и социокультурных вызовов (на примере Республики Адыгея и Краснодарского Края)».

Постановка проблемы

Современные геополитические и социокультурные вызовы оказывают негативное влияние на политику идентичности и способствуют кризису многоуровневой идентичности. Более того, некоторые государства, не желая осознать единство и хрупкость мира, намеренно создают риски и опасные ситуации для народов. И это вместо объединения ради общего будущего.

Актуализация региональной политики идентичности в мире и российском обществе обусловлена рядом факторов. В контексте рассматриваемой проблемы перечислим некоторые из них, которые способствовали активизации «идентификационных волн». Это – геополитический распад Советского Союза в 1991 г.; глобальная пандемия в 2020–2021 гг., оказавшая негативное влияние на мир и регионы, вызвав ослабление межэтнического и межнационального доверия; глобальная цифровизация без учета фактора культуры; новый глобальный миропорядок, оказавший негативное воздействие на политику идентичности на разных уровнях идентификации и др.

В условиях современных глобальных вызовов актуальными остаются вопросы сохранения и развития каждого этноса и нации, осмысления разных видов идентичности, выявления объединяющих ресурсов и направления их развития на консолидацию полиэтноконфессионального российского народа и укрепление единства Российского государства.

Важно отметить, что нынешняя политика идентичности проводится в условиях турбулентности, новых геополитических вызовов и социокультурных рисков. В этих условиях методы классической и неклассической науки ограничены в исследовании объектов политики и политической идентичности. Не менее важным является и то, что изменился характер исследуемых объектов в рамках политики идентичности: они представляют собой сложные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием.

Заметим, что изменилась современная методологическая ситуация в познании многоуровневой идентичности и политике идентичности. Особенности сложившейся методологии являются применение междисциплинарности, то есть изучение сложных систем в рамках междисциплинарной методологии и динамической теории самоорганизующихся систем в области политики и этносферы; переосмысление содержания и вектора развития политики идентичности; рассмотрение перспектив диалоговой стратегии в идентификационном пространстве России и ее регионах; обоснование возникновения новых видов идентичности: как естественных, так и искусственных и т.д.

В современной, постнеклассической науке с середины XX века обозначилась междисциплинарная методология, дающая возможность понять механизм саморазвития сложных систем: «идентичность», «многоуровневая идентичность», «общество», «политика идентичности», определив параметры порядка, которые являются основополагающими и базовыми компонентами.

Отметим, что новый смысл идентичности основан на открытости. Рассматривая идентичность, важно пом-

нить о том, что поиск и выбор своего «я» или «мы» человек вписывает в определенный контекст, имеющий подвижный характер: исторический, политический, социокультурный и т.д. Идентификация, как известно, представляет собой процесс, который осуществляется не в статичной среде, а в изменяющейся – изменяющемся мире, регионе, культуре и социуме. В этом контексте имеет место диалог идентичностей, диалог человека с представителями разных идентичностей, носителями разных культур и конфессий – разными эмпирическими единицами. Это касается и коллективных видов идентичности. Отсюда вывод: процесс самоидентификации открыт, изменчив, как и контекст, в котором он осуществляется.

Отмечая изменения в исследовании идентичности, отметим, что политика идентичности в многоэтничном регионе в условиях изменившейся реальности предъявляет новые требования к науке и практике. В связи с этим важно вспомнить методологическую оценку И.С. Семененко о том, что, «несмотря на существование определенного «междисциплинарного консенсуса» (Е.И. Филиппова) относительно идентичности, потребность в междисциплинарном подходе остается во многом нереализованной» [1].

Цель данной статьи – осмыслить политику идентичности в Республике Адыгея в условиях новой реальности в контексте междисциплинарного подхода.

Характеристика региональной политики идентичности

Под политикой идентичности понимается «совокупность ценностных ориентиров, практик и инструментов формирования и поддержания национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности» [2]. Политика идентичности осуществляется на разных уровнях идентичности.

Понимание сущности, роли и значимости региональной политики идентичности воспринимается неоднозначно, что подтверждается конкретными эмпирическими данными [3].

В мае 2022 года исследовательский коллектив Адыгейского государственного университета проводил в Республике Адыгея экспертный опрос представителей научного сообщества, общественности и представителей власти (N = 14) [4]. На основании упомянутого полевого материала (анкеты экспертов) нами предпринят анализ данных и получены следующие результаты: 60% опрошенных экспертов полагают, что региональная политика идентичности в Республике Адыгея реализуется. Оценки варьируются от положительных («реализуется в полной мере», «она носит системный характер») до менее позитивных («внимание вроде бы как уделяется, но не всегда системно и профессионально», «внимание уделяется в отчетно-дежурной форме»). Отсутствие системной политики идентичности в регионе отмечают 40% экспертов. Некоторые из них обращают внимание на ее отдельные стороны. Например, проводимую в регионе языковую политику («один из основных маркеров этноса – язык – включен в политику идентичности не столько слабо, сколько некачественно»).

Говоря о региональной политике идентичности, важно понимать и те факторы, которые могут оказать на нее положительное или негативное влияние. Исходя из методологического положения о том, что Республика Адыгея – это регион, представляющий собой сложную саморазвивающуюся систему, которая нестабильна и весьма чувствительна по отношению к флуктуациям, недостаточный учет данных факторов ставит под большое сомнение возможность реализации системной, продуманной и эффективной политики идентичности.

Анализ результатов экспертного опроса позволяяет выделить следующие группы факторов: *социально-экономические, социокультурные, политико-правовые, информационные*. Эксперты отмечают значимость данных групп факторов в формировании общероссийской идентичности. При этом важная роль отводится социокультурным и политико-правовым факторам.

Политика идентичности, проводимая от имени государства, рассредоточивается на разных уровнях власти и управления: наднациональном, региональном, локальном, и реализуется через разнообразные социальные и управленческие практики, которые используют символические ресурсы. Более того, в ряде случаев региональная политика идентичности рассматривается как вид символической политики [5]. Создание и воспроизведение символических границ, которые конструируются при помощи этнических маркеров, диакритиков (т.е. элементов культуры, отбираемых членами группы для подчеркивания своих отличий от окружающих), являются ее содержанием. Через учреждение праздников, установку памятников, политику языка и образовательную политику создается или изменяется восприятие обществом социального мира, что, несомненно, оказывает влияние на его организацию.

Для нашего исследования представляет интерес рассмотрение О.В. Рябовым трех основных направлений политики идентичности: создание «позитивной идентичности», понимаемое как формирование образа «своих» и чувства принадлежности к ним (например, образ «Родина-мать»); ослабление внутренних символических границ, в результате обеспечивается внутреннее единство (развитие дискурса российскости); укрепление внешних символических границ за счет конструируемого образа «чужих» (западный мир) [5].

В реализации политики идентичности как вида символической политики участвуют не только представители власти, но и СМИ, активисты общественных движений, деятели культуры, науки и образования. Исходя из такого подхода, обратимся к использованию символического ресурса в Республике Адыгея.

К примеру, контент-анализ постов в телеграм-канале республиканской газеты «Советская Адыгея» в октябре 2022 года показывает, что доля информации, направленной на укрепление внешних границ, составляет 62% (материалы о событиях СВО в условиях новой реальности). На втором месте – посты, формирующие позитивную идентичность через сопричастность к социокультурным достижениям республики (13,2%). И, наконец, доля информационных материалов, направленных на ослабление внутренних символических границ – 8%.

Представляется важным отметить роль некоммерческих организаций в региональной политике идентичности. В 2021–2022 гг. доля разработанных ими проектов, целью которых напрямую или косвенно является формирование идентичности, составляет 34,8% [6]. Большая часть из них направлена на развитие этнической и региональной идентичности (к примеру, «Добро пожаловать в Адыгею», «В гости к адыгам», «Межрегиональный фестиваль-конкурс казачьей культуры в Республике Адыгея», «ДоСТОяние республики», «Игры народов Адыгеи» и другие).

Говоря о месте и роли этничности в политике идентичности, обратимся к исследованию М.В. Назукиной. В типологизации институционализации этничности она выделяет следующие уровни политики идентичности: *нормативный* – укорененный в формальные и неформальные институты, *нарративный* – содержащийся в дискурсе об идентичности, и *символический* – реализуемый в символических атрибутах [7].

Современное состояние трех указанных уровней политики идентичности можно продемонстрировать на примере кейса по подготовке и празднованию 100-летия государственности Адыгеи.

На нарративном уровне эмпирической базой выступают официальные тематические тексты, посвященные 100-летию государственности Республики Адыгея, опубликованные на сайтах органов региональной и федеральной исполнительной власти либо процитированные в материалах региональных СМИ [8]. Анализ данных текстов позволяет зафиксировать *эмоциональный, просветительский, символический, инфраструктурный* компоненты региональной политики идентичности.

Инфраструктурный компонент, который постепенно становится лейтмотивом региональной политики идентичности, отражает изменение акцентов. Например, в дискурсивных практиках *развитие* становится ценностью, вокруг которой можно «собирать» региональную идентичность. Мысль Д.Н. Чернышенко о том, что «рынок, заданный в рамках празднования 100-летия государственности, должен стать отправной точкой дальнейшего активного социально-экономического развития республики» [9], – практически слоган текущего момента формирования политики идентичности.

Социально-экономическое развитие региона нацелено на благоустройство, строительство социальных объектов, объектов культуры, здравоохранения, качество дорог и жилищно-коммунальных услуг. По данным Центра управления регионом, это те сферы, которые в большей степени волнуют жителей республики [10]. Решение этих проблем нацелено на формирование позитивного образа взаимодействия федерального центра и республики.

В дискурсивных практиках большое место занимают сферы туризма и спорта, вокруг которых формируются значимые смыслы, как на уровне национальном, так и региональном. Подтверждением являются тексты выступлений федеральных и региональных руководителей во время подготовки и проведения юбилейных торжеств. А планы по строительству регионального центра спортивной гимнастики и прыжков на батуте, центра велосипедного спорта вносят вклад в успешный образ республики, укрепляя основания для идентификации с ним.

Символический компонент региональной политики идентичности был активизирован с помощью разных форм: изготовление специальных почтовых марок «100 лет Республике Адыгея», почтового штемпеля спецгашения и маркировочных открыток, юбилейной медали «100-летие образования Республики Адыгея», серебряной монеты номиналом 3 рубля, логотипа к 100-летию РА, который представляет собой число 100, выполненное в виде знака бесконечности. Также в символе можно увидеть элементы республиканского флага и даты образования Адыгеи.

К символическому компоненту политики идентичности следует отнести концерт в Кремлевском дворце, проведенный совместно с Кабардино-Балкарской и Карачаево-Черкесской республиками, также отмечающими 100 лет со дня установления их государственности. Это событие стало, с одной стороны, символом адыгского единства – исторической общности адыгов, проживающих в трех республиках, с другой стороны, подтверждением неразрывной связи региональной и российской национальной политики идентичности.

Некоторые выводы

Проанализировав и выявив особенности политики идентичности в полиэтноконфессиональной Республике Ады-

гея, считаем возможным предложить следующие положения.

1. Политика идентичности в регионе связана с пониманием смысла самоорганизации полиэтноконфессионального региона, открытости и возрастающей сложности этого процесса в новых условиях, а также с совмещением разных видов идентичностей. В результате проводимой политики идентичности в Республике Адыгея идентификационные процессы осуществляются по принципу взаимодополнения этнической, региональной, национальной и религиозной идентичностей.

В региональной политике идентичности важное место занимает этнический компонент, который сплетается с государственным, взаимообогащая друг друга, фиксирует региональные «границы».

2. В реализации политики идентичности участвуют не только представители власти, но и СМИ, активисты общественных движений, деятели культуры, науки и образования. Значимым показателем политики идентичности в регионе является активное использование символического ресурса Адыгеи.

3. В региональной политике идентичности имеет место неразрывная связь региональной и российской национальной идентичности. Поэтому есть основание считать, что усиление политики идентичности, основанной на гибком совмещении управления с самоорганизацией региона, будет способствовать как развитию региона, так и укреплению единства Российского государства, а также пониманию смысла этого единства, выявлению новых ресурсов многоуровневой идентичности. В научном исследовании этих вопросов перспективным представляется руководство междисциплинарным подходом, а в политике – нелинейным мышлением и политическим диалогом, подчинив политику идентичности развитию страны и региона.

Литература

1. Семенов И.С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. – М., 2017. – С. 22.
2. Семенов И.С. Политика идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности: в 2 т. – М., Т. 1, 2012. – С. 164–165.
3. Назукина М.В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик: концептуальный анализ. – Полис. Политические исследования. – 2020. – № 3. – С. 78–92; Nazukina M. Institutionalization of ethnicity in regional identity: model of Republic of Altai // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS2019. – Volume LXXVI. – No: 327. – Pages: 2442–2448.
4. Из архива полевых материалов (базы данных) З.А. Жаде.
5. Рябов О.В. Политика идентичности и символический границы // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отдел полит. науки / Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред. и др. – М., 2017. – С. 41–61.
6. Данные получены на основании анализа проектов, размещенных на сайте Конкурс грантов НКО Республики Адыгея на развитие гражданского общества в 2021 году (xn-80af5akm8c.xn – p1ai).
7. Назукина М.В. Институционализация этничности в политике идентичности российских республик:

концептуальный анализ // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 3. – С. 83.

8. Указ Президента от 16 октября 2017 г. «О праздновании 100-летия образования Республики Адыгея» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71687344/>.
9. Дмитрий Чернышенко и Мурат Кумпилов обсудили проведение празднования 100-летия государственности Адыгеи: <http://government.ru/news/46253/#>.
10. Данные Центра управления регионом [Электронный ресурс] – Режим доступа: @tsur_01.

REGIONAL IDENTITY POLITICS: ASSESSMENTS AND RETHINKING IN THE NEW REALITY

Ilyinova N.A., Kireeva I.V., Kukva E.S., Shadzhe A.Y.
Adyghe State University

The paper explores the issue of regional identity politics amid new geopolitical and sociocultural challenges. The authors describe the modern sociopolitical space in which identity policy is implemented, and assess the ongoing identity politics in the Adyghea Republic through the prism of expert opinion. Guided by qualitative methods, the authors determine factors that influence regional identity politics; consider that not only representatives of the authorities, but also the media, activists of social movements, cultural, scientific and educational figures participate in the implementation of identity politics. The example of the Adyghea Republic shows the use of a symbolic resource in regional identity politics. Based on the analysis of new forms of work in the field of ethnosphere, it is concluded that civil society institutions are activated. The publication interprets the significance of the ethnic factor in the implementation of regional identity politics. The perspective of the interdisciplinary approach is shown in the further scientific study of multi-level identity and the implementation of regional identity policy basing on “soft impact” in the management of identification processes. It is concluded that it is necessary to subordinate identity politics to the socioeconomic development of the region and strengthen the unity of the Russian state.

Keywords: identity politics, region, sociological methods, new challenges, Russian national identity, consolidation, interdisciplinary approach.

References

1. Semenenko I.S. Identity category in social sciences: concept, cognitive potential, research priorities // Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition / Ed. I.S. Semenenko / IMEMO RAS. – M., 2017. – P. 22.
2. Semenenko I.S. Identity politics // Political Identity and Identity Politics: in 2 v. – M., V. 1, 2012. – P. 164–165.
3. Nazukina M.V. Institutionalization of ethnicity in identity politics of Russian republics: conceptual analysis. – Policy. Political Studies. – 2020. – No. 3. – P. 78–92; Nazukina M. Institutionalization of ethnicity in regional identity: model of Republic of Altai // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS2019. – Volume LXXVI. – No: 327. – Pages: 2442–2448.
4. From the archive of field materials (database) of Z.A. Zhade.
5. Ryabov O.V. Identity politics and symbolic boundaries // Symbolic Politics: Proc. /RAN INION. Center Social Scientific-Information Research; Department of Political Science / Ed.: O. Yu. Malinova, et al. – M., 2017. – P. 41–61.
6. The data were obtained on the basis of an analysis of projects posted on the website of the Competition of NKO Grants of the Adyghea Republic for the Development of Civil Society in 2021 (xn-80af5akm8c.xn – p1ai).
7. Nazukina M.V. Institutionalization of ethnicity in identity politics of Russian republics: conceptual analysis // Policy. Political studies. – 2020. – No. 3. – P. 83.
8. Presidential Decree of October 16, 2017 “On the Celebration of the 100th Anniversary of the Formation of the Adyghea Republic” [Electronic Resource] – Access Mode: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71687344/>.
9. Dmitry Chernyshenko and Murat Kumpilov discussed the celebration of the 100th anniversary of the Adyghea statehood: <http://government.ru/news/46253/#>.
10. Region Control Center Data [Electronic Resource] – Access Mode: @tsur_01.

К вопросу о терминологии устойчивости современных государств

Кафтан Виталий Викторович,

д.ф.н., профессор, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: kaftanvit@mail.ru

Молодцов Игорь Николаевич,

к.п.н., доцент, руководитель Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: INMolodtsov@fa.ru

Статья посвящена исследованию феномена «устойчивости» развития государства. На основе анализа основных типов государств делается вывод, что существующая терминология, описывающая государственную устойчивость в отношении вызовов и угроз современности, является довольно размытой и используется определенными представителями из числа западной элиты как инструмент для вооруженного и политического вмешательства во внутренние дела российского государства. Материалы статьи подготовлены по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета ВТК-ГЗ-ПИ-40-22.

Ключевые слова: терминология, государство, устойчивость, «сильные государства», «слабые государства», «государства-изгои».

Проблема устойчивости государства сегодня стоит достаточно остро. Это связано с политической турбулентностью, в которую мировое сообщество попало после краха двуполярного мира, разрушения системы стран социалистической ориентации, распада ряда федеративных государств. Развязывание коллективным Западом цветных революций, гражданских войн, поддержка экстремистских и сепаратистских движений серьезно изменило политическую карту мира. В этих условиях необходим ответ на вопрос, что же представляет из себя устойчивое развитие государства, каким образом государство сохраняет свою стабильность, какие методы и средства могут помочь защитить его от дестабилизирующего воздействия?

В современных условиях не всегда понятно – является ли то или иное государство сильным или слабым? Американский политолог С. Липсет доказывая, что США – «слабое государство», заявляет, что: «американские государственные и общественные институты преднамеренно задуманы для ослабления или уменьшения влияния государственной власти. Соединенные Штаты рождены в результате восстания против государственного влияния, и в итоге теперь противогосударственная политическая культура выражается в ограничении государственной власти в виде конституционного правительства с четкими защитами прав индивидуумов, разделением властей, федерализмом и т.д.» [1]. Очевидно, что двоякость такого понимания состоит в том, что в США, государство понимается прежде всего, как властная структура правительственных институтов – «state». В этом смысле, как показывает ситуация с ограничением возможностей президента Д. Трампа Конгрессом США и затянувшийся конфликт между ними по поводу *шатдауна* (англ. *Government Shutdown*), временного приостановления финансирования деятельности правительства – США слабое государство. Но, с другой стороны, если взять государство во всем многообразии его проявлений: экономическом, военном, политическом США не вызывает сомнений, что это «сильное государство», причем его возможности превышают потенциал любого другого государства на планете.

Американские исследователи выделяют пять типов государств, в зависимости от состояния их устойчивости: сильные, слабые, распадающиеся, неудавшиеся и разрушенные.

Американский философ Ф. Фукуяма рассматривает «сильные государства» (англ. *strong state*) как социально-политические объединения, правительства которых обладает всей полнотой государственной власти, осмысливаемой как наличие у них самостоятельно-го планирования, организации и реализации своего политического курса; обеспечения функционирования законодательной системы (осуществление контроля за соблюдением всеми гражданами существующих законов, эффективное противодействие криминалу, мошенничеству, коррупции и т.д.), а также способности реализовать различные функции по оказанию эффективного воздействия на экономику: а) *минимальные* (обеспечение закона и общественного порядка, оборона, права собственности, макроэкономическое управление, общественное здравоохранение, повышение социальной защищенности и т.д.); б) *промежуточные* (регулирование монопо-

лий и финансовых взаимоотношений, борьба с недостаточным уровнем образования, социальное страхование, защита окружающей среды и т.д.) и в) *активные* (индустриальная политика, перераспределение капитала) [2, с. 24–25].

Применительно к «слабым государствам» (англ. *weak states*) следует отметить, что по своей природе они могут являться сильными, но оказавшись перед экономическими (проникновение ТНК, зависимость от ФРС, коррупция), социальными (этноконфессиональные конфликты), политическими вызовами, проявлять временную слабость. Для государственных систем подобного типа характерно развитие целого ряда негативных социальных процессов и явления: активизация деятельности различных преступных организаций, рост коррупции, частичное или полное разрушение инфраструктуры, снижение уровня ВВП на душу населения и их уровня социального обеспечения и др. Главной причиной слабости является слабая политическая система, если бы она имела большую развитость, то тогда конфликты могли бы разрешаться в рамках законного политического процесса [3, с. 3]. Примерами государств такого типа является Россия в 1990-х, значительная часть бывших советских республик, а также бывших стран социалистической ориентации и колониальных в прошлом государств.

«Неудавшиеся государства» (англ. *failed states*) характеризуются отсутствием у политического руководства в силу различных причин возможностей по разрешению проблемных ситуаций в экономической сфере, в системах образования и здравоохранения; способности обеспечить господства закона и социального порядка на своей территории, а также право на применение легитимного насилия в отношении противоправных общественных элементов [4]. Иными словами, политические системы подобного типа неспособны самостоятельно создать благоприятные условия для своего функционирования, зачастую на их территории активно развиваются этнические, религиозные или межклановые конфликты. Яркими примерами таких государств являются Афганистан, Руанда, Ангола, Сьерра-Леоне и Демократическая Республика Конго.

«Распадающиеся государства» (англ. *failing states*) – пограничный термин между слабыми и неудавшимися государствами [5, с. 4]. Для распадающихся стран характерна утрата де-факто и де-юре части своей территории как правило в ходе острого внутривнутриполитического этнического или конфессионального конфликта (Судан, Югославия на протяжении 1990-х, Сирийская Арабская Республика, Украина).

Еще одной из форм неудавшегося государства является «разрушенное государство» (англ. *collapsed state*) – государство, полностью утратившее возможности к восстановлению, как правило в нем отсутствует или не играет никакой роли центральное правительство, на его бывшей территории образован ряд непризнанных государств, между которыми продолжаются вооруженные столкновения [6] (Сомали, Ливия)¹.

В XXI веке к перечисленным типам добавляется – «государства – изгои» (англ. *rogue states* – дословно «государства – негодяи»), под ними в администрациях Б. Клинтона и Д. Буша стали понимать страны, которые рассматриваются американским истеблишментом как враждебные и «представляющие угрозу миру». Для них характерно: «жестокое обращение с собственными

ми гражданами, разбазаривания национальных ресурсов ради личной выгоды правителей, случаи нарушения международного права, поддержка деятельности террористических организаций, а также попытки получения доступа к ОМП или иной передовой военной технологии для использования в качестве угрозы или реальной агрессии» [7]. В основном к таким странам относятся те государства, в которых функционирует авторитарная политическая система управления (например, Иран, Сирия, КНДР, Ливия, Куба и т.д.). Всегда существует риск приравнивания этих стран к «слабым» или «неудавшимся» государствам, что определенным образом легитимизирует против них применение военной силы США и НАТО, о чем свидетельствуют развязывание военных конфликтов в Югославии при С. Милошевиче, в Ираке при С. Хусейне, в Ливии при М. Каддафи.

Следует заметить, что под целый ряд перечисленных признаков подходит и современная Россия. Так, после инцидента с отравлением семьи бывшего советского шпиона-перебежчика С.В. Скрипалей 04 марта 2018 г. в г. Солсбери (Великобритания), премьер-министр Великобритании Т. Мей в своем выступлении в Палате общин 12 марта заявила о причастности к данному делу сотрудников российских спецслужб (ГРУ).

Важно отметить, что в своем выступлении премьер-министр, ссылаясь на мнение экспертной группы из военно-химической лаборатории (Портон-Даун), высказала тезис, что бывший разведчик и его дочь были отравлены «Новичком» – боевым отравляющим веществом нервнопаралитического действия, разработки которого проводились еще СССР и что «с большой долей вероятности ответственность за данный инцидент лежит за Россией».

Позже, выступая на заседании СБ ООН, Т. Мей официально обвинила Российское государство в попытке убийства семьи Скрипалей, где также призвала руководство других стран к принятию ответных мер (санкций) в отношении РФ.

22 марта в посольстве Великобритании в Москве в ходе проведения брифинга более 80 представителям различных иностранных посольств был продемонстрирован презентационный материал с якобы выявленными «фактами террористической агрессии России». Презентация представляла собой «12 фактов-доказательств причастности РФ», скомпонованных произвольным образом в форме бриколажа², но в котором статус Российского государства из «с высокой долей вероятности» виновной стороны был трансформирован в «виновна без всяких сомнений». Так, среди них следует отметить следующие: убийство А. Литвиненко в 2006 г., вторжение в Грузию в 2008 г., оккупация Крыма, проведение кибератак на серверы руководства Германии, вмешательство в американские выборы, организация теракта-авиакатастрофы Боинга МН-17 над Донбассом и т.д. Последним же пунктом в списке этих доказательств числится «дело Скрипалей».

Итогом такой репрезентации России в медиаполитическом пространстве стал дипломатический демарш, в рамках которого большинство западных государств выслали из своих стран российских дипломатов (США – 60 посольских работников, Великобритания – 23, Украина – 13, Германия, Польша, Франция – по 4 сотруд-

² Бриколаж (от фр. le bricoleur – «домашний умелец») – мастер – «умелые руки», способный с помощью подручных средств устранить неполадку. По мнению этнолога К. Леви-Строса, бриколаж присущ первобытному мышлению и означает способность к преобразованию значения объектов или символов посредством нового использования или нестандартных переделок несвязанных вещей.

¹ Перечисленные типы государств в силу различных причин могут переходить из одного состояния в другое. Так, Таджикистан в начале 1992 г. находился в состоянии разрушенного государства, но благодаря российской военной и экономической помощи в 1997 г. ему удалось выйти из этого положения.

ника и т.д.). Персонами нон грата объявлены в общей сложности более 130 человек. Также данный акт активно сопровождался множественными выступлениями и интервью министров иностранных дел из этих стран. Так, американский посол Д. Хансман в интервью заявил, что это ответ на безрассудное нападение на нашего лучшего друга и союзника и за свою жизнь я не видел столь четко скоординированного и комплексного ответа на подобный инцидент» [8].

Таким образом, приравнивание России к «террористическому государству», которое способно немотивированно применять оружие массового уничтожения на территории стран «просвещенного» Запада, ставит Россию в положение изгоя, которому не место в кругу стран «цивилизованного» мира. Также важно отметить тот факт, что подобная довольно размытая терминология является удобным поводом вооруженного и политического вмешательства во внутренние дела любого из указанных государств. Поскольку градация между ними слишком мала, это создает риск ограничения суверенитета данного государства (как это произошло в Сирии, когда Западная коалиция без разрешения правительства Сирии организовала ведение боевых действий против террористов «Исламского государства») и даже вооруженной интервенции и отстранения от власти неугодных правителей.

Литература

1. Lipset S.M. *American Exceptionalism: A Double-Edged Sword*. – New York: W.W. Norton, 1995.
2. Фукуяма Ф. *Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке*. – М: АСТ, 2006. – С. 24–25.
3. Helman G., Ratner S. *Saving Failed States // Foreign Policy*, Winter 1992/93. P. 3.
4. *Crisis, Fragile and Failed States: Definitions used by the Crisis States Research Centre*. – London: London School of Economics, 2007.
5. Rotberg R.I. *When States Fail: Causes and Consequences*. – Princeton University Press, 2003. – P. 4.
6. Ottaway M. *Rebuilding State Institutions in Collapsed States // Development and Change*, 33 (5), 2002.
7. *Стратегии национальной безопасности США / Сост. Д.В. Кузнецов*. – Б.м.: Б. изд., 2018.

8. Черненко Е. Это ответ на безрассудное нападение. Посол США в Москве – о высылке российских дипломатов // Интервью посла США в РФ Д. Хансмана журналисту «Коммерсантъ» Е. Черненко // *Коммерсантъ*. – М., 2018. 26 марта. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3585482?from=doc_v-rez (дата обращения: 26.08.2022).

ON THE QUESTION OF THE TERMINOLOGY IS STABILITY OF THE MODERN STATES

Kaftan V.V., Molodtsov I.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the study of the phenomenon of «sustainability» at the state development. Based on the analysis of the main types of states, it is concluded that the existing terminology describing state stability in relation to the challenges and threats of our time is rather vague and is used by certain representatives of the Western elite as a tool for armed and political interference in the internal affairs of the Russian state. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds under the state order of the Financial University VTK-GZ-PI-40–22.

Keywords: terminology, state, sustainability, «strong states», «weak states», «rogue-states».

References

1. Lipset S.M. *American Exceptionalism: A Double-Edged Sword*. – New York: W.W. Norton, 1995.
2. Fukuyama F. *Strong state: Governance and world order in the XXI century*. – Moscow: ACT, 2006. – P. 24–25.
3. Helman G., Ratner S. *Saving Failed States // Foreign Policy*, Winter 1992/93. P. 3.
4. *Crisis, Fragile and Failed States: Definitions used by the Crisis States Research Centre*. London: London School of Economics, 2007.
5. Rotberg R.I. *When States Fail: Causes and Consequences*. – Princeton University Press, 2003. – P. 4.
6. Ottaway M. *Rebuilding State Institutions in Collapsed States // Development and Change*, 33 (5), 2002.
7. *US National Security Strategies / Comp. D.V. Kuznetsov*. – B.m.: B. ed., 2018.
8. Chernenko E. This is a response to a reckless attack. US Ambassador to Moscow – on the expulsion of Russian diplomats // Interview of the US Ambassador to the Russian Federation D. Hansman to the Kommersant journalist E. Chernenko // *Kommersant*. – М., 2018. March 26. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/3585482?from=doc_vrez (accessed: 08.26.2022).

Трансформация миропорядка, проблемы социально-политического развития стран Запада и России

Люблинский Виктор Викторович,

д.п.н., главный научный сотрудник ИС ФНИСЦ РАН

E-mail: lyubl.victor@yandex.ru

Современная политика по-прежнему во многом страдает социальной недостаточностью. Социальное благополучие стран Запада оказалось под вопросом. В связи с последними событиями в мире там фактически запущен процесс распада среднего класса со всеми вытекающими из этого социально-политическими последствиями. Сформированная ими глобализация пока еще позволяет США и странам вассаломателлитам управлять и доминировать в международных отношениях через ТНК и гипертрофированную финансовую систему. Основная причина кризиса, в котором оказалась система демократия западного типа, в том, что в ней изначально была заложена мощная энергетика рыночного обмана и социально-политического лицемерия, что с очевидностью обнаружилось в ходе начавшейся трансформации миропорядка. Но и в России, которая вступила в борьбу за справедливый миропорядок, не все благополучно. К счастью, общество консолидировалось перед лицом экзистенциальной внешней угрозы. Но внутренние проблемы весьма серьезны, их нельзя недооценивать. Ситуация такова, что в России сформировалось общество, которое нельзя назвать справедливым. Нельзя назвать и государство социальным, учитывая чрезмерный уровень социального неравенства и различий в социальных возможностях. Значительная часть бюрократического класса в России далека от интересов народа. Поэтому система защиты социально-политических прав граждан нуждается в глубоком реформировании.

Ключевые слова: трансформация миропорядка, социальное развитие, социальная политика, социальное государство, социальное неравенство, справедливость, занятость.

Современная политика по-прежнему во многом страдает социальной недостаточностью. Наиболее важная проблема связана с социально несбалансированной политикой в области распределения доходов и богатства; она заключается в том, что чрезмерность социального неравенства оказывает негативное влияние на динамику социально-политического развития. Если неравенство находится за рамками социальной эффективности, то это сдерживает подвижность общества – важный фактор его позитивной трансформации. Между данными показателями имеет место обратно пропорциональная зависимость: там, где неравенство относительно невелико, социальная мобильность относительно высока и, наоборот, в странах, где неравенство доходов значительно, социальная мобильность низка. Установлено, что самый социально мобильный регион в США был существенно менее мобильным, чем наименее мобильные регионы Норвегии и Швеции, что определяется существенными различиями в уровнях неравенства. Хотя «справедливость» – это сложное и весьма неопределенное понятие, нельзя считать «справедливым», когда два человека достигают разных результатов только из-за социального происхождения, если они обладают одинаковым талантом и прилагают одинаковые усилия [1, р. 3]. Таким образом, чрезмерный уровень социального неравенства лишает общество так необходимой ему динамики развития и обновления.

Социальная несбалансированность остается нетронутой и в условиях развития сетевого общества и цифровых технологий. В этом отношении практически ничего не меняется. Возникает вопрос: возможна ли социальная политика, способная выравнять диспропорции в социальном положении, повышать экономическую эффективность и согласие различных социальных групп? Или это недостижимые цели в силу их противоречивого характера.

Социальное неравенство феномен естественный и неискоренимый. Борьба с ним лишена смысла, но регулирование возможно и необходимо. Причем не только с точки зрения предупреждения и смягчения возможных социальных конфликтов, вероятность которых многие политики, к сожалению, недооценивают. И власть обязана держать данный вопрос под контролем и осуществлять необходимые действия, принимать во внимание при формировании и реализации политики, ибо, касаясь положения и благополучия людей, эта проблема фундаментальна. Во-первых, высокий уровень неравенства не только отражается на общественном благополучии, увеличивая уровень бедности и ослабляя социальную сплоченность, но ослабляет потенциал для развития, снижая инвестиции в человеческий капитал, что ставит под угрозу рост производительности труда. Во-вторых, растущее неравенство оказывает дополнительное давление на государственные социальные бюджеты в связи с необходимостью усиления социальной поддержки малоимущим группам. Но в политическом плане один из главных моментов состоит в том, что высокий уровень социального неравенства снижает уровень доверия к политическим институтам со всеми вытекающими из этого последствиями для развития общества.

Одна из проблем в том, что повсеместно в мире стратегический аспект остается слабой стороной социальной политики. Это было справедливо прежде, это справедливо и сейчас, в условиях современного общества. Наличие стратегических целей – важный структурный компонент политики. Однако он редко реализуется на практике. Это связано с тем, что политическая реальность обычно сводится к тому, чтобы справляться с текущими проблемами, неожиданными встрясками, в лучшем случае с проблемами среднесрочного характера, которые ставят под вопрос, а порой и переворачивают с ног на голову продуманные стратегии и планы. Кроме того, общество постоянно сталкивается с различными социально-экономическими проблемами и диспропорциями в распределении (и не только), располагая ограниченными ресурсами для их преодоления.

Поэтому глубокий анализ социально-экономических и политических проблем, определяющий выбор приоритетов, является наиболее важным моментом при разработке политики в социальной сфере. Необходимо учитывать также, что политика не может быть социально нейтральной, она формируется и проводится в интересах определенной части общества, большей или меньшей. Формально в странах Запада принята концепция "good society" («хорошего общества»), согласно которой политика проводится в интересах большинства и в качестве приоритетов стратегически нацелена, во-первых, на выравнивание социально-политических прав и возможностей, а во-вторых, на укрепление и развитие политического участия. Конечно, существуют различные представления о демократии и социальном равенстве, равно как различные способы их достижения. При этом необходимо учитывать, что эти понятия носят условный характер, абсолютизировать их невозможно и бесполезно. Они во многом определяются представлениями, формирующимися в процессе развития и доминирующими в обществе и политическом классе. Причем могут нередко вступать в противоречия, конфликтовать между собой в силу несовпадения социальных интересов. Современная мировая практика свидетельствует, что проблемы развития демократии и обеспечения безопасности общества, равно как роста экономической эффективности и социального развития также носят конфликтный характер. Поэтому задача политического управления – найти эффективный баланс в рамках совокупности жизненно важных, но нередко противоречивых целей.

Усложнение проблем в мировой социальной политике

В последние годы в мировой социальной политике, особенно в развитых странах, стало уделяться мало внимания проблемам социального неравенства. Это разрыв с предшествующей эпохой, когда в течение многих десятилетий доминирующие социально-политические и экономические группы вынуждены были отступать, соглашались на политику «социального выравнивания» ради своих доминантных позиций, рассчитывая со временем восстановить традиционную логику неравенства. Но пострадала и демократия: взаимосвязь между данными аспектами развития обнаруживается в долговременном плане. Умеренный уровень неравенства способствует росту политических прав и политического участия граждан, расширяя пространство демократии. И в связи со снижением эффективности социальной политики, демократия на Западе по-прежнему рассматривается главным образом с точки зрения выборного представительства, а не политического участия. Кроме того, представительство на европейском уровне непрозрачно,

а на национальном уровне дискредитировано [3, р. 20]. Это сочетается с падением эффективности и кризисом политического управления: значительная часть граждан в ЕС выражает сомнение в способности властей проводить политику на основе справедливости и профессиональной ответственности. А основная причина кризиса, в котором оказалась система демократия западного типа, в том, что в ней изначально была заложена мощная энергетика рыночного обмана и социально-политического лицемерия, что с очевидностью обнаружилось в ходе начавшейся трансформации миропорядка.

Между тем эффективная политика в условиях современного общества предполагает искусство социального маневрирования, когда вырабатывается совокупность мер, построенных на адекватной оценке социальной ситуации и социальной оптимизации политических решений, с учетом динамики и уровня доходов различных групп населения. Критерий – позитивные сдвиги, главное – улучшение условий жизни. И по мере усложнения общества и развития технологического прогресса роль социальной политики должна усиливаться.

Одним из основных показателей ее эффективности является состояние сферы занятости, ибо она в первую очередь определяет социальное благополучие граждан. Во многих странах происходит глубокая трансформация рынков труда. Эти изменения тесно связаны с технологическим прогрессом, который достиг такого уровня, когда обрабатывающая промышленность, например, больше не нуждается в рабочей силе низкой квалификации. Проблема занятости усложняется тем, что изменилась и традиционная модель секторальной мобильности труда. И третичный сектор, который прежде принимал работников, которые вытеснялись из производительных отраслей, уже не в состоянии выполнять эту роль. Особенно сильно эта ситуация затрагивает положение среднего класса, что создает устойчивый процесс его поляризации: в странах ОЭСР каждый шестой работник со средним уровнем дохода занят в профессиях, подверженных высокому риску автоматизации. Особенно высоки эти риски в профессиях, которые не требуют продвинутых когнитивных навыков и сложного социального взаимодействия. Почти 75% жителей ФРГ обеспокоены тем, что «роботы и искусственный интеллект замещают рабочие места» [7, р. 57].

В связи с этим наметилась тенденция к сокращению престижных рабочих мест, а концепция «достойной занятости», выдвинутая в свое время как стратегическая цель социальной политики, становится менее реалистичной.

Традиционная (полновесная) модель занятости, обеспечивающая высокие гарантии социальных прав, проходит длительный период трансформации с 1980-х годов, когда акцент был сделан на развитие так называемого гибкого рынка труда. Цель состояла в том, чтобы способствовать росту рентабельности и конкурентоспособности, с одной стороны, и снижению факторных издержек – с другой.

Особенность современного этапа технологического прогресса состоит в том, что он генерирует инновации и более производительные технику и технологии с более высокой скоростью обновления. И для этого требуется новая – гибкая занятость и рабочая сила, способная к постоянной адаптации.

Однако большая гибкость не решает главную проблему современного рынка труда – повышение профессиональных компетенций. А именно этот момент приобретает все большее значение для формирования инклюзивного общества, повышения профессиональной мобильности и обеспечения надлежащей социальной защиты

[5, p. 86]. В противном случае общество попадает в «порочный круг низкого уровня компетенций, снижения производительности и высокой безработицы, причем одной из главных жертв гибкого рынка труда становится молодежь» [6, p. 6]. И на первый план выходит вопрос о «цифровых компетенциях» в отношении всех профессиональных групп. Это требует усиления социальной политики на этом направлении, так как развитие альтернативных форм занятости, которые трансформируют рынки труда, придавая им качество большей динамичности при менее стабильной занятости, без адекватных изменений в системе распределения и социальной защиты создают риски падения уровня жизни.

От профессиональных компетенций зависят перспективы трудоустройства, гарантии занятости и доходы граждан. Занятость среднего класса во многих странах ОЭСР до недавнего времени оставалась достаточно устойчивой к существенным изменениям, хотя рынок труда там оказался охвачен поляризацией, поскольку доля профессий со средней квалификацией снижалась, а с низкой и высокой – росла. При этом в профессиях с наиболее высоким уровнем подготовки рост занятости оказался наиболее значительным. В ФРГ на них приходится более половины всех рабочих мест со средним уровнем дохода.

Анализ показывает, что в перспективе воздействие технологической революции на рынок труда будет усиливаться. В ФРГ примерно каждый шестой работник со средним доходом занят в профессиях, которые находятся в орбите автоматизации, а значит, может потенциально находиться в зоне риска потери работы и дохода. Хотя ситуация с COVID-19 не оказала существенного негативного воздействия на занятость представителей среднего класса, их располагаемые доходы в целом оставались стабильными благодаря государственной поддержке [7, p. 57, 77]. В то же время пострадала социально-профессиональная мобильность, шансы вернуть свой статус существенно сократились у тех, кто снизил свой социально-профессиональный статус и оказался в составе малообеспеченных групп. Фактически открылся «социальный путь вниз», а группы с низким доходом укрупняются и приобретают большую устойчивость. Средний класс в условиях проходящей трансформации вновь охвачен болезненным процессом изменений.

В странах ОЭСР в ходе нынешнего этапа трансформации отмечается процесс профессиональной поляризации. Риск «выхода из среднего класса» там наиболее высок для молодежи, иммигрантов, работников с недостаточно высокой квалификацией. В то же время для указанных категорий снизились шансы на социальный рост. Шансы попасть в группу со средним доходом снизились также для тех, кто занимается профессиональной деятельностью, типичной для представителей среднего класса.

Поэтому, для того чтобы «сохранить» социально-профессиональные позиции работникам придется повышать профессиональную подготовку на непрерывной основе, так как конкуренция за «достойные» рабочие места будет обостряться, а пространство престижной занятости сокращаться. В связи с последними событиями в мире в странах Запада фактически запущен процесс распада среднего класса со всеми вытекающими из этого социально-политическими последствиями.

С началом трансформации миропорядка, в котором доминирующую роль играют США, социальное благополучие стран Запада оказалось под вопросом. Там для него уже давно нет основы – мощной индустриальной системы, которая де-факто переместилась в другие ре-

гионы мира. Но сформированная ими глобализация пока еще позволяет США и странам вассалам-сателлитам управлять и доминировать в международных отношениях через ТНК и гипертрофированную финансовую систему, позволяющую осуществлять неограниченную и безответственную эмиссию, печатая доллары и евро, обменивая их на реальные ресурсы и материальные ценности. И получая, таким образом, мировую ренту за счет фактической эксплуатации остального мира. Долгое время в этом участвовала и Россия, поставляя дешевые энергетические и сырьевые ресурсы. Вот перечень основных источников социального благополучия и высокого уровня жизни в странах Запада на протяжении более чем 30 лет с момента распада СССР. Парадокс в том, что распад СССР запустил механизм загнивания и распада самого Запада, который сейчас, в 2022 году, вступил в новую стадию.

Восстановить свою собственную индустриальную систему Запад уже не может, а может только пользоваться и управлять ей в рамках глобализации. Все показатели ВВП последних десятилетий искажают реальное соотношение сил, значительно преувеличивая потенциал Запада и занижая возможности России. Источник влияния Запада, помимо деятельности ТНК и мирового эмиссионного центра, – сфера НИОКР и ВПК. США через неограниченную эмиссию долларов фактически переносят инфляцию на другие страны и регионы мира. Но сейчас это возвращается к ним бумерангом, лишая перспективы сохранения доминирующих позиций через запущенный процесс деградации власти, общества и политики.

Рост неравенства как отражение кризиса модели социально-политических отношений

Возрастание роли социальной политики в условиях развития сетевого общества и цифровых технологий связано с фундаментальным изменением – повышением роли человеческого фактора [9, p. 385]. Тем самым повышается значимость таких направлений социальной политики, как образование и здравоохранение, так как они, прежде всего, определяют рост индивидуального и совокупного человеческого капитала, который в современном мире играет ключевую роль в обеспечении научно-технологической конкурентоспособности, а значит, политического суверенитета. И государство, нацеленное на всеобщее благосостояние, выступает как фундаментальный политический институт, без него современное общество не может успешно развиваться.

Одним из наиболее глубоких последствий нового взгляда на неравенство стала точка зрения о том, что высокий уровень неравенства оборачивается для общества высокими издержками, экономическими, социальными, политическими. Поэтому крайности социального неравенства необходимо преодолеть, чтобы обеспечить эффективность и успешное развитие [8, p. 11]. Ставка на то, что рыночный механизм сам по себе обеспечит эффективность, в том числе социальную эффективность, и интересы общества, оказалась, как и следовало ожидать, несостоятельной. А в результате оказалось дискредитировано социальное государство, так как перестало выполнять эту важную функцию, ибо дифференциация доходов имеет тенденцию к росту, усиливая социальные диспропорции, напряжение и потенциал конфликтности.

В странах Запада растет согласие в отношении того, что неравенство является серьезной проблемой (4 из 5 опрошенных считают, что неравенство в доходах слишком велико). Причем проблема социального неравенства волнует граждан – как в отношении результатов, так и возможностей. Они выражают озабоченность тем,

что 10% самых богатых домохозяйств аккумулируют более 50% национального дохода, и только 4 из 10 бедных детей имеют шансы «выйти из состояния из бедности. Установлено, что чем больше граждан беспокоит неравенство, тем выше их спрос на политику перераспределения. При этом спрос на такую политику через прогрессивное налогообложение ниже там, где люди считают, что бедность вызвана главным образом отсутствием личных усилий. Кроме того, поддержка населением конкретной политики зависит от того, воспринимается ли эта политика как результативная и справедливая, а информирование общества об эффективности политики перераспределения в контексте борьбы с неравенством помогает усилить ее поддержку [2, р. 11–12].

Исследования говорят о том, что, несмотря на обеспокоенность в мире по поводу роста социального неравенства, нельзя считать само собой разумеющейся общественную поддержку политики, нацеленной на его сокращение. Чтобы граждане и власти были «на одной волне», когда речь идет о политике сокращения неравенства и стимулировании социальной мобильности, необходимо учитывать предпочтения социальных групп и граждан в отношении разработки конкретных мер, которые могли бы в большей степени расширять их возможности или уделять больше внимания выравниванию результатов [2, р. 12].

Кризис модели социального развития в странах Запада актуализирует вопрос о необходимости нового роста социального государства в России. В то же время значительный рост неравенства показывает, что рынок сам по себе, по крайней мере, в том виде, в каком он существует, не может обеспечить ничего, приближающегося к социально-консенсусной модели. В США, например, реальные доходы у значительной части граждан фактически оказались заморожены: в среднем доход мужчины, работающего полный рабочий день, сопоставим с тем, что было более четырех десятилетий назад [8, р. 11–12].

Социальная деятельность государства в странах Запада все больше девальвируется, повышение благосостояния для обычных граждан, не говоря о высоких целях создания справедливого общества, превращается в формальную декларацию. Социальное напряжение повсеместно усиливается. Концепция «властных ресурсов», согласно которой политика государства определяется предпочтениями среднего класса (то есть большинства граждан), и оно должно на них реагировать, не вполне соответствует характеру нынешней трансформации общества. А развитие стран ЕС в последний период свидетельствует, что политика может расходиться со здравым смыслом и фактически вести к обострению внутренних противоречий и росту социальных конфликтов.

Основная проблема в первоначальном распределении активов, асимметрии рыночной власти и асимметрии информации – источникам «сбоев механизма саморегулирования». Исправить указанные дефекты, дарованные изначально «природой» капитализма, государство, действующее в рамках такой системы, оказалось не в состоянии. Поэтому в центре его внимания традиционно находится социальная защита, когда оно стремится снижать социальные риски и поддерживать средний класс. Но сейчас, в силу усложнения общества, его ответственность охватывает новые сферы. Это уже нечто большее, чем защита социально-экономических прав, но также поддержка конкурентоспособности и обеспечение большей чистоты экономической деятельности, учитывая, что эти факторы во многом определяют рост благосостояния и социальную атмосферу. Но глав-

ной задачей государства в XXI веке, по мнению Дж. Стиглица, (и с этим невозможно не согласиться) является принципиально новое построение социальной политики, исходя из признания того, что в обществе с большим неравенством в доходах и богатстве не может быть равных возможностей [8, р. 13].

Речь идет о том, чтобы государство сосредоточилось на данной фундаментальной проблеме, решение которой определяет образ более справедливого общества. Это означает, что необходимо усиление вмешательства государства в социально-экономические процессы, что связано с усилением мониторинга и регулирования рынков. Однако на этом пути возникает традиционное противоречие между социальным и экономическим аспектами, характерное для подобной политико-экономической модели [8, р. 13–14].

В последние годы в странах Запада рассматривается вопрос об изменении подхода к формированию социальной политики. Речь идет о том, чтобы факторы инноваций, инвестиций и социальной активности были положены в основу «нового государства всеобщего благосостояния». Соответствующее политическое решение было принято в ЕС еще в 2013 г., но этим и ограничилось, дальнейшего развития это решение не получило. Кроме того, способность «инвестиционного подхода» в социальной политике решать фундаментальные социальные проблемы – такие как обеспечение социальной справедливости и преодоление бедности – в настоящее время вызывает большие сомнения [4].

В отношении социального государства специалисты прогнозируют непрерывный рост рисков и факторов давления. Эти обстоятельства существенно отличаются от предыдущего периода, который характеризовался стабильным ростом, полной занятостью, предсказуемыми социальными потребностями и более сплоченными обществами. Фактически можно говорить о том, что формируется новая социальная политика, которая основывается на нестабильных политико-социальных коалициях, затрудняет прогнозирование и обуславливает рост неопределенности. Тем более что государство сталкивается с давлением внешних факторов (глобальных и региональных), которые осложняют социально-политические процессы и политические решения. Среди них выделяется фактор миграции из неблагополучных регионов мира, который во многом порожден внешней политикой стран Запада и рикошетом ударил по социальному благополучию этих стран. В этом же ряду социально-экономические издержки, связанные с поддержкой со стороны стран Запада террористических режимов по всему миру в ущерб социальному благополучию граждан своих стран.

Но и в России не все благополучно. Конечно, она ведет борьбу за справедливый миропорядок, против агрессивной и безответственной политики Запада, нацеленной на уничтожение России. К счастью, общество консолидировалось перед лицом экзистенциальной внешней угрозы. Но внутренние проблемы весьма серьезны, их нельзя недооценивать, а тем более игнорировать. Ситуация такова, что в России сформировалось общество, которое нельзя назвать справедливым. Нельзя назвать и государство социальным, учитывая чрезмерный уровень социального неравенства и различий в социальных возможностях. Более подходящий термин здесь – «государство социальной помощи», «государство социального вспомоществования» или «государство социальной поддержки». Эта картина дополняется тем, что в стране часто не соблюдаются социально-экономические права. Политические декларации зачастую расходятся с реальной политикой властей в различных сферах. Часто

гражданам не к кому апеллировать. Закон РФ о порядке рассмотрения обращений граждан (59-ФЗ) носит формальный характер, так как во многих случаях проблемы, с которыми граждане обращаются к властям, не решаются, и они получают формальные ответы-отписки. И это касается многих ведомств и учреждений. В стране коррупция никуда не делась. Значительная часть бюрократического класса в России далека от интересов народа. Поэтому система защиты социально-политических прав граждан в России нуждается в глубоком реформировании. Хорошо, что Россия поставила вопрос о трансформации миропорядка и ведет бескомпромиссную борьбу за новый, справедливый мир. Но в перспективе стоило бы расширить постановку вопроса и рассматривать его в контексте трансформации социального миропорядка, что могло бы обеспечить «прорыв» в благополучное будущее, основанное на справедливости и уважении для всех стран и народов мира.

Литература

1. Darvas Z., Midões C. Wealth distribution and social mobility. – Luxembourg: Eurofound, Publications Office of the European Union, 2021. – 100 p.
2. Does Inequality Matter? How People Perceive Economic Disparities and Social Mobility. – P.: OECD Publishing, 2021. DOI: <https://doi.org/10.1787/3023ed40-en>. – 162 p.
3. Europe 2025. A New Agenda. Social Europe Dossier. – Berlin: Hans Bockler Stiftung, Friedrich-Ebert-Stiftung, Social Europe. – 60 p.
4. Futures of European welfare models and policies: seeking actual research questions, and new problem-solving arsenal for European welfare states. European Journal of Futures Research. 2016. N4(1). DOI 10.1007/s40309-015-0080-y (Springerlink.com). P. 1–13.
5. Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives. – P.: OECD Publishing, 2019. – 167 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264312012-en>
6. Ilcheong Yi. New challenges for and new directions in social policy. United Nations Headquarters, New York, The Secretariat building, Conference Room S-2725BR – Board Room, 19–20 May 2015. 15 p.
7. Is the German Middle Class Crumbling? Risks and Opportunities. – P.: OECD, 2021. – 144 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/845208d7-en>
8. Stiglitz J.E. The Welfare State in the Twenty First Century. – N.Y.: Columbia University, 2017. – 31 p.
9. The Oxford Handbook of Political Institutions. – N.Y.: Oxford University Press, 2006. – 815 p.

TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER, PROBLEMS OF SOCIO-POLITICAL DEVELOPMENT OF WESTERN COUNTRIES AND RUSSIA

Lyublinsky V.V.

Institute of sociology FCTAS RAS

Modern politics still suffers from social insufficiency. The social well-being of Western countries is called into question. In connection with recent events in the world, the process of disintegration of the middle class has actually been launched there, with all the socio-political consequences that follow from this. The globalization formed by the United States and its vassal satellite countries still allows them to manage and dominate international relations through TNCs and an exaggerated financial system. The main reason for the crisis in which the Western-type democracy system found itself is that it initially contained a powerful energy of market deception and socio-political hypocrisy, which was clearly revealed during the recent transformation of the world order. But even in Russia, which is fighting for a just world order, not everything is going well. Fortunately, society has consolidated in the face of an existential external threat. But the internal problems are very serious, they should not be underestimated. The situation is such that a society formed in Russia cannot be called fair. Nor can the state be called social, given the excessive level of social inequality and differences in social opportunities. A significant part of the bureaucratic class in Russia is far from the interests of the people. Therefore, the system of the protection of socio-political rights of citizens needs to be profoundly reformed.

Keywords: transformation of the world order, social development, social policy, social state, social inequality, justice, employment.

References

1. Darvas Z., Midões C. Wealth distribution and social mobility. – Luxembourg: Eurofound, Publications Office of the European Union, 2021. – 100 p.
2. Does Inequality Matter? How People Perceive Economic Disparities and Social Mobility. – P.: OECD Publishing, 2021. DOI: <https://doi.org/10.1787/3023ed40-en>. – 162 p.
3. Europe 2025. A New Agenda. Social Europe Dossier. – Berlin: Hans Bockler Stiftung, Friedrich-Ebert-Stiftung, Social Europe. – 60 p.
4. Futures of European welfare models and policies: seeking actual research questions, and new problem-solving arsenal for European welfare states. European Journal of Futures Research. 2016. N4(1). DOI 10.1007/s40309-015-0080-y (Springerlink.com). P. 1–13.
5. Going Digital: Shaping Policies, Improving Lives. – P.: OECD Publishing, 2019. – 167 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/9789264312012-en>
6. Ilcheong Yi. New challenges for and new directions in social policy. United Nations Headquarters, New York, The Secretariat building, Conference Room S-2725BR – Board Room, 19–20 May 2015. 15 p.
7. Is the German Middle Class Crumbling? Risks and Opportunities. – P.: OECD, 2021. – 144 p. DOI: <https://doi.org/10.1787/845208d7-en>
8. Stiglitz J.E. The Welfare State in the Twenty First Century. – N.Y.: Columbia University, 2017. – 31 p.
9. The Oxford Handbook of Political Institutions. – N.Y.: Oxford University Press, 2006. – 815 p.

Исследование вовлеченности молодежи в политические процессы Дагестана: на примере выборов Главы Республики

Мамараев Руслан Магомедсаламович,

младший научный сотрудник, Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, Институт истории, археологии и этнографии
E-mail: ruslan070@inbox.ru

Данная статья посвящена изучению политического участия и вовлеченности молодежи в политические процессы Республики Дагестан. Автором был проведен массовый социологический опрос в конце 2020 г. среди студенческой молодежи республики. Было опрошено 800 респондентов. На поставленные вопросы в анкете допускалось отмечать несколько вариантов ответов. Результаты исследования показывают, что дагестанская молодежь больше всего проявляет интерес к общероссийским политическим новостям, чем к дагестанским политическим событиям. Интенсивность данных интересов в основном носят периодичный характер, чем постоянный. Можно увидеть высокий уровень недоверия федеральной и республиканской власти. Партийная принадлежность главы республики не имеет значения, он вполне может быть беспартийным. Проявляется отрицательное отношение к муниципальному фильтру. Система назначения главы республики Президентом РФ не пользуется популярностью. Доминирующее выражена позиция о всенародном избрании главы республики. Проявляется высокая степень значимости и готовность принять участие в прямых выборах главы республики. Вполне спокойное отношение к национальной принадлежности главы республики, главными факторами являются профессионализм и работа во благо республики.

Ключевые слова: молодежь, партийная принадлежность, муниципальный фильтр, выборы.

Проблема политического участия и вовлеченности молодежи в политические процессы представляется одной из ключевых и значимых в условиях преобразования общества, потому что сама трансформация политической системы и переход социума к демократическим принципам управления требует определения места и вовлечения в эти процессы молодого поколения.

Уровень вовлеченности молодого поколения в политические отношения во многом определяет характер политических преобразований в обществе и сказывается на стабильности функционирования политической системы в целом.

Анализ самоидентификации современного поколения российской молодежи показывает, что у большинства молодых людей доминирует пассивный тип политической культуры, нигилизм. Такие институты как выборы, политические партии и организации занимают одно из последних мест в структуре самоидентификации данной группы. Представительное участие молодежи в органах государственной и муниципальной власти существенно сократилось [3. С. 82–86; 1. С. 93; 2. С. 30–42; 4. С. 21–33].

С одной стороны, российская молодежь негативно настроена по отношению практически ко всем властным структурам, отрицательно воспринимает развитие политической ситуации в стране, не видя возможности оказать влияние на политический процесс, поэтому пассивна и аполитична. Вместе с тем, имеет место быть и интерес молодежи к политике. Социально-экономические и политические изменения, происходящие в российском обществе, серьезно отражаются и на политическом поведении молодого поколения. В молодежной среде часто критикуются современные тенденции в политике, интенсивно обсуждаются острые общественные вопросы, активизируются альтернативные виды деятельности (пикеты, протестные марши, вплоть до участия в различных экстремистских и террористических организациях). В этом аспекте вовлеченность молодого поколения в политические процессы (в том числе игнорирование участия в них) представляется как одна из форм протестного поведения.

В рамках изучения политического участия и вовлеченности молодежи в политические процессы республики, интерес представлял отношение дагестанской молодежи к институту главы Республики Дагестан. В связи с этим был проведен массовый социологический опрос в конце 2020 года среди студенческой молодежи и охватил 800 человек. На поставленные вопросы в анкете допускалось отмечать несколько вариантов ответов.

Для выявления проявления интереса со стороны молодежи к политике перед респондентами был поставлен вопрос «Интересуетесь ли вы политикой?». Постоянно интересуются общероссийскими политическими событиями – 25%, постоянно интересуются дагестанскими политическими событиями – 7%, время от времени интересуются общероссийскими политическими событиями – 49%, время от времени интересуются дагестанскими политическими событиями – 15%, не проявляют интереса, т.к. все однотипно, нет ничего интересного и прогрессивного – 12%, не проявляют интерес по причине

того, что в политической жизни России и Дагестана много обмана, ничего не делается во благо народа – 13%. Полученные результаты по данному вопросу показывают, что дагестанская молодежь больше всего проявляет интерес к общероссийским политическим новостям, чем к дагестанским политическим событиям. Интенсивность данных интересов в основном носят периодичный характер, чем постоянный. При этом четверть молодежи не проявляет интереса к политической жизни ни страны, ни республики, т.к. по мнению молодежи в политической сфере обман, мало делается для общества, однотипность и нет прогрессивного развития.

Для определения уровня авторитетности власти у молодежи был задан вопрос «Какой власти Вы доверяете?». С доверием к федеральной власти относятся – 12%, к республиканской – 10%, обоим видам власти доверяют – 12%, нет никакого доверия к двум уровням – 66%. Таким образом можно увидеть высокий уровень недоверия федеральной и республиканской власти.

При проведении исследования интерес вызывало мнение молодежи в отношении партийной принадлежности главы республики. Большинство молодежи выразило мнение, что он может быть беспартийным, независимым человеком – 67%; глава обязательно должен быть членом любой партии России – 21%; наименьшую поддержку получила нынешняя модель, когда глава субъекта обязательно должен быть членом одной из самых многочисленных партий России – 12%.

Далее следовал вопрос «Как вы считаете, должен ли кандидат в главы Дагестана заручиться поддержкой муниципальных депутатов республики?», касающийся так называемого муниципального фильтра. Были получены следующие результаты: да, муниципальный фильтр пройдут только достойные кандидаты – 26%; нет, т.к. будущий глава республики попадает в зависимость от муниципалитетов – 20%; нет, т.к. муниципальный фильтр пройдет только кандидат от партии власти или другой крупной партии, представители других партий и независимые кандидаты его не пройдут – 13%; нет, т.к. действующий глава республики, используя свое положение и влияние, не даст пройти серьезным конкурентам – 11%; нет, если и нужен какой-то фильтр, то только всенародный в виде сбора подписей – 10%; нет, нужны прямые всенародные выборы – 35%. В частности у молодежи муниципальный фильтр носит положительный характер, но в целом, по разным причинам, проявляется отрицательное отношение к муниципальному фильтру и выражается поддержка всенародных выборов главы республики.

Следующий вопрос затрагивал способ избрания главы республики. Большинство молодежи считает, что глава Дагестана должен избираться всенародным голосованием – 55%; Глава Дагестана должен назначаться напрямую Президентом России – 8%; нынешняя модель, когда Глава Дагестана избирается депутатами Народного Собрания РД по представлению кандидатур Президентом РФ и выбранного кандидата назначает Президент РФ, набрала – 5%; Глава Дагестана должен избираться только депутатами НС РД – 5%; Способ не имеет значения, все зависит от того, кто придет к власти и как он будет работать – 27%. В данном вопросе доминирующее выражена позиция о всенародном избрании главы республики.

Важным было выяснить отношение молодежи к нынешней системе назначения главы республики. Был задан вопрос «Как Вы считаете, назначение главы Дагестана Президентом РФ поможет избежать международной напряженности, нечестной борьбы за власть, приходу к власти клановости, преступности и т.д.?».

Действующую в Республике Дагестан систему назначения Президентом РФ главы республики поддержали 12%, т.к. это укрепит вертикаль власти, будут назначаться достойные кандидаты; в равной степени отрицательно ответили по причине, что ничего не изменится – 21% и потому что назначают выгодных федеральной власти людей, а независимый кандидат не может прийти к власти – 21%. 46% считают, что все зависит от профессиональных и личных качеств человека, которого назначили. Система назначения главы республики Президентом РФ не пользуется популярностью у дагестанской молодежи.

Молодежи также был задан прямой вопрос «Как вы относитесь к тому, чтобы ввести всенародные выборы главы Дагестана?». Ответы распределились следующим образом: 1. Положительно, т.к. только народы Дагестана должны выбирать своего главу – 51%. 2. Положительно, т.к. дагестанским народам будет дана возможность выбирать своего главу – 29%. 3. Положительно, это повышает ответственность власти и избранного главы исполнять свои предвыборные обещания – 15%. 4. Положительно, т.к. главой сможет стать любой кандидат, в том числе независимый – 15%. 5. Отрицательно, т.к. это может привести к межнациональному и политическому противостоянию – 8%. 6. Отрицательно, т.к. это может привести к подкупу избирателей, фальсификации выборов, приходу к власти национальных кланов, криминала и т.д. – 9%. Как можно увидеть, молодежь твердо высказалась за прямой всенародный способ избрания главы республики, она не опасается возможных негативных последствий.

При наличии различного уровня выборов, важным было выявить у молодого поколения наиболее значимые для них выборы, на которые они бы пошли. Полученные результаты показывают, что в первую очередь важность представляют выборы Президента РФ – 70% и Главы РД – 51%. Далее следуют выборы глав городов и районов – 24%, глав сел – 21%, депутатов Госдумы РФ – 21%, депутатов Народного Собрания РД – 16%, муниципальных депутатов – 8%. Интерес ко всем уровням выборов не вызвал у 18% молодежи. Результаты ответов по данному вопросу показывают у молодежи высокую степень значимости и готовность принять участие наряду с выборами Президента РФ и в прямых выборах главы республики.

Помимо способа избрания главы Дагестана, для республики имеет место быть национальный вопрос главы республики. Был задан вопрос «Для Вас имеет значение национальность главы Дагестана?». На данный вопрос молодежь уверенно дала отрицательный ответ и готова поддержать представителя другого народа Дагестана и России, если он будет достойным главой, профессионалом, работать во благо Дагестана – 52%. Нет, но также надо привлекать профессионалов дагестанцев – 12%. Да, т.к. Дагестан многонациональная республика и национальный фактор надо учитывать – 11%. Нет, я готов поддержать представителя другого народа Дагестана и России, но на сегодняшний день не вижу достойных кандидатур – 10%. Да, потому что только дагестанцы должны руководить в Дагестане – 9%. Да, потому что представитель моего народа должен быть главой Дагестана – 6%. Дагестанская молодежь вполне спокойно относится к национальной принадлежности главы республики, главными факторами для нее являются профессионализм и работа во благо республики.

При проведении исследования, представлялось важным выявить какими качествами должен обладать политический деятель. Наиболее важными качествами были отмечены: 1. Честность, справедливость – 66%, 2.

Профессионализм – 66%. 3. Ответственность – 60%. 4. Решительность – 42%. 5. Умение четко и грамотно говорить – 37%. 6. Зрелый возраст (от 35 до 49) – 31%. Следующими по значимости идут качества: 7. Дипломат – 23%. 8. Религиозность – 21%. 9. Юрист – 20%. 10. Строгость – 19%. 11. Политолог – 16%. 12. Экономист – 14%. 13. Молодость (до 35 лет) – 13%. 14. Представитель науки, образования, культуры – 12%. 15. Успешный управленец, хозяйственник – 10%. Меньшую значимость имеют качества: 16. Умение стильно одеваться – 9%. 17. Старший возраст (от 50 и выше) – 8%. 18. Мягкость, доброта – 7%. 19. Национальность – 6%. 20. Внешняя красота – 6%. Незначительную значимость имеют позиции: 21. Военный – 5%. 22. Высокая государственная должность – 3%. 23. Работник правоохранительных органов – 3%. 24. Богатство – 2%. 25. Крупный бизнесмен – 2%. 26. Высокие достижения в спорте – 1%.

Устойчивость политических предпочтений молодежи отразилась в вопросе «Можете ли вы поменять свои политические предпочтения в отношении партии или политика?». Результаты ответов показывают, что молодежь готова поменять свои политические ориентиры, в первую очередь по причине, если понравятся идеи и деятельность другой партии или политика – 41% и, если я не согласен с их политической деятельностью внутри страны – 23%. Экономический фактор и внешнеполитическая деятельность партии или политика имеют незначительную выраженность – по 5%. Всегда верны своим политическим взглядам, несмотря ни на что – 16%. С трудом могут поменять свои политические предпочтения, если очень сильно разочаруются – 10%. Устойчивость политических взглядов гибка и может быть изменчива, исходя из внутривнутриполитической деятельности партии или политического деятеля.

Подводя итог можно сказать, что дагестанская молодежь на момент проведения соцопроса больше всего проявляет интерес к общероссийским политическим новостям, чем к дагестанским политическим событиям. Интенсивность данных интересов в основном носят периодический характер, чем постоянный. Можно увидеть высокий уровень недоверия федеральной и республиканской власти. Партийная принадлежность главы республики не имеет значение, он вполне может быть беспартийным, независимым человеком. Проявляется отрицательное отношение к муниципальному фильтру для претендента на пост главы республики. Система назначения главы республики Президентом РФ не пользуется популярностью. Доминирующее выражена позиция о всенародном избрании главы республики, т.к. только народы Дагестана должны выбирать своего главу и нет опасений возможных негативных последствий. Проявляется высокая степень значимости и готовность принять участие в прямых выборах главы республики. Вполне спокойное отношение к национальной принадлежности главы республики, главными факторами являются профессионализм и работа во благо республики. Наиболее важными качествами, которыми должен обладать политический деятель являются честность, справедливость, профессионализм, ответственность, решитель-

ность, умение четко и грамотно говорить, зрелый возраст. Устойчивость политических взглядов изменчива, исходя из внутривнутриполитической деятельности партии или политического деятеля.

Литература

1. Горшков М. К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПиМ, 2010. С. 93.
2. Зубок Ю.А. Рефлексия в саморегуляции социально-политических взаимодействий молодежи // Социология власти. 2012. № 2. С. 30–42.
3. Копеева Е.В., Котова К.А., Лисова С.Ю. Политическая активность студенческой молодежи: проблемы и тенденции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. Ч. 1. № 6 (80). С. 82–86.
4. Котова К.А. Участие молодежи в молодежных политических организациях как инструмент развития гражданского общества: эволюционный аспект // PolitBook. 2012. № 2. С. 21–33.

STUDY OF YOUTH INVOLVEMENT IN THE POLITICAL PROCESSES OF DAGESTAN: ON THE EXAMPLE OF THE ELECTION OF THE HEAD OF THE REPUBLIC

Mamaraev R.M.

Institute of History, Archaeology and Ethnography

This article is devoted to the study of the political participation and involvement of young people in the political processes of the Republic of Dagestan. The author conducted a mass sociological survey at the end of 2020 among the student youth of the republic. 800 respondents were surveyed. Multiple response options were allowed in the questionnaire. The results of the study show that the Dagestan youth is most interested in all-Russian political news than in Dagestan political events. The intensity of these interests are mostly intermittent rather than constant. One can see a high level of distrust of the federal and republican authorities. The party affiliation of the head of the republic does not matter, he may well be non-partisan. There is a negative attitude towards the municipal filter. The system of appointing the head of the republic by the President of the Russian Federation is not popular. The dominant position is expressed on the popular election of the head of the republic. There is a high degree of significance and readiness to take part in direct elections of the head of the republic. Quite a calm attitude towards the nationality of the head of the republic, the main factors are professionalism and work for the good of the republic.

Keywords: youth, party affiliation, municipal filter, elections.

References

1. Gorshkov M. K., Sheregi F.E. Youth of Russia: a sociological portrait. M.: TsSPiM, 2010. P. 93.
2. Zubok Yu.A. Reflection in self-regulation of socio-political interactions of youth // Sociology of power. 2012. № . 2. Pp. 30–42.
3. Kopeeva E.V., Kotova K.A., Lisova S. Yu. Political activity of student youth: problems and trends // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. 2017. Part 1. № . 6 (80). Pp. 82–86.
4. Kotova K.A. Participation of youth in youth political organizations as a tool for the development of civil society: an evolutionary aspect // PolitBook. 2012. № . 2. Pp. 21–33.

Актуальная ситуация и перспективы взаимодействия вузов г. Екатеринбурга и стран ШОС (на примере КНР)

Беляева Екатерина Александровна,

доцент, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой социальной работы департамента политологии и социологии, Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: ekaterina.podergina@mail.ru

Валеева Марина Владимировна,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник научной лаборатории «лаборатория Наукометрии», старший преподаватель кафедры социальной работы департамента политологии и социологии Уральского гуманитарного института ФГАОУ ВО «УрФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: cherbakova_marina@mail.ru

Современное мировое образовательное пространство претерпевает существенные трансформации. В текущей ситуации вузы России и, в частности, Екатеринбурга сталкиваются с необходимостью анализа существующих и поиске новых вариантов международного взаимодействия. В данном случае актуализируется развитие партнерства и академической мобильности со странами Азии и Востока.

Нами было проведено эмпирическое социологическое исследование потенциала вузов города Екатеринбурга для привлечения студентов из стран ШОС. Методом глубинного экспертного интервью было опрошено 30 специалистов международных отделов вузов города Екатеринбурга. Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030». Данная статья рассматривает существующие модели образовательного взаимодействия вузов России и Китая, так как именно с китайскими вузами существует большое количество международных соглашений и реализуемых программ. В ходе проведенного исследования нами были проанализированы существующие модели образовательного сотрудничества, а также алгоритмы образовательного взаимодействия.

Ключевые слова: образовательное сотрудничество России и стран ШОС, академическая мобильность, высшее образование, программы международного взаимодействия, организация образовательного процесса.

Для начала хотелось бы отметить, что, изначально, международная организация ШОС, основанная в 2001 г. по инициативе КНР, России, Таджикистана, Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана, создавалась для укрепления между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства, развития сотрудничества и стабильности в регионе, межрегионального взаимодействия в различных сферах, совместного противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму, а также борьбы с незаконной миграцией и др. В последние годы к ШОС присоединились Индия и Пакистан, наблюдателями являются Иран, Афганистан, Белоруссия, Монголия, что свидетельствует о росте международного авторитета организации [1]. В настоящее время происходит «полный российский разворот к Азии» [2], что усиливает и расширяет сотрудничество со странами ШОС во всех сферах, в том числе и в сфере высшего образования, а именно – реализуются программы двойных дипломов, развивается сфера студенческого и преподавательского обмена, активизируются прямые межвузовские связи, происходит международная академическая мобильность студентов и преподавателей вузов стран-участниц.

С момента создания ШОС страны, входящие в организацию, заключили ряд важных взаимных соглашений, как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. Отдельно хотелось бы обратить внимание на сотрудничество России и Китая. Еще с начала 1990-х годов между странами были подписаны различные соглашения, ставшие опорной точкой для многостороннего сотрудничества, а в рамках ШОС, взаимодействие только усилилось. Что касается высшего образования, то в данный момент одно из активно развивающихся направлений данной сферы – активизация академической мобильности вузов двух стран.

Концепция развития международной академической мобильности долгое время актуализирующаяся в рамках Болонского процесса привела к тому, что поток иностранных студентов Россию и российских студентов за границу существенно увеличился. Наиболее активно и широко включен в академический обмен с Китаем Дальневосточный Федеральный Университет (г. Владивосток), в силу географической близости. В целом в большинстве российских ВУЗов присутствуют китайские студенты, «это самая активная и многочисленная аудитория среди иностранных студентов» (руководитель отдела международного сотрудничества вуза). На сегодняшний момент, в российских вузах, в том числе в их зарубежных филиалах, обучается 32,6 тыс. граждан Китайской Народной Республики, отметим, что это на 3 тысячи больше, чем в 2021 году [3]. Китайские студенты обучаются даже в отдаленных ВУЗах РФ, например, в г. Калининграде, отчасти потому, что оттуда для них открывается «окно в Европу». Мир стал многополярным, с одной стороны Китай является одним из международных полюсов, с другой стороны, Россия, несмотря

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

ни на что, остается заметной на международной арене. Именно это делает Россию привлекательной для Китая, так как «он обычно взаимодействует с сильными».

Совместные студенческие, академические и научные проекты с Китаем активно поощряются Международным управлением РФ (на федеральном уровне), так, к примеру, российской стороной в 2020 году был объявлен конкурс совместных (российско-китайских) научно-исследовательских проектов, по результатам которого планировалось выдать не менее 6 грантов для проведения исследований [4]. Также, в частности, министр иностранных дел С.В. Лавров многократно высказывался в СМИ о важности таких проектов. Совет по международным делам РФ почти ежеквартально организует масштабные конференции по теме взаимодействия с Китаем [5].

Говоря о вузах г. Екатеринбурга, стоит привести пример Уральского федерального университета, как самого крупного университета Урала. В Уральском федеральном университете на данный момент обучается более 1000 студентов из Китая. Модель действующих программ подразумевает, что китайские студенты приезжают и начинают свое обучение сначала на подготовительном отделении или же поступают на филологический факультет, прикрепляясь к кафедре РКИ («русский язык как иностранный»). В настоящее время студенты из Китая находятся в УрФУ на очном обучении, несмотря на ограничительные меры, связанные с последствиями пандемии. Потому что большинство из этих студентов успели въехать в Россию между двумя волнами пандемии. Российские студенты, в свою очередь, тоже успели уехать в Китай на обучение, однако всего лишь несколько человек, не так много, как китайских студентов. Для большинства российских студентов обучение продолжается онлайн, дистанционно. Следует отметить, что в настоящее время зачастую обучение организуется в гибридном формате. Например, на экономическом факультете по направлению «международный менеджмент» сейчас учится 6 китайских студентов, три из которых учится аудиторно очно, трое других – онлайн (преподавание ведется на английском языке).

Одна из трудностей взаимодействия с Китаем в образовательной сфере связана с лингвистическими препятствиями – по мнению экспертов, большинство китайских студентов не могут в действительности освоить русский язык на достаточно хорошем уровне, несмотря на старания подготовительного факультета и обучение силами кафедры РКИ. Как отмечает исследователь Чубарова Е.Ю., небольшая доля студентов, хорошо знающих русский язык, отчасти объясняется сложностью в его изучении. Китайским студентам требуется намного больше времени и усилий для овладения русским языком, чем, например, студентам из европейских стран [6]. Таким образом, в силу объективных факторов, серьезных языковых различий, китайские студенты испытывают лингвистические трудности, не позволяющие перейти на обучение в русскоязычном формате. И даже обучение на английском языке зачастую является трудным и неуспешным.

К основным рискам сотрудничества эксперты относят форс-мажорные обстоятельства на международной арене, так как новая волна пандемии и т.п.

К второстепенным рискам и барьерам эксперт относит кросс-культурные особенности двух народов. Решение эксперты видят в усиленном развитии адаптационных процессов – важно усилить «вливание» китайских студентов в российскую культуру (посредством погружений, деловых игр с инициативным включением российских студентов в первую очередь, «обрусевших» китайцев). Потому что «вливание» российских студентов

в китайскую культуру осуществляется силами Института Конфуция, а другой стороне процесса взаимодействия мало уделяется внимания. Сложность поставленной задачи заключается в некоторой закрытости сообщества китайцев, проживающих в России «они кучкуются в свои группы и предпочитают взаимодействовать внутри, друг с другом» (руководитель отдела международного сотрудничества вуза). При этом большинство китайских студентов, окончивших обучение в России, возвращаются на родину, лишь меньшее число выпускников остается в РФ для трудоустройства. Однако среди китайцев все же таких относительно много, больше, чем среди других иностранных студентов. Как отмечает автор Леонова Э.О., изучавшая миграционную активность российских и китайских студентов, примерно половина китайских студентов, уезжая в Россию, точно собиралась вернуться обратно, в то время как среди россиян «возвращенцы» составили только пятую часть [7].

Китайские студенты после окончания российского ВУЗа иногда открывают культурно-лингвистические центры, работают в российских компаниях и привлекают в нашу страну капитал из-за рубежа. Как правило, такие студенты изначально едут на обучение по целевому направлению.

УрФУ является членом Шанхайской Организации Сотрудничества, поэтому партнерство данного ВУЗа с Китаем в образовательной сфере никогда не прекращалось. В настоящее время это партнерство курирует Департамент международных отношений УГИ УрФУ. Основная модель взаимодействия – это студенческий обмен между двумя странами, а также ведется совместная научно-исследовательская деятельность – конференции, публикации, визиты профессоров и т.п. Также в модель взаимодействия обязательно включен Институт Конфуция, в системе управления которого в тандеме работают управленец из Китая и управленец из России. Институт Конфуция транслирует культуру Китая, ценности этой страны, и основное – обучает китайскому языку всех нуждающихся в этом людей. Среди дополнительных мероприятий, организованных Институтом Конфуция, – кинофестивали и другие культурные мероприятия. В Екатеринбурге функционирует два Института Конфуция (УрФУ и РГППУ).

В Департаменте международных отношений на кафедре Востоковедения и на всех образовательных программах для российских студентов в обязательном порядке введено изучение китайского языка и изучение китайских регионов.

Еще одна ветвь сотрудничества ВУЗов России и Китая организуется посредством сетевого Университета БРИКС (<https://unibrics.ru>). Данный проект инициирован УрФУ в 2016 году, однако в настоящее время он является «несколько замороженным проектом» (руководитель отдела международного сотрудничества вуза), развитие приостановлено с марта 2020 года в связи с пандемией. Всего в данном проекте участвуют 44 ВУЗа от разных стран, имеющих общей целью развитие культурных, научных и образовательных связей, а также политических.

Особенности систем образования России и Китая складывались исторически посредством взаимообмена – «частично мы у них заимствовали что-то, частично – они у нас» (руководитель отдела международного сотрудничества вуза).

Первыми включились в программу повышения конкурентоспособности ВУЗов – китайские ВУЗы (в 1980-х годах), поэтому они занимают высокие рейтинговые позиции во всех международных рейтингах, тогда как российские ВУЗы включились в данную программу лишь в 2011–2012 годах. Удобство взаимодействия между ВУ-

Защи двух стран обусловлено едиными «болонскими» стандартами, наличием множества научных журналов с общими интересами и целями (есть единая сопоставимая платформа). Например, с ВУЗами Малайзии и Италии Россия не может сотрудничать также успешно, как с Китаем, потому что в Малайзии и Италии действует другая образовательная система, совершенно отличающаяся по стандартам (например, поступление в ВУЗ только после колледжа или 3х-летний бакалавриат).

Китайские ВУЗы значительно более крупные и инфраструктурно более развитые, чем российские ВУЗы. Азиатская особенность заключается в том, чтобы строить ВУЗ с «нового» места, «с нуля», – обычно это новые здания, построенные специально для ВУЗа, зачастую выполненные на большую долю из стекла, красивых современных форм. Также особенность китайских коллег заключается еще и в оперативности, в скорости самообучения современным технологиям строительства, перенимания опыта других развитых стран (в копировании), в скорости строительства больших сооружений и зданий (аналогичных известным европейским университетам), опережая Россию. «В этом китайцы на шаг впереди России» (руководитель отдела международного сотрудничества вуза). Однако, как считает эксперт, в сфере научных исследований Китай предпочитает придерживаться стратегии взаимодействия с другими странами, и развиваться в этом направлении посредством сотрудничества и обмена. В сфере научных исследований Китай не опережает Россию, являясь более зависимым.

Кроме взаимовыгодной финансовой модели взаимодействия между ВУЗами России и Китая, существует еще и модель взаимодействия на общественных началах. В РФ существует общественная организация, учрежденная совместно правительствами двух стран и посвященная укреплению содружества России и Китая. В рамках деятельности данной совместной общественной организации проводятся множество мероприятий экономического (импортозамещающего), политического и культурного характера, в меньшей степени затрагивается образовательная сфера. УрФУ является участником этих проектов в рамках общественной организации.

Привлекательность Китая для России в первую очередь, связана с их богатой культурой. Привлекательность России для Китая во многом заключается в фундаментальном качественном образовании (еще со времен СССР) по всем направлениям, в особенности – по техническим. Высокоуровневая фундаментальная подготовка специалистов, которая есть в России, нужна китайцам для развития их страны. В целом, как отмечает исследователь Янь Мэйвэй, китайско-российское взаимодействие в области образования способствует сокращению дистанции между китайским и русским народами, содействует дальнейшему сотрудничеству и развитию в данной сфере [8].

Помимо студенческого обмена, между ВУЗами России и Китая происходит регулярное взаимодействие посредством выпускников. Особенность китайских студентов, окончивших российский ВУЗ, заключается в преданности своему ВУЗу в течение долго времени (многих лет после окончания ВУЗа). На основе этого качества происходит общение выпускников и преподавателей, консультирование, участие в конференциях, независимо от местоположения (то есть даже после возвращения на родину).

Литература

1. Колдунова Е.В. Роль Шанхайской организации сотрудничества в регионе Центральной Азии: срав-

нительный анализ исследовательских дискурсов. Сравнительная политика. 2013;4(2(12)):60–69. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2013-4-2\(12\)-60-69](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2013-4-2(12)-60-69)

2. Лукин А.В. Поворот России к Азии: миф или реальность? / МИД РФ, Редакция журнала «Международная жизнь». URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1468>
3. За прошедший год число студентов из Китая в российских вузах увеличилось на 10% / Сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51810/>
4. Россия и Китай: не менее 6 совместных научно-исследовательских проектов получают поддержку в 2021–2023 годах / Сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/25211/> (дата обращения: 10.11.2022).
5. Россия и Китай: сотрудничество в новую эпоху. URL: <https://russiancouncil.ru/rucn2022> (дата обращения 10.11.2022).
6. Чубарова Ю. Е., Коровина И.В., Шикина Т.С., Резепова Н.В. Проблема оптимизации обучения русскому языку китайских учащихся // Вестник ННГУ. 2019. № 5. С. 255–263
7. Леонтьева Э.О. Китайские студенты в России и российские студенты в КНР: опыт сравнения // Регионалистика. 2019. № 5. С. 79–92.
8. Янь М. Российско-китайское взаимодействие в сфере образования в начале XXI в. (на примере Амурской области и провинции Хэйлуцзян) / М. Янь. // Онтологические и социокультурные основания альтернативного проекта глобализации: сборник материалов международной научной онлайн-конференции, Екатеринбург, 24–25 сентября 2020 г. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2021. – С. 401–405.

CURRENT SITUATION AND PROSPECTS OF INTERACTION BETWEEN UNIVERSITIES OF YEKATERINBURG AND SCO COUNTRIES (BY EXAMPLE OF CHINA)

Belyaeva E.A., Valeeva M.V.

Ural Humanitarian Institute Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin

The modern world educational space is undergoing significant transformations. In the current situation universities in Russia and Yekaterinburg, in particular, are faced with the need to analyze the existing and find new options for international interaction. In this case, the development of partnership and academic mobility with the countries of Asia and the East becomes more relevant.

We conducted a quantitative and qualitative study of the potential of Yekaterinburg universities to attract students from SCO countries. The method of in-depth expert interview was used to interview 30 specialists from international departments of Yekaterinburg city universities, this article presents the data of qualitative analysis. The research funding from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ural Federal University Program of Development within the Priority-2030 Program) is gratefully acknowledged.

This article focuses on the interaction between Russia and China in the framework of educational cooperation, as it is the Chinese students in Russia the most numerous group of students from the SCO countries. In the course of the research we obtained results that show the deterioration of the general situation with the enrollment of foreign students, with the difficulties they encounter as a result of enrollment in universities in Yekaterinburg. The results of our research show that the general situation with the enrollment of foreign students is worsening.

Keywords: educational cooperation between Russia and SCO countries, academic mobility, higher education, international cooperation programs, organization of educational process.

References

1. Koldunova E.V. The role of the Shanghai Cooperation Organization in the Central Asian region: a comparative analysis of research discourses. *Comparative Politics*. 2013;4(2(12)):60–69. [https://doi.org/10.18611/2221-3279-2013-4-2\(12\)-60-69](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2013-4-2(12)-60-69)
2. Lukin A.V. Russia's Pivot to Asia: Myth or Reality? / Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Editorial Board of the journal "International Life". URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1468>.
3. In the past year, the number of students from China in Russian universities increased by 10% / Website of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51810/>.
4. Russia and China: at least 6 joint research projects will be supported in 2021–2023 / Website of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/25211/> (date of reference: 10.11.2022).
5. Russia and China: Cooperation in a New Era. URL: <https://russiancouncil.ru/rucn2022> (accessed 10.11.2022).
6. Chubarova Y. E., Korovina I.V., Shikina T.S., Rezepova N.V. The problem of optimization of teaching Russian language to Chinese students // *Vestnik NNSU*. 2019. № 5. C. 255–263
7. Leontieva E.O. Chinese students in Russia and Russian students in China: an experience of comparison // *Regionalistics*. 2019. № 5. C. 79–92.
8. Yan M. Russian-Chinese interaction in education in the early XXI century (on the example of the Amur region and Heilongjiang Province) / M. Yan. // *Ontological and socio-cultural foundations of alternative project of globalization: Proceedings of the International Scientific Online Conference, Yekaterinburg, 24–25 September 2020*. – Yekaterinburg: UMC UPI Publishing House, 2021. – C. 401–405.

Парижское соглашение как ключевой механизм противодействия изменению климата и адаптации к его последствиям

Капитонов Алексей Александрович,

соискатель, Дипломатическая академия МИД России
E-mail: alexsdgs17@gmail.com

В ходе COP 27 в Египте Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш в отношении текущего состояния усилий стран мира по борьбе с изменением климата и адаптации к его негативным последствиям заявил: «Мы опасно близко подошли к точке невозврата». В связи с непрекращающимся ростом антропогенных выбросов парниковых газов в атмосферу глобальные температуры на планете продолжают расти, увеличивается уровень мирового океана, множится число экстремальных погодных явлений, что в будущем может поставить под угрозу существование человеческой цивилизации. Этим обусловлена актуальность данной работы, основной целью которой является исследование проблемы консолидации международных усилий в борьбе с изменением климата и адаптации к его последствиям посредством Парижского соглашения. В настоящей статье автор анализирует условия принятия Парижского соглашения по климату; оценивает сильные и слабые стороны соглашения, а также определяет причины отсутствия значимых достижений государств в сдерживании изменения климата. В результате проведенного исследования автор приходит к следующим выводам: Парижское соглашение представляет собой в большей степени компромисс между развитыми и развивающимися государствами, нежели является эффективным механизмом согласования их усилий в области климата; объединение подавляющего числа государств под эгидой Парижского соглашения стало возможным благодаря таким его особенностям, как гибкость в выработке национальных климатических планов, отсутствие четких индивидуальных обязательств по сокращению выбросов и финансированию, добровольный и несистематизированный характер отчетности, которые в то же время представляют собой слабые стороны соглашения как эффективного механизма сдерживания изменения климата; основной проблемой в выполнении целей Парижского соглашения служит сохраняющаяся в мире капиталистическая парадигма мышления, ставящая в приоритет получение быстрой личной экономической выгоды над согласованной борьбой с глобальными угрозами человечеству для обеспечения всеобщего устойчивого развития.

Ключевые слова: РКИК ООН, Киотский протокол, Парижское соглашение, климат, выбросы в атмосферу, чистая энергетика, зеленая экономика, глобальные вызовы, США, ЕС.

Введение

Парижское соглашение по климату, составляющее собой компонент Рамочной конвенции ООН по изменению климата [4], было принято в 2015 г. в ходе Конференции ООН по изменению климата в Париже (COP 21) и в 2020 г. вступило в силу [12]. По заявлению Генерального секретаря ООН А. Гуттериша, оно представляет собой «историческое достижение» [18], однако как в процессе согласования, так и так и в настоящее время, характеризующееся нестабильностью глобального рынка энергетики и отсутствием согласованной политики государств мира в области климата, Парижское соглашение было и продолжает становиться предметом дискуссий о его реальной эффективности и принципиальной возможности достижения обозначенных в нем целей. В этой связи представляется актуальным провести анализ слабых и сильных сторон данного механизма, определить его значение для глобального противодействия изменению климата, а также оценить текущую ситуацию, вокруг реализации целей соглашения.

Для более четкого понимания исследуемой проблемы необходимо изучить условия, которые сделали необходимым принятие Парижского соглашения как инновационного механизма консолидации мировых усилий в области климата.

Путь от Киото до Парижа

Создание нового соглашения было, прежде всего, обусловлено задачей заменить другой механизм РКИК ООН, утративший свою актуальность – Киотский протокол – после двух периодов его реализации (2008–2012 гг. и 2012–2020 гг.) [4]. Протокол накладывал на 37 развитых государств и страны с переходной экономикой, совокупно производящих треть глобальных выбросов, обязательства сократить их на 5,2% от уровня 1990 г. Протоколом были предусмотрены рекомендации в области экологизации промышленности, внешних инвестиций в зеленую энергетику, а также механизм торговли квотами на выбросы. Хотя цели, заданные протоколом, статистически были перевыполнены, данный механизм оказался малоэффективным для смягчения климатической проблемы в целом. Наибольшее сокращение выбросов (на 38,1% к 2012 г. от уровня 1990 г.) [17] было обеспечено государствами с переходной экономикой, однако не благодаря их экологическим инициативам, а в силу вызванного политическим и экономическим кризисом закрытия крупных углеродоемких производств (например, после распада СССР). При этом в свободных от киотских обязательств развивающихся странах в силу возрастания там производственной активности произошел существенный рост вредоносных выбросов (напр., в Китае, Индии, Южной Корее, Иране, Саудовской Аравии).

Обязательства по второму периоду действия протокола (Дохинская поправка 2012 г.) [4] охватили меньшее число стран, поскольку целый ряд государств, в том числе крупных эмитентов выбросов, ранее являвшихся сторонами протокола, отказались от участия в нем. По сути второй период действия Киотского протокола оказался,

скорее, вынужденной мерой, нежели эффективным механизмом борьбы с изменением климата, поскольку его продление было вызвано неспособностью стран достигнуть консенсуса на переговорах в Копенгагене в 2009 г., в Канкуне в 2010 г., в Дурбане в 2011 г., в Дохе в 2012 г. и в Лиме в 2014 г. по созданию нового климатического соглашения с учетом экономических и геополитических трансформаций на мировой арене, которое бы отвечало интересам как развитых, так и развивающихся государств [3].

Парижское соглашение: достижения и инновации

В то же время в ходе упомянутых переговоров странам удалось постепенно сгладить углы по спорным вопросам, что во многом способствовало успеху переговоров 2015 г. в Париже, в рамках которых было выработано новое соглашение, в большей степени, нежели предыдущее, отвечающее сложившимся к тому моменту в мире политико-экономическим реалиям.

Во-первых, Парижское соглашение не предполагает разделение стран на имеющие климатические обязательства и освобожденные от них, а в равной степени распространяет свое действие на все государства, которые, согласно механизму, должны выработать собственные обязательства по снижению вредоносных выбросов для коллективного достижения единой цели по ограничению роста глобальных температур в пределах 1,5–2 °С. Планы выполнения добровольных обязательств подлежат анализу и пересмотру раз в 5 лет при учете потенциала каждого государства в решении общей задачи.

Во-вторых, в соглашении особое значение отводится созданию механизмов безущербного поглощения CO₂ или, иными словами, достижению баланса между антропогенными выбросами и потенциалом естественных объектов к их полному поглощению, что возможно обеспечить, например, посредством расширения лесных покровов.

В-третьих, в Парижском соглашении признана необратимость последствий изменения климата, поэтому оно предполагает не только сдерживание роста глобальных температур, но выработку мер по адаптации к неминуемым для традиционного уклада человеческой жизни климатическим проблемам.

Помимо этого, соглашение затрагивает такие вопросы как: обеспечение странами транспарентности и регулярной подотчетности по принимаемым мерам в области климата; приоритетное решение климатических проблем, затрагивающих наиболее уязвимые группы населения, прежде всего, в малых островных развивающихся государствах; обмен лучшими практиками и технологиями между странами; разработка схем более справедливого распределения финансирования для противодействия изменению климата и адаптации к его последствиям; экологическое образование. То есть в настоящее время ратифицированное 193 государствами и ЕС (в том числе такими крупными эмитентами парниковых газов, как Индия, Китай, Россия, США), на которые приходится 98% глобальных выбросов, а также подписанное, но пока не ратифицированное еще 4 государствами, Парижское соглашение представляет собой основной всеохватный и комплексный механизм, формирующий повестку дня по глобальной политике в области климата на базе взаимосвязи экологических, экономических и социальных факторов в соответствии с концепцией устойчивого развития [12].

Вышеприведенные тезисы, характеризующие соглашение, а именно его значимость с точки зрения обеспечения после долгого отсутствия успехов прорыва

в создании механизма политики в области климата, беспрецедентно широкий охват участвующих государств, соответствие современным политико-экономическим реалиям, комплексность предлагаемых направлений деятельности, учет необходимости адаптации к необратимым последствиям изменения климата, допускаемая гибкость подходов стран в процессе достижения общих целей, а также согласованность с основополагающим к настоящему времени проектом глобального развития в виде Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года представляют собой положительные стороны Парижского соглашения.

Слабые стороны Парижского соглашения

В то же время у данного механизма имеется целый ряд слабых моментов, которые имеют потенциал затруднить решение климатической проблемы – ограничить результативность принимаемых мер вплоть до того, что их может быть недостаточно для предотвращения катастрофических последствий изменения климата.

Во-первых, основная цель Парижского соглашения по сдерживанию роста глобальных температур в пределах 2 °С (если возможно, 1,5 °С) часто становится предметом критики климатологов. Например, группа исследователей под руководством американского ученого Дж. Хансена заявляет о невозможности предотвратить катастрофические последствия таяния ледников для прибрежных стран в рамках поставленной в соглашении цели [11]. Исследовательский институт Stockholm Resilience Centre заявляет, что рост глобальных температур на заявленные 2 °С даже при полном отсутствии антропогенных выбросов запустит естественные процессы высвобождения парниковых газов, в результате чего средние температуры вырастут на 4–5 °С со всеми вытекающими из этого деструктивными для человечества последствиями [16]. Всемирная метеорологическая организация прогнозирует, что в период 2020–2024 гг. рост температур уже может превысить отметку в 1,5 °С (в 2021 г. повышение составило 1,1 °С) [6].

Во-вторых, добровольность определяемых на национальном уровне вкладов в достижение целей Парижского соглашения не способствует результативности принимаемых мер. Так, согласно данным международной платформы Climate Action Tracker, национальные вклады ни одной из сторон соглашения не согласуются с целью Парижского соглашения, а вклады основных эмитентов, в совокупности ответственных за 60% выбросов, оценены как недостаточные – в случае с США, крайне недостаточные – в случае с Индией и Китаем и критически недостаточные – в случае с Россией [8, 9].

В-третьих, допускаемая соглашением гибкость в построении собственных планов действий в области климата, исходя из определяемых на национальном уровне целей, позволяет ряду стран (в том числе Китаю, Канаде, России, Бразилии) продолжать наращивать объем эмиссий относительно текущих уровней, хотя глобальные тенденции в области выбросов, относительно текущей ситуации, в Докладе ЮНЕП о разрыве в уровнях выбросов 2022 г. уже признаны катастрофическими [2].

В-четвертых, в Парижском соглашении не предусмотрена система учета исторической ответственности стран за ранее произведенные парниковые газы, что отчасти объясняет вышеупомянутое стремление ряда государств к наращиванию текущего уровня выбросов. Развивающиеся страны начали процесс индустриализации позже, чем развитые, которые уже более века продолжают процесс эмиссии вредоносных веществ в атмосферу. Подобные системы ретроспективного учета ответствен-

ности за выбросы на момент принятия соглашения уже существовали (например, система, разработанная Нидерландским агентством по оценке окружающей среды) [10], однако в нем не использовались.

В-пятых, в соглашении почти отсутствует конкретика по вопросу финансирования глобальных усилий в области климата. По сути, она сводится к основной финансовой цели по выделению развитыми странами 100 млрд долларов в год в целях помощи развивающимся странам в деле противодействия изменению климата и адаптации к его последствиям, однако четкий перечень стран доноров и реципиентов отсутствует, как и квоты для распределения финансирования между странами. В этом кроется нежелание развитых государств увеличивать текущие профильные выплаты, во многом воспринимаемые как издержки. Согласно заявлению министра иностранных дел Египта С. Шукри в ходе 27-й Конференции ООН по изменению климата, «обещание в размере 100 миллиардов долларов в год так и не выполнено. Кроме того, доступное в настоящее время финансирование направлено на сокращение выбросов, а не на усилия по адаптации – а его большая часть представлена займами» [20].

Причина неудач на климатическом треке

При этом основную опасность для сдерживания изменения климата представляют не отсутствие конкретных формулировок и четких обязательств в рамках Парижского соглашения. Согласно отчету State Of Climate Action 2022, с доиндустриального периода глобальное потепление в среднем уже составило 1,1 °C; в Индии и Пакистане зафиксированы рекордно высокие за всю историю температуры; беспрецедентная тепловая волна достигла Антарктиды, где наблюдались температурные значения на 39 °C выше нормы. Согласно новому докладу, для достижения целей Парижского соглашения сокращение использования угля в производстве электроэнергии к настоящему времени должно происходить в 6 раз быстрее, сокращение выбросов при производстве строительного цемента – в 10 раз быстрее, а сокращением темпов обезлесения – в 2,5 раза быстрее, чем по предыдущим оценкам [15]. Эти данные говорят о другой опасности, которая заключается в сохраняющемся в мире доминировании капиталистических и геополитических интересов над необходимостью минимизации общей для всех угрозы, в преобладании парадигмы индивидуализма над осознанием единства человечества перед лицом глобальных вызовов, одним из которых является изменение климата. Подтверждением тому служит текущая ситуация, связанная с глобальным энергетическим кризисом, в отношении которой Генеральный секретарь ООН А. Гуттериш заявил: «Мы несемся прямоком в климатический ад и продолжаем давить на газ» [19].

Эмбарго всегда выступающего в авангарде зеленой экономики ЕС на импорт энергоресурсов России, обусловленное украинским конфликтом, было введено без внимания к последствиям этого шага для проблемы изменения климата. В результате государства Европы, так и не добившись в полной мере запланированных целей по деструктивному влиянию на российскую экономику, были вынуждены искать новых поставщиков традиционных энергоресурсов в связи с отсутствием к настоящему времени возможности полностью удовлетворять свои энергетические потребности посредством зеленых технологий. Одним из ключевых экспортёров энергоресурсов для ЕС стали США, которые, несмотря на амбициозные планы Дж. Байдена по противодействию изменению климата и возвращение Вашингтона к участию в Париж-

ском соглашении, приостановили действие некоторых экологических ограничений и наращивают добычу угля и СПГ, стимулируя к этому также других поставщиков этого топлива [7, 13]. Важно заметить, что текущие анти-российские санкции Евросоюза во многом были введены под давлением Вашингтона, аналогично более ранним ограничениям ЕС в отношении РФ в связи с украинским кризисом, установленным еще при Б. Обаме. В их отношении занимавший на тот момент пост вице-президента США Дж. Байден заявлял: «Да, они [страны ЕС] не хотели этого делать... На этом настаивало американское руководство и президент США, часто по сути вынужденный ставить Европу в неловкое положение, чтобы она встала и приняла на себя экономический удар, заставив [РФ] заплатить» [14].

Нельзя исключать и того, что наращивание Вашингтоном экспорта традиционных энергоресурсов в ЕС в связи с инспирированными им же коллективными санкциями против РФ, служит укреплению позиций демократического истеблишмента США не только на внешнеполитической арене, но и внутри страны с целью получения поддержки от некогда выступавшего за Д. Трампа сектора традиционной энергетики на перспективу выборов президента выборов в 2024 г. Все же послабления на уровне страны в экологическом плане, а также глобальное замедление в продвижении к выполнению целей Парижского соглашения, вероятно, будут увязаны с нуждами защиты демократии в мире, а главным виновником пробуксовки мира на климатическом треке будет выставлена Россия без какого-либо упоминания корыстных интересов американской политической элиты и добывающих компаний.

Бойкот участия России в совместных с западными странами проектах в области борьбы с изменением климата даже на негосударственном уровне, раскритикованный представителями российского бизнеса в ходе COP 27 [5], также свидетельствует о доминировании в ряде стран политических и коммерческих интересов над декларируемыми в национальных повестках дня глобальными целями в области климата, которые можно достигнуть только путем объединения усилий, в том числе в неправительственном секторе, без ограничений к участникам по принципу национальной принадлежности.

Заключение

Таким образом, учитывая выявленные позитивные и негативные аспекты Парижского соглашения, а также предшествующую ему серию малорезультативных переговоров по созданию нового климатического соглашения, представляется возможным утверждать, что Парижский механизм является в большей степени компромиссом между странами по проблеме изменения климата, нежели реальной моделью выстраивания глобальной, согласованной и справедливой деятельности по ее предотвращению и адаптации к ее негативным последствиям. Подтверждением тому служат гибкость в выработке национальных планов для достижения общих целей, отсутствие конкретных индивидуальных обязательств по сокращению выбросов и финансированию в самом соглашении, добровольный и несистематизированный по общим критериям характер отчетности о принимаемых странами мерах для достижения глобальных целей, достаточность которых для минимизации ущерба человеческой деятельности ставятся под сомнение в экспертных кругах.

В то же время, нельзя недооценивать значимость Парижского соглашения как механизма, под эгидой которого, пусть и на довольно гибких условиях, все же

удалось объединить по сути все страны мира в деле противодействия глобальному изменению климата. Этот тезис точно резюмируют слова бывшего директора Greenpeace International К. Найду: «Парижское соглашение – это только первый шаг в долгом пути, и какие-то его части меня огорчают и расстраивают, хотя все же это какой-то прогресс» [1]. Однако для того, чтобы мир встал на путь достижения целей Парижского соглашения, а затем потенциальных более амбициозных глобальных целей сдерживания изменения климата и адаптации к его негативным последствиям, человечество, а в особенности правящие элиты, должно перейти от капиталистической парадигмы мышления, в рамках которой доминируют конкурентная борьба и сиюминутные интересы прибыли, а задачи в области климата лишь декларативно присутствуют в национальной повестке дня, к новой парадигме, в которой объединение усилий стран мира в деле противодействия глобальным вызовам является реальным приоритетом для обеспечения устойчивого развития для всех на здоровой планете.

Литература

1. Бриггс Х., В чем суть Парижского соглашения по климату и почему оно важно?, 2017 // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-40118229> (дата обращения: 05.12.2020);
2. Доклад о разрыве в уровнях выбросов за 2022 год // United Nations Environmental Program. – URL: <https://www.unep.org/ru/resources/doklad-o-razryve-v-urovnyakh-vybrosov-za-2022-god> (дата обращения: 19.11.2022);
3. Кишкань Е. Р., Проблемы и перспективы продления Киотского протокола до 2020 г. На основе анализа международных климатических конференций // Вестник ВолГУ. – Серия 3: Экономика. Экология. – № 2. – 2015. – сс. 116–121;
4. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата, 1992 // United Nations. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 19.11.2022);
5. Санкции и бойкот зеленых проектов затрудняют борьбу с изменением климата – заявили российские бизнесмены на Конференции ООН // Агентство Социальной Информации. – URL: <https://www.asi.org.ru/news/2022/11/15/rossijskaya-delegacziya-na-konferenczii-oon-po-klimatu-zayavila-chtobojkot-zelenyh-proektov-v-rossii-zatrudnyat-borbu-s-izmeneniem-klimata/> (дата обращения: 19.11.2022);
6. Согласно сводным данным ВМО, 2021 год – один из семи самых теплых лет в истории наблюдений // World Meteorological Organization. – URL: <https://public.wmo.int/ru/media/пресс-релизы/согласно-сводным-данным-вмо-2021-год-—-один-из-семи-самых-теплых-лет-в-истории> (дата обращения: 19.11.2022);
7. Ali M., Biden Personally Engaging With Other Countries Including Qatar On Gas Supplies – Sullivan. // Urdu Point. – URL: <https://www.urdupoint.com/en/world/biden-personally-engaging-with-other-countrie-1487760.html> (дата обращения: 19.11.2022);
8. BP Statistical Review of World Energy 2022 171st edition // British Petroleum. – URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (дата обращения: 19.11.2022);
9. Climate Action Tracker – Countries // Climate Action Tracker. – URL: <https://climateactiontracker.org/countries/> (дата обращения: 19.11.2022);
10. Countries' contributions to climate change: effect of accounting for all greenhouse gases, recent trends, basic needs and technological progress // European Commission. – URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC80243> (дата обращения: 19.11.2022);
11. Hansen J., Sato M., Hearty P., Ruedy R., Kelley M., Masson-Delmotte V., Russell G., Tselioudis G., Cao J., Rignot E., Velicogna I., Kandiano E., von Schuckmann K., Kharecha P., Legrande A.N., Bauer M., Lo K.-W., Ice melt, sea level rise and superstorms: evidence from paleoclimate data, climate modeling, and modern observations that 2 °C global warming is highly dangerous, 2015 // European Geosciences Union. – URL: <https://acp.copernicus.org/preprints/15/20059/2015/acpd-15-20059-2015.pdf> (дата обращения: 19.11.2022);
12. Paris Agreement, 2015 // United Nations. – URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/2016/02/20160215%2006-03%20PM/Ch_XXVII-7-d.pdf (дата обращения: 19.11.2022);
13. Popov D., Khurmi B. EU to ban Russian coal imports – what are the alternatives? // CRU Group. – URL: <https://www.crugroup.com/knowledge-and-insights/insights/2022/eu-to-ban-russian-coal-imports-what-are-the-alternatives/> (дата обращения: 19.11.2022);
14. Remarks by the Vice President at the John F. Kennedy Forum 2014 // White House. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/10/03/remarks-vice-president-john-f-kennedy-forum> (дата обращения: 19.11.2022);
15. State of Climate Action 2022 // Climate Action Tracker. – URL: https://climateactiontracker.org/documents/1083/2022-10-26_StateOfClimateAction2022_kR0sbBZ.pdf (дата обращения: 19.11.2022);
16. Steffen, W., Rockström, J., Richardson, K., Lenton, T.M., Folke, C., Liverman, D., Summerhayes, C.P., Barnosky, A.D., Cornell, S.E., Crucifix, M., Donges, J.F., Fetzer, I., Lade, S.J., Scheffer, M., Winkelmann, R., and Schellnhuber, H.J., Trajectories of the Earth System in the Anthropocene. Proceedings of the National Academy of Sciences (USA), 2018 // Stockholm Resilience Center. – URL: <https://www.stockholmresilience.org/research/research-news/2018-08-06-planet-at-risk-of-heading-towards-hothouse-earth-state.html> (дата обращения: 19.11.2022);
17. Total greenhouse gas (GHG) emission trends and projections, 2017 // European Environment Agency. – URL: <https://www.eea.europa.eu/data-and-maps/indicators/greenhouse-gas-emission-trends-5/assessment-1> (дата обращения: 19.11.2022);
18. Un Secretary-General's Remarks To Event Marking The United States Rejoining The Paris Agreement // UNIC Beirut. – URL: <https://unicbeirut.org/UN-News-Guterres-US-Paris-Agreement> (дата обращения: 19.11.2022);
19. We're on a 'highway to climate hell,' UN chief Guterres says, calling for a global phase-out of coal // CNBC. – URL: <https://www.cnbc.com/2022/11/07/were-on-a-highway-to-climate-hell-un-chief-guterres-says.html> (дата обращения: 19.11.2022);
20. Where's the money? COP27 climate summit opens with a rallying call for rich nations to pay up // CNBC. – URL: <https://www.cnbc.com/2022/11/07/climate-cop27-opens-with-a-rallying-call-for-rich-nations-to-pay-up.html> (дата обращения: 19.11.2022).

THE PARIS AGREEMENT AS A KEY MECHANISM FOR COUNTERING CLIMATE CHANGE AND ADAPTING TO ITS CONSEQUENCES

Kapitonov A.A.

Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

"We are getting dangerously close to the point of no return", – said UN Secretary-General A. Guterres at COP 27 in Egypt, regarding the current state of the world's efforts to combat climate change and to adapt to its negative consequences. Due to the incessant growth of anthropogenic greenhouse gas emissions into the atmosphere, global temperatures on the planet continue to rise, the level of the world ocean is increasing, the number of extreme weather events is multiplying, which in the future may endanger the existence of human civilization. This circumstance determines the relevance of this work, the main purpose of which is to study the problem of consolidating international efforts in combating climate change and adapting to its consequences under the Paris Agreement. In this article, the author analyzes the conditions for the adoption of the Paris Climate Agreement; assesses the strengths and weaknesses of the agreement, and also identifies the reasons for the lack of significant achievements of states in curbing climate change. As a result of the conducted research, the author comes to the following conclusions: The Paris Agreement is more a compromise between developed and developing states than an effective mechanism for coordinating their efforts in the field of climate; the unification of the overwhelming number of States under the auspices of the Paris Agreement became possible due to its features such as flexibility in the development of national climate plans, the lack of clear individual commitments to reduce emissions and financing, voluntary and unsystematic nature of reporting, which at the same time represent the weaknesses of the agreement as an effective mechanism for curbing climate change; The main problem in fulfilling the goals of the Paris Agreement is the capitalist paradigm of thinking that persists in the world, prioritizing obtaining quick personal economic benefits over a coordinated fight against global threats to humanity in order to ensure universal sustainable development.

Keywords: UNFCCC, Kyoto Protocol, Paris Agreement, climate, air emissions, clean energy, green economy, global challenges, USA, EU.

References

1. Briggs H., What is the essence of the Paris Climate Agreement and why is it important?, 2017 // BBC. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-40118229> (accessed: 05.12.2020);
2. Emissions Gap Report 2022 // United Nations Environmental Program. – URL: <https://www.unep.org/ru/resources/doklad-o-razryve-v-urovnyakh-vybrosov-za-2022-god> (accessed: 19.11.2022);
3. Kishkan E. R., Problems And Prospects Of Kyoto Protocol Prolongation Till 2020 On The Basis Of International Summits On Climate // Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. [Journal of Volgograd State University] – Series 3: Economics. Ecology. – № 2. – 2015. – cc. 116–121;
4. United Nations Framework Convention on Climate Change, 1992 // United Nations. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (accessed: 19.11.2022);
5. Sanctions and boycott of green projects will make it difficult to fight climate change, Russian businessmen said at the UN Conference // Social Information Agency. – URL: <https://www.asi.org.ru/news/2022/11/15/rossijskaya-delegacziyana-konferenczii-oon-po-klimatu-zayavila-cto-bojkot-zelenyh-proektov-v-rossii-zatrudnyat-borbu-s-izmeneniem-klimata/> (accessed: 11/19/2022);
6. According to the WMO summary data, 2021 is one of the seven warmest years in the history of observations // World Meteorological Organization. – URL: <https://public.wmo.int/ru/media/> пресс-релизы/согласно-сводным-данным-вмо-2021-год—-один-из-семи-самых-теплых-лет-в-истории (accessed: 19.11.2022);
7. Ali M., Biden Personally Engaging With Other Countries Including Qatar On Gas Supplies – Sullivan. // Urdu Point. – URL: <https://www.urdupoint.com/en/world/biden-personally-engaging-with-other-countrie-1487760.html> (accessed: 19.11.2022);
8. BP Statistical Review of World Energy 2022 171st edition // British Petroleum. – URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf> (accessed: 19.11.2022);
9. Climate Action Tracker – Countries // Climate Action Tracker. – URL: <https://climateactiontracker.org/countries/> (accessed: 11/19/2022);
10. Countries' contributions to climate change: effect of accounting for all greenhouse gases, recent trends, basic needs and technological progress // European Commission. – URL: <https://publications.jrc.ec.europa.eu/repository/handle/JRC80243> (accessed: 19.11.2022);
11. Hansen J., Sato M., Hearty P., Ruedy R., Kelley M., Masson-Delmotte V., Russell G., Tselioudis G., Cao J., Rignot E., Velicogna I., Kandiano E., von Schuckmann K., Kharecha P., Legrande A.N., Bauer M., Lo K.-W., Ice melt, sea level rise and superstorms: evidence from paleoclimate data, climate modeling, and modern observations that 2 °C global warming is highly dangerous, 2015 // European Geosciences Union. – URL: <https://acp.copernicus.org/preprints/15/20059/2015/acpd-15-20059-2015.pdf> (accessed: 19.11.2022);
12. Paris Agreement, 2015 // United Nations. – URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/2016/02/20160215%2006-03%20PM/Ch_XXVII-7-d.pdf (accessed: 19.11.2022);
13. Popov D., Khurmi B. EU to ban Russian coal imports – what are the alternatives? // CRU Group. – URL: <https://www.cru-group.com/knowledge-and-insights/insights/2022/eu-to-ban-russian-coal-imports-what-are-the-alternatives/> (accessed: 11/19/2022);
14. Remarks by the Vice President at the John F. Kennedy Forum 2014 // White House. – URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/10/03/remarks-vice-president-john-f-kennedy-forum> (accessed: 19.11.2022);
15. State of Climate Action 2022 // Climate Action Tracker. – URL: https://climateactiontracker.org/documents/1083/2022-10-26_StateOfClimateAction2022_kR0sbBZ.pdf (accessed: 19.11.2022);
16. Steffen, W., Rockström, J., Richardson, K., Lenton, T.M., Folke, C., Liverman, D., Summerhayes, C.P., Barnosky, A.D., Cornell, S.E., Crucifix, M., Donges, J.F., Fetzer, I., Lade, S.J., Scheffer, M., Winkelmann, R., and Schellnhuber, H.J., Trajectories of the Earth System in the Anthropocene. Proceedings of the National Academy of Sciences (USA), 2018 // Stockholm Resilience Center. – URL: <https://www.stockholmresilience.org/research/research-news/2018-08-06-planet-at-risk-of-heading-towards-hothouse-earth-state.html> (accessed: 19.11.2022);
17. Total greenhouse gas (GHG) emission trends and projections, 2017 // European Environment Agency. – URL: <https://www.eea.europa.eu/data-and-maps/indicators/greenhouse-gas-emission-trends-5/assessment-1> (accessed: 19.11.2022);
18. Un Secretary-General's Remarks To Event Marking The United States Rejoining The Paris Agreement // UNIC Beirut. – URL: <https://unicbeirut.org/UN-News-Guterres-US-Paris-Agreement> (accessed: 19.11.2022);
19. We're on a 'highway to climate hell,' UN chief Guterres says, calling for a global phase-out of coal // CNBC. – URL: <https://www.cnbc.com/2022/11/07/were-on-a-highway-to-climate-hell-un-chief-guterres-says.html> (accessed: 19.11.2022);
20. Where's the money? COP27 climate summit opens with a rallying call for rich nations to pay up // CNBC. – URL: <https://www.cnbc.com/2022/11/07/climate-cop27-opens-with-a-rallying-call-for-rich-nations-to-pay-up.html> (accessed: 19.11.2022).

Лидерский потенциал Турции в рамках реализации стратегии неоосманизма

Салманов Фаррух Вугар оглы,

аспирант кафедры глобалистики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: farrukh.salmanov@mail.ru

В статье рассматривается процесс смены принципов кемализма во внешнеполитической стратегии Турции и его причины, показан рост влияния новых неоосманистских принципов на развитие лидерского потенциала Турции в рамках реализации своей внешнеполитической стратегии на пути к региональному лидерству. В статье проанализированы сильные и слабые стороны Турции как претендента на роль регионального лидера. Сделан вывод, что статус региональное державы Турции все еще находится на стадии формирования.

Ключевые слова: Турция, внешняя политика, внешнеполитическая стратегия, внешнеполитические принципы, региональное лидерство, неоосманизм.

Внешиполитическая стратегия Турецкой Республики на различных этапах её существования как независимого государства претерпевала изменения. Эти изменения были обусловлены не только внутренней политикой, но и многими другими факторами, оказавшими влияние на внешнюю политику Турции. На первом этапе своей государственности турецкое руководство придерживалось внешнеполитической стратегии, в основе которой были принципы кемализма, а именно: поддержание независимости, приверженность западным идеям и внешний изоляционизм [3].

Коренные и серьезные изменения на международной арене после окончания холодной войны существенно повлияли на внешнюю политику Турции и ее геополитическую роль. После распада СССР и прекращения bipolarного противостояния многие прогнозировали снижение стратегического значения Турции, которая ранее находилась в фарватере политики Западных стран. Появление многополярного мира фактически сняло имеющееся ограничение с турецкой внешней политики, которое не давало ей развиваться независимо, и снизило уровень ее прозападной ориентации. Отношения Анкары с США и ЕС остаются нестабильными, чему в последние годы способствовали такие факторы, как закупка Анкарой новейшей российской ракетной системы, военнополитическая напряженность в водах Средиземноморья, а также политические разногласия Турции с своими европейскими партнерами и союзниками по НАТО [4].

В то время, как международная система претерпевала кардинальные изменения, внешняя политика Турции стала более чувствительной по отношению ко внешним пертурбациям. По мере того, как мировой порядок эволюционировал к многополярности, в политических кругах Турции сформировалась точка зрения, что ей необходимо воспользоваться предоставленными возможностями для продвижения своих национальных интересов на региональном уровне. Так, Турция начала участвовать в новых политических процессах, протекающих в независимых государствах Ближнего Востока, Балкан и Закавказья. Такая активная политика в данных регионах положила начало процессу становления страны как важного регионального игрока и регионального лидера.

С приходом к власти в Турции в 2002 году Партии справедливости и развития (ПСР), которая определяет себя как консервативную исламскую партию, был запущен процесс реформ, имевших большое значение не только во внутренней политике, но и во внешней политике. Партийная программа ПСР не продвигает какую-то конкретную идеологию в качестве официальной государственной идеологии, тем не менее, правящая партия проводит свою определенную и достаточно жесткую политическую линию. Внутриполитическая и внешнеполитическая практика ПСР на первых порах её правления часто интерпретировалась в средствах массовой информации как отход от прежних, якобы «тормозящих» развитие Турции как современного государства, ценностей и целей [6].

Действительно, с тех пор как Партия справедливости и развития пришла к власти, начался процесс реконструирования внешней политики страны и стали происходить значимые парадигмальные сдвиги в её внешнеполитической стратегии. Данная стратегия получила название

«неосманистской». Прежде всего была разработана новая концепция взаимоотношений с соседними странами, что стало важным этапом трансформации регионального вектора внешней политики Турции.

Основными чертами стратегии «неосманизма» являются: снижение напряженности с соседями Турции; более активные действия во внешней политике; проведение многоуровневой и многогранной дипломатии с использованием методов публичной дипломатии и инструментов мягкой силы.

Под эгидой новой неосманистской стратегии происходит стремительный рост внешнеполитических амбиций страны, которая стала позиционировать себя как региональный лидер.

Современная стратегия неосманизма, направлена прежде всего на такие регионы, как Ближний Восток, Южный Кавказ и Балканы, которые когда-то были частями Османской империи, и которые Турция жалеет бы вернуть под свое политическое влияние. Именно они стали основными объектами неосманизма и политика по отношению к ним является ярким проявлением желания Турции занять в них лидирующую позицию и утвердить свой статус региональной державы.

Данная политика свидетельствует о практическом отказе Турции от прежних идей кемализма, которые формировали внешнюю политику Турции во второй половине XX века.

Политика «неосманизма» в отношении бывших территорий Османской империи основана на следующих принципах [5]:

- открытость внешней политики Турции;
- сосредоточение внимания на османском наследии и культурных связях;
- акцент на экономическом сотрудничестве и взаимозависимости;
- возрождение ислама и исламских ценностей как во внутренней, так и во внешней политике;
- многомерность внешней политики с таким же акцентом на Север, Восток, Юг, как на Запад;
- мирный подход к странам региона;
- более макро- и многоуровневая перспектива;
- принятие Турции в качестве «центральной страны»;
- отсутствие призывов к турецкому империализму.

Таким образом, в XXI Турция решительно вышла из политической изоляции и встала на путь расширения своего взаимодействия с соседними странами с целью усиления своего влияния в важных геополитических регионах. На современном этапе она реализует внешнеполитическую стратегию регионального лидерства, основанную на принципах, составляющих основу неосманистской идеологии.

Региональный лидер – это центр притяжения для других стран в своем регионе. Отличительной характеристикой регионального лидерства является поступательный и непрерывный рост внутрирегиональной зависимости в соответствии с приоритетом и сценарием, предложенным государством, стремящимся к статусу регионального лидера [1]. Важная черта регионального лидерства – это способность эффективно влиять на состояние геополитической ситуации в регионе, как напрямую, так и воздействуя на отношения между самими лидерами.

Однако, на пути к региональному лидерству у Турции есть свои трудности и соперники – это крупные региональные и внерегиональные акторы в ближневосточном, закавказском и балканском регионах. А проблемы в экономике и политическая нестабильность в стране значительно снижает её маневренный потенциал во внешней политике.

Сильными сторонами внешней политики Турции, основанной на принципах неосманизма является улучшение политических и экономических отношений с соседними государствами и развитие стратегического сотрудничества, нацеленного на долгосрочное партнерство. Ослабление стремления Турции к членству в Европейском союзе, приобретаемая стратегическая автономия во внешней политике, активная медиаторская роль страны в разрешении различных конфликтов между государствами, оказывает положительное влияние на страны регионов, которые являются объектами политики неосманизма.

Сочетание эффективной «мягкой силы» и активное продвижение своей культуры в соседние страны [2] в совокупности с принципами неосманистской внешнеполитической стратегии повышают степень эффективности регионального вектора внешней политики Турции.

Несомненно, Турция имеет экономические и политические предпосылки для того, чтобы стать лидером на бывших территориях Османской империи. Однако, несмотря на стремление Турции достичь стратегической автономии во внешних делах, она все еще получает огромные выгоды от относительно формальных союзнических отношений с Западом, членства в НАТО и не рискует полностью разорвать все связи с «западным блоком». Хотя Турция по-прежнему придает важное значение своему членству в Североатлантическом альянсе и во многом потеряла интерес к будущему возможному членству в Европейском союзе, (кандидатом на вступление в который она является с 1999 г.), в последние годы она становится еще более активной в регионах традиционного российского геополитического влияния и начинает конкурировать в них с Россией за статус регионального лидера [7].

Успехи в расширении влияния Турции на евразийском континенте очевидны. Однако, существует определенный разрыв между ролью, которую Турция *хочет* играть в этих регионах, и потенциалом, которым она *реально обладает*. И это является главным препятствием в реализации ее целей в рамках неосманистской региональной стратегии. В целом Турция является страной, страдающей от несовпадения ее внешнеполитических амбиций и ее реальных возможностей. Она стремится сохранить свое положение в глобальной иерархии держав, выстроенной США, при этом повысив свой профиль до статуса трансрегиональной державы, способной единолично осуществлять региональное регулирование и играть роль регионального лидера в нескольких определенных регионах. Однако, внешнеполитическая стратегия Турции имеет ряд слабых сторон.

Во-первых, Турция не может достичь полномасштабного и всеобъемлющего сотрудничества на одинаковом уровне во всех регионах в рамках реализации своей неосманистской внешнеполитической стратегии. Во-вторых, реализация данной стратегии наиболее успешно происходит в основном в рамках культурной политики Турции с использованием инструментов мягкой силы и публичной дипломатии. В-третьих, попытки турецкого руководства к внедрению идеологии пантюркизма, (а в последнее время и панисламизма) часто вызывает отторжение у стран «бывших османских регионов».

Учитывая имеющиеся экономические и политические ресурсы, Турция – страна, которая может повлиять на геополитический баланс сил в ближневосточном, закавказском и балканском регионах, где она пытается добиться лидирующей позиции. Но, несмотря на несомненные успехи в расширении своего влияния, неравномерность между ролью, которую Турция *хочет* играть в регионах, и потенциалом, которым она *обладает*, явля-

ется главным препятствием на пути достижения статуса регионального лидера и реализации целей и задач её неосманистской внешнеполитической стратегии. Можно сделать вывод, что Турция пока все еще находится в стадии формирования статуса регионального лидера. Его достижение зависит, с одной стороны, от способности страны реализовать имеющийся экономический и политический потенциал, а с другой стороны, от комплекса внешнеполитических факторов, влияющих на ситуацию в регионе, которые не зависят от Турции.

Литература

1. Ильин, И.В. Политическая глобалистика: учебник и практикум для академического бакалавриата / И.В. Ильин, О.Г. Леонова. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – С. 42–43.
2. Леонова О.Г. Джозеф Най и мягкая сила: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. – 2018. – № 1. – С. 101–114.
3. Салманов, Ф.В. Исторические принципы внешнеполитической стратегии Турецкой Республики (1923–2002) // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 3. – С. 343–349.
4. Can Turkey's Erdogan Rebuild the Bridges He Has Burned? // World Politics Review. 2022, June 24. – URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/for-erdogan-turkey-syria-intervention-is-the-latest-gamble/>
5. Durgun, Ş. Türk Ulusal Kimliğinin Dönüşümü ve Yeni Osmanlıcilik. Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi, c. 4, sayı. 2, ss. 299–316.
6. Ghitis, F. Erdogan Is Giving Turkey's 'Zero Problems' Strategy Another Try // World Politics Review. 2022, May 12. – URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/as-elections-loom-erdogan-turkey-mend-ties-with-neighbors>
7. Yeşiltaş, M. Küresel Güç Rekabeti ve Türkiye'nin İstikameti / M. Yeşiltaş. // DIŞ POLİTİKA | Kriter Ocak 2022 / Yıl 6, Sayı 64. – URL: <https://kriterdergi.com/dis-politika/kuresel-guc-rekabeti-ve-turkiyenin-istikameti>

TURKEY'S LEADERSHIP POTENTIAL AS A PART OF NEO-OTTOMANISM STRATEGY IMPLEMENTATION

Salmanov F.V.

Lomonosov Moscow State University

The article examines the process of changing the principles of Kemalism in Turkish foreign policy strategy and the influence of new neo-Ottomanist principles on development of Turkey's leadership potential in the implementation of its foreign policy strategy as an arising regional leader. The article describes the strengths and weaknesses of Turkey as a candidate for the role of a regional leader, concluding that the status of Turkey as a regional power is still under formation.

Keywords: Turkey, foreign policy, foreign policy strategy, foreign policy principles, regional leadership, neo-Ottomanism.

References

1. Ilyin, I.V. Political Globalistics (in Russian) / I.V. Ilyin, O.G. Leonova. – Moscow: Izdatelstvo Yurayt, 2019, pp. 42–43.
2. Leonova, O.G. Joseph Nye and the soft power: attempt to new understanding (in English) // Moscow: Socialno-gumanitarnye znaniya. – 2018. – № 1. – pp. 101–114.
3. Salmanov, F.V. Historical Principles of Turkish Foreign Policy Strategy (1923–2002) (in Russian) // Moscow: Socialno-gumanitarnye znaniya. – 2021. – № 3. – pp. 343–349.
4. Can Turkey's Erdogan Rebuild the Bridges He Has Burned? // World Politics Review. 2022, June 24. – URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/for-erdogan-turkey-syria-intervention-is-the-latest-gamble/>
5. Durgun, Ş. Transformation of Turkish National Identity and Neo-Ottomanism (in Turkish). Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Dergisi, 4(2), pp. 299–316.
6. Ghitis, F. Erdogan Is Giving Turkey's 'Zero Problems' Strategy Another Try // World Politics Review. 2022, May 12. – URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/as-elections-loom-erdogan-turkey-mend-ties-with-neighbors>
7. Yeşiltaş, M. Global Power Competition and Turkey's Direction (in Turkish) / DIŞ POLİTİKA | Kriter Ocak 2022, 6(64). – URL: <https://kriterdergi.com/dis-politika/kuresel-guc-rekabeti-ve-turkiyenin-istikameti>

Интегральный социальный тип и оптимизация социально-коммуникативных процессов в правоохранительной организации

Вышегуров Хамзат Муратович,

аспирант, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
E-mail: hamzat@yandex.ru

В статье обосновывается значимость диагностики интегрального социального типа организации для решения задач оптимизации коммуникативных процессов. Цель исследования – социальная диагностика интегрального социального типа правоохранительной организации для прогнозирования системы социально-коммуникативных отношений. Представлены данные социологического исследования, проведенного среди сотрудников Отдела МВД России по г. Нефтекамску (Башкирия). Методология исследования – структурно-функциональный анализ и его разновидность – типологический подход в русле парадигмы социологизма. В статье дано обоснование понятий социальный тип, социальный характер и интегральный тип общности. Обнаружено, что интегральный социальный тип обследованной организации имеет логический, сенсорно-конкретный, экстравертный и рациональный характер. На основе эмпирического исследования использован методологический принцип относительного перевеса одного полюса шкалы над другим или одной противоположности над другой. Новизной исследования является диагностика интегрального типа правоохранительной организации и выявление начавшегося процесса реформирования и трансформации органов внутренних дел в направлении прогрессивной социальной эволюции.

Ключевые слова: социальный тип, интегральный социальный тип, российская полиция, социологическое исследование, социодиагностика, социологический реализм, социально-коммуникативное взаимодействие.

Введение

Решение задач противодействия преступности и общественной безопасности предполагает построение системы эффективного коммуникативного взаимодействия в институте российской полиции и во взаимоотношениях правоохранительных органов с гражданским обществом. В свою очередь, организация эффективных внутренних и внешних коммуникаций возможна только при наличии социологической информации о ключевых типологических характеристиках основных социальных субъектов: личности, группы, общности разного уровня. Цель исследования – социальная диагностика интегрального социального типа правоохранительной организации для анализа системы социально-коммуникативных отношений и оптимизации внутренних и внешних коммуникаций в институте полиции. Поскольку совершенствование коммуникативного взаимодействия между сотрудниками правоохранительных органов разного социального ранга, а также органов внутренних дел в лице полиции с гражданским обществом способствует обеспечению правопорядка, этим определяется актуальность проблемы и темы исследования.

Теоретические основы исследования

На социальном уровне познания в 19 в. появилась социологическая школа (Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Маркс, Ф. Теннис, Г. Зиммель, В. Дильтей), которая, в отличие от парадигмы психологизма, постулировала превосходство социальных систем над индивидами, первичным считает общество, а индивида – лишь продуктом его. Идеи о влиянии социальных сил и социальной структуры на субъективные компоненты общественных процессов обосновал Ф. Гиддингс. По его концепции, в общественном развитии действуют две силы: сознательная объективно-природная и бессознательная субъективно-психологическая. Субъективно-эмоциональные силы у Гиддингса имеют коллективный характер («сознание рода»), которые и предопределяют поведение индивидов [7, с. 19]. Иначе говоря, Гиддингс отдаёт приоритет социально-объективным факторам над психологически субъективными. Из признания изначального единства личности и общества исходил американский социолог Ч. Кули. По его мнению, социальное сознание группы и сознание индивида так же бессмысленно рассматривать в отдельности, как противопоставлять музыку всего оркестра по звучанию отдельным инструментам [11, с. 316–317].

Типизированное знание о социальных объектах связано не с индивидуальными или уникальными качествами предметов или людей, а с их типическими характеристиками [1, с. 331]. Под социальным типом в данной работе подразумевается совокупность качеств личности, обусловленных принадлежностью к определённой социальной группе и имеющей определённый социальный статус. Исходя из этого понимания, можно описывать

общность и индивида через тождественные понятия. Социологический реализм, в противовес номинализму, рассматривает общество, социум как особую реальную сущность, которая не сводится к составляющим его индивидам, а образует надиндивидуальное и внеиндивидуальное целое [2, с. 27].

К.Г. Юнг ввел понятие коллективного бессознательного (архетипы) аналогично «коллективным представлениям» Э. Дюркгейма. Это образы и символы – своеобразно закодированные, формализованные образцы и программы поведения человека. Архетипы составляют материал не только сновидений, мифов, религий, искусства, но и в опосредованных формах являют себя в философии, социологии, политике и других видах деятельности людей [17]. Помимо К. Юнга, в социологии обоснованы концепции об устойчивых структурах в обществе (М. Вебер, П.А. Сорокин, Н.Я. Данилевский, В. Парето).

М. Вебер интерпретировал социологию как науку об **идеальных типах**, которые реализуют социальные действия [6, с. 628]. Понятие идеального типа было предвосхищено понятием **тип личности** [20] (К.Г. Юнг), **социальный характер** [14] (Д. Рисмен) **социотип** (А. Аугустинавичюте, А.В. Букалов, В.В. Гуленко). Э. Фромм выделяет наиболее типичные социальные характеры: рецептивный (пассивный), эксплуататорский, накопительский и рыночный. Согласно его теории, «социально-экономическая структура общества формирует социальный характер своих членов таким образом, что им хочется делать то, что они должны делать» [16, с. 156]. Концепция русского социолога Н.Я. Данилевского включала 10 основных самобытных социально-культурных типов, посредством которых и осуществляется исторический процесс [9, с. 91]. П.А. Сорокин выделил 3 культурно-исторических типа: чувственное, умозрительное и идеалистическое [15, с. 56–81]. В отличие от Данилевского, Сорокин считал, что общества могут трансформироваться и разные типы в будущем будут интегрированы в целостную систему.

Понятие **интегрального социального типа** соответствует парадигме социологизма. В рамках социологизма социальное объясняется другим социальным, а общественное сознание выступает относительно самостоятельным феноменом, порождающим общественную жизнь. Интегральный тип выступает своего рода теоретической конструкцией процесса социально-диагностической деятельности социолога. Однако интегральный тип имеет не только идеальный (в понимании М. Вебера) но и реальный характер, ибо его проявления поддаются эмпирической верификации.

Понятие интегрального социального типа в научной литературе было введено в 1989 году (А.В. Букалов). Интегральный социотип анализировался как структура взаимодействия сообщества индивидов с внешним миром. Интегральный тип возникает как результат коммуникативного взаимодействия социально-статусных типов в определенной общности. В качестве сообщества индивидов может выступать любая интегрированная группа людей (семья, коллектив, население города, народ) [4]. Пилотажное исследование по методике определения интегральных типов впервые провёл В.В. Пятницкий в 1997 году [13, с. 72–79]. Социодиагностика интегрального типа населения, пострадавшего от аварии на Чернобыльской АЭС, позволило дать конкретные рекомендации по социальной работе с переселенцами [5, с. 3–10].

Методы исследования

Методологической основой исследования выступает структурный функционализм, который выделяет в из-

учаемых социальных процессах устойчивые структуры (социальные типы) и функциональные связи (коммуникативные взаимодействия) между ними. «Социальная структура определяется как всякая повторяющаяся модель социального поведения» [1, с. 299]. Социологические концепции, в основании которых лежит понятие социальной структуры и идея первичности общества по отношению к индивидам, объединяются в западной социологии под термином «структурализм» [1, с. 324]. Понятие интегрального социального типа соотносится с понятием социальной структуры, поскольку также означает устойчивые коммуникативные связи между членами одной общности и устойчивую модель социального поведения.

Эмпирической базой для теоретических выводов и обобщений, сделанных в данной статье, стали результаты исследований, проведённых аспирантами БГПУ им. М. Акмуллы в 2022 г. Было проведено монографическое исследование 379 сотрудников полиции. В качестве типичного объекта был избран Отдел МВД России по г. Нефтекамску. Монографическое исследование включало элементы сплошного исследования (отклонение составило не более 1–3%). Основными методами получения эмпирических данных были следующие: анкетирование, экспертное интервью, включённое наблюдение, социальная диагностика организации, что в совокупности позволило сделать теоретические обобщения и выводы.

Для определения интегрального типа коллектива использовалась методика субъективного шкалирования: респонденту предлагается выбрать из двух противоположных понятий, находящихся на разных полюсах шкалы, то, которое он считает наиболее соответствующим диагностируемой организации. В основе сформулированных вопросов находится дихотомическое деление, основанное на теории типов личности, разработанной К.Г. Юнгом [18, с. 402–492]. Применяются основные полярные шкалы: мышление и чувство, ощущение и интуиция, экстраверсия и интроверсия, рациональность и иррациональность. Чем более развит один полюс дихотомии, тем менее другой. Так, «мышление ориентируется по объекту и по объективным данным» [18, с. 416]. Для чувствующего (эмоционального) типа (личности или общности) характерно субъективное, личностно окрашенное отношение к людям, к предметам и деловым процессам. Мыслительный (логический) тип исходит из необходимости или пользы, которую им даёт вещь или человек. В логических организациях и других стандартных объектах, ценность которой состоит в выполнении должностной функции. Ощущающие (сенсорные) организации отличаются практичностью, ориентацией на опыт. Интуитивные коллективы проявляют склонность к новациям, прогнозированию, умению заглянуть в будущее. Экстравертные организации отличаются открытостью, энергозатратностью и экспансией. Интровертные общности характеризуются такими свойствами как экономность и закрытость. Рациональные организации отличаются такими социальными качествами как планомерность, стабильность, регулярность социальных действий. Иррациональные общности обладают качествами спонтанности, нестабильного, изменчивого социума, ориентацией на альтернативные действия и вариабельность.

Кроме того, была использована контрольная шкала, которую впервые предложил В.В. Гуленко – ориентация на процесс или результат. Процессуальные организации отличаются плавностью и постепенностью действий и событий. Результатные организации отличаются скач-

кообразным путём развития, а способ решения задач ориентирован на нестабильность, зигзагообразное поведение [8, с. 145–147].

Социодиагностика большой общности основывалась на том, что респондент сообщает информацию не о своём социотипе, а об интегральном типе группы и оценивает её с позиции диагностируемого коллектива. Эта информация получена через процедуру социологического исследования с применением метода опроса (анкетирования). Была предложена задача оценить социальные качества и социальное поведение конкретной организации – Отдела МВД России. Восемь признаков (типов) группировались в процессе формулирования вопросов по полярным шкалам: логика-эмоции, сенсорика-интуиция, экстраверсия-интроверсия, рациональность-иррациональность. Далее рассматривается доминирование либо усреднённых характеристик логики, либо усреднённых характеристик эмоций и делается вывод о логическом/эмоциональном характере диагностируемой организации. Та же процедура совершается и в отношении трёх других дихотомических пар. Инструкция к данному заданию стимулировала респондента отвечать с позиции члена коллектива. Опрос, проведённый на статистически достаточной выборке, даёт достоверные сведения об интегральном социотипе коллектива. Для уточнения полученной информации применялось включённое наблюдение и метод экспертного интервью. Социальный тип группы зафиксирован в продуктах её жизнедеятельности. «Социальные факты проявляются не только в вербальных действиях, мнениях, оценках, суждениях, но, прежде всего, в их реальном поведении, материальных и духовных продуктах деятельности, которые в совокупности послужили материалом для социодиагностики» [12, с. 137].

Результаты

Поскольку в реальности мы не наблюдаем абсолютного преобладания одного полюса социальной шкалы, то применяется методологический принцип относительного перевеса одной противоположности над другой, который выявляется через количественное доминирование респондентов, которые субъективно оценили данный полюс шкалы. Далее в таблицах 1–5 будут представлены результаты эмпирического исследования, касающегося оценки доминирующих социальных качеств и повторяющегося поведения в коллективе Отдела МВД по каждой из пяти шкал. По каждой таблице также дан авторский комментарий.

Таблица 1. Оценка сотрудниками социальных качеств Отдела МВД России по шкале логика-эмоции (в процентах)

Логический характер организации	Эмоциональный характер
Спокойствие – 80	Энтузиазм – 20
Учёт в первую очередь деловых и профессиональных качеств – 62	Учёт в первую очередь личностных, человеческих качеств – 37
Официальное, формальное, чисто деловое общение – 49	Дружба, неформальное личностное общение – 51

Как видно из результатов опроса, большинство респондентов считают, что их правоохранительная организация имеет логический характер. Вместе с тем, очевидно, что в коллективе развиты неформальные эмоциональные контакты, которые выполняют компенсирующую функцию и могут быть использованы для повы-

шения эффективности работы органов внутренних дел и оптимизации коммуникативного взаимодействия.

Таблица 2. Оценка сотрудниками социальных качеств Отдела МВД России по шкале сенсорика-интуиция (в процентах)

Сенсорный характер организации	Интуитивный характер организации
Борьба – 52	Уступчивость – 48
Стабильность – 85	Оригинальность – 15
Жизнь сегодняшним днём, без предвидения будущего – 41	Умение предвидеть будущее – 59
Предпочтение проверенных, старых методов работы – 46	Поддержка новых идей – 54
Существуют препятствия для новых предложений по совершенствованию работы – 30	Можно выдвигать новые идеи и предложения по совершенствованию работы – 70

Если суммировать ответы сотрудников правоохранительных органов, то наблюдается доминирование сенсорно-конкретных качеств над абстрактно интуитивными. Экспертные интервью показали, что Отдел МВД в основном ориентируется на прошлое, на накопленный опыт. Слабое место – предвидение будущего. По мнению экспертов, организация ориентируется на задачи сегодняшнего дня. «Умение предвидеть будущее», как оказалось, касается только ближайшей, гарантированной перспективы и, как правило, означает планирование на следующий год. Вместе с тем, организация как целое не склонна заниматься чем-то принципиально новым, не опробованным в социально-политической и правоохранительной практике. Позитивный момент заключается в том, что руководство Отдела МВД открыто для коммуникаций, прислушивается к предложениям по совершенствованию условий и организации труда, поддерживает новые идеи, если они не противоречат достижению главной цели правоохранительных органов. Таким образом, полученные ответы следует интерпретировать не как интуитивно-абстрактный характер организации, а как свидетельство социального развития и совершенствования деятельности начальствующего состава данного Отдела МВД.

Таблица 3. Оценка сотрудниками социальных качеств Отдела МВД России по шкале, экстраверсия-интроверсия (в процентах)

Интровертный характер организации	Экстравертный характер организации
Коллектив пассивный – 23	Коллектив активный – 77
Уступчивость – 48	Борьба – 52
Экономия сил, невмешательство – 46	Активное действие без экономии сил – 54

Анализ по шкале «активность-пассивность» показывает преобладание экстравертного начала в деятельности организации. Очевидно, происходит постепенная, хотя и медленная трансформация российской полиции в направлении открытости и социальной динамики. В то же время, эксперты отметили, что отдел полиции предпочитает избегать конкуренции, много внимания уделяет совершенствованию внутренней структуры, методов труда и качеству работы, что говорит о незначительном преобладании активного начала над пассивным.

Таблица 4. Оценка сотрудниками социальных качеств Отдела МВД России по шкале рациональность-иррациональность (в процентах)

Рациональный характер организации	Иррациональный характер организации
Планомерность, систематичность, последовательность в работе – 75	Постоянные изменения и гибкая реакция на ситуацию – 25
Строгая дисциплина – 80	Свобода действия – 20
Наш коллектив предпочитает действовать регулярно в соответствии с ранее выданной установкой – 50	Наш коллектив предпочитает действовать по ситуации – 50
Коллектив устойчивый и консервативный – 74	Коллектив нестабильный, происходят постоянные изменения – 26

По данным исследования, Отдел полиции тяготеет к дисциплине, порядку и стабильности, что позволяет констатировать рационально-планомерный социальный тип организации. Тот факт, что половина сотрудников отметила, что «коллектив предпочитает действовать по ситуации» следует оценить как развитие в прогрессивном направлении, поскольку в современном динамичном социуме требуются такие свойства как адаптивность и гибкость в тех рамках, которые позволяют выполнять государственную задачу по охране правопорядка и защите прав граждан.

Таблица 5. Оценка сотрудниками социальных качеств Отдела МВД России по шкале процессуальность-результатность (в процентах)

Процессуальный характер организации	Результатный характер организации
Коллектив развивается плавно, стабильно и постепенно – 77	Коллектив развивается неравномерно, скачками, ускорение сменяется замедлением – 23
В нашем коллективе главное – отлаженный процесс, качество, учёт деталей, а не результат – 50	В нашем коллективе на первом месте результат, а не качество процесса и отдельные детали – 50
Наша организация отличается единством, монолитностью – 52	В коллективе нет единства – 48

Данные анкетирования в целом подтвердили гипотезу о процессуальном характере бюрократических организаций, к которым относится российская полиция. С другой стороны, правоохранительным органам нередко приходится действовать в тех ситуациях, в которых неуместны зарегулированность и бюрократический формализм, что и отражено в ответах 50% респондентов, которые считают, что правоохранительные органы ориентированы на результат больше, нежели на бюрократическую отчётность.

Заключение

Совокупность названных признаков, которые в исследовании показали относительный перевес над противоположным полюсом, свидетельствует об интегральном социотипе, который в социоанализе называется «Администратор» (логически-сенсорный экстраверт). Между тем, большинство правоохранительных организаций относятся к социотипу «Инспектор» (логически-сенсорный интроверт).

Коллективы с интегральным типом «Инспектор» отличаются закрытостью, дисциплинированностью и во всём полагаются на распоряжения вышестоящих органов. Они избегают ситуаций, где надо генерировать идеи и проявлять творческий подход. Коллективы с интегральным социотипом «Администратор» отличаются большей критичностью (негативизмом), динамичностью и открытостью, направленностью на взаимодействие с территориальной общностью. Общее у социотипов «Администратор» и «Инспектор» в том, что они «предпочитают твёрдый порядок, неспособны управлять изменчивыми, хаотическими, беспорядочными системами» [3, с. 68]. Но «Администратор» является «экстравертным динамиком, отсюда – его большая лояльность к нововведениям, способность перестроиться на большие территории» [3, с. 68]. Следовательно, трансформация обследованного отдела российской полиции из социотипа «Инспектор» в социотип «Администратор» может быть оценена как положительный социальный процесс. Насколько типична данная тенденция, это следует выяснить в ходе дальнейших исследований.

В начале 2000-х гг. коллектив центра социальных технологий под руководством Ан.А. Ахмадеева и В.Н. Антошкина провел комплексное социологическое исследование по теме «Интегральный социальный тип Альшеевского района Башкирии и посёлка Раевский». Результат социальной диагностики – идентификация данных территориальных общностей по модели социотипа «Администратор» [2, с. 60–62]. Позднее была осуществлена социодиагностика гг. Уфы и Екатеринбурга и была выдвинута гипотеза об интегральном социотипе Уральского региона России». Все эти территориальные образования были также диагностированы как тип «Администратор». Башкирия как республика и российский регион была идентифицирована как социотип «Хранитель» (эмоционально-сенсорный интроверт) [19]. Таким образом, интегральный социотип Отдела МВД России по г. Нефтекамску как группы среднего размера соответствует интегральным социальным типам других больших территориальных общностей. Допустимо сформулировать гипотезу о влиянии интегрального типа территориальной общности на интегральный тип правоохранительной организации. Верификация данной гипотезы требует дополнительных социально-диагностических исследований.

Результаты социальной диагностики интегрального типа Отдела российской полиции могут быть использованы для решения задач оптимизации коммуникативного и управленческого взаимодействия начальствующего и рядового состава в органах внутренних дел, а также для повышения эффективности социальных коммуникаций института полиции и гражданского общества в современной России. В частности, типологические особенности правоохранительных органов определяют их направленность на решение определённых задач, оптимальный рабочий режим, коммуникативные особенности. Так, возможна выдача рекомендаций по реорганизации коллектива, перераспределению рабочих функций и ротации персонала [21]. Если интегральная структура социальных отношений препятствует достижению стоящих перед российской полицией долговременных целей, то необходимо принять меры по коррекции и развитию данной социальной организации.

Литература

1. Аберкромби Н. и др. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б.С. Тернер; пер.с англ. – М.: Изд-во « Экономика», 2000.

2. Антошкин В.Н. Развитие российского общества: социальные законы и социальная модернизация. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2007.
3. Антошкин В.Н. Педагогическая соционика: учебное пособие. – Новосибирск: Сиб. ун-в. изд-во, 2008.
4. Букалов А.В. Общество как психоинформационная система: доклад. – Новосибирск, 1989.
5. Букалов А.В., Карпенко О.Б., Чикирисова Г.В. Соционика, социология и проблема практической реабилитации общественного самосознания, пострадавших от Чернобыльской катастрофы // Соционика, ментология и психология личности. – 1999. – № 3. – С. 3–10.
6. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990.
7. Гиддингс Ф. Основания социологии. – М., 1898.
8. Гуленко В.В. Менеджмент слаженной команды. – Новосибирск: РИПЭЛ, 1995.
9. Данилевский Н.Н. Россия и Европа. – М., 1991.
10. Круль А.С., Антошкин В.Н. Типологический анализ как метод исследования информационной структуры социальных систем // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. – 2012. – № 3 – С. 65–76.
11. Кули Ч. Социальная самость. Американская социологическая мысль. – С. 316–317.
12. Муфтиев Г.Г., Антошкин В.Н. Информационно-коммуникативные технологии управления: монография – М.: РГТЭУ, 2004.
13. Пятницкий В.В. Пилотажное исследование по методике определения интегральных типов // Соционика, ментология и психология личности. – 1997. – № 1. – С. 72–79.
14. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Социологические исследования. – 1993. – № 3, 5.
15. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006.
16. Фромм Э. Иметь или быть? – М., 1986.
17. Юнг К. Архетип и символ. – М., 1991.
18. Юнг К.Г. Психологические типы. – М.: Университетская книга; АСТ, 1996.
19. Antoschkin V.N. ...Sociological Research as a Method of Social Diagnostics // Eusian Journal of Analytical Chemistry. – 2017. – 12(7b):1–9.
20. David Keirse, Marilyn Bates. Please understand me. – Inosology Books Ltd, 1984.
21. Bukalov A.V., Karpenko O.B., Chyruzysova G.V. Effective Management and Staff Consultation with use of Socionics Technologies // Proc. conf. of the British and East European Psychology Group "Psychology in the new Europe: methodology and funding". – Krakow, 2005. – P. 28.

the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the city of Neftekamsk (Bashkiria) are presented. The research of methodology – a structural and functional analysis and its variety – is typological approach process in the line with the paradigm of sociology. The article substantiates the concepts of the social type, social character and social integral type of community. It was found that the integral social type of the surveyed organization has a logical, sensory-specific, extraverted and rational nature. On the basis of empirical research, the methodological principle of the relative preponderance of one pole of the scale over the other or one opposite over the other is used. The novelty of the study is the diagnosis of the integral type of law enforcement organization and the identification of the process of reformation and transformation of the internal affairs bodies in the direction of progressive social evolution. In particular, the development of the institution of the police in the direction of the growth of social dynamics, adaptability and the development of feedback communications was recorded.

Keywords: social type, integral social, Russian research police, sociological research, sociodiagnostics, sociological realism, conducted social and study communicative interaction.

References

1. Abercrombie N. et al. Sociological Dictionary / N. Abercrombie, S. Hill, B.S. Turner; trans. from English. – M.: Publishing house "Economics", 2000.
2. Antoshkin V.N. Development of Russian society: social laws and social modernization. – Ufa: Publishing house of BSPU, 2007.
3. Antoshkin V.N. Pedagogical socionics: textbook. – Novosibirsk: Sib. univ. publishing house, 2008.
4. Bukalov A.V. Society as a psycho-information system: report. – Novosibirsk, 1989.
5. Bukalov A.V., Karpenko O.B., Chikirisova G.V. Socionics, sociology and the problem of practical rehabilitation of public self-consciousness affected by the Chernobyl disaster // Socionics, mentology and personality psychology. – 1999. – No. 3. – C. 3–10.
6. Weber M. Selected works. – M., 1990.
7. Giddings F. Foundations of sociology. – M., 1898.
8. Gulenko V.V. Cohesive team management. – Novosibirsk: RIPEL, 1995.
9. Danilevsky N.N. Russia and Europe. – M., 1991.
10. Krul' A.S., Antoshkin V.N. Typological analysis as a method of researching the information structure of social systems // News of higher educational institutions. Volga region. – 2012. – No. 3 – C. 65–76.
11. Cooley Ch. Social self. American sociological thought. – C. 316–317.
12. Muftiev G.G., Antoshkin V.N. Information and communication technologies of management: monograph – M.: RGTEU, 2004.
13. Pyatnitsky V.V. Pilot study on the methodology for determining integral types // Socionics, mentology and personality psychology. – 1997. – No. 1. – C. 72–79.
14. Riesman D. Some types of character and society // Sociological research. – 1993. – No. 3, 5.
15. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics. – M.: Astrel, 2006.
16. Fromm E. To have or to be? – M., 1986.
17. Jung K. Archetype and symbol. – M., 1991.
18. Jung K.G. Psychological types. – M.: University book; AST, 1996.
19. Antoschkin V.N. ...Sociological Research as a Method of Social Diagnostics // Eusian Journal of Analytical Chemistry. – 2017. – 12(7b):1–9.
20. David Keirse, Marilyn Bates. Please understand me. – Inosology Books Ltd, 1984.
21. Bukalov A.V., Karpenko O.B., Chyruzysova G.V. Effective Management and Staff Consultation with use of Socionics Technologies // Proc. conf. of the British and East European Psychology Group "Psychology in the new Europe: methodology and funding". – Krakow, 2005. – P. 28.

INTEGRAL SOCIAL TYPE AND OPTIMIZATION OF SOCIAL AND COMMUNICATIVE PROCESSES IN A LAW ENFORCEMENT ORGANIZATION

Vyshegurov K.M.

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully

The article substantiates the importance of diagnosing the integral social type of an organization for solving the problems of optimizing communication processes. The purpose of the study is social diagnostics of the integral social type of a law enforcement organization to predict the system of social and communicative relations. The data of a sociological study conducted among employees of

Культурологический дискурс сетевой платформы YouTube

Куницына Наталия Викторовна,

к.ф.н., старший научный сотрудник, кафедра стилистики русского языка, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: nk_presents@bk.ru

Алексамян Жанна Симоновна,

к.ф.н., доцент, кафедра стилистики русского языка, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: Zhannusik73@mail.ru

Сунь Идани,

студент МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: Yiyi020518@gmail.com

Статья посвящена исследованию культурологического дискурса сетевой платформы YouTube. Цифровая широта культурологического пространства неоспорима, активизация интердискурсивных практик помогает людям разных профессий экспериментировать, не бояться открытых дискуссий. Рейтинг репутации и популярности медийной личности соотносится с культурой медиапотребления. Homo mediatus обладает навыками и умениями, помогающими в полной мере раскрыть духовный потенциал: прежде всего речь идет об усвоении конвергентных форм коммуникации. Эта составляющая цифровизации может в какой-то степени нивелировать творческую личность, однако морфологическая природа культурологического дискурса помогает определить ценностные ориентиры – с одной стороны, нарративный, а с другой стороны, прецедентный характер информирования.

Ключевые слова: парадигма культуры, формат сетевой коммуникации, прецедентный характер информирования, речеворечество, жанровые границы и стилистические возможности интервью.

Интердискурсивный анализ медиапотребления обретает все большую популярность в современной интернет-глобализации. «Такие категориальные показатели, как интердискурсивность и коммуникативность, являются отправной точкой отсчета для анализа медиатекста, который синтезирует разные языковые и внеязыковые уровни. «Креолизованный текст» уступает место дайджестовым и поликодовым моделям структурирования, которые воспринимаются как стилистическая модификация журналистского текста» [10, с. 123]. Важно подчеркнуть, что медиатекст, или поликодовый текст, является своеобразным порождением журналистского текста интердискурсивной направленности. «Создаются условия для развития интегрированной системы ценностей, главным действующим «героем» которой является потребитель» [8, с. 445]. Культурологический дискурс в контексте сетевых платформ репрезентирует многофункциональный характер процесса медиапотребления. Научные сферы знаний конвергируются и интегрируются: культурология расширяет свои медийные возможности, при этом укрепляя ценностные границы – речь идет о значимости просветительской составляющей культуры.

«Исходным для культурологического понятия текста является именно тот момент, когда сам факт лингвистической выраженности перестает восприниматься как достойный для того, чтобы высказывание превратилось в текст. Вследствие этого вся масса циркулирующих в коллективе языковых сообщений воспринимается как не-тексты, на фоне которых выделяется группа текстов, обнаруживающих признаки некоторой дополнительной, значимой в данной системе культуры выраженности» [14, с. 133]. Нельзя не оценить высказывание ученого, который раскрывает динамику культурологической парадигмы: «тексты» трансформируются в «не-тексты», синтезирующие «тексты» первоначального языкового уровня функционирования. Мы являемся свидетелями модифицированных современных медиамodelей – «не-текстов», то есть дискурсов, взаимодействующих по принципу интердискурсивности. Исследуя синтагму адресат – адресант, Ю.М. Лотман подчеркивает, что рождение в тексте «новых смыслов» не может не отражать коммуникативную значимость языка и его «речевую целесообразность» [17, с. 117]. Несомненно, современные интернет-платформы добавляют «новые смыслы», поликодовые модусы, в парадигму культуры. Эффективность коммуникации не что иное, как стимул для «погружения» в культурологическую картину мира. «Обратная связь» – один из основных показателей востребованного сетевого сообщества [12].

Цифровая визуализация культурологического контента соотносится с рейтингом репутации и популярности медийной личности. Мы предлагаем рассмотреть музыкально-просветительскую деятельность Артема Варгафтика – журналиста, просветителя, концертмейстера – в парадигме культурологии. Кроме того, беседа Джордана Питерсона со студентами Кембриджского университета и интервью Эрик Юань в Стэнфордской высшей школы бизнеса – убедительный и яркий пример цифровой феноменологии. В ходе нашего исследования также сделан акцент на жанровых, стилевых (сетевых) особенностях интервью как феномена прецедентного

текста. Лингвокультурологический анализ предполагает решение конкретных задач:

- показать действенность стилевой модели «событие – медиасобытие – медиатекст»;
- выявить специфику культурологического дискурса интердискурсивной направленности;
- определить нишевую значимость подкастов в сетевой коммуникации.

Дискурс культуры по природе межличностной интердискурсивной коммуникации обуславливает типологию прецедентного медиафеномена, который, в свою очередь, является отражением ценностного потенциала общества. Изменения в информационных потребностях носителей языка и культуры отразились на характере информирования. Подкасты А. Варгафтика, собранные в сетевом пространстве, – «скрепы» в культурологическом интердискурсе. В сетевом сообществе YouTube на каналах Московской филармонии «Радио России» можно ознакомиться с тематическим многообразием деятельности музыканта-журналиста А. Варгафтика. Серийный подкастинг дает возможность соотнести формат лекций и публичных выступлений, интервью и обзорных зарисовок. «Путешествие» в мир музыки – образец прецедентного медиафеномена: прошлое обретает новые краски и оттенки в рассказах профессионала. «Говорить о музыке – это все равно что танцевать об архитектуре»¹, – известное в музыкальной сфере изречение предстает не в ироническом, а реалистическом контексте: А. Варгафтик будто приближает искусство к реальности, к тому, что может заинтересовать слушателя. Исторические факты биографии композиторов преподносятся не как сухие комментарии к музыкальным произведениям: жизнь и судьба гения воспринимается как часть мироздания. Мы предлагаем остановиться на стилевом анализе интервью с А. Варгафтиком, который был ведущим специального концерта для детей (Музыкальный международный фестиваль, г. Хабаровск, 15 января 2022 года). Отметим, что подробный лингвостилистический обзор подкастов А. Варгафтика дан в цикле статей [4; 5; 9; 10; 12; 13]. Почему именно это интервью? Изучение детской аудитории в просветительском контенте YouTube представляется актуальным с точки зрения воспитательных и культурологических задач.

Интервьюер:

– Однажды у Вас был разговор с Виктором Шендеровичем, который сделал акцент на таком понятии, как «обмузычивание населения». Наверное, он в большей степени имел в виду советское время: постоянные обязательные конкурсы, фестивали... И вы тоже занимаетесь «обмузычиванием населения» – Вы пропагандируете музыку?

А. Варгафтик:

– Да, но только не всего населения. Это те, кому это нужно.

Интервьюер:

– Вы выпускник Гнесенки, могли бы стать оркестрантом-виолончелистом, продолжить сольную карьеру... Но Вы предпочли заняться популяризаторством, продвигать музыку. Это Ваш выбор – почему?

А. Варгафтик:

– В тот момент, когда я делал выбор, от меня ничего не зависело. Все было очевидно, это был «пик на оборот» – в девяностые годы престиж нашей профессии был ниже плинтуса. Но были смежными интересами... И до сих пор мне интересно сообщать что-то новое о му-

зыке. И я знаю, что мои зрители воспринимают музыкальное искусство, даже меняются.

«Смежные интересы» – именно на этом понятии делает акцент А. Варгафтик. Такой культурологический подход объединяет людей разных профессий и поколений.

Интервьюер:

– Можно ли научить любить классическую музыку?

А. Варгафтик:

– Музыка за столько веков вправе выбирать – кому нравиться, а кому нет.

А. Варгафтик не стремится навязать слушателям некие правила и доктрины. Он уверен, что выбор аудитории в пользу классики, случайный или неслучайный, всегда оправдан степенью «погружения» [5]. Сценическое воздействие музыки, будь то вокал или оркестровый концерт – ошеломляющий. Мы понимаем, что живое исполнительское искусство не что иное, как точка отсчета в когнитивной картине мира.

Интервьюер:

– Вы работаете со специально ориентированной, подготовленной и детской аудиторией. У Вас разные принципы открытого диалога?

А. Варгафтик:

– Если речь идет о живой аудитории, то самое важное – найти простые и понятные объяснения. Ни в коем случае не затерминологизировать свое выступление. Ни в коем случае нельзя выходить к аудитории с ощущением: «Как Вы это не знаете?» Они имеют право – «не знать».

Действительно, нельзя не согласиться с профессионалом-публицистом: за каждым термином и музыкальным понятием стоит простая жизнь, и только в случае «погружения» можно глубже проникнуть в тайны музыки. Этот прецедентный, нарративный план – важная составляющая просветительской деятельности А. Варгафтика. Музыкальный код требует неспешной расшифровки. На первый взгляд кажется, что А. Варгафтик делает основной акцент на информации, но в конце концов нас увлекает авторская интерпретация в соотношении с традициями музыкальной культуры.

Интервьюер:

– Выбор концерта для детей – это выбор родителей? Как сделать так, чтобы родители удовлетворяли не только свои амбиции, а дети приняли этот выбор как свой?

А. Варгафтик:

– Но делать ничего не надо. Все сделали для нас и до нас авторы, которые написали свои произведения для детей! Что может быть проще и понятнее, чем сказка «Петя и волк» Прокофьева? И я должен рассказать об этом...

А. Варгафтик подчеркивает мысль о том, что нужно прежде всего работать с информацией, что культура передается из поколения в поколение. Самое главное – интересно рассказать, донести до аудитории веками устоявшиеся ценности. И конечно, утверждение просветителя-рассказчика: «Музыка гораздо больше, чем личность каждого из музыкантов. Она объединяет и слушателей, и исполнителей» – это высокая оценка исполнительского искусства. Профессионал-виолончелист А. Варгафтик, как никто другой, может судить и о музыке, и о великих композиторах, и о тех, кто умеет донести прекрасное до нас – значимость культурологического пространства неоспорима. А. Варгафтик синтезирует исполнительское мастерство и профессиональный опыт журналиста-просветителя, такой когнитивный баланс расширяет границы современной медиакультуры. «Антропоцентрический подход к изучению когнитивной картины мира обретает актуальную современную зна-

¹ Фрэнк Заппа, композитор и певец – один из тех, кому приписывается это изречение.

чимость. Достижения XXI века в какой-то степени обращают нас к далекому прошлому – к греческой культуре, когда ученые стремились гармонизировать макрокосмос – Вселенную и макрокосмос человека» [7, с. 74]. Действительно, музыкально-просветительская деятельность А. Варгафтика репрезентирует процесс персонафикации в социокультурной парадигме XXI века.

Канал «Джордан Питерсон» в YouTube – образец цифровой конвергентности и интерактивности. Диалогизированная форма речи, комментирующий тип информирования – это стилевые критерии массмедийной коммуникации. Рейтинг репутации и популярности Д. Питерсона репрезентирует культурологическую нишу современной коммуникации. Цифровая феноменология и феноменология визуализации соотносятся, что создает условия для развития интердискурсивных практик.

Д. Питерсон – известный клинический психолог, профессор Гарварда и Университета Торонто. «Джордан Питерсона часто называют самым популярным канадцем в мире. Он смог проломить стену отчуждения, незримо стоящую между людьми из академической среды и остальным миром. Ученые и исследователи редко надолго попадают в поле социальных медиа. Джордану это удалось, и более того, его цикл лекций “Карты смысла”, “Личность” набирают все большую популярность в социальных сетях» [15, с. 4]. «Dare, instead, to be dangerous. Dare to be truthful. Dare to articulate yourself, and express (or at least become aware of) what would really justify your life» [18] («Осмелитесь быть опасным. Осмелитесь быть правдивым. Осмелитесь выразить себя или хотя бы утвердиться в том, что действительно оправдывает вашу жизнь»¹).

Рейтинг популярности Д. Питерсона в массмедийном пространстве укрепляется за счет активизации подкастинга. В русскоязычной среде канал «Джордан Питерсон» в YouTube включает библейский цикл лекций, в рубрике «Популярные» большое значение имеют беседа Д. Питерсона и Б. Шапиро [11, с. 184–187], а также другие, не менее значимые интервью. Для тех, кто знаком с деятельностью Д. Питерсона, в меню «Видео» и «Плейлисты» можно найти краткие обзоры, ответы на вопросы пользователей. Кроме того, и другие аккаунты: «Звезды Логоса», «Леня-Мозг», «Бони», «Река перемен» – дают возможность познакомиться с ученым. Мы предлагаем рассмотреть интервью «Jordan Peterson Q&A at Cambridge's Caius College» («Вопросы и ответы Джордана Питерсона в Кембриджском колледже Кайус») как образец легитимной публичной деятельности. Легитимное направление журналистики отражает работу человека, который не только оценивает правовые законы общественно-политической жизни, но и отстаивает стратегию свободных диалогов и мнений. Без сомнения, легитимация интегрирует разные области гуманитарных и технических знаний [6]. Д. Питерсон, как никто другой, отстаивает свободу диалогов и мнений, в его беседе со студентами Кембриджского университета детерминирует свободный, не исключая остротой полемики, речевой план. Утверждение М.М. Бахтина о том, что «понимание созревает лишь в ответе» [1, с. 95], не теряет своей актуальности, а обретает медийную значимость: «Слово рождается в диалоге, как его живая реплика, формируется в диалогическом взаимодействии с чужим словом в предмете... Живое разговорное слово непосредственно и грубо установлено на будущее слово-ответ: оно провоцирует ответ, предвосхищает его и строится в направлении к нему... В известном смысле примат принадлежит именно ответу как началу активно-

му: он создает почву для понимания, активную и заинтересованную изготовку для него. Понимание созревает лишь в ответе. Понимание и ответ диалектически слиты и взаимообуславливают друг друга, одно без другого невозможно» [1, с. 106–107].

Итак, легитимность – открытость – медийная визуализация – эти понятия являются текстоцентрическим ядром диалога ученого и студентов. Вопрос: «With your knowledge of personal psychology what does listening posture look like over time?» («Как со временем меняется характер аудитории?») – отражает ментальность сегодняшнего времени. Д. Питерсон делает акцент на приобретение «отличного навыка» вести беседу: «Learning to make people around you listen to your thoughts is a great technique, owning it, you can have a conversation with anyone» («Научиться заставлять окружающих вас людей прислушиваться к вашим мыслям – это отличный навык, владея им, можно вести беседу с кем угодно»). Мы погружаемся в препозитивный контекст: и оппоненты, и единомышленники психолога ярко освещены о полемическом характере его бесед. И Д. Питерсон невольно в своем ответе воспроизводит современное медиамышление.

Интересно заметить, что такие понятия, как «власть», «свобода слова» и «культурная война», объединены в комментарии Д. Питерсона: «Part of the cultural battle that we all find ourselves enveloped in is partially due to the claim. As a temptation might be powerful enough to bend and destroy you as you attempt to make your way through – the halls of power» («Одна из причин, по которой мы вовлечены в культурную войну, заключается в нашем стремлении к власти. Искушение властью может быть достаточно сильным, чтобы исказить ваше сердце»). Не вызывает сомнения, что «культурная война» – очень «удобная» концепция в мире политических движений, которые могут затушевываться и обретать иной смысл. Кроме того, вопрос, касающийся взглядов консервативной партии, к которой относится Д. Питерсон, является актуальным: «Freedom of speech is something novel largely in our civilization, but we must take into account the degree of its acceptance by people with different political views. For example, in the UK, if you are not an Anglican, you cannot propagate this point of view in the Anglican Church. How can we reconcile this?» («Свобода слова» все еще является новым продуктом нашей цивилизации, но мы должны учитывать степень ее принятия людьми с различными политическими взглядами. Например, в Великобритании, если вы не англиканец, вы не можете распространять свою позицию в англиканской церкви. Как мы можем исправить эту ситуацию?»)

Демократический подход Д. Питерсона к этой проблеме не может не завоевать аудиторию: «We also have to face a changing world. By engaging in political dialogue mediated by free speech» («Нам приходится сталкиваться с меняющимся миром. Мы используем “свободу слова” как средство политического диалога, чтобы найти возможность для перемен». Таким образом, политическая легитимация становится медийным стимулом для культурологии в широком, интердискурсивном, понимании этого слова. Диалог со студентами – это открытая книга для размышлений ученого, для расширения философии «иерархии ценностей» и «социальной ответственности»).

Как и все классические жанры журналистики, интервью претерпело модификацию. Сейчас невозможно представить массмедийную систему без таких процессов, как конвергентность и интерактивность. Нельзя не согласиться с такими, на первый взгляд, противоположными утверждениями: «понятие медиа хронически

¹ Здесь и далее – оригинальный перевод Сунь Идандь.

открыто» [16, с. 40] и «единство медиа – исходная данность» [2, с. 9]. Центрированное и периферийное движение медиасистемы обусловлено феноменом медиатизации: сочетание разных способов коммуникации расширяет и в то же время формирует многофункциональное единое культурологическое пространство XXI века.

Интервью Эрик Юань, основателя Zoom, которое он дал Стэнфордской высшей школе бизнеса, «Eat, Sleep, Zoom – In the months since his company became a global verb, Zoom CEO Eric Yuan has never been busier. Or more exhausted. Or happier» – важная дискурсивная практика для исследований особенностей речетворчества в сетевой коммуникации. Прежде всего важно отметить, что путь Э. Юань – образец трудоемкой работы, которая характеризует его как лидера в своей профессии. В контексте данного интервью стиливое значение слова «доверие» развивается.

1. Доверие – это возможность объединения профессионалов.

«When you build a business and you recruit a team, if there's no trust, there's no speed. At Zoom, we've sort of made it mandatory that everyone should read a book called The Speed of Trust [by Stephen M.R. Covey]. Because every day is full of problems, and if trust exists, people get together more quickly to fix them» («Когда вы создаете компанию и начинаете набирать команду, нет скорости без доверия. В Zoom мы требуем, чтобы каждый сотрудник прочитал книгу Стивена М.Р. Кови (Stephen M.R. Covey) под названием "Скорость доверия". Поскольку есть много проблем, которые возникают каждый день, если между людьми достаточно доверия, они могут объединиться быстрее и сосредоточиться на том, как решить эти проблемы»). Такая позиция Э. Юань синтезирует культурологический и сетевой дискурс. В контексте интервью большое значение имеют знаковые медиатермины: «предпринимательская культура», «потребительская конфиденциальность и безопасность», «вовлеченность пользователей», «виртуальный фон», «культура рекреации». Мы становимся соучастниками медийной парадигмы новых технологических решений.

2. Доверие – это умение общаться.

«How do you think Zoom has changed the way people connect?» На вопрос: меняет ли Zoom общение людей, Эрик Юань отвечает: «It goes back to trust and the power of video. When I was still at Cisco, many of the people on my team worked remotely, and it was hard to build trust, even after three years» («Это все еще восходит к силе доверия и видео. Когда я еще работал в Cisco, многие люди в команде работали удаленно. На самом деле мы часто общаемся друг с другом, но все это делается по электронной почте, в чате или по телефону. Только три года спустя я чувствовал, что всем все еще трудно построить доверие друг с другом»). Коммуникативность – составляющая часть культуры общения: достижения науки объединяют профессионалов, которые стараются донести свои достижения до широкой аудитории.

3. Доверие – это вовлеченность, «погружение» в работу компании.

Запоминается обращение Эрик Юань к широкой аудитории: «Without video, people always think, "I can listen to you while I also do something else". That's human nature. But when you turn on the video, everything changes. People are more engaged, and it's easier to build trust. That's why video is the future of communication» («Без видео люди всегда думают: "Я могу слушать тебя и делать другие дела одновременно". Это человеческая природа. Но когда вы включите видео, все изменится. Люди более вовле-

чены, и легче построить доверие. Вот почему видео – это будущее общения»).

Интервью выходит за рамки жанра и воспринимается как прецедентный феномен современной коммуникации, сетевые технологии помогают найти своего единомышленника. К кому обращается Эрик Юань? Это не только студенты, коллеги-профессионалы, это каждый из нас, желающий найти свою нишу в ценностной картине мира. «Прецедентный феномен именует не один объект внеязыковой действительности, не одно положение дел, не один признак или процесс, а некоторый сложно организованный комплекс ситуаций, некоторый фрагмент картины мира, актуализируя вместе с номинацией его причинные и довольно устойчивые связи с ценностными ориентациями» [3, с. 11].

Такое понятие, как «концепция счастья», соотносит ответы интервьюера и его философию, о которой мы узнаём, оценивая судьбоносный путь Эрик Юань. «Предпринимательская культура – счастье – доверие» – это стиливое единство играет большую роль в рейтинге современного медиабизнеса. Важны знаковые слова Эрик Юань «I really do not think about competitors, because competitors are out of my control. My rule is, always focus on your customers, on your users. That's number one» («Я действительно не обращаю особого внимания на конкурентов, потому что конкуренты находятся вне моего контроля. Мой первый принцип – всегда обращать внимание на наших клиентов»).

Эрик Юань подчеркивает, что цифровая среда – это не просто программирование и совершенствование каналов и платформ, это разнообразие сюжетов и тем. В какой-то степени мы не задумываемся о потребительской составляющей интернет-коммуникации. Адресат, так же как и адресант, является деятельным в процессе цифровизации, стоит обратить внимание на культуру потребления – обновляемая платформа Zoom открыта для нововведений. «We also truly believe that, in the future, video and voice are going to converge into one service. Meaning, for a lot of enterprise customers, their phone-based system will be combined with video conferencing; it will be the same system. That's a huge opportunity. We're also thinking about ways that others can build businesses upon our platform. So, for instance, say you're attending a wedding ceremony on Zoom – with one click, you can send a gift» («Мы твердо верим, что в будущем видео и голос будут интегрированы в один сервис. Это означает, что для многих корпоративных клиентов их телефонная система связи будет объединена с видеоконференциями, чтобы стать единой системой. Это была бы огромная возможность. В то же время мы также рассматриваем возможность создания платформы, которая позволит другим использовать нашу платформу для ведения бизнеса. Например, предположим, что вы посещаете свадьбу через Zoom – вы можете отправить им подарок всего одним щелчком мыши»).

Последний вопрос интересен с познавательной точки зрения.

– What do you want your legacy to be? (Что вы хотите оставить будущим поколениям?)

– Someday in the future, when they write the COVID-19 story, I hope they remember there's a company called Zoom that did the right thing for the world to help people stay connected (В будущем, если кто-то захочет написать историю о COVID-19, я надеюсь, что он помнит, что есть компания под названием Zoom).

Написать историю Zoom – что это значит? В интегрированном культурологическом пространстве понятие «история» модифицируется. Нас привлекают не только первичные значения: «история века», «история изобре-

тений» и так далее. Прежде всего к привычной дефиниции слова «история» добавляются две смысловые парадигмы:

- история, рассказанная конкретным человеком;
- история, обретающая высокий эффект «обратной связи».

Познавательный-когнитивный потенциал сетевой коммуникации и информационная потребность носителей языка и культуры – эти смысловые ипостаси балансируют на уровне активной медиатизации и цифровизации. Коммуникативные и когнитивные стратегии так же важны, как технологические ноу-хау. «Целесообразно вспомнить об изменении значимости в языковой культуре и для языковой культуры отдельных коммуникативных сфер с определенными характеристиками и прежде всего медиасферы с ее новейшими форматами общения и новыми образцами использования языка» [3, с. 12].

Цифровая широта культурологического пространства неоспорима, активизация интердискурсивных практик помогает людям разных профессий экспериментировать, не бояться открытых дискуссий. Рейтинг репутации и популярности медийной личности соотносится с культурой медиапотребления. Homo mediatus обладает навыками и умениями, помогающими в полной мере раскрыть духовный потенциал: прежде всего речь идет об освоении конвергентных форм коммуникации. Эта составляющая цифровизации может в какой-то степени нивелировать творческую личность, однако морфологическая природа культурологического дискурса помогает определить ценностные ориентиры – с одной стороны, нарративный, а с другой стороны, прецедентный характер информирования. А. Варгафтик работает с фактами, балансируя на грани оценочности и объективности, создавая «фрагмент картины мира». Д. Питерсон отнюдь не скрывает своих амбиций и предпочтений и по праву завоевывает миллионную аудиторию. Э. Юань открывает новую страницу для изучения многофункциональной культурной ниши интернет-коммуникации. Без сомнения, лидеры современной эпохи оставляют каждому из нас свободу для творческих решений.

В ходе нашего исследования мы пришли к следующим выводам:

- жанр интервью можно рассматривать как медийный прецедентный феномен потребительской сетевой коммуникации;
- эксплицитный и имплицитный речевой план культурологического дискурса репрезентирует динамику цифровой революции: речь идет о безграничных возможностях визуализации;
- рейтинг репутации и популярности медийной личности является зеркальным отражением культуры медиапотребления, когда акцент сделан на технологии «погружения», когда эффект «обратной связи» становится стратегией и тактикой современной глобализации.

Литература

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худ. лит., 1975. – 502 с.
2. Больц Н. Азбука медиа. – М.: Европа, 2011. – 132 с.
3. Гришаева Л.И. Актуальные тенденции организации текста и плотность внутритекстовых, межтекстовых и интертекстуальных связей // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры, 2021. – С. 11–33.
4. Куницына Н.В. Жанрово-стилевые особенности музыкально-просветительских подкастов А. Вар-

гафтика в YouTube // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел: Орловский гос. ин-т искусств и культуры, 2021. – С. 118–122.

5. Куницына Н.В. Журналистика погружения. Жанровые стратегии и традиции новаторства // Журналист. Социальные коммуникации. – 2021. – № 3. – С. 29–38.
6. Куницына Н.В. Интервью – ток-шоу – подкастинг: классика жанра в контексте медийных трансформаций // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2021. – Т. 2. – № 2. – С. 140–146.
7. Куницына Н.В. Образовательные программы в сетевой коммуникации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2022. – Т. 1. – № 1. – С. 69–76.
8. Куницына Н.В. Приемы создания поликодового текста // Журналистика в 2019 году: творчество, профессия, индустрия: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. / науч. ред. М.И. Макеенко, М.В. Шкондин. – М.: Фак. журн. МГУ, 2020. – С. 445–446.
9. Куницына Н.В. Речевые жанры в сетевом пространстве YouTube // Научно-образовательный потенциал как фактор национальной безопасности: сб. тр. конф. / под ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород: АПНИ, 2021. – С. 60–64.
10. Куницына Н.В. Семиотика культуры в контексте интернет-коммуникации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2021. – Т. 1. – № 4. – С. 122–129.
11. Куницына Н.В. Цифровая феноменология (рейтинг репутации и популярности медийной личности) // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2022. – Т. 2. – № 2. – С. 183–190.
12. Куницына Н.В. Эффект «обратной связи» (по материалам сетевого сообщества YouTube) // Общество, человек, культура: современный контекст гуманитарных исследований: сб. тр. конф. / под ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород: АПНИ, 2021. – С. 9–13.
13. Куницына Н.В., Алексанян Ж.С. Двухязычное образование в формате медиакоммуникации // Социально-гуманитарные знания. – 2021. – № 3. – С. 76–87.
14. Лотман Ю.М. Текст и функция // Избранные статьи: в 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1. – 479 с.
15. Питерсон Д. За гранью порядка: еще 12 правил жизни. – М.: ARGO International, 2021. – 400 с.
16. Степанов М.А. Machina ludens: размерность новых медиа // Международный журнал исследований культуры. – 2011. – № 3. – С. 40–43.
17. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
18. Peterson J. B. 12 Rules for Life: An Antidote to Chaos. – URL: <https://nasihah.net/wp-content/uploads/books/12-Rules-for-Life.pdf>

CULTURAL DISCOURSE OF THE YOUTUBE NETWORK PLATFORM

Kunitsyna N.V., Aleksanyan Z.S., Sun Yidan
Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the study of the cultural discourse of the YouTube network platform. The digital breadth of the cultural space is undeniable, the activation of interdiscursive practices helps people of different professions to experiment, not to be afraid of open discussions. The rating of the reputation and popularity of a media personality correlates with the culture of media consumption. Homo mediatus has skills and abilities that help to fully unleash spiritual potential: first of all, we are talking about the assimilation of convergent forms of communication. This component of digitalization can to some extent neutralize the creative personality, however, the

morphological nature of cultural discourse helps to determine value orientations – on the one hand, narrative, and on the other hand, the precedent nature of information.

Keywords: paradigm of culture, format of network communication, precedent nature of information, speech creation, genre boundaries and stylistic possibilities of interviews.

References

1. Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics. Researches of different years. – M.: Hood. lit., 1975. – 502 p.
2. Bolts N. ABC of media. – Moscow: Europe, 2011. – 132 p.
3. Grishaeva L.I. Current trends in text organization and density of intratextual, intertextual and intertextual connections // Genres and types of text in scientific and media discourse: Sat. scientific tr. / resp. ed. A.G. Pastukhov. – Eagle: Orlovsky state. Institute of Arts and Culture, 2021. – pp. 11–33.
4. Kunitsyna N.V. Genre and style features of musical and educational podcasts by A. Vargaftik on YouTube // Genres and types of text in scientific and media discourse: Sat. scientific tr. / resp. ed. A.G. Pastukhov. – Eagle: Orlovsky state. Institute of Arts and Culture, 2021. – pp. 118–122.
5. Kunitsyna N.V. Immersion journalism. Genre strategies and traditions of innovation // Journalist. Social communications. – 2021. – No. 3. – S. 29–38.
6. Kunitsyna N.V. Interview – talk show – podcasting: classics of the genre in the context of media transformations // Bulletin of the Volga University. V.N. Tatishcheva. – 2021. – Vol. 2. – No. 2. – S. 140–146.
7. Kunitsyna N.V. Educational programs in network communication // Bulletin of the Volga University. V.N. Tatishcheva. – 2022. – V. 1. – No. 1. – S. 69–76.
8. Kunitsyna N.V. Techniques for creating a polycode text // Journalism in 2019: creativity, profession, industry: materials of the Intern. scientific-practical. conf. / scientific ed. M.I. Makeenko, M.V. Shkondin. – M.: Fak. magazine Moscow State University, 2020. – pp. 445–446.
9. Kunitsyna N.V. Speech genres in the YouTube network space // Scientific and educational potential as a factor of national security: Sat. tr. conf. / ed. E.P. Tkacheva. – Belgorod: APNI, 2021. – pp. 60–64.
10. Kunitsyna N.V. Semiotics of culture in the context of Internet communication // Bulletin of the Volga University. V.N. Tatishcheva. – 2021. – Vol. 1. – No. 4. – P. 122–129.
11. Kunitsyna N.V. Digital phenomenology (reputation and popularity rating of a media personality) // Bulletin of the Volga University. V.N. Tatishcheva. – 2022. – V. 2. – No. 2. – S. 183–190.
12. Kunitsyna N.V. The effect of “feedback” (based on the materials of the YouTube network community) // Society, man, culture: the modern context of humanitarian research: coll. tr. conf. / ed. E.P. Tkacheva. – Belgorod: APNI, 2021. – pp. 9–13.
13. Kunitsyna N. V., Aleksanyan Zh.S. Bilingual education in the format of media communication // Social and humanitarian knowledge. – 2021. – No. 3. – S. 76–87.
14. Lotman Yu.M. Text and function // Selected articles: in 3 volumes. – Tallinn: Alexandra, 1992. – Vol. 1. – 479 p.
15. Peterson D. Beyond order: 12 more rules of life. – M.: ARGO International, 2021. – 400 p.
16. Stepanov M.A. Machina ludens: the dimension of new media // International Journal of Cultural Studies. – 2011. – No. 3. – P. 40–43.
17. Shcherba L.V. Selected works on the Russian language. – M.: Uchpedgiz, 1957. – 188 p.
18. Peterson J. B. 12 Rules for Life: An Antidote to Chaos. – URL: <https://nasihah.net/wp-content/uploads/books/12-Rules-for-Life.pdf>

Профессиональный Я-образ руководителей-мужчин и руководителей-женщин

Гуськова Татьяна Андреевна,

магистрант, кафедра психологии, НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет „Синергия“»
E-mail: T.guskova.mos@yandex.ru

Профессиональное сознание – важнейшая категория личностного развития, которая отражает продуктивность усилий, направленных на профессиональное становление личности. При этом особый интерес представляет анализ сложной взаимосвязи гендерной и профессиональной идентичности. Отмечается, что в любом обществе наблюдается условное разделение населения на две группы – люди с прогрессивными взглядами на гендерное распределение ролей и консерваторы, склонные к традиционному распределению социальных полномочий и прав между мужчинами и женщинами. Принадлежность личности к одной из двух групп выступает главным фактором, определяющим специфику и структуру профессионального Я-образа. Отмечено, что профессиональный Я-образ мужчин и женщин-руководителей может варьироваться в зависимости от культурной среды и сферы занятости. Анализ существующих разработок показал, что женщины склонны к так называемому демократическому стилю управления, а мужчины чаще демонстрируют управленческий авторитаризм. Женским Я-образам свойственна ориентация на внешний контекст, учет внешнего вида и восприятия личности окружающими, тогда как мужчины в большей степени сосредоточены на внутренних аспектах профессионального профиля. В заключение автор делает вывод о том, что современная практика управления демонстрирует, что феминный профессиональный Я-образ оказывается более желательным при найме представителя администрации, что связано с гуманистическими и психологическими концепциями, набирающими популярность в бизнес-практике.

Ключевые слова: Я-образ, профессиональный я-образ, управленческие компетенции, профессиональное сознание, гендер, демократический стиль управления, авторитарный стиль управления, ролевой конфликт

На сегодняшний день в отечественном и зарубежном научном массиве накоплено колоссальное количество разработок в области формирования знаний и наращивания управленческих компетенций; глубоко исследованы профессионально важные качества кадров, занимающих руководящие посты; всестороннему анализу были подвергнуты различные аспекты личностно-профессионального становления [6, с. 108]. При этом гендерная специфика в структуре профессионального профиля руководителя незаслуженно остается на периферии научного внимания. В данной связи нам представляется актуальным изучение Я-образа профессионала в гендерном контексте, особенно при учете текущей динамики изменений в представлениях о роли мужчин и женщин в современном обществе.

Профессиональное сознание – важнейшая категория личностного развития, которая отражает продуктивность усилий, направленных на профессиональное становление личности. Кроме того, профессиональное самосознание можно рассматривать в качестве комплексного личностно-регулятивного механизма профессиональной деятельности, сущность которого заключается в оценке собственных профессиональных качеств, достижений, а также в планировании направлений профессионального саморазвития [11]. Можно также добавить, что профессиональное сознание выражается и в компаративном анализе собственного профессионального статуса и статуса своих коллег и знакомых.

Как известно, исследователи выделяют различные типы образов Я: реальное, зеркальное, идеальное, «образ тела», «схема тела», социальное Я, феноменальное, беспомощное, межперсональное, фальшивое Я, настоящее, динамическое, фактическое, вероятное, идеализированное Я, ретроспективное, проспективное Я. Кроме того, в Я-концепции выделяют три компонента: Я-реальное, Я-идеальное и Я-зеркальное, каждый из которых включает в себя такие аспекты, как физическое Я, социальное Я, умственное Я, эмоциональное Я. Данные аспекты коррелируют с компонентами структуры самосознания – аффективным, конативным, когнитивным [6, с. 109].

При этом, гармонично сформированный образ Я выступает базисом для достижения высокого уровня профессионализма [9, с. 27] (профессиональный Я-образ). Таким образом, фундаментальным компонентом профессионального самосознания является Я-образ – точнее, тот его сегмент, которых находится во взаимосвязи с карьерным и трудовым аспектом жизнедеятельности личности. В общем виде структура профессионального самосознания может быть представлена в виде совокупности следующих компонентов: (1) осознание участия в профессиональной общности; (2) объективное знание и субъективное мнение о степени соответствия профессиональным эталонам; (3) знание сильных и слабых сторон собственной личности, понимание путей и способов самосовершенствования, учет вероятных «зон неудач»; (4) ретроспективные и проспективные представления о собственном профессиональном развитии, прогностические суждения о мере возможного развития профессиональных качеств и о потенциале карьерного роста [11].

Профессиональный образ *Я*, таким образом, можно определить как вербализованный, оформленный сознательный, или, напротив, неосознаваемый результат осознания и оценки самого себя как представителя определенной профессии [10, с. 23]. Следует подчеркнуть, что профессиональный образ *Я* нельзя считать константной, фиксированной внутриличностной формацией – напротив, профессиональный *Я*-образ крайне изменчив и способен к развитию по ходу профессионального становления. Кроме того, другие я индивида оказывают влияние на формирования профессионального *Я*; при изменении в одном из компонентов *Я* могут произойти изменения и в самовосприятии себя как профессионала.

Профессиональный *Я*-образ относительно недавно стал объектом внимания *gender studies* (гендерных исследований) – сначала в зарубежной, а потом в отечественной науке. Благодаря данному вектору научно-исследовательских теоретических и экспериментальных разработок было достоверно доказано, что социально-психологический пол личности следует считать критически важным фактором, обуславливающим развитие профессионального образа *Я*. При этом особый интерес представляют исследования, посвященные анализу сложной взаимосвязи гендерной и профессиональной идентичности, а также изучению вариаций в профессиональном образе *Я* в различных возрастных когортах, в разных этнокультурных средах, в контексте дихотомии «*Я*-образ руководителя – *Я*-образ подчиненного».

Безусловно, процессы становления гендерной и профессиональной идентичности протекают одновременно, но, при этом, назвать их параллельными однозначно нельзя. Два компонента структуры *Я* находятся в постоянной взаимосвязи, в связи с чем дифференциация конкретных личностных характеристик самосознания как исключительно гендерных или исключительно профессиональных возможна далеко не всегда.

Можно сказать, что существенная часть современных исследований посвящена рассмотрению профессионального *Я*-образа женщин, что отчасти можно объяснить стремлением к восстановлению гендерного баланса – женщины относительно недавно стали массово представлены в профессионально-трудовой сфере функционирования социума, в связи с чем рассмотрение специфики *Я*-образа женщин представляет больший интерес. Кроме того, достаточно давно доказано, что самооценка женщин, в том числе и в трудовой сфере, в большей степени нестабильна, что качественно снижает характеристики их собственного *Я*-образа и негативно сказывается на их амбициях в плане карьерного роста и зарплатных притязаний.

Не отрицая важность и актуальность подобных «диспропорциональных» – в положительном смысле – исследований, мы, в свою очередь, отметим, что проблема интеграции гендерного и профессионального *Я*-образов априори не может быть только женской; лица мужского пола также сталкиваются с проблемами искажения аксиологии, деформациями личностно-профессионального развития, снижением самооценки и иными проблемами, отрицательно сказывающимися на их профессиональном *Я*-образе. Более того, совместное рассмотрение *Я*-образов мужчин и женщин представляет интерес и по той причине, что они находятся во взаимовлиянии (к примеру, низкая профессиональная самооценка женщин нередко стимулирует коллег-мужчин к карьерному продвижению).

Как правило, в любом обществе можно отметить условное разделение населения на две группы – люди с прогрессивными взглядами на гендерное распределение ролей и консерваторы, склонные к традиционному

распределению социальных полномочий и прав. Принадлежность личности к одной из двух групп будет, пожалуй, выступать главным фактором, определяющим специфику и структуру профессионального *Я*-образа. При этом нельзя отрицать и постепенный отход ответственности от стереотипов о гендерной специализации; «теперь успешный руководитель – это не обязательно мужчина» [3, с. 244]. Несмотря на это, количество людей, полагающих, что полномочия женщины должны быть ограничены рамками «сохранения очага», до сих пор значительно. По нашему мнению, противоречивость представлений о предназначении мужчины и женщины демонстрирует тот факт, что российское общество находится в фазе трансформации традиционных социальных и личностных установок. Можно сказать, что сферой, где подобные модификации отражаются наиболее наглядно, выступает сфера семейно-брачных отношений: мужчины перестают занимать доминирующую позицию и все чаще склоняются к демократическому подходу к семье и браку; можно отметить и возросшее количество семей, для которых характерны «матриархальные начала» [3, с. 244], что, безусловно, служит индикатором деструкции традиционных взглядов на семью и на роль женщины.

Обобщенные представления о распределении гендерных ролей выступают базисом, на котором строится и эволюционирует профессиональный *Я*-образ. Разрушение – полное или частичное – стереотипов о месте женщины в социуме вполне ожидаемо привело к тому, что все большее число женщин занимают руководящие должности – даже в отраслях, считавшихся ранее исключительно «мужскими» [9, с. 28].

Отметим, что сотрудники наукоемких и высокотехнологических отраслей, а также работники творческой сферы демонстрируют меньшую склонность к консерватизму в отношении полномочий женщин на рабочих местах. Представители вышеперечисленных профессиональных сред оказываются в меньшей степени склонны к дифференциации *Я*-образов мужчин и женщин. Тем не менее, некоторое «сохранение гендерной сегрегации в нарождающихся профессиональных нишах, закрепляемой гендерными стереотипами», все же присутствует [12, с. 63].

Следует отдельно подчеркнуть, что профессиональный *Я*-образ руководителей-мужчин и женщин является культурно-маркированной категорией, глубоко укорененной в ментальности и этнико-религиозном бэкграунде социальной структуры. Р. Кортис и В. Кассар выражают схожий тезис: несмотря на успехи, достигнутые женщинами-руководителями, во многих культурах по-прежнему преобладают негативные стереотипы о женщинах-лидерах. При этом, вне зависимости от конкретной культурной среды, предвзятое отношение к женщинам-руководителям формируется на базе убеждения о том, что женщина не способна занимать руководящую должность, так как профессиональный профиль руководителя априори основан на маскулинных чертах личности. Влияние стереотипных представлений о женщинах на руководящих должностях порождают идею о том, что наличие традиционных мужских качеств характера является залогом профессионального успеха, что вынуждает женщин руководителей следовать принципу «думать как менеджер – значит, думать как мужчина» [13, с. 152]. Несмотря на то, что в мировой корпоративной практике уже накоплено множество кейсов – «историй успеха» – женщин-топ-менеджеров, ставших успешными во многом благодаря «мужским» поведенческим паттернам, нельзя сказать, что профессиональный *Я*-образ в данном случае отличается аутентичностью и сбалансированностью; Р. Кортис и В. Кас-

сар именуют подобных руководителей-женщин «имитаторами» маскулинных Я-образов [13, с. 152].

С другой стороны, налицо дисбаланс в представлениях об идеальных руководителях-мужчинах и руководителях-женщинах: женщины, склонные к прямолинейности, граничащей с агрессией, властности, оказываются «маркированными» профессиональным коллективом и обретают различные негативно-оценочные ярлыки, однако, мужчина, следующий аналогичной коммуникативно-поведенческой стратегии, будет считаться эффективным руководителем. Подобные стереотипы и навешивание ярлыков формируют аутостереотипы – упрощенные представления о самом себе, которые, в свою очередь, негативно сказываются на профессиональном Я-образе лиц обоих полов.

Экспериментальные и диагностические исследования, посвященные вопросам гендерного равенства, корреляции Я-образа и гендера, а также гендера и реальной продуктивности трудовой деятельности, как правило, доказывают отсутствие ощутимых различий между женщинами и мужчинами в плане эффективности руководства. Однако структура и наполнение профессионального Я-образа руководителей-женщин и мужчин обнаруживают ощутимые различия. В работе А.Н. Мубараковой, к примеру, указано следующее: «женщина вынуждена постоянно доказывать, как себе, так и окружающим, что в этой профессии и сфере деятельности она также может достигнуть успеха и быть эффективным руководителем» [9, с. 28]. Идеальный профессиональный Я-образ женщины-руководителя исследователи описывают следующим образом: «яркая личность, которая не утратила женственности, строгая и настойчивая, физически и интеллектуально активна». Кроме того, в перечень обязательных черт к портрету женщины-руководителя включается умение воспринимать критику, целенаправленность, уверенность в себе (в противовес самоуверенности).

Абсолютное большинство российских и зарубежных исследователей сходятся во мнении о том, что женщины склонны к так называемому демократическому стилю коммуникации и управления, а мужчины чаще демонстрируют управленческий авторитаризм. Модель управления, в свою очередь, является одним из «продуктов» Я-образа. Мужчины чаще воспитывают в себе высокую стабильную самооценку; в ситуации изменения внешней среды они не склонны пересматривать собственную Я-концепцию, в меньшей степени подвержены внешнему влиянию. Я-образ женщин, занимающих высокие посты, стабилен в меньшей степени, а зависимость от текущего положения дел и мнений окружающих у них существенно выше. Женщины, таким образом, «реагируют на широкий круг социальных детерминант»; прислушиваясь к мнениям окружающих, они корректируют свои поведенческие стратегии [9, с. 28]. Конформность, внешний локус контроля, зависимость от среды – все это приводит к снижению степени принятия себя и не-объективности при самооценке профессиональных качеств [6, с. 111].

Подобная структура профессионального Я-образа, по мнению ряда исследователей, выступает ключевой причиной низкого уровня представленности лиц женского пола в руководствах крупных компаний. Отметим, что речь, безусловно, идет о неких усредненных показателях, полученных многими исследователями [1; 7; 8; 11 и др.], поэтому данные тезисы не являются аксиоматическими в отношении каждого руководителя, а отображают лишь общий тренд гендерных вариаций Я-образа среди управленцев.

Несмотря на вышесказанное, особенности профессионального Я-образа, присущие руководителям жен-

ского пола, можно рассматривать с положительной стороны. Изменение управленческой парадигмы и ее поворот к гуманистическим ценностям и социальной ответственности влечет за собой пересмотр представлений об идеальном руководителе. Т.В. Кулакова, к примеру, говорит о том, что сегодня при найме руководителя компании все чаще отдают предпочтение соискателям-женщинам, так как они способны благотворно повлиять на корпоративную среду, объединить трудовой коллектив, проявлять эмпатию и мотивировать подчиненных. Качества, считающиеся доминирующими в Я-образе мужчин-руководителей и ранее считавшиеся положительными – консерватизм, прямолинейность, игнорирование обратной связи – переходят в разряд нежелательных [5, с. 43].

Структура профессионального Я-образа женщин, указывает А. Пич, гораздо более сложная, причем его структурные компоненты находятся в отношениях взаимосвязи; среди специфических компонентов профессионального Я-образа женщины-руководителей можно выделить субъективные суждения о собственном внешнем виде и его соответствие образу идеального руководителя, представления о значимости собственных образовательных и академических достижениях, признание коллективом и членами семьи; в структуре образа Я женщин присутствует, помимо прочего, аффективно-эмоциональный компонент и морально-этические оценки собственной личности. Данные компоненты в профессиональном Я-образе мужчин-руководителей либо не выражены в принципе, либо оказываются менее значимыми [14, с. 5]. Можно сказать, что общей чертой профессионального Я-образа руководителей обоих полов выступают представления о внешних объективных показателях благополучия – уровне дохода, социальном статусе, месте и роли в компании [2, с. 117].

В заключение следует рассмотреть вопросы ролевого конфликта, оказывающего влияние на формирование гармоничного Я-образа руководителя-женщины. А.Н. Мубаракова справедливо отмечает, что современной женщине «неизменно необходимо объединять роль руководителя на работе и исполнителя в домашнем хозяйстве» [9, с. 28]. Работающие женщины, указывают О.Г. Митрофанова и А.А. Сахаревич, «попадают в ситуацию двойной занятости», что негативно влияет на формирование как личностного Я-образа, так и Я-образа профессионала [8, с. 7]. Подобное противоречие между гендерным и профессиональным образами Я оказывает деструктивное воздействие на целостность самосознания женщин [6, с. 112]. По Н.В. Кулагиной, источник гендерного внутриличностного конфликта – многолетнее пребывание в состоянии ролевой напряженности, продолжительное ощущение трудности при выполнении ролевых обязанностей (исследователь именует данную ситуацию «ролевой конфликт работающей женщины» [4, с. 141]). Среди мужчин состояние ролевой напряженности также встречается (хотя и значительно реже): мужчина-руководитель может столкнуться с кризисом маскулинности, со страхом приобретения фемининности.

Таким образом, сравнительный анализ профессиональных Я-образов мужчин и женщин, занимающих руководящие посты, показывает, что женщины склонны применять в управленческой деятельности демократический стиль управления, а мужчины в большей степени предпочитают авторитарную коммуникацию. Кроме того, отметим сложность и многофакторность профессионального Я-образа женщин в сравнении с мужчинами; зависимость от динамики внешней среды, присущая женщинам-руководителям, приводит к тому, что

их профессиональных образ Я оказывается нестабильным и во многом зависит от экстерналичных факторов. Кроме того, формирование профессионального образа Я у женщин-руководителей может быть осложнено ролевым гендерно-профессиональным конфликтом. Можно сказать, что в контексте традиционного менеджмента качества, в большей степени присущие мужчинам, воспринимаются как желательные для лидерских позиций, но сегодня наука и практика управления показывает обратную тенденцию: феминный профессиональный Я-образ оказывается более желательным при найме представителя администрации, что, возможно, связано с гуманистическими и психологическими концепциями, набирающими популярность в бизнес-практике.

Литература

1. Ильиных, С.А. Профессиональная карьера в гендерном измерении / С.А. Ильиных, М.М. Бычкова // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 4. – С. 22–26.
2. Козьмина, Л.Б. Особенности психологического благополучия и удовлетворенности трудом женщин разных возрастных групп / Л.Б. Козьмина // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 2 (94). – С. 116–121.
3. Колесникова, А.А. Образ современной женщины-руководителя / А.А. Колесникова, Н.А. Ширинкина // ИСОМ. – 2014. – № 6–2. – С. 242–245.
4. Кулагина, Н.В. Внутриличностный гендерный конфликт профессиональной роли у работающих мужчин и женщин: состояние проблемы и некоторые пути её решения / Н.В. Кулагина // Психолог. – 2013. – № 2. – С. 138–228.
5. Кулакова, Т.В. Особенности гендерных различий стиля управления / Т.В. Кулакова // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2015. – № 1 (6). – С. 43–45.
6. Лупенко, Н.Н. Взаимосвязь тендерного и профессионального образов Я и проблема самоактуализации личности руководителя / Н.Н. Лупенко // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 73–2. – С. 108–112.
7. Лупенко, Н.Н. Взаимосвязь гендерного и профессионального образов Я в структуре самосознания личности руководителя: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.01 / Н.Н. Лупенко; [Место защиты: Кубан. гос. ун-т]. – Краснодар, 2008. – 197 с.
8. Митрофанова, О.Г. Психологическое благополучие и самооценка профессиональной востребованности у руководителей-женщин и руководителей-мужчин / О.Г. Митрофанова, А.А. Сахаревич // Огарёв-Online. – 2020. – № 11 (148). – 7 с.
9. Мубаракова, А.Н. Профессиональный я-образ руководителей мужчин и руководителей женщин / А.Н. Мубаракова // Universum: психология и образование. – 2021. – № 9 (87). – С. 27–29.
10. Ожигова, Л.Н. Гендерная и профессиональная самооценка у мужчин на первом этапе профессионального становления / Л.Н. Ожигова, Н.Н. Лупенко // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 7. – С. 22–24.
11. Осёдло, В.И. Теоретические аспекты профессионального «я-образа» личности / В.И. Осёдло, В.Ф. Винтоняк // Психология и право. – 2013. – Том 3. – № 2. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61025.shtml>. – Дата доступа: 02.12.2022.

12. Савинская, О.Б. Почему женщины уходят из stem: роль стереотипов / О.Б. Савинская, Н.В. Лебедева // Женщина в российском обществе. – 2020. – № 2. – С. 62–75.
13. Cortis, R. Perceptions of and about women as managers: Investigating job involvement, self-esteem and attitudes / R. Cortis, V. Cassar // Women In Management Review. – 2005. – #20. – С. 149–164.
14. Peach, A. Self-Esteem and Attitudes Towards Women in the Work Force / A. Peach. – Lebanon: McKendree University, 2013. – 15 p.

PROFESSIONAL SELF-PERCEPTION OF MEN AND WOMEN LEADERS

Guskova T.A.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

Professional self-perception is the most important category of personal development, which reflects the productivity of efforts aimed at the professional development of the individual. At the same time, the analysis of the complex relationship between gender and professional identity is of particular interest. It is noted that in any society, a conditional division of the population into two groups can be noted – people with progressive views on the gender distribution of roles and conservatives, who are prone to the traditional distribution of social powers and rights between men and women. Belonging to one of the two groups is the main factor that determines the specifics and structure of the professional self-image. It is noted that the professional self-image of men and women leaders may vary depending on the cultural environment and the field of employment. An analysis of existing developments has shown that women are prone to the so-called democratic style of communication and management, while men more often demonstrate managerial authoritarianism. Female self-images tend to focus on the external context, taking into account the appearance, the perception of the personality by others, while men are more focused on the internal aspects of the professional profile. In conclusion, the author concludes that modern management practice demonstrates that a feminine professional self-image is more desirable when hiring an administration representative, which may be caused by humanistic and psychological concepts that are gaining popularity in business practice.

Keywords: self-perception, professional self-perception, management competences, professional consciousness, gender, democratic management style, authoritarian management style, role conflict.

References

1. Ilyinykh, S.A. Professional career in gender dimension / S.A. Ilyinykh, M.M. Bychkova // Theory and practice of social development. – 2018. – No. 4. – S. 22–26.
2. Kozmina, L.B. Features of psychological well-being and job satisfaction of women of different age groups / L.B. Kozmina // Society: sociology, psychology, pedagogy. – 2022. – No. 2 (94). – S. 116–121.
3. Kolesnikova, A.A. The image of a modern woman leader / A.A. Kolesnikova, N.A. Shirinkina // ISOM. – 2014. – No. 6–2. – S. 242–245.
4. Kulagina, N.V. Intrapersonal gender conflict of the professional role of working men and women: the state of the problem and some ways to solve it / N.V. Kulagina // Psychologist. – 2013. – No. 2. – P. 138–228.
5. Kulakova, T.V. Peculiarities of gender differences in management style / T.V. Kulakova // Actual problems of the present: science and society. – 2015. – No. 1 (6). – S. 43–45.
6. Lupenko, N.N. The relationship of gender and professional images I and the problem of self-actualization of the leader's personality / N.N. Lupenko // Izvestiya RGPU im. A.I. Herzen. – 2008. – No. 73–2. – S. 108–112.
7. Lupenko, N.N. The relationship of gender and professional images of I in the structure of self-consciousness of the leader's personality: dissertation ... candidate of psychological sciences: 19.00.01 / N.N. Lupenko; [Place of defense: Kuban. state university]. – Krasnodar, 2008. – 197 p.
8. Mitrofanova, O.G. Psychological well-being and self-assessment of professional demand among women and men lead-

- ers / O.G. Mitrofanova, A.A. Sakharevich // Ogaryov-Online. – 2020. – No. 11 (148). – 7 s.
9. Mubarakova, A.N. Professional self-image of men and women leaders / A.N. Mubarakova // *Universum: psychology and education*. – 2021. – No. 9 (87). – S. 27–29.
 10. Ozhigova, L.N. Gender and professional self-esteem in men at the first stage of professional development / L.N. Ozhigova, N.N. Lupenko // *Society: sociology, psychology, pedagogy*. – 2016. – No. 7. – S. 22–24.
 11. Osedlo, V.I. Theoretical aspects of the professional “I-image” of a person / V.I. Osedlo, V.F. Vintonyak // *Psychology and Law*. – 2013. – Volume 3. – No. 2. [Electronic resource] Access mode: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n2/61025.shtml>. – Date of access: 02.12.2022.
 12. Savinskaya, O.B. Why women leave the stem: the role of stereotypes / O.B. Savinskaya, N.V. Lebedeva // *Woman in Russian society*. – 2020. – No. 2. – S. 62–75.
 13. Cortis, R. Perceptions of and about women as managers: Investigating job contributions, self-esteem and attitudes / R. Cortis, V. Cassar // *Women In Management Review*. – 2005. – #20. – C. 149–164.
 14. Peach, A. Self-Esteem and Attitudes Towards Women in the Work Force / A. Peach. – Lebanon: McKendree University, 2013. – 15 p.